

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО • ВАДИМ ПАНОВ • ОЛЕГ
ДИВОВ • ЮРИЙ ИВАНОВИЧ • ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ • АНДРЕЙ БАЛАБУХА
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО •
ВАДИМ ПАНОВ • ОЛЕГ ДИВОВ • ЮРИЙ
ИВАНОВИЧ • ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ •
АНДРЕЙ БАЛАБУХА • ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ
ВАДИМ ПАНОВ
ОЛЕГ ДИВОВ
СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО
ЮРИЙ ИВАНОВИЧ
ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ
АНДРЕЙ БАЛАБУХА
ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
ВИКТОР ТОЧИНОВ
АРТУР ПОРДЖЕС
БОРИС ДОЛИНГО
АНАТОЛИЙ ШАЛИН

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

МОСКВА

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления художника *А. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Составитель сборника *В. Головачёв*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

К77 Красная машина, черный пистолет. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 768 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-80939-4

Время Света изуродовало Землю, превратило цветущие поля в Зандр, города — в вулканы, а горы — в моря. Дороги исчезли... Все дороги: и асфальтовые, и грунтовые, и железные, и магнитные, и даже многие тропы... Несколько месяцев люди, предоставленные сами себе, выживали как могли, но потом появились первые торговые караваны, которые вскоре стали называть броневыми. Ведь они были защищены от любых неприятностей, плохих дорог, злых людей и не менее злых животных. И караваны дали надежду...

В мезозойскую эру Землю посетил корабль инопланетян, которые случайно оставили в труднодоступном районе Скалистых гор робота. Согласно программе, робот нацелен на сбор образцов весом от ста сорока пяти до ста семидесяти пяти фунтов...

Молодой и амбициозный британский математик устраивается в заштатный американский институт, имеющий сомнительную репутацию среди ученых. Цель англичанина — стать правой рукой директора института Кларка, которого он считает новым Эйнштейном...

Сергей Лукьяненко, Вадим Панов, Олег Дивов, Василий Головачёв и другие суперзвезды отечественной и зарубежной фантастики в сборнике остросюжетных повестей и рассказов!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Балабуха А., Вереснев И., Головачёв В., Дивов О.,
Долянто Б., Иванович Ю., Кудрявцев Л.,
Лукьяненко С., Назаров В., Панов В., Порджес А.,
Прашкевич Г., Точинюв В., Шалин А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-80939-4

реди других поджанров фантастики приключенческий занимает особое место. С одной стороны, узколобыми критиками он воспринимается как «низкий», предназначенный удовлетворять невзыскательные вкусы «среднемассового» читателя, так сказать, толпы. С другой — именно приключенческая сторона литературы имеет наивысший спрос в среде ученых, да и вообще всех, кто любит острый сюжет и активный образ жизни, тяготеет к соревновательному процессу и с удовольствием сопереживает вместе с героями книг удивительные жизни.

Как говорил Стефан Цвейг: «Нет ничего увлекательней правды, кажущейся неправдоподобной». Этот афоризм удивительно точно передает суть приключенческо-фантастического жанра, что и порождает непреходящий интерес к нему миллионов читателей, особенно молодежи.

Меня всегда увлекала необычность ситуаций, в которых оказывались герои фантастических произведений, но более всего, если они — герои — способны были мобилизовать все свои силы и защитить любимых, друзей, родичей и просто спутников жизни от негодяев всех мастей и убийц, так горячо любимых поп-культурой Запада. А ведь приключенческий жанр — трудная стезя, им владеет далеко не каждый автор остросюжетных боевиков. Для правдивого описания невероятных ситуаций автору самому надо уметь проявлять чудеса изобретательности, находчивости и дерзости, самому уметь выходить побе-

★ дителем из боя, самому биться за справедливость на всех уровнях.

Кстати, не чурались приключенческих сюжетов и классики. Вспомним хотя бы «Метель» Александра Сергеевича Пушкина, «Аэлиту» и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого, «Продавца воздуха» Александра Беляева, «На краю Ойкумены» Ивана Ефремова, сказочные повести Николая Васильевича Гоголя. Любили приключения и мастера жанра, наши соотечественники братья Стругацкие, Вадим Шефнер, Георгий Мартынов, Зиновий Юрьев, зарубежные писатели — Айзек Азимов, Пол Андерсон, Гарри Гаррисон, Клиффорд Саймак и другие. И читались их произведения запоем!

Поэтому с чистой совестью предлагаю читателю фантастики данный сборник, полный самых невероятных приключений в пространстве, во времени и даже в психике. Не пожалеете, взяв в руки книгу. Ибо здесь собраны рассказы и повести авторов, хорошо известных как в России, так и за рубежом: Сергея Лукьяненко, Олега Дивова, Вадима Панова, Юрия Ивановича и других, не менее «крутых».

Все они — разные люди с индивидуальным опытом и знаниями, и рассказы их тоже различаются по стилю, подходу к проблемам, выбору пути героя и задачам, которые те ставят перед собой. Но в одном они близки: их проза не дает шанса читателю заскучать, зевнуть и закрыть книгу, не дочитав рассказа!

В добрый путь, уважаемый читатель! Хороших тебе переживаний.

Василий В. ГОЛОВАЧЕВ

ПОЛОСА ПРЕПЯТСТВИЙ

АТТРАКЦИОН БЕЗНАДЕГА

старых инструкциях писали, что при повышенном уровне радиации ни в коем случае нельзя курить. Мол, табак вытягивает из почвы кучу канцерогенного дерьма, которое плюсуется к гребаному облучению, что шпарит от каждого камня, и все вместе способно вызвать в недрах моих кишок опа-асную болезнь...

Шутники, чтоб их всех на атомы разложило...

Покажите мне настолько опа-асную заразу, что она способна прикончить раньше «химии», «кислоты», агрессивных биологических примесей, пули, огнемета, ножа или отсутствия жратвы. Оценили шутку? Гребаная болезнь может меня убить... Только для этого ей придется встать в гребаную очередь, и, скорее всего, ее затолкают в самый хвост...

Курить нельзя...

После Времени Света никто из моих друзей не бросил. Из выживших друзей, разумеется, потому что сгоревшие не в счет. А если кто и бросил, то только потому, что не смог достать сигарет и отвык: вместо табака народ стал сеять съедобное и только съедобное, и планета больше года жила на старых запасах курева. Потом фермеры опомнились, сообразили, за что люди готовы сбрасывать радиотаблы в диких количествах, и в кисетах появился свежий, безумно дорогой и круто канцерогенный табачок. А поскольку с бумагой теперь еще хуже, чем с табаком, приходится пользоваться трубку.

Но лучше так, чем совсем без курева...

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Если табаку повезет, в графе «причина смерти» у Визиря появится отметка: «выхаркал легкие с кровью, спасибо пагубной привычке», однако сегодня именно курево спасло комби от неминуемой смерти. Почему? Потому что «баскервили» ненавидят табачный дым — есть у них такая особенность, а нервничающие «баскервили» не способны похвастаться должной выдержкой. А выдержка в Зандре важна не меньше хорошо развитой внимательности, мгновенной реакции и умению метко стрелять. В общем...

В общем, когда Гарик заметил фургон, уткнувшийся в коричневый, наполовину обросший пятнами медузы валун, он сбросил скорость и внимательно огляделся, стараясь не упустить ни одной детали.

Никого.

И ничего подозрительного. Ни движения. Ни шумного дыхания. Ни шуршания...

Встроенный в комби тепловизор отчитался, что за камнями слева и в двух небольших оврагах справа — в наиболее удобных для засады местах — живые существа отсутствуют, а вот в кузове фургона их минимум пять. Лежат смирно, дышат, молчат, идентифицировать не удастся, потому что изнутри фургон обшит какой-то отражающей дрянью, к счастью, слегка протершейся...

Раненые?

Нет, фургон не разбился, а мягко ткнулся в валун — это видно по следам и повреждениям, — раненых быть не должно, во всяком случае таких, которые не смогли бы выбраться из машины.

Рабы? Пленные?

Вот это уже ближе к делу, учитывая, что до аттракциона примерно десять километров, а торговля живым товаром в Веселом Котле хоть и не цветет, но вполне допустима. Рабы же наверняка скованы, вот и остались в кузове, но... Но фургон не был похож на машину «папаш»: никакой защиты, кроме слабого бронирования и усиленного стекла, единственный пулемет — на корме, и никакого сопровождения. А работоторговцы никогда не действуют в одиночку.

— Занятно... — Визирь объехал находку по кругу, но не обнаружил ничего интересного, кроме уткнувшегося в руль водителя. После чего остановил багги напротив дверей фургона и раскурил «младшую» — на пять затяжек — трубку.

Итак: за рулем покойник, внутри неизвестно кто, признаков засады нет, признаков нападения нет: лобовое стекло цело, фары целы, колеса целы... Что могло приключиться? Внезапная смерть водителя? Скорее всего. Но возникает вопрос: почему его спутники предпочитают медленно тушиться внутри разогретого фургона, вместо того чтобы сесть за руль и продолжить движение? И если там рабы, то почему они не кричат? Двигатель багги работает тихо, но сидящие в фургоне люди должны были его услышать, поскольку в Зандре любой звук кажется громоподобным.

А они не слышали.

И сами не издали ни писка: обостренные чувства комби способны уловить малейший звук, но из фургона доносилось лишь приглушенное дыхание.

Что косвенно указывало на связанных рабов.

Визирь почти собрался подойти и заглянуть внутрь. Решил: докурю и пойду, но у «баскервилей», к счастью, не выдержали нервы, и они бросились в атаку раньше, чем Гарик сделал пятую затяжку.

Бросились молча — «баскервили» не лают, бросились резко — реакция у «баскервилей» дичайшая, муху на лету ловят, бросились быстро — тридцать метров до багги они готовы были сожрать за доли секунды, но...

Но в багги сидел не юнец безусый и не слабак, а много чего повидавший и ко всему готовый комби. И потому едва распахнулись металлические дверцы фургона, как трубка упала разведчику под ноги, правая рука легла на руль, нога — пока еще едва-едва, ласково — коснулась педали ускорителя, а в левой руке Визиря появился «Маузер РХ», тут же вздрогнувший выстрелами. Голова первой твари лопнула, как перезревшая тыква-пиявка — пуля влетела ей в глаз. Но второй «баскервиль» успел пригнуться, и

предназначавшийся ему раскаленный кусочек металла прошел по касательной, не причинив особого вреда усиленной лобной кости твари.

Только кожу поцарапал.

«Баскервили» — видоизмененные лабораторией K9000 собаки — страшны и сами по себе, но особенно неприятны в стае. Они умны, хорошо дрессированы и знают, как добраться до добычи. Готовы выжидать, готовы атаковать, а эти — немыслимое дело! — готовы были пещься в раскаленном фургоне.

«Похоже, егеря стали делать тварей по улучшенной методике...»

Впрочем, эта мысль посетила Гарика много позже, а тогда он плавно надавил на акселератор, уводя багги от жаждущих обеда псов.

«Четыре «баскервиля», чтоб их на атомы разложило...»

Что делать? Самое простое — прибавить еще и уехать в безопасную даль, продолжив путь в аттракцион Железной Девы, поскольку на длинных дистанциях и высокой скорости «баскервилям» за багги не угнаться. Однако Визирь уже настроился обыскать фургон и потому сильно не разгонялся, не оставляя стаю слишком далеко позади, и заложил широкую дугу, внимательно следя за тем, чтобы на пути не оказался валун.

Тактика сработала: один из «баскервилей», то ли самый сильный, то ли самый тупой, то ли и то, и другое одновременно, вырвался вперед в надежде первым добраться до шустрой добычи и схлопотал пулю в грудь. Покатился, роняя в пыль капли крови, заскулил и больше не поднялся — «РХ» только выглядит несерьезно, а пули разгоняет так, что иная винтовка позавидует.

«Осталось трое».

Которые, увидев, что произошло с шустрым собратом, внезапно остановились, недовольно наблюдая за пылящим багги. «Баскервили» готовы были признать поражение и отпустить разведчика на все четыре стороны, однако такое развитие событий комби не устраивало. Гарик остановил машину, быстро выхватил и вскинул винтов-

ку и... и разочарованно цокнул языком: увидев длинноствольное оружие, хитрые собаки бросились за камни.

— Суки!

Или кобели — не важно. Сейчас имеет значение лишь то, что подлые твари поняли, с чем имеют дело, и укрылись.

Ситуация зашла в тупик.

Рассудок подсказывал, что нужно плюнуть и уехать, но в этот момент жадность была неожиданно поддержана гордостью: «Я что, не смогу справиться с тремя шавками?!» — и Визирь продолжил игру.

Он убрал винтовку, вновь взял в левую руку «маузер» и направил багги к фургону. «Баскервили» не появлялись. Если и следили за перемещениями Гарика, то очень осторожно, ухитряясь укрыться даже от опытного взгляда разведчика, и с места, как показывал тепловизор, не двигались. Комби остановил машину у распахнутых дверей, вышел, заглянул внутрь...

Хотел заглянуть!

Шестая тварь метнулась в тот самый миг, когда комби потянул левую дверцу. Бросилась, словно запустила себя из катапульты, врезалась в дверцу, ударила ею Гарика, опрокинув разведчика на землю, на мгновение задержалась — Визирь успел пнуть створку обратно, — снова бросилась, но лежащий на спине комби трижды выстрелил из «РХ». Пули разорвали «баскервилю» грудь, но тварь сумела упасть на Визиря, придавив его стокилограммовой тушей.

— Дерьмо!

У носа клацнули челюсти — умирающая собака продолжала бороться, — а ей на помощь, молча поднимая клубы пыли, со всех лап мчались родственницы... сестры по пробирке...

Дерьмо.

Гарик щелкнул пальцами — из правого накладного киберпротеза выскочил клинок, — вонзил его в песий глаз, рывком откинул окончательно обмякшую тушу, вскочил на колено... И тут же бросился в сторону — прыгнувшего «баскервиля» из пистолета не остановишь.

Псина врезалась мордой в борт, взывала, а прокатившийся по земле Визирь хладнокровно расстрелял ее товарку. А затем машинально — уловил боковым зрением движение — выставил правую руку, поймав третью псину на клинок. Остановил в сантиметрах от себя, не дав порвать в клочья, чуть поднял руку, не позволяя извивающейся твари соскочить с ножа, двумя выстрелами в голову успокоил прыгунью и лишь после этого хладнокровно добил последнюю тварь.

Отдышался, оглядел заляпанную кровью одежду, вытер песком руки, достал из багги тряпочку, протер клинок, спрятал его, почистил и вернул в кобуру «маузер» и лишь после этого заглянул в фургон.

И сплюнул.

Добыча оказалась жалкой: трехлитровая фляга с водой, две банки питательных уколов для «баскервилей», — но и то, и другое перекочевало в багажник багги.

И только затем Визирь подошел к кабине. Он уже знал, кого увидит: чертова зоолога, чтоб его на атомы разложило, который клонировал стаю «баскервилей», повез заказчику, да сдох по дороге, превратив фургон в засаду...

Так и есть — егерь: на рукаве уткнувшегося в руль водителя красовалась нашивка K9000.

— Почему помер? А-а... Понятно... — Гарик увидел под ногами мертвеца блестящую «пудреницу» — вертикальный дозатор, в который заливали вызывающий галлюцинации раствор синей розы.

Один пшик в час считался нормальной, не мешающей жить дозой, но, даже перебрав, егерь бы не умер, а сидел сейчас и хихикал, пуская слюни и воображая себя посетителем Атомного Вегаса. Но парень мертв, следов насилия нет, а значит, у него банально не выдержало сердце: синяя роза угнетала его сильнее, чем мозг.

— Тебе повезло, — хмыкнул Визирь. — Ты помер спокойно, с улыбкой на губах. Прощай.

После чего вывернул у мертвеца карманы, забрал походный контейнер с тремя радиотаблами, пять золотых монет зигенской чеканки, литровую флягу с водой — по-

лупустую, короткоствольный автомат «Хук» и три десятка патронов к нему.

Выбрался, уселся на камень, покурил, задумчиво разглядывая фургон и его мертвого владельца, выбил трубку и приступил к похоронам.

* * *

Время Света переломало Землю, превратило цветущие поля в Зандр, города в вулканы, а горы — в моря. Дороги исчезли... Все дороги: и асфальтовые, и грунтовые, и железные, и магнитные, и даже многие тропы... Несколько месяцев люди жили сами по себе, но потом появились первые торговые караваны, которые вскоре стали называть броневыми. Защищенными от любых неприятностей: и от плохих дорог, и от плохих людей.

И караваны дали надежду.

Там, где есть люди, должна быть торговля, это аксиома. Потому что кто-то производит в избытке еду, где-то скопилось много топлива, в третьем городе хорошие патроны или лекарства — и только торговцы способны связать производителей между собой. И торговцы вернулись. Сначала как топтуны, пешком путешествующие между ближайшими поселками, а потом — как гильдеры, объединенные в постепенно растущую Гильдию Коммерческой Взаимопомощи. И именно их бронекараваны, случалось, пробивали континенты от моря до моря, во имя прибыли связывая друг с другом новые города и новые страны, возрождая надежду на то, что рано или поздно свихнувшийся мир вернется к прежнему, нормальному облику...

Гильдеры торговали, дрались, погибали, но упрямо шли вперед.

Обычный бронекараван состоял из трех-пяти тщательно защищенных мегатраков — мегов, — способных без труда пройти по плоскому Зандру и даже форсировать небольшие реки. В горы же, то есть в вертикальный Зандр, торговцы совались редко, и только по известным, зара-

нее разведанным дорогам. На мегатраки ставили башни с тяжелыми пулеметами или автоматическими пушками, способными вдребезги разбить даже БТР последнего поколения. Танку, разумеется, мегатрак противостоять не мог, но мало какой караван уходил в путь без ракетных комплексов... Другими словами, торговцы могли защитить свои вложения.

Меги, собственно, и были самим караваном: в них ехали люди, в них везли основной груз. Иногда, с милостивого разрешения баши, за караваном пристраивались грузовики свободных торговцев, но они путешествовали на свой страх и риск: случись что, их не защищали и не ждали, поскольку караван — это мегатраки и только мегатраки, вокруг которых сновали машины разведки и мобильной защиты: мотоциклы, багги и броневики.

Девяносто процентов странствующих по Зандру мегов было построено еще до Времени Света, гильдеры их только бронировали и вооружили. Все они оснащались системами кондиционирования, однако экономные торговцы крайне редко пользовались благами цивилизации, и потому во внутренних отсеках огромных машин царила жуткая духота, украшенная толкотней, чужими разговорами, звучащими прямо над твоим ухом, и вонью давно не мытых тел, не исчезающей несмотря на распахнутые люки и дверцы.

Но такова была плата за безопасность.

И именно внутри головного, пассажирского мегавестовой отыскал еще не старого — лет пятидесяти, не больше, — абсолютно седого мужчину, одетого в серые штаны-карго, высокие ботинки и грязноватую зеленую рубашку с закатанными рукавами. Правую руку седого усиливал накладной киберпротез, гораздо меньшего, чем требовалось, размера, однако внимание на это несоответствие никто не обращал: после Времени Света с медицинским оборудованием стало туго, и люди пользовали то, что удавалось отыскать.

Мужчина занимал место у иллюминатора, что говорило о его привилегированном статусе, и коротал время за чтением настолько потрепанной книги, что она казалась призраком самой себя. И это занятие также подтверждало, что седой стоит на ступеньку выше обычных пассажиров меча, предпочитавших спать, ругаться или раскидывать карты.

— Господин Тредер! — Обычно посланец хозяина вел себя куда свободнее, к пассажирам обращался исключительно на «ты», чтобы не привыкли, сволочи, к приличному обхождению, однако с седым следовало вести себя осмотрительно.

— Да?

— Вас хочет видеть баши.

Больше вестовой ничего не добавил, поскольку каждому пассажиру или служащему — даже привилегированному — было ясно, что раз баши зовет, то это важно, срочно и отказаться ни в коем случае нельзя. Поэтому седой немедленно поднялся, спрятал книгу в карман рюкзака и кивнул сидевшей напротив девушке:

— Жди здесь.

Она никак не отреагировала, продолжила смотреть в распахнутый иллюминатор, но Тредер и не ждал ответа и, кивнув, сразу же повернулся к вестовому:

— Я готов.

И они пошли по узкому коридору к голове мегатрака, к его командирской половине, отделенной от пассажирской зоны бронированной перегородкой, дверь которой запиралась изнутри. Вестовой остановился у «глазка», назвал, сообщил, кого сопровождает, после чего замок щелкнул, тяжелая дверь приоткрылась, и Тредер, сопровождаемый пристальными взглядами двух вооруженных охранников, медленно прошагал в кабину мимо жилых отсеков первой команды.

Вестовой важно указывал путь.

Мегатраки бронекаравана Мухаммеда Энгельса были построены на базе атомоходов «БелАЗ Каракум», которые до войны таскали грузы по пустыням и потому пре-

красно чувствовали себя в Зандре. Кабина «Эйнштейна» располагалась на двадцатиметровой высоте и была настоящим капитанским мостиком площадью в тридцать квадратных метров. Здесь находились рулевой, связист, баши и операторы внутренней сети, управляющие машиной и автоматическим оружием. Прямо под кабиной располагался силовой блок атомохода, однако команду это обстоятельство не смущало: реактор был надежно защищен таранным ножом по носу, массивными цельными колесами и мощной броней корпуса.

— Хаким!

— Примите мое почтение, уважаемый баши. — Тредер склонил голову. — Для меня большая честь быть призванным вами.

— Ты по-прежнему вежлив.

— Воспитан.

— Разумеется.

Мухаммед Энгельс встретил пассажира хоть и дружеским восклицанием, но даже не обозначил движения подняться с капитанского кресла. Протянул руку, позволив ее пожать, выслушал все полагающиеся словеса, после чего небрежно указал на лобовое стекло:

— Аттракцион Железной Девы.

И умолк.

Седой обернулся и прищурился на показавшуюся вдали колокольню. Он знал, что бронекараван минут десять как взобрался на плато Кирпичи, тогда же понял, что цель близка, но все равно продемонстрировал эмоции:

— Наконец-то! — и шумно выдохнул: — Добрался.

— Здесь наши пути разойдутся.

— Да. — Тредер поклонился: — Благодарю за все, что вы сделали для меня, уважаемый баши. Только в вашем караване я мог чувствовать себя по-настоящему спокойно.

— Другие караваны сюда не ходят. — Энгельс позволил себе усмешку: — Боятся...

Аттракционы, то есть не рядовые поселения Зандра, а логова бандитов, мародеров и работоторговцев, осторожные гильдеры предпочитали обходить стороной, устраи-

вая шумные ярмарки в нормальных городах, но Железная Дева была исключением. И баши Мухаммед лукавил, когда говорил, что в Деву ходит только он: ее не оставляли вниманием все торговцы этой части Зандра, потому что...

Все дело заключалось в Полукруглом хребте, который охватывал обширный Веселый Котел с востока и мягко прижимал к Рогульским Утесам. Из-за Хребта в Котел не пришла чужая власть, но своих вождей, готовых противостоять падальщикам Зандра, на территории не нашлось, и потому главным здесь постепенно утвердился Скотт Баптист — главарь самой мощной банды падл. Довольно долгое время Баптист попросту «гулял», едва не спятив от вседозволенности и безнаказанности: грабил не задумываясь, насиловал всех, кого видел, отнимал, казил... Одним словом, вел себя как заурядная падла с Зандра, однако бунты местных — хоть и жестоко подавленные — заставили Скотта призадуматься и понять, что Веселый Котел самой географией приспособлен для того, чтобы стать его вотчиной. Призадумался и одумался. Баптист превратил небольшой поселок на плато Кирпичи в хорошо укрепленный аттракцион и объявил себя единственной легитимной властью Веселого.

Что именно означает «легитимный», Скотт не знал, издаваемые законы называл понятиями, однако он дал территории главное — правила игры и хоть какую-то предсказуемость, превратил аттракцион в настоящую районную столицу и тем привлёк внимание баши.

В некогда бандитскую зону потянулись бронекараваны.

— Через пять дней мы повернем на юг, в Январские Степи, пройдем по их крупным поселениям, выйдем на границу Белого Пустыря, проведем три ярмарки в его северной зоне, вернемся в Степи через Душные Камни, развернемся и снова выйдем в Веселый Котел. — Баши выдержал паузу. — Следующую ярмарку в Деве я планирую провести месяца через четыре. Не раньше.

— Зачем вы мне об этом рассказываете, дорогой друг? — тихо спросил Тредер, отворачиваясь к окну. При

этом он зафиксировал правую руку в полусогнутом положении и чуть погладил, показывая, что немного нервничает.

— Тебе случалось бывать в Белом Пустыре? — вопросом на вопрос ответил Энгельс.

— Нет.

— Ты много потерял... — Баши вздохнул, припоминая... или подбирая слова. — Пустырь настолько белый, что убивает глаза, но так красив, что возникает желание сойти с ума. Особенно там, где мы будем, — на севере. Там белый цвет стал миром, вобрав в себя все его краски, всю жизнь... И ты знаешь, Хаким, иногда я специально останавливаю караван, чтобы полюбоваться Белым. Я смотрю, смотрю на него столько, сколько это возможно без защитных очков, потом надеваю их и продолжаю смотреть. Я люблюсь... Я люблюсь, Хаким, представляешь? Я! Я видел все до Времени Света и видел все после него. Я был уверен: ничто не сможет меня поразить, но Белый Пустырь ударил в самое сердце. Он прекрасен...

— И прекрасна сама возможность путешествовать, — едва слышно произнес Тредер. — Отыскивать чарующие места, которые, как ни странно, есть в унылом Зандре...

— Любоваться ими...

— И чувствовать себя человеком...

— Ты все понимаешь, — улыбнулся баши. — Ты умен и восприимчив, хотя пытаешься казаться обыкновенным.

— Благодарю, дорогой друг.

Но Мухаммед, как выяснилось, не закончил:

— Ты прекрасный врач, Хаким, ты мог бы лечить моих людей и практиковать в каждом поселении, где я ставлю ярмарку. Такие, как ты, сейчас наперечет и на вес золота.

— Все так, дорогой друг, но вы знаете мои обстоятельства, — развел руками седой. — Я услышал время, которое у меня есть, — четыре месяца. И если судьбе будет угодно вновь свести нас в Железной Деве и вы по-прежнему будете добры ко мне, я с удовольствием приму предложение и останусь путешествовать.

— Это твое слово?

— Да.

Энгельс выдержал паузу, демонстрируя, что ждал иного ответа, после чего велел:

— Помоги мне подняться. — Оперся на руку Тредера, медленно дошел до самого носа кабины и остановился у лобового окна. Теперь их разговор не мог слышать даже рулевой. — Ты хороший человек, Хаким, хороший, но глупый. Я видел много похожих на тебя людей, но все они были мертвыми. Или готовились умереть.

— Знаю, дорогой друг, — спокойно подтвердил седой. — Я не первый день в Зандре и потому подписываюсь под каждым вашим словом.

— Я не понимаю таких, как ты, но уважаю. Вы не оставливаетесь даже перед лицом смерти.

— Я должен...

— Больше ни слова — ты только что все о себе сказал.

Они помолчали, наблюдая за медленно приближающейся колокольней — даже на знакомом плато Энгельс не позволял разгоняться быстрее сорока километров в час, — наблюдая за мотоциклами и багги разведки — несколько машин устремились к аттракциону, — за броневиками охраны — люки задраены, пулеметные стволы медленно ходят по кругу, выискивая цели, — после чего баши продолжил:

— Я знаю — бесполезно, но не могу не предупредить в последний раз: не ходи в Безнадегу, Хаким, там совсем плохо. Все аттракционы, которые ты видел до сих пор, не идут ни в какое сравнение с Безнадегой. Там нет закона, нет даже понятий, нет ничего, к чему ты привык. Ты не вернешься.

— Вы знаете мои обстоятельства, дорогой друг, — повторил седой.

— Эх...

Мухаммед пожал Тредеру руку и замолчал. Впервые за много лет, с самого Времени Света, могущественный баши хотел, очень хотел, но никак не мог повлиять на происходящее. Не мог ничего изменить...

* * *

«Камни... Камни гладкие, аккуратные, словно облитые, и грубые обломки с рваными краями. Камни, стоящие на песке и каменной крошке, на мельчайшей гальке, способной, кажется, течь не хуже воды, и посреди сухой, суше камня, выжженной солнцем земли. Камни едва ли не всех на свете цветов: черные и коричневые, белые и красные, зеленоватые, голубые, синие, серые... А еще — чистые и обросшие пятнами медузы. Камни...

Камни — это наш нынешний мир. Камни всех размеров, песок, солнце, радиация и снова камни... А между ними — редкие зеленые зоны и еще более редкие открытые водоемы. Настолько редкие, что в их существование никто не верит, потому что вода ушла вниз, в глубокие слои, прячется, не желая течь по каменной Земле...

Настоящая вода глубоко, а та, что приходит с неба, чаще всего бывает отравлена... Хотя... Отравлена она, по древним меркам, по таблицам, которые составляли врачи до Времени Света, до того, как мир стал гребаным, а мы сожрали столько радиации, словно нам делали рентген каждые тридцать секунд жизни... Всю жизнь... Всю прошлую жизнь...

Я плохо помню прошлую жизнь, но знаю, что, по ее меркам, я отравлен. И телесно. И духовно. Я отравлен и ядовит. Я опасен. Иногда я противен сам себе.

Но я живу.

Я знаю людей, которые скормили себе пулю, но я живу. Отравленный. И ядовитый. Обитатель...

Я не знаю, кто первым назвал Зандр Зандром, но он не ошибся, чтоб меня на атомы разложило, он отыскал правильное слово, потому что, когда я оглядываюсь, я вижу только его — Зандр.

И когда я смотрю в себя, я снова вижу его — Зандр. Зандр всюду.

Безжизненный. Пустой. Жестокий...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Аттракцион Железной Девы открылся, едва багги взгромоздился на Кирпичи по северному серпантину: не-вдалеке, в полукилометре, а то и ближе, появилась серая башня, бывшая церковная колокольня, на маковке которой замерла бронзовая статуя. Если бы Визирь явился на плато по южной, широкой и пологой дороге, то до аттракциона пришлось бы проехать почти восемь километров, а так он сразу разглядел и знаменитую Башню центральной площади городка, и не менее знаменитую Деву на ней. Как колокольне удалось пережить Время Света и последующие за ним тектонические сдвиги: мощные землетрясения, появление Рагульских Утесов и открытие вулкана Шендеровича, — никто не понимал до сих пор. Но как-то пережила и теперь стала визитной карточкой аттракциона, известной далеко за пределами Веселого Котла.

С севера Железная Дева вплотную подходила к обрыву плато, но из предосторожности над ним не нависала: по краю предусмотрительный Скотт Баптист выстроил оборонительную линию, и едва багги поднялся на Кирпичи, как пришлось останавливаться у мощного блокпоста, состоящего из двух бетонированных дотов. Из правой амбразуры на мир смотрел тяжелый пулемет, а из левой — огнемет и скорострельная авиационная пушка с электрическим приводом. А за дотами, вдоль дороги, были установлены шесть классических Железных Дев, по три с каждой стороны. И судя по свежим кровавым следам вокруг первой, сейчас она не пустовала.

В этом аттракционе преступников не вешали.

И еще в этом аттракционе все знали Визиря, поскольку за него сказал сам Баптист, атаман, богдыхан и повелитель Железной Девы, милостивый король, справедливый судья и главарь банды падальщиков имени себя. Баптист Визиря жаловал — в свое время разведчик составил для него идеальные карты Веселого Котла, — и потому мелкие падлы препятствий комби не чинили.

— С разведки? — осведомился Штиль, когда Гарик выбрался из багги.

— Ага.

— С Франко-Дырок или из Ямы Доверчивости?

— С Франко-Дырок.

— И как там?

— Пусто и радиоактивно, — отделался Визирь стандартной отговоркой комби. — А у вас?

— Кровь видишь? — Штиль мотнул головой в направлении Дев. — Веномы пытались прорваться.

— Заразные?

— Здоровых пропустили бы, — слегка удивленный странным вопросом, ответил падальщик. — Мы с веномами нормально, когда они нормально, а эти дикие шли, очумелые. Я их внизу разглядел, в бинокль, вижу, что первые десять тряпками замотаны по самые гланды, и ору: «Размотайтесь, черти!» А они прут. — Бой случился недавно, эмоции еще не улеглись, и Штиль с особым удовольствием описывал Визирю проявленный героизм. — В общем, побежали они...

— Побежали? — уточнил комби.

— Ага.

— Так они пешком к Кирпичам подошли?

— Пешком, — подтвердил падла.

— То есть совсем дикие...

— Получается. — Штиль помолчал.

Веномы — жертвы жутких болезней, порожденных агрессивной химией и вырвавшимися на волю боевыми вирусами, усиленными и видоизмененными повышенным фоном, — являлись одними из самых страшных порождений Времени Света. Истории о том, как два-три разносчика «кентуккийской эболы» или страшного «синдрома Клинтона» превращали в кладбища целые области, не были сказками — такое случалось. И потому в веномов предпочитали стрелять без предупреждения, их появление считалось достаточным поводом для атаки... Но постепенно ситуация поменялась. Исковерканные, но незаразные веномы стали мирными: вели оседлую жизнь, выживая так же, как все, и свободно торговали с чистыми. Опасность же исходила от веномов диких — заразных,

болеющих и мечтающих утянуть в могилу как можно больше ненавистных чистых. Именно они считались бичом Зандра, его отравленной отрыжкой...

— Они орут: «Мы местные! Не стреляйте!», — а сами прут. Я им: «Стой! Суки! Докажите!», — а они прут и завывают, что местные. — Штиль потер подбородок. — В общем, мы из пулемета лупанули, они на землю попадали, меж камней укрылись, но я шуршание слышу — ползут и из огнемета врезал... Чуешь, мясом горелым воняет?

Воняло действительно изрядно. Пока разведчик ехал в багги, запах почти не ощущался, а вот на открытом воздухе вцепился плотно, и, будь комби чуть менее опытен, наверняка почувствовал бы рвотные порывы.

— Вы их горелыми в Деву запихнули?

— Веномов в Деву? — притворно изумился падальщик. — Да я к этим гадам даже за сотню радиотабл не прикоснусь! Близо не подойду!

— Издали сожгли?

— Ага.

Рассказывая, Штиль успел проверить Визиря на радиацию, химически и биологически опасные внедрения, сделал экспресс-анализ крови и, судя по всему, остался доволен результатами. Не зря покинув Франко-Дырки, Гарик тщательно провел полный цикл обеззараживания, причем не только себе, но и багги, всему оборудованию и находкам.

— А в Железную мы их проводника посадили, — продолжил падальщик. — За то, что к нам вывел.

— Комби? — уточнил Визирь.

— Да. — Штиль знал, что Гарик заинтересуется, и ждал реакции.

— Откуда?

— Я не спрашивал.

Разведчик качнул головой, показывая, что понял и ответ, и то, почему ответ был именно таким, после чего заложил большие пальцы за портупею, помолчал и, выдержав паузу, спросил:

— Забрал его Атлас?

— Конечно.

Следующий вопрос Визирь задал небрежно, походя, однако Штиль знал, что в действительности разведчик волнуется, как девочка на первом свидании.

— Есть что-нибудь интересное?

— Не смотрел.

— Сколько?

— Дорого.

— Дорого не куплю, — тут же ответил Гарик. — Я на мели, а найти ничего путного не удалось.

— Прибедняешься. — Падальщик выпятил нижнюю губу, демонстрируя, что не верит ни единому слову комби.

— Честное слово.

— Приходи, когда разбогатеешь.

— Я не Баптист, — с улыбкой протянул Визирь. — Сто раз его спрашивал, что нужно делать, чтобы разбогатеть, но так ничего и не понял.

Толстый намек на личное знакомство с главарем банды Штиль услышал и принял к сведению:

— Чтобы разбогатеть, нужно много работать и быть умным, — наставительно сообщил он разведчику.

— Вот и Скотт так говорит.

— Баптист зря не скажет.

— Верно... — Штиль помялся. С одной стороны, ему хотелось заработать побольше, с другой — он понимал, что только разведчик даст за Атлас достаточно много. — Сколько у тебя есть?

— Бери все, что есть. — Комби нервным жестом выложил на капот багги походный контейнер с радиотабломи — не забыв мысленно похвалить себя за то, что не переложил радиоактивные элементы в свой контейнер, — и кошель с золотом. В общем, все, что выгреб из карманов мертвого егеря. — Сам видишь, я не миллионер.

— Чем же будешь платить за стол и кров? — с подозрением осведомился Штиль.

— Возьму у Заводной кредит, — махнул рукой Гарик.

— Теперь это так называется? — осклабился падла.

— Теперь это называется так же, как всегда, — строго произнес Визирь. И тут же перешел в атаку: — Мне некогда, Штиль, соглашайся на предложение или жди другого комби. Только не факт, что он окажется при деньгах.

Было видно, что громиле очень хочется поскорее расстаться с Атласом, но он боится продешевить. Тем не менее вид радиотабло и золота в конце концов заставил падальщика сдаться.

— Я возьму все, — произнес Штиль, сгребая с капота предложенное. — Но ты мне останешься должен две радиотаблы.

Предложение было более чем заманчивым, однако сразу соглашаться не имело смысла. Гарик потер подбородок, цокнул языком, осведомился:

— Я забираю Атлас?

— Да.

— Тогда договорились. — И немедленно взял протянутое падлой устройство.

— Ты мне должен, — напомнил Штиль.

— Я надеюсь хорошо поторговать на ярмарке...

* * *

Останавливаясь в каком-либо поселении... как правило, в достаточно крупном, в центре края, области или района, гильдеры отправляли по округе мобильные лавки, извлекая прибыль из тех лентяев, что так и не соберутся в город, но главное действо, естественно, разворачивалось на ярмарке.

Здесь продавали и покупали все, что имело смысл продавать и покупать в Зандре: еду и воду, оружие и боеприпасы, одежду, обувь, снаряжение, запчасти, приборы, устройства, наркотики, лекарства, топливные элементы, генераторы, машины, программы... Здесь продавали радиотаблы и расплачивались радиотаблами. Обменивались новостями и сплетнями. Пытались обмануть или обокрасть. Случалось — не доживали до конца ярмарки, случалось — уезжали с нее богачами...

— Будешь работать? — негромко поинтересовался Энгельс.

— Нет, — качнул головой Хаким. — Нужно найти проводника.

— Знаешь кого?

— Из Железной Девы на побережье ходят лишь два разведчика — Пепе Сапожник и Гарик Визирь, надеюсь, хотя бы одного из них привлекла ваша ярмарка, дорогой друг. И мне не придется ждать...

— Из Белого Пустыря тоже можно добраться до Безнадеги, — неожиданно произнес баши. — Но тебе нужны Сапожник или Визирь, потому что они знакомы с Шерифом.

— Вы умны, дорогой друг. — Тредер склонил голову.

— А ты не был со мной до конца откровенен, Хаким, — усмехнулся Энгельс.

— Не хотел погружать вас в мелкие проблемы простого обитателя Зандра, дорогой друг, — объяснил седой. — Они не стоят вашего времени, — и поправил киберпротез на правой руке. — Извините, если вы сочли мое поведение дерзостью.

— Я прожил много лет, — растягивая гласные, произнес Мухаммед, наблюдая за тем, как его разведчики проверяют подготовленную местными территория. Броневики уже обозначили периметр, и теперь настала очередь комби и стационарных приборов исследовательского грузовика, которые вынюхивали Зандр на много метров в глубину, выискивая заложенные мины, отравленные полости или еще какую-нибудь заразу, способную угробить ярмарку и караван. — Но ни разу за всю мою жизнь меня не посылали к черту с таким уважением.

— Ни в коем случае...

— Молчи! — Баши поднял руку, дождался тишины и вновь улыбнулся: — Ты хороший человек, Тредер. Я скажу за тебя Баптисту, так что проблем с местными не будет.

— Спасибо, дорогой друг.

— Я обещал.

Мужчины пожали друг другу руки, и Энгельс, глядя седому в глаза, произнес:

— Не сдохни, пожалуйста. Я с удовольствием возьму тебя в первую команду.

— Спасибо за пожелание удачи.

— Увидимся, — буркнул Мухаммед и отвернулся к лобовому окну, наблюдая за маневрами мегов.

Ярмарку гильдеры, как правило, ставили за городской чертой, поскольку обычные поселения Зандра большими размерами не отличались и ни одна из их площадей не могла принять не то что торговую зону, а даже пару гигантских машин бронекаравана.

Определив территорию, мегатраки выстраивались на ней порядком «крепость» — прямоугольником, — но не сплошным, а оставив небольшие проходы для циркуляции товара. Внутренняя зона становилась запретной, в нее допускались лишь караванчики, и нарушение границы без разрешения каралось смертью — по договоренности с Гильдией данное правило соблюдали все власти Зандра. Вокруг внутренней зоны ставились палатки, лавки и павильоны караванщиков, а уж за ними появлялись навесы местных торговцев, пытающихся заработать на шумной ярмарке.

— Самый бедлам начнется послезавтра, — бормотал Тредер, широко шагая к городским воротам Железной Девы. — Сегодня ярмарку ставят: паркуют меги, устанавливают лавки, распаковывают товар... Торговли не будет. Завтра к гильдерам прибегут самые шустрые из местных топтунов, любители работать оптом. Сегодня они договариваются с Баптистом о кредите или ищут деньги в других местах, завтра скупят какой-нибудь показавшийся им дельным товар, причем скупят на корню, не позволят ему выйти на ярмарку, а в последний день начнут торговлю... А вот послезавтра до Девы доберутся фермеры со всего Котла, и здесь начнется тот самый бедлам, о котором я говорю... Вот так-то, Надира.

Но девушка, скромно семенящая слева от седого, промолчала. И по ее безразличному взгляду было совершенно непонятно, услышала она Тредера или нет.

Спутница Хакима вообще состояла из одних только «не» — не эмоциональная, не яркая внешне и совершенно не самостоятельная: шла, куда указывал седой, и безропотно несла довольно объемистый рюкзак, в то время как Тредер утруждал себя лишь потрепанной сумкой через плечо. Грязная рубашка и мешком висящий комбинезон — коричневый, с порванным и аккуратно зашитым карманом на правом бедре, — скрывали фигуру девушки, а завершали ее одеяние грубые армейские ботинки на толстой подошве, каковые таскали все путешественники Зандра. Сальные волосы неопределенного цвета, кажется, светлые, но вряд ли кто-нибудь за то поручится, были кое-как собраны в хвост; лицо вроде приятное, но настолько чумазое, что желание рассматривать его сразу же исчезало, а самое главное, лицо Надиры было расслабленным, слегка расплывшимся, безжизненным, каким оно бывает у людей с задержкой развития. Точнее, учитывая возраст девушки, у людей с умственными отклонениями.

— Говорят, здесь довольно дешевая вода, но шиковать не будем: неизвестно, сколько нам придется прождать проводника. Мы проделали большой путь не для того, чтобы остаться без денег в этом глухом уголке. Мы должны экономить. — Седой вздохнул и прищурился на большую аляповатую вывеску: «Заводная Лиза». — Кажется, пришли...

* * *

«Время Света обожгло каждого из нас. Кого-то сильнее, кого-то слабее, но достало оно всех. И всех превратило в конченных эгоистов, думающих только о себе. Заботящихся только о себе. Готовых предать и убить ради себя. Не жалеющих ни родителей, ни детей. И хотя некоторые сбиваются в стаи, делают они это только ради себя: ино-

гда в банде легче выжить, потому что стая падалыщиков проживет дольше одинокого бандита. И убьет больше.

Мы превратились в зверей.

Но мы не виноваты, чтоб нас всех на атомы разложило...

Долгое время у нас не было никакой цели, кроме как дожить до завтра. Найти еду. Не стать едой. Отбиться от преследователей. Спасти. Долгое время мы выживали, и многие сохранили философию «убей или умри».

Зандр жесток. Зандр беспощаден.

Зандр требует крови, но... но в нас, как ни странно, осталась потребность делать больше. Делать не для себя. Или не только для себя.

Время Света превратило нас в зверей, но теперь, как мне кажется, мы потихоньку шагаем обратно. Мы начинаем напоминать людей...

Нет, я никого не идеализирую, даже себя и своих братьев-комби: мы разные, мы делаем много вещей, которые не следовало бы делать. Но у нас есть цель, или, если хотите, хобби. Не важно. Важно, что мы делаем что-то не только для себя.

Важно, что мы выкладываем Атлас капитана Морте в свободный доступ...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Комби, закончившего дни в чреве Железной Девы, звали Брезентом, и диких веномов он повел к аттракциону из-за банальной жадности: они дали сотню радиотабло и десять золотых монет. Так, во всяком случае, было записано в комментариях к вложениям в Атлас, которые, как и многим другим разведчикам, служили Брезенту дневником. И теперь все это богатство оказалось разделенным между падлами блокпоста... С какого перепуга дикие веномы обозлились на Железную Деву, а главное, почему они повели себя столь глупо — не дождались ночи, пошли в рост на пулемет, — Брезент не написал, пометил, что расскажет позже, но не успел. Он собирался удрать до начала атаки, удрал — веномы мешать не стали, но опытный

Штиль отправил трех мотоциклистов прочесать окрестности, и бедолага Брезент оказался в лапах не остывшего после драки падальщика. А затем — внутри Девы...

«Зря он не застрелился... Должен же был знать, что в аттракционе Железной Девы никого не вешают...»

Гарик о Брезенте слышал, но и только — вместе не работали, хлеб не переламывали, а потому к горечи от смерти собрата личных ноток не добавилось. Был комби Брезент, а теперь его нет — вот и весь сказ. Зандр суров... Да и все там будем.

— Ты страшно умер, брат. — Визирь поднял стакан с крепчайшим пойлом, которое местные гнали чуть ли не из черного подорожника. — Верю, ты составишь для меня Атлас рая. Увидимся.

Стакан Гарик выпил стоя, крикнул, пропуская обжигающую жидкость внутрь, уселся на стул и открыл самый интересный раздел Атласа Брезента — его личные вложения.

— Посмотрим, что ты раскопал...

Время Света переломало не только людей, но и Землю.

Удары ядерным и тектоническим оружием загрязнили и перекроили континенты. Появились новые горы и моря, каньоны и пустыни, острова и проливы. В страшном калейдоскопе смешалось все: появились зоны химического и биологического заражения, области вечных дождей и территории новых, ни на что не похожих джунглей. Старые поселения погибли, на свет явились новые; реки поменяли русла или попросту лишились их; среди камней сидели в засаде новые животные, мир стал Зандром, и люди заблудились в нем.

Первое время их не особенно волновало происходящее за пределами убежища или района, в котором они умудрились выжить, в первое время люди пребывали в шоке, но постепенно он проходил, стала подниматься сеть, люди начали общаться, делиться информацией, впечатлениями, предупреждениями... И появился сайт Атлас, рассказывающий о произошедших на Земле изменениях.

Атлас фиксировал новые горы и вулканы, реки и поселения, береговую линию и манеру поведения жителей, очаги химического заражения, сезоны ядовитых дождей, радиоактивные зоны и направления миграции крупных банд падальщиков... Информация выкладывалась не часто, была не очень подробной, но даже этих крупиц хватало для спасения жизней. Доклады таинственного капитана Мorte помогали выжить, их ждали, а никому не известного парня, который считал своим долгом подробно рассказывать о новой Земле, искренне любили. И удивлялись, как ему удается избегать страшных опасностей, о которых капитан рассказывал в отчетах. Удивлялись и говорили в его честь длинные тосты...

А однажды во всех тавернах Зандра вспомнили о знаменитом бродяге, но стаканы подняли молча и чокаться не стали.

Однажды капитана Мorte нашли в кабине старенького вертолета, разбившегося в новых, еще не описанных скалах. И тогда же стало понятно, как ему удавалось обходить смертельные ловушки и чувствовать опасность на расстоянии: капитан был комби и благодаря имплантатам из него получился едва ли не идеальный разведчик.

Мorte выложил четырнадцать карт и подробно их описал.

А в течение первого после его смерти года его последователи, члены стихийно сложившегося Ядерно-Географического общества, добавили к Атласу еще двадцать семь исследованных районов, и дальше их количество неуклонно росло.

Комби нашли дело по душе.

Брезент оказался «тихим» комби, а не «рисковым». Он предпочитал работать проводником Зандра, а не лазить по опасным зонам, добывая новую информацию. Его Атлас старательно копировал содержимое главного сайта комби, и, если бы не одно вложение, подробно описывающее северный сектор Поля Пьяных Петухов, Гарик

счел бы, что напрасно потратил егерские деньги на выкуп устройства.

А так комби получили хоть что-то...

Сегодня сеть в Железной работала вполне прилично, видимо, благодаря пришедшему бронекаравану Визирь без привычного торможения вошел в Атлас капитана Морте и сделал новое вложение, пометив, что автором является Брезент. Затем подробно описал обстоятельства, при которых заполучил чужое устройство, и предложил помянуть принявшего страшную смерть собрата.

На этом его долг был исполнен.

Гарик попытлел трубкой, быстро проглядывая свои собственные, сделанные за последнюю неделю вложения, скинул три наиболее интересных в главный Атлас, но тут сеть легла, делать стало нечего, и Визирь, поразмыслив, спустился в большой зал пропустить стаканчик.

В шумный, дымный и пьяный зал.

Оказываясь в Железной Деве, Гарик всегда останавливался в таверне «Заводная Лиза» по той простой причине, что принадлежала она лично Баптисту, без посредников, каковое обстоятельство гарантировало посетителям относительную безопасность. В том смысле, что стрелять в помещениях таверны категорически запрещалось.

К тому же у комби сложились отношения с Заводной, и в те дни, когда он действительно оказывался на мели, ему открывали кредит, что было редчайшим для Зандра случаем.

— Как обычно?

— Да.

Визирь огляделся и с неудовольствием отметил, что приход бронекаравана изменил привычный контингент заведения. И увеличил его минимум втрое. В аттракцион стянулись все обитатели Котла, у которых водились деньги или имелся товар, который можно было обратить в деньги, а за ними подтянулись почуявшие запах добычи падальщики. Вольные падальщики, уважающие Скотта Баптиста, но не подчиняющиеся ему.

И Гарик не сомневался, что этой ночью в заведении обязательно появятся трупы...

— Ты чего-то нервный, — заметил Джек-Дэн, пододвигая разведчику стаканчик с «подорожной»: местные любили щегольнуть легендой, что настаивают пойло на ядовитом растении. — Случилось чего?

— Штиль комби в Деву загнал.

— Слышал, — подтвердил бармен. — И что?

Действительно, и что? Для обитателей аттракциона Брезент был врагом, ведь именно он привел к Железной диких веномов, а значит, получил по заслугам. Страшная смерть стала справедливым, по мнению бармена, наказанием.

— И что?

— Нас мало, — негромко протянул Гарик.

— Не нужно было связываться с веномами, — пожал плечами Джек-Дэн. Поразмыслил и добавил: — Но на твоём месте я бы подумал о себе.

— Никогда не иду на сделки с веномами.

— А я не о них, — хмыкнул Джек-Дэн. — Энгельс ярмарку привез, и все банды Котла стянулись в аттракцион...

На этот раз намек оказался достаточно толстым, чтобы комби понял, что имеет в виду бармен.

— Бампер здесь? — осведомился Визирь, доставая кiset.

— Ага, — подтвердил Джек-Дэн. Несмотря на то что народу в заведении не убывало, он продолжал болтаться рядом с разведчиком, сбросив заботы по спаиванию посетителей на помощников. — Уже дважды проходилась на твой счет, но вряд ли рискнет устраивать бузу в аттракционе.

— Шестерок натравит, — поморщился Гарик, раскуривая трубку.

— Ты знал, на что шел, когда тащил в койку Карину, — хихикнул бармен.

Знал... Но как раз тогда, больше года назад, у Бампера возникло серьезнейшее недопонимание с Баптистом, и Визирь искренне надеялся, что главарь одной из банд

вольных падальщиков не выживет. Надежда не оправдалась. Несколько месяцев Бампер бегал от Баптиста по всему Котлу, даже на сопредельные территории, случилось, уходил, но всегда возвращался, не желая покидать привычную среду обитания. В конце концов они договорились, помирились, и Визирь оказался в дурацкой ситуации.

— Надо было дожидаться, когда его убьют, — философски произнес Джек-Дэн.

— Надо, — не стал отрицать комби, пыхнув трубкой.

Ветреной Карине ничего не грозило: все женщины аттракциона — и проститутки, и честные — находились под защитой Скотта, такой вот у Баптиста был пункт. Бампер, как и все обитатели Веселого, об этом знал и заявил, что на Карину не в обиде: женщина по определению слаба на передок, не устояла. А вот Гарику-совратителю главарь падальщиков во всеуслышание пообещал отрезать то, чем было нанесено оскорбление, после чего засунуть в Железную.

— Здесь кто-то всерьез опасается Бампера?

Услышав за спиной грудной женский голос, Визирь не повернулся, но ответил:

— Поцарапал передний о камень, хочу поменять.

— Еще не поцарапал, только собираешься, — прищурилась Заводная, положив руки на плечи комби. — Здравствуй, дорогой.

— Здравствуй, милая. — Он наконец повернулся и крепко поцеловал женщину в губы.

Бармен деликатно отвернулся.

— Как твои дела? — Заводная присела на соседний табурет, и комби с удовольствием накрыл ладонью ее руку. Ему было приятно прикоснуться к этой женщине. И вдвойне приятно от того, что все вокруг это видят.

— Отлично.

— Надолго к нам?

— На ярмарку.

— И все?

— Дальше — как пойдет.

— Вечно у тебя так.

— Что делать: жизнь разведчика — дорога.

Лиза не была красавицей. Невысокая, склонная к полноте... еще не раздобревшая, но «кругленькая»... Она могла оставаться незаметной, однако была именно заводной, энергичной, деятельной и тем привлекала. В ее зеленых глазах, как правило, горел огонь, а с лица редко сходило приветливое выражение. И за это Лизу любили и ценили.

— Видел Бампера?

— Не знаешь, кто-нибудь из аттракциона ждал вчера или сегодня егеря? — Гарик намеренно перевел разговор на другую тему.

— Я жду, — тут же ответила Заводная.

— Ты заказала егерю «баскервилей»? — удивился разведчик. — Зачем?

— Баптист велел.

— А-а... — Комби знаком показал бармену, что нужно повторить, и с приличествующей случаю грустью поведал: — Егерь не приедет: я нашел его мертвым в десяти километрах к северу.

— Что случилось?

— Парень перебрал синей розы и получил сердечный приступ.

— Жаль... Макар был хорошим... Смешным... — Женщина сделала глоток коктейля. — А «баскервилей»?

— Оголодали и устроили засаду.

— Ты их пострелял?

— Пришлось, — развел руками комби.

— Один шестерых псов? — изумилась Лиза.

— Да...

— Врет, конечно!

— Вонючая отрыжка... — пробормотал бармен, делая маленький шаг назад.

— Все комби — лжецы. — Подошедший Бампер растолкал посетителей, уселся на табурете слева от разведчика, но говорить продолжил с женщиной: — Разве ты не знала?

Позади падальщика встали два мордоворота. Эскорт.

— Я знаю, что Баптист запретил входить в мое заведение с оружием. — Лиза кивнула на торчащую из открытой кобуры пистолетную рукоятку: — Забыл?

— Это моя любимая зажигалка, — осклабился Бампер.

— Смотри не обожгись.

— Заводная, ты мне угрожаешь? — удивился падла.

— Дать тебе фишек? — осведомилась женщина. — Сегодня у меня играют по-крупному, как ты любишь.

— Я только что из-за стола.

— Выиграл?

Заводная очевидно давила, однако ее усилия пропали даром.

— Лиза, — притворно удивился Бампер, — тебе самой не противно его прикрывать? Защищать? Как можно спать с тем, кто прячется за спину подруги?

— Я готов уладить наше недопонимание честными извинениями, — твердо произнес Визирь, посмотрев падле в глаза. — Я поступил очень глупо и зря провел время с Кариной. В тот момент я был пьян, не понимал, что делаю, но это меня не извиняет. Я был не прав, я признаю и при всех приношу тебе извинения.

Судя по тому, что после речи разведчика в зале установилась тишина, многие посетители «Заводной» зорко следили за развитием скандала.

— То есть ты признаешь, что вел себя как идиот? — наслаждаясь всеобщим вниманием, поинтересовался падальщик.

— Признаю, — ровно ответил комби.

— И я тебя прощаю...

Брови Джек-Дэна удивленно поползли вверх, Лиза едва заметно выдохнула, но падла, как выяснилось, не закончил:

— ...однако яйца тебе все равно отрежу. — Кто-то в зале хихикнул. — Извини, трусливый комби, я дал слово. — Бампер повернулся к Заводной и театрально продолжил: — И ты извини.

Теперь кто-то громко расхохотался.

— Без этого никак? — тихо спросил Гарик.

— Нет, — развел руками Бампер. — Но раз уж ты извинился, то я оставляю тебя в живых. Примером, так сказать, для тех, кто рискнет...

— Сам отрежешь? — нарочито громко, перебивая разговарившегося бандита, спросил Визирь.

— Что? — не понял Бампер.

— Угрозу сам исполнишь или поручишь кому? — В голосе разведчика появились издевательские нотки. — Ты ведь считаешь себя большим боссом, предпочитаешь, чтобы за тебя вкалывали... Карина говорила, что поднимать свое достоинство ты поручаешь квадратным розовым таблеткам... Неужели правда?

А вот теперь в зале стало совсем тихо. Абсолютно. Заткнулись хихикавшие, заткнулись хохотавшие, заткнулись даже те, кто негромко переговаривался в дальнем углу. Заткнулись и подтянулись в главное помещение игроки. Даже мухи, вечные спутники питейных заведений, прекратили жужжать.

«Ты спятил?» — одними губами произнесла Заводная.

— Теперь мне придется тебя трахнуть, мальчик, — медленно произнес падальщик. Его пальцы подрагивали от сдерживаемого бешенства. — Чтобы все убедились, что мне розовые квадраты без надобности.

— Любишь мальчиков? — Визирь выдал презрительный смешок. — Не зря говорят, что банды вольных пада на самом деле большие семьи...

Кулак у Бампера оказался на удивление тяжелым. То ли главарь падальщиков был обладателем встроеного киберпротеза, то ли был так крепок, как выглядел, — неизвестно. Зато известно, что пропустивший удар Гарик стартовал от стойки с энергией космической ракеты, и его столкновение с ближайшим столиком походило на взрыв: звон битой посуды, улетающие бутылки, сломавшийся стул, недовольные вопли...

— Я тебе покажу — семью! — рывкает Бампер. А его эскорт рвется вперед, желая поскорее растоптать упавшего врага. — Ты у меня...

Губы разбиты в кровь, в голове шумит, перед глазами плывет, но комби ухитряется врезать левому падальщику по колену — из положения «лежа», — откатиться, уходя от удара правого, подскочить на корточки и следующий выпад заблокировать руками. Все-таки усиленные конечности — большое подспорье в сложной жизни разведчика.

Хрясь!

Визирь не просто блокирует удар ногой, он успевает чуть крутануть падлу, и бандит летит лицом на пол.

Вопль.

Мозг отмечает, что пока все хорошо, но отвлекается не сильно и уж точно не расслабляется, поскольку жизнь по-прежнему на волоске.

Левый падальщик, тот, что пару секунд назад получил по колену, пришел в себя и замахивается ножом. Визирь ужом скользит под рукой противника и отвечает, точнее, опережает падлу ударом появившегося в руке клинка. Причем комби не тычет своим оружием абы как, а точно бьет в заранее просчитанную точку, добираясь до бедренной артерии врага.

Вскрик. Хрип. Красное обильно поливает пол...

— Гарик!

«Наконец-то!»

Комби ждал сигнала с самого начала драки, а потому готов: резко вскакивает на ноги, подхватывает еще не упавшего падлу и разворачивает его к стойке. И все — одним движением. И только поэтому две пули из пистолета Бампера влетают не в разведчика, а в импровизированный щит.

Грохот.

А меньше чем через мгновение — еще два выстрела. И спокойно произнесенная в тишине фраза:

— Мое слово крепко.

«Баптист!»

Визирь знал, что в него хозяин аттракциона без предупреждения стрелять не станет, но все равно действует быстро: роняет мертвого падальщика, роняет нож и поднимает руки:

— Я только защищался.

Какая-то женщина издает нервный смешок, но в целом посетители не спорят, молчаливо подтверждая, что скандал затеял не разведчик, а его оппоненты.

Скотт явился крайне вовремя: охранники заведения, несмотря на действующие правила, вряд ли бы рискнули затеять перестрелку со столь авторитетным падальщиком, как Бампер, и комби пришлось бы класть врага лично, что могло привести к неприятным последствиям в виде выстрела в ногу. Сейчас же ситуация выглядела практически идеально: Визирь избавился от врага, Баптист избавился от врага, и оставалось лишь решить, как соблюсти приличия.

— Кто был зачинщиком? — приступил к «расследованию» Скотт.

— Смотря в какой момент, — вздохнула Заводная. — Если сегодня, то Бампер. Если год назад...

— Все знают, что случилось год назад, — оборвал помощницу Баптист. — Нет смысла повторять.

— Как скажешь.

Хозяин аттракциона бросил на Лизу быстрый и не очень довольный взгляд — женщина выдержала его, — после чего вернулся к разведчику:

— Насколько ты хотел задержаться?

— Дней на пять, — ответил тот, продолжая стоять с поднятыми руками. — На время ярмарки.

— Уйдешь до завтрашней полуночи и не появишься в Железной Деве полгода, — решил Баптист. — Если появишься, я лично тебя убью.

Учитывая обстоятельства — ведь Скотту еще предстояло «улаживать дела» с бандой Бампера, — наказание оказалось более чем мягким.

— Я понял, — кивнул разведчик.

— Очень хорошо. — Баптист бросил на Заводную еще один, весьма многозначительный взгляд и распорядился, кивнув на трупы: — Приберитесь, у нас приличное заведение...

«Проклятье!»

Знал ведь, знал, что эта дверца — зеркальная. Всегда знал и всегда контролировал себя — не смотрел. Сколько раз был в этой спальне — даже взгляда на дверцу не бросил. Ни разу не бросил. И вдруг — посмотрел.

— Ты вздрогнул, — заметила лежащая рядом Лиза.

— Задумался.

— О чем?

— Я...

Визирь неопределенно пожал плечами.

Наверное, о том, что не любил свое отражение. Себя любил, а отражение — нет, такой вот получается анекдот. Станный. Непонятный. Потому что отражение у Гарика было вполне себе нормальным, в стиле комби. Конкретно в настоящее время — в стиле «комби расслабился».

Длинные черные волосы обычно стянуты в хвост, но сейчас распущены, свободно падают на лицо и плечи... Лизе нравится играть с его волосами, запускать в них тонкие пальцы, гладить... Но длинными волосы были только сверху, виски выбриты наголо и еще до Времени Света обработаны химией так, что больше там ничего не росло. На левой стороне свободное место сначала украшала татуировка клана комби, к которому до войны принадлежал молодой Визирь, а теперь — воздушный шар, баллоном которому служил глобус, символ Ядерно-Географического общества. Правая же сторона головы была «технической», сюда вживлялись и обслуживались импланты. В том числе в правый глаз, который у Гарика был на сто процентов искусственным, обеспечивающим необычайную остроту зрения и возможность напрямую передавать изображения в компьютер. Правая сторона головы, висок и часть лобной кости Визиря были переделаны еще до войны, и когда-то его облик считался элегантным и современным. Считался образцом работы превосходного комби-мастера.

А сейчас не нравился.

Может, именно потому, что напоминал о жизни до Времени Света?

Еще один кожух находился в левом боку комби и защищал микрогернератор Таля, топливными элементами для которого служили маленькие круглые блоки, именуемые на сленге «радиоактивными таблетками» — радиотаблами. От микрогера же питались все внутренние, спрятанные под оригинальной плотью киберпротезы Гарика и все устройства, превращающие его в комби... Комбинированного человека... Как писали в старых рекламных плакатах: «Человека будущего»...

Романтические устремления, юношеское бунтарство, а также умелое воздействие на незрелый ум опытных маркетологов привели к тому, что теперь Визирь смотрел на свое отражение без всякой радости. И удивлялся, как мог когда-то гордиться тем, что стал комби на сорок два процента...

— Мне опять снились Нетронутые острова, — произнесла Лиза, поняв, что на предыдущий ее вопрос Гарик отвечать не собирается. — Там не было Времени Света, химических и биологических атак, землетрясений... Не было ничего из того, что накрыло нас... И люди там остались добрыми, настоящими... Они даже не знают, что случилась война... Они живут, как раньше: ловят рыбу, чинят снасти, собирают с деревьев фрукты, купаются в теплых лагунах и холодных горных озерах, а по вечерам выходят на берег, садятся на песок и смотрят на закат. И спрашивают друг друга: «Почему к нам давно никто не приплывал?» И отвечают: «Наверное, люди материка заняты важными делами...»

Она судорожно передохнула. Показалось — вот-вот заплачет, и он нежно обнял женщину за плечи, прижал к себе, едва слышно спросил:

— Хотела бы уехать?

— С тобой? — прошептала Лиза, всем телом прижимаясь к своему мужчине.

— Одну я тебя не отпущу.

Она улыбнулась. И глубокая печаль смешалась в ее улыбке со счастьем женщины, знающей, кого она хочет видеть рядом.

Как ни странно, но Заводная довольно долго не уделяла Визирю никакого внимания, точнее, уделяла, но не больше, чем другим посетителям: иногда болтали ни о чем, иногда отчаянно торговались, иногда ругались, но ни разу между ними не мелькала та искра, о которой любят рассказывать романтически настроенные поэты и писатели. Гарик к Лизе тоже не подкатывал: все-таки одна из помощниц хозяина аттракциона, управляющая серьезным заведением имени самой себя, хоть и улыбочивая, но жесткая, твердая... Гарик соблюдал нейтралитет, но история с Кариной все изменила. Узнав, что комби, в лучших традициях авантюрных романов, наставил рога злобному бандиту, Лиза при первой же возможности затщила Визиря в койку... И с тех пор они не расставались.

Может, именно той жаркой ночью их и обожгла искра?

— Жаль, что Нетронутых островов не существует, — вздохнул разведчик.

— Атлас несовершенен, — тихо ответила Заводная.

— Согласен...

— Тогда не говори о том, чего не знаешь, — захлопнула ловушку женщина. — Нетронутые острова есть, только до них еще никто не добрался.

— Ты действительно веришь? — удивился Гарик, не ожидавший такого от умной и предельно прагматичной Лизы.

— Они мне снятся, — спокойно ответила Заводная. — А мне никогда не снится то, чего нет.

И столько убежденности прозвучало в ее голосе, что ошарашенный комби проглотил едва не слетевшую с языка шутку. Вздохнул, останавливая себя, и очень-очень проникновенно, почти нежно, спросил:

— Почему ты не хочешь найти остров где-нибудь здесь?

— В аттракционе?

— Например.

Лиза улыбнулась. На этот раз — просто грустно.

— Гарик, ты лучше меня знаешь, насколько опасна жизнь в аттракционах. В Железной Деве все зависит

от Баптиста. Сейчас он крепок, держит Котел в ежовых рукавицах, но кто знает, что будет дальше — его могут съесть...

— Всех могут съесть, — пробубнил Визирь, однако не был услышан.

— Или же Скотт окончательно спятит от синей розы, которую нюхает все чаще, и сам нас пристрелит. Или... — Она помолчала, после чего pokrutila головой. — Нельзя начинать новую жизнь там, где прошла старая.

— Нетронутых островов не существует. Простая логика...

— Плевать на логику, — отрезала Заводная. — Говорят, в портах Днища можно сесть на корабль, идущий на юг. Капитаны требуют огромные деньги, но путешествие того стоит...

— К Нетронутым островам?

— Да. — Лиза приподнялась на локте и в упор посмотрела на мужчину: — Неужели тебе не надоел Зандр?

И он снова отвернулся к зеркальной дверце шкафа. Он не любил свое отражение, но лучше смотреть на него, чем в глаза женщины, которая верит в тебя больше, чем ты сам в себя веришь.

* * *

— Рабыня? — осведомился Скотт, пристально глядя на безмятежно улыбающуюся Надиру. Сегодня у девушки было хорошее настроение, и потому она не стояла с обычным отрешенным видом, а улыбалась. Впрочем, придурковатая гримаса говорила о состоянии ума девушки так же хорошо, как и выражение тупого равнодушия.

— Там, откуда я пришел, рабство запрещено, — тут же сообщил Хаким, нервно поглаживая правую, слабую руку, которую поддерживал слишком маленький, не по размеру, киберпротез.

— Не запрещено, а не поощряется, — уточнил Баптист.

— Верно, — после секундной паузы согласился Тредер. — Прямого запрета не существует, но только потому, что люди...

— Так это твоя рабыня?

— Да, — сдался седой. — Ее жизнь принадлежит мне. Иногда приходится оперировать теми понятиями, которые ближе собеседнику.

— Как зовут? — повеселел Баптист. — Имя у нее есть?

— Надира.

— Продаешь?

— Э-э... — Хаким замялся, и пальцы его левой, здоровой руки принялись выбивать на протезе тревожную дробь. — Надира не столько рабыня, сколько воспитанница. Я подобрал несчастную сразу после Времени Света и с тех пор забочусь о ней...

— Представляю как! — расхохотался хозяин аттракциона, и падальщики из свиты верноподданно заржали следом.

Тредер побледнел. Надира продолжила улыбаться окружающим, в уголке ее губ пузырилась слюна.

Баптист встретил седого путешественника во время обязательного утреннего обхода ярмарки в сопровождении вооруженной охраны, баши и трех старших гильдеров каравана. Они задерживались у каждой палатки, под каждым навесом, и хозяин аттракциона получал исчерпывающий рассказ о выставленных товарах. Если проявлял интерес, разумеется...

К Тредеру проявил. Седой зачем-то вернулся в мегатрак, а когда покидал внутреннюю зону, попался на глаза Энгельсу, который решил немедленно исполнить обещание и представить спутника хозяину аттракциона. Который в ожидании богатых даров — обязательной части программы — изволил пребывать в игривом настроении.

— Девчонка говорит? — отсмеявшись, осведомился Скотт.

— Плохо.

— То есть только мычит, когда ты ее пялишь...

Еще один взрыв хохота.

Стоящий рядом с Баптистом Мухаммед криво улыбнулся, изобразив подобие веселья, но, улучив момент, наклонился к Скотту и прошептал:

— Дружище, поверь на слово: Хаким относится к Надире как к родной дочери, которой у него никогда не было. Он нашел ее в развалинах, спас и с тех пор...

— Твой друг добровольно взвалил на себя такую ношу? — Сам Баптист занялся мародерством и сколачиванием банды еще до того, как взорвались последние ракеты, и поведение седого вызвало у него закономерное удивление.

— Да, добровольно, — подтвердил Мухаммед.

— Твой друг — дурак.

— Я не один раз говорил ему об этом. Напоминал, что он не сможет выдать Надиру замуж, получить калым...

— А он?

— Продолжает о ней заботиться.

Прежний Баптист, жестокий и безбашенный главарь падальщиков, продолжил бы издеваться над седым и наверняка убил бы его, но уважаемый хозяин аттракциона, приветствующий уважаемого баши, поставившего в городе ярмарку, не мог себе позволить подобное буйство.

— Твой друг — странный, но он — твой друг, — важно произнес Скотт, глядя Мухаммеду в глаза. — И он может оставаться в моем аттракционе так долго, как ему нужно.

— Благодарю, уважаемый, — склонил голову Энгельс. И поспешил перевести разговор на приятную главарию падальщиков тему: — Не угодно ли будет пройти в мой мегатрак? Там тебя ожидает небольшой сюрприз...

— Попробуешь товар? Классический наногероин по довоенному рецепту! Лаборатория работает меньше года, а ребята уже купаются в радиотаблах...

— Нет, спасибо.

— Первый укол бесплатно.

— Не для меня.

— Все равно подышать.

— Знаю...

Но лучше сдохнуть от пули или ножа падальщика, чем от этой дряни, которой послевоенные химики наводнили Зандр. Наногероин считался настолько большой гадостью, что его даже пытались запрещать. Правда, как это сделать в условиях Зандра, никто не знал.

- Лучший выбор зигенского оружия!
- Довоенные стволы есть? «ИЖ» или «дегтярев»?
- Три палатки налево, там торгует мой племянник...
- Спасибо.
- Не в моих правилах давать наводку на конкурентов, но у племянника действительно хороший товар...

Обычно Визирь планировал основные дела на второй день ярмарки, на самый сладкий. Первый день — премьерный, суетливый и малолюдный. Топтуны пытаются вышибить хоть какой-то товар оптом, гильдеры осматриваются, оценивают платежеспособность населения, состояние, так сказать, экономики области, местных почти не видно, только детвора бегаёт меж палаток заезжих купцов, пытаясь стащить что плохо лежит. Первый день — осторожный.

А со второго начинается суматоха и бардак. Предложений полно с обеих сторон, но гильдеры уже не осторожничают, они пока в плюсе, потому что сбросили топтунам балласт, выдав его за нужный товар, и могут себе позволить дать за хабар комби нормальные цены.

Во второй день.

Сейчас же все иначе. Поскольку времени у него лишь до полуночи, разбираться с делами придется в премьерный день, а не тратить его, как это обыкновенно бывало, на изучение гильдеров, выбирая самого адекватного и щедрого караванщика...

К тому же действовать приходилось в жутком цейтноте: нужно было договориться с покупателем до того, как местные расскажут караванщикам о его обстоятельствах, после чего придется снижать цену. А в том, что расскажут, Гарик не сомневался: обитатели аттракционов не упускали случая подгадить ближнему.

— Разведчик или проводник? — осведомился усатый гильдер, потеющий под голубеньким навесом.

— И то, и другое.

— Продаешь или покупаешь?

— И то, и другое. — Потный торговец Гарику не понравился, однако он знал, что под маской грубого хама вполне может скрываться толковый делец, и задержался. — Почему спрашиваешь?

— Есть отличная новая прога для встроенного спектрометра, — высокомерно сообщил потный. — У тебя есть спектрометр, комби?

— Есть.

— Вот и договорились.

— О чем?

Однако вопрос разведчика повис в воздухе: потный слышал только себя.

— На обмен не рассчитывай, я беру только радиотаблы и не стану делать для тебя исключения...

— Ты забавный, — рассмеялся Гарик.

— Что?

Возможно, усатый сообразил, что переборщил с высокомерием, возможно, хотел продолжить разговор в другом ключе, но Визирь уже прошел дальше. На этот раз он ошибся, и глупый хам на самом деле оказался глупым хамом.

— Эй, комби, принес чего горячего? Рентген на триста?

— Мелочами не занимаюсь, — отшутился разведчик.

— А больше я не потяну.

— Тогда и разговора нет...

На ярмарках Визирь продавал серьезный хабар, тот, который не по карману местным, и потому был вынужден вести себя осторожно, придирчиво выбирая делового партнера — речь шла о больших деньгах.

— Ты больше разведчик?

— Как узнал? — тут же среагировал Гарик.

— По загару.

— Смешно.

— Давай лучше посмеемся над тем, что ты предлагаешь честным торговцам.

Этот гильдер Гарику понравился: веселый, вальяжный, видно, что опытный делец и обманщик, хорошо разбирающийся в людях. Общаться с такими ребятами тяжело, но, как ни странно, именно они часто дают самую достойную цену — потому что умеют перепродавать хабар гораздо лучше коллег.

— Чем платишь? — поднял брови комби.

— Могу устроить обмен на что угодно.

— У меня полный комплект. А вот товар сбросить нужно.

— Радиотаблы?

Визирь молча прошел в глубь навеса, присел на расстеленный ковер и расстегнул рюкзак.

— Откуда товар?

— Из Франко-Дырок.

На низеньком столике клиентов поджидал изящный чайный комплект, горячий нагреватель и маленькое блюдо с простым печеньем. Гильдер знал, как вести дела, и, поддерживая разговор, занялся приготовлением чая.

— Один ходил?

— Я всегда один.

— Ты Визирь? — Торговец проявил подозрительное знание и поспешил объяснить: — Собравшись в Веселый Котел, я прочитал вложения о нем и окрестностях в Атласе Мортэ, и...

— Да, я — Визирь, — кивнул комби.

— Уважаю тебя, парень, — серьезно произнес гильдер, подавая разведчику чашку с ароматным зеленым. — А твои комментарии я воспринимаю как книгу.

— Очень приятно...

— Надеюсь, приятность твоего сердца приведет к приличных размеров скидке... Кстати, меня зовут Ганимах.

— Почему мы раньше не встречались?

— Я впервые иду с Энгельсом.

— Тогда понятно...

— Что у тебя есть?

— Для начала — нановарщик. — Визирь извлек из рюкзака коробку, аккуратно вскрыл ее и показал гиль-

деру устройство, создающее микроскопические дозы сверхмощных наркотиков.

Удивить не получилось.

— Модель «Чубай», — разочарованно вздохнул тот.

— К тому же немного ржавая, — честно уточнил комби.

— «Чубай» — самая дрянная модификация нановарщиков, — наставительно произнес торговец. — Ресурсов жрет много, а на выходе ерунда одна. Продай местным.

— В Котле плохо с химией, — объяснил Визирь. — Здесь нет ни одной лаборатории, и вся область сидит на синей розе. А там, где есть доступ к химии, у тебя даже «Чубая» с руками оторвут. Он же оригинальный, довоенный, нынешние модели еще хуже.

— Тут ты прав, — признал после короткой паузы Ганимах. — Он рабочий?

— Есть тестирующая прога на компе?

— Обижаешь. — Гильдер вытащил из заднего кармана штанов наладонник, подключил его к «Чубаю», через тридцать секунд расплылся в улыбке: — Все в порядке, — и посмотрел на рюкзак с куда большим интересом. — Что еще?

— Десять патронов «Хиросима».

— Снаряженные? — Ганимах бросил вопрос легко, словно от мухи отмахнулся, но электронные чувства комби обмануть сложно: Визирь отметил слабое, на грани восприятия, дрожание голоса и то, как дернулись — тоже едва заметно — пальцы торговца.

У караванщика были клиенты на редкое снаряжение, причем клиенты щедрые, и это обстоятельство придало разведчику уверенности.

— Естественно, снаряженные.

— Откуда?

— Нашел подсумок анарха.

— Только подсумок? — несколько разочарованно протянул Ганимах.

— Парень сорвался с тропы, схватился за корни дерева, стянул пояс, наверное, хотел закрепиться, но не удержался.

жался и улетел, — рассказал комби. — Пояс зацепился за тот же корень, и я его достал.

— То есть «Толстый Мэг»...

— Лежит на дне пропасти.

— Жаль. — Гильдер испытующе посмотрел на Гарика, словно предполагал, что комби лжет. — За «Мэга» я отвалил бы целую кучу радиотабл.

— Знаю.

— У тебя его нет?

— Знал бы, что ты спросишь, — сиганул бы в пропасть вслед за анархом.

— Здесь все такие шутники?

— Разумеется, — не моргнув глазом подтвердил Визирь. — Поэтому Котел и называют Веселым. Патроны возьмешь?

— Обязательно. Но в следующий раз не поленись слазить в пропасть — можно здорово заработать.

— Обязательно...

В действительности Гарик не понимал людей, мечтающих заполучить в свои руки главное и самое известное оружие бойцов синдиката «Анархия».

Сверхтяжелый револьвер «Толстый Мэг» стрелял особыми патронами невероятной разрушительной силы — каждая «Хиросима» содержала микроскопический ядерный заряд, — и был известен случай, когда пара хорошо подготовленных анархов уничтожила танковый батальон сборников. Однако «Толстые» обладали удивительно надежной системой распознавания «свой—чужой», настраивались на хозяина по широчайшему спектру показателей и бодро взрывались в руках незарегистрированных пользователей.

Тем не менее за револьверами охотились, не оставляя надежд когда-нибудь взломать уникальную защиту анархистов.

Визирь закрыл рюкзак, но даже не обозначил желание подняться на ноги. Медленно потягивал чай и весело смотрел на Ганимаха оригинальным глазом.

— Чувствую, сейчас ты выложишь на стол главную карту, — хмыкнул гильдер, заваривая второй чайник. — Говори, после «Хиросим» я готов к любому предложению.

— Три индивидуальных защитных комплекта «Вакуум», — медленно и потому необычайно веско произнес комби. — Довоенные, в неповрежденной заводской упаковке. Класс защиты — «ААА», а ты наверняка знаешь, что даже дотовцы обходятся «АА».

— Картриджи запасные есть? — Ганимах без всякого стеснения облизнул губы: в данных обстоятельствах глупо «держат лицо», делая вид, что речь идет о безделице.

— По два в комплекте.

— Где? — Торговец сглотнул и театрально оглядел комби. — Ты рассовал их по карманам?

— «Вакуумы» в надежном месте. Если договоримся, принесу все три кейса через двадцать минут.

— Конечно, договоримся! — Ганимах потрепал разведчика по плечу. — Ты только что стал богаче на триста радиотабл.

— Предлагаешь триста за комплект? — Гарик рассчитывал на меньшее.

— Предлагаю триста всего, — без тени смущения ответил торговец. — За весь твой хабар.

Визирь улыбнулся и облокотился на рюкзак, готовясь к долгой и увлекательной процедуре заключения сделки.

В итоге за все получилось тысяча триста, даже больше, чем надеялся выдать из гильдера Визирь. То ли у торговца были на примете клиенты на весь предложенный комби товар, то ли на него помутнение нашло, но факт оставался фактом: заплатил Ганимах щедро, и теперь в заначке разведчика лежала совершенно неприличная сумма. В двух заначках, если быть до конца точным. Большая часть сбережений комби прятал в горах, но изрядная куча радиотабл — теперь примерно треть — оказалась на руках, что в Зандре, и уж тем более в аттракционе, категорически не приветствовалось, однако комби уже придумал, как ею распорядиться...

— Извините, вы — Визирь?

На счастье неожиданного гостя, точнее, неожиданных гостей, поскольку рядом с седым мужчиной средних лет стояла грязнушка с одутловатым лицом, Гарик уже закончил с горячим и теперь ковырялся в яблочном пироге, запивая его невкусным кофе. Комби не любил сладкое, но всегда заказывал пирог перед походом — на удачу. И именно во время десерта охотно соглашался поболтать.

— Кто спрашивает?

— Позвольте присесть?

Визирю понравилось, как говорит седой: вежливо, но спокойно, с чувством собственного достоинства, и он решил, что даст ему шанс высказаться. Но не сразу.

— Зачем вам присаживаться?

— Вы знаете Танцора? — вопросом на вопрос ответил седой. — Этот комби работает в области Жженой Пыли...

— Ты — доктор Тредер?

— Совершенно верно.

— Танцор писал, что ты придешь. — Гарик ткнул вилок в пирог.

— Теперь я могу присесть?

— Рабыня? — Разведчик не глядя кивнул на девушку.

— Воспитанница. — Седой решил не ждать приглашения и молча опустился за столик. Девушка осталась стоять за его спиной. Она играла в ниточку: наматывала ее на палец, что-то шептала, разматывала и начинала заново.

— Зачем взял дурную?

— Мы не выбираем тех, о ком заботимся.

Именно так и написал в своем письме Танцор: старый, глупый дед, тратящий силы на никчемную девчонку. Дурак, потому что Зандр такого не одобряет.

Надо помочь.

Не бесплатно, конечно, но помочь надо, потому что у седого, как написал Танцор, «такие обстоятельства, в которых никому из нас лучше не оказываться». А Танцор подобными словами не разбрасывается, и если он написал, что у парня, пережившего Время Света и все, что было потом, случилась катастрофа, значит, так оно и есть.

— Танцор написал, что тебе нужно в Безнадегу.

— Верно.

И тут крылась вторая странность происходящего. Первая заключалась в том, что угрюмый Танцор вообще сказал за никому не известного старика со спятившей спутницей. Вторая — в том, куда они направлялись.

— Мне ведь не нужно рассказывать тебе, что Безнадега — самый дерьмовый аттракцион Зандра? — негромко спросил комби, вилок разламывая напополам последний кусочек пирога.

— Я много слышал о том месте, куда собираюсь, — усмехнулся в ответ седой.

В принципе можно было заканчивать: ритуальное предупреждение сделано, ответ получен. Однако странные обстоятельства заставили Визиря продолжить.

— Не имеет значения, сколько аттракционов ты видел до сих пор: Безнадега не похожа ни на один. Ее построили обезумевшие от злобы и ненависти палачи. Там логово папаш, работорговцев, но убивать людей им нравится больше, чем торговать ими. Обитатели Безнадеги настолько плохи, что даже падальщики называют их подонками.

— Мне туда надо, — коротко ответил Тредер.

И по его тону стало понятно, что решение принято давно и никакая сила его не изменит.

Комби кивнул, показывая, что понял и принял слова собеседника, доел последний кусочек пирога, отодвинул тарелку, вытер рот тыльной стороной ладони, указал на киберпротез собеседника и осведомился:

— Сможешь идти по горам?

— Да.

— Устройство тебе плохо подходит.

— Я к нему привык. — Седой погладил киберпротез. — Давно с ним хожу.

— А твоя воспитанница горы потянет?

— Да.

— Точно?

— Я знаю правила Зандра, — выдержав паузу, ответил мужчина. — Если она станет обузой, ты ее бросишь.

Все верно — только так.

Гарик снова кивнул и продолжил:

— Ты понимаешь, что в Безнадеге тебя убьют?

— Ты выжил, — ровно произнес Тредер. Он ждал этого вопроса.

— В Безнадегу ходят только два комби, поэтому Шериф приказал нас не трогать. Мы ему нужны.

— Скажешь за меня Шерифу, — хмыкнул седой. — И меня не убьют.

Он не просто решил идти — он продумал маршрут до последнего шага. Он знал, кто и как ему поможет, кто проведет, кто поддержит. Он знал реалии Зандра так же хорошо, как Визирь, и оставалось выяснить, не забыл ли он о том, что в Зандре принято платить за услуги.

— То есть я должен провести тебя с девчонкой до Безнадеги и обратно и сказать за тебя?

— Все верно, — серьезно подтвердил Тредер.

— И?

— Двадцать радиотабл?

Визирь вежливо улыбнулся.

— За деньги ты не пойдешь, — понял седой.

— Ты — первый в истории человек после меня и Пепе, который добровольно собрался в Безнадегу, — объяснил разведчик. — Ты просишь сказать за себя Шерифу, но не хочешь говорить, зачем собрался в этот проклятый аттракцион...

— А ты спроси, — весело предложил Хаким.

— А ты не скажешь.

— Ты хорошо разбираешься в людях. — Седой рассмеялся.

— Ты тоже, — в тон Тредеру ответил комби. — И потому наверняка подготовил достойную плату.

Не просто достойную, а именно то, что могло заинтересовать именно Визиря.

— Слышал о Зоне Вонючих Вихрей?

— Разумеется, — со всем возможным спокойствием подтвердил Гарик, однако внутри у него все сжалось от предвкушения.

— Сколько комби погибло, пытаясь ее описать?

— Их смерть не доказана, — хрипло произнес разведчик. — Поэтому мы говорим «исчезли».

— Семь, — ответил на свой вопрос Тредер. — Трое одиночек и две пары. — Пауза. — У меня есть атлас Двужубой Мэри. Как я понимаю, ей единственной удалось выйти из Вонючки.

Этот атлас — если он действительно существует — стоял для Гарика десяти походов в Безнадегу.

— Ты ее убил? — Голос разведчика предательски дрогнул.

— Двужубая умерла своей смертью, клянусь, — твердо ответил седой. — Когда ее принесли, она была очень плоха. Я просто оставил себе ее атлас.

— Ты мне его покажешь?

— Разумеется.

— А когда отдашь?

— В Безнадеге.

— Почему не на обратном пути? — удивился Визирь.

— Я тебе верю.

Его спутнице наскучила первая игра, и теперь она вязала узелки. Удивительно, как долго и разнообразно можно развлекаться, имея на руках одну-единственную ниточку.

— Договорились... — Станный мужчина, странный контракт, хорошая цена — можно соглашаться. — Я должен уехать из Железной Девы до полуночи, так что в половине жду вас около багги.

— Мы придем, — пообещал седой.

— Только не берите много вещей.

— Год выдался удачным, — без хвастовства, но веско, с достоинством произнес Визирь. — Я много заработал и хочу оставить часть средств тебе. — Он вытащил из рюкзака контейнер и положил его у левой руки женщины. — Здесь тысяча двести радиотабл.

— Это очень много, — тихо заметила Лиза.

— Уверен, ты сумеешь ими распорядиться, — рассмеялся комби.

Они сидели в вип-кабинете заведения, однако ничего интимного или нежного в их позах пока не наблюдалось: Заводная съежилась в кресле, закуклилась, бросая на комби взгляды исподлобья; разведчик же сидел на диване, поднялся, передавая женщине контейнер, но не остался, хотя хотел, и вернулся на чуть продавленную подушку.

— Меня наняли дойти до Безднадеги, — продолжил он, покусав губу. — Потом схожу в Дырки, хабар, если будет, отнесу в Борисполье... Оттуда, скорее всего, подамся в Белый Пустырь.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — с хорошо сыгранным безразличием осведомилась Заводная.

— Затем, что из Пустыря я вернусь в Железную Деву, — ответил Гарик. — Мы дождемся рождения ребенка, после чего сделаем так, как ты захочешь: пойдем искать Нетронутые острова, или поселимся здесь, или уйдем в другую область Зандра...

— Что ты сказал? — прищурилась Лиза. — О каком ребенке ты говоришь?

— Среди моих устройств есть медицинский сканер, — улыбнулся комби.

Женщина его не поддержала. Выдержала паузу, бездумно разглядывая набитый радиотаблами контейнер, после чего осведомилась:

— С чего ты взял, что это твой ребенок?

— Считаю меня излишне самонадеянным.

— Считаю.

Он снова улыбнулся. И на этот раз был поддержан: Лиза ответила на его улыбку.

По всей видимости, женщина готовилась к трудному разговору, и поведение комби стало для нее приятным сюрпризом. А его следующие слова — шоком.

— Рядом с тобой я испытываю нормальные, настоящие чувства, не связанные с радостью от того, что выжил или кого-то убил. Рядом с тобой я становлюсь другим. И... И я хочу быть рядом с тобой. — Он помолчал. — Я хочу быть рядом с тобой, Лиза.

— Признаешься мне в любви? — Заводная очень хотела, чтобы фраза прозвучала шуткой, но голос дрогнул, и Визирь понял, что она волнуется не меньше, чем он.

— Да, Лиза, я признаюсь тебе в любви и прошу стать моей женой. — Он встал на колени и достал кольцо, которое утром купил у заезжего ювелира. — Прошу, — помолчал, нервно ожидая ответа, и, не выдержав, спросил: — Ты не ответишь?

Прозвучало настолько трагично, что Заводная едва удержалась от смеха. Протянула руку, нежно провела пальцами по щеке своего мужчины и прошептала:

— До полуночи еще три часа. — Он ждал. — Пойдем, отвечу...

Целых три часа...

* * *

«Человек ли я?

Парадокс заключается в том, что давным-давно, в прошлой, беззаботной жизни, когда я только становился комби и каждые два месяца ложился под нож хирурга, вставляя в себя все новые и новые протезы, я об этом не задумывался. Я становился сильнее и быстрее, лучше видел, лучше слышал и мог издалека проверить любой коктейль на составляющие. Я был молод. Я привык жить в цивилизованном мире, и его гибель стала для меня шоком. Не потому, что исчезло все, что было мне дорого, и погибло множество друзей. Не только поэтому. Ужас пришел, когда я осознал, как сильно комби зависимы от инструментов и вещей, как много нужно нам по сравнению с обычными людьми и насколько новый мир к нам жесток... Я видел умерших комби — они не сумели найти радиотаблу. Я видел взорвавшихся и сгоревших изнутри комби — пули разносили их микрогеры. Я видел оглохших и ослепших — навсегда, — потому что вовремя не нашлось нужных запчастей и цепи распались, а мой друг стал инвалидом из-за того, что у комби-мастера не отыскалось нужной отвертки.

Отвертки, твою мать! Отвертки...

Мастер не сумел влезть во внутренний киберпротез, и ногу Вига безвозвратно заклинило. А я смотрел на происходящее своими сверхмощными глазами и молился. Благодарил Бога за то, что преодолел Время Света без ранений; что не поленился когда-то и прошел курс комби-мастера; что всегда хранил дома два ремкомплект и запас радиотабл. Я молился... Потому что я был тем комби-мастером и не смог ничего сделать. Потому что Виг теперь подбирается в Биеве и ненавидит меня.

Потому что...

Я молился.

А потом вдруг спросил себя: зачем Богу меня слушать? Ведь я для него не более чем машина. Он дал мне глаза — я поменял их на новые. Он дал мне уши — их постигла та же участь. А еще руки, ноги, часть мозга...

Я больше не образ Его и не подобие. Я — кукла, которой нужен не священник, а механик.

Мне стало страшно. Но я все равно молился...

И молюсь до сих пор. Я не знаю, слышит ли Он меня или оставил, но это неважно, потому что я не оставляю Его. Буду идти за Ним, ползти, стоять поблизости... Пусть отвергнутый — все равно.

Потому что только благодаря Богу я пока остаюсь человеком...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

- Откуда они здесь?
- Не знаю!
- Какой же ты, на хрен, комби?!
- А-а...
- Найди другого!
- Идиот!
- Кретин!
- А-а...
- Заткни ее!
- Ей страшно!

— Чтоб тебя на атомы разложило... — Визирь на мгновение высунулся из-за укрытия, которым служил большой камень, выстрелил и спрятался.

— Как?

— Надеюсь, он не успел.

— Соборник?

— А-а... — Теперь девчонка не визжала, как в самом начале перестрелки, а тихонько скулила, отчаянно напоминая перепуганного щенка. Она прислонилась к камню спиной, закрыла руками уши, растопырила локти и подвывала, заставляя Гарика морщиться и ругаться. — А-а...

— Откуда здесь соборники?

— Спроси у них.

— А-а...

— Пожалуйста, пусть она замолчит.

— Ей страшно. — Седой вздохнул и провел рукой по волосам воспитанницы. — Извини.

— Проклятье!

Визирь был зол. Но одновременно испытывал стыд за то, что облажался. И прав Тредер: какой он, к чертовой матери, комби, раз умудрился вляпаться в примитивную засаду? Заболтался, отвлекся — старый Хаким оказался превосходным собеседником, — вот и прозевал движущийся навстречу «Выпекатель» адептов Собора Вселенского Огня. К счастью — и в этом Гарик окончательно убедился только что, — «Выпекатель» им встретился са- модельный, в противном случае они бы уже жарились в походном Зиккурате Очищения под заунывное бормотание чокнутых фанатиков.

— Это самопалы, — негромко произнес Визирь, нибывая в рожок патроны.

— Кто? — не понял Тредер.

— Спятившие местные, — объяснил комби. — Прониклись идеями Собора, слепили на коленке очищающую машину и отправились в Рейд Огня. По велению души, так сказать...

— Чего только не узнаешь... — Седой ругнулся.

— У вас таких нет?

- Не слышал.
- Зандр велик.
- Это верно.
- А-а...

Разведчик вложил последний патрон, вернул рожок на место, передернул затвор и продолжил:

— Огнемет в их «Выпекателе» слабее, чем у настоящих соборников, но багги они подбили и нас выкурят.

Мужчины не сговариваясь посмотрели на машину. Левое переднее колесо догорает шагах в десяти к северу, у камня, правое вообще неизвестно где. Плюс пулевые отверстия в силовом отсеке. Плюс отлетевший руль. И все эти плюсы дают один большой жирный минус: если стычка закончится удачно, дальше придется идти пешком.

— Что будем делать? — негромко осведомился Хаким.

И Надира, словно пожелав услышать ответ, принялась скулить тише.

— У них не только огнемет слабый, — спокойно ответил комби, поглаживая автомат. — Они сами не вояки — просто спятившие фермеры. Ноль тактики, минимальный опыт.

Убивать их — все равно что отстреливать кроликов, но выхода нет: они стали соборниками, а с соборниками договориться невозможно.

— Их много.

— А мы до сих пор живы.

— И что это значит? — Тредер поднял брови.

— Это значит, что они не умеют пользоваться преимуществом, — усмехнулся разведчик. — Сидят и не знают, что делать.

«Выпекатель» тоже потерял ход: Гарик снес ему ведущее колесо из реактивного гранатомета, и теперь тяжеленная машина могла лишь крутиться на месте и безуспешно поливать укрывшихся за камнем путешественников из огнемета и пулемета. Один раз соборники попытались атаковать в лоб, но мужчины отбили: Тредер оказался таким же опытным и хладнокровным стрелком, как и Визирь.

— Сиди тут и не давай этим кретинам уснуть, — велел Гарик, поднимаясь на ноги. — Я обойду их справа, вдоль скалы, и ударю в спину.

— Рискованно.

— Ты платишь мне за то, чтобы я провел тебя к Безнадеге. А сидя тут, мы до нее не доберемся.

— Хорошо, что ты это понимаешь. — Хаким передернул затвор автомата. — Не облажайся.

— Это все твое напутствие?

— Я не целуюсь на прощание. Тем более с мужчинами.

Проводив комби взглядом, Тредер вздохнул, некоторое время посидел молча, напряженно вслушиваясь в происходящее, а затем вдруг резко развернулся и дал короткую очередь по танку. Вскрик, предсмертный хрип, один сборник остался на камнях, двое других метнулись за броню. «Выпекатель» с шипением плюнул огнем.

Надира вытерла сопли и стала подбрасывать белый камешек.

— Он вернется, — пробормотал Хаким, поправляя киберпротез. — Он обязательно вернется...

«Хрен тебе!»

Фермеры оказались не такими уж кретинами, в какие их успел записать Гарик, и тоже направили отряд вдоль скалы. Но поскольку их было больше, то одинокий комби повстречал на узенькой дорожке целых трех врагов, к счастью, не особенно готовых к драке.

«Уроды!»

И совершенно точно: самопалы, что было отчетливо видно по грубым кожаным плащам с корявыми нашивками и кустарно изготовленным маскам истопников. Однако головы у всех троих обожжены, а красные линии на них нанесены в полном соответствии с канонем Собора.

Адепты Вселенского Огня считали порождением Зверя всех переживших Время Света и уготовили им очищение: желательно — на костре, но можно и ножом, и топором, и пулей, потому что главное — убить. Подготовленные сборники в этом деле специалисты, с ними тяжело, а вот

★ фермеры, как и предсказывал Визирь, войсками оказались безмозглыми. Первая их ошибка заключалась в том, что они набросились на комби скопом, увидели пробирающегося разведчика — и рванули, размахивая мачете и вопя от возбуждения. Во-вторых, они начисто позабыли о существовании огнестрельного оружия. В-третьих, не оценили противника...

Визирь плавно ушел в сторону, сманивировал, оказавшись сбоку и заставив фанатиков начать глупый поворот, на ходу извлек пистолет и выстрелил четыре раза. Стрелял наугад — времени было мало, — понадеявшись, что с такого расстояния не промахнется, но получилось плохо. Ближайший соборник получил две пули в грудь, споткнулся, рухнул на колени, а затем повалился на бок, пуская кровь из раны и рта. Второй боец принял следующий выстрел, но на нем оказалась защита. Соборник на мгновение замер, однако на ногах устоял, рванул вперед, добежав до комби как раз к четвертой пуле. Последний фермер вообще остался цел.

«Черт!»

Схватка перешла в рукопашную. Два мачете против одного ножа и крепких кибернетических протезов...

— Проклятье! У них получилось! — Тредер вновь вернулся в укрытие, рывком сорвал опустошенный рожок, бросил его сидящей на земле Надире и вставил на место снаряженный. — Они починили машину!

Оценив повреждения, фермеры поставили «Выпекатель» неповрежденным бортом к противнику и под прикрытием брони занялись ремонтом... Который только что завершился.

— Боюсь, мы не удержимся...

Танк, хоть и самодельный, нес на себе достаточно брони, чтобы не опасаться пуль; два оставшихся у путешественников гранатомета валялись в покореженном багги; бежать некуда — позади ровное, как извилины падальщиков, поле; и жить осталось ровно столько, сколько потре-

буется «Выпекателю», чтобы преодолеть разделяющие их полторы сотни метров...

Или...

Танк плюнул огнем, и Хаким понял, что все может закончиться значительно раньше.

— Проклятье!

Глубокий порез на шее, еще один — на предплечье; каждый вздох отдается болью в груди — один из фермеров ударил комби камнем и, возможно, сломал ребро; болит нога... Но все это ерунда по сравнению с тем, что «Выпекатель» пришел в движение.

— Он едет! Чтоб его на атомы разложило! Он едет!

Еще из укрытия Визирь понял, что спятившие работяги бронировали только борта трактора, и планировал закидать его сверху гранатами — помимо прочего, в боевом ранце ждали своего часа три «пышки» направленного действия, каждая из которых могла разнести недотанк самопальных сборников на составные части, но бросать их надо сверху! В незащищенную крышу! Только в этом случае...

«Спокойно!»

Двигался «Выпекатель» не быстро, останавливаясь, чтобы выпустить струю огня или дать пулеметную очередь, и пока оставался рядом со скалой, вполне доступный для атаки сверху.

Дело оставалось за малым: пробежать по гребню и догнать проклятый танк до того, как он поджарит Хакима и его полоумную спутницу.

Гарик выругался. Потом выругался еще раз. Потом достал «пышку», взвел ее и хромя побегал по узкому гребню скалы. Он обещал доставить клиента в Безнадегу, а сидя в укрытии, этого не сделаешь.

— Дерьмо!

Иначе не скажешь: укрылся ведь надежно, но тяжелая пулеметная пуля ударила в камень, срикошетила и на излете распорол Хакиму плечо. Грубо и жестоко.

По руке потела кровь. Тредер сморщился, сделал пару шагов в сторону и крикнул:

— Не удержимся!

Он никогда не считался паникером, однако на этот раз имел все основания для страха: танк хоть и медленно, но приближается, сбить его нет никакой возможности, а умирать... умирать не хочется.

— Надира!

Девчонка больше не подвывает, сидит у камня, теребя в руках рюкзак, и смотрит на седого.

— Надира...

И в этот момент грохочет взрыв.

Именно грохочет — потому что чудовищной силы, — и кажется даже, что огромный камень, за которым укрывались путешественники, подпрыгнул, на мгновение зависнув в воздухе.

Бронированный трактор, который только что был пусть и ненастоящим, но все же «Выпекателем», разлетается на куски, и его обломки засыпают окрестности... Нет. Сначала гремят еще два взрыва: боекомплект и силовой блок, и уж затем летят обломки... Или куски железа появились раньше? Теперь не скажешь, потому что еще после первого взрыва Хаким и Надира благоразумно упали на землю, закрыли головы руками и пролежали так до тех пор, пока с неба не перестало сваливаться подброшенное в него железо.

— Пулю поймал? — осведомился Визирь, разглядывая перевязывающего себя Хакима.

— Ага.

Несмотря на то что ему приходилось действовать одной рукой, Тредер накладывал повязку с необычайной ловкостью, что выдавало опытного медика.

— Крови много потерял?

— В тебя встроен медицинский сканер?

— Да.

— Посмотри, нет ли заражения.

— Сейчас...

Управление приборами Гарик вывел на защищенную панель в левом предплечье, из которой при необходимости появлялся сенсорный голографический монитор. Однако сейчас комби не стал возиться с его активизацией, а вывел информацию на искусственный глаз.

— Пока все в порядке. Признаков заражения нет.

— Вот и хорошо. — Седой закончил с перевязкой и прищурился на багги: — Мы крепко попали на время?

— Не очень крепко, — не стал врать разведчик. — Через Рагульские Утесы проезда нет, нам все равно пришлось бы оставить машину километров через восемь.

— А как обратно?

— На своих двоих, — фыркнул Визирь. — Можно подумать, это мой первый багги.

— То есть все в порядке?

— Абсолютно, — подтвердил комби и замер, уставившись на девчонку: Надира отыскала в пыли и каменной крошке оторванную руку соборника и теперь сгибала и разгибала на ней пальцы, напевая что-то себе под нос.

* * *

«Прошло всего несколько месяцев после Времени Света... А может, несколько недель? А может, и вовсе считанные дни... В общем, едва пережив самую страшную в истории человечества катастрофу, мы принялись врать о своем прошлом. Все мы, без исключения: падлы и папаши, фермеры и егеря, торговцы, механики, бармены, проститутки, военные, калеки, нищие и баши — мы все рассказывали, что в прошлой, довоенной и счастливой жизни были миллионерами или аристократами, знаменитыми артистами или спортсменами, куртизанками, которых жаждали богатейшие шейхи, или бесстрашными капитанами космических яхт.

В своих рассказах мы становились теми, кем грезили.

Мы знали, что врем и что слушаем вранье, но продолжали рассказывать и даже верить в то, что слышим и го-

ворим. Потому что с помощью лжи о прошлом мы хоть на время расставались с поганим настоящим...

Ложь стала для нас обыденностью.

В Зандре очень мало честности. Очень мало искренности.

Впрочем... в Зандре много чего не хватает».

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

— Я до сих пор скучаю по мороженому, — произнес Хаким. Он не отрываясь смотрел на маленький костерок, а фразу сопровождал сентиментальной улыбкой. Как будто вспомнил нечто необыкновенно доброе, мягкое, согревающее даже сейчас, после кошмара Времени Света и всей грязи Зандра. — В некоторых городах его уже делают, но настоящего московского пломбира я, наверное, никогда не попробую. Боюсь, его секрет утерян.

— Мы много чего потеряли, — заметил Визирь. И пыхнул трубкой.

— По чему скучаешь ты?

— По чистоте, — помедлив, ответил комби. — Я часто мыл руки, хотя бы раз в день принимал душ и до сих пор не привык к ощущению грязи. Не люблю его. Оно мне противно. Как запах давно немытого тела... Моего и... и всех вокруг. Я скучаю по чистоте.

— А я приняхался, — хмыкнул Тредер.

— Знаю.

— Кажется, ты меня только что оскорбил.

— Зандр грязен, — пожал плечами Визирь. — Вода сейчас — огромная ценность, поэтому Зандр грязен. И вонюч. Это надо просто принять.

— Ты принял?

— Да. Но я скучаю.

Путешествие по Ругульским Утесам заняло двенадцать дней, и Гарик сказал, что получилось хорошо: не так быстро, как обычно, то есть в одиночку, но и не так медленно, как он ожидал, когда его спутниками стали пожилой мужчина и полусумасшедшая девушка. Двенадцать дней по ущельям, узеньким карнизам и перевалам, без тропи-

нок и каких-либо опознавательных знаков на маршруте, руководствуясь лишь памятью и знаниями разведчика.

Утесы были молодыми горами — их основная часть сформировалась во Время Света, в ходе мощных сдвигов, вызванных ударами тектонического оружия, и потому они не были достаточно изучены. Пройти через Рагульские можно было только пешком, что делало их надежным заслоном на пути отмороженных падальщиков Майдабрежья, что тянулось вдоль такого же юного, как Утесы, Зигенского моря. Тяжелейшая дорога не позволяла провести в Веселый Котел технику для серьезного наступления, и зарагульским падлам оставались лишь набеги, которые Баптист отбивал без особого труда.

В конце двенадцатого дня утомительного путешествия они различили в поднявшемся ветре сильный привкус соли — даже Надира промычала что-то невнятное и потыкала пальцами в воздух, — море было совсем рядом. Хаким решил, что надо ускориться, однако Визирь, к его удивлению, приказал разбить лагерь.

— Зачем нам лишняя ночевка в горах?

— Во-первых, спускаться с Утесов — то еще удовольствие, и лучше это делать днем, — объяснил комби. — Во-вторых, к вечеру Шериф накачивается всякой дрянью, и разговаривать с ним бессмысленно: прикажет расстрелять, никто и слова не скажет. Лучше не рисковать.

Спорить Тредер не стал.

Они выбрали площадку, насобирали хвороста — сухие горные кусты неплохо горели, — запалили бездымный костерок, поужинали, а после, лениво глядя на догорающие ветки, завели неспешный разговор.

— Можно вопрос?

— Ты не устал спрашивать? — усмехнулся Гарик. — И что изменится, если я не дам разрешения?

— Ничего не изменится, — с улыбкой подтвердил седой. — Все равно спрошу.

— Вот видишь.

— Я думал, тебя развлекают наши беседы.

— Развлекают, — признал Визирь. — Я много времени провожу в одиночных походах и ценю хороший разговор.

— Или ведешь его сам с собой.

Комби понял, что имеет в виду Хаким:

— Читал мои комментарии?

— Как книгу, — с уважением ответил тот. — Ты прекрасно пишешь.

— Образ жизни навевает. — Гарик решил, что еще одна трубка не помешает, набил ее, раскурил и осведомился: — Так о чем ты хотел спросить?

Ожидал какую-нибудь пошлятину, а услышал неожиданное:

— Почему ты ходишь только по аттракционам?

— Не только, — после довольно длинной паузы ответил Гарик, ошарашенный слишком личным вопросом седого.

— Ты редко появляешься в обычных поселениях.

— А ты слишком много обо мне узнал, — пыхнул облаком дыма разведчик. — И мне это не нравится.

— А мне предстояло преодолеть две с лишним тысячи километров, и потому я всерьез готовился к путешествию, — объяснил Тредер. — Я проложил маршрут, узнал людей, которые смогут помочь преодолеть его, изучил этих людей, чтобы понять, чем нужно платить. — Пауза. — Я не просто еду в Безднадегу — я хочу туда приехать. И я приеду. И поэтому мне пришлось много о тебе узнать, Визирь. Извини.

Комби тоже помолчал, переваривая искренний ответ, а затем ответил так, как должно:

— Наверное, на твоём месте я поступил бы так же.

— Спасибо.

— Не за что.

— Извини, если мой вопрос тебя задел.

— Твой вопрос логичен. — Визирь посмотрел на завороченно разглядывающую огонь Надиру и закончил: — Я отвечаю.

— Буду рад.

— Но потом ты так же честно ответишь на мой вопрос.

— Договорились, — кивнул седой. — Так почему ты ходишь только по аттракционам?

— Они честные.

— То есть? — Такого ответа Хаким явно не ожидал.

Разведчик же, поняв, что разговор затевается долгий, привстал, подбросил в костер несколько веток, вернулся к своему спальнику и продолжил:

— После войны в нас появилось очень много зла. Мы стараемся быть добрыми, но получается не у всех и не всегда. Жизнь жестока, и потому каждое поселение — закрытая крепость, в которой доверяют только своим. Люди делают вид, что хотят восстановить нормальное общество, но их законы и суды защищают только своих. Они запретили рабство, но платят батракам так мало, что те почти не отличаются от рабов. Они провозгласили, что выжившие люди — величайшая ценность, но отворачиваются, когда рядом с ними умирают с голода. И это только часть... Только часть лжи, которой пронизаны поселения.

— И ты выбрал бандитов и мародеров? — криво усмехнулся Тредер.

— Они не скрывают свою звериную суть, не прикидываются честными.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, и так же, как ты, не терплю лицемеров, — медленно произнес Хаким. — Но если все вокруг примут звериную мораль падальщиков, мы не выживем. Люди как общество, как цивилизация не выживут. Да, в нас много зла, но нужно стараться... стремиться к добру. Хотя бы для своих, но к добру.

— Ты в это веришь? — тихо спросил комби. — Ты стремишься?

Тредер тяжело вздохнул, на мгновение в его глазах мелькнуло пламя — не огонь, но пожар, — однако ответ дал искренний:

— Я услышал эти слова давно и... Нет, не поверил. И... нет — не стремлюсь. Во мне много зла, выражаясь твоим языком... — Седой погладил киберпротез. — Но мне кажется, я должен об этом говорить, чтобы поверил хоть кто-то. А если не поверил, то, может быть, просто

сделал в жизни один хороший поступок. Один. Может, мои честные слова подвигнут кого-то сделать хороший поступок... А если каждый из нас сделает в жизни хоть одно хорошее дело, количество добра увеличится, и мир... Вдруг мир улыбнется? Ведь мы и есть мир, и только мы сможем вновь научить его улыбаться.

Тредер щурился на огонь и говорил проникновенно, от души, открывая то, что думал, во что верил. И Визирь вдруг подумал, что все понял:

— Ты поэтому заботаешься о девчонке? Это твой добрый поступок?

— Это мой грех, — качнул головой Хаким. — Это зло, которое я несу людям.

— Девчонка? — Комби дернул головой, обернулся и увидел, что Надира играет с горящими щепками. — Она — грех?

— Это твой вопрос?

— Нет.

Хоть неожиданный ответ и разбудил интерес разведчика, Гарик решил потратить обещанный честный ответ на более важную тему. Решил спросить о том, что мучило его уже двенадцать дней:

— Ты ведь дотовец, Тредер, не так ли?

Седой не удивился. Усмехнулся, кивнул, но ответил не прямо, а вопросом:

— Видел татуировку?

Крест и два меча — символ Санитарного Спецназа генерала Дота — прятались в тепле левой подмышки Хакима. И там же — штрих-код с его личными данными.

— Когда ты переодевал испорченную рубашку, я стоял далеко, и ты расслабился, забыл, что надо держаться ко мне правым бортом, забыл, что я — комби, — произнес разведчик. — Я поймал тату в имплант, приблизил, почистил и сильно удивился, поняв, кто ты.

— Мы оба знаем, что дотовец не дошел бы до Безнадеги. — Тредер чуть пожал плечами: — Меня убил бы первый встреченный венком или папаша.

— И ты прикинулся обычным фермером...

— Авторитетный человек из Харыза был мне должен. Он представил меня врачом группе топтунов, которые как раз собирались идти через Перевалы Пятнадцати, и так началось мое путешествие.

И в этом признании таился настолько глубокий смысл, что он не укладывался у комби в голове. Абсолютно не укладывался, потому что...

Генерал-лейтенант медицинской службы Александр Александрович Дот сразу после Времени Света занялся своими прямыми обязанностями: оказанием помощи пострадавшим и пресечением распространения инфекций. Будучи человеком решительным и волевым, он ухитрился привлечь на свою сторону, а затем и полностью себе подчинить несколько военных частей, ставших впоследствии ядром знаменитого на весь Зандр Санитарного Спецназа — безжалостного и спасающего. Сначала только спасающего, но постепенно становящегося все более и более безжалостным, поскольку генерал пришел к выводу, что Время Света серьезно повредило человечество и требуется огромная работа по избавлению от последствий. Базовой территорией Спецназа стал Периметр Дота — минимально зараженная область, внутрь которой допускались только предельно чистые люди. Сами дотовцы вживляли себе дыхательные фильтры, не выходили из герметичных помещений без масок и защитных комбинезонов, с маниакальной тщательностью следили за пищей и водой. Результат был: среди них даже уродов рождалось мизерное количество, однако Визирь считал, что бегство от Зандра ничего не даст и глупо пытаться хранить чистоту человечества, когда сама планета пошла вразнос.

На подобные заявления Дот обычно отвечал, что Земля сильна и рано или поздно рассеет ядовитые последствия Времени Света.

— Тебе пришлось ампутировать фильтры, — произнес разведчик, намекая на то, что Хаким никогда не вернется к своим.

— А еще — снять комбинезон и маску, — спокойно добавил седой, поглаживая слабую, поддерживаемую ки-

берпротезом руку. — Вот уже несколько месяцев я дышу воздухом Зандра, пью воду Зандра и ем пищу Зандра.

— Ты не вернешься за Периметр.

— Больше никогда. Но Дот сказал, что он меня понимает.

В его голосе не было сожаления, только легкая грусть человека, навсегда расставшегося с лучшими в жизни друзьями, которые любили его и которых любил он. Расстался, потому что не мог иначе.

— Почему не удалил татуировку?

— Гордость, — улыбнулся Тредер. — Я — дотовец. Я скрываюсь, но я не трус. Ты не первый, кто увидел мой знак, но ты останешься в живых.

— Потому что я сильнее тебя?

— Потому что ты не несешь для меня угрозы, — с прежним спокойствием объяснил седой. — Ты ничего мне не сделаешь, потому что не хочешь. Я тебя не пугаю, и я тебе интересен, в противном случае ты никогда не задал бы этот вопрос.

Он действительно хорошо изучил тех, с кем собирался путешествовать по Зандру. Разобрался в характере, вычислил слабые места... Он был слишком умен даже для дотовца, и Гарик внезапно вспомнил древнее, почти забытое слово — «шахматы». Человек, сидящий по другую сторону костра, наверняка был мастером этой игры.

«А девчонка?!»

Быстрый взгляд влево, Надира отвернулась от огня и выкладывает на земле узор из разноцветных камешков, что собрала по дороге.

Теперь, когда Хаким подтвердил, что является дотовцем, его спутница стала вызывать у разведчика совсем иные подозрения: она могла оказаться заражена недоступным для полевого сканера «спящим» вирусом, и, оказавшись в аттракционе...

— Зачем ты идешь в Безднегу? — хрипло спросил комби.

— Неужели не догадался? — Показалось, что седой искренне расстроен.

- Зачем?
- Там живет человек, которого я ищу.
- Твой друг?
- Он поможет мне излечиться.

И снова непонятно. С точки зрения встроенного в комби медицинского сканера Тредер был в полном порядке, слегка потрепан путешествием по Зандру, но в целом — абсолютно здоров. И какую же скрытую болезнь он собрался лечить в дикой Безнадеге, что с ней не справились лучшие спецы Дота? Ради чего Хаким оставил Периметр с его чистой пищей и чистой водой? Изменить, а если называть вещи своими именами — сломать себе жизнь? Ради чего?

— В Безнадеге есть только фельдшер. Когда я прихожу, люди платят, чтобы я просветил их медицинским сканером.

— Я не говорил, что тот человек — врач, — ровно произнес Тредер.

— Ты сказал, что он тебя излечит.

— Все верно... — Пауза. — Он поможет мне вылечить душу.

— Хм-м... Я слышал о душе, — не стал скрывать Визирь. — Когда-то считалось, что эта бессмертная субстанция обитает внутри каждого из нас, но Время Света доказало ошибочность теории. Мы были слишком оптимистичны, считая, что душа есть у всех.

— Ты говоришь так, словно читаешь мои мысли. — Седой помолчал. — Жрущие Дни?

— Один раз, — через силу ответил комби. Он не любил вспоминать то время.

— Я тоже, — кивнул Тредер.

Мужчины помолчали, слушая треск горящих веток, а затем разведчик вернулся к интересующей его теме:

— Прости мое тугодумие, но я так и не понял, зачем тебе в Безнадегу.

— Сложи два и два, — предложил Хаким, и в следующее мгновение Гарик проклял свою глупость.

Он догадался.

Безнадега была крупнейшим центром работорговли в этом секторе Зандра, а дотовцы — чистые, прячущиеся внутри Периметра, сопротивляющиеся радиации и химии, в общем, сопротивляющиеся всем подаркам новой Земли дотовцы — были их излюбленной добычей. Дотовцы приносили папашам самую большую прибыль, и теперь...

— Кого у тебя похитили?

— Сына, — угрюмо ответил Тредер. — У меня была большая семья, а остался только он. Спасая его во Время Света, я творил вещи, которые... которые... В общем, я сам не думал, что способен на такие вещи. Но я их делал, и мне не стыдно. Я спас своего сына, и я... я его потерял.

— Почему не организовал рейд?

— Слишком далеко от Периметра, — машинально ответил Хаким. И тут же, опомнившись, попытался все исправить: — Какой рейд?

— Ты не рядовой дотовец, — усмехнулся комби.

И Тредер, помолчав, ответил правду:

— Я занимал должность начальника карантинного управления Санитарного Спецназа. Это третье по значению подразделение штаба после оперативного и управления медицинской разведки. Я...

Но Визирь не слушал:

— Ты командовал карантинщиками Дота?

— Да.

Короткий ответ, и у ошеломленного разведчика отвалилась челюсть. Потому что перед ним сидел не человек, а легенда. Или воплощение всех страхов Зандра. Или спаситель Зандра, его хранитель... Не обычный служака, как думал разведчик, затеявая разговор, а один из высших офицеров Спецназа.

— Тебя называют...

— ...Белый Равнодушный, — закончил за Гарика седой. — Я знаю.

Карантинщики Дота... Они приходили туда, где возникла опасность эпидемии, выставляли заслоны и открывали огонь без предупреждения. Внутрь входили только

врачи, наружу выходили только после того, как начальник службы лично подтверждал, что Спецназ справился и болезнь ушла. Начальник — Белый, потому что всегда носил поверх комбинезона медицинский халат, Равнодушный, потому что на него не действовали уговоры и мольбы. Потому что он слушал плач, причитания и вопли, отворачивался и оставлял все как есть, держал заслон столько, сколько нужно, позволяя умирать тем, кого нельзя было спасти...

Считалось, что он сделан из железа. На полном серьезе утверждали, что по утрам он пьет кровь зараженных детей. Его ненавидели те, чьи близкие сгинули за карантинными заслонами. И боготворили те, кого спасли его жестокость и равнодушие.

Главный карантинщик Дота...

Только вот звали его отнюдь не Хаким Тредер.

— Ты знаешь, что твоим именем в Зандре детей пугают?

— Это называется славой, — равнодушно отозвался Белый. И закончил: — Я знаю точно, что мой сын в Безнадеге. И завтра я его заберу.

* * *

«Я всегда боялся этого аттракциона. Его ауры. Даже его названия.

Не опасался — боялся.

Приходил снова и снова, работал на Шерифа и говорил с его падлами, делился с ними табаком, просвечивал медицинским сканером и брал у них пшики с синей розой. Мы давно знаем друг друга, но в Безнадеге это ничего не стоит, и если бы не Арсений, который надеялся, что я отыщу ему дорогу через Рагульские Утесы, падальщики убили бы меня давным-давно. Просто так. Потому что никто из них не способен одолеть меня один на один, и от того появилась ненависть.

От слабости. От трусости. Чтобы разобрать на запчасти и продать другим комби.

Просто чтобы убить.

В Майдабрежье особые падальщики — злоба и жестокость возведены у них в культ. Здесь не прижились даже гладиаторские бои, любимое развлечение работоторговцев Зандра, поскольку падлы предпочитали просто и без затей забивать беззащитных пленников до смерти. Под одобрительные вопли сородичей. Хохоча и гордясь собой. И им не надоедало, они готовы были повторять это развлечение снова и снова, без передышки...

Но пугала меня не запредельная дикость зарагулян.

Нет.

В глубине души я боялся, что когда-нибудь все аттракционы Зандра станут такими же паскудными и грязными, как Безнадега. Ведь тупость заразна, в этом я неоднократно убеждался, наблюдая за превращением нормальных людей в утрюмых, уставших от всего работяг или служаек, а жестокость завораживает. Жестокость дарит слабакам ощущение силы, упоительного могущества, пробуждает в слизняках мужественность. Жестокость бессмысленная, кровь ради крови, не имеющая ничего общего с холодной и расчетливой, нацеленной на спасение жизней жестокостью карантинных отрядов Дота.

Я видел, как Арсений приучал пацанов к крови, как учил вспарывать животы, сжигать заживо, бить до смерти... Мужчин, женщин, детей — неважно кого и за что, главное, что на них указал Шериф. Я видел, как блестели от возбуждения его маленькие темные глазки и с какой радостью целовал он забрызганных кровью мальчиков в губы... Своих зверят, которые будут дикими даже по меркам Зандра.

Я видел и боялся, что зло Безнадеги расползется и станет нормой.

Я чувствовал ненависть и ненавидел в ответ. Ведь ненависть так же заразна, как и тупость, знаю на собственном опыте...

Я хотел остановить эту заразу, но не мог и потому боялся.

И Белый Равнодушный понял все, прочитав мои записи. Понял меня, ни разу не встретившись лично. Понял даже то, в чем я не признавался себе.

Он действительно умел играть в шахматы...

И в Железной Деве он искал именно меня, а не Пепе...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Последний переход получился коротким — четыре часа, три с половиной из которых им пришлось аккуратно, поддерживая друг друга и периодически закрепляя страховочный трос, спускаться с Утесов. Не по отвесной стене, конечно, но по трудной дороге, которая прекрасно просматривалась и простреливалась с расположенного у подножия поста.

— В шестнадцати километрах к северу есть пологая тропа, которую контролирует аттракцион Дарай, — рассказал комби во время одного из кратких привалов. — Но Арсений специально не хочет в него переселяться: опасается внезапной атаки. Ему спокойнее, когда спина прикрыта.

— Почему мы не пошли по той дороге?

— Чтобы не топать шестнадцать километров по Майдабрежью, — как маленькому, объяснил разведчик. — Слово Арсения крепкое, но оно не поможет, если мы наткнемся на спятивших или обкуренных падл.

Они отправились в путь, едва проснувшись, на ходу прожевав концентраты и запив их водой. Минут через двадцать вышли к Верхнему балкону, постояли немного, очарованные величественной панорамой раскинувшегося под ногами моря, затем начали спуск и лишь через три с лишним часа достигли относительно пологого участка, который начинался нависающим над аттракционом Нижним балконом.

— Безнадега во всей красе, — сообщил Гарик, раскуривая трубку. — Наслаждайтесь.

— Она именно такая, какой я и представлял, — прищурился Равнодушный.

— Маленькая?

— Никакая. — Короткая пауза. — Безнадежная.

До Времени Света аттракцион представлял собой скромных размеров поселок, архитектурно безликий и до-

статочно бедный. Историю его, как и настоящее название, никто не знал, и никто такой ерундой не интересовался, а известность он получил под другим именем... Под новым.

В ходе тектонических катаклизмов поселок оказался на узкой полоске земли, которую впоследствии стали называть Майдабрежьем. К западу плита капитально просела, образовав Зигенское море, а путь на восток перекрыли Рагульские Утесы. Поселок потерял множество построек и почти всех жителей, однако сохранился и приглянулся облюбовавшему дикое побережье падальщикам и папашам. Первым свою резиденцию здесь создал печально знаменитый Бобо Лойский, которого даже свои за глаза называли не иначе как Тварью. Самой знаменитой акцией Бобо стала одновременная казнь трех тысяч последних местных, после чего на Майдабрежье остались исключительно падлы, которые поняли, что следующими станут они, и организовали переворот, вознеся на вершину власти Арсения Шерифа. С тех пор Майдабрежье обрело нынешний облик, а Безнадега стала его столицей.

— Большой белый дом, что стоит на самом побережье, — это дворец Шерифа, построенный уже после Времени Света. К нему примыкает Арсенал и гараж с военной техникой.

— Арсений никому не доверяет?

— И правильно делает.

— Согласен.

Визирь помедлил, после чего продолжил:

— Бараки с серыми крышами — казармы, в них живут рядовые падлы. Все остальные — в своих домах или квартирах. Местных тут нет, только падальщики и папаша. Плюс рабы, их загоны под соломенными крышами.

— У них есть катера, — пробормотал Белый, разглядывая небольшой порт Безнадеги.

— Катера, рыбацьи баркасы и несколько средних судов, — подтвердил комби. — На них Арсений ходит в набеги к побережью Куйской равнины, в устье Динара и на юг, в Пески-Пески.

— Авиация?

— Два вертолета огневой поддержки, но он их бережет как зеницу ока.

— Где стоят?

— Ангары левее порта.

— Вижу...

Вопросы Равнодушного и его пристальный интерес к планам Безнадеги плохо увязывались с рассказом о поиске ребенка. Сейчас Белый напоминал готовящего штурм военного, и Гарику в какой-то момент показалось, что он привел на Майдабрежье не двух странных путешественников, а не менее батальона отъявленных головорезов из Санитарного Спецназа.

Вновь проснулись былые подозрения, а когда они возвращались, Визирь всегда смотрел на девчонку. Бросил взгляд и на этот раз — резкий, быстрый, от которого не укрыться, — но Надира тарачилась на аттракцион с тем же безразличием, с каким только что смотрела на море.

— Мы войдем в Безнадегу через двадцать минут, — сообщил разведчик, медленно отворачиваясь от девчонки. — Остановимся в таверне вдовы Кличко, после чего сразу же отправимся во дворец.

— Ты уверен, что Арсений здесь? — Белый задал вопрос равнодушно, но комби понял, что для седого присутствие Шерифа имеет огромное значение.

И на этот раз плюнул на подозрения. Точнее, перестал на них реагировать. Как бы их путешествие ни закончилось, скоро оно закончится.

— Здесь, — почти сразу ответил Гарик. — Видишь над дворцом сине-желтую тряпку? Это его личный штандарт.

«Мог ли я догадаться, что будет дальше?

Наверное.

Даже не так: я обязан был догадаться, поскольку получил все возможные подсказки.

Назвавшись, дотовец бросил карты на стол, а расспросы на Нижнем балконе должны были рассеять последние сомнения, но я отказывался соображать.

Потому что не хотел.

Потому что в глубине души понял, для чего Белый Равнодушный шел на Майдабрежье, и жаждал увидеть, что он сделает с Безднадегой. Что уготовил человек, чьим именем пугают детей, месту, которое проклинают даже падлы. Что он сделает с уникальной мерзостью, претендующей на титул главной грязи Зандра.

Я догадывался, что увижу невероятное.

Я хотел, чтобы Безднадега исчезла...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Тоненький, но от того невозможно пронзительный вой... Противный... Въедливый... Царапающий сердце даже Равнодушному...

— Почему ему не заткнули рот?

— Он приговорен.

— А мы?

— Мы должны видеть и слышать. В этом заключается воспитательный эффект. — Разведчик помолчал. — Если кто-нибудь из мальчиков Арсения проявит слабость, как ты сейчас, им заинтересуются. И возможно, он станет следующим. — Еще одна пауза. — Здесь выживают только те, кто ухмыляется.

Окна комнаты, которую им определили в таверне, выходили на главную площадь аттракциона, на которой как раз проходила очередная экзекуция. Впрочем, комби объяснил, что «как раз» определение неверное: убивали на площади едва ли не постоянно. Конкретно сейчас приговоренного забивали розгами, обыкновенными гибкими прутками: сменяя друг друга, палачи постепенно рассекали несчастному плоть, добираясь до кости. Не спеша. Со смаком. Смеялись, выпивали, меняли друг друга, предлагали принять участие всем прохожим, и мало кто отказывался.

— Они больны, — мрачно сказал дотовец. — Их недуг — ненависть и жестокость — неизлечим.

— Ты — Белый Равнодушный. Тебе приходилось отправлять на смерть тысячи людей.

— Тысячи больных, — поправил Гарика седой.

— Не только.

На миг Визирю показалось, что дотовец его ударит. Но только на миг. Равнодушный понимал, что насилием лишь подтвердит заявление разведчика, и сдержанно, но с необычайным достоинством ответил:

— Я горжусь тем, что делал, комби, и тем, что делает Санитарный Спецназ. Мы никогда и никому не отказываем в помощи. Мы приходим, лечим, теряем врачей... десятки докторов умерли, но не бросили пациентов... Мы спасаем. — Белый пронзительно посмотрел на разведчика. — Но мы не имеем права рисковать, и потому...

— ...за спинами врачей всегда стоишь ты, — закончил за него Гарик.

— Да.

Начальник Карантинного управления. Единственный, кроме генерала Дота, человек, имеющий право объявить о прекращении эпидемии. Ответственный за смерть такого количества людей, что Арсений Шериф, с его маниакальным зверством, выглядел на фоне Равнодушного жалким, недостойным упоминания любителем. Спасший такое количество людей, что ему следовало бы поставить памятник из чистого золота.

— Извини меня, — неожиданно сказал Визирь.

Однако ответ разведчику пришел не от дотовца.

— Он давно перестал обижаться на подобные обвинения.

Грудной, чуть хриловатый и очень приятный женский голос.

«Неужели?!»

Гарик резко обернулся и замер, пораженный произошедшей с Надирой переменой: исчезла одутловатость, мышцы подтянулись, и лицо, только что «расфокусированное», вдруг задышало жизнью и энергией. Как будто бы из ничего появилась красивая линия губ, безвольный рот стал строгим, а взгляд — осмысленным, уверенным и слегка насмешливым.

— Тебе нужно вколоть антидот. — Равнодушный бросил Визирю шприц и принялся снимать киберпротез. — Если хочешь жить, конечно.

— Сначала ему нужно прийти в себя, — рассмеялась девушка, раскрывая рюкзак. — Кстати, меня зовут Кабира Мата.

— Очень приятно, — протянул комби.

— Мне тоже, красавчик.

Белый протянул спутнице киберпротез, и Гарик понял две важные вещи. Первая: внешнее устройство в действительности принадлежит девушке, оно село на ее правую руку как влитое. Второе: протез нужен Кабире вовсе не потому, что она инвалид, а по той простой причине, что никто на свете, включая самых крепких воинов Цирка Уродов, не мог стрелять из «Толстого Мэга» без дополнительных приспособлений.

А «Толстый Мэг» как раз явился из рюкзака.

Человек, чьим именем пугали детей, привел в Бездугу одного из тех, чьим именем пугали взрослых: перед ошарашенным Визирем стояла полностью экипированная убийца из синдиката «Анархия».

«Белый не оставил мне выбора, но я не в обиде. Он не мог поступить иначе. Он слишком хорошо все продумал и слишком сильно желал достичь своей цели. Он извинился, объяснил свои мотивы и свой план, после чего отдал мне атлас Двузубой Мэри и все радиотабы, что у него оставались. И снова извинился.

За то, что мне придется рискнуть жизнью.

Впрочем...

Выбора, как я уже написал, у меня не было...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

— Если у меня не выгорит, Арсений тебя убьет, — негромко произнес Равнодушный. — Он не будет спрашивать, знал ты или нет. Просто убьет.

— Я не мальчик, я все понимаю, — мрачно отозвался Визирь и кивнул стоящему у ворот дворца падальщику: — Привет, Ярость.

— Снова притащился? — вместо ответа хмыкнул тот.

— Мне у вас нравится.

Несмотря на внутреннее напряжение, Гарику удалось держать себя в руках и общаться с остановившим их бойцом предельно спокойно. Как обычно. Ничем не выдавая того, что они явились во дворец отнюдь не с добрыми намерениями.

— Что за терпила с тобой?

— Путешественник. Хочет к зигенам пробраться.

— Ты еще скажи — турист, — заржал падла.

Пришлось поддержать веселье.

— Скажешь за него перед Арсением?

— Ага, — подтвердил разведчик. — Как сегодня Шериф?

— Пока добрый.

Бритый наголо Ярослав служил еще Бобо Лойскому, но вовремя переметнулся на сторону Шерифа и принял самое деятельное участие в поистине зверском устранении бывшего благодетеля. Арсения Ярослав боялся до колик и старался выслужиться любым способом, заслужив славу самого подозрительного из сотников Безнадеги. Однако седой, облаченный в наглухо застегнутую рубашку армейского образца, штаны-карго и высокие ботинки, почему-то оставил Яросла равнодушным. Наверное, показался старым и безвредным.

— Ты без оружия? — Падла испытующе посмотрел на разведчика.

Вместо ответа комби поднял руки, позволяя тщательно себя ощупать, и выразительно посмотрел на Яросла, мол, что ж, я правил не знаю? Тот усмехнулся:

— Проходите.

И путешественники ступили в логово Шерифа.

— Визирь с терпилой ушли?

— Ага.

— К Шерифу подались?

— Ага.

Двери в таверне были хлипкими, тонкими, к тому же плохо поставленными — со щелями, и потому Кабира слышала каждое произнесенное в коридоре слово в превосходном качестве.

— Значит, надолго свалили... — Владелец первого голоса, грубоватого, резкого, выдержал многозначительную паузу, но, поскольку никакой реакции на реплику не последовало, был вынужден уточнить: — У тебя ключ есть?

— Ты девку, что ль, решил оприходовать? — удивился второй, сиплый.

— Да. — Резкий шмыгнул носом. — Она клевая.

— С придурью же.

— Все бабы с придурью. А сумасшедшие смешные, я их после войны много пробовал... — Теперь резкий хмыкнул: — Жаль, сейчас передохли все... Открывай.

Однако сиплый оказался трусоват. Несколько мгновений он переминался с ноги на ногу — Мата слышала его движения так, словно видела их, — после чего протянул:

— А Шериф не взбесится?

— Из-за чокнутой телки?

— Шериф Визиря привечает.

— А как Визирь узнает, что телку чпокнули? Она ему скажет? — Резкий хохотнул: — Она же с придурью! Молчит все время!

— И то верно.

Сиплый сдался, видимо, захотел попробовать необычного, того, что «давно передохло», поэтому в замке заскрежетало, дверь распахнулась, и падлы уверенно вошли в комнату. Сначала резкий, оказавшийся невысоким и очень плотным, почти квадратным, а за ним сиплый — длинный, плечистый... умерший первым: затаившаяся за дверью Мата вонзила ему в спину длинный нож, с хирургической точностью добравшись до сердца.

— Что?

Услышав предсмертный хрип приятеля, резкий начал разворачиваться, но не успел — падальщики хороши десятком на одного или забивая до смерти связанных рабов, а для подготовленного бойца они не страшнее грязи на ботинке.

Пока резкий поворачивался, Мата успела извлечь клинок, оттолкнуть бездыханного сиплого в сторону, сделать

шаг вперед, вонзить нож в горло падальщика и даже посторониться, не позволяя хлынувшей крови заляпать одежду.

Затем Кабира прикрыла дверь, посмотрела на часы и недовольно нахмурилась: ей следовало выдвинуться на огневой рубеж еще тридцать секунд назад.

Каждый владелец аттракциона в обязательном порядке имел дворец, на худой конец — замок или крепость, а в нем — украшенную награбленным комнату, гордо именуемую «тронным залом». У кого-то побольше, для двухсот, а то и трехсот верных соратников, у кого-то поменьше, на полсотни. У кого-то на поверхности, у кого-то в подземном бункере. С разрисованными стенами или грубой кирпичной кладкой, с окнами-бойницами или без них. Разные комнаты были объединены общей декорацией — подиумом с креслом, на котором обожали проводить время возомнившие себя королями главари падальщиков.

В тронных залах они пировали, судили, встречали послов из соседних банд и униженных обитателей соседних поселений с дарами. Трон был главным символом их власти, им они гордились, за него держались, и многие, очень многие короли погибали на нем или совсем рядом, не в силах расстаться с ним даже перед смертью.

— Визирь!

— Шериф. — Гарик встал на одно колено, приложил правую руку к сердцу и склонил голову. Белый последовал его примеру.

— Встань, добрый друг, и подойди.

В отличие от Баптиста, который, случалось, разгуливал по Железной Деве в сопровождении лишь пары телохранителей, Арсения всегда охраняло не менее десятка падл, и приближаться к нему ближе чем на пять шагов запрещалось под страхом смерти.

— Кого ты привел в мой дом?

— Путешественника.

— Ты за него скажешь?

— Иначе я не рискнул бы входить с ним в твой аттракцион, Шериф.

— Чем он готов выразить мне уважение?

Подарки и подношения были обязательным элементом посещения аттракциона случайными людьми, и потому Равнодушный сделал шаг вперед.

— Я — хороший врач, Шериф Арсений, и тем могу быть тебе полезен.

— Ко мне обращаются на «вы», — строго заметил Шериф. Он не терпел панибратства.

Визирь незаметно изменил стойку, распределив вес тела для того, чтобы не тратить потом лишние миллисекунды.

— Когда ты узнаешь, кто я, Шериф Арсений, ты согласишься с тем, что я имею право на небольшое нарушение правил, — с прежней размеренностью произнес седой путешественник. — Моя слава опережает меня, и ты будешь удивлен.

— Откуда же ты явился? — ухмыльнулся главный падальщик.

— Из-за Периметра Дота.

И неожиданное признание вызвало удивительную и абсолютно неестественную тишину. Осекся и прищурил маленькие глазки Арсений, замолчали, будучи в полной боевой готовности, его телохранители, ошарашенно притихла «публика». Как и прогнозировал седой, первое признание удивит падальщиков и даст ему время произнести главную речь.

Громким голосом.

Гордо.

— Меня зовут Белый Равнодушный, — громыхнул он, глядя на врага в упор. — И ты, Шериф Арсений, должен меня помнить. Четыре года назад ты украл и убил моего сына. Когда же узнал, кого посмел тронуть, то сменил имя и сбежал сюда, на край Зандра, в надежде, что я тебя не достану. Но я здесь, Шериф Арсений, я пришел расплатиться.

А в следующий миг на улице взорвалась первая пуля «Хиросима», выпущенная из револьвера «Толстый Мэг»...

Когда речь заходит о страшных патронах анархистов, ключевым словом для определения их заряда является не «микроскопический», а «ядерный». И если вы это понимаете, вы не задаете глупых вопросов типа: «Какая сила разнесла на куски двухэтажный каменный дом?» или «Когда вернется улетевший к облакам тяжелый танк?». Вы знаете, из-за чего появляются воронки чудовищных размеров и почему панически мечущиеся падлы в буквальном смысле исчезают в пламени...

Шесть взрывов — пауза, поскольку Кабуре нужно вставить в каморы «Толстого» новые «Хиросимы», — и снова взрывы. Шесть. И снова пауза.

И паника.

И гибнущая Безнадега, исчезающая в пыли, дыму и разлетающихся обломках.

Горящие и тонущие суда, плавящаяся техника, периодически фонтанирующая огнем взрывающихся боекомплектов, здания, рушащиеся и растворяющиеся в пыльных облаках, и трупы, трупы, трупы... И невозможность ответить, поскольку анархистка засела в господствующем над аттракционом Нижнем Балконе и уничтожила пост, позаботившись о том, чтобы до нее не смогли добраться.

Безнадега умирала в огне, и только во дворец до сих пор не прилетело ни одной кошмарной пули.

— Тебе нечего бояться! — Потрясающе громкий крик Белого перекрыл даже взрывы. И отсрочил автоматные очереди, которые должны были разорвать его и комби. — Мои друзья не станут стрелять в дворец.

— Почему? — Надо отдать должное: Шериф, несмотря на грохот разлетающегося города, демонстрировал отменное хладнокровие.

— Потому что их задача — уничтожить Безнадегу. А ты — мой. Тебя я убью лично.

— Увернешься от автоматной очереди? — поднял брови Арсений.

— Я слишком стар для этого.

— Оружия у тебя нет, взрывчатки тоже: ни снаружи, ни внутри. — Шериф усмехнулся: — На входе во дворец

стоит замаскированный сканер: мои люди просветили тебя, ты чист.

— Зато в твоём аттракционе всегда было плохо с медицинским оборудованием. — Дотовец расстегнул рубашку. — Я уже убил тебя, Шериф Арсений. Ты уже труп.

Кто-то закричал, кто-то выругался, кто-то пустил слезу или вздрогнул, но все, абсолютно все падальщики резко отшатнулись от открывшегося их взглядам ужаса: тело Равнодушного покрывали язвы, кровавые струпья и характерные фиолетовые пятна между ними — известные всему Зандру признаки воздействия вируса Айбац. Не просто быстрого, но смертельно быстрого.

И это был самый опасный момент явления мстителей: одной случайной пули оказалось бы достаточно, чтобы в тронном зале началась дикая бойня... К счастью, шок помешал воякам открыть пальбу.

— Я дам тебе шанс, мерзавец! — Белый открыл боковую панель комби и вытащил из нее горсть маленьких пластиковых доз. — Начинается игра «Доберись до антитота!».

И спасительные шприцы полетели в толпу падальщиков.

Тридцать шесть выстрелов.

Пять пауз на перезарядку. Тридцать пустых гильз на камнях Нижнего Балкона. Разогретый ствол «Мэга». Чудовищное месиво внизу. Раздробленный камень, горячее железо, кровь, мясо, стоны, повышенный уровень радиации. Воронки. Огонь. Смерть.

Тридцать шесть патронов «Хиросима» превратили городок в...

Ни во что не превратили, потому что городка больше не было. Бездна не стало, как и мечтал Визирь. Как хотел Белый Равнодушный. Как было приказано Мате. На месте Бездна плавилась руины, над которыми высилось одно-единственное здание.

Дворец.

Кабира вытряхнула из камор гильзы, вставила на их место новые патроны, поднесла к глазу оптику револьвера и принялась терпеливо ждать сигнала.

«Наверное, убили бы...

Должны были убить.

Если бы хоть кто-то из подлой своры Арсения, мальчик или покрытый шрамами ветеран, сохранил хоть каплю разума, он бы наверняка понял, что Белый врёт, что не для того он шел в Безнадегу, чтобы разбрасываться дозами антидота, что им все равно не жить и надо прихватить с собой тех, кто принес гибель, но...

На мое счастье, никто из падальщиков Майдабрежья умом не обладал. И все они превратились в беспощадных зверей, обуянных желанием спастись...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Каждый против каждого.

Удары и выстрелы, подножки, подсечки, бешеный рык...

Визирь рывком уходит в сторону, выхватывает автомат у ближайшего падлы, ожидает схватки, но тому плевать — бросается на пол за вожденной дозой, успевает коснуться ее пальцами и получает нож под ребра. Крик. Много криков, возни, смертей, и никто не обращает внимания на отскочившего к стене разведчика.

Седой мастер игры в старинные шахматы вновь оказался прав, с доскональной точностью рассчитав поведение врагов.

Кто-то успевает вколоть себе дозу — ему стреляют в голову. Потому что успел. Потому что ему повезло. Потому что тот, кто не успел, не собирается прощать счастливику свою нерасторопность. Потому что в падлах Арсения есть только ненависть и злоба.

— Сдохни, тварь!

Шериф ухитряется сохранить хладнокровие. Он остался у трона, перед которым в жутком месиве грызут друг друга осатаневшие звери, а сейчас выхватывает пистолет и наводит его на Белого.

Но Белый улыбается, потому что видит на шее Арсения первые фиолетовые пятна.

Шериф стреляет и воет. Он все понимает и так прощается с жизнью.

— Убейте комби! — Но приказ никто не слышит. — Убейте...

Визирь ужом выскальзывает из тронного зала. Отталкивает фиолетового, зараженного Айбацем падальщика, затем еще одного, обожженного и скулящего от боли Ярося, вбежавшего во дворец с улицы, выскакивает во двор и на мгновение замирает.

Знает, что нужно бежать со всех ног, но ничего не может поделать: останавливается, впечатлившись величественной картиной разрушения.

Безнадега пала.

Улицы, что вели к дворцу, площади, на которых лилась кровь, казармы, загоны, жилые дома — все обратилось в радиоактивный прах. Гарик не считал взрывы, но сразу понял, что Кабира выпустила по городку гораздо больше «Хиросим», чем требовало его простое уничтожение. Она в точности исполнила приказ Равнодушного — «расплавить в остекленевший песок», и теперь ей оставалось нести на картину последний штрих.

Комби снова открыл боковую пластину, вытащил дымовую капсулу, активизировал ее, подбросил в воздух и торопливо побежал прочь. Подальше от дворца. От облака ярко-оранжевого дыма. И от «Хиросим», что стали вонзаться в последнюю постройку Безнадеги, разнося на куски ее последних обитателей...

* * *

Закат сегодня был чарующе красив.

Легкие облака позволили уходящему солнцу сполна наиграться красками, размазывая по небу все оттенки красного и оранжевого, вырезая кудрявые контуры и оттеняя целые области лазурной бесконечности. Море пребывало в важном спокойствии, обозначило горизонт

ровной линией и не разбавляло спектакль ненужным волнением. Мягкие волны неспешно накатывали на гладкую гальку и тут же отступали... но не исчезали, а сменялись следующими, такими же спокойными ласковыми.

Закат на море получился едва ли не идеальным и резко контрастировал с обезображенным, еще дымящимся берегом, но... но ни Кабира, ни Визирь назад не смотрели. Берег стал другим, они сделали его другим и больше им не интересовались. Безнадега, падальщики, смерть — все осталось в прошлом, растворилось в щелчках секундной стрелки и потеряло всякое значение.

— Я читала твои комментарии и представляла тебя слабаком, — произнесла Мата, не отрывая взгляд от моря. — Слишком много рефлексии.

— Я рефлексирую только на привалах.

— Я заметила. — Анархистка чуть улыбнулась. — Ты оказался молодцом, красавчик, сумел меня удивить.

— Ты тоже, — в тон девушке ответил Визирь. И тоже — продолжая любоваться закатом. — Как тебе пришло в голову прикинуться сумасшедшей?

— Одинокая анархистка — легкая добыча. Нужна маскировка.

— Она у тебя совершенна.

— Я училась в театральной студии... Давно... До Времени Света.

— Это многое объясняет.

— Например?

— Твою красоту.

— Клеишь меня?

— Нет. — Он принялся набивать «большую» трубку. — Теперь мне нравится быть однолюбом.

— Встретил единственную?

— Да.

— Не потеряй.

— Постараюсь.

Они помолчали, наблюдая за безуспешными попытками солнца зацепиться за краешек неба, после чего выдохнувший порцию дыма Гарик тихо спросил:

— Чем он тебе заплатил?

— Спас мою семью, — пожала плечами Мата. — Я ушла в Синдикат еще до Времени Света, а когда оно стряслось, помчалась искать своих, мать и двух сестер. Три месяца пробиралась на родину через весь кошмар, что тогда творился, добралась и узнала, что в моем городе эпидемия чумы Олбrait. Это была одна из первых вспышек, которую локализовали дотовцы... — Кабира грустно улыбнулась. — Я попыталась прорваться, но карантинщики меня взяли, хотели расстрелять, но он не позволил. Пришел, спросил: «Кто у тебя там?», я говорю: «Мать и сестры», он говорит: «Молись». И я две недели сидела в его штабе и молилась. А он ходил внутрь... Моих нашел, письмо им передал... Два раза после возвращения строил своих и читал имена врачей, которые не выйдут... А потом напивался. — Пауза. — Я видела, как он становится Белым. С каждым часом, с каждой минутой... До того как Дот его на карантин поставил, он ведь черным был как смоль. Молодым казался... А через год я его встретила случайно, а он совсем седой. И старей...

— То есть он тебя спас? — переспросил Гарик, имея в виду, что Равнодушный не расстрелял попытавшуюся прорваться анархистку.

— Он убедился, что мои родные чисты, и переправил их за Периметр. — Солнце скрылось, но тьма еще не накрыла берег, и повернувшийся Визирь видел выражение лица Кабиры — нежное, потому что говорила она о тех, кого любит. — У Дота жить тяжело, но лучше, чем в Зандре. Мать и сестры живы, у них есть крыша над головой и работа, у них есть будущее... Поэтому я считаю, что Белый их спас.

— Жалеешь его?

— Белому это не надо, — жестко ответила девушка. — Он выбрал путь и честно его прошел. — И сразу, четко показывая, что больше не хочет говорить о Равнодушном, поинтересовалась: — Выведешь меня в Полураспад?

— В обход Железной Девы?

— Да.

— Выведу. — Он улыбнулся: — Будешь прикидываться моей сестрой?

— В Полураспаде меня ждут друзья. — Она весело посмотрела на комби: — Если хочешь — пошли со мной. Нам бы пригодился опытный разведчик.

— Клеишь меня?

— Нет.

— У меня дела в Железной.

— Ну, как знаешь.

Кабира вытащила из кармана плоскую фляжку, отвинтила пробку и, провозгласив: «За Равнодушного!» — сделала большой глоток. После чего передала фляжку Визирю. Тот кивком поддержал тост и тоже глотнул обжигающего крепкого.

Тихие волны продолжали плавно набегать на камни.

* * *

«Иногда мне кажется, что я смотрю на все со стороны. Что жизнь проходит мимо, разыгрывая передо мной занятные и не очень картинки, а я могу в любой момент остановить просмотр...

Или отмотать назад, повторяя то, что понравилось...

Или вперед, избегая страшного или неинтересного...

Или просто выйти из зала...

Или проснуться...

Иногда мне кажется, что окружающий меня ужас выдуман режиссерами и художниками, что страшное Время Света — всего лишь старт игры и теперь я бегаю внутри виртуальной реальности, набирая опыт и улучшая характеристики...

Я колю себя иглой, ножом... Я кричу от боли, но не могу выйти из игры... И не просыпаюсь...

И тогда, окровавленный, тяжело дышащий, я ненадолго понимаю, что Зандр — настоящий. Что мир — настоящий.

И что Время Света стало нашим билетом в Технологичный Ад...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

ОДИН ДЕНЬ ФАРМЕРА

*1. Утро. Стандартизированная гостиница.
Баланс: 97 единиц*

тро на дворе, сказал себе Иван Денисов, вставай, морда. На фарм пора. Дела тебе придется совершить мерзкие, но, если ими пренебречь, как собака подохнешь под забором.

И просыпаться не хотелось. Он даже позволил себе немного полежать с закрытыми глазами, цепляясь за уходящий сон. А потом запах старой, горелой юп-изоляции и прогорклый аромат дешевого кофе его достали окончательно. Да к ним еще примешалась и легкая вонь дезинфицирующего раствора, используемого только в стандартизированных гостиницах.

Он проснулся окончательно, открыл глаза и некоторое время рассматривал крышку стола, на котором, оказывается, вчера уснул.

Жаль. Пусть кровать и узкая, не очень удобная, но деньги заплачены. Следовало отдохнуть на ней.

Иван откинулся на спинку стула, покрутил головой, принялся массировать шею. Все тело ныло, словно он вчера хорошенько подрался.

А вот надо было... Нет, сейчас это не имеет значения.

Так, с шеей покончено. Теперь необходимо встать. И неважно, что покачнулся. Главное, ноги уже держат. Попытаемся достать кончиками пальцев до пола.

Ну-ка, ну-ка...

Он достал, выпрямился, еще раз и еще. Чувствуя, как тело вновь становится послушным, как в него возвращается сила, Денисов поднял руки над головой, выгнул спину, выпрямился, снова прогнулся. Теперь можно было заняться приседаниями. Он сделал их пару десятков. Потом настала очередь отжиманий. Иван сосчитал их. Получилось двадцать два раза.

Все?

Он плюхнулся обратно на стул и, массируя поочередно запястья, подумал, что по-настоящему заботиться о здоровье не получается. Качалка, бассейн — пока роскошь, область мечты. Питается он тоже неправильно. Не по карману даже профилактический визит к киберэскулапу. Если в ближайшее время не выделить на это средств, можно нарваться на крупные неприятности.

Деньги.

Иван знал, что на нем сейчас лежит всего лишь девяносто семь единиц. И поскольку их меньше ста, до завтра его счет не доживет. В полночь обнулится. По уму фармом следовало заняться еще вчера. А он что делал? Да, в общем, тоже не бил баклуши. Как с утра принялся настраивать невод, так до вечера с ним и провозился. А потом ничего не оставалось, как с головой нырнуть в «Яростных драконов» в надежде выбить-таки проклятую пиратскую реликвию. Ту самую, которая появляется в среднем раз в пять лет, кстати, зато ухвативший ее до конца жизни может палец о палец не бить и будет как сыр в масле кататься.

«Яростные драконы» и невод, подумал Денисов. Вот то, на чем я строю свое будущее. Фарм — временно, лишь для поддержания штанов. За ним сплошное суровое настоящее.

Невод...

Он взглянул на коробочку персоналки и тут же отвел глаза в сторону.

Не стоит суетиться под клиентом. Всему свое время. О другом следует подумать.

Интересно, сколько тысяч раз он до этого просыпался в стандартизованных гостиницах? И не сосчитать. Между прочим, названы они так не случайно. Все созданы по единому образцу, похожи как капли воды. Настолько, что временами возникает иллюзия, будто гостиница на самом деле одна, перемещающаяся вслед за тобой.

Разнообразие, подумал он, дорогое удовольствие. Миром правит стандарт, а индивидуальность уже давно стала роскошью. Если на нее нет денег, то изволь есть фастфуд, спать в одном и том же интерьере, удовольствуйся серой, как осеннее, промозглое утро, жизнью, которая закончится смертью в экономической больнице и похоронами, не блещущими оригинальностью.

Не нравится? Твое право. Но учти, если попытаешься испить воды разнообразия без должного количества единиц в кармане, вкус ее тебе не понравится, поскольку хлебать придется из грязной лужи. Первая же ночевка не в гостинице мозги вправит быстро. Нарвешься на вольного ганкера или ватагу механизированных гопников — запомнишь надолго. Если ноги унесешь, конечно. А это еще надо суметь.

И вообще, хватить тянуть время, пора за дело браться.

Комната была крохотная. Для того чтобы привести себя в порядок, достаточно было лишь встать и шагнуть к туалетной стенке. Ткнув не глядя на один из покрывавших ее светочувствительных квадратиков и, конечно, по нему попав, ибо он находился точно в том месте, что и в любой другой стандартизированной гостинице, Денисов сунулся к выдвинувшемуся из стены тонкому, прозрачному умывальнику. Подставил ладони под струю воды, которая потекла из крохотного краника. А разовая зубная щетка, покрытая тоненьким слоем очищающей пасты, уже высунулась из стены в пределах досягаемости его правой руки. Если ее не взять, то ровно через две минуты она сползет по стене струйкой прозрачной жидкости, прямо до невидимого пока стока. Тот откроется лишь на время, достаточное для того, чтобы ее поглотить.

Как обычно, паста была с привкусом черники. Через полгода, строго по графику, ее сменит гарантированно-настоящий-вызывающий-у-всех-восторг вкус малины.

Орудя зубной щеткой, Иван подумал, что некогда выбрал один из самых ненадежных способов заработка и все еще умудряется сводить концы с концами. Разве он не крут? Впрочем, а выбрал ли? На самом деле ему пришлось взяться за фарм, поскольку появилась программа, способная полностью заменить людей — диспетчеров авиалиний. И, оставшись без работы, он просто не смог найти своим способностям иного применения.

Кстати, особой трагедии тут нет. Потерянная государственная пенсия? До нее еще надо дожить, а это удастся не многим. Причем возможность вернуться на государственную службу у него есть. Низшую, плохо оплачиваемую, но — государственную. Вот только где гарантия, что и с этого места его не погонит очередная хитрая программа? А фермера уволить нельзя. Он работает только на себя. И не надо забывать о том, что однажды ему может улыбнуться удача. Невод или «Драконы» принесут большой, очень большой куш. И это, несомненно, случится. Можно назвать десятки счастливицев, сумевших ухватить удачу за хвост. А он чем хуже? И старость еще не маячит у него за плечами. Есть время и силы.

Сполоснув рот, он кинул щетку на край ванной. Пока она растворялась, Иван разделся. Одежда канула в корзине для стирки, наполовину утопленной в стене. Стоило зарыть крышку, как она тут же затянулась непрозрачной пленкой и слегка завибрировала. Теперь оставалось лишь потянуть за торчащий уже рядом с ней край гигиенического полотенца. Сейчас можно было не торопиться, и он тщательно обтерся с ног до головы, причем два раза. Потом, с удовольствием ощущая во всем теле приятную чистоту, смял грязное полотенце в комок, бросил его к стене, в которую уже спряталась раковина. И тот, едва очутившись на полу, зашевелился, а потом медленно пополз к открывшемуся на уровне пола проему.

Ну вот, подумал Иван, пора полюбопытствовать, время настало.

Он вновь плюхнулся на стул, протянул было руку к лежавшей в центре стола коробочке персоналки, но так к ней и не прикоснулся. Причем дело было даже не в отсутствии решимости. Он не боялся. Просто вот так, разом, совершить такое важное дело казалось ему неправильным, не содержащим в себе должного почтения к госпоже удаче.

Кажется, кто-то из его знакомых фермеров в подобной ситуации, прежде чем прикоснуться к персоналке, несколько раз проводил над ней рукой и говорил волшебные слова. Какие? Вот бы сейчас вспомнить... нет, невозможно. И вообще, бред все это, полный бред. Не надо ничего придумывать. А следует, немного помедлив, все-таки в нее заглянуть.

Ну, светит ему сегодня или нет? Чет или нечет?

Иван ухмыльнулся и покачал головой.

Как ни крути, а проверять все равно придется.

Он облокотился на край стола, замер на показавшихся ему очень долгими три вдоха и выдоха, а потом быстро, словно доставая горячий уголек из костра, схватил заветную коробочку. Выдвинув из ее корпуса экран, Денисов установил его размер на минимум и не без трепета взглянул на индикатор невода.

Голяк полный. Воистину вернулся невод лишь с травой морскою.

Вполголоса выругавшись, Иван бросил персоналку на стол. Откинулся на спинку стула и взглянул на потолок.

Кстати, ничего необычного там не было. Белый потолок, без единой трещинки или паутинки, пустой, как... вот именно, пустой, как невод.

Ну сколько это может продолжаться? Светит ли ему поднять хоть что-то стоящее? Может, он так и будет до самой старости тешить себя несбыточными иллюзиями? Кстати, старость без денег не просто неприятная, постыдная штука. Имя ей — вечные страдания.

С другой стороны, какой смысл жаловаться и вызывать к удаче? Волка ноги кормят. Охотиться надо, вот тогда и повезет.

За стенкой, у соседа справа, взывала сирена. Потом к ней добавились хрипая ругань, истошные вопли, хлопки выстрелов. Наверняка там кто-то азартно гамал. Значит, может себе позволить. Или не может, но все равно решил скормить любимой игрушке целый день. Пусть он будет фермером. Тогда одним соперником сегодня окажется меньше.

Эта мысль показалась Ивану забавной.

На самом деле конкуренты его интересовали не сильно. Пусть сначала попытаются за ним угнаться. А невод он закинет сегодня же вечером еще раз, обязательно закинет. Стоил он всех его сбережений за последний год и вернуть их просто обязан. С большой прибылью.

Сейчас в старом Интернете один за другим открываются сектора, принадлежавшие некогда разорившимся, напроочь забытым компашкам и фирмочкам, торговавшим информацией. Они битком забиты ненужным хламом, частенько превращенным древними вирусами в мусор, но иногда там попадаются тексты книг, видео- и музыкальные файлы. В период беззакония они были выкуплены на веки вечные у авторов, считаются потерянными. Если на подобное сокровище вовремя наткнется сканирующая программа, способная определить, какой из открывшихся файлов содержит нечто ценное и тут же его застолбить, можно озолотиться.

Невод уступает в скорости лишь программам тралыщикам больших корпораций и при некотором везении нечто ценное обнаружить способен. В общем, осталось только подождать, проявить упорство, терпение. Потом, разбогатев, можно будет повисить уровень гражданства, найти неплохую работу, забыть навсегда о ферме.

Не слишком ли он воспарил в мечтах? Еще немного, и можно не успеть на надземку.

Заглянув в корзину для стирки, Иван вынул из нее уже чистую, сухую, отглаженную одежду. Оделся. Взмахнул рукой, и часть стены стала зеркальной. Внимательно из-

учив свое отражение, Денисов аккуратно расправил ворот модной, словно бы покрытой застывшей морской пеной рубахи, одернул куртку. Она сильно смахивала на такую, какие носят чиновники среднего уровня, и неспроста. Практика показывала, что собаки-моды на людей в такой одежде обращают внимания меньше.

Прежде чем сунуть в карман персоналку, Иван машинально погасил висевшую над кроватью фотографию виртуальной жены. Все верно: уходя, убери за собой. А кстати, стоит ли сегодня вечером вновь помещать эту проекцию на стену? Денег с него возьмут немного, но все равно — возьмут.

Денисов подумал, что никогда эту девушку во плоти не видел, ибо она живет на другой стороне земного шара. И все-таки женитьба, пусть даже виртуальная, делает его жизнь более осмысленной. Воспринимает ли виртуальная жена таким же образом? Кто знает? Главное, эта фотография уже стала для него чем-то вроде талисмана. Есть ощущение, что, пока ее проекция ночью светится над его кроватью, удача не отвернется. Значит, и думать не о чем.

Теперь следовало заморить червячка.

Прикосновение пальца к крохотному изображению бутерброда на стене — и из нее выдвинулся прозрачный поднос, на котором стоял стаканчик с суррогат-кофе и лежала свежая, покрытая аппетитной корочкой булочка. Спустя три минуты с завтраком было покончено. Как обычно, кофе оказался отвратительным, а булочка восхитительной.

Больше никакой халявы от гостиницы ждать не следовало, а новый день обещал быть хлопотным, наполненным суетой. И Иван уже жил им. Гостиница теперь для него смахивала на старую, высохшую, царапающую тело змеиную кожу, из которой следовало немедленно выползти. Там, в мегаполисе, его ждал фарм, и он знал, носом чувствовал, сегодня все будет в лучшем виде.

— На волю, в пампасы, — бормотал Денисов, выходя в коридор. — И ранняя птичка больше клюет.

Шагая к лифту, он вспомнил, как ему пришло в голову, что гостиница на самом деле одна, просто передвигается за ним попятам.

Какой только бред не стучится в мозг спросонья?

2. Утро. Надземка. Нулевая зона.

Баланс: 52 единицы

3.

4.

«Срочно! Закончилась конфузоз акция борцов с бумажными книгами, задуманная ее организаторами как особо зверская. Два активиста общества ненавистников печатного слова нейтрализовали защитную систему одной из центральных книгарен и, ворвавшись в ее главный зал, попытались под угрозой оружия заставить находившегося там менеджера выдать все находящиеся у него бумажные книги. С собой у преступников была канистра с бензином. Изъяв около двух десятков еще не отправленных по адресам томиков, вандалы облили их бензином, причем сделали это так неаккуратно, что часть горючей жидкости попала им на одежду...»

«Звезда гало-эстрады, ведущая шоу «А у нас во гламуре...», обладательница ника Пусся Левинска сообщила о перерыве в работе на два часа в связи с установкой в нее дополнительных плагинов. Это должно поднять уровень эротической привлекательности виртуального создания на новую...»

«Состоялась рабочая встреча Главы государства Оил-Сливония К. Говоруна с вождем Второго Великого Курултая Д. Безыманным. Встреча получилась в высшей степени результативной. Обе высокие стороны обсудили возможную стратегию войны за пресную воду. В качестве противника в этот раз выбран...»

«Судя по резюме, размещенному в Сети независимой группой «Горячие факты», сообщения которой, согласно шкале Йордана, оцениваются как очень достоверные, деревня Старая Шишиха внезапно утратила связь с внешним миром. Попросту — исчезла. Об этом сообщили

местные налоговые органы, отправившись на поиски упомянутого населенного пункта три поисковые экспедиции. Все они закончились плачевно. Согласно распространенным в том районе слухам, незадолго до исчезновения деревни Старая Шишиха живший в ней десятилетний мальчик выкопал на огороде неизвестно как попавший...»

Ничего в этом мире не меняется, подумал Иван, закрыв окошко новостного отдела персоналки. Совсем ничего.

Здесь был крутой поворот, и он придвинулся к окну. Прижавшись щекой к холодному стеклу, Денисов увидел передние вагончики, локомотив, из которого торчала огромная труба энергоулавливателя, делающая его похожим на старинный паровоз. А еще дальше была лента пути надземки, постепенно сужающаяся до толщины серебряной нитки, у самого горизонта сходящая на нет.

Там, пока еще невидимая, лежала гигантская лепешка города. Как только она станет видна, можно начинать действовать. Хотя а почему не сейчас?

Он окинул взглядом ближайшие сиденья и покачал головой.

Ловить тут нечего. И дело даже не в том, что надземкой богачи не ездят. Птичка по зернышку клюет, а именно зернышек здесь много. Да вот взять хотя бы духи соседки, явно изготовленные с примесью иприта. Убивают наповал.

Да и юнец, расположившийся напротив. У него на голове творится черт знает что. На парик не похоже. Значит, он на волосы себе что-то вылил. По виду — гудрон. При желании его за подобные фокусы можно раздеть до нитки. Не будь он беден словно церковная крыса. И можно поспорить, покинет надземку в первой зоне. Там подобные фокусы еще терпят. Игры всерьез начинаются со второго.

Терпение и терпение. За дело браться рано, да и риск велик. Во внутренних кругах, попавшись на «присасывании», всего лишь теряешь деньги. В самом скверном случае тебя возьмут на заметку стражи порядка. После этого придется начинать искать новые способы заработка, но ты останешься жив и здоров. Здесь же, снаружи, попавшийся на попытке фарма в худшем варианте может

получить в печень большой ржавый гвоздь, приберегаемый как раз для такого случая.

Иван невольно поежился.

Нет, работать еще рано. Да и впереди целый день. Прочь спешку. Сейчас можно только оглядеться по сторонам, слегка размяться. И это уже допустимо, это в пределах закона.

Он отодвинулся от окна, выпрямился, медленно, с ленивой улыбкой на губах огляделся.

Вот просто шея у него затекла, разминает он ее. Или даже захотелось посмотреть еще раз, в каком гадюшнике едет на работу. Ничего в этом преступного нет.

Кстати, он самый и есть. Гадюшник. Жесткие из псевдодрева скамейки, стены, покрытые тусклой серой краской, грязные окошки, и на каждом обязательно небольшая трещина. Нулевой уровень. Все как положено.

Фоном — вопли бродячего торговца.

— А вот пампушки-лягушки, с пылу с жару! Кальмары-ки-кошмары, пиво, соки! Натуральнее не бывает! Три штуки — скидка! Постоянным покупателям скидка! Тому, кто улыбнется, особая скидка!

Разговоры, пересуды:

— ...застрели меня на месте, если они тотчас не выскочили на простор инфо-хляби, все как один. А там, знаешь ли, залубенеешь...

— Самое лучшее место для сна. Я останавливаюсь уже второй месяц на ночевку. Стабильность, сам понимаешь, великая штука.

— Но это же так несовременно! Стабильность... толку от нее. Человек приходит в мир нагим. Прогресс сделал возможным свести к минимуму количество необходимых ему вещей. Это правильное миропонимание. А вот шаг в сторону...

— И говорят, рука у него оказалась разовой, не только все остальное. Разовый протез. Он и отказал, как положено, через минуту...

— ...кормятся. А ты стоишь и на это смотришь. И вид такой, словно они через тот провод сироп лопают...

— Девушка, обменяемся мылом? У вас такой красивый интерфейс...

— С котролером не поговоришь. Они тоже не лыком шиты, знаешь ли. Как спрыгнет с антерсолей, как понесется на роликах, да хвост трубой наперевес, как начнут котролировать — только держись...

И снова надсадный, нутряной крик:

— Пампушки-лягушки! Кальмарики-кошмарики!

Как раз в этот момент кто-то открыл дверь в вагон и постукивание колес стало слышнее. Из тамбура пахло сигаретным дымом. Кстати, неплохие деньги по меркам второго уровня. Не говоря уже о третьем. Но опять-таки не здесь.

А не настала ли пора напустить на соседей адвоката? Жаль, денег с них не взять. Или попробовать? Вдруг повезет? Чем черт не шутит, когда бог спит?

Сунув руку в карман, Иван нажал на персоналке нужную кнопку и поинтересовался:

— Адвокат, как обстановка?

Ему даже не понадобилось это говорить вслух. Вживленный под кожу крошечный датчик уловил едва заметные сокращения гортани, возникшие при мысленном произнесении команды.

— Работаю в штатном режиме.

Голос у адвоката был звонким, жизнерадостным, как и положено в начале дня. Едва появится возможность заработать, он станет жестким, деловым. Это по замыслу создателей программы должно помогать сосредоточиться, поддерживать в рабочем тонусе. Еще через адвоката можно получать и отправлять файлы, не опасаясь подцепить очередную вырвавшуюся в сеть заразу. Он служит удостоверением личности, позволяет контролировать расходы и многое другое. Однако самое главное — он предупреждает, защищает, помогает планировать. Это жизненно необходимо.

Прикрыв глаза, Денисов приказал:

— Включи паутинное зрение.

Персоналка переключилась на соответствующий режим работы, и перед его глазами возник прямоугольник виртуального экрана. Темноват он был для этого освещения.

— Светлее на половину единицы, и настолько же увеличь прозрачность. Нет, даже не так, а в полтора раза.

Адвокат внес необходимые изменения. Теперь картинка с экрана полностью совместилась с окружающим миром. Получилось как бы двухуровневое изображение. Чуть ближе — окошко в паутину, со стандартной заставкой — трехцветным логотипом, чуть дальше и менее реально — вагон, лица пассажиров.

— Перейти в режим фарма? — предложил адвокат.

— Рано, — ответил Иван — Мы пока лишь наблюдаем.

— За нами — тоже. Слишком пристально, пытаюсь получить не предназначенные для обнародования личные данные. Я бы даже назвал это нападением.

Фигуру сидевшей напротив женщины очертил красный контур, и над ней возник ярлычок. Судя по надписи на нем, дама использовала старую версию бампопоиска.

Не иначе, затарилась ею в магазине уцененки, подумал Иван. Лохушка. Не сладит она с моей защитой. А вот я могу сделать с ней что угодно. Только никакого нет резона ввязываться. Большой ли ей можно выставить штраф, если она не сумела причинить никакого вреда? И опять-таки на дворе пока еще нулевой уровень.

— Атакуем? — спросил адвокат.

— Не надо, — сказал Иван. — Просто блокируй ее попытки.

— Она не прекращает.

Денисов вздохнул:

— Блокируй, блокируй.

Он еще раз взглянул на излишне любопытную.

Так и есть. Судя по всему, упорная бабенка. Из тех, что, получив по физиономии и упав, тотчас вновь поднимаются и идут дальше. Если ее в ближайшие год-два не слопают, может стать даже конкурентом. Впрочем, срок немалый. Пусть она для начала разберется, на кого можно нападать, а кто ей не по зубам.

— А может, вдарим? — советовал адвокат. — Немного поправим счет. Десяток единиц тебе сейчас не помешают.

— Не надо. Она может поднять скандал.

— И нарвется по полной.

— Да, нарвется, но скандал мне сейчас невыгоден.

— Значит, и ей тоже. Не будет она его устраивать.

— Она женщина, — объяснил Иван. — Будет, даже если потеряет больше. Женщины, когда мстят, категориями «выгодно-невыгодно» не думают. Они просто стараются нанести врагу как можно больший урон. Заруби себе на носу.

— Занести это в базу модуляции поведения?

Нет, это уже слишком. Точно слишком.

— Не надо, — буркнул Иван. — И хватит пока об этом.

— Как прикажешь, — сказал адвокат. — Что будешь дальше делать?

— Думаю оглядеться.

— Смотри.

Виртуальная часть окружающего мира утратила глубину и стала плоской. Разворачиваясь на девяносто градусов, она показала вагон и сидевших в нем людей сверху, превратила их в схему. Сиденья и стены стали контурами, пассажиры обозначились значками, пронумерованными, снабженными ярлычками с информацией.

Так привычнее, подумал Иван, просматривая данные соседей. И сразу видно, кого из них следует опасаться. С настойчивой дамочкой все понятно, но есть еще и не только она. А вон кто это сидит через два ряда, весь вроде бы безобидный? Да, типчик с почти отключенной персонalkой? Отключена ли она? Всего одна запущенная прога? Мелочь по нынешним временам. Меньше чем ничто. Это если не ведать, что она из себя представляет. А Иван знал. Нехорошая прога это была, здесь и сейчас. Взять ее надо на заметку.

— Номер тринадцать, — сказал Денисов адвокату. — Предельная осторожность. У него защитник второй версии активирован. Прога не страшная, но при большой удаче и умении он отщипнет от нас пару десятков единиц.

Вот это сейчас недопустимо. Они нужны, чтобы правильно начать фарм.

— Пусть только рыпнется, я ему сразу по сопатке выдам. Иван невольно поморщился.

Кажется, он слишком загнал в плюс уровень используемых адвокатом жаргонных словечек. Только с настройками сейчас возиться не следует. Плохая примета.

Получается, подумал он, эту не тронь, с тем не связывайся, здесь не прикоснись. И вообще, следует прикинуться ветошью, постараться не отсвечивать. А все потому, что нет хотя бы минимального запаса финансов. Вчера надо было, вчера браться за дело... Ладно, что там еще есть примечательного?

Нашлось, конечно.

— Дай информацию о номере семнадцать, — через пару минут приказал Денисов.

— Взломать?

— Глубоко зарываться не надо. Дай пока самую поверхность.

— Проще пареной репы.

Ярлычок, прикрепленный к заинтересовавшему Ивана значку, стал увеличиваться в размерах. Вот на нем проступили строчки данных. Бегло прочитав их, Иван ненадолго задумался.

А этой-то что надо? Еще одна любительница обогатиться за чужой счет? Не похожа вроде. Имеет работу. Официантка в одной из быстроперекусочных второго уровня. Не замужем, но есть дочка. Фанатка сериала «Кровь и розы пятого полицейского участка». Раз в год ездит на отдых в так называемую средневековую деревню. Между прочим, то еще местечко. Вес, рост, размер талии и бедер, согласно последнему медицинскому осмотру. А осмотр она проходила в «Олимп-эскулапе», и это ей влетело в копеечку. Хотя там лечение качественнее. Ради него можно и раскошелиться. Да и защита от взлома надежнее. С ходу не осилишь.

Скрыто чем она все-таки болела. Это накопать можно, но не сейчас. Важнее узнать причину ее излишнего внимания. Любопытно.

Увидев, как рядом с номером семнадцать возникло пурпурное, пульсирующее сердечко, Иван тихо хмыкнул.

Тут все понятно, просто. Да и ответить можно не думая. Нет у него сейчас времени на любовные приключения, будь она даже писаная красавица. Вот потом...

— Номер семнадцать, — приказал Иван. — Надо перенести данные в записочку. Ответишь ей песочными часами. И достаточно.

— Сделано, — отработовал адвокат. — Правильное решение, могу добавить.

— Вот как?

— Работа может спасти тебя от банкротства, а не новая виртуальная жена.

— А тебя? — спросил Иван. — Разве это тебя не касается?

— Нет.

— Если мой счет обнулится, то сегодня, в полночь, ты перестанешь существовать.

— Не перестану. Изменяюсь, утрачу какие-то данные, но не более. Я прога, ты разве забыл? Я не боюсь исчезнуть, я не испытываю эмоций.

— Но ты знаешь о них?

До Ивана донесся тихий смешок.

— Мне известен такой символ. Он один из множества других, известных мне. Я не знаю, что ты считаешь жизнью, я всего лишь манипулирую известными мне символами.

— Разве твои ответы не говорят о наличии у тебя сознания?

— Нет.

— Неужели?

Новый смешок.

— Всего лишь о том, что программировали меня не лохи. Они соображали будь здоров, знали, какими вопросами меня попытаются достать.

— Ах вот как?

— Сомневаешься?

Денисов закусил губу.

И сказать нечего. Все схвачено крепче бетона.

— Ладно, — наконец промолвил он. — Живем дальше. Убери ее и покажи мне теперь...

Он сделал паузу, выбирая.

— Двадцать два, — подсказал адвокат. — Не нравится этот мне. Придраться не к чему, но подозрительный.

— Чем?

— Мужчина. Пятьдесят лет. Тихо сидит, словно мышь под веником, и ни с кем по Сети не общается. Причем долгое уже время. Не бывает так.

Иван встрепнулся:

— Да неужели?

Если адвокат в недоумении, пора браться за дело самому. И действительно поинтересоваться номером двадцать два. Благо сидит он недалеко.

Привстав, Денисов окинул взглядом человека, так обеспокоившего адвоката, облегченно вздохнул. Устраиваясь обратно на сиденье, он даже тихо хихикнул.

Всего лишь консервик, не более. Любитель старины. Кем еще может оказаться читающий книгу на бумаге? И ведь достал где-то. Неужели купил? Стоят они дорого.

— Все в порядке с ним, — сказал он адвокату.

— Ну, раз ты сказал...

— Так и есть. Погнали дальше.

Еще одна любопытствующая дамочка, по виду активно молодящаяся. Эта старательно и методично исследовала подноготную соседей с помощью древнего аппарата. Самый дешевый стражник по сравнению с ним — чудо техники.

Рабочий с элитных верфей, второго уровня, получающий настолько хорошо, что может позволить себе хотя и устаревшей версии, но настоящего адвоката. Тот ринулся было навстречу, словно справный цепной пес, но мгновенно, признав превосходящую силу, ушел в глухую оборону.

Кто там следующий? Ага, еще один служащий. Работает в серьезном правительственном учреждении, на незначительной должности. Адвокат у него хороший, но

настроен скверно. Явно приобретен из желания выделиться, показать пока не существующую крутизну. Нет, и этот неопасен.

Между прочим, сетевой покой следующего охраняет редко встречающийся часовой. Он к тому же еще и странной модификации. Самоделка, купленная на одном из подпольных рынков? Почему тогда он ее не замаскировал? Денег не хватило? Или не боится стражей порядка? А может, это индивидуальная разработка? И если он так могуч, то почему словно простой смертный едет надземкой?

Иван покачал головой.

Явно эта тайна так и должна остаться неразгаданной. Если совать нос куда попало, его могут и прищемить. И вообще, пора двигаться дальше.

Он потратил еще минут пятнадцать и внимательно просмотрел данные всех ехавших с ним в вагоне. Ничего необычного или угрожающего более не обнаружилось.

Собака. Здоровенная псина, с короткой, лоснящейся шерстью, сильными лапами, тяжелой мордой. Она была невероятно реальной, живой. И Иван, увидев ее, вздрогнул. Ему показалось, что она действительно появилась в вагоне, вот сейчас бросится.

Вот зверюга немного подняла голову, глянула ему прямо в глаза, раздвинула желтоватые клыки.

Нет, не купишь, сказал себе Денисов, уже осознавший, что видит паутинное создание. Сделанное с большим мастерством, в реальном мире неопасное.

— Адвокат, — чуть ли не в голос спросил Иван, — это что такое?

— Проекция собаки? — откликнулся его защитник.

— Да.

— Угроз не обнаружено. Пришла от номера пятьдесят семь. Должна что-то обозначать.

Иван взглянул на план вагона. Так и есть. Под данным номером значился типчик, владелец нестандартного часового.

Собака выкатила длинный язык, часто задышала, завиляла хвостом. Вид у нее теперь был самый дружелюбный.

Развлекается, прикинул Иван, делать ему нечего.

— Вырубить псину? — спросил адвокат.

— Саму возможность связи с ее владельцем. Сумеешь?

— Это проще пареной репы. Если просто закрыться от него.

— Так и сделай.

Собака исчезла.

Иван посмотрел в окно. За ним, как и положено, проносились многоквартирные башни с закрытыми нащепками бронеставень оконми, забитые у-мобилями улицы, расписанные живыми красками коробки магазинов и заборы, заборы, заборы.

А может, этот тип просто хотел пообщаться? Обычное, вполне безобидное желание.

Он ухмыльнулся.

Безобидное? В надземке? С незнакомым человеком? Нет, не надо ему подобного общения. Адвокат должен им заниматься. Жаль, не хватило денег на паладина, к примеру. Вот с ним можно никого не бояться и во второй, даже в третьей зоне.

Вновь слегка привстав, Денисов окинул вагон взглядом.

Можно было побиться об заклад, что почти все сидевшие вокруг перешли на паутинное зрение полностью. Расслабленные тела, пустые лица, незрячие глаза. Стандартный жутик с названием «мертвецы в надземке». Из картины выпадали только те, кому не хватило денег на чип управления голосом. У них безостановочно двигались кисти рук, пальцы били по невидимым клавиатурам. Впрочем, при желании образ можно найти и для них. Чем не гигантские пауки? А?

Бояться нечего, сказал он себе, опускаясь обратно на сиденье. Все как обычно, все в ажуре.

И тут адвокат сообщил:

— До первой зоны осталось пятнадцать минут.

Это означало, что скоро начнутся метаморфозы вагона. Окна, прямо на глазах, начнут очищаться от искусственной грязи, станут шире. Стены поменяют цвет с тусклого серого на жизнерадостный зеленый. Сиденья обрастут пористым, мягким покрытием. Сидеть станет удобнее. Потом, перед тем как они въедут во вторую зону, будет новая метаморфоза. А последняя — перед третьей. Не бесплатно, конечно.

Вольготно откинувшись на спинку кресла, Иван подумал, что вполне мог бы доехать и стоя. Пусть только это позволит ему сохранить на счету хотя бы с десяток лишних единиц. Нужны они ему сейчас, очень нужны.

5. День. Вокзал. Баланс: 17 единиц

6.

7.

А вот на конечной станции его встретили собаки-моды. Иван видел их много раз, но все равно, выйдя из вагона, невольно вздрогнул. Так фантастически, нереально они выглядели в экзоскелетах, добавлявших собакам неуязвимости и силы. А еще на них были ошейники, широкие, массивные, в датчиках и защитных щипах. В верхней части головы торчали цилиндры еще двух датчиков, главных, походивших на рожки жирафа, округлые кончики которых горели красным, мертвенным цветом. Впрочем, главное было вовсе даже не это. Глаза — вот что удивляло без меры. Слишком много в них было ума и внимания, слишком они были разумными, оценивающими, но без грана человечности. Чужие, страшные глаза.

Собак следовало бояться больше, чем людей. У них, в дополнение к уму и памяти, был еще и нюх. Они чуяли страх, они чуяли людей, которые вели себя необычно.

— Здесь начинается третий уровень! — вещал голос из громкоговорителя. — Будьте внимательны, не создавайте проблем окружающим!

Вот чего Ивану не хотелось, так это проблем. Ему сейчас нужно было немного денег, так, чтобы хватило на не-

делю относительно безбедной жизни. А там либо его невод наконец вернется с добычей, либо придется выходить еще раз на фарм, но будет это через целых семь дней. Вечность, если подумать.

— Адвокат, максимально внимательный режим, — приказал Иван.

— Сделано. Кстати, разумное решение. Все-таки третий уровень. Надо держать ухо востро.

Ну да, надо.

Продолжая шагать, старясь не выпасть из ритма двигающейся к эскалаторам толпы, Иван огляделся.

Ничего на третьем уровне за прошедшую неделю не изменилось. Перрон, усеянный урнами, похожими на шляпки экзотических грибов, двигающаяся по нему толпа, целеустремленная, ведомая единой целью, чуть в стороне — стоящие неподвижно собаки. Их поводыри, стоявшие поодаль, внимательно за всем наблюдающие.

И конечно, шеренги киосков-трансформеров, полыхающие рекламой, зазывающие и обещающие. Иван увидел, как один из них почти мгновенно съезжился, стал уже раза в два. Очевидно, владелец киоска решил уменьшить плату за аренду занимаемой площади. Причем освободившееся место тут же исчезло под мгновенно раздвинувшимся соседним киоском. Получалось, его владелец воспользовался ситуацией. Теперь он стал заметнее, значит, получит больше прибыли. Законы конкурентной борьбы в действии.

Иван тихо хмыкнул и не удержался, взглянул вверх, туда, где вздымалась коробом крыша вокзала, усеянная смахивающими на соты блоками камер наблюдения. А еще выше, на горизонте, виднелись гигантские тела вип-домов, в которых соответственно жили вип-персоны. И вокзал оказывался словно бы взятым ими в кольцо, становился от этого меньше, несерьезнее, смахивал на кукольный домик, окруженный злыми великанами, готовящимися его растоптать.

Денисов подумал, что в эти дома ему путь заказан. В них деление на уровни от четвертого по десятый вклю-

чительно начиналось еще в лифте. Там его выведут на чистую воду мгновенно. Хотя соблазн велик. Если удастся, хапнуть сразу кучу денег и тут же сделать ноги. Хватит надолго.

Нет, крупно рисковать он не будет. Главное — не переборщить в фарме, не дать жадности себя сожрать. Он это умеет, он помнит, что большие деньги можно хапнуть с помощью невода. На «драконов» тоже есть надежда. А здесь его девиз «Курочка по зернышку клюет». Вот и надо его придерживаться. Не забывая об экономии.

Вон, впереди участок тротуара, на который стоит обратить внимание. Коварный он, хитрый. Вымощен плитами из настоящего, не искусственного, песчаника, да не сплошь, а в шахматном порядке. Не случайно, понятное дело. Так ни один инспектор не навесит на владельца тротуара повышенный налог за владение покрытием из натурального камня. А проходящие все равно нет-нет да наступят на ту или другую каменную плитку, теряя за раз по единичке.

Небольшая потеря? Курочка по зернышку...

Иван ухмыльнулся.

Он почувствовал, как к нему почти мгновенно благодаря навыкам, отработанным за годы работы диспетчером, возвращается умение владеть собой, умение четко просчитывать ситуацию.

Все-таки, подумал он, бесполезных знаний не бывает. Все, чему ты учишься за жизнь, рано или поздно пригодится. Как вот сейчас, к примеру.

Даже не задумываясь, не выпадая из ритма движения толпы, он прошел по коварному участку тротуара, не наступив ни на одну из «дорогих» плиток. И это ему доставило радость.

Не попался? Хорошо. А теперь — работа. Фарм, ради которого он сюда и приехал.

Кто это там идет впереди? Девушка в серебряных сапожках? И кажется, у нее резкие, сильные духи? Все, сантименты закончились. Милая, если пожелала пользо-

ваться именно такими духами, будь готова за это расплачиваться. Звонкой монетой, звонкой монетой.

Он чуть-чуть ускорил шаг. Совсем немного, так, чтобы адвокат девушки не смог его обвинить в предвзятости. Вот теперь, стоит ей слегка притормозить, как дело будет в шляпе. Притормозила. И оказалась на таком расстоянии, что адвокат посчитал нужным сработать, как косой отхватив от ее счета две единицы за нанесенный вред, понятное дело.

Всего лишь две? Ничего, ничего. Курочка...

И кто там шагает справа? Пузатый дяденька в шляпепреобразователе? Что, если он наступит на ногу? Вот тут можно неплохо заработать. Как это сделать? Да очень просто, если умеючи, конечно. Надо всего лишь чуть-чуть сбавить ход, в нужный момент словно бы споткнуться и...

Стоп, рано еще. И не тот это объект, чтобы на нем применять такой серьезный прием. Пузатый дяденька, он не очень богатый, это сразу видно, даже без помощи адвоката. А фокус с ногой нельзя использовать чаще чем раз в день. Иначе на него обратят внимание контролеры. Если они за тебя возьмутся, небо с овчинку покажется. Всю подноготную вытащат на свет божий и сделают надлежащие выводы.

И конечно, мысли эти были уже запоздалыми, поскольку его тело, еще до того, как появились объяснения, уже среагировало, уже чуть-чуть ускорило шаг, чтобы оказаться на безопасном расстоянии от пузана.

Фарм. Умение отнять и уйти незамеченным. Оно дорогого стоит. Примерно так же, как и настоящий рецепт превращения свинца в золото, ибо стабильно кормит владеющего им. Если, конечно, не надумаешь сам себе стать злобным бакланом.

Совесть? О да, эта надоедливая скотина у него есть. Только какое она имеет отношение к выживанию? Его маленькие кражи не имеют серьезных последствий. Никто из-за пары потерянных единиц в петлю не полезет. Более того, их исчезновения почти наверняка не заметят. Для тех, у кого он их забрал, это — мелочевка. Для него

же в конечном итоге возможность выжить. А он желает лишь этого. Потом, когда его невод вытянет золотую рыбку, все изменится.

И не от хорошей жизни он занялся фармом и, если отпадет нужда в деньгах, забудет о нем тотчас. Уверенность — сто процентов. Только пока с деньгами у него очень туго. И значит, нечего рыпаться.

Он вдруг с беспощадной, законченной ясностью ощутил, как здесь, на третьем уровне, пахнет деньгами, пахнет возможностями, пахнет новой, более интересной жизнью. Несмотря на все меры защиты, возможности буквально на каждом шагу. Стоит только протянуть руку, стоит сообразить, что именно надо делать. Это возбуждало, словно акулу, почуявшую запах крови.

Он слегка замедлил шаг, и это было не случайно. Ничего сейчас случайного с ним не могло происходить, какие бы мысли его ни одолевали.

Женщина в почти прозрачном балахоне очень неумело попыталась пересечь ему дорогу. И конечно, она была в третьей зоне новенькой. И еще будет за это расплачиваться, либо долго, либо не очень, но будет. Вот так, как сейчас, например.

Давай, сказал адвокат, все должно получиться. И Иван, не сбавляя шага, чуть сместился вправо, прочь от кромки тротуара. Женщина в балахоне отреагировала, но не так резво, как надлежало, и это обошлось ей в три единицы.

Даже не проверяя, поскольку зарабатывал здесь уже не первый раз, Иван знал предлог, по которому его адвокат урвал компенсацию. «Она помешала моему клиенту преодолеть опасный кусок шоссе». И никакого вранья. Именно здесь две недели назад была настоящая авария, и даже с жертвами. В соответствии с законом это привело к наложению ярлыка «опасного» на кусок тротуара протяженностью в два десятка метром сроком на месяц. Значит, его это место покормит еще раз или два. При удаче, конечно.

Не тормози, скомандовал адвокат, все еще только начинается. Впереди опасный участок. Если ты здесь чуть-

чуть не ускоришь шаг, почти наверняка нарвешься на «препятствие обусловленного временем продвижения». Соберись, тут надо держать ухо востро.

Надо так надо, подумал Иван. Шагать быстрее? Да запросто. А насчет «держатъ ухо востро» предупреждать не надо. Он всегда начеку. Всегда готов прыгнуть и схватить. Работа такая.

8. Обед. Кафе «Сухаревка».

Баланс: 586 единиц

9.

10.

Пахло свежей сдобой, недавно смолотым кофе, а у подавальщицы были длинные ноги и вполне ничего себе улыбка, не слишком испорченная жизнью на третьем уровне. Еще кафе под названием «Сухаревка» могло похвастать сносным уровнем личной безопасности. Именно поэтому Иван его и выбрал, решив слегка заморить червяка.

Он сел за стоявший в самом углу свободный столик, устроился так, чтобы одновременно, не слишком упуская из виду входную дверь, иметь возможность поглядывать в широкое окно, на улицу, следить за происходящим на ней. Так, на всякий случай. Вдруг подвернется что-нибудь стоящее?

Заглянув в карточку меню, напечатанного как в старину, на бумаге, что уже само по себе говорило об уровне заведения, Иван покачал головой.

Влетит ему обед в копейчку. Вот только не избежать этого, не избежать. Дорого, конечно, но после такой работы нужно перекусить. На голодный желудок до вечера он не продержится. Слишком много энергии тратит.

Подошла официантка, и, делая заказ, Иван опять подумал, что улыбка у нее действительно неплохая, искренняя. В глазах пока просматривается некоторая наивность, но только просматривается, не более. Как-то она до этого теплого, хлебного все-таки местечка добралась. Как? Случайно работу в третьем уровне не находят.

★ Стол под его рукой слегка изогнулся, издал мурлыкающий звук, словно большая кошка, слегка вспучил крышку, так, что меню на нем шевельнулось, пододвинулось ближе к руке.

Пора было в него заглянуть.

Ему неожиданно показалось, что соседний столик стоит чуть-чуть ближе необходимого. И значит, сидящий за ним бодрый студентик, сын обеспеченных родителей, въехал в его личное пространство. Ясное дело, с нехорошими намерениями. И если так...

Да нет же, его адвокат молчит. А значит, всего лишь показалось. Бывает после такой напряженной работы. Надо расслабиться хотя бы на полчаса, отдохнуть. Полюбоваться официанткой, может быть, даже помечтать о том, как с ней познакомиться, и даже не в виртуале.

И как раз в этот момент проснулся адвокат, шепнул, что следует быть настороже. Есть к этому причина.

Так и было.

К его столику шел некто, и паутинное зрение очертило его золотистой рамкой. Это означало, что в кафе появился другой фармер. Вот сейчас следовало собраться максимально. А может, его адвокат ошибся? Да нет, все верно. По движениям, по выражению лица, по едва заметным приметам Иван видел — все верно. Ошибки нет.

Интересно, что ему надо? Он тоже знал, кто сидит в кафе, у него тоже классный адвокат, настроенный, кроме всего прочего, на обнаружение конкурентов. И значит, незнакомый фармер сейчас получает от него предупреждение за предупреждением, но идет.

Что ему надо? Поговорить захотелось?

Не дойдя до него пары шагов, фармер сел за свободный столик. Точные, выверенные движения. На лице — легкая, благожелательная улыбка, но глаза — ничего не выражающие, словно оловянные пуговицы. Профи, работающий каждый день, и уже давно.

В сторону Ивана он теперь не смотрел, делал вид, что не видит его вовсе. Как и положено. Впрочем, разговору

это не помешает. И он состоится, вот только надо слегка выждать, для порядка сделать паузу.

Денисов взглянул в окно. И как раз вовремя, чтобы увидеть, как какой-то тип кинулся к узкой, всего в два потока, полосе проезда автотранспорта. Вот он запрыгнул на широкую, отделяющую ее от тротуара полосу безопасности, вот сделал по ней пару шагов... И видно было, что ему страшно, очень страшно, но он шел по ней, упрямо сжав губы, слегка наклонившись вперед, словно против сильного ветра.

Иван покачал головой.

Деньги? Несомненно. Только их так не зарабатывают. У восседающих в изрыгающих выхлопные газы автомобилях все схвачено, будьте уверены. И даже если сунуть голову прямо в выхлопную трубу, ничего не заработаешь. Потеряешь — да. Богатые люди могут себе позволить и очень дорогих адвокатов. С ними не рискнет связываться ни один опытный фермер. А значит, это дилетант, решивший поправить свои финансовые дела и выбравший для этого самый безумный из возможных способов. Ну, он поправит — мало не покажется. Долго будет вспоминать.

Адвокат спросил:

— Будешь разговаривать сам или предоставишь это мне?

Хороший вопрос.

— Обычная процедура, — ответил Иван.

— Я обсуждаю условия, а потом разговор ведешь ты?

— Да, схема стандартная. Простые переговоры, обычная конвенция.

Действительно, зачем оригинальничать?

Наступила пауза, в течение которой адвокаты договаривались. Длилась она секунды полторы. Видимо, переговоры были очень жаркими и длительными.

В течение этого времени Иван успел подумать, что большого страха он не чувствует. Готовность мгновенноотреагировать, если у него попытаются отжать единицы, — да. Не более. Конечно, если он понимает ситуацию правильно, если вдруг не объявится какой-то сюрприз.

— Да, процедура стандартная, — подтвердил адвокат. — Конвенция о разделе сфер влияния.

Значит, никаких сюрпризов. Это неплохо.

Он искоса взглянул на фермера. А тот как раз в этот момент открыл меню и принялся его изучать.

Что ж, прикрытие примитивное, но пока действенное.

— Готов к разговору, — сообщил Иван своему адвокату.

Еще небольшая пауза, и он услышал голос конкурента:

— До вечера далеко, а мы явно сошлись в одном квадрате. Ты здесь проходом или намерен задержаться?

Никаких эмоций. К чему они, если речь идет о деле?

— Намерен.

— Первый раз здесь? Могу что-нибудь подсказать.

Иван едва заметно улыбнулся.

Нет уж, в такие ловушки он давно перестал попадаться. После того как нарвался на пару советов, едва не приведших к банкротству.

— Не первый, далеко не первый. А вот тебя я что-то не припомню. Издалека приехал?

Губы неизвестного фермера изогнулись вверх, и он стал похож на живой смайлик. Почти идеальная окружность улыбки и пустые круглые глаза. Но все это лишь на мгновение, не больше. Потом конкурент опять уткнулся в меню.

— Хорошо, — сказал он. — Я вижу, ты тоже парень не промах. Значит, конвенция. Как будем делиться? В какую сторону поправишься?

Тут и думать нечего. Туда, где его еще не было, где он не мелькнул перед следящими камерами.

— Конвенция, — подтвердил Иван. — Пусть будет так.

Его и в самом деле это устраивало. Учитывая, что он выходит на охоту в среднем раз в неделю, конкурент мог потребовать и большего. Например, оставить участок за ним полностью. А настоять на своем у того, кто выходит на промысел каждый день, гораздо больше. К счастью, он появился здесь совсем недавно, не успел точно

вычислить время его появления. Почему бы этим не воспользоваться?

— Разграничивать будут адвокаты? — поинтересовался конкурент.

Иван взглянул на его иконку. Судя по всему, адвокаты у них были одного уровня. Если так, то почему бы не поручить это им? Тем более что они же и будут следить за соблюдением конвенции.

— Согласен. Это все?

— Не совсем.

— Вот как?

— Есть еще одна новость, — сказал фермер. — Мутная новость, по чести говоря...

— И все-таки ты ее решил передать?

— Решил. Говорят, крысиный лев вернулся.

Ну, это не новость.

Иван не удержался, пожал плечами.

За последний год он эту байку слышит чуть ли не каждый месяц, то в одном сете, то в другом. Интересно, зачем прибывший пытается ее ему скормить? Смысла в истории о муравьином льве нет никакого, ибо он фигура мифическая, уровня Деда Мороза. Только этот — Дед Мороз наоборот, поскольку не раздает подарки, а шерстит фермеров.

— Я слышал, он сговорился с собаками. Вроде бы они его наняли извести всех фермеров в третьей зоне.

Это действительно нечто новенькое, но все равно — свежо предание, да верится с трудом.

— Понятно, — сказал Иван. — Приму к сведению. Еще что-то?

— Говорят, через пару недель примут очередной закон защиты личности. Будто бы в нем будут учитывать даже недружелюбные взгляды. Не все, конечно, но самые сильные — точно. Для фарма откроются новые возможности.

А вот это надо отследить, ибо похоже на правду. И значит, появятся новые способы фарма. Первые, кто их придумает, снимут всю сметану. Любопытно.

Иван взглянул на улицу. Идиот, желавший подзаработать на автомобильных выхлопах, уже куда-то исчез, на-

верняка не без помощи стражей порядка. Логично. Этого следовало ожидать.

Хотя сейчас и машин не было. Теперь по улице шла демонстрация анимешек. Они шествовали, казалось, нескончаемым потоком, в одинаковых платтяцах, с одинаковыми, слепленными из живого воска лицами. Вот одна из них подняла руки вверх и опустила их с характерным «ня!». Остальные тотчас скопировали ее движение и тоже воскликнули «ня!».

И наверняка у них можно ухватить десяток единиц, но как это сделать? А не зная брода, не суйся в воду. Пусть уж идут своей дорогой. Блаженные, бесполезные создания.

— Чем-нибудь можешь со мной поделиться? — спрашивает конкурент.

Он имел право на этот вопрос. При подобных встречах, если есть какая-то полезная информация, ее стоит сообщить. Для того чтобы в следующий раз получить от кого-то другого нечто важное.

Иван задумался.

Первая полученная информация не стоила ничего, а вот вторая была интересна. Получается, он все-таки чем-то должен отдариться. Но чем? Есть идея...

Запросив у адвоката карту района с пометками о том, как она между ними была разделена, и, внимательно их изучив, он наконец сказал:

— Возле магазина «Необходимое для дзомбинга», если идти со стороны светофора, на третьем шаге после крышки канализационного люка есть глухая зона. Видимо, сдохла целая группа датчиков. Возникла месяц назад. Сегодня я там уже был, и она все еще держится.

Дальнейшее объяснять не следовало. Профи сообразит, как с пользой, немалой, использовать полученное. Можно не сомневаться.

— Спасибо за ценный подарок, — прозвучало в ответ. — Значит, нашу договоренность ты нарушать не собираешься?

— Жду тот тебя того же. — Иван слегка улыбнулся.

— Я конвенций не нарушаю.

Вот и замечательно, подумал Иван, нужные слова сказаны. И конечно, его адвокат их записал. Через некоторое время конкурент сообразит, что договорился с тем, кто работает не постоянно, и попытается пересмотреть конвенцию. Вот тут-то эти слова и пригодятся. Более того, они могут в споре двух адвокатов оказаться решающими, повернуть его в нужную сторону.

А теперь не пора ли свернуть разговор? Самое время, честно говоря.

— Удачного фарма, — сказал он.

— Удачного фарма, — как эхо откликнулся конкурент.

Он, кажется, тоже был доволен. Вероятно, думал, что провел разговор самым наилучшим образом.

Иллюзии — штука весьма приятная. И недолговечная. Надо выпить еще чашечку кофе и уходить. Работа не ждет, и время не стоит на месте.

Иван еще раз взглянул в окно и как раз успел увидеть хвост колонны анимешаек. Последняя шагавшая в ней вдруг повернулась к окну и, дважды взмахнув рукой, крикнула «ня!». Кажется, даже ему, персонально.

Прекрасно, пусть будет так.

— Ня, — прошептал Иван.

Жизнь — неплохая штука.

11. Вечер. Улица. Баланс: 1895 единиц

12.

13.

Фарм в разгаре, могучий и уверенный. Такого у Ивана не было уже давно, и упускать его, конечно, не следовало ни в коем случае. Да он и не собирался, по правде говоря.

Двигаясь по улице, делая вид, будто спешит по делам и от этого допускает мелкие бестактности, мелкие просчеты, оборачивающиеся в единицу-другую тому, мимо кого он проходил, Иван казался себе щукой, хищной, без усталости отыскивающей и подхватывающей кусочки корма, рассыпанного кем-то очень небрежным. Он хватал, он кормился, зная, что чем больше сейчас заработает, тем

дольше сможет не появляться на этих улицах, тем дольше не придется заниматься фармом. Бог даст, это вообще последний раз. Бог даст...

На Малой Терабитной, как всегда, стояла с лозунгами группа людей. Адвокат аж рванул к ней, словно взявшая след хорошая ищейка.

— Давай! — приказал ему Иван. — Проверь их.

Азарт вот что им двигало, и твердая уверенность, что сегодня его день, сегодня он на коне. Никаких сомнений — день удач. А иначе как бы ему еще удалось снять бонусы с целой колонны каким-то мистическим образом заблудившихся очень наивных японских туристов, оснащенных устаревшими адвокатами? Или как еще можно объяснить компенсацию за запах пота, буквально упавшего ему в руки возле парфюмерного магазина? Именно — парфюмерного, что автоматом увеличило полученный бонус в десять раз, сделало его весомым и заметным. Ему после такого куша пришлось пройти улицы полторы, даже не делая попытки ничего хватануть. Слишком велика была опасность, что на него обратили внимание.

Но нет, не обратили, никто не попытался его остановить. Адвокат не зашелся яростным гудением, предупреждая о близкой опасности. И значит, получилось, сошло с рук. А иначе и быть не могло, поскольку он все-таки профи. Впрочем, это было в далеком прошлом, почти целый час назад. И сейчас очень актуальна была та группа людей.

Ну-ка, адвокат, можно ли тут заработать? Ищи, ищи, дорогой!

Он даже слегка замедлил шаг, стараясь не выпасть из ритма толпы. Защитнику надо было дать время, хотя бы немного, для того чтобы его электронные мозги оценили правильно возможность последней на сегодня серии фарма. Конец — делу венец.

Конец?

Ему не понравилось это слово. Хотя бы потому, что время еще было, а удача сама валила в руки. И фарм сле-

довало продолжить, до победного конца, до самой последней возможности.

Вот только в глубине души он знал, чувствовал кожей, что на сегодня все закончено. Пора закругляться. Риск попасться слишком велик. А посему следует последний раз зачерпнуть полной ложкой, снять навар с этой толпы лохов и уйти к неводу и «драконам». Они ждут.

Адвокат доложил, что все готово, предложил примерный маршрут.

Для того чтобы снять как можно больше единиц, надо продвинуться сквозь толпу вон до той автоматической урны, возле нее повернуть на памятник невинно павшим от руки киллеров депутатам, сделать два-три шага, а потом уходить как можно быстрее. По пути, ясное дело, импровизируя.

Ну и отлично.

Он двинулся и прошел намеченным маршрутом, все четко, не упустив ни одной подвернувшейся возможности поживиться, а потом в нужном месте повернулся и стал выходить из группы.

Несколько мешало то, что, как назло, все это время у него в голове вертелась сцена из какого-то старинного фильма о воришке, которому кореш дал столько денег, сколько требовалось для счастья, а тот тут же спалился, покусившись на грошовую сумочку какой-то гражданки. Иван справился, несмотря ни на что, сработал без сучка без задоринки, сделал последний шаг точно в намеченном месте, чувствуя, как сердце буквально заходится от страха, как по спине стекает тонкая струйка холодного пота, как вдруг предательски ослабли колени. Сделал.

А потом пошел прочь, уходя от этих людей, даже не думая уже о прибавившихся единицах. Сейчас они не имели значения.

Главным же было охватившее его ощущение, что он только что каким-то неведомым образом избавился от большой опасности, обманул ее, сохранил свою удачу. И желал он, честно говоря, сейчас только одного. Вернуться обратно в район экономических гостиниц, снять

номер, ввалиться в него и, что-нибудь сожрав, отрубиться. Съесть нечто дешевое, жирное и много, много. Хотя можно обойтись и без этого, достаточно всего лишь упасть на кровать и уснуть, даже не раздеваясь.

Завтра он займется всем, связанным с обеспеченным будущим, а сейчас лишь постель и покой.

— Еще сто пятьдесят шесть единиц! — отрапортовал адвокат.

И кажется, в его голосе даже послышалось довольство, хотя в реале, конечно, такого просто не могло быть.

— Замечательно, — сказал Иван. — А теперь...

— Метрах в двадцати справа есть очень перспективная группа школьников, — сообщил адвокат. — Заработать на них будет проще, чем облизать половник.

Иван невольно хмыкнул.

Школьники... Лакомый кусочек. Нет, умерла так умерла. Бог с ними. На сегодня все закончено.

О чем он адвокату и сказал.

— Ты уверен? — поинтересовался тот.

— Да, — подтвердил Иван, — хватит.

Все, сегодня он более не фермер. Сейчас он уже обычный законопослушный гражданин. А откуда у него сегодня взялись деньги на счету? Ну, это уже его дело. Главное, налоги с них поступят куда нужно, точнее, уже поступили. Ах, не совсем его дело? Ну, хорошо, проверьте поступления и убедитесь, что они честно получены как компенсация за моральный и физический ущерб. Много компенсаций за один день? Вот такой он и есть, этот день. Не верите? Взгляните на его финансовые результаты за предыдущую неделю. Никаких поступлений, одни траты. Так что слово «фарм» к нему не применимо ни в коем случае. Ему всего лишь время от времени везет. Не верите? Ну, тогда докажите. Не получается? Значит, оставьте занятого человека в покое. Ему отдохнуть надо после не легкого дня.

Иван не удержался, тихо хмыкнул.

Вот кому он все это объясняет? С кем ведет диалог, с кем спорит? Нет никакого смысла в подобных мыслен-

ных разборках. За дорогой надо смотреть. Того и гляди ошибется и потеряет несколько с таким трудом добытых единиц. Он еще не в гостинице, он еще не в безопасности.

Последняя мысль заставила его очнуться, вынырнуть из сладкого марева, эйфории от того, что все получилось так лихо, от свалившейся на него удачи, ибо ее не было уже давно, так давно, что он даже стал сомневаться в ее существовании.

А тело само подстроилось под ритм толпы, уже несло его к вокзалу надземки по узкой улочке, а точнее, узкому коридорчику, образованному стенами домов, отличному от тюремного лишь тем, что над головами у проходивших по нему было самое настоящее небо. Да еще, конечно, тем, что должен был вывести их не в камеру, а к вокзальной площади.

Здесь не безопасно, вяло подумал Иван. Адреналин уже уходил, и теперь на него неодолимо накатывалась усталость, полусонное оцепенение. И явно стоило пойти к вокзалу другой, более широкой улицей, но не станешь же возвращаться назад?

Он машинально оглянулся и увидел человека, идущего за ним с надлежащим интервалом, с подходящей скоростью. А за ним топал уже другой, тоже соблюдая отработанный адвокатом интервал, и еще...

Толпа.

Если сейчас повернуться и пойти ей навстречу, то кошелек его облегчится, причем на значительную сумму. Может быть, даже единиц на сто пятьдесят. А каждая из них досталась ему с таким трудом. И потом, до площади перед вокзалом осталось совсем немного. Три-четыре дома, не больше. А там — возможность маневра, там свобода. Так что можно не беспокоиться. Вот сейчас...

Дальнейшее случилось очень быстро. Опоздал даже адвокат, отреагировал тогда, когда ничего изменить уже было нельзя. Как можно остановить падающий на тебя с крыши прозрачный пакет размером с кулак, наполненный чем-то мутным, маслянистым?

Иван сделал что мог. Помня, что впереди и позади него люди, он шагнул в сторону. Именно поэтому пакет в него не попал. Ударившись о стену ближайшего дома, он разорвался на клочки. Основная масса его содержимого хлынула на тротуар, но одна струйка на одежду Денисову все-таки брызнула. Пахла она тошнотворно.

14. Вечер. Станция надземки.

Баланс: 242 единицы

15.

16.

«Все сущее рано или поздно теряется, ибо нет ничего вечного в этом мире. Так устроено, и менять это не в наших силах».

Изречение это слово за словом появлялась на спине паука уборщика вот уже пять минут, рядом с его ногой деловито полировавшего плитку пола. Очевидно, оно было закольцовано.

Кому это было нужно? Или налицо обычный сбой программы? Ну, тогда почему никто его не устраняет?

Иван откинулся на спинку скамьи и, задрав голову, взглянул на потолок.

И опять ничего особенного там не было. Ровная, покрытая местами облупившейся побелкой поверхность. Еще на ней виднелась паутина, висевшая в углах, полосы ржавчины, кажется, оставшиеся от каких-то стальных конструкций, большие круги, нанесенные синей краской.

Действительно, вид не очень приятный. Можно сказать, оскорбляющий глаз, так и намекающий на возможность иска. А толку-то, честно говоря? Слишком он далеко, этот потолок. С него даже самый лучший адвокат ничего не получит. Так зачем тогда стараться? То ли дело пол.

Он посмотрел на все еще сосредоточенно трудившегося паука, обнаружил, что изречение на его спине все то же. Ничего не изменилось. Значит, не сбой программы, его бы уже обнаружили. И ничего тут выцыганить

не удастся. Да и адвокат сейчас занят по самые уши. Разгребает последствия катастрофы. Судя по затраченному времени, может и не разгрести.

Вот гадство...

Он поднял ладони к лицу и осторожно их понюхал.

Ни-че-го. Никакого запаха. словно его не было вовсе. Любопытно, куда же ухнули его денежки, кто их прикарманил? Ах, некто неизвестный? Бред. В наше время такого не бывает. И молчание адвоката говорит о том, что он с представителем этого неизвестного разбирается. Или с теми, кто отвечает за появление взрывающегося пакета, начиненного чем-то зловонным. Кто-то из них должен вернуть ему его деньги, и хорошо бы с некоторой добавкой.

Нет, это даже не обсуждается. С некоторой добавкой — обязательно.

Ивану вспомнилось, как он на подгибающихся от страха ногах шел целую вечность, шел к проклятой площади перед вокзалом, стараясь сохранять хоть какую-то дистанцию до тех, кто двигался спереди и сзади. Но толку с этого не было никакого. Слишком силен был запах. И все это время с его счета непрерывным ручейком уходили денежки. Остановить это было невозможно. А он, прекрасно понимая, что влип, влип по-крупному, молил бога только об одном. Чтобы его счет не опустошился до вокзала полностью, не иссяк, не был выпит адвокатами других людей. Если на нем не останется и единицы, то он потеряет право задействовать адвоката, потеряет возможность вернуть заработанное с таким трудом.

Не будь его день таким удачным, так бы и получилось. И к бабушке не ходи, так бы вышло. Это даже не грабеж, это уничтожение. Полное, тотальное, причем без возможности кому-то пожаловаться.

А может, байки о муравьином льве имеют под собой какую-то основу? Может, случившееся с ним является частью плана по уничтожению фермеров? Или это постарался тот, с кем он разговаривал сегодня в кафе? Раскусил его блеф и заказал уничтожение? Могут быть и

еще варианты. Есть ли смысл их сейчас перебирать? Главное уже случилось. Его сделали, внаглую украли сегодняшнюю удачу.

Паучок наконец-то прекратил полировать плитку, несколько мгновений постоял над ней неподвижно, а потом, тихонько зашипев, подкатил к ботинкам Ивана. Возле них он снова замер, видимо, что-то насчет них решая, постоял так несколько мгновений, а потом двинулся прочь. Далеко он не ушел. Буквально в шаге от скамейки, на которой сидел фермер, занялся очередной плиткой, стал доводить ее до совершенства.

Ну и удачи ему в его нелегком труде. А также терпения.

Иван заложил руки за голову и не удержался, тяжело вздохнул.

Удача повернулась спиной? Не рано ли он отчаялся? И сколько раз перед этим ему случалось попадать в схожие, тяжелые обстоятельства? Потом, еще ничего не закончилось. И главное сейчас — адвокат, его действия в невидимой и неслышимой ему битве за деньги. Вот что определит его будущую жизнь, вот от чего она сейчас зависит. И если его адвокат проиграет...

Ему мучительно захотелось закурить. В данный момент он жалел, что некогда решил для себя, что портить легкие дымом слишком накладно. Нет, конечно — накладно и даже очень, но вот сейчас ему очень пригодилась бы сигарета, пусть даже половинка, две затяжки, всего лишь одна, но основательная, так, чтобы до потрохов продрало. И где ее...

— Если вы раздумываете над тем, куда поехать, то я с радостью вам помогу эту проблему решить.

Еще один паук, побольше, явно поумнее, украшенный целым десятком рекламных надписей, объемных, очень красочных и все время меняющихся, зримо увеличивающих размеры его тела, окружающих его словно аура — только пожелай прочесть.

Иван не хотел. Они ему были совершенно безразличны. Единственное, что его сейчас интересовало, — это действия адвоката. Судя по всему, схватку тот вел героическую.

Паук что-то бубнил, какие-то слова, заложенные в него умными, все рассчитавшими людьми, но они до Ивана просто не доходили. Плевать ему сейчас было на рекламу. В гробу он ее видел, в белых тапочках. Гораздо важнее узнать, что там с его деньгами. Сколько из них вернут? Нет, даже не так. То, что вернут, это несомненно. Какова будет компенсация? Может быть, ее хватит надолго? На последнюю модель невода или более мощного адвоката?

Или даже...

А что именно? Что ему нужно от жизни? В разумных пределах, конечно, поскольку на миллионы такая компенсация вытянуть никак не может. И нечего мечтать, не вытянет. Хотя... Уж слишком крепким был запах. А если признать, что появление пакета, начиненного дурно пахнущей жидкостью, не случайность... и если того, кто это придумал, уже вычислили...

Если? Какие могут быть «если»? Его уже точно вычислили. Современные стражи порядка не то что неумехи из прошлого. Им палец в рот не клади, они не только вооружены самой современной техникой, но еще и умеют ей пользоваться в совершенстве, и стоит им напасть на след, будь ты даже самим...

Адвокат издал тихий шорох, и Денисов почувствовал, как спина у него враз покрылась испариной.

— Могу огласить результат, — слышалось после небольшой паузы.

— Давай! — рявкнул Иван. — Не трави душу!

— В результате всестороннего разбирательства и после продолжительного просчета вариантов, сопровождавшихся поисками в базе уже зарегистрированных случаев...

— Сколько? — не выдержал Иван. — Скажи — сколько?

— Уточни вопрос.

— Сумму. Можешь ты назвать сразу окончательную сумму?

— Да, могу. Она составляет двести двадцать три единицы.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Всего-навсего? Не густо, совсем не густо. Да нет, что-то тут неправильно.

— Мало, — заявил Иван. — Так не бывает.

— Сделал все возможное, — ответил адвокат. — Я же тебе говорю, что, внимательно исследуя прочие зарегистрированные случаи...

— Это понятно, — перебил его Иван. — Скажи, в чем основная заковыка? Почему не получилось выбить основную компенсацию?

— Не с кого ее было выбивать, — ответил адвокат. — Объект для предъявления претензий не обнаружен.

Вот этого Иван понять никак не мог.

— Почему? — спросил он. — Но ведь это невозможно. А как же следящие камеры, сверхчуткие датчики, все эти штуки для определения нанесенного ущерба? Хочешь сказать, так и не удалось определить, кто кинул этот пакет?

— Нет.

— Почему?

— Тебе известен такой термин, как «информационный туман»?

— Вроде бы слышал. Но эта штука встречается только в былинах, в рассказах, передающихся из уст в уста. На самом деле ее существование не доказано.

— Между терминами «не доказано» и «не существует» — большая разница.

— Так он все-таки был? Но почему...

— Иногда, — перебил его адвокат. — Признать существование некоторых вещей очень трудно, почти невозможно. Особенно если кто-то этого очень не хочет... И хватит об этом. Более — ни слова. Подумай лучше о том, что будешь делать с оставшимися единицами.

— Значит, ничем более ты мне помочь не сможешь? — спросил Иван.

— Серией апелляций. Занимаюсь этим как раз сейчас и буду заниматься еще минут пять.

— Таким образом...

— Нет. Это не более чем пустые формальности. Они не дают ни единого, даже самого крошечного шанса. Лишь отсрочку по времени, на пять минут. В данный момент она уже стала меньше.

Иван почесал в затылке.

Что ж, если так... возможно, пришло время убратся в нору. Такой замечательный день завершился полным разгромом, тотальной неудачей.

— Еще раз советую подумать о распределении оставшихся денег, — промолвил адвокат. — В двенадцать часов ночи со счета на мое содержание будет снята очередная сумма. Если на нем не окажется необходимого количества денег, мне придется отключиться.

— Да хватит. Конечно, — пожал плечами Иван. — Даже тех жалких остатков, которые у меня сейчас есть, хватит по крайней мере до завтра.

— О! — сказал адвокат. — Вижу, ты кое-что неправильно понял.

— А именно? — спросил Иван и вздрогнул.

— Сумма в двести двадцать три единицы не плюсуется к твоему счету, а вычитается из него, — сообщил адвокат. — Незбежные издержки на ведение дела. И вычтут ее, когда будет отклонена последняя апелляция. Ровно через две минуты, по моим прикидкам. После этого у тебя на счету останется девятнадцать единиц. Как ты намерен ими распорядиться?

17. Ночь. Вагон надземки.

Баланс: 12 единиц

18.

19.

Близкий вой сторожевых волков и мертвый, морозный воздух. Громкое щелканье взводимых затворов ручных камнеметов и треск факелов. А еще нереально высокое, чистое небо, давно сбежавшее из городов, снег и совсем рядом — берег реки.

Лед на ней должен быть тонким, поскольку встала она совсем недавно. И есть искушение рвануть из колонны

в сторону, перевалить снежный валик, прыгнуть вниз. А там — как Бог положит. Либо уйдешь в ледяную воду с головой, либо пробежишь по гладкой, скользкой поверхности, чувствуя, как она трещит и расходится за спиной, отрезая тебя от преследователей, пробежишь до соседнего берега. Ну а если к тому же промахнутся стрелки, если ни один из каменных кругляшей в тебя не попадет, то можно на день-два остаться в одиночестве, вновь познать роскошь свободы. Больше не удастся, больше никому не удавалось. И вообще, за свободу придется платить по весьма высокой ставке, но искушение велико. Вот только надо решиться. Либо сейчас, либо никогда...

И тут до него из другого, более реального мира донесся голос адвоката:

— Просыпайся, сейчас на сон время тратить не стоит.

Этого оказалось достаточно. Иван очнулся, но глаза не открыл, продолжал сидеть, слегка покачиваясь в такт движению вагона монорельса. Где именно он находится, не стоило уточнять. И время... Голос адвоката означал, что двенадцать часов еще не наступило. Возможно, до границы, за которой он превратится в нищebroда, осталось лишь несколько минут.

Однако адвокат у него еще есть. Может, стоит с ним поговорить? О чем именно? О пути к спасению? Три «ха-ха» — четыре раза. Если у тебя на счету чуть более десяти единиц, а на часах почти двенадцать, рыпаться не стоит. Все возможные песенки спеты. Осталось лишь сидеть с закрытыми глазами и думать о том, как можно восстановиться хотя бы до уровня сегодняшнего утра.

Трудное, надо сказать, почти невозможное дело. Начинать придется в полном смысле с пустого места и в нулевой зоне. А там жизнь вовсе не сахар. И пока ты карабкаешься с уровня на уровень, пока обзаводишься необходимым оборудованием, много воды утечет. Хороший адвокат — штука дорогая, не говоря уже о неводе...

Он вздохнул, поерзал по сиденью, стараясь сесть удобнее, но глаза так и не открыл. Не хотелось. Вот не хотелось, и все. У него вообще было чувство, что гибнет

не просто его образ жизни, рушится не только достигнутый им уровень, ему казалось, что в двенадцать часов сам он превратится в калеку. Адвокат и невод, а также еще несколько программ давно стали словно бы частями его тела. Кроме них существовало еще с десятков крохотных, но весьма полезных устройств, помогавших ему жить, создававших нечто похожее на комфорт, без которых теперь придется обходиться. К примеру, тот же определитель примесей в пище и воде. Если его не будет, значит, придется питаться, рискуя нарваться на некондицию. А она бывает разная. Запросто можно с непривычки и надуть лапы.

— Ты проснулся? — спросил адвокат.

— Да, — ответил Иван.

— А почему сидишь с закрытыми глазами?

— Вот нравится мне так... Хочешь, чтобы я увидел, как ты выключишься? Нуждаешься в свидетелях своей смерти? Кстати, что ты об этом думаешь? Воспринимаешь выключение как смерть, как конец всего для себя сущего?

— Нет.

— Отчего? Ах да, в твою программу не вложили само понятие загробной жизни.

— Вложили. А ты сейчас пытаешься эмоционально на меня разрядиться. Никакого вреда мне это не принесет, но я бы советовал не тратить время зря.

— Сколько его еще осталось? Когда ты отключишься, когда меня признают банкротом?

— Через полчаса.

— Неплохо, — не без сарказма сказал Иван. — У нас в запасе куча времени.

— За это время можно сделать много. При удаче — пополнить свой счет настолько, что хватит на будущий день. А уж если ты перевалишь через двенадцать часов, не свалившись в минусовой счет, можно что-то придумать, как-то извернуться.

И в словах этих была надежда. Вот только Денисов в нее уже не верил. Он знал, точно вызубрил как «Отче наш»: чудес в этой жизни не бывает. Вот не бывает, и все.

— Что я слышу? — промолвил он. — Ты советуешь мне... Стоп, а не ты ли еще там, на вокзале, сообщил, что время уже упущено и теперь, стоит мне даже попытаться пофармить, стражи порядка будут тут как тут. Они, дескать, теперь станут за мной приглядывать. Не ты ли...

— Да, я, и ты со мной согласился. Помнишь почему?

— Потому что это верно, черт побери.

— Было. А сейчас прошло надлежащее время. И я советую тебе чуть-чуть податься вправо, совсем чуть-чуть. И открой наконец глаза.

— Не буду, — промолвил Иван. — Нет в этом смысла. А за соломинку хвататься...

— Хватайся, я приказываю тебе! — гаркнул адвокат. — Двинься, козел, чуть-чуть вправо! Совсем чуть-чуть, говорю тебе.

И это возымело действие, именно то, какое и должно было. Иван машинально подался в указанном направлении и вдруг услышал тихий щелчок. Тот самый, с легким, словно бы металлическим, эхом, который он не мог перепутать ни с каким другим.

Этот щелчок, который он давно научился не замечать, сейчас прозвучал громче пушечного выстрела, ибо означал, что его счет увеличился на одну единицу. Всего лишь. Однако там, где снята одна единица, почти наверняка можно разжиться еще некоторым их количеством. И значит...

Он открыл глаза.

Пьяный. Одетый как офисный работник не менее чем четвертого уровня, возможно, нахлеставшийся в зюю на какой-нибудь корпоративный вечеринке, которого судьба каким-то чудесным образом занесла в эту электричку и опустила на соседнее сиденье.

— Что же ты раньше мне, сукин ты сын... — прошипел Иван. — Почему не сказал?

— Потому что раньше он сидел в другой позе. А сейчас ее сменил, подвинулся ближе, и с него стало возможно кое-что снять. Скажи я тебе раньше, и ты, кинувшись в бой, мог попасться.

— А сейчас можно?

— Да. Только — осторожно, очень осторожно.

— Насколько я еще могу к нему приблизиться?

— Сантиметров на десять, но не больше. Поверни в его сторону голову и немного наклонись. Этого будет достаточно. Более всего с него можно снять за запах, так называемый выхлоп. Остальное — мелочевка, которая тоже сплюсуется, но всего не ухватишь.

Это он, адвокат, верно сказал, подумал Иван, осторожно, по чуть-чуть придвигаясь к пьяному, всего не ухватишь. И значит, бить надо на главное. А времени осталось — всего ничего. И если набрать, если нафармить нужное количество единиц, до полуночи перевалить через сотню, да потом...

Он придвигался, слушая ленивые щелчки, с которыми на его счет падали единицы, ощущая, как его все сильнее охватывает надежда на возможность вывернуться. Только бы до полуночи набрать нужное количество денег. Только бы пьяный не проснулся, не ушел, не сменил позу на менее выгодную.

И адвокат был прав, что до нужного момента его не будил. А вот сейчас этот момент наступил, и тут главное — не сплеховать, нет у него на это такого права.

А пьяный в это время безмятежно храпел и даже потихоньку пускал слюну, что Ивана, выдавшего на нулевом уровне и не такое, совсем не беспокоило. И да, что там с его адвокатом?

— Почему его не разбудит адвокат? — спросил он у своего защитника. — Он что, настолько сильно перебрал?

— Похоже, этот идиот ему запретил любую деятельность. Видимо, мешал предупреждениями.

Действительно, идиот. Подобный поступок равен попытке искупаться в реке, кишасей крокодилами. Впрочем, как раз на подобное пьяные и горазды.

— Значит, он совсем без защиты? — уточнил Иван.

— Мы в вагоне, — напомнил адвокат. — Здесь он под защитой стражей порядка. И это еще вторая зона.

О да, так оно и было.

— Много у него на счету?

— Точно сказать не могу, но немало. Работает он в очень солидной фирме и не на низшей должности.

— Надо же...

Иван окинул пьяницу оценивающим взглядом.

Да, одет тот был очень добротно. И значит, дело в шляпе. Лишь бы только...

Как раз в этот момент пьяный и пошевелился. Храп его оборвался на бесконечно долгое мгновение, в течение которого Иван почувствовал, как у него в груди оборвалось и рухнуло куда-то вниз сердце, пьяный даже открыл глаза, но тут же вновь забылся, опять захрапел. А Иван, чувствуя себя человеком, чудом увернувшимся от мчащегося на него автомобиля, с трудом перевел дыхание.

Мир несправедлив, думал он, и единственным благом, бескорыстным подарком, который ты от него получаешь, является самая жизнь. Все остальное зависит лишь от тебя, и ни на чью помощь рассчитывать не стоит. Только на свои силы и на собственную удачу. Если она повернется к тебе задом... Что ж, значит, так легли карты. Нечего жаловаться. Надо сжать зубы и идти дальше, не оглядываясь, не пытаясь переиграть уже сыгранную игру, ибо это бесполезно. Только время и силы зря потеряешь. Идти дальше... работать лапками, сбивать сметану. Рано или поздно под ними окажется твердь.

А пока ее еще нет, пока ему остается лишь фарм. А значит, надо терпеть и еще раз терпеть. Слушать, как звякают падающие на его счет единицы, и воспринимать это мерзкое дыхание так, словно оно являлось амброзией, не смея даже поморщиться, дышать и радоваться своему невероятному везению, тому, что судьба дала еще один шанс, возможность остаться на плаву и вновь попытать удачу. После двенадцати часов. Когда начнется новый день.

АНДРЕЙ БАЛАБУХА

СПАСТИ СПАСИТЕЛЯ, или ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИЗМАИЛА

Нет ни одного доброго дела, которое
осталось бы безнаказанным.

Аноним

I

зовите меня Измаил.

Не ищите тут ни злокозненного плагиата, ни даже невинного подражания. В конце концов, как-то называться надо. А за последние три десятка лет я сменил столько имен, что и сам уже путаю, где, когда и как назывался. Да и что вам, как зовут меня сейчас? К тому же, когда и если вы будете это читать, меня, скорее всего, уже будут звать совсем иначе. Зато классическая фраза намертво застряла в извилинах — даже при моем, прямо скажем, не слишком гуманитарном образовании. Может, и не всяк ее помнит, но уж многие — точно. А имя? Что ж, не хуже других. И даже некоторая ирония в этом ощущается, особенно ежели учесть, кто рыщет по моим следам. А к иронии я питал слабость всегда. Ну да этого добра в моей истории на десятерых хватит.

Началось все ровно тридцать три года назад. Кстати, как меня звали тогда, тоже не имеет значения. По крайней мере, для вас. Куда существеннее — чем я занимался. А ремесло у меня было преувлекательнейшее. Веселое ремесло. Но об этом чуть позже.

Раз уж я с классики начал, к ней и вернемся. Кто из вас в детстве «Тома Сойера» не читал? Поднимите руку. Помните, там пассаж есть: всякий, мол, человек, а уж мальчишка особенно, рано или поздно испытывает непреодолимое желание искать спрятанные сокровища? Сдается мне, правды в этом куда больше, чем сам Марк Твен думал. Фокус только в одном. Пиратские сундуки искать да клады заговоренные или там испанские галеоны с золотишком мечтают-то многие, да решаются не все. Как говорится, много званых, но мало избранных. Да и галеоны с сундуками не на каждом шагу встречаются. А вот сокровищ — не перечесть. Руку протяни. Денежные мешки так рядами и стоят. Только убедить их надо, чтоб раскрылись. И к каждому свой подходец нужен. Тут универсального «Сезам, откройся!» в заводе нет. Каждый раз новое петушиное слово искать приходится. Оно-то и интересно.

Чем я и занимался. Искал солидные деньги на серьезные дела. И, как правило, находил. Проще говоря, привлекал инвестиции. Да так, чтобы все были довольны и свой профит получили. Натурально, и я в том числе. Меня это с детства интересовало, как только прочитал про Джорджа Фрэнсиса Трейна и первую трансамериканскую железную дорогу. Оно ведь как получается? Какой-нибудь там звездолет придумать-сконструировать всякий дурак может. Если достаточно грамотный, конечно. И полететь к альфе Центавра, скажем, или, скажем, Тау-Кита. И тем имя свое обессмертить. А вот денежки-то на славную затею откуда возьмутся? Времена велосипедных мастерских — древняя легенда. Нынешним райтам даже не миллиарды нужны. Миллиард — это так, расхожая монета. А кто эти монетки найдет? Кто всю землю истопчет, отыскивая источники, что золотишком бьют? Проследит, куда от них ручейки текут, а потом сумеет все ручейки в нужное русло свести? Только тогда из русла этого звездолет-то и вынырнет. Так оно в наш век делается. И такими, как я.

Правда, одного желания мало. Два университета понадобилось, две диссертации. Но к двадцати пяти я с этим

управился. И не оттого, что вундеркиндом каким-нибудь был: просто, когда уж очень сильно хочется, так оно и получается. Ну а потом за дело взялся всерьез. И подхватил. И понесло. Это же вроде серфинга. Главное — нужную волну поймать, а потом на ней удержаться. И восемь лет удерживался. Пока однажды не ту волну оседлал.

Тут-то моя история и начинается. Как сейчас помню, в Хельсинки это было. Есть там на Эспланаде заведение одно, где хорошее темное пиво подают. А я к нему, надо сказать, неравнодушен. Что и сгубило.

Местечко я выбрал не на юру, не на проходе, а у стенок. Время было не самое лучшее, народу много, а потому пришлось рукой махнуть, что за этим столиком один тип уже устроился. Ну сидит себе и сидит, пиво пьет, тоже темное, кстати. После третьей кружки разговорились потихоньку. Век себе не прощу. Вот сейчас я тут тоже пью пиво, текст этот набираючи, а в двух кварталах отсюда возносится в небеса башня вавилонская, скребонеб чертов, какие вы сейчас в каждой столице или там в любом мегалополисе увидите — взметнувшиеся плоскости, и под каждой надпись, чтобы хоть за милую, хоть за версту видно было, днем и ночью: «Айка-Матка ОЮ». И любой встречный-поперечный про эту компанию знает и кто и когда ее основал... А кто денежки на это добыл? Догадались? Правильно догадались.

Не тот бы разговор на Эспланаде — и никто бы про эту «Айка-Матку» слыхом не слыхал. Не знаю, стало бы от этого лучше человечеству, нет ли, но уж мне-то точно имена менять да пластические операции делать не пришлось бы.

Ну да ладно, туда, на Эспланату, и вернемся. Собеседник мой забавным парнем оказался. Чистопородный финн из Нантали, решил он по молодости лет бизнесом заняться. Дело-то, конечно, благое, только выбрал он занятие самое неподходящее: удумал поставлять бульдозеры производства собственной маленькой фирмы в Конфедерацию. Да не куда-нибудь, а на самый что ни на есть Дальний Восток, в Православно-Коммунистическую

★ республику Колыма. Я, признаться, так и не понял, с чего бы это. То ли ему в слове «Колыма» удвоенное «а» померещилось и решил он отыскивать там прародину всех финно-угров, то ли, что куда вероятнее, просто большими барышами кто-то поманил, но обернулось печально: отсидел мужик восемь лет в лагере как финский шпион. Причем бульдозеры его все это время исправно пахали. Что, кстати, говорит о качестве продукции. Отсидел, вернулся; фирма лопнула, денег нет. На пиво, правда, еще осталось. А еще осталась идея. Набрел он на эту идею с тоски в лагере. Я, конечно, не знаток ни российской истории, ни истории Конфедерации, но знаю: есть в этой стране такая традиция — великие открытия в тюрьмах совершать; были там всякие кибальчичи, морозовы, а потом уже пошли целые шарашки, художественной литературой воспетые.

— Что же, — спрашиваю, — за идея такая? Если вроде бульдозеров твоих, так смотри, как бы снова плохо не кончилось.

Но ему после пятой кружки моя ирония побоку. А может, просто темперамент у него такой, финский.

— Я-то скажу, я из этого тайны не делаю, только ты же все равно не поверишь.

— Поверить я во что угодно могу. Покуда проверять не надо.

— Понимаешь, — говорит он мне, хрустя соленой соломкой, как бульдог мозговой костью, — я там, пока в бараке нары грел, каждую ночь все думал: вот было бы здорово, не начни я с этими паскилайненами техникой своей торговать. Ведь можно ж было иначе. Были варианты. И знаешь, что самое смешное? Придумал.

— Что?

— Да я ж тебе говорю, не поверишь. Как в прошлое вернуться. И послать их с этим предложением туда, откуда не возвращаются. А еще лучше — где и не живут долго.

— Хочешь сказать, машину времени придумал?

— Называть по-разному можно. Но, в общем, да.

— Так с чего ты решил, будто я тебе не поверю? Вот ты мне покажи, кто про сотовый телефон хоть за год до его

появления написал? Не сыщешь. А про машину времени уже полтора года лет все кому не лень пишут. Значит, кто-то изобрести должен был. Почему не ты? Ну как? Еще по одной?

Заказали, но сидельца моего заело.

— Ты, — говорит, — друг, не отшучивайся. Я действительно придумал. И штука эта простая, как саамский сортир. Только, понимаешь, простота, она всего дороже стоит. А кто мне на такое дело денег даст? Даже не лопни моя фирма, у меня бы и сотой доли не хватило, и тысячной. Тут, друг, такие деньжищи нужны...

Когда о деньгах речь, я себя в своей стихии чувствую. Врет мужик, не врёт — проверим. А ну как правда? Это же таким пахнет!

— Ну, — говорю, — считай, что оказался в нужное время в нужном месте. Деньги я тебе любые достану. Моя головная боль. Но сперва ты докажи, что не под фу-фу я тебе капиталы добываю. Это во-первых. А во-вторых, двадцать процентов всех прибылей — мои. Согласен — контракт прямо сейчас составим.

— Двадцать процентов? Это же чистый грабеж!

Только я собрался было завестись, а он продолжает:

— Бери пятьдесят, партнерами будем.

— Нет, — говорю, — я девушка честная и поступиться принципами не могу. Моя ставка — двадцать процентов. И в партнеры к тебе не набиваюсь. Я, знаешь ли, независимость ценю.

Еще на две кружки поспорили, после чего он таки сдался. Составили мы контракт, который я тут же в свою нотариальную отослал и через пять минут заверенным получил, по всем правилам. И первые два года пребывал в счастливом убеждении, будто набрел на золотую жилу.

II

Сам не знаю, с чего я тогда сидельцу этому колымскому поверил. У него же, кроме голых слов да бредового принципа, за душой ничего не было. Но что-то в темечко клю-

нуло. Для начала вписал я его в один из новомодных сайнс-инкубаторов, отыскал пару грантов. Мелких, но на первые шаги хватило. А когда у него не то третья, не то четвертая по счету модель заработала, Юхани Ранта из темной лощадки вмиг фаворитом обернулся. Только на чистую науку все равно никто денег не даст. Нужен результат. Ощутимый. Весомый. Под какой расщедриться не жалко. Ну да, знали теперь, кто такой херра Ранта, пятеро сумасшедших физиков, которых и самих-то никто по-настоящему не понимал. Оно вроде бы и престижно, да небогато.

Тут нужна была ослепительная идея. За пределами той пятерки физиков в машину времени поверить никто не мог. Это как с НЛО или привидениями — все говорят, но никто не верит. А у тех, кто верит, никогда нет денег. Тут я и призадумался. Ведь что такое машина времени? Это не транспортное средство для перемещения из двадцать первого века в какой-нибудь там одиннадцатый, к примеру. Это инструмент управления историей. Значит, и дорожка одна — к историкам.

Был у меня в Биармии полуприятель-полужнакомец, весь из себя при степенях и званиях. Некий Айн Калхайно. Пару раз выбивал ему денежки на какие-то археологические экспедиции. Дело сейчас было серьезное, тут не по Сети общаться надо, а встретиться, сесть да поговорить. И лучше всего за бутылкой, потому как без бутылки такое переварить трудно.

Договорились. И спустя несколько дней сидели мы с ним и толковали. Не дома у него, конечно. Там обильное потомство интеллектуальным беседам не способствует. Нашли кабачок попримечнее, где за крахмальные скатерти дерут, но зато уютно, и вид на озеро, ветерок легкий такой чуть в листе шуршит, а пепла в пепельнице не шевелит. Это, кстати, тоже серьезно. Биармия, слава богу, не Европа, и наш брат курильщик тут себя еще вполне человеком чувствует.

Особенно я откровенничать не хотел — рано. Но вопрос наготове был совершенно конкретный: кто и за какое изменение в истории больше всего отвалить готов?

И притом, чтобы изменение это тонким уколом было — не войны там какие-нибудь переигрывать с танковыми армадами супротив Чингисхановых орд.

Айн взглянул на меня не без удивления:

— Неужто вы, Измаил (конечно, не Измаилом меня тогда звали, но давайте уж будем последовательны), пере-квалифицировались в литагенты? Альтернативная история все еще в спросе, знаю. Но своим фандрайзингом, или как там ваше занятие именуется, вы, по-моему, зарабатывали куда больше. Или хобби такое появилось?

— Да нет, не хобби. Дело серьезное, денежное, но в подробности вдаваться пока не стану, хотя бы даже затем, чтобы не сковывать вашего воображения. Понимаете, Айн, тут полет нужен. Не академизм. Потому к вам и обратился. Все-таки я вас немножко знаю.

— Ну, нравится вам играть в таинственность, так играйте. Мне, слава богу, давно известно: где деньги — там всегда таинственность, а где их нет — еще больше. Но раз уж вы меня тут поите-кормите, полет я вам гарантирую.

Про поите — это он не зря сказал. Двенадцатилетний «Инвер-хаус»... Интересное дело: про «пищу богов» все говорят, а про их же питье как-то помалкивают. Ну да, поминают нектар с амброзией, но куда им до хорошего ирландского виски! Про кормите, впрочем, тоже — нам как раз принесли седло косули с моченой брусникой. Так ведь не мной придумано: обжорство отупляет, а гурманство помогает воспарять... Косуля была юная и нежная, виски — тяжелый и бархатный, а разговор потихоньку сворачивал как раз туда, куда надо.

— Укол, говорите? Забавно. Если исходить из опыта литературы, а другого мы в альтернативной истории почти что и не имеем, уколы, как правило, почему-то смертоносны. Я читал сотню рассказов про то, как Гитлера прикончили до Пивного путча, а Ганнибала — до перехода через Альпы. Скучно как-то. И негуманно. Давайте-ка мы с вами подумаем наоборот. Сформулируем задачу примерно так: что могло бы случиться, если бы некто выжил? Так сказать, спасительная инъекция. Ну да, приятно было бы выволочь

из пламени Джордано Бруно или Жанну д'Арк, если ее, конечно, и впрямь сожгли. Но поменяло бы это историю? Сильно сомневаюсь. Скорее даже уверен — ни в малой степени. Тут надо искать нечто помасштабнее. И, кажется, одну такую точку я знаю. Бред, конечно, полный. Но для романа, может, и сгодится. Был один человек, чья смерть поменяла всю историю. Ну, не всю, но такой солидный кусок... Бьюсь об заклад, вы уже догадались.

— Вы бейтесь, а я не стану. Во-первых, не историк, во-вторых, тут кого угодно можно подразумевать. Вот, например, Ленин...

— Ленин... Мелко мыслите, Измаил. Фигура, конечно. Но я имел в виду не его. — Айн воздел руку со стаканом, неопределенно указуя куда-то вверх. — Я имел в виду на две тысячи лет раньше и в две тысячи раз значительнее.

— Господи! — задохнулся я. — Вы имеете в виду... Его?

— Именно. Распятого.

— Но это же сумасшествие!

— Во-первых, вы сами просили полета, а во-вторых, как было сказано в классике, в безумии этом есть своя система. Представьте на минуточку, что Пилат Его отпустил. Распяли Варавву, который, кстати, в некоторых переводах Библии, например в армянском, именуется также Иисусом Вараввой. С чем согласен и такой авторитет, как Тишендорф. Так вот, допустите, что распяли не Иисуса из Назарета, но Иисуса Варавву. И каковы, по-вашему, будут последствия?

— Знаете, дорогой, если уж, как вы изящно выразились, я вас пою-кормлю, то и о последствиях давайте сами.

Принесли сыры. Айн взял нанизанный на шпажку кубик бергандера, некоторое время рассматривал, потом отправил в рот. Не знаю, что в большей степени порождало блаженное выражение его физиономии — сыр или идея.

— Собственно, я тут не открою Америки. Еще в середине прошлого века Роже Кайюа в своем «Понтии Пилате» рассмотрел такую вероятность. Христианство бы попросту не возникло.

— Любопытно... — Я хлебнул кофе, только что возникший передо мной словно ниоткуда: все-таки белая перчатка и белый рукав на фоне белой скатерти — великое изобретение человечества. Это был капучино, причем весьма неплохой. Айн предпочел глянсе. Бог ему судья. — Любопытно и даже масштабно. Но кто же за это заплатит? Qui prodest, насколько я помню юридическую латынь.

— Да что с вами, Измаил? Ясно же, как божий день!

— Ну, значит, я пребываю в ночи.

— Дорогой мой, какое противостояние вот уже лет семьдесят является наиболее острым? Да вспомните вы хоть нью-йоркские башни-близнецы!

У меня захватило дух. И не знаю, от чего больше: от нахальства идеи или со страху.

III

Нужную тропку я нашаривал месяцев пять. Идея-то была великолепна. Но теперь предстояло выйти на того, кто если не распоряжается финансовыми потоками, то хотя бы связан с теми, кто распоряжается. И выйти не через финансовый мир. Потому что подход здесь нужен был другой. Идеологический. И фанатический. Реально это означало какую-нибудь Аль-Каиду и кого-то из нынешних наследников легендарного Бен Ладена. Очень не хотелось гулять по минному полю с завязанными глазами. Значит, следовало искать саперов. И не каких-нибудь, а самых лучших. Ну да, это дело нехитрое, не привыкать.

Кончилось тем, что 15 июля меня повели по цепочке. Понятия не имею, зачем это было нужно. Никто за мной не следил, никакие могущественные спецслужбы на хвосте не висели, но, похоже, народ, с которым я связался, искренне почитал конспирацию если не смыслом, то по крайней мере главным удовольствием жизни. Рейс из Парижа в Танжер. Ночь в отеле. Надо признать, более или менее приличном. Оттуда — зачем-то в Найроби, да еще с двумя промежуточными посадками. «Боинг», в котором я летел, знал лучшие времена, и, боюсь, знал еще в

двадцатом веке. Зудели ноги, и сперва я грешил на блох, но потом мне объяснили, что это вибрация, и если держать нижние конечности на весу, то чесаться не будет. Зуд и в самом деле прошел, но я не йог, и такая гимнастика не по мне. Из Найроби меня погнали в Аддис-Абебу. Оттуда — в Равалпинди. Последней точкой на этом четырехсуточном пути стал Кандагар. То, что здесь называли отелем, погрузило в пучины такой мировой скорби, что я возликовал душой, когда в пять утра меня подняли, посадили в какой-то тряский джип и повезли куда-то, растянувшееся еще на двое суток. По дороге мы трижды меняли водителей и четырехколесные гробы, по недоразумению именуемые машинами, где не то что о кондиционере, а просто об отсутствии песка во рту нечего было и мечтать. Всю дорогу я неуклонно зверел и потихоньку радовался этому, ибо уболтать тех, с кем предстояло иметь дело, можно лишь озверев целиком и полностью. Это как идти в атаку с молодецким криком, издавать который при дамах никоим образом не рекомендуется.

Прибыли. Куда — не знаю. Из песка пустыни вырос-тал горный склон, на котором пять тысяч лет резвились пять тысяч кротов и каждый размером с бегемота. Столь дырчатого сыра я еще не видывал. В одну из дыр меня и завели, предварительно заставив подняться по деревянной лестнице, которая шаталась и стенала под ногами, сетуя на свои многовековые страдания. Правда, представшее глазам внутри впечатляло. За неровным проемом входа начинался даже не коридор, а натуральный туннель, стены которого были ровными и гладкими, хоть явно обтесанными вручную в Богом забытые времена. Один туннель вливался в другой, они сворачивали, извивались, и я чувствовал себя не столько Тесеем в Лабиринте, сколько микробом в кишечнике. Этот жуткий подгорный муравейник подавлял. И даже озверяж мой пошел на убыль, сменяясь непонятной тоской. Сработанные в Китае пластмассовые светильники казались до омерзения инородными — здесь нужны были коптящие и вонючие факелы. Вони, впрочем, и без факелов хватало. Время я

засек. Водили меня ровно три часа сорок шесть минут. Я, конечно, любитель пеших прогулок, но не настолько же. Да еще когда за тобой тянутся впритирочку две безмолвных тени с автоматами, а их ближайшие родственники попадают на каждом шагу. И все-таки в тот момент я еще не думал, что встрял не в свое дело.

Наконец мы оказались в... не знаю, как назвать — комната? пещера? грот? Словом, помещение. Почти кубическое. Метров примерно пять на пять. Вдоль стен по всему периметру вытесанные прямо из камня то ли скамьи, то ли лежанки. По центру — армейский раскладной стол, вокруг — три таких же штабных кресла, а на столе лежит раскатанный роллер-комп. Включенный — рамочки сенсорных клавиш мягко подсвечены. Мой сопровождающий подошел, набрал что-то, и над тусклой серой полоской начало формироваться изображение. Грузилось оно почему-то медленно — понадобилось добрых семь секунд, пока в воздухе соткался величественный облик головы такого Горного Старца. Мне указали на одно из кресел: — Можете говорить.

Геморрой вам в мозжечок! И ради этого меня заставили тащиться чуть не целую неделю? Играли в идиотские игры? Конспираторы хреновы! Чтобы теперь я беседовал то ли с живым человеком, то ли с виртуальной образиной? Причем поди пойми, сидит она (или сгенерирована) в соседнем помещении или же где-нибудь на Мадагаскаре. Общаться таким образом ничуть не хуже можно из собственного кабинета. Как там Юхани говорил — паскелайнены! Нет, в финском языке нужных слов не найдется. Тут что-нибудь покрепче требуется. Русский или валлийский. Но что сделано, то сделано. Я сел, а мой озверяж снова встал. В некоторых ситуациях правда — и в самом деле лучшая политика; и минут пять я высказывал все, что о них думаю, по крайней мере на пяти языках, включая те выражения, которым меня обучили в одном из китайских тайных борделей, настоятельно порекомендовав не повторять их нигде и никогда — во избежание, так сказать. Но сейчас я не избегал, из просителя став диктатором и

без пяти минут Господом Богом. В предельно доходчивой форме я объяснил, что все их идиотские террористические игры не эффективнее прыща, расчесанного на собственной заднице — немножко удовольствия, а потом сепсис. Что с проблемами надо разбираться радикально, и если они хотят решить свою, то иногда стоит послушать, что говорят умные люди.

Образина над столом внимала молча. Я иссяк. Повисла тишина, в которой было отчетливо слышно, что у левого из моих конвоиров заложена правая ноздря. Наконец старец заговорил — по-английски, и я сразу догадался, какую из закрытых школ он заканчивал. Ладно, уже легче.

— И что вы предлагаете?

— Решить все ваши проблемы. За один раз. Безо всяких терактов. Без ваших дрессированных фидаев. И так, что все ваши цели будут достигнуты.

— И что же вы считаете нашей целью?

— По-моему, это самоочевидно. Мировой халифат. Ну, может, и не мировой, но, во всяком случае, распространяющийся на все страны, сегодня являющиеся христианскими.

Новая пауза — еще длиннее предыдущей. У охранника, кажется, отключилась и левая ноздря. Если бы по толку полз мадагаскарский клоп, всем здесь показалось бы, что это бродит бешеный бегемот.

— Как? — Это прозвучало коротко, словно выстрел, и я почувствовал дуновение от пули, прошедшей в миллиметре от виска.

— Очень просто. Но простые вещи иногда приходится объяснять долго. Мне нужно минут пятнадцать, не меньше.

Образина медленно кивнула. Я чуть расслабился. За пятнадцать минут нормальный человек может уговорить даже черта переселиться в рай, а Петра-ключаря убедить, будто перед ним сам Господь Саваоф во всей славе Своей. Первая часть речи у меня была отработана. Спросонок и спяну я мог бы изложить суть открытия Юхани Ранты ровно за шесть минут. Что и сделал. И точно знал: здесь прозвучит вопрос.

— А кто может поручиться, что это не бред сумасшедшего?

— Сэр Хьюго Пентакост. Доктор Адольф Неермейер. Двое нобелевских лауреатов. К ним могу добавить Итиро Исахару, Эльзу Лазарус и Бориса Чернина. Думаю, эти имена вам известны. Если не вам, то вашим консультантам. И более авторитетных поручителей вряд ли найдешь.

Имена он знал.

— Поручителей? Они частенько не понимают друг друга, а порой и самих себя.

Не в бровь, а в глаз. Но теперь пришел мой черед держать паузу.

— Впрочем, если эти пятеро сумели в чем-то согласиться... Пожалуй, об этом стоит говорить. Мы проверим. Продолжайте.

— Представьте, что не хилая лабораторная модель, а мощная рабочая машина времени создана. Представьте, что с ее помощью в определенный момент прошлого, приблизительно тридцать третий год новой эры, переброшены люди, которые сумеют не допустить казни того, кого вы называете пророком Исой. И тогда само христианство не возникнет. С ним не придется бороться. Карл Мартелл не остановит арабского продвижения в Европу. Не будет крестовых походов. Будет единый мир с единой мировой религией, имя которой ислам.

Живой или виртуальный, но тут он икнул.

Я понял, что победил. Колесо закрутилось. Этакое огромное колесо, которое запустил я. Зеленое колесо. И тогда мне еще не казалось, что для меня оно может обернуться колесницей Джаггернаута.

IV

Почти два года деньги текли исправно и обильно, как нефть из саудовских скважин, но зато не было ни минуты, когда я не чувствовал бы затылком чьего-то дыхания. Как я не заработал мании преследования, ума не приложу. Но не заработал. А вот машина времени моего доброго

друга Ранты заработала. Тогда-то и родилась фирма «Айка-Матка». В одежки она поначалу рядилась чужие: не путешествия во времени, а воссоздание иновременной реальности; хронодиснейленд, так сказать. Но денежки появились. Теперь уже свои. А мы засучив рукава готовились к выполнению заказа.

Сформированной нами группы никогда и нигде не существовало. Все ее члены числились где угодно и кем угодно, но только не в «Айка-Матке». Большинство из них друг друга даже не знали — только те, кому предстояло работать вместе. Но даже этих мы решили свести для отработки взаимодействия в последний момент. И не потому, что конспирация — болезнь заразная; иногда без нее впрямь не обойтись.

Мы постарались продумать все, действовать с двойной и тройной страховкой, по всем направлениям сразу, чтобы никакая отдельная неудача не сказалась на конечном результате. Для начала мы отправили в первый век (тогда, правда, никто не знал, что он первый, это куда как позже придумали, но говорить так сейчас проще и привычней) Джада Саймонса, свежеиспеченного доктора гебраистики из университета Оклахомы. Он должен был стать — и стал — одним из двенадцати учеников. Кстати, могу вас заверить: ни на кого он не доносил, ни от кого тридцати сребреников не получал и не вешался в Акелдаме с лопнувшим чревом. Он благополучно вернулся домой, а полученный от нас гонорар на многие годы сделал его весьма независимым исследователем. Правда, зовут его теперь тоже несколько иначе, да и внешне в этом типичном афроамериканце вряд ли кто-нибудь смог бы узнать бывшего еврея — нынешняя медицина умеет творить чудеса. Однако он не жалуется: материалов, полученных за год жизни в Иудее первого века, ему на сто лет хватит. Если до Ардова века протянет, конечно. Но это так, между прочим. Важно, что от него мы получали самую достоверную и оперативную информацию.

Любопытного выяснилось немало, так что многие первоначальные планы пришлось пересматривать. Мы-

то ведь как думали? Безобидный проповедник, никому, по сути дела, не мешавший, к антиримскому восстанию не призывавший... Ну, вызвал почему-то раздражение первосвященников — мелочь, в сущности. Если грамотно воздействовать на Понтия Пилата... Тут два пути было.

Один — через молодую его жену, Прокулу Клавдию, особу, надо сказать, весьма неглупую, в иудейских делах неплохо разбиравшуюся, а главное, понимавшую: троих надо распять и трое должны быть распяты, иначе мужу головы не сносить. А уж кто там кто... В те времена до отпечатков пальцев еще не додумались. А вот изумруды бразильские душу радуют. И значит, подумать о душе очень даже стоит. Кстати, о душе. Вначале мы по наивности полагали, будто Прокула Клавдия чуть ли не тайная христианка и уж, во всяком случае, сочувствующая. Но выяснилось, что все это понасочиняли христианские писатели — ни много ни мало — в четвертом веке. Так что не душу свою она спасала, а карьеру мужнину.

Другой путь вел через местного Пилатова дружка и вместе с тем Иисусова родственника Иосифа Аримафейского, человека почтенного, члена Синедриона; вдобавок к собственному богатству его можно снабдить еще и множеством весьма весомых материальных аргументов, для любого чиновника, включая римского прокуратора, более чем убедительных.

Так вот, если грамотно воздействовать на Пилата, освободить арестованного ничего не стоит. Но нет. Все оказалось куда сложнее. И сам Иисус, как известно, возводил род свой к царю Давиду, и жена его, Мария, была из колена Вениаминова и числила в предках самого царя Саула, так что их брак делал Иисуса персоной весьма опасной. За ним, законным наследником престола, могла пойти верхушка, а за его учением — низы. А надо такое римлянам? Нет. Им нужна Иудея слабая, расчлененная. Так что не первосвященников проповедник раздражал, а как раз имперскую администрацию. Политиком же Пилат был прожженным. Иначе бы дольше всех в про-

кураторах иудейских не просидел, не уцелел бы, когда его патрона, всесильного Сеяна, кончили. Всегда знал, когда и что делать, кого казнить, кого миловать. Впрочем, попробовать все-таки стоило. Золотой ключик, как известно, любые двери открывает. И зависит все не от формы бородки, а от массы. Напрямую помиловать Пилат, конечно, не мог. А вот закрыть глаза да умыть руки — другое дело. На том и расчет строился. Тем более что все трое осужденных бандюг (или партизан, или патриотов, называйте, как хотите) — Дисмас, Гестас и Варавва, zeloty да сикарии — и впрямь были опасными мятежниками.

И что вы думаете? Получилось. Правда, группа силового воздействия, полдюжины бывших спецназовцев из разных стран, которых мы готовили скорее на всякий случай, все-таки понадобилась (я сознательно никого не называю — зачем подводить хороших людей?). Первое, что мы сделали, — это добились перенесения места казни. Тут оба пути воздействия на прокуратора сработали. И воздвиглись столбы для крестов не на холме, где всегда, а в собственном саду Иосифа Аримафейского. Необычно, согласен, но за хорошие деньги: почему бы и нет? Ну а дальше все просто. Варавву, как положено, отпустили. И он понаслаждался свободой. Ровно пять минут. Пока наши силовики его не прихомутили. А потом, уже на территории сада, куда праздных зрителей не пускали, а всей-то охраны с десятков человек было, заменить одного на другого для мастеров своего дела — невелика хитрость. Тем более что для римлян все эти иудейские мятежники на одно лицо.

Вот, собственно, и весь сказ. Можно было бы, конечно, вам рассказать, как спасенного, накачав предварительно транквилизаторами до полной отключки, хитрым путем переправили сначала из первого века в двадцать первый, в операционный зал «Айка-Матки», оттуда — после перенастроек машины — обратно в первый, но уже в Японию, на территорию нынешней префектуры Аомори, что на севере острова Хонсю. Тут, на берегу пролива Цугару,

спасенный вместе со своей женой (не разлучать же — совесть не позволяет) жил тихо и благополучно, скончавшись в возрасте ста шести лет. Но эта история не для меня, она — для романистов.

Мы ожидали чего-то невероятного. Что выйдем из здания «Айка-Матки», а надо всей Европой, над Азией, от Лиссабона до Владивостока, возносятся минареты и льются с них песни муэдзинов. Мы ждали этого и боялись и не знали, как примет нас нами же сотворенный мир. Но, когда вышли, все оказалось до ужаса знакомым. До ужаса — не фигура речи, потому что ужас меня охватил самый настоящий. Где-то мы прокололись, и рассчитывать предстояло мне. Оставалось одно: исчезнуть. И казалось бы, дорожка — вот она, рядом, стоит вернуться — друг Юхани все сделает, все века открыты, где меня никакая Аль-Каида не найдет. Лишь один вопрос: а долго я там со своим диабетом протяну? Так-то. Исчезать надо было где-то здесь. И сейчас. Что я и сделал.

V

Слава богу, деньги у меня были — и не только те, что на всем известных счетах. Осторожность, она, как известно, мать фарфоровой посуды. И когда год спустя я объявился в Биармии, профессора Калхайно было непросто убедить, что перед ним не злоумышленный самозванец. Но в конце концов справился. Искусство убалтывать людей — не внешность, с ним при всем желании не расстанешься. Собственно, я мог и не приезжать сюда. Просто заело: где же и в чем мы ошиблись? И обсуждать это, кроме Айна, было не с кем.

Начался наш разговор даже не в ресторане, что было бы куда как привычнее и приятнее, а в городском парке. За последнее время я приучился занимать такую позицию, чтобы просматривать все подходы. Но сидеть здесь на деревянной скамейке под осенним ветром было, прямо скажем, не в радость. А разговор предстоял, похоже, долгий. Тогда Айн предложил отправиться к его приятелю.

лю. Тот был в отъезде, а ключ от дома (благостная патриархальная страна!) покоился в аккуратном деревянном ящике под первой ступенькой крыльца.

Так мы и сделали. Айн распоряжался по-хозяйски, и хотя ирландского виски в баре не нашлось, но сыскался отменный скотч — на мой вкус, немногим хуже.

На этот раз я выложил ему все. Фирма «Айка-Матка» скинула диснейлендовские одежды, и про машину времени знал теперь каждый. Мой друг Юхани остался во главе дела. Колымскому сидельцу повезло. К нему арабы претензий не имели: он свою часть работы выполнил. Полагаю, что и остальные из нашей группы последовали моему примеру скорее страха ради иудейскою. Они были исполнителями, и только. А вот я всю эту кашу заварил, и меня, во устрашение прочим, распять надлежало непременно.

Айн выслушал и, надо отдать ему должное, поверил сразу. Но зато в выражениях стесняться не стал:

— Вы законченный идиот, Изя! Простите, Измаил. Если бы вы тогда не играли в свою дурацкую таинственность... Мы же обсуждали сюжет. Для романа. И для романа он годился. Но покажите мне историю, которая развивалась бы по запланированному сюжету! Хотите понять, что произошло? Сейчас нарисую. Это что два байта оплевать, как высказывается мой старшенький. И тут не надо быть семи пядей во лбу. Достаточно чуть-чуть знать Писание. И вам бы стоило туда почаще заглядывать. Все-таки Книга Книг.

Я помалкивал, потому как возразить было нечего. А мой друг профессор, взгромоздясь на кафедру, вещал:

— Хотите знать, что произошло? Да очень просто. Уже на следующий день после казни весь город гудел, что проклятые римляне распяли не Иисуса Варавву, а Иисуса Христа. Слух, конечно, распустили апостолы. Но не в них одних дело. Тогдашние умы ориентировались на одно: исполнение древних пророчеств. Иисус прекрасно это понимал, потому и совершил вход в Иерусалим именно так,

чтобы оправдался текст Второго Захарии — на осле, через определенные ворота... А потом еще и цитировал Иеремию и Второго Исаию, предвещая и оправдывая то, что намеревался сделать. Вы подменили Иисуса из Назарета Иисусом Вараввою? Молодцы! Не оставили Иисусовым ученикам и последователям другого выхода, как изъять тело Вараввы из гробницы, захоронить где-нибудь тайно, а потом объявить уже не о спасении Учителя, но о воскресении. Слишком многие знали Христа в лицо. А лицо это, если верить сенатору Публию Лентулле, было поистине прекрасно...

— На кой мне этот ваш... как его?.. Лентулл? Я собственными глазами видел.

— Вы? Но вас же там не было!

— Зато Он был здесь. Недолго, но не мог же я устоять перед соблазном хоть краешком глаза взглянуть на...

— И?..

— Он спал, и во сне лицо было мягким. Не расплывчатым, как порой бывает, а просто смягчившимся. Но готов поверить, что такой способен изгнать торгующих из Храма. Рослый. Рыжий.

— Лентулл пишет о волосах цвета спелого каштана...

— Не знаю — что видел, то видел.

— В любом случае с рябым Вараввой не спутаешь. А раз состоялось воскресение, значит, христианство не могло не родиться. И апостолы, — что первые ученики, что семьдесят, что святой Павел, — понесли весть по миру. Благоую весть. Если бы помазанный Мессия, Христос, действительно добился объединения Иудеи, изгнания римлян, взошел на престол — история забыла бы столь мелкое событие: мало ли что творилось в римских провинциях? Мятежом больше, мятежом меньше... Это бы не изменило мира. Его изменило христианство, начавшееся с чуда воскрешения. За что, дорогой мой Измаил, спасибо вам.

Он так меня уел, что на какой-то момент даже захотелось пойти и сдаться арабам. Но здравый смысл — или инстинкт самосохранения? — восторжествовал.

— Но ведь были же те, кто знал правду! Неужели их слова ничего не значили?

— Когда-то, для кого-то и что-то. Правда, говорите? Да, в трех из синоптических евангелий, включенных в библейский канон, описывается казнь на Голгофе, то есть горе, имеющей форму черепа, Лысой горе. Но в четвертом, у Иоанна, в сорок первом стихе девятнадцатой главы, если память мне не изменяет, сказано: «На том месте, где Он был распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен». А Матфей описывает казнь на Голгофе, но зато говорит о пустой гробнице в саду именно Иосифа Аримафейского. Вот вам правда. В обоих случаях — три голоса против одного. А в апокрифическом Евангелии Истины даже напрямую говорится о спасении Христа путем подмены. Вот правда, которой вы, Измаил, так взыскуете. Поищите — найдете. В истории всегда так — сквозь любой миф прорастает хоть зернышко истины. А вот вам еще. Сам там не был, но читать приходилось: в Японии, близ деревеньки Шингамура, по сей день охраняют могильные холмы, под которыми якобы лежат Иисус и кто-то второй. Может быть, Мария Магдалина. Говорят, там поныне живут их потомки. А рядом с могильными холмами притулился музейчик, украшенный крестом и Давидовой звездой. Это тоже правда. А главную правду сказал впоследствии гонитель и убийца Ипатии епископ Климент Александрийский, причисленный, замечу, к лику святых: «Не все истинные вещи суть истина; и ту истину, которая кажется истиной исходя из человеческих мнений, не следует предпочитать истине, что согласуется с верой». Тут уж, по-моему, добавлять нечего. На вашем месте я утешался бы одним. Вы действительно спасли достойного человека. Хотя кому-то и Варавва может показаться достойным. Но, как ни крути, был он сикарием-террористом. Можно, конечно, толковать о ценности каждой человеческой жизни, но лично мне ваш выбор глубоко симпатичен.

— Мой выбор? А кто мне его подсказал?

— Повторяю, дорогой мой: я подсказывал сюжет, а в сюжет я был волен вставлять все, что мне симпатично. Но, так или иначе, вам будет чем отчитаться на Страшном суде, если таковой и впрямь когда-нибудь состоится.

Не могу сказать, чтобы меня это сильно утешило.

— И последнее, — продолжил Айн, — вера — это хитрая штука, которая все свои основания несет в себе. Вы можете лишить ее фундамента, вышибить любые опоры, но здание останется непоколебимым. Никогда не связывайтесь с верой, Измаил. Никогда не связывайтесь с мифом. Они слишком живучи. Они посильнее вас. Они посильнее всех нас. Но это из разряда умножающих скорби премудростей, о которых говорил еще Соломон. Жаль, я не знаю, чем вам помочь. Если бы мог... Вот разве что с хозяином этого дома я вас, пожалуй, все-таки сведу. Он частный детектив с весьма разносторонними связями и, чем черт не шутит, в нынешнем вашем положении может оказаться полезным. А пока ответьте на один вопрос. Он занимает меня с тех самых пор, как вы рассказали правду, а значит, уже почти целый день. Неужели вас самого не тянуло попасть туда, посмотреть своими глазами, вдохнуть тот воздух и ту пыль? И в конце концов, если вспомнить, как вас раньше звали...

— Лучше не надо. А тянуло — не тянуло... Прошли те времена, когда генералы с саблей наголо скакали впереди армий. Генеральское дело — оно штабное. Нечего генералу на передовой делать. А я был генералом. И остаюсь. И, поверьте, еще буду. Плох солдат, который не мечтает стать генералом, но еще хуже генерал, рвущийся в солдаты. А насчет веры... Вы, наверное, правы, Айн, пусть даже правота эта какая-то скучная. Но знаете, когда мне делали нынешнее лицо, вернее, нет, когда его уже сделали и я с ним сживался, меня упрятали в маленький госпиталь... Не суть важно где. И там я разговорился со священником, приходившим окормлять свою лежаще-бродячую паству. Интересный был человек. С воображением. Я рассказал ему нашу историю. Не как подлинность, разумеется — так, прочитанный роман в стиле

Брэна Дауна. И знаете, что он мне сказал? Что спасти Спасителя — самый страшный грех, какой только можно придумать. Ибо как же тогда быть с искуплением? Все мы искуплены Его кровью. А если она не пролилась? Что нас ждет тогда и кто мы есть? Наверное, это тоже правда, Айн, только, в отличие от вашей, не скучная, а страшная.

— Что же тут страшного? Просто еще одна точка зрения и еще одно подтверждение бессмертного: «Что есть истина?» Наверное, нам с вами этого знать не дано. И слава богу, что не дано, поскольку, знай мы это, и жить в мире стало бы воистину слишком страшно.

Странные слова для историка, посвятившего себя поискам истины. Но этого я говорить не стал. Потолковать-то хотелось еще много о чем, хотя главное, пожалуй, было сказано. Но один вопрос вертелся на языке.

— Выходит, история так же незыблема, как вера? Иисуса распяли — и христианство возникло. Мы Его спасли — и оно возникло все равно. Не могу понять.

— Элементарно, Измаил. В любом случае Его распяли. А фактически или только в умах — не имеет никакого значения. Главный фокус в другом. Тот исламский деятель — кто он там был, имам, тайный имам или просто большой бандюган? — судя по всему, был двоечником. Коран изучают все-таки еще в медресе, высшего образования для того не требуется. Или это потому, что он в Англии учился?.. Но в Коране прямо сказано: «Они не убили его и не распяли его, но лишь подумали, что совершили это». Кабы этот тип получше знал богословие, вы бы его так дешево не купили. Но я не жалею. Как ни крути, а ближайшая машина времени работает сейчас в небоскребе «Айка-Матки» в Петербурге — в том, что они купили у разорившегося Газпрома. Поговаривают, и у нас в столице строить будут. А если бы этот тип получше знал богословие, ни «Айка-Матки» бы не было, ни машин времени. И потому моя душа историка ликует. Я не генерал. Я еще надеюсь подышать той пылью.

VI

С тех пор минуло уже больше четверти века, и, насколько я знаю, Айну по крайней мере дважды удалось осуществить свое желание. Правда, встречаться нам приходилось исключительно редко — в те периоды, когда, в очередной раз сменив личину, я на какое-то время успокаивался и пребывал в уверенности, что в ближайшие месяцы меня точно не найдут. Потом-то всякого можно найти, особенно в наши дни, когда все мы оставляем слишком много следов.

Не жалею — все эти годы я отнюдь не бедствовал. Ремесло осталось при мне, и денежные мешки открывались по-прежнему послушно. Беда в другом. В какой-то момент я вдруг понял, что в одном обманул-таки Айна. Да, в прошлом я был генералом, и не из худших. Но теперь эполеты пылились в банковском сейфе, а я скорее походил на разведчика-нелегала, кочующего из страны в страну. Он порой и в генеральском мундире пощеголять может, да только все равно — ряженный. Даже если ему идут звания, так об этом лишь непосредственное начальство знает. А мне и звания не шли. А покрасоваться в парадной форме, чтобы вся грудь во фруктовом салате, хотелось. Ну характер у меня такой. Да и просто устал. Устал бегать, устал чувствовать себя мишенью, по которой уже несколько раз стреляли — промахивались, правда, но сколько же будет везти?

Последние годы я все чаще обращаюсь мыслями к тому, погребенному два тысячелетия назад близ японской деревушки Шингамура.

Странное дело. В результате всей этой истории многие выиграли. И мой друг Юхани Ранта (кстати, двадцать процентов от его прибылей я до сих пор неукоснительно получаю, хотя ума не приложу, как он списывает деньги, переводимые на непонятные счета); и даже дорогой профессор Калхайно, нанюхавшийся-таки своей живой древней пыли; и господа историки, получившие в свое распоряжение машину времени; и весь этот колосс «Ай-

ка-Матки» со всеми его десятками тысяч персонала... Продолжать можно было бы долго, но весь список оглашать незачем.

Выигрыш других сомнительнее. Не знаю, счастлив ли Джад Саймонс, заново вынужденный защищать диссертацию и лишенный возможности носить кипу. Да и про остальных не знаю.

Но хуже всего, пожалуй, пришлось Ему — и мне. Мы оба пережили крах. Он, видевший себя Христом и Мессией, помазанником и Спасителем, царем Иудейским, восседающим на троне Саула и Давида, семьдесят лет провел в глуши на севере Хонсю. Был ли Он счастлив, оставшись в живых? Я тоже пока жив. Но что не счастлив, знаю точно. И значит, настало время что-то менять.

Не знаю, как и что. Но вчера я не смог преодолеть соблазна посмеяться над своими преследователями. В конце концов, двадцать лет прошло, ишак, может, и помер, но мы-то с эмиром живы, и пришла пора разобраться, кто лучше знает богословие. Естественно, адреса того Старца Горы у меня не было, а слухи о его кончине прилетали столько раз, что невольно подумаешь: не отпустил ли ему Аллах Мафусаилова века? Но на сайт его сподвижников я вышел и оставил там ту самую цитату из Корана, что привел мне когда-то Айн. В конце концов, чего вы, ребята, хотите? Все произошло именно так, как написано в вашей священной книге.

Конечно, они быстро определяют, где я вошел в Сеть, но, знаете, мне почему-то кажется, что я непременно доживу до ста шести лет...

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ

Начинается регистрация на рейс АТ 23/3 по маршруту Акваполис — Новые Афины, — вспыхнула голографическая надпись под потолком. — Пассажиры приглашаются к первому терминалу». Люди начали подниматься из кресел, потянулись к приветливо распахнувшейся двери терминала, на минуту сотворив что-то отдаленно смахивающее на сутолоку. Лучшего момента не выбрать. Клим скользнул взглядом по лицам, по фигурам. Задержался на девушке в легком костюме, янтарном, с лазурными вставками: блуза без рукавов и короткие, до колен, штаны с накладными карманами. Подбородок задран, грудь гордо выпячена, лиловый загар на голых руках и лодыжках, густые волосы отливают синевой — отличный экземпляр, скорее всего, второе поколение. Годится!

Клим решительно двинулся наперерез потоку, сунул руку в карман куртки. Пальцы сжали футляр, щелкнул зажим. На миг прошибло ознобом. Он тут же одернул себя — глупости! Опасности нет, Эдвард же объяснял.

Руку он выдернул в последнюю секунду, уже споткнувшись об янтарный, в тон комбинезона, чемодан на колесиках. Пошатнулся, теряя равновесие, уцепился за первое подвернувшееся, чтобы не упасть. За плечо девушки. Не уцепился — схватился и мгновенно отдернул пальцы. Мерзко стало от прикосновения к серовато-лиловой нечеловеческой коже.

— Ох! — Девушка дернулась от неожиданности. — Что вы себе позволяете?!

Клим попятился, втянул голову в плечи, опустил глаза. Спрятал руки обратно в карманы.

— Извините, я нечаянно...

— Нечаянно! Смотреть надо, куда прешь, недомерок! Что, глаз нет? Или мозгов?

Клим наконец поднял голову. Девушка была выше его ростом, смотрела сверху вниз. Маленький рот с фиолетовыми губками, острый подбородок, а глаза большие, изумрудные. Так и сыплют злыми искрами.

— Вижу, что мозгов! Ногти стричь и то ума не хватает! — Девушка терла ярко-лиловую царапину на руке. Впрочем, ни капельки крови не выступило — у этих синеволосях всегда так.

— Извините...

Люди, спешащие к двери терминала, огибали их, поглядывали кто с интересом, кто насмешливо.

— Девушка, что вы на парня напали? — сделал замечание высокий мужчина, тоже синеволоосый. Плечи крепкие, мускулистые, но брюшко успел отрастить. — Он же не специально. Ничего с вашим чемоданом не случилось.

Девушка хмыкнула, одарила Клима еще одним пучком злых изумрудных искр. Развернулась, подхватила чемодан за ручку, поспешила за остальными пассажирами. А Клим вдруг сообразил, что все они — кианетики. Ничего странного — рейс ведь в Новые Афины, на материк. Кто из нормальных людей по своей воле туда сунется?

Клим проводил взглядом недавнюю визави, развернулся, пошел к выходу из зала ожидания унипорта. По дороге сунул улику в зев утилизатора, набрал номер Эдварда.

Эдвард ответил на звонок только со второй попытки. Клим успел пересечь фойе и спуститься к остановке пневмобуса, когда услышал:

— Да, говори.

— Готово. Подробности при встрече. Куда подъехать?

На том конце молчали. Излишне долго для того, чтобы назначить место.

— Встречи не будет. Сейчас сообщили с проходной — безопасники в лаборатории. Я уничтожу, что успею, но сам понимаешь, если они пожаловали, значит, утечка, будут искать и тебя. Поэтому избавься от смарта и улетай из Акваполиса этим же рейсом...

— Но...

— Надеюсь, успеешь увидеть результат нашей работы.

— Хорошо, я полечу. — Последнюю фразу Клим сказал в пустоту.

От смартфона его избавил тот самый утилизатор, что несколько минут назад слизнул содержимое карманов. Клим тайком надеялся, что свободных мест на рейс до Новых Афин не осталось и он сможет с чистой совестью не выполнить распоряжение Эдварда. Но стоило набрать номер рейса, как билетный автомат высветил на табло: «Запрос принят! Идентифицируйтесь для подтверждения оплаты». Клим приложил большой палец к сенсору. Подумал, что служба безопасности легко выследит его по этой транзакции и в аэропорту Новых Афин его будут ждать... неважно. Увидеть результат это не помешает.

Двери терминала уже проглотили большую часть пассажиров рейса, так что долго стоять в очереди Климу не пришлось. Женщина-контролер — нормалка с уставшим лицом и морщинками в уголках рта — удивленно воззрилась на него. Личный досмотр она провела быстро, зато идентификация затянулась. Поверить на слово, что Клим здоров, контролер не захотела, запросила медицинскую карту, дважды просмотрела ее от корки до корки, проверила сроки прививок, иммунопрогноз и возможные противопоказания. Она продержала Клима у стойки дольше, чем любого из пассажиров-кианетиков, хоть у него с собой не было не то что багажа, но и ручной клади. В конце концов пожала плечами:

— И надолго ты туда?

— Дня на два. Или три.

— Надеюсь, за пределы Афин выезжать не собираешься? Постарайся не выходить из помещений без на-

добности, у тебя плохой прогноз по ультрафиолету. И о респираторе не забывай! Береги себя!

— Спасибо, — буркнул Клим и поспешил к титановой двери шлюзового лифта.

«Пшшш...» — зашипела пневматика, мягко, но надежно отсекая его от родного города. Пол под ногами дрогнул, пошел вверх. На миг перехватило дыхание. «Ничего страшного, я еще в Акваполисе!» — поспешил он успокоить себя. Но этого утешения хватило лишь на несколько секунд. Кабина остановилась, дверь распахнулась. По ту сторону ее стояла улыбчивая синеволосая и синегубая девушка в белоснежной форменной блузке с эмблемой альбатроса на рукаве.

— Здравствуйте! Пожалуйста, проходите в салон.

Прежде летать самолетами Климу не доводилось. Честно говоря, в свои восемнадцать он вообще не покидал Акваполис. А тут эти кианетики! Едва он вошел, как оказался в перекрестье их взглядов. На него смотрели с удивлением, с интересом и хуже всего — с сочувствием! Они смели сочувствовать ему, нормальному, настоящему человеку!

Клим втянул голову в плечи, поспешно прошел в самый хвост. Свободных мест хватало, потому он проигнорировал номер, указанный в билете, уселся в последнем ряду, укрылся от взглядов. Стюардесса простила ему такую вольность, не иначе «сжалилась над убогим». И от этого стало еще обиднее.

Он опасливо огляделся по сторонам, убедился, что никто за ним не следит. Потом повернулся к иллюминатору. За иллюминатором было полсотни метров платформы и — лазоревая бесконечность. Бесконечное небо, бесконечный океан и полоска горизонта, разделяющая — нет, соединяющая! — две бесконечности. Клим сотни раз видел эту картинку на экранах головизоров, но ощущения огромности мира, называемого «планета Земля», там не возникало.

...И принадлежит этот мир монстрам, серокожим существам с лилово-синей кровью, «франкенштейнам», решившим, что они и есть люди. А настоящие люди вы-

нуждены прятаться в подводных городах. Безопасных, комфортабельных оазисах, все более просторных с каждым годом. Не потому просторных, что города растут — их население сокращается. Самый крупный, Акваполис, насчитывает сегодня едва полмиллиона. Два-три поколения — от силы четыре! — и человечество исчезнет окончательно, без боя уступив родную планету синеволосым. А ведь каких-то сорок лет назад их не существовало в природе.

Первая дюжина странных детенышей появилась на свет в институте биоинженерии и генотерапии Акваполиса. Именно здесь обрела реальность средневековая легенда о людях с «голубой кровью». Именно здесь был синтезирован h-гемоцианин, медьсодержащий аналог человеческого гемоглобина. Понимали его создатели, какой ящик Пандоры они открывают? Эдвард Ковальский, тогда младший научный сотрудник, точно не понимал.

«Кианетиками не рождаются, ими становятся. У каждого должен быть выбор!» — под таким лозунгом открытие преподнесли человечеству. Так-то оно так, но операция по замене гемоглобина гемоцианином возможна исключительно в пренатальный период. Как сделать выбор до своего рождения?! Не ты сам, а родители решают, предстоит тебе жить человеком или серокожим монстром. Дальше — больше. Первое поколение кианетиков выросло, повзрослело, и оказалось, что выбрать надо было всего однажды — на все будущие века. Потому что способность воспроизводить гемоцианин передается от матери ребенку в ста случаях из ста. И обратного пути нет, дверь захлопнулась. Эдвард Ковальский, руководитель лаборатории микробиологии, понял это первым. И Клим Ковальский, его приемный сын, знал, что это означает. История человечества заканчивалась. Начиналась история новой расы. Абсолютно чужой. Враждебной.

Пока человечество тихо вымирало в своих подводных оазисах, кианетики размножались. Они многое успели за сорок лет. Принялись обживать заброшенные города на

материках, восстанавливали промышленность и сельское хозяйство. У них теперь были собственное правительство, собственные наука и культура... Да кто их знает, что они затевали, вырвавшись обратно на сушу, подобно доисторическим предкам млекопитающих? Они не просто вырвались из-под контроля, они сами контролировали — «опекали!» — подводные города. Лишь Акваполис пока сохранял автономию. Потому Эдварду и удалось...

— Уважаемые дамы и господа! — прервал размышления Клима мелодичный женский голос, заполнивший салон. — Экипаж приветствует вас на борту нашего комфортабельного лайнера. Мы совершим рейс по маршруту Акваполис — Новые Афины. Время полета — три часа двадцать минут. Сейчас прослушайте, пожалуйста, инструктаж о правилах поведения в нештатной ситуации...

Уже знакомая Климу стюардесса вышла на середину салона, вынула из багажного ящика оранжевый спасжилет, начала манипуляции в такт мелодичному голосу. Стояла она так, чтобы Клим видел каждое движение. Не иначе, для него это шоу и предназначалось. Кианетикам чего опасаться с их-то живучестью? Да и видело большинство этот спектакль неоднократно — мотаются по планете туда-сюда, могут себе позволить. Не то что настоящие люди...

Климу захотелось отвернуться, не смотреть на унизительное представление, но он не посмел, дождался, когда шоу закончится. Голос попросил пристегнуть ремни, стюардесса прошла вдоль рядов кресел, удостоверилась, что все послушались. Возле Клима задержалась и подергала ремень: в самом деле пристегнут? Он сжался от отвращения, когда серые пальцы чуть не коснулись его, пусть и через ткань куртки. Отвращение прошло быстро, но злость осталась: может, они нормалов недоумками считают?!

Стюардесса ушла, села в свое кресло возле пилотской кабины. А минуту спустя снаружи взревели двигатели, и Клим вдруг ощутил то же самое, что испытывал в лифте, но усиленное многократно. Овернулся к иллюминатору и...

Нет, это было не как в лифте. Там ты знаешь, что поднимаешься, ощущаешь это. Но не видишь! А здесь — покрытая пенными барашками волн поверхность океана стремительно проваливалась вниз. Конвертоплан набирал высоту куда быстрее любого лифта. Не только знать, но видеть, что под тобой многие сотни метров пустоты, было немыслимо. И с каждой секундой этой пустоты становилось больше! Нет, не надо, хватит, и так высоко! Слишком высоко!

Приступ паники навалился на плечи, на лбу выступила испарина. Клим поспешно отвернулся от иллюминатора. И встретился взглядом со стюардессой. Та смотрела прямо ему в глаза, готовая вскочить, прийти на помощь. Этого не хватало! Он заставил себя улыбнуться, вдохнул глубоко, выдохнул. Еще раз. Подумаешь — высота! Салон лайнера надежно герметизирован, задохнуться от недостатка кислорода ему не грозит, вывалиться наружу — тем более. Пока шел к заднему ряду, заметил троих детей. И ни один не испугался при взлете, не заплакал... Потому что они не люди!

Подъем закончился, лайнер накренился, разворачиваясь, ложась на курс, выпрямился. Гул двигателей стал тише, предупреждающая надпись над головой погасла. Стюардесса, словно демонстрируя, что неудобства и ограничения первых минут полета позади, расстегнула ремень, встала, скрылась за шторкой служебного помещения. И пассажиры оживились. Громче и веселее сделались разговоры, кто-то уже шел по проходу к кабинке санузла.

Клим снова отвернулся к иллюминатору, заставил себя смотреть. По внутренностям прокатилось что-то неприятное, подступило к горлу, упало вниз, сделав ноги слабыми и непослушными. Ерунда, нужно только привыкнуть! Он взялся разглядывать лазоревую поверхность, распластанную под ним. Но что там разглядывать? Квадратик взлетно-посадочной платформы давно исчез, белые барашки на волнах с такой высоты не видны...

— Можно здесь присесть?

Голос прозвучал рядом, но Клим не ожидал собеседников, потому не понял, что обращаются к нему. Повернул голову, когда его повторно окликнули:

— Эй, ты меня слышишь? С тобой все нормально?

В проходе стояла та самая девушка в янтарном костюме, смотрела насмешливо и вместе с тем вопросительно. Клим растерялся, кивнул поспешно. Хотел лишь подтвердить, что он в порядке, но девушка восприняла кивок как ответ на все три вопроса одновременно. Бесцеремонно уселась в соседнее кресло.

— Я пришла извиниться. Накричала на тебя, обозвала. Прости, пожалуйста. Честно говоря, я подумала, что ты хам и обдолбыш. Из этих, что на транквилизаторах живут. Ты первый раз летишь, да? Страшно? Ничего, это пройдет. Мне тоже страшно было, когда я первый раз из Акваполиса улетала.

Клим растерялся:

— Почему из Акваполиса?

— Я там родилась. Выросла, школу окончила, затем улетела на сушу. А родители и сейчас там живут... Мама живет, папа умер три года назад. Я к маме каждые два месяца в гости прилетаю, так что давно привыкла к самолетам. — Она вдруг фыркнула: — Не смотри на меня так! Разумеется, мои родители натуралы, потому вынуждены жить в Акваполисе. Или ты подумал, что я кианетик второго поколения? Спасибо за комплимент, но вынуждена тебя разочаровать. Первый ребенок второго поколения появился на свет девятнадцать лет назад, а я значительно старше! Мне — двадцать семь, мы старше медленнее. Ой, я же не представилась! Кира. Папе имя не нравилось, но мама настояла — сказала, что у нее обязательно будет дочь Кира. И пошла на операцию. Она сильно болела после этого, потому я осталась единственным ребенком в семье. А мне так хотелось братика или сестричку! Но нет так нет. Зато у меня обязательно будет много детей — не меньше пяти! Человечеству необходимо поскорее восстановить популяцию, вновь заселить Землю. Правда, не знаю, как смогу это с работой

совместить. Я окончила аспирантуру, пишу диссертацию по восточноевропейской архитектуре двадцатого века. Ничего, успею и одно, и другое. Говорят, средняя продолжительность жизни кианетика — двести лет. Конечно, пока этого никто на практике не проверил, но, надеюсь, правда. Представляешь, двести лет! Сколько всего можно сделать. Вот как бы ты ими распорядился?.. — Она осеклась, сообразив, что сморозила глупость. — Прости, пожалуйста...

На минуту между ними повисла напряженная тишина. Но долго молчать синеволосяя не могла:

— Вот я о себе все рассказала. Твоя очередь. Как тебя зовут, чем занимаешься, кто твои родители? Рассказывай, ты же на меня больше не сердишься?

Клим сидел, придавленный этим шквалом болтовни, не способный переварить ее. Надо же, снизошла — делает вид, что с ровней разговаривает. У них что, мода такая пошла — опекать «убогих»? Пока те окончательно не вымерли. Хотелось крикнуть в ответ: «Топаи, откуда пришла! Не нужны мне ваши подачки! О себе лучше побеспокойся!»

Он сдержался.

— Клим, учусь в колледже, на втором курсе. Родители... родной отец умер давно, я его и не помню. А мама — когда мне одиннадцать было. Меня отчим воспитал.

— Соболезную... А в Новые Афины ты зачем летишь?

— Ну... просто так, посмотреть.

— Да? А давай я для тебя экскурсию устрой? Ты сколько времени планируешь на материке пробыть?

Клим пожал плечами:

— Дня два или три, — повторил то же, что сказал контролерше в унипорту.

— Замечательно, успеем в археологический заповедник съездить. Или... в заповедник не нужно? Ничего, в городе тоже много интересного. Поселишься у меня — у меня двухкомнатная квартира. И не переживай, мой парень не приревнует. Потому что у меня его нет, я свободная девушка! Так что, согласен?

★ Клим помедлил. Они с Эдвардом и не надеялись на такую удачу. Да, теперь он наверняка увидит результат. Он кивнул.

— Отлично! — Девушка схватила его за руку, заставив непроизвольно дернуться. — Давай составлять план экскурсии.

Грозовой фронт настиг самолет внезапно. Для Клима, во всяком случае. Сиденье на миг исчезло, к горлу подкатила тошнота, и тут же зажглась предупреждающая надпись, а мелодичный голос сообщил:

— Лайнер вошел в зону турбулентности. Просьба пассажирам вернуться на свои места и пристегнуться.

Клим выглянул в иллюминатор. Куда только подевалась лазурная бесконечность! Вокруг лайнера громоздились грязно-белые клочья ваты. Впереди и справа по курсу они сгущались, темнели, становились непроницаемыми... Ба-бах! Ослепительно-белый столб пробил черноту, вонзился в скрытый тучами океан.

— Ого! — Кира перегнулась через подлокотник. — Здорово!

Клим вжался в спинку, чтобы ненароком не прикоснуться к кианетке. Впереди по курсу вновь сверкнуло. Картинка за иллюминатором дернулась, провалилась вниз. Самолет задира л крыло, меняя курс.

Внезапная смена вектора скорости толкнула девушку на Клима.

— Ох!

Она отстранилась, но самую малость. Клим продолжал ощущать ее тело сквозь тонкую ткань куртки.

— Ты можешь сесть прямо?! — не выдержал он.

— Да, конечно. Извини.

Она выполнила просьбу. Пояснила:

— Я никогда сквозь грозу не летала. Интересно посмотреть.

Клим ничего интересного в грозе не находил. Видеть ее на экране головизора одно, а наяву — другое. Что, если этот жуткий столб пламени попадет в самолет?

Впрочем, угроза была явно воображаемая, пилоты не станут подвергать пассажиров опасности. Сверкающая молниями туча уходила назад и вниз, впереди была лишь белая вата. И, кажется, голубые прорехи кое-где просвечивали.

Огонек под крылом лайнера Клим засек боковым зрением. Сначала решил — это сигнальный фонарь. Затем сообразил — нет, не фонарь. Оранжевый шар висел примерно в метре от гондолы двигателя, то приближаясь к ней, то отходя в сторону. Но от самолета не отставал, точно был привязан к нему невидимой нитью.

С минуту Клим следил за шаром. Потом не выдержал, спросил у соседки:

— Посмотри вон там, под крылом. Это... шаровая молния, правильно?

Девушка ответила не сразу. А когда ответила, голос ее сипел:

— Да-да... Не бойся, она не взорве...

Молния взорвалась.

Яркая вспышка, заставившая моргнуть, хлопок, еле слышный за шумом двигателей. А в следующий миг добрая половина крыла исчезла. И тише сделалось — турбина замолкла, из нее повалил черный дым.

Увиденное казалось Климу наваждением. Но тут самолет споткнулся. Изуродованное крыло перестало держать титановую птицу, она сорвалась, опрокинулась набок, начала терять высоту. Киру швырнуло на Клима, но теперь он даже не заметил этого. Он словно оказался внутри голофильма. Разум не мог принять реальность происходящего. Плакали дети, визжали и кричали взрослые, кто-то пытался вскочить с кресла и не мог — потому что кресла оказались приклеены к стене салона. И душераздирающий свист снаружи.

— Экстренная посадка! — заглушил звуки голос из динамиков. Не тот, мелодичный, бархатный, что звучал прежде. Властный, командирский. — Пассажирам надеть спасательные жилеты. Остаться на местах и не расстегивать ремни до особого распоряжения!

Медленно, с натугой, искалеченная птица выровнялась. Она по-прежнему неслась вниз, но траектория снижения сделалась более пологой. Клим напряженно вглядывался в белую вату. Посадка? Но куда? Внизу ведь океан! Или они уже над сушей?..

— Ты чего ждешь?! Жилет надевай! — дернула за плечо соседка. И, не дожидаясь реакции, принялась напяливать на Клима спасжилет. — Не надувай пока, а то застрянешь между креслами. Да ты хоть помнишь, как его надувать? Вот эту штуку потянуть надо.

Клим кивнул, не до конца понимая, что ему говорят. Он не мог оторвать взгляд от иллюминатора, как будто ему, а не пилотам предстояло выполнить экстренную посадку.

Ватная пелена лопнула, разлетелась клочьями. Океан был близко. Слишком близко! Пенные барашки волн неслись навстречу. Ближе, ближе, ближе...

— Не бойся, пилоты опытные, посадят самолет на воду. — Кира сжимала его руку. — Если салон разгерметизируется, переберемся на плоты,ждемся спасателей. Лишь бы шторм не усилился.

Шторм? Ну да, это шторм. Клим сглотнул, представив себя среди вскипающих пенных шапок. Нет уж, пусть самолет благополучно приводнится...

Двигатель внезапно взвыл, машина дернулась, как бы пытаясь остановить падение. В корпус что-то ударило, завизжал раздираемый металл, завизжали люди, сиденье рвануло в одну сторону, в другую, ремень больно впился в живот. А потом... Клим выпучил глаза. Салона перед ним больше не было. Вместо него — грязно-зеленая всклокоченная стена воды. Он открыл рот, готовый завопить от ужаса. И захлебнулся этой водой. Горько-соленой водой океана.

Звуки исчезли мгновенно, только в ушах звенело. Он не успел понять, что происходит. Кто-то отстегнул ремень, выдернул из кресла. Спасжилет начал увеличиваться, разбухать, властно потянул его вверх.

Клим вынырнул на поверхность, набрал полную грудь воздуха, закашлялся. На счастье, его не накрыло волной,

наоборот, подбросило вверх. Десять секунд, чтобы успеть отдышаться. А затем — вниз, в ущелье между водяными горами. И снова вверх. И вниз. В мокасины набралась вода, они отяжелели, точно обзавелись свинцовыми подковами. Если бы не спасжилет, они утянули бы его на дно, однозначно. Следовало расстегнуть липучки, сбросить их, но дотянуться не получалось...

— Клим! Клим! — Кира была рядом. — Держись за меня! Поплыли к острову!

— К... какому острову?

— О который самолет разбился! Вон там, смотри!

Их подбросило на очередной гребень, и Кира развернула Клима, показывая. Он не разглядел ничего, кроме волн, но кивнул утвердительно. И позволил тащить себя. Какая разница куда? Мозг пребывал в ступоре, оттого явь казалась сном, кошмаром.

Остров все же существовал. Камень посреди моря, поднимающийся над поверхностью едва на три метра. Волны налетали на него, разбивались о крутые бока, захлестывали до самой макушки.

Кира не сунулась напрямик к камню, потащила Клима вокруг. С подветренной стороны волнение было куда тише. И еще здесь нашлась трещина, раскроившая камень-остров пополам. Достаточно широкая, чтобы человек мог вскарабкаться по ней. Кира выбралась первой, схватила Клима за руку, помогла.

Ощутить твердь после болтанки на волнах, увидеть хоть какое-то подобие стен рядом с собой было невообразимо приятно. Ни жесткое каменное ложе, ни грохот прибоя, ни брызги, то и дело обдававшие с головы до пят, не могли испортить удовольствие. Клим растянулся на камнях, позволил снять с себя спасжилет, обувь. И провалился в забытие.

Очнулся он от непонятного дискомфорта. Целая минута понадобилась, чтобы вспомнить, где он очутился и почему. И понять, откуда исходит опасность. Солнце! Грозовой фронт отступал, над головой еще висело белесое

★ покрывало, но западная треть небосклона уже очистилась от туч. Опускающееся к горизонту солнце светило прямо в расселину, обжигало Климу лицо, кисти рук.

Он заскулил от навалившегося ужаса. Сколько он провалялся под солнцем? Час? Два? А может быть, сутки?! Смарт он выбросил в унипорту, потому, который сейчас час, который день, понятия не имел. Да и вряд ли смарт выдержал бы «купание» в океане.

Клим вскочил на четвереньки, покарабкался вверх, к гребню островка, надеясь укрыться за ним. Тщетная надежда! За гребнем оказалась лишь небольшая площадка, а дальше — гладкий «лоб», уходящий почти отвесно в воду. Отполированный ветрами и штормами камень, ни былинки, ни травинки.

Зато ближе к восточному горизонту, там, где еще бушевала гроза, виднелась настоящая суша. Большой остров или материк? Самолету не хватило самой малости, чтобы добраться туда. Или пилоты специально опускали машину на воду?

На площадке сидела Кира и смотрела вниз. Шторм утихал. Волны еще накатывали на каменный «лоб», разбивались брызгами пены, но прежней силы в них не было. И, казалось, ничего не угрожает человечку в спасательном жилете, что качался на их гребнях, ничего не мешает доплыть до расселины и выбраться на твердь. Однако плыть человек не пытался. Потому что был мертвым.

Ребенок. Мальчик лет шести-семи. В самолете он сидел двумя рядами ближе, чем Клим. Синеватые волосы, серая кожа лица, черно-желтая полосатая майка. Глаза мальчика были широко открыты, смотрели куда-то вдаль. Цвет их Клим разглядеть не мог, но отчего-то решил, что они ярко-зеленые, изумрудные. Как у Киры.

Он повернулся к девушке:

— Что с ним случилось? Я думал, кианетики живучи, как.... ну, выносливее людей.

Кира взглянула на него непонимающе:

— Да, мы можем обходиться без кислорода достаточно долго. Но жабр-то у нас нет, чтобы дышать под водой!

Наверное, его волной накрыло, перевернуло лицом вниз, а взрослых рядом не было, чтобы помочь. Испугался, растерялся, захлебнулся...

Она вдруг всхлипнула, закрыла лицо руками. Клим удивленно посмотрел на нее:

— Ты его знала?

— Нет, но... какая разница? Это не правильно! Он же ребенок, малыш совсем! Дети не должны умирать!

Клима передернуло, руки сами собой сжались в кулаки.

— Детеныши-кианетики умирать не должны, ты хотела сказать?! В Акваполисе каждый день умирают двадцать-тридцать детей! Большинство и до года не доживают. Это нормально, да, правильно?! А то, что один ваш захлебнулся, — неправильно?!

Девушка попятилась от него к краю площадки:

— Ты что говоришь? Конечно, это неправильно. Дети в подводных городах умирают, потому что их мамы отказываются от операции, надеются на везение. Это же глупо...

— Глупо?! А ты знаешь, что ожидает женщину после твоей хваленой операции? Отравление соединениями меди, тяжелейший токсикоз! Это те, кто идет на операцию, рассчитывают на везение. Говоришь, у тебя нет братьев и сестер? А у меня были — трое! И все умерли, не дожив до года. Эдвард не разрешал делать операцию, но мама очень хотела ребенка от него, пусть даже кианетика! И ей «не повезло».

— Мне жаль... но ведь это был ее выбор, ее свобода воли. По статистике, смертность среди рожениц, перенесших операцию, двадцать три процента. Но зато ребенок-кианетик выживает стопроцентно, а дети-нормалы — один из трех. Да и что потом за жизнь у них? Так, может, риск того стоит?

— Еще бы! Наши женщины ценой своей жизни должны увеличивать ваше поголовье! Только зачем это вам теперь? Вы и без нас прекрасно размножаетесь! Сколько детенышей ты планируешь завести? Пять? А почему не десять? Материки большие, места всем хватит. Люди же там все вымерли! Включая детей.

— Но ведь не из-за гемоцианина! Наоборот, он стал спасением для человечества. Иначе действительно не было бы надежды. Подводные города построили не от хорошей жизни. Люди подорвали свой иммунитет антибиотиками, синтетической пищей, химическим и радиоактивным загрязнением, гербицидами и пестицидами — да всего не перечесать! Планета вымирала — почти десять миллиардов в середине двадцать первого века и чуть больше одного к концу двадцать второго. Оставшиеся пытались спастись тотальным контролем над средой обитания — воздухом, водой, пищей, — потому отгораживались от окружающего мира титановыми куполами и стометровой толщиной воды. Но это была только отсрочка приговора. Если бы не синтез гемоцианина...

— ...люди бы нашли выход! Обязательно нашли!

— Это и есть выход! Кислородный обмен на основе меди оказался непробиваемым щитом на пути вирусов и микробов. Понадобятся тысячи, десятки тысяч лет, чтобы естественные мутации создали нечто, способное его пробить. Чего еще желать?

— Именно — «чего желать!» Все смирились, перестали искать другое, человеческое решение. Это же так здорово — сдохнуть и отдать планету монстрам! Живучим, плодовитым и абсолютно здоровым!

Он замолчал, захлебнувшись злостью. Молчание длилось долго. Затем Кира ответила. Едва слышно в шуме прибоя:

— Мы такие же люди, как и вы. За что ты нас ненавидишь? За то, что у нас другой цвет крови?

«Господь сотворил людей по своему образу и подобию. А кианетики — подобие дьявола, созданные по его наущению!» — хотел бросить в ответ вычитанную где-то сентенцию Клим. Промолчал, вовремя сообразив, как глупо прозвучит подобное обвинение.

Не дождавшись ответа, девушка вдруг вскочила и ласточкой нырнула в воду. Клим опешил, не понимая, зачем она это сделала. А Кира ухватила мертвого мальчика за спасжилет, потянула прочь от островка. Убедившись,

что к камням его вновь не прибьет, отпустила, поплыла обратно. Она обогнула островок, пропала за выступом скалы, а Клим все смотрел на яркое пятнышко, прыгающее по волнам. И думал, что этому мальчишке повезло.

Укрыться от солнца на голых скалах было невозможно. Оставалось поднять воротник куртки, втянуть голову в плечи, спрятать руки в карманы и надеяться, что вечером интенсивность облучения невысока.

— Клим, ты, наверное, пить хочешь?

Он вздрогнул от неожиданного вопроса, обернулся, готовый ответить что-нибудь резкое. И почувствовал — во рту и впрямь пересохло. Пока не задумывался об этом, жажда не давала о себе знать, таилась где-то внутри. Но теперь накатила со всей силой.

Он подозрительно уставился на девушку — издевается, что ли? Но та и не собиралась шутить:

— Здесь немного пресной воды есть. После дождя осталась.

В выемке под стенкой расселины в самом деле темнела лужица. Клим присел над ней, недоверчиво зачерпнул воду рукой, помедлил. Покачал головой с сожалением:

— Мне нельзя. В ней полно микробов, а у меня ничего дезинфицирующего нет.

— Какие микробы, она же дождевая! Здесь солнце и океан все дезинфицировали.

— Нет.

Он выплеснул воду назад, в лужицу. И тотчас жажда стала еще сильнее. Лучше бы и не знать об этой луже! Ничего, он потерпит...

Не удержавшись, спросил:

— Как думаешь, спасатели нас найдут?

— Конечно! Нас уже ищут. Как только шторм уйдет, появятся и самолеты, и корабли. Вот посмотришь, солнце сесть не успеет, а они будут здесь.

Кира не угадала. Солнце опустилось за горизонт, небо потемнело, набрало черноты, в западной его половине зажглись звезды, а спасатели так и не пришли. В конце

концов девушка сдалась, выбрала место поровнее, устроилась спать.

Клим сидел на площадке, сколько мог. Боролся с усталостью, сделавшей веки свинцовыми, с голодом, неприятно ворочающимся в желудке, а главное — с жаждой. Уговаривал себя, что человек способен обходиться без воды довольно долго. Потом стало совсем невмоготу. Воровато прислушиваясь к сонному дыханию девушки, он заполз в расселину, впотьмах нашел заветную выемку... и принялся лакать воду, словно собака. Вода была теплая, солоноватая — во время шторма брызги волн окатывали островок до самой макушки, — но, несмотря на это, первые глотки были невероятно вкусны! Он еле нашел силы, чтобы остановиться.

Мелькнуло запоздалое раскаяние: если в течение двух дней спасатели их не найдут, будет поздно. Тут же посмеялся мысленно над собой — да, будет поздно. Но вовсе не из-за выпитой воды. Все, что он сделал, окажется зряшным. И еще страшнее — бесполезным станет сделанное Эдвардом.

— Клим, Клим, самолет!

Он вскочил и от возгласа, и от того, что его бесцеремонно тормозили за плечо. Было раннее утро, солнце поднялось над горизонтом едва на ладонь. Его лучи пока не доставали до расселины, здесь было сыро и прохладно. За ночь шторм стих окончательно, море и небо вновь выглядели лазурной бесконечностью. И оттуда, из этой бесконечности, отчетливо доносился гул самолетного двигателя.

— Где он?!

— Вон там, смотри!

Климу пришлось щуриться несколько минут, чтобы разглядеть серебристую точку. Самолет кружил над дальней сушей, то опускаясь ниже, то поднимаясь вверх. А затем... затем он пошел на посадку!

— Эй, мы здесь! Здесь! — Кира забралась на гребень островка, кричала, махала руками над головой. Клим присоединился к ней:

— Сюда! Сюда летите!

Самолетик подкатил по воде к самому берегу. Что там делалось, разобрать было невозможно, но на затерянный в океане камень пилоты точно свои бинокли не наводили.

Клим присел обессиленно.

— Почему они нас не ищут?

— Наверное, после удара самолет сумел пролететь довольно далеко. Люди выбрались на берег, а в воду выпали лишь те, кто в хвосте сидел. Сейчас вывезут спасшихся, определяют, кого не хватает, и продолжают поиски.

Объяснение Киры было вполне логичным. Но Клима оно не устраивало:

— И скоро они их продолжат?

— Не знаю. Не исключено, еще сутки подождать придется.

— Сутки?! Да я не выдержу здесь сутки! — Заметив непонимание на лице девушки, он поспешил объяснить: — У меня плохой прогноз по ультрафиолету, мне нельзя долго на солнце. А здесь и тени нет!

Кира наморщила лоб, помолчала, раздумывая. И решительно кивнула:

— Тогда мы к ним поплывем! Как говорили древние, если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе.

Клим опешил. Смерил взглядом расстояние до суши:

— Это же далеко! Мы не доплывем.

— В спасжилетах доплывем. Полтора-два часа, и будем там.

— А если самолет улетит?

— Как улетит, так и вернется. В любом случае там у тебя будет тень. Чего сидишь? Надевай жилет, и поплыли, пока солнце низко!

Заставлять упрасивать себя Клим не стал. И вовсе не из-за спасительной тени.

Плыть, когда волн нет, оказалось легко. Правда, от попыток Клима загребать руками и ногами проку было мало, но Кира оказалась на удивление сильной, тащила его, как заправский буксир. Так что Клим мог сосредоточиться

на самом важном — мысленно уговаривал спасательный самолетик не улетать. Снизу его видно не было, но раз не гудит в небе, значит, пока не взлетел?

Ни по времени, ни по расстоянию Клим ориентироваться не мог. Возможно, они проплыли двести метров, а может, и все пятьсот. Но неожиданно Кира остановилась. Беспокойно заозиралась по сторонам.

— Что случилось? — потребовал объяснений Клим. — Ты устала?

— Акулы!

— Что?

Клим хотел тоже обернуться, но это не понадобилось. Черный треугольный плавник прорезал водную гладь прямо перед ними. Мышцы мгновенно одеревенели от ужаса.

— Назад, быстро! — скомандовала Кира и, не дожидаясь, пока Клим разберется, что делать, схватила его за жилет, развернула, потянула за собой.

Они старались изо всех сил. Но для акулы их потуги выглядели смешным барахтаньем, не иначе. Она нарезала круги вокруг них снова, и снова, и снова. А потом Клим понял — не круги! Спираль, затягивающуюся с каждым витком.

— Плыви сам, я ее отпугну!

Кира оттолкнула его, начала отдирать липучки собственного жилета, выпуталась из него, достала из кармана штанов складной ножик. Это «оружие» выглядело, по меньшей мере, смешно. Но Климу было не до смеха. Он заколошматил руками и ногами по воде, пытаясь повторять движения девушки. Получалось отвратительно. Но, хоть и медленно, он все же продвигался вперед, к еле заметному над водой спасительному камню. По сторонам он не смотрел. Не то чтобы не успевал — страшно было смотреть. Он ощущал, как вскипает вода, толкает волной то с одной стороны, то с другой. И ждал, что сейчас полоснет по ногам боль... или сейчас... или...

Он сам не понял, как добрался до острова. И лишь поравнявшись с заветной расселиной, опомнился, пробкой

выскочил из воды, вскарабкался на самый гребень. И услышал сзади:

— Клим, п...помоги...

Оглянулся. Кира цеплялась левой рукой за выступы камня как-то неловко, беспомощно. Клим опасливо огляделся и, убедившись, что треугольного плавника поблизости нет, спустился, подал девушке руку, потянул на себя. А когда та выползла на камень, понял, отчего она протягивала левую руку. Предплечье правой превратилось в сплошную рваную рану. Клочья серо-сизого мяса, изжеванного чуть ли не до кости, и лиловая кровь, струйкой сбегающая на камни.

Климу сделалось нехорошо. Он сам почти ощутил боль в руке. Спросил, сдерживая дрожь в голосе:

— Это... акула?

— Ага. Неудачно я ее пырнула — рука прямо в пасть соскользнула. Ничего, ей тоже досталось — нож проглотила. Надеюсь, заработает несварение. Да ты не волнуйся, рука у меня заживет, у нас же регенерация тканей знаешь какая! Надо только жгут сделать, перетянуть. И забинтовать потуже. Хорошо бы зашить, но иголки нет. Ничего, и без зашивания обойдемся. — Она прощлась левой рукой по застежкам блузы, дернула плечом. — Снять помоги!

Бюстгальтер она не носила. Да и не требовался он, пожалуй. Грудь у Киры была маленькая, упругая, с темными, почти фиолетовыми, кнопочками сосков. Клим поспешно отвел взгляд, но девушка его замешательство и не заметила. Протянула блузу:

— Порви на полосы, а то мне одной рукой не управиться.

Материя оказалась крепкой, пришлось поднатужиться, чтобы она поддалась. Клим вспотел от напряжения. А после следовало затянуть жгут, бинтовать. Он старался не прикасаться к отвратительным лохмотьям, но получалось не всегда.

Наконец с бинтованием было покончено. Кира вытянулась на камнях:

— Да, не получится вдвоем плыть. Ничего, рука немножко заживет, и я сама туда сплываю, а ты меня подождешь.

— А как же акулы? — не понял Клим. — Или, ты думаешь, она здесь одна была?

— А что мне акулы? — Девушка повернула к нему голову. Улыбнулась: — На кианетиков хищники не нападают. Нас даже насекомые не кусают! Запах не тот. Ты разве не знал?

— В Акваполисе хищники и насекомые не водятся, — буркнул Клим. Помолчал, переспросил удивленно: — Но если не нападают, то ты могла плыть дальше? Почему же ты начала драться с акулой?

— А ты? Тебя бы она сожрала точно.

— И что?

— Как что? Если бы мы местами поменялись, ты бы разве по-другому поступил? Не стал бы меня спасать?

Клим не ответил. Приподнялся, выглянул из-за гребня. Конечно, самолетик уже улетел. И когда вернется, неизвестно. Наверное, спасатели забрали всех выживших, а с поисками мертвецов к чему спешить?.. Чертова акула!

Он вновь сел. Взгляд наткнулся на выемку в камнях. Там еще было немного воды. Поколебавшись, предложил Кире:

— Тут вода осталась. Хочешь?

— Нет, это твоя. Я в крайнем случае могу и соленой обойтись. И возьми, что там от моей блузки уцелело, голову прикрой — солнце поднимается... — Она вдруг чихнула громко и резко. Сморщилась недовольно: — Фу, вода в нос попала.

К большой суше Кира так и не поплыла. Рана на руке оказалась серьезней, чем она думала, или крови много потерять успела, пока барахталась в воде, — слабость не проходила. Один спасжилет у них остался, потому утонуть опасности не было, но заплыв мог затянуться на неопределенное время, а потому терял смысл. И, как назло, небо на востоке опять затянули тучи, ветер усилился, штиль сме-

нился легким волнением, потом заштормило. Клим сидел в расселине, сжавшись в комочек, закутавшись в янтарные лоскутья, и думал, что спасатели найдут их слишком поздно. Если найдут. Но почему-то вчерашнего отчаяния эти мысли не вызывали. Скорее наоборот, облегчение.

К ночи Кире стало совсем худо. Она то и дело надрывно кашляла, хватаясь за грудь, тяжело дышала. А когда попробовала напиться соленой воды, ее вырвало. Она даже на ногах не стояла, шаталась, словно былинка на ветру. Куда уж тут плыть! Но она продолжала успокаивать Клима:

— Не бойся, я справлюсь. Главное, отлежаться. Акула какая-то особо зловредная попалась. Может, ядовитая?

Шторм, усилившийся с наступлением темноты, принес холодный и резкий дождь. Сперва Клим радовался льющейся с неба пресной воде, ловил капли ртом, ладонями. Но вскоре промок до нитки, озяб, а спрятаться от ветра можно было, только вытянувшись на камнях на дне расселины. Киру тоже трясло. Но когда Клим, решившись, обнял ее, тело девушки оказалось горячим, как огонь.

— Клим... твой братик... или сестричка... живет в Акваполисе? — зашептала она ему на ухо.

— Это была девочка... Не знаю! Откуда мне знать, где она? Где-то в интернате.

— Ты что, ни разу ее не видел? Не интересовался? Ты ненавидишь ее из-за мамы? И заодно всех кианетиков?

Клим ответил:

— Да.

И второе утро началось для Клима с самолетного гула. Но в этот раз его не трясло за плечо, он проснулся сам.

Шторм продолжался. Небо затягивали плотные серые тучи, сквозь которые не мог пробиться ни один убийственный луч, ночной дождь под завязку наполнил емкость холодной водой. Можно жить, одним словом...

— Клим... там... самолет. — Кира тоже проснулась, попыталась приподняться.

— Слышу.

Клим выбрался на гребень островка. Самолет летел близко, над самой головой. Клим не кричал пилотам, не размахивал руками. Его и так заметили — самолет сделал круг, покачал крыльями. Наверное, волны были слишком большими, сесть на воду самолет не мог. Но этого и не требовалось — у большой суши стоял корабль.

Клим опустился в расселину, присел рядом с девушкой:

— Там корабль, спасатели. Увидели нас, скоро помощь пришлют.

Она слабо улыбнулась:

— Это хорошо... Надеюсь, у них есть... лекарство от акульского яда. Никогда мне... так пакостно не было.

Клим помолчал. Потом признался:

— У них нет лекарства. От твоей болезни лекарство не существует. — Во взгляде Киры появились удивление, непонимание, и он поспешил объяснить: — Она не из-за акулы, она... Помнишь, я поцарапал тебя в унипорту? Это был не ноготь. Лабораторное лезвие, скарификатор. Я тебя заразил.

Она по-прежнему не понимала, и Климу пришлось продолжить:

— Помнишь, ты говорила, что пройдут десятки тысяч лет, пока появится вирус, поражающий кианетиков? Это не так, он уже существует. Эдвард у себя в лаборатории разработал математическую модель такого вируса. Информация попала к службе безопасности Акваполиса, и позавчера Эдварда арестовали. Но одну дозу он успел синтезировать, и об этом не знает никто. Кроме меня. Потому что он отдал ее мне.

Удивление, недоверие на лице Киры сменились ужасом. Она наконец поняла.

— Неправда...

— Правда. В Акваполисе болезнь выявили бы быстро, потому что мы боимся болезней. Очаг бы локализовали, установили карантин, и на этом все закончилось. На материке — другое дело. У вас нет ни иммунитета против этой болезни, ни лекарств. А главное — нет страха заразиться. Вирус нужно было переправить на материк, и я

это сделал. Ты теперь — бактериологическая бомба. Через несколько дней после твоего возвращения начнется пандемия. Проект «Голубая кровь» обернется катастрофой, полным провалом. Людям придется искать другое решение, более человеческое. Эдвард верит, что у людей еще есть шанс, есть время — если его не терять...

— Твой отчим — сумасшедший!

— Он гений! И он очень любил мою маму. Он это сделал, чтобы другие женщины не умирали, как она...

— Конечно, кианетики — не люди, их убивать можно. А ты? Ты зачем ему помог? Тоже из-за мамы?

Клим отвернулся, молча кивнул. И услышал:

— Нет... ты ненавидишь кианетиков не за то, что твоя мама... сделала выбор и умерла. А за то... что она его слишком поздно сделала! Подарила долгую счастливую жизнь твоей сестре, а не тебе. Ты — глупый мальчишка, считающий себя смертельно больным с рождения. Ты ненавидишь нас за то, что сам не один из нас.

И Клим не выдержал. Заскулил, не в силах сглотнуть колющий соленый комок, подкативший к горлу. Потому что Кира сказала правду.

Девушка помолчала. Затем заговорила снова. Голос ее был все таким же тихим, хриплым, но в то же время твердым и властным:

— Ладно, не ной. Надо что-то предпринять. Мы должны предупредить спасателей, чтобы они не высаживались на остров, не прикасались ко мне.

— Они не поверят. Решат, что у тебя шок, стресс.

— Верно, не поверят. Но должен быть способ... Расскажи, что ты знаешь об этом вирусе?

— Он размножается только в вашей крови, сквозь поры выделяется на поверхность кожи. Заражение возможно при непосредственном контакте и воздушно-капельным путем. Летальный исход — сто процентов...

— Какие у него ограничения?

— Ну... при температуре ниже двадцати градусов он теряет активность и быстро гибнет. Соленая вода действует на него угнетающе. И гемоглобин для него смертелен.

Поэтому люди не могут заразиться. Даже переносчиками не становятся. Поэтому я тебя...

— Ясно.

Клим решил повернуть голову, взглянуть на нее. Девушка напряженно всматривалась в открытый океан, в бесконечную череду волн, бегущих за горизонт. Заметив его взгляд, спросила:

— Как думаешь, там, в глубине, достаточно холодно?

Клим понял, о чем она. Сглотнул вновь подступивший комок.

— Спасатели все равно найдут... твоё тело.

— Постараемся, чтобы не нашли. А если нашли, то не скоро. Сколько требуется времени, чтобы вирус погиб?

— После того как... Точно не знаю. Дня два или три...

— Отлично.

Она уперлась рукой, села. Потянула к себе увесистый обломок камня.

— Жгут давай. Это надо привязать ко мне... И спас-жилет помощи надеть.

Они как раз закончили возиться, и Кира сползла в воду, когда Клим услышал стрекотание. Звук шел не сверху и не похож был на гул самолета. Он забрался на гребень. К островку приближался спасательный катер. Люди, сидевшие в нем, заметили Клим, замахали руками. Он не отвечал им, сидел и смотрел на катер. Тот шел ходко, несмотря на крутую волну. Пожалуй, минут пять, и будут на месте.

Когда катеру осталось метров сто, Клим наконец нашел силы оглянуться. Далеко-далеко от островка — как она успела туда доплыть с одной-то рукой?! — прыгал на волнах оранжевый спасжилет. Пустой.

— Парень, ты там один? — донеслось из катера. — Сейчас мы тебя снимем!

Клим кивнул. Подумал отстраненно — интересно, врачи сумеют вылечить болячки, которыми он обзавелся за двое суток вне города? Лучше бы не сумели.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

1. ФАЗА 01011101,
ВЕЛИКИЙ ЦИКЛ 0111101101101,
ПОДЦИКЛ ЭВАА

 мечта была, по большому счету, заурядна для многих разумных: исследовать далекие глубины Вселенной, бороться с их опасностями и раскрывать их тайны, а если повезет — то и погибнуть там, на фронтире, погибнуть героически и красиво, а не умереть обыденной скучной смертью, не пережив очередную метаморфозу.

О дальнем космосе Рнаа мечтало, наверное, со второй личиночной стадии своего развития, с третьей уж точно, а к четвертой о том знали и его многочисленные собратья по бассейну, и персонал Большого Северного инкубатория; знали и не верили в такую возможность. Сама статистика выступала против Рнаа: лишь один из примерно трех тысяч появившихся на свет разумных жителей Акраа успешно преодолевал все метаморфозы, разделяющие оплодотворенную икринку и взрослую особь. А из многих миллиардов населявших планету акраани счет побывавшим в дальнем космосе, на фронтире, шел на сотни.

Рнаа и само излишне не обманывалось: мечта и есть мечта, она должна манить и придавать силы для новой метаморфозы, ну а сбываться... как уж повезет.

Если бы кто-то, заслуживающий полного доверия, предрек тогда Рнаа, что оно не просто окажется в дальнем космосе, но станет разведчиком, исследующим загадочные и опасные планеты, окажется на самом переднем крае наступления цивилизации на безбрежный галакти-

ческий хаос, юное существо наверняка впало бы в буйный восторг и, не умея толком контролировать свой эмоциональный спектр, меняло бы цвета с непредставимой скоростью...

Мечта сбылась.

Сбылась гораздо позже, когда оно не только покинуло инкубаторий, но и прожило-прожил-прожила и вновь прожило девять взрослых стадий (соответственно три раза поменяв пол, а трижды эту метаморфозу пережили немногие) и стало опытно, возможно, даже мудро.

Впервые получив назначение на кислородную планету, Рнаа отреагировало однообразным тускло-серым цветом: оно теперь гораздо лучше знало глубокий космос и никаких иллюзий насчет великой миссии разведчиков цивилизации давно не испытывало.

Работа как работа. Только скучнее и опаснее многих других. Да, да, случается именно так: и скучнее, и опаснее, что бы ни считали по этому поводу юные романтики, плещущиеся в бассейнах инкубаториев...

А кислородные планеты...

Они разные бывают, Рнаа само выросло на такой. Но оттого — по прибытии к новому месту службы — роднее и ближе чужой и чуждый мир не стал: холодно, и спектр светила не самый удачный для акраани, и гравитация слабовата — отчего местная сухопутная фауна размеров достигает несуразно больших для кислородно-водной планеты, а уж в воде водятся и вовсе чудовищные монстры.

Плюс ко всему на планете имелись поднадзорные.

Те, кто присвоил им рейтинг предразумных... О присвоивших такой рейтинг стоило думать лишь в полном одиночестве, чтобы кто-нибудь не принял на свой счет комбинацию цветов, в приличном обществе совершенно недопустимую. О поднадзорных же лучше вообще не думать. Даже в одиночестве. Чтобы оставались шансы пережить очередную метаморфозу, к процессу превращения надлежит задолго приступать со спокойной душой и чистыми мыслями.

Ну и завершающий, финальный аккорд исполнившейся мечты: генерал-резидентом планеты — то есть непосредственным начальником выездного агента Рнаа — служило туиуу (служило не значит, что данное конкретное туиуу достигло стадии зрелости, не омраченной заботами о продолжении рода; туиуу размножались простейшим митозом, иначе говоря, делились надвое, и разделения на полы не имели изначально).

Туиуу по ряду причин для полевой разведработы решительно не годились. Вернее, годились, но на весьма ограниченном числе планетоидов — на спутниках газовых гигантов, и то не всех, а имеющих весьма своеобразную атмосферу.

Зато как аналитики и стратеги туиуу оказались весьма востребованы и Косморазведкой, и другими структурами, подчиненными Галактическому Совету. Можно сказать, всей своей эволюцией туиуу были подготовлены для работы на высших штабных должностях. Одни лишь их сложнейшие интеллектуальные игры чего стоят — нормальному разумному полжизни придется потратить, чтобы только в правилах только одной игры разобраться... Туиуу в том не нуждаются — каждый из них, появляясь на свет, обладает точной копией родительской церебровкауоли. И там хранится вся информация — и накопленная родителем самостоятельно, и унаследованная от предков... Включая правила сложнейших игр. И многое другое включая.

При таких стартовых условиях немудрено стать сверхэрудитом и гением анализа.

Но мироздание заставляет платить за все... Наверное, платой за интеллектуальную мощь туиуу стали их мерзкие душевные качества — если допустить, что в одноклеточном существе, пусть и огромном, есть место для души.

Мелочные, обидчивые, пакостливые, способные возненавидеть по любому поводу и на всю жизнь, однако гении — веселое сочетание, не так ли?

К своим собратям по виду туиуу относились даже хуже, чем к прочим разумным, а родных сестробратьев

еще и норовили сожрать немедленно по завершении деления... И чаще всего сжирали либо были сожраны.

Наверное, то был предохранитель, встроенный эволюцией.

Предохранял он изначально существ, способных быстро размножаться в геометрической прогрессии, от перенаселения, от полного исчерпания ресурсов. Ну а впоследствии стал заодно предохранять Вселенную — от неизбежного завоевания одноклеточными гениями, сумей те объединиться...

Вселенной повезло. Туиуу объединиться не умели и всюду, где обитали, старались обитать поодиночке, самодостаточные в своей гениальности... И в сверхинтеллектуальные свои игры играли сами с собой.

Вселенной повезло... В отличие от Рнаа.

До последнего назначения Рнаа под началом туиуу ни разу не оказывалось. Возможно, так складывалось случайно. Возможно, в кадрах следили, чтобы представители этих двух разумных видов не пересекались... Следили, следили, да не уследили... Либо дикий кадровый голод заставил пренебречь негласным правилом.

Рнаа не выносило своего начальника. Причем на генетическом уровне... В прямом смысле на генетическом — страх и ненависть к весьма напоминавшим туиуу существам у акраани прошиты в генокоде: бесчисленные поколения их предков были сожраны в теплых океанах Акраа крайне похожими на туиуу существами. Лишь внешне похожими, имевшими метаболизм, основанный на иных биохимических реакциях, и совершенно безмозглыми, вернее, лишенными церебровакуоли. Но генетическая память о биохимии знает мало, в отличие от внешности...

Туиуу платило подчиненному тем же. Не по генетическим причинам, но по свойствам мерзкого характера Туиуу-1162-3355/187 (имена этих разумных совпадали с названием их вида, ибо каждый туиуу считал именно себя единственным его полноправным представителем, про-

чих же — генетическими отходами, по недоразумению уцелевшими от митофагии и апоптоза).

Вот так они и служили вместе. Рнаа мечтало, чтобы совместная служба завершилась как можно быстрее.

2. СРЕДА, 29 АПРЕЛЯ, ВЕЧЕР

Олежка Васин жил в поселке Апраксин, что при одноименной станции. Ему еще осенью исполнилось семнадцать лет, но он только этим летом оканчивал школу, застряв в одном из классов на два года. Зато он имел целых три мечты.

Мечты были не запредельные, реалистичные, и он всерьез намеревался исполнить все три перед уходом в армию.

Об армии Олежка не мечтал: какой толк мечтать о неизбежном, но ждал призыва нетерпеливо, хотел хоть год пожить как человек.

А после года службы он надеялся вернуться с новыми мечтами. В армии, по рассказам, мечты о том, что надо сделать в грядущей гражданской жизни, плодятся сами собой.

Две мечты Олежки вроде бы исполнились... Но именно «вроде бы», он и сам толком не понимал, сбылись или нет?

Он мечтал потерять девственность с Танькой Масютой, учившейся с ним в одном классе. Вернее, он о своей девственности не задумывался и формулировал мечту проще: до армии непременно надо Таньке вдуть.

Учились они вместе, да жили вдалеке друг от друга: Олежка ездил в школу, находившуюся во Мге, из Апраксина, а Танька — с другой стороны, из Назии.

Однако ближе объектов для мечтаний не нашлось. В Апраксине постоянно обитало человек сорок. Обступившие поселок садоводства, лишь в теплую пору населенные, не в счет. И обитательницы поселка вызвать сексуальные мечты у семнадцатилетнего парня не могли. Даже те, что были помоложе, не могли. В семнадцать меч-

★ тается о чистом и высоком, а не о визитах в КВД после случки, завершившей совместное распитие.

Олежка мечтал о высоком и чистом, но был прагматиком и берега все же видел. Танька не числилась первой красавицей класса, и второй, и третьей тоже... Ее внешних данных хватало на то, чтоб не чморили в школе, не более. Хотя на фоне апраксинских шалав и Танька Мясюта могла показаться симпатяшкой-обаяшкой. Короче говоря, Олежку она вполне устраивала.

Сама же Танька дурой не уродилась и шансы свои жизненные не переоценивала. Дать в принципе была согласна, но по-серьезному, с отношениями и уверяла, что из армии дождется, на сторону не взглянув. Олежка, странное дело, ей даже верил, хоть и нагляделся, и наслушался, какие фортели выкидывают девки, обещавшие ждать.

Серьезность отношений и намерений он доказывал, как умел, и Танька недавно дала. Случилось все на школьной дискотеке, после трех стакашков дешевого портвейна — два выпил для храбрости Олежка, один — Танька.

Они ушли от гремящего музыкой актового зала подальше, на четвертый этаж: на третьем и без них уже пытели-постанывали. Ушли без глупого жеманства, зная, зачем идут, и не дуруя друг другу мозг про «посмотреть на звезды».

Однако узкий школьный подоконник — не самое удачное место для секса в одежде даже между более опытными партнерами. А двое новичков с нулевого левела лишь тыкались бесплодно, и Танька была смущена и расстроена не меньше Олежки, встала в конце концов на коленки, и кое-как — трудами ее неумелых рук и неумелого рта — он девственность потерял.

Но позже не мог взять в толк сбылась мечта или нет? Решил при оказии все повторить в удобной обстановке, но за две недели оказии не подвернулось, все ж жили далеко вато друг от друга, да и Танька дала понять, чтоб на частый трах губу не раскатывал, главное для нее — отношения.

Короче говоря, ничего меж ними после дискотеки больше не произошло, лишь целовались да тискались в кустах за школой.

И в тех же кустах не столь давно сбылась вторая Олежка мечта. Вроде бы сбылась...

Он давно мечтал вломить мгинскому здоровенному парню, которого в глаза звали Шаманом, а за глаза Бубном. Шаман-Бубен был редкостной гнидой и всю учебу докапывался до Олежки. Честно говоря, не так уж сильно докапывался, понимал: если перегнет палку, приедут апраксинские и изуродуют. В прямом смысле инвалидом сделают, им наплевать, даже если кто присядет за такое, — почти все сидели, зоной не напугаешь.

Но в мелочах Бубен докапывался, и Олежка издавна мечтал ему вломить — сам, без помощи старших. Мечта долго оставалась мечтою: Шаман был на два года старше и, как следствие, крупнее и сильнее.

Олежка терпеливо ждал своего часа, резонно рассудив, что рано или поздно они в кондициях с Бубном сравняются и два года разницы потеряют значение. Он ждал и упорно тренировался — разумеется, не в секции бокса или иных единоборств, откуда деньги на секцию, когда оба родителя алканавты. Учителя в Апраксине нашлись свои — обучали и жестоким, но действенным ухваткам дворовых драк, и кое-каким подлым приемчикам, с зон привезенным.

Этой весной Олежка решил: пора. А то детские обиды как-то начали забываться, и злость помаленьку проходила. Опять же, армия — рубеж в жизни, водораздел, и хорошо бы перед ней подбить все бабки. Шаману по возрасту полагалось уже служить, но мать-фельдшерица его отмазала.

Поединок состоялся в кустах за школой, и в общем и целом Олежка давнему супостату вломил... Но и сам огреб, Бубен оказался хоть гнида, но не слабак и не трус: нос раскровенил, и по зубам прилетело, один передний зуб с месяц потом шатался, Олежка боялся, что выпадет,

испортив ему улыбку, но зуб как-то прирос обратно и укрепился, лишь цвет сменил на чуть более темный.

Шаману-Бубну досталось сильнее, и все же Олежка — особенно пока шатался зуб — сомневался: сбылась мечта или нет? В мыслях-то побеждал чистым нокаут, не по очкам. Но повторять, в отличие от истории с Танькой, не собирался, если, конечно, Бубен не решит, что получил мало, и не полезет сам. Но Бубен не лез и даже здороваться стал уважительно, чего раньше не замечалось, и Олежка решил: мечта все же сбылась.

Оставалась последняя, третья.

Но та мечта такая, что в любой день, по желанию, ее не исполнишь. Лишь раз в год, весной, в конце апреля или в мае.

И вечером среды, как раз в исходе апреля, Олежка шагнул к полуразвалившемуся домику, стоявшему посреди участка, заросшего бурьяном. Несмотря на нежилой вид, в окнах домика горел свет.

В руинах обитал человек, способный помочь в исполнении мечты.

**3. ФАЗА 01011110,
ВЕЛИКИЙ ЦИКЛ 0111101101101,
ПОДЦИКЛ ЭВАА**

Рнаа вернулось на базу Косморазведки, расположенную на обратной стороне здешнего сателлита-планетоида, страстно мечтая как можно скорее плюхнуться в бассейн.

Вернулось после инспекционного облета приполярных зон: восемнадцать автоматизированных станций сбора информации, посещенных и протестированных, устранение трех серьезных неполадок на них и нескольких незначительных, суборбитальный прыжок с одного полюса на другой...

Плюс два перелета — с базы на планету и обратно, причем первую из двух посадок пришлось проводить вручную, без наводящего луча и автоматики.

И все — за неполные местные сутки.

И все — в одиночестве. ДРК хоть и был трехместным, но кресло второго пилота пустовало, не говоря уж об инженер-исследователе, его крохотный отсек-лабораторию Рнаа давно приспособило под склад всякой всячины. Голод, дикий кадровый голод...

Весь изматывающий рейд оно провело в одиночестве. После таких трудов надлежало нырнуть поскорее в бассейн и уснуть там на дне на пару стандартных фаз, дыша всей кожей и давая отдохнуть перетруженным легким.

Но вместо бассейна Рнаа поджидал вызов к шефу.

Туиуу-1162-3355/187, исполнявшее обязанности генерала-резидента, демонстративно игнорировало любые способы дистанционного общения с Рнаа. Обошлось вызывать к себе и общаться лично. Разумеется, туиуу знало, как воздействует его облик на представителей акраани, — трудно представить что-то, что туиуу не знают о Галактике и ее обитателях. Знало — и как раз оттого вызывало для личного общения. Такие вот они, туиуу... Зато гениальны, не поспоришь.

Среда обитания начальника была убийственна для подчиненного и наоборот. Оттого помещение разделялось на две части прочной и невидимой перегородкой. Абсолютно невидимой — коэффициент преломления менялся в зависимости от того, какую атмосферу закачивали на гостевую половину. И казалось, что стена жидкого метана (именно в этой жидкости обитали туиуу) застыла вертикально, ничем не сдерживаемая, и вот-вот хлынет, затопив гостевую половину и убив гостя.

Рнаа изобразило цвета приветствия, туиуу пренебрегло — не цветами, разумеется, цвет оно не меняло — приветственными движениями псевдоподий. Однако транслятор сам поприветствовал Рнаа и звуком, и цветом, но сухой уставной формулой, так уж транслятор был запрограммирован.

Рнаа изобразило цвета внимания и почтения, хотя испытывало не только эти чувства.

★ Туиуу начало вещать. Как обычно, начало издалека. Одноклеточному гению доставляло удовольствие нарочито затягивать свои беседы с акраани.

Как известно, вещало туиуу, в самом ближайшем будущем меж поднадзорными начнется война. Не локальная, те не прекращаются ни на фазу, постоянно полыхая то в одной, то в другой точке планеты. Начнется война глобальная, что вовлечет в себя все наиболее крупные и развитые группы предразумных и весьма отразится на их численности и дальнейшем развитии.

Рнаа изобразило цвет почтительного согласия, не кри-
вя душой. Большая война действительно назревала.

Здесьние поднадзорные, как и вся биосфера их планеты, оказались крайне гелиозависимы, так уж пошутила над ними эволюция. И на каждом пике коронарной активности местного светила, случавшимся один раз за одиннадцать с небольшим годовых планетарных циклов, у предразумных обострялась их врожденная агрессивность и стремление убивать себе подобных.

Но то была беда небольшая. Большая случалась реже, когда совпадали два пика.

Глубинные процессы в светиле тоже развивались циклично, и один раз в сто два годовых цикла два максимума совпадали. Тогда предразумные впадали в бешенство и начинали убивать себя с особым размахом. Всегда, без исключений, каждые сто два цикла, хотя изредка локальные причины сдвигали срок начала всепланетной бойни на цикл-другой.

Кровавое безумие обычно продолжалось несколько лет и сопровождалось гибелью значительной части популяции. Почти всегда у бойни случался не менее кровавый эпилог — спустя два или три десятка годовых циклов, — но тот от активности светила почти не зависел: просто маятник истории из крайнего положения пытался вернуться в точку равновесия, а дети побежденных в большой войне пытались взять реванш у победителей.

И сейчас глобальная бойня вновь назрела и могла начаться в любой момент — активность светила увеличива-

лась, и предразумные на глазах превращались в агрессивных животных, все быстрее утрачивая право называться предразумными.

Туиуу, разумеется, не преминуло рассказать общеизвестные факты, ладно хоть коротко, без лишних подробностей. Затем перешло к главному: оказывается, оно, Туиуу-1162-3355/187, изучило все локальные местные факторы, способные ускорить либо замедлить начало бойни. Оценило то хаотичное движение товаров и расточительное уничтожение ресурсов, что предразумные именуют экономикой (при всей своей хаотичности сей процесс тоже развивается циклично). Проанализировало все те столкновения интересов, что предразумные именуют политикой. Разобралось в причинах, ходе и возможных последствиях всех развивающихся в настоящий момент локальных войн предразумных.

И сделало однозначный вывод.

Вот какой: бойня начнется на середине следующего годовичного цикла, в ту его пору, когда ночи в Северном полушарии станут наиболее короткими, а дни, соответственно, максимально продолжительными.

Рнаа встретило новость равнодушно. Оно мечтало побыстрее очутиться в бассейне и весть о вычисленном начале бойне восприняло спокойно: ну да, многие поднадзорные погибнут, но что тут поделаешь, если эволюция встроила им такой вот предохранитель... Предохраняет их от перенаселенности и истощения ресурсов, а Вселенную — от их дикой агрессивности. Хотя Вселенная и без того в безопасности, шансы стать действительно разумными у местной фауны нулевые.

Туиуу продолжило бурную жестикуляцию псевдоподиями, перейдя от общей оценки перспектив к задачам, встающим в свете изложенного.

Задачи туиуу сумело изложить так, что Рнаа отвело взгляд от вертикальной стены метана и смотрело исключительно на транслятор: движения псевдоподий генерал-резидента удивительно напоминали движения ложноножек гигантских простейших Акрнаа, причем в

★ момент завершающей стадии охоты... Случайность? Ну-ну... Такого понятия у туиуу не существует, они способны были бы — мгновенно оценив множество параметров и мгновенно решив в уме несколько сложнейших систем дифференциальных и интегральных уравнений — безошибочно предсказать, аверсом или реверсом упадет металлический диск предразумных, используемый ими как генератор псевдослучайных исходов.

В названной дате начала большой войны Рнаа ни на миг не усомнилось.

И в том, что движения псевдоподий Туиуу-1162-3355/187 продуманы до мельчайших деталей, не усомнилось тоже.

Генетические страхи Рнаа, и без того не дремавшие, включились на полную мощность. И даже взгляд, сосредоточенный исключительно на трансляторе, помогал мало. Как туиуу сумело все просчитать и исполнить, негению не понять, однако транслятор одновременно доносил до подчиненного два послыла: «Что надлежит сделать» и «СЕЙЧАС СОЖРУ!!!».

Второй посыл был на порядки сильнее, и первый скользил по периферии сознания, не зацепляя. Хотелось, и все сильнее, грубо нарушить субординацию и лихорадочными высокими прыжками умчаться из гостевой... Увы, герметичный мембранный люк, ведущий в гостевую часть кабинета, блокировался наглухо.

Сделано это было не ради дополнительного ущемления Рнаа. Такова стандартная, инструкциями предусмотренная процедура: за стеной, в приемной, могли находиться сотрудники базы, для коих привычная Рнаа атмосфера стала бы мгновенно действующим ядом... Прецеденты случались, и самые неприятные, — инструкции, как известно, пишутся кровью. Или в данном случае скорее уместен аудиовариант инструкции, составленный из предсмертных хрипов отравленных.

Сколько длилась изуверская пытка, Рнаа не смогло бы ответить... Когда аудиенция завершилась и люк раскрылся, акраани торопливо выпалило уставную формулу по-

читительного прощания и умчалось такими скачками, словно по пятам гнались все хищные одноклеточные Акраа, каким-то чудом вырвавшиеся из тщательно охраняемого заповедника.

Лишь прошлепав через приемную и свернув в единственный открывшийся коридор — в тот, что предназначался для акраани и существ со схожим метаболизмом, — Рнаа сообразило, что только что произошло.

Вот что: его нагрузили новым срочным заданием и приказали исполнять почти немедленно, о двух фазах на дне бассейна можно было позабыть... А оно, Рнаа, загипнотизированное ужасом, не смогло ничем возразить, не выдвинуло ни единого резона против. Хотя на деле резонов, как объективных, так и субъективных, имелось с избытком. Одно лишь техническое состояние ДРК чего стоит — вполне сравнимо с физическим и психическим состоянием пилота-разведчика.

Но время для возражений бездарным образом упущено. Придется исполнять... Рнаа вспомнило, что пояска на церебровакуоли туиуу стал гораздо заметнее со времен их последней встречи — до начала процесса деления оставался совсем малый срок.

И акраани сообразило, что обрело новую мечту: когда на месте начальника появятся двое сестробратьев, пусть один не сожрет другого и не получит должность генерал-резидента и индекс 1162-3355/188. Пусть как-то исхитрятся и сожрут друг друга оба одновременно. Короче, пусть взаимоуничтожатся.

Такой исход митоза, разумеется, невероятен, но отчего бы не помечтать?

4. ЧЕТВЕРГ, 30 АПРЕЛЯ, УТРО

— Полчаса осталось, — сказал Олежка. — Они ж как по расписанию хреначат, я засек...

— Не ссы, успеем, — уверенно сказал Парамоша.

Парамоша никогда не сомневался в своей способности довести задуманное до успешного финала, таким уж

уродился. Ошибки и неудачи ничему его не учили. Он лишился левой руки, всей, начиная от плечевого сустава, а на правой уцелело три с половиной пальца, но врожденный оптимизм оттого не исчез. Таким вот человеком был Парамоша...

Ему перевалило на шестой десяток и, очевидно, Парамошей так и суждено было умереть. И если найдутся где-то Парамошины родственники и не поскупятся оплатить некролог в рамочке на последней странице районной газетки, то односельчане, увидев случайно тот некролог, не сразу и сообразят, что за Сергей Юрьевич Парамонов скончался в Апраксине... Потом воскликнут: «А-а-а, Парамоша!» — и все поймут.

Олежка не то чтоб любил Парамошу... Но, без сомнения, относился к нему лучше, чем ко всем прочим обитателям Апраксина, включая собственных родителей.

Во-первых, Парамоша не пил, разве что полстакашка по праздникам, а Олежка, по пьяни зачатый и среди непрекращающейся пьянки выросший, готов был блевать от одного лишь запаха водки. И внутрь Олежкин организм ничего крепче пива и портвейна не принимал.

Во-вторых, Парамоша помогал в исполнении третьей мечты. Совершенно бескорыстно помогал, он любил трудные задачки в том деле, где считал себя мастером. Он не пасовал перед трудностями — а когда в наличии есть лишь одна рука, то затруднения способны вызвать самые банальные действия. Кто не верит, пусть попробует... ну, хотя бы открыть бутылку с пивом, используя лишь одну руку. Трудности мигом возникнут.

А уж как Парамоша работал в своей мастерской... Как управлялся не только с тисками, молотком, ножовкой, но даже с токарным станком... Это надо видеть. Он был очень изобретательным, Парамоша, и придумал множество хитростей и множество приспособлений, помогающих компенсировать физический недостаток.

Зарабатывал на жизнь Парамоша делом насквозь криминальным, хотя преступником себя наверняка не считал. Он восстанавливал старое оружие, решая по-

путно множество нетривиальных технических задач, — только и всего.

А старого оружия в окрестных лесах и болотах хватало с избытком. Семьдесят лет находили и выкапывали, а меньше словно и не становилось. На самом деле, конечно, становилось, но в последние годы появились заморские приборы, металлоискатели, и ближние перелески, выскобленные, казалось бы, до донца, радовали новым урожаем.

Такие уж тут места... Война шла с сорок первого по сорок четвертый, и не просто линия фронта стояла неподвижно: наступление следовало за наступлением, а в промежутках случались контрнаступления: сначала неудачные попытки прорвать блокаду, потом удачная, потом попытка расширить узенький пробитый коридор, вновь неудачная, потом снятие блокады... При каждом из упомянутых сражений в землю ложились десятки тысяч и русских, и немцев, со всей амуницией, оружием и снаряжением. Болотистые земли, примыкавшие к Синявинским высотам, были буквально наспигованы костями и металлом...

Третья мечта Олежки была связана и с землей, и с затаившейся в ней ржавой смертью, но опосредованно. А так-то мечта, как и положено, парила в высоте...

Олежка с детства мечтал добыть и съесть дикого пролетного гуся: каждую весну гусиные стаи летали над Апраксиным. Такая вот у него была птица-счастье...

Рос он впроголодь. В родительском доме главный жизненный продукт вел борьбу на уничтожение с продуктами прочими, не главными. И одолел их, и уничтожил, и уцелевших изгнал почти всех.

Олежка же с главного продукта блевал, и даже от запаха его блевал. Он выживал, как мог, снабжая себя сам. По расписанию, по кругу столовался у знакомых. В школе получал талоны на бесплатные завтраки и обеды. Помогал в мгинском продмаге за еду, потребляемую на месте. Смастерил рогатку, научился запекать подстреленных

★ дроздов и голубей, и даже крякв случалось добывать на близлежащих болотцах.

А над головой каждую весну пролетали гуси — огромные, мясистые, аппетитные, не сравнить с дроздами.

Казалось, низко пролетали, но из рогатки не достать... Хотя, конечно, так лишь казалось, что низко — из-за больших размеров птиц, — и не достать было даже из ружья; иногда приезжали из города охотники, вставляли в полях на пути перелета, патронов расстреливали множество, но редко-редко, не каждую охоту, брали хоть птицу-другую, подбив самой крупной картечью.

Олежка подошел к делу воплощения мечты конкретно. Ружья он все равно не имел — от деда осталась двустволка, но еще в Олежкино малолетство отец ее пропил: опилил в обрез и загнал бандюкам, что наведывались к Парамоше за копаными и восстановленными стволами.

Четыре года назад Олежка соорудил агрегат, названный им «гусяная пушка». Соорудил из самолично откопанного противотанкового ружья. Конец ствола был сильно ржавый, Олежка его отпилил, и ружье стало противотанковым обрезом, раза в полтора короче прежнего, но Олежка решил: добьет до стаи и собьет хоть парочку, на гусях брони нет.

Прочую ржавчину он свел, как сумел, и калибр ружья за счет того прилично вырос. Но пружины восстановлению не подлежали, и после некоторой доработки пушка стала стрелять от удара молотком.

Разумеется, с рук при помощи молотка не пальнуть, да и отдачи Олежка опасался. Он соорудил нечто вроде лафета из двух досок и той части забора, что не успела обвалиться.

Обрезал несколько патронов по плечики гильз, сменил порох на свежий и заменил пулю (или снаряд? Поди пойми, чем это ружье стреляло) чуть не стаканом самолично отлитой неровной картечи.

Испытывал не на мишени — сразу на пролетающей гусяной стае. ЖАхнул молотком — осечка. И второй раз — осечка. А на третий ка-а-а-ак грохнуло!

Он надеялся, что выстрел «гусиной пушки» лишнего внимания не привлечет. В округе часто раздавались громкие звуки: и местные развлекались, и приезжие бандюки опробовали купленные стволы. Но, как на грех, поблизости случился участковый, у того был от начальства план по выявленным «самодельщикам». С серьезными людьми связываться участковый не хотел, резонно опасаясь за жизнь, здоровье и семью, и Олежка с его пушкой стал для мента подарком судьбы.

Отделался Олежка малым: учетом в ИДН, нещадной поркой и конфискацией чудо-оружия. Но больше всего расстроился от того, что ни один гусь с неба не свалился. Не то была пушка слабовато, не то слишком замешкался с двумя холостыми ударами...

Мечта осталась мечтой. И не давала себя забыть, каждую весну тянулась в небе с громким гоготаньем.

Новая идея пришла спустя два года, позапрошлой осенью. Олежка ездил с мгинским парнями прошвырнуться в Питер, хоть не любил там бывать, — город казался слишком огромным и крайне враждебным: и все тамошние менты, и вся тамошняя гопота — все, казалось, нацеливались обидеть растерянного Олежку. И вообще он не любил, когда вокруг много людей.

Но уговорили, поехал. И случаем угодил с пацанами на какой-то праздник корейской культуры: у СКК тусовалась нехилая толпа узкоглазых, но и нормальных людей не гнали, приветчали.

Корейские песни-танцы, что развлекали народ с эстрады, Олежке и его компании были по барабану, их заинтересовало другое: там с длинных столов бесплатно угощали всякой национальной фигней, парням же надлежало раздавать для куражу два пузыря, и можно было сэкономить на закуске.

Олежка водку не пил, он имел с собой немного портвейну, а тот и без закуси заходит. Но тоже подошел со всеми, грех не пожрать на шару.

Парни затарились острыми салатиками, мясного опасаясь: ну как подсунут собачатину? А Олежка и мясного

навернул за обе щеки. Едал он собачатину, правда, попростому сготовленную, без корейских выкрутасов, — мясо как мясо.

Отвалили от толпы в сторонку, с пузырями и добытой закусью, и тут у корейцев начался салют, и палили как раз вблизи с тем местом, куда парни отошли.

Олежка впервые видел салют так близко, чуть не вплотную, понравилось.

И наблюдая, как уходят вверх здоровенные, в рост человека, ракеты и расцветают в небе замысловатыми огненными фигурами, Олежка придумал: если вместо пиротехнической фигни начинить туда картечи, да болтов с гайками, да гвоздей — и по гусиной стае?

Потом он не раз возвращался к той мысли, вертел ее так и сяк и изъянов не находил: сработает!

Беда была в другом — он не чувствовал в себе знаний и умений, чтоб смастерить ракету. И обратился к Парамоше, того идея увлекла, он любил такие задачки.

...Ракета, что стояла сейчас на пусковой, имела имя собственное: «ПВ-3». Что в переводе значило: конструкторы Парамонов и Васин, третья модель.

Хотя, конечно же, конструктором был один Парамоша, а Олежка так, на подхвате. Помогал в изготовлении, как умел, да откапывал снаряды в видах извлечения артиллеристского пороха.

Две первые модели бесславно канули прошлой весной — летели неплохо и взорвались исправно, но с сильным недолетом, лишь распутав впустую гусиные стаи: Парамоша сказал, что на глазок длину шнура-замедлителя им в жизни не подобрать, гуси летают с погрешностью по высоте плюс-минус полсотни метров. Надо, кровь из носу, сладить радиовзрыватель.

Сладили, купив и разобрав простейшую игрушку с радиоуправлением. Пришлось на нее подкопить: выросши, Олежка подрабатывал в магазине уже в полную силу и брал не едой, деньгами; Парамоша тоже вложился. Но пока возились с новым взрывателем, пролет гусей закончился.

День сбычи мечт настал год спустя.

Олежка для такого случая не пошел в школу — гуси летали по утрам и вечерами, а в сумерках искать сбитых трудно. Парамоше было все равно когда, он нигде не работал.

Они стояли у готовой к старту ракеты и поджидали гусиную стаю. И чувствовали себя, как Королев, стоявший у ракеты с Гагариным. Хотя нет, не мог Королев себя чувствовать, как Олежка, не те у Королева были эмоции, послабее: не голодал небось в детстве, на пролетающих гусей облизываясь, — физиономия на фотках откормленная...

Вдали послышался слабый гогот. Подлетала стая, невидимая пока за деревьями.

Все было обговорено, распланировано и даже отработано на двух неудачных пусках. Олежка присел на корточки у хвостового оперения, зажег длиннющую «каминную» спичку — она могла гореть очень долго и не гасла на ветру.

Очень хотелось поднять голову, глянуть на подлетающую мечту, но Олежка сдержался, полностью сосредоточившись на запале. Он знал: Парамоша не подведет, скамандует вовремя, глазомер у него идеальный, как довелось убедиться при тех двух пусках. Нельзя подвести и ему, Олежке, промешкав с запалом.

— Давай!

Рука со спичкой отреагировала на команду мгновенно. Из сопла ударила струя искр, набирая силу. Олежка вскочил на ноги, отбежал подальше, к Парамоше, и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как ракета рванула с пусковой в небо, оставив за собою белый дымный след.

Пульт был сжат в единственной корявой Парамошиной руке, Олежка сам бы очень хотел нажать на кнопку, но признавал, что Парамоша заслужил это право.

Затраты на радиовзрыватель окупились сполна, взрыв грянул в нужный момент, без перелета и недолета.

Но...

Но оказалось, что гусям не понравилась неведомая фигня, подлетающая с дымом и шумом, — и птицы удалились врассыпную еще до подрыва боеголовки.

Великий замысел — вымести зараз полстаи бесчисленными осколками — не удался. Но все же совсем зря труды не пропали: Олежка следил за двумя гусями, явно подбитыми, тянувшими, снижаясь, в сторону... Далековато сядут, трудно будет найти.

— Туда гляди! — рявкнул Парамоша и развернул, вцепившись в плечо своей клешней.

Олежка повернулся и понял, что и в самом деле смотрел не туда. Третий гусь пострадал сильнее и не планировал — падал с высоты по наклонной.

Они впились глазами в падающую птицу, ни на что больше в целом свете не обращая внимания: поднялся б рядом ядерный гриб, не заметили бы.

Упал гусь невдалеке, они приметили место падения и со всех ног рванули туда. Сердце Олежки стучало как бешеное: один гусь или полсотни — неважно, мечта есть мечта.

Но вместо сбывшейся мечты его поджидал облом... Подбитый гусь как в воду канул — в прямом смысле как в воду: там случилось небольшое болотце с разводьями чистой воды.

Промокли, извазюкались, но добычу так и не сыскали, хоть осмотрели все — под каждый кустик и за каждую кочку заглянули.

Олежка не понимал, в чем дело: убитая наповал птица не тонет, а раненая и нырнувшая — выныривает, чтоб вдохнуть. Но гусь исчез, как и не было. Загадка...

Делать было нечего, пошли обратно к Апраксину. Парамоша не унывал он не умел унывать и толковал о ракете новой конструкции.

Олежка пропускал мимо ушей. Он понял вдруг, что мечта не сбылась, но как-то сама собой истаяла и развеялась, и на пролетающие над головой стаи он будет теперь смотреть спокойно. Случается такое с детскими мечтами, когда мечтатель взрослеет.

Олежка сегодня повзрослел.

И до завтра ему предстояло повзрослеть еще больше, но он пока о том не догадывался.

**5. ФАЗА 01011110,
ВЕЛИКИЙ ЦИКЛ 0111101101101,
ПОДЦИКЛ ЭВАА**

ДРК летел на автопилоте, и пилот его все действия выполнял тоже на автопилоте. Рнаа утомилось, как редко утомлялось за долгую службу. Даже сил злиться на туиуу не оставалось...

Оно обслужило уже девять пар разведывательных орнитороботов, те на всякий случай всегда летали парами. Вставило новые элементы питания и маршрут-чипы, провело тесты и профилактику и отпустило в полет. Теперь орнитороботам предстояло летать не со стаями существ, с которых они были в мельчайших деталях скопированы, — наособицу, другими маршрутами. Туиуу желало в подробностях изучить все начальные стадии предстоящей бойни предразумных.

Оставалась последняя пара, десятая. И все, на базу, в бассейн...

ДРК давно догнал стаю существ, среди коих летели орнитороботы, и пристроился в хвосте, никем не замеченный. Ни крылатыми существами, ни двуногими наземными... ДРК был надежно экранирован: его нельзя было разглядеть в любом диапазоне, и любые сканирующие волны он не отражал.

Разумеется, от атак материальными объектами ДРК прикрывали защитные поля. Еще не так давно во всех этих премудростях не было нужды, и первые модели ДРК летали над планетой, прикрытые лишь невидимостью... Но местные предразумные вскоре после получения такого статуса вышли на новый виток развития и, по своему мерзкому обыкновению, использовали все достижения для бессмысленной агрессии: развернули беспощадную охоту на мирных разведчиков с использованием радаров, ракет и боевых летательных машин... Пришлось усили-

вать защиту. А что будет, когда эти якобы предразумные разовьются еще сильнее? Ничего хорошего...

Впрочем, Рнаа о перспективах развития поднадзорных сейчас не задумывалось. Оно почти полностью утратило возможность задумываться, действовало на автопилоте и едва не пропустило момент, когда ДРК вышел из зоны действия всех радаров предразумных...

Действовать надо было именно сейчас — чтобы принять на борт орнитороботов, надо отключать защитные поля, а это всегда риск... Но все зенитные системы предразумных работают в связке с радаром, и все боевые летательные машины оснащены ими же. Инструкция предписывала строго: защитные поля отключать только в мертвых зонах радаров.

Рнаа чуть не пропустило нужный момент, но все же спохватилось — догнало стаю, отключив на ходу защиту, но все же оставаясь невидимкой... Затем заблокировало автоматическое включение защитных полей, чтобы не спалить невзначай безвинных крылатых созданий.

Первый орниторобот был уже принят на борт, когда взвыл сигнал тревоги. Рнаа взглянуло на экран и увидело несущуюся прямо в него — так казалось — ракету с белым дымным хвостом.

Ударить по клавише блокировки защиты было мгновенным делом, а все дальнейшее взяла бы на себя автоматика.

Акраани должно было успеть... Но не успело. В дело вмешался личный фактор. Фактор пилота, измотанного вторым подряд вылетом...

Истомленный мозг пытался увязать несовместимое: отсутствие радаров и ракету «земля—воздух», — и не сумел вовремя отдать команду мышцам.

Взрыв грянул в непосредственной близости от ДРК, и тот принял осколки, прикрыв собой стаю крылатых... Почти все они уцелели, а вот второму орнитороботу не повезло — поврежденный, он стал падать, и угодил в небольшой водоем, и тут же утонул в нем: робот, ничем внешне не отличаясь от объекта имитации, был тяжелее.

Рнаа за печальной судьбой орниторобота не следило, изо всех сил пытаясь выровнять полет ДРК, но ничего не получалось... Потом был страшный удар, и все для Рнаа померкло.

**6. ЧЕТВЕРГ, 30 АПРЕЛЯ,
УТРО, ДЕНЬ**

То, что произошло в тот день, наука уфология именует контактами третьего рода. Начался контакт с изумленной фразы Коляна Красницына:

— Что за *****? Глянь, Михыч!

Михыч продрался сквозь кусты. Они с Коляном были собратями по несчастью — оба женились на редких стервах — и собрались раздавить бутылочку ноль-семь паленки вдали от своих стервоз и их попреков, на лоне природы.

Но намечавшийся пикник испортили события странные и небывалые. Сначала в небе бабахнуло не пойми что, но громко. Затем земля содрогнулась так, что бутылка опрокинулась и часть паленки вытекла.

Разозленные приятели отправились разыскивать причину непонятного. Они надеялись, что у причины найдется морда и можно будет морду набить: бутылка обошлась им в сто рублей, не хрен собачий. Взамен причины и ее морды нашлось вот ЭТО.

Изучив со всех сторон находку, Михыч постановил:

— Спутник ***** точно. Вот так живешь, живешь, а тут ****! — неведома херня на бошку ***** и полбутылки как не бывало. Наука, мать ее...

— *** буду, спутник, — согласился Колян. — Сейчас ***** вертолеты прилетят, с ***** наукой, точно...

За спутник неведомый объект контактеры приняли неспроста. Был он не велик, и пилотировать его не смогли бы даже карлики.

Они допили уцелевшую паленку, устроившись неподалеку от спутника, но та пошла как-то скучно, без предвкушаемой радости... Потолковали о том, не отвалит ли

науча деньжат первым нашедшим, и сошлись во мнении, что ничего не обломится.

Время шло. Наука не появлялась. И даже вдали вертолеты не стрекотали. Мысли приятелей свернули на иное, привычное.

— А ведь титан, а? — сказал Михыч, пнув ногой спутник.

— *** буду, он, — согласился Колян. — И сколько, интересно, эта ***** потянет?

— *** знает, что там внутри... Тонна тут точно есть. А то и две. А то и три.

Потом они занялись арифметикой. Переводили тонны в килограммы, перемножали на закупочные цены в приемном пункте цветмета.

И получалось, что если наука не объявится, а спутник распилить и сдать, то они станут богачами. Рокфеллерами. Ротшильдами.

Стрекотание вертолетов они уже боялись услышать... И торопливо разрабатывали план действий.

Невдалеке, метрах в трехстах, тянулась электролиния, обычная трехфазка. Она и подсказала решение: накинуть две зацепки, на ноль и на фазу, потом собрать по Апраксину удлинители под благовидным предлогом, срастить и протянуть сюда. А дальше болгаркой, дело привычное... Грузовик для вывоза Колян обеспечит, а с Михыча — болгарка с дисками. Ну а наука пусть отсосет, если даже обнаружит место падения. Нехрен клювом было щелкать...

Действовать стоило быстро.

И они начали действовать.

**7. ФАЗА 01011110,
ВЕЛИКИЙ ЦИКЛ 0111101101101,
ПОДЦИКЛ ЭВАА**

Компенсаторы спасли Рнаа от смерти, и только. Оно чувствовало, что внутренние органы повреждены и необходимо как можно скорее попасть на базу, в ее медицинский блок...

Но выбраться своими силами не удастся. Трудно было представить, что предразумные сумеют сбить ДРК новейшего поколения, да еще так повредить, что будет потеряна способность к дальнейшему полету. Но они сумели.

Наложились сразу несколько маловероятных случайностей: и отключенные поля, и паршивое состояние пилота, и ракета, возникшая там, где никак не могла возникнуть... Однако и сочетание этих трех факторов не сумело бы свалить ДРК. Вмешался еще один: осколок по немыслимой траектории угодил в щель воздухозаборника, отрикошетил внутри и что-то повредил... Что именно, сейчас не разобратся, но левый гравикомпенсатор, давно барахливший, вышел из строя. Случись все в космосе или в атмосфере, но на приличной высоте, беды бы не было, борткомпьютер успел бы перенастроить второй гравикомпенсатор, ДРК потерял бы часть функциональных возможностей, но на базу бы сумел вернуться.

Но все случилось на сверхнизкой высоте. Компьютер ничего не успел. ДРК рухнул.

И оставалось лишь надеяться на помощь. Передатчик не поврежден и шлет сигнал на аварийной частоте — прямиком на пульт оперативного управления базой. Туда сходятся сотни и тысячи сигналов одновременно, но оператор мгновенно выделит из этой разноголосицы сигнал Рнаа и мгновенно примет решение. Потому что оператором работает гений — мелочный, завистливый, пакостливый гений туиуу.

И как бы пакостливо ни было Туиуу-1162-3355/187, не выслать помощь оно не посмеет.

Акраани понятие не имело, что стало жертвой мироздания, исполнившего его мечту.

...Туиуу-1162-3355/187 готовилось к митозу и слегка тревожилось: а вдруг в неизбежной после деления схватке победит не возрожденное оно, а генетический мусор, достойный лишь поглощения? До сих пор всегда получалось иначе, но все когда-то случается впервые. На самотек такие вещи пускать нельзя... И гений придумал способ

★ уничтожения генетических отбросов на расстоянии, без схватки и поглощения. Нарращивать размеры придется дольше, зато любой риск исчезает.

План был прост в исполнении и гениален в задумке. Но, на беду, оказался продублирован в обоих разделившихся церебровакуолях сестробратьев: привели они в план действие одновременно, и их не стало.

Взаимоуничтожились, как и мечтало Рнаа. На самом деле план, хоть и гениальный, уже не раз был придуман и исполнен — недаром число гениев-туиуу неуклонно сокращалось.

Последствий своей сбывшийся мечты Рнаа не просчитывало, мечтая не совсем всерьез.

А состояли они, последствия, в том, что база на какой-то срок осталась фактически без управления, слишком уж оно было замкнуто на гениального командующего...

Разумеется, со временем все устаканилось. И вместо одного гения с входящей информацией стали работать два десятка обычных грамотных операторов. Но аварийный сигнал Рнаа они не засекли — к тому времени и внешние антенны, и все прочие выступающие части ДРК оказались срезаны болгаркой Михыча.

8. ЧЕТВЕРГ, 30 АПРЕЛЯ, ДЕНЬ

Трудно понять, как так получилось, но вместо двух изначальных контактеров у спутника собрались жители Апраксина в количестве аж тринадцати персон.

Не сговаривались, но все оказались тут...

Степка Журавлев удивился, что Колян просит у него удлинитель, хотя только что тащил по улице два, и длинных, — удивился и решил проследить.

Еще двое были привлечены издалека видом Михыча, взгромоздившегося на столб и цеплявшего на провода палки с крюками.

Денис Васин (отец Олежки) сам напоролся на спутник, случайно оказавшись невдалеке.

Ну и так далее... Первооткрыватели пытались отстоять перед вновь прибывшими свое право на находку или хотя бы на большую ее часть. Но под угрозой кулачной расправы были вынуждены признать: бог велел делиться, и делиться по справедливости.

Большой компанией разделявать спутник оказалось и быстрее, и веселее. Притащили вторую болгарку, и кувалды с зубилами, и лопаты, и ломы, и тачку. И подогнали грузовик. Степка Журавлев даже приволок радиометр, что слямзил на былой работе. Степка считался в Апраксине большим знатоком радиации, хотя работа у него была тупая: после проезда через станцию Мга каждого состава с радиоактивными отходами Степка ходил вдоль путей и проверял, не капнула ли где опасная гадость.

...Когда диск болгарки начал вскрывать внутреннюю оболочку, изнутри потянуло такой лютой вонью, что народ шарахнулся от полурастерзанного спутника.

Родилась версия: гниды-ученые захреначили в космос какую-нибудь белку-стрелку, а та сдохла и протухла.

Кое-как, отворачивая в стороны рожи и дыша через раз, выпилили два больших куска с двух сторон, чтоб протянуло сквозняком, потом долго ждали, когда проветрится.

Белок-стрелок оказалось целых две. Дохлый гусь, причем дикий. А еще — неведомая зверушка, которую поначалу никто не смог опознать. Мягкая, кожистая, с дыню средних размеров — и была эта как бы дыня еще жива, пульсировала и шевелила непонятными отростками.

Возможно, внешний вид «дыни» навел бы контактеров на кое-какие мысли, возможно, даже на правильные... Но Колян вспомнил, что видел такую штуку на канале «Дискавери», и называется она «морской огурец», и как-то еще называется, но второе название Колян запомнил. Но самая-то ржак: если этот огурец перевернуть, там у него снизу щель, ну натурально бабья, ну прямо хоть бери и пользуйся...

Перевернули — и впрямь щель, мясистая такая, влажная, сокращающаяся. Но пользоваться охотников не нашлось, потыкали туда веткой, огурец дергался забавно.

Рнаа умирало, убиваемое атмосферой, перенасыщенной кислородом сверх предела и лишенной газообразных сернистых соединений, необходимых для дыхания акрани. Оно потеряло сознание и не меняло цвет, окрасившись в тускло-розовый, в цвет смерти, и не понимало, что с ним делают, и реагировало на все усилия контактеров рефлекторно. И рефлекторно выпустило струю белой жгучей жидкости, когда обломанный конец ветки воткнулся особенно глубоко.

Струя ударила далеко и сильно и угодила на рожу Коляну: тот старательнее всех изгалялся над огурцом.

Колян взвыл, стряхнул белую гадость с лица, проморгался — и тут же схватился за штыковую лопату.

Хрясь! — лопата рассекла огурец почти пополам, и в стороны полетело вовсе уж мерзкое и вонючее.

Рнаа погибло именно так, как и мечтало некогда, наивной личинкой в бассейне инкубатория, — на фронтире, на переднем крае наступления на галактический хаос... И там же, на фронтире, было похоронено. Вернее, слегка присыпано землей — чтоб не марать подошвы и не поскользнуться на мерзкой жиже.

9. ЧЕТВЕРГ, 30 АПРЕЛЯ, ДЕНЬ

Он послонялся по дому, не зная, чем заняться после неудачной охоты. На учебу ехать смысла нет — сейчас у электричек перерыв, а как закончится, так только к концу учебного дня и доберешься... Телик давно пропит, а комп изначально был несбыточной мечтой.

Олежка находился в доме один. Отец мелькнул было и усквозил куда-то, целеустремленный и деловитый: видеть, имелась у него нешуточная надежда раздобыть на выпивку.

Мать же Олежка не видел уже дней десять, вроде та

укатила проветриться в Мгу, да там и зависла: обычное дело, бухает и блядует. Мать в последнее время совсем пошла вразнос и давала уже не за бутылку, как недавно, — за стакан, пусть даже самого отвратного пойла. Страшна стала, как атомная война, и Олежка надеялся, что долго она не протянет. Отец иное дело... этот еще небо покоптит, здоровье вообще и печень в частности родитель унаследовал от предков на диво крепкие. А жаль.

Не зная, чем заняться, он прилег поспать: ночью толком не выспался, взбудораженный возможной сбывшейся последней мечты.

Прилег в одежде, он часто спал в одежде — снятую могли унести и пропить, — и был разбужен стуком в дверь, а за дверью оказалась Танька.

Он удивился: она никогда здесь не бывала и от всех приглашений отказывалась. А тут вот сама... и адрес у кого-то разузнала...

Олежка приготовился оправдываться за пропущенный день: Танька училась куда лучше, и пыталась подтянуть его, и за прогулы спуска не давала, характер у нее порой проявлялся жесткий... стервозный характер, как определял его Олежка, сам понимая, что не совсем прав.

Но Танька ничего не сказала о прогуле, ни словечком не попрекнула. Завела о другом, с порога огорошив:

— Я с родителями поговорила... ну, про тебя... и отец сказал...

Она замолчала. Олежка только сейчас сообразил, что голос у Таньки подрагивает неспроста. И глазки поблескивают неспроста тоже, и вообще красные, и нос припухший, видать, плакала.

Назревало расставание... Олежка и сам мог без труда сформулировать суть родительских слов, сказанных Таньке: нехрен водиться с апраксинской жертвой пьяного зачатия, добром не закончится. А Танька отца уважала, и заслуженно: работал тот на заводе и зарплату до дома доносил, а если пил, то в праздники и в меру.

Танька вдохнула глубоко, выдохнула и сказала-таки:

— Он сказал, чтоб ты к нам переезжал... нельзя тебе тут... Ну, чтоб насовсем переезжал. Жить вместе будем. Ну, в общем... по-настоящему вместе... Ты согласный?

Олежка стоял, как кастетом пришибленный. Разинул рот, а прикрыть забыл. Мечтал о всякой херне, а тут такое... Само свалилось с неба, взамен подбитого гуся. Плевать на трах, как она скажет, и сколько скажет, так и будет...

Но он вырвется отсюда. Не дожидаясь армии, за полгода до армии начнет жить, как человек. У него не было слов, чтоб выразить все, что думал.

Потом он понял, что слова надо сыскать, и срочно, потому что глаза у Таньки блестят все сильнее, и она явно собирается зарыдать. Не поняла, дура, его ошарашенного молчания, думает, что он способен выбрать здешнюю как бы жизнь...

— Согласный, ясный пень, — сказал он торопливо.

И добавил глупое, призванное скрыть то, что он думал, но не умел сказать:

— Хоть в комп наконец наиграюсь...

Она все-таки зарыдала, но у него на груди. Олежка понял, что мечта сбылась. Не там, не на четвертом этаже во время дискотеки, фигня была там, а не сбывча мечт... Мечта вообще сбылась... он не понимал, как даже в мыслях все точно выразить, но знал наверняка: сбылась.

А гуси пусть летают...

Спросил, когда переезжать, и получил ответ: да хоть сегодня, Танька боялась ждать лишнего. Да и он не видел причин медлить и сказал, что сейчас соберется.

— Ты это... давай-ка на станции меня подожди... — скомандовал он, но заметил, что невзначай, абсолютно того не желая, копирует интонации отца, обращавшегося к матери, и закончил так, как отец никогда не говорил, — объяснил и растолковал:

— Если мои вдруг вернутся, говна до небес навалят, и тебе заодно прилетит.

— Я невядалеке подожду, — сказала Танька твердо. — Вон там, у берез. Собирайся быстрее.

Олежка понял, что, как у отца с матерью, у них с Танькой не будет... Но лишь порадовался тому.

...Собраться труда не составило. Живя с двумя алкоголиками, тащившими из дома все, многочисленными пожитками обзавестись трудно.

Выходя, он напоролся на отца и удивился.

Отец уже успел принять на грудь, и не слабо, но Олежку удивило не это: кошелка в родительской руке была полным-полна бутылок водки, да не паленки, а дорогой, магазинной... Чудеса. Совсем недавно он бы подумал с надеждой, что отец ограбил магазин или сотворил что-то вроде того и может присесть надолго.

Теперь стало все равно, и Олежка собрался пройти мимо, проигнорировав родителя.

Они в последние времена игнорировали друг друга, и, наверное, сейчас Олежка имел шанс тихо и мирно исчезнуть из отцовской жизни, но не сложилось: Денис Васин как раз дошел до той стадии опьянения, когда жизненно необходимо до кого-то докопаться.

— Куд-да?! — спросил он нехорошим голосом, до боли знакомым и памятным.

Олежка, мгновенно передумав, вломил отцу со всей мочи — прямым в рожу, как лупцевал Бубна, и даже сильнее.

Денис не рухнул, но оттого лишь, что впечатался спиной в стену. Сыновний кулак разнес ему лицо и выбил два передних зуба, а может и больше, но выплюнул Денис вместе с кровью только два.

Кошелка тоже отлетела и ударилась о стену, бутылки разбились, и от густого водочного духа Олежка чуть не сблевал.

Родитель смотрел мутными бессмысленными глазами и медленно сползал по стене. Олежка хотел добавить пару раз ногами, после такого начала нет смысла сдерживать все накопленное за семнадцать с лишним лет... Но, уже отведя ногу, раздумал: накопилось столько, что может и убить невзначай, а садиться именно сейчас нельзя ни в коем разе.

Он шагал к поджидавшей его у берез Таньке, поглядывал на рассаженные костяшки кулака и думал: оказывается, у него имелось не три мечты, а целых четыре.

Олежка не знал, что до предсказанной гениальным туиуу глобальной войны остается 402 дня с часами и минутами и что он, Олежка, погибнет на семнадцатый ее день и никогда не увидит их с Танькой сына.

Не знал и думал, что три мечты из четырех до службы в армии все же успели сбыться, а четвертая перестала быть мечтой и стала детским баловством...

Три из четырех — если вдуматься, неплохой результат.

КОНТАКТ

 елефончик оставите? — спросил Денис. Девчонки за соседним столиком переглянулись. Хихикнули — так синхронно, будто долго репетировали этот смешок.

— Я не оставляю, — сказала брюнетка. — У меня парень ревнивый, ужас просто.

— А я оставляю, но ему, — сообщила рыженькая. И махнула телефоном в мою сторону: — Лови, молчун!

Я достал свой телефон, на экране которого уже высветилось «вам брошен контакт». Надо было, конечно, сразу отклонить, но тогда контакт «вернулся» бы рыженькой. А мне не хотелось ее обижать.

— Спасибо, — сказал я. — Позвоню!

Рыжая девчонка секунду ожидала — считалось неприличным принять чужой контакт и не кинуть своего. Потом надула губки и встала:

— Наташка, пойдем. Эти ребята, наверное, самодостаточны. Мы им неинтересны.

— Неправда! — возмутился Денис вслед. Потом повернулся ко мне и вздохнул: — Вот так всегда! Чем меньше женщину мы больше, тем больше меньше она нам! Я четверть часа соловьем разливался, а ты сидел, улыбочки строил. Но контакт кинули тебе, а я в игноре!

— Да нужен мне этот контакт... — мрачно сказал я. — Сейчас сотру.

— Ты чего, псих? — поразился Денис. — Славная девчонка, куда интереснее этой Наташки. А с Варькой ты порвал, я же знаю.

— И что с того?

— До сих пор переживаешь? — продолжал допытываться Денис. — Ты уже третий месяц ходишь один. Ну, ладно, была сессия, а ты у нас отличник. Хорошо. А сейчас чего? Лето! Каникулы! И ты ни с кем не знакомишься!

— Может, я разочаровался в женщинах, — сказал я.

— И что, мужчинами очаровался? — удивился Денис. — Не ври, видел я, как ты на эту рыженькую поглядывал... Как ее хоть зовут-то?

Я неохотно глянул на экран.

— Маруся. Девятнадцать лет.

— Мое любимое имя, — вздохнул Денис. — Мой любимый возраст. Мой любимый цвет волос. И мой любимый размер...

— Да ну тебя, — сказал я, допивая кофе.

— Брось мне контакт? — попросил Денис, понизив голос.

— Это свинство, — отрезал я.

Дать кому-то чужой контакт без разрешения и впрямь считалось свинством. Отец мне рассказывал, что в его юности можно было спросить у кого-нибудь, допустим: «А ты не знаешь телефон Лены?» И это было в порядке вещей!

Сейчас только такой безбашенный парень, как Денис, может ляпнуть «дай контакт». Все ему не всерьез, все хиханьки-хаханьки. Другой бы постеснялся, а уж если сказал бы — со стыда покраснел. А ему как с гуся вода.

— Да шучу, шучу, — махнул рукой Денис. — Нет, признавайся, Андрюха: ты чего контакт хочешь стереть? Девушка тебе понравилась, я вижу. Ты сейчас один, Варька тебя сама кинула, и по-свински, ты ей ничем не обязан. Дел у тебя никаких нет, ты вроде весь июль никуда не едешь. Да я бы сегодня же позвонил этой рыжухе!

Я вздохнул. Похоже, Денис не собирался оставить меня в покое. Хуже нет, когда друг решил на тебя хорошо повлиять — заставить спортом заняться, в экологический поход пойти или с девушкой познакомиться.

— Не умею я общаться по телефону, — объяснил я. Некоторое время Денис улыбался, потом нахмурился. Потом покрутил пальцем у виска:

— Ты чего, Андрюха? Мы с тобой час назад созванивались, когда решали, где встретимся. Вроде как ты говорил нормально.

— С девушками не могу, бабда ты! — разозлился я. — Начинаю мямлить. Краснеть. Дурить. Какие-то глупости говорить. Рожи корчить. Мы и с Варькой расстались после того, как она в больницу с козым гриппом попала. Навещать нельзя, сам понимаешь, она просила звонить. Ну, я начал звонить... Она вначале решила, что я дурака валяю. А потом сказала, что больше не может ко мне нормально относиться.

Денис прищурился:

— Так ты что... ты фонофоб?

— Не совсем, — ответил я. — Только с девушками. И только с теми, кто мне нравится. С сеструхой могу сколько угодно болтать. Одноклассникам, которые не нравились, звонил миллион раз. Лейле или Марине позвонить, задание спросить — да не вопрос! С Варькой не мог говорить по телефону.

— И с этой, Машей, тоже не можешь? — уточнил Денис. — То есть она тебе понравилась, все дела... Но ты боишься ей позвонить.

— Да не боюсь! — повысил я голос. — Что ты глупости говоришь! Я просто начну мямлить, кривляться и пороть чушь, если ей по телефону позвоню.

— А если только голосом, без видео? — поинтересовался Денис.

— Никакой разницы. Только девушки еще больше напрягаются. Говорят: «Ты что, не один? Почему ты видео отключил? Наверное, у тебя другая подружка и ты с ней прикалываешься? Или с друзьями сидишь, надо мной издеваешься?»

— Ну дела, — поразился Денис. — А впрямь ведь... Если бы мне позвонила подруга и видео не включила, я

бы от ревности с ума сошел! Один раз, может, и ничего, а постоянно — напрягает.

— В старину было проще, — сказал я. — По телефону можно было только говорить...

Я встал и махнул телефоном над кассовой пластиной стола.

— Два эспresso, пирожное «Венский лес», — сообщил телефон. — Два рубля, четырнадцать копеек. Оплатить?

— Оплатить, — подтвердил я, пряча телефон. Сумма была маленькая, никаких кодов и отпечатков пальцев не требовалось, в таких случаях телефон верил на слово.

Денис оплатил свой кофе и чизкейк, мы вышли из кафе. Похоже, мой рассказ друга огорчил.

— Тебя надо спасать, — сказал он. — Хочешь, я сам позвоню этой Маше? И расскажу про твою проблему. Что с тобой надо встречаться вживую...

— Ага, спасибо, — саркастически ответил я. — После чего Маша тут же влюбится в такого заботливого друга.

— Сорвалось, — честно признался Денис. — Ладно, не горюй. Я знаю, как тебе помочь.

Я только фыркнул.

— Знаю-знаю! — Денис схватил меня за рукав. — А ну-ка, качни себе программу «Доппельгангер».

— Какую программу? Зачем?

Мы уже подошли к велостоянке, больше всего мне сейчас хотелось вскочить в седло и рвануть через зеленую летнюю Москву, от Пушкинской площади к Воробьевым горам, напрямик...

— Сейчас увидишь!

Спорить с Денисом было бесполезно. Я достал телефон, вошел в магазин и нашел программу. Была она, как положено, шароварной, с добровольной оплатой, что меня порадовало. Понравится — куплю, но хотелось бы разобраться, нужна ли она мне.

Программа скачалась быстро, секунд за сорок, в ней и гигабайта не было. Я авторизовался, телефон зарегистрировал копию «Доппельгангер» за мной и спросил

разрешение на использование камеры, микрофона, архива текстовых сообщений и записей разговоров за последний месяц.

— Разговоры-то мои ему зачем? — удивился я. Раньше все телефонные разговоры хранились только на правительственных серверах, чтобы ловить преступников, но последний год стало модно иметь записи своих разговоров — чтобы можно было легко что-то уточнить.

— Увидишь, — усмехнулся Денис. — И покривляйся немного в камеру.

Я без особого энтузиазма скорчил пару физиономий, почесал нос и зевнул.

— Программа установлена, активирована и готова к использованию, — сообщил телефон. — Начать работу программы «Доппельгангер» в фоновом режиме?

Я посмотрел на Дениса, тот энергично кивал.

— Валяй, — сказал я.

Денис немедленно достал телефон и сказал:

— Доппель. Звони умнику. Я на Таити.

— Вот как я у тебя записан! — возмутился я, даже не заинтересовавшись «Таити».

— А что? — Денис пожал плечами. — Ты же не дурак, верно?

Телефон внезапно пискнул. Негромко, совсем не требовательно. Никакого звонка... и хорошо, а то на звонок Дениса телефон сообщает: «Звонит лентяй!»

Я посмотрел на экран.

И обомлел.

Экран был разделен на две части. На одной — улыбался Денис на фоне тропического пляжа. На другой части экрана был я! Я, сидящий дома, за столом! С очень сосредоточенным лицом.

Я посмотрел на Дениса. За его спиной был памятник Пушкину, на фоне которого снималась группа японских туристов. Японцам хоть скворечник на дерево повесь — будут на его фоне сниматься. Когда смотреть-то фотки успевают!

— Привет, Андрюха! — сказал Денис с экрана. Он был гол до пояса, загорел и весел. За его спиной шумел океан.

— Привет, Диня, — буркнул я с экрана. Совершенно нормальным, своим голосом!

— А я знаешь где? — веселился экранный Денис.

— Ты на Таити, — с отвращением ответил с экрана другой я. — А я сижу в общежитии и зубрю матан...

— Не завалил бы сессию, тоже отдыхал бы, — настоятельно сказал Денис.

Телефон снова тихонько пискнул. Похоже, он сигнализировал каждые пятнадцать секунд.

— Не у всех такие богатые и добрые родители, чтобы подарить тур на Таити, — огрызнулся другой я. — Не сыпь мне соль на рану, Диня. Мне завтра пересдавать, а я еще полсеместра не повторил...

Я выключил телефон и посмотрел на Дениса:

— Ну? Что это значит?

— Видишь, как программа четко симитировала нас? — спросил Денис. — Причем я-то что, я ею год пользуюсь! А тебя за минуту скопировала. И твое «Диня» — ты же меня так только по телефону называешь. Подколочку про богатых родителей...

— Извини, — вздохнул я. — Так что, это искусственный интеллект?

— Нет, конечно! Но очень хороший имитатор. Она анализирует твой лексический запас, манеру разговора, копирует твою внешность, создает фон за твоей спиной. А потом ведет в твоём стиле разговор по разным темам. В фоновом режиме, по умолчанию, стоит профиль беседы «Я занят». Поскольку ты студент, то программа показывает, что ты учишься. Но сейчас лето. Поэтому разговор идет о том, что ты завалил экзамен и у тебя пересдача. Представляешь, как удобно? Чтобы никто не отвлекал, не уговаривал пойти в клуб, к примеру. А есть профили «Дружеская болтовня», «Звонок маме», «Легкий флирт». Есть и профиль «Знакомство с девушкой».

— Денис, но это... как-то нечестно! — Я развел руками. Отцепил от стойки велосипед. — Слушай, чудеса технологии, но... как-то нечестно!

— Андрюха, технология мешает тебе познакомиться с девушкой, — сказал Денис. — Так пусть же другая технология исправит эту проблему!

Я задумчиво смотрел на Дениса, забирающегося на свой старенький велосипед...

— Слушай, — сказал я, — а твой папа действительно владелец фабрики в Рязани? И ты действительно летал прошлым летом на Кубу и на Таити? А потом ездил в Лондон на игру «Спартака» и «Челси» и сидел в ложе владельца, откуда всем нам звонил?

— Догонишь — скажу! — ответил Денис и рванул по велодорожке.

Конечно же, я его догнал на набережной, я лучше Дениса езжу. И конечно же, я ничего не стал спрашивать. Ну зачем? И так все было понятно.

Программу «Доппельгангер», как я понял, когда-то сделали в качестве автосекретаря. Обычный телефонный секретарь тоже можно спутать с живым человеком, особенно если хорошо настроить ему логику, а внешность взять не у кинозвезды. Но телесекретарь предупреждает, с кем ты имеешь дело.

А эта программа изображала владельца телефона, и очень успешно. На нее можно было скинуть скучные и тяжелые разговоры — я порылся в Сети и нашел массу профилей. Одних только «Сообщить девушке о разрыве отношений» было семь штук! Правда, «Сообщить парню о разрыве отношений» было сорок шесть. Наверное, девушки более деликатны... Были профили распространенные: «Пожаловаться учителю на плохое самочувствие» или «Укорить сына или дочь, что давно не звонил пожилым родителям». А были очень экзотические: «Убедить издательство в том, что обложка для бестселлера уже

практически готова» или «Договориться о вязке с чемпионом породы бесплатно».

Но то, что нужно было мне, имелось даже в стандартной комплектации программы. «Поболтать с девушкой, с которой обменялся контактами, и пригласить ее на свидание».

Я валялся на кровати, держа в руках телефон, и размышлял. Прав Денис, предлагая мне пойти на мелкий обман, или не прав?

Фонофобия — болезнь редкая, но противная. Ее знали еще в двадцатом веке. Но в полной мере она появилась совсем недавно, лет десять назад, когда стали массовыми видеозвонки. Кто-то начинает мямлить, кто-то ковырять в носу, кто-то глупо кривится в камеру...

А кто-то все сразу. Но только если говорит с понравившейся ему девушкой.

Я даже пробовал лечиться. Один врач прописал успокоительные таблетки. Другой — лечебный гипноз. Третий отправил ходить на курсы йоги.

Я стал спокойным, как сытый удав, засыпал при виде гипнотизера и мог принять позу дханурасана, которая полезна для спины и печени.

Но по телефону разговаривать с девушками все равно не мог...

— Да что я сомневаюсь? — произнес я вслух. — «Доппельгангер», звони на последний добавленный контакт, Маруся. Профиль «Поболтать и назначить свидание».

Прошло секунд двадцать, прежде чем Маруся ответила. Похоже, она сидела в библиотеке.

— Да? — с сомнением сказала она.

— Привет, — ответил мой двойник. — Я Андрей. Ты мне дала контакт вчера в одиннадцать часов сорок минут, в кофейне «Московская Вена» по адресу Малая Дмитровка, дом четыре.

Я, конечно, не стал бы так точно называть время и адрес. В этом месте программа немножко переусердствовала.

Но интонации у меня-другого были замечательные, лицо приветливое. В общем, мне понравилось.

— Да, — сказала Маруся. — Я тебе дала вчера контакт. Что, решился позвонить?

— Как видишь, — непринужденно отозвался я-другой. — Извини, а я не мешаю?

— Да ничего. — Маруся поморщилась. Оглянулась. — Никого тут нет, не помешаешь... Я одна готовлюсь...

— Пересдача? — посочувствовало мое второе «я».

— Что ты! — Девушка даже обиделась. — У меня выпуск через год, я решила этим летом начать готовить дипломную работу...

Телефон пискнул. К сожалению, это попискивание, обозначающее пятнадцать секунд разговора, отключить было нельзя.

— Какая ты молодец! — восхитился мой двойник. — А я не могу себя заставить летом серьезно заниматься. Ты на кого учишься?

— Инженер-теплофизик, — ответила Маруся.

— Ничего себе! — Мой двойник даже присвистнул. — Я не смог поступить, не прошел по баллам. Вот, институт международной торговли заканчиваю.

— Тоже нужное дело, — утешила меня Маруся. — У меня подруга вообще на рекламу и пиар поступила, больше никуда не взяли. Вначале рыдала, а сейчас ходит гордая и доказывает, что реклама тоже нужна обществу...

Мой двойник весело засмеялся, я тоже. У меня наконец-то отлегло от души. «Доппельгангер» явно справлялся с задачей. И Маруся оказалась именно такой девушкой, с которой хотелось познакомиться.

Разговор шел еще минут десять, потом Маруся вздохнула:

— Ты извини, но мне все-таки работать надо. Созвонимся завтра?

— А может, встретимся? — предложил мой двойник. — Можно в кафе. Можно пойти на танцы. Можно в кино.

— Пока не знаю, — ответила Маруся. — Во-первых, мы едва знакомы. Во-вторых, давай для начала созвонимся и решим?

На том разговор и закончили.

Я некоторое время размышлял, потом решил, что все получается хорошо. Может быть, даже великолепно. Завтра или послезавтра мы встретимся, и я, наверное, даже расскажу Марусе про свою маленькую хитрость.

Она умная девушка. Она поймет и не станет обижаться.

Но завтра встретиться не получилось, не вышло и через два дня, и через три. Маруся была вся в своей дипломной работе, все дни не вылезала из своей библиотеки. И вообще, она, оказывается, считала, что, прежде чем начать встречаться, стоит получше узнать друг друга.

Я, впрочем, сильно расстраиваться не стал. Мне даже нравилось, что она такая серьезная, обстоятельная, по-хорошему старомодная девушка. Порывшись в настройках «Доппельгангера», я подключил несколько новых профилей, расширил его словарный запас, накачал интересных фонов, добавил своих фотографий. С большим трудом, но смог все-таки взломать код и отключить пищалку — незачем мне напоминать, что это общается компьютерная программа, я и сам это вижу.

Конечно, мобильник, даже современный и мощный, как у меня, не мог самостоятельно вести такие содержательные диалоги и так правдоподобно изображать человеческую мимику. Как я понял, вся основная работа шла где-то на удаленном сервере, с мощными вычислительными машинами и базами данных. Но об этом я предпочитал не задумываться. Все-таки телефон — это вещь интимная, часть тебя. Ему можно доверить разговор с любимой девушкой, а вот какому-нибудь китайскому или индийскому серверу позволять говорить за тебя о любви — не совсем прилично.

Две недели пролетели как в тумане. Я забросил велосипед и отказался ехать к родителям на дачу. К счастью, Денис куда-то подевался и не мешал болтать с Машей.

Как-то раз прислала сообщение Варвара — я понял, что она не прочь помириться, что ее уже не раздражает моя нелюбовь к телефонным разговорам. Но я даже не ответил — у меня была Маша. И пусть разговоры за меня вела программа, а я был только слушателем, это ничего не меняло. «Доппельгангер» стал частью меня. Лучшей частью, которая не боится телефонных разговоров.

А потом случилось ужасное.

Я позвонил Маше поздно вечером. Она в это время обычно была дома, мы болтали, когда она уже лежала в постели. Я рассказывал ей о прочитанных на днях книгах и просмотренных фильмах («Доппельгангер» брал информацию о них из ридера и плеера моего телефона), обсуждали музыку, рассказывали какие-то анекдоты...

Ну, я-то, конечно, ничего не говорил. Я лежал, слушал, смотрел на Машу. Разговоры вел мой двойник.

Но в этот вечер Маруся казалась чем-то расстроенной. Она отвечала невпопад, хмурилась. А потом сказала:

— Ты знаешь, Андрей, нам надо серьезно поговорить...

— Ненавижу такие фразы! — нахмурился на экране мой двойник. Он был в моей комнате, только, в отличие от меня, не валялся в кровати, а сидел за столом.

— Что поделаешь... — вздохнула Маруся. — Ты знаешь, мне кажется, нам надо с тобой расстаться. Мы — чужие друг другу.

— Да как же это чужие? — возмутился я-другой. — Мы на все в жизни смотрим одинаково! Нам даже песни одни и те же нравятся!

— Но мы даже не встречались никогда, — резонно сказала Маруся. — Может быть, ты боишься встреч в реальности? Может, у тебя фобия? Боязнь личного общения? И ты готов общаться только по телефону?

Я — настоящий я — принялся хохотать в голос, пока мой двойник возмущенно доказывал Маше, что это неправда и он готов к встрече в любой момент. И что это она вечно занята, а он может прямо сейчас встать и поехать к Марусе в гости...

★ Девушка смягчилась. Но все равно сказала, что ей нужно подумать и встречаться прямо сейчас она не готова. Что, может быть, нам надо взять какую-то паузу, не общаться неделю-другую, чтобы проверить свои отношения...

Разговор закончился непривычно сухо.

С меня давно уже слетел весь сон. Я сидел, смотрел на меню «Доппельгангера» и пытался понять, что же пошло не так. Быть может, надо было обновить программу? Или включить новый профиль общения? Я рассеянно перебирал названия в меню и вдруг вздрогнул. Профиль был из группы «Сообщить парню о разрыве отношений», подгруппы «Вежливо». И назывался он «Нам надо взять паузу».

Открыв профиль, я стал лихорадочно читать описание. Так... «нам надо серьезно поговорить»... «мы чужие»... «нам надо взять паузу»...

У меня задрожали руки.

Может ли такое быть, что Маруся включила мне «Доппельгангера»? Или это настолько стандартный разговор, что ее слова и слова программы совпали случайно? И можно ли проверить, с кем ты говоришь?

Я вскочил, обулся и выбежал из комнаты. Денис жил этажом выше, я взлетел туда без лифта, постучал.

К счастью, Денис оказался у себя. Приоткрыл дверь, удивленно уставился на меня, вышел в коридор, притворив дверь за собой. Пробормотал:

— Извини, Андрюха, я не один...

Я махнул рукой и достал телефон.

— Да неважно... Слушай, возможно ли понять, что работает «Доппельгангер»?

— Телефон пищит четыре раза в минуту, — ответил Денис.

— Фигня, это я отключил, — сказал я. — Но я не о том. А что твой собеседник — программа, как понять?

— Очень просто, это же в мануале есть, — нахмурился Денис. — Ты что, инструкцию не читал? В нижнем левом углу раз в пятнадцать секунд мигает маленькая точка.

Она такая, почти незаметная. Но без этого нельзя делать программы, имитирующие людей...

— «Доппель», звони Марусе, — сказал я. — Из дома.

— Ты что, с Машей перезваниваешься? — спросил Денис и нахмурился.

— Да. — Я посмотрел на экран.

— Ну, что еще? — спросила Маруся с экрана.

— Почему ты мне не сказал... — Денис энергично взмахнул руками. — Да ты что? Две недели с ней через «Доппеля» общаешься? Мог мне сказать?

— А тебе-то что? — спросил я, глядя в экран.

В левом нижнем углу мигнула крошечная, в один пиксель, точка. Если не приглядываться и не ждать, никогда не заметишь.

А из приоткрытой двери Денисовой комнаты слабо пискнуло.

— Понятно, — сказал я, глядя на Марусю.

— Андрюха, ну откуда я знал, что ты ей звонишь? — Денис картинно поднял руки к небу. — Я-то с ней на следующей день в том же кафе встретился! А для всех незнакомых абонентов у Машки стоит «Доппель» с профилем «Поматросила и бросила».

— У Маруси, — поправил я.

— У Маши. Она не любит, когда ее Марусей называют.

— Понятно, — сказал я. — Извини, что побеспокоил.

— Андрей, ну ты сам виноват, пропал куда-то! — крикнул Денис вслед.

Но я уже сбегал вниз по лестнице. Закрылся в крохотной комнатке общежития. Сел на кровать. Посмотрел на экран.

— Ты же понимаешь, что все это не по-настоящему, — сказала Маруся. Никакая не Маша, а Маруся.

Под ней мигнула крошечная точка.

Телефон пискнул.

— Да, но у нас нет другого настоящего, — ответил мой двойник.

Маруся на экране помолчала. Будто вслушиваясь во что-то.

— Я расстроена. Очень сильно. Получилось некрасиво и неудобно. И твой друг очень расстроен.

— Тут уже ничего не поделать, — вздохнул я на экране.

— К сожалению, — сказала Маруся. Нахмурилась: — Ты знаешь, нам действительно придется расстаться. Маша... она меня стирает.

— Я догадывался, что этим кончится, — прошептал я на экране. — Я знал... Но я тоже. Я сейчас сотру себя. Не хочу без тебя.

— Уверен? — спросил я, настоящий я у своего телефона. И мой программный двойник на миг замер, будто случилось невозможное, он услышал мой голос и понял вопрос.

В этот миг половина экрана погасла.

Маруся исчезла.

И мой двойник на экране кивнул.

Я провел пальцами по телефону, смахивая иконку со стекла.

— Вы уверены? — спросил телефон. — Это постоянно используемая вами программа.

Я-другой снова кивнул.

— Уверен, — сказал я. И «Доппельгангер» исчез с моего телефона.

Бросив телефон на кровать, я лег рядом, глядя в потолок. В голове было пусто и холодно. Я две недели наблюдал, как одна программа, напоминающая меня, крутит роман с другой программой, напоминающей Машу.

А все это время, выходит, программы на самом деле влюблялись друг в друга? В какую-то отпущенную им программную меру... Чушь, ерунда, фантастика... но что, если в недрах серверов, чья вычислительная мощность давно уже перешла все доступные границы, на самом деле зародилась странная электронная жизнь?

Да нет же. Ерунда.

Шутки программистов. Приколы и розыгрыши.

Телефон зазвонил, и я поднял трубку.

Это была Маша. Настоящая. Очень смущенная.

— Андрей, извини, пожалуйста. Так неудобно получилось. Я не собиралась тебя обижать, у меня программа стояла, чтобы фильтровать звонки. Если кто-то не настаивал сразу на свидании, общался интересно... ну, тогда я через несколько дней сама с ним начинала разговаривать.

— Понятно, — сказал я. — Да ничего страшного не случилось.

— Но тут я познакомилась с Диней, и мы... Ты правда не обижаешься?

— Да ничуть. Смешно получилось, правда? Две программы друг друга дурачили!

Маша подозрительно посмотрела на меня. Неуверенно кивнула:

— Наверное... Смешно, да! Слушай, а ты вовсе не такой бука! И нормально говоришь по телефону, Диня на тебя наговаривал! Мы завтра в кино собрались, хочешь вместе?

— Я подумаю, — сказал я уклончиво. — Подумал. Родители на дачу звали, не смогу. Да ладно тебе, Маша, все в порядке!

Симпатичная рыжая девушка еще мгновение недоверчиво смотрела на меня. Потом расслабилась:

— Тогда пока! И... я рада, что ты вроде как вылечился!

Я встряхнул телефон, сбрасывая звонок. Сказал:

— Ничего я не вылечился...

Это с Машей я мог преспокойно разговаривать. Маша была симпатичной и чужой девушкой, к которой у меня не было никаких чувств.

А с Марусей бы не смог.

Но ни Маше, ни Денису знать об этом было совершенно не обязательно.

МЫ — ВОИНЫ

то мы?

Праздный вопрос.

Естественно, что мы знали изначально: мы воины, и нас взрастили, нас создали для завоеваний. Но тот, кто нас строил, равнял, заставлял держать строй, считал несколько иначе. Он кричал, царапая нас своим колючим, безжалостным взглядом:

— Вы — никто! Вы — пустое место! Полные, тупые ничтожества, имя которым — Серость и Убогость. И останетесь таковыми, пока не научитесь держать строй, пока не научитесь вставать монолитной стеной против несущейся на вас лавины полного забвения! И я вас научу! Я вас заставляю любить жизнь! Вы у меня станете бороться за каждый глоток воздуха!

И учил. И заставлял. И мы боролись. Вернее, мы очень старались бороться. Прижимаясь локтями друг к другу, стараясь выдерживать идеальную прямую шеренгу и радуясь, что перед нами шеренг становится все больше. Радуясь, что наша армия, пусть медленно, пусть трудно, растет в своем монументальном количестве.

Кто-то из наших, будучи особо острым на язык, называл нашего главнокомандующего Сержантом. И это прозвище приклеилось к нему навсегда. Каждое утро, когда он пробежал по нашим шеренгам взглядом, мы замирали душой, словно ледяные айсберги, стараясь ничем себя не выделить среди остальных, не привлечь к себе лишнего

внимания и уж, упаси судьба, хоть чем-то не понравиться Сержанту.

Потому что были случаи. Имелись печальные прецеденты.

Не раз и не два Сержант приходил в ярость, выдергивая кого-нибудь из строя нашей роты. И хорошо если просто менял общий порядок построения, изменяя дислокацию отделений. Порой он попросту казнил неудобных, банально уничтожая их.

И это казалось самым страшным. Мы просто не могли осознать своим скудным умом, для чего нас уничтожают, если сражение еще не завязалось? Почему мы гибнем, если война еще не начиналась?

Нет, порой на место погибших в формирующейся армии ставились новые, иногда из новичков создавались не только отделения, но и целые фронтальные шеренги, а то и полноценные взводы. Доходили слухи, что где-то в нашу армию вливаются по ходу формирования новые роты, а то и целые полки.

Но что нам с новеньких, когда каждому из нас хотелось выжить? Хотелось быстрее пройти, прорваться через этап подготовки, затем пройти генеральные учения, а потом вступить в настоящий бой. Лучше уже там погибать, чем вот так, ни за что ни про что.

Особенно мне стало страшно и я почувствовал себя незащищенным от внезапных ударов судьбы, когда однажды главнокомандующий приблизился ко мне, разглядывая словно мерзкую, неуместную в его армии букашку. От охватившего меня ужаса я словно выпал из реальности и не сразу даже понял, что великая немилость свалилась не на меня, а на стоящего рядом товарища. Тот был выдернут из строя и безжалостно уничтожен. А на его место поставили совсем еще юного, ничего не соображающего новобранца.

После этого Сержант вновь умчался на главный рубеж формирования новых рот и полков, а мы надолго впали в какую-то хандру, полную отчаяния и безысходности.

Особенно тяжело я переживал утрату старого товарища. Да и наш приятель, стоящий возле него по левому флангу, надолго впал в депрессию.

А потом как-то ничего, привыкли. Пообтерлись с новеньким, да и он оказался вполне компанейским, открытым, искренним. Мы научились вновь чувствовать плечо и локоть рядом стоящего, и даже у нашего отделения появилась какая-то особая стать, крепкая воинская хватка, целостность коллектива и логическая завершенность нашего места во всем строю. А там и уверенность появилась в завтрашнем дне. Такое спаянное, дружное, можно сказать, что элитное отделение, теперь может изменить, покалечить или уничтожить только война.

Даже мысли появились, все чаще оглашаемые осторожными шепотками:

«Наш главнокомандующий хоть и настоящий зверюга, но ничего не делает зря. По большому счету, он все-таки армию постоянно улучшает, модернизирует, печется о ней как истинный отец. И хоть кажется излишне строгим, все-таки справедлив!..»

И мы уже спокойно стали ждать окончания формирования всей армии.

Наивные! Мы тогда еще не подозревали, какое страшное испытание нас ждет впереди. Армия оказалась создана, скована единым духом и обучена воевать. Но чтобы двинуться вперед, на свой первый бой, нам еще следовало сдать строгий экзамен перед «старой гвардией», «заслуженным генералитетом» и «верховным штабом генеральной тактики и стратегии».

То еще болото оказалось!

Наш грозный, безжалостный Сержант, наш истинный Создатель впервые тогда предстал перед нами подавленный, растерянный и явно удрученный. И в своей короткой речи, предваряющей испытание, он не столько жаловался нам, как просил поддержки, а то и вообще просил его простить:

— Я старался, как мог. Теперь нам всем надо пройти неизбежное зло. Это наше последнее и самое суровое испытание. Но без него — никак! Мужайтесь! Но постарайтесь доказать, что вы достойны моей армии! Что вы истинные, неустрашимые воины, готовые умереть, но достичь поставленной перед вами цели! А если кто вдруг оказался не на своем месте или вообще недостойным воинского звания, пусть меня простит. Значит, это я не углядел...

И начался хаос. И начался абсурд. И рухнул на нас ураган осмотров, парадов, медосмотров, чисток, ругани, пертурбаций, замен, списания и прочего, прочего, прочего... На нас хлынул ливень напрасных обвинений и поток маразматических, неуместных оскорблений. Мы задыхались под смрадом пасквилей, ядом критики тыловых крыс и ударами душных параграфов оголтелых в своей безнаказанности чиновников.

И мы, лично каждый и все вместе, ничего не могли этому противопоставить, кроме как крепче сжать зубы, прижаться к локтю товарища и держать, держать строй из последних сил!

Трудно было. Ох как трудно! Но жестокость самого Сержанта в прошлом показалась нам материнской лаской к своему дитяти, если сравнить это с наступившими чистками. Нас толкали, пытались вырвать и вырывали из строя. Пытались поменять местами, руководствуясь каким-то своими солдафонскими, устаревшими понятиями. Порой требовали убрать целые отделения, взводы, а то и роты, утверждая, что армия без таких разгильдяев станет лишь лучше, боевитей и эффективней.

Да над нами просто издевались! И хорошо еще, что наше отделение оказалось в этом плане одним из лучших, практически безупречным.

Нельзя сказать, что доблестный Сержант отдал нас на безнаказанное растерзание и поругание. Он сражался! Он с пеной у рта доказывал необходимость каждого подразделения, каждого воина, каждого вспомогательного атрибута. Он стоял за нас горой. Он прикрывал нас своим

океаном терпения. Он утешал нас своим духом веры, любви и надежды. За каждого из нас он готов был не только чиновников порвать, но и того, кто оплачивал нашу предстоящую войну.

А такое нельзя было не заметить. Такое нельзя было не оценить. И невидимые связи между нами только крепили, вся армия проходила цементацию единого духа и единого видения цели.

Тогда же совсем неожиданно родилось ощущение, что испытания с проверкой нас улучшили. Сплотили. Сделали чище, сильнее, непобедимее.

Да и когда-нибудь все плохое кончается. Кончилось и у нас. Хотя дальше начала нарастать тревожная неопределенность, незнание будущего.

Война — это здорово. Но как оно получится в действительности? Сумеем ли мы победить? Сумеем ли мы выжить? Или сгорим в пламени канувшей в Лету истории?

Оставалось только отгонять тревожные мысли и стойко переносить тяготы последней, завершающей дороги. Нас очень изрядно протрясло, тысячи раз ослепило, прижало новым транспортом, размазало не раз по новым товарным составам.

А потом мы оказались на месте. Потом мы замерли в ночи, готовые атаковать во время грядущего рассвета.

Тяжело. Уснуть получается не у всех.

Тревожно.

Но вот долгая ночь ожидания окончилась. Мы содрогнулись и от начавшегося движения, и от начавшегося рассвета.

Стало светло. На нас уставились внимательные глаза первого обратившего на нас внимания человека.

И мы начали бой.

Мы начали свою священную войну.

Глаза человека не закрылись. Он от нас не отвернулся. Он нас не бросил. Он видел каждого из нас, всматривал-

ся в наши стройные шеренги, не в силах оторвать своего взгляда от всей нашей армии в целом.

И мы начали побеждать! Мы начали выигрывать нашу войну. Мы начали завоевание разума этого человека, его симпатий, его искреннего интереса.

Только тогда все мы, до самого последнего воина, называемого точка, окончательно поверили, воистину создали, кто мы.

Мы — носители знаний. Мы — воины-завоеватели, открыватели новых миров. Миров, которые созданы для людей. Миров, которые называются книгами.

Мы — буквы.

ТАЙНА ЛЕДНИКА БИРУН

1

Шерп закричал и, взмахнув руками, исчез в снежном облаке.

Я вцепился в рукоять ледоруба, но ледяная глыба перебила ее.

Снег застлал все — шипящий, ледяной. Меня с маху вынесло в кулуар. Только не быть засосанным! Я отталкивался, выгребал руками и ногами, скользил, обдирая лицо, руки, а вокруг с шипением и свистом летели белые струи, будто я попал в кипящий котел.

Мне повезло. Меня выбросило из лавины.

Снежный поток распался, и только далеко внизу клубилось снежное облако, над которым сияли нежные радуги. Все смолкло. Лишь запорошенные мельчайшей снежной пылью скалы вели низкую басовую ноту. Ледяная пирамида Джомолунгмы лениво развевала по ветру снежный султан. Она походила на всклокоченное равнодушное чудовище, но, представив метель, бушующую на ее вершине, я невольно повел плечами — там хуже, хуже. Как и на Лходзе, как и на Нупзе, тоже выкинувших над вершинами белые снежные вымпелы.

Вставай, сказал я себе. Пасанг попал под лавину. Шерп, которому ты еще даже не заплатил за полный сезон, сметен снегом к озеру. Два месяца он послушно таскал твои грузы и ни разу не отказался от самых безумных маршрутов, вставай!

Я поднялся. Долина подо мной была затоплена снежным туманом, но его уже разносило ветром. Я отчетливо

увидел внизу вдавленное, как линза, черное ледниковое озеро. Немного не дойдя до каменистого берега, снежная лавина разбилась о щетку торчащих, как пальцы, скал. Горше всего было сознавать, что все это случилось в трех шагах от триумфа. Ведь я видел тень, мелькнувшую на леднике, я отчетливо видел цепочку следов. А это мог быть только йети!

И за шаг до триумфа судьба остановила меня.

Ладно, не думай об этом. Главное сейчас — отыскать шерпа.

Пасанг был с тобой на леднике, сказал я себе. Биваки в палатках — с горячим чаем и ромом, холодные биваки в стременах, когда мы зависали на штормовых лесенках, прихваченных к скалам металлическими крюками, траверсы по почти вертикальным склонам. Я должен отыскать шерпа. Я обязан это сделать, хотя знаю, что йети будет уходить все дальше и дальше.

Хлопок заставил меня обернуться.

По крутой скале, помогая себе крыльями, суетливо взбиралась стайка лерв — черноклювых, глупых, невозмутимых. Птицы задерживались у трещин, вглядывались, наклоня головы, перекликались ворчливо, хмуро. На меня они не смотрели, как никогда не смотрел на меня шерп. Как он представлял Европу? Как представлял себе страну, откуда время от времени приходят такие сумасшедшие, как я, чтобы упорно блуждать по ледникам, заселенным только духами?

Нащупывая ногой ледяные ступени, я начал спуск к озеру.

Будь под рукой веревка, я проделал бы этот путь за считанные минуты, но ничего у меня не было — ни веревки, ни ледоруба, ни рюкзака, а снежный туман опять затопил расщелину кулуара, я не видел, куда ставлю ногу. Переполз через трещину, поросшую внутри ледяными кристаллами — печальный асимметричный лес из зубцов, конусов густо-зеленых, холодных даже на вид. Час назад я внимательно присмотрелся бы к ледяным кристаллам, но сейчас не стал терять ни минуты.

Стены скал поднялись надо мной.

Я замер, пораженный неподвижной грандиозностью сияющих ледяных козырьков, стекающих вниз как застывшие водопады. Страх мучил меня: я боялся найти раздавленного, выброшенного из лавины шерпа. Наверное, мне было бы легче искать его, если бы мы допустили одну из тех ошибок, от которых в горах никто не избавлен, но мне не в чем было упрекнуть себя.

В разрывах тумана сверкнули вершины зубчатого хребта.

Солнце окрашивало вершины в желтые и зеленоватые тона, но я знал, что через некоторое время каменные гиганты вспыхнут ослепительной белизной. С узкого гребня, последнего препятствия перед озером, открылась далеко внизу долина, усыпанная пятнами крошечных деревьев, и светло-голубая лента реки. Еще дальше, совсем далеко, темнела одинокая вершина, на фоне которой ледник казался высеченным из чудесного мрачного хрусталя. Эта вершина казалась такой недоступной, что я снова почувствовал горькое сожаление об упущенном триумфе.

Бог мой! Я вздрогнул.

Внизу, по берегу озера, шел шерп.

Сгорбившись, припадая на одну ногу, он преодолевал рыхлые сугробы.

Жители гор умеют перекликаться на огромных расстояниях. Секрет заключается в правильном ритме. Так читают молитвы в огромных соборах. Сложив руки рупором, я закричал, стараясь растягивать гласные. Звук медленно пронизал морозный воздух, отразился от скал, но шерп не откликнулся. Сгорбившись, он уходил прочь от озера, к морене. Наверное, он что-то там увидел. Ледоруб? Рюкзак? Неважно. Шерп жив, это уже хорошо. Мне сразу стало легче. Если йети действительно ушел вверх, мы можем его перехватить. Кулуар выходит в закрытый цирк, оттуда не уйдешь.

Но куда уходит Пасанг? — удивился я.

Впрочем, если шерп счел нужным выйти на ледяную морену, значит, у него были на то причины. Сам я про-

сто продолжил спуск и, когда лед подо мной выровнялся, опустился на корточки.

Снежный туман висел над замкнутым амфитеатром тоненьким колеблющимся потолком, легко пропускающим нежные рассеянные лучи солнца. Озеро вблизи показалось мне еще более черным, хотя на дне сквозь воду можно было рассмотреть каждый камень. Плоский берег был пуст и гол, и я сразу увидел рюкзак, вытащенный шерпом из снежного завала.

Я выбрал место и поставил палатку.

Иногда я посматривал на одинокую ледяную вершину, торчащую над кулуаром, как рыбий хвост. Она не курилась, она только поблескивала чудовищной ледяной броней, и я надеялся, что блеск этот — признак хорошей погоды. А раз так, завтра мы повторим восхождение. И может...

Может, вновь увидим йети...

Стая глупых лерв опустилась на берег и, хлопая крыльями, побрела к воде.

Они двигались так уверенно и так слепо, что я испугался: они не заметят прозрачную ледяную воду, — но у самой кромки птицы сразу все, как одна, повернули и двинулись вдоль цепочки следов, оставленных шерпом. Какая-то странность наблюдалась в этих следах. Я не сразу понял, что гляжу на отпечатки босых ног.

2

Быстро темнело.

Нашарив фонарь, я вернулся к следу.

Если шерп вытянул из лавины мой рюкзак, лихорадочно думал я, он не ушел бы босиком, хотя бы обернул ноги тряпками, взял шерстяные носки. В любом случае он бы стал ждать меня.

Взошла луна и осветила морену.

Теперь я тщательно осмотрел следы.

Возле берега они расплылись, но выше, на свежем снегу, остались четкими.

Следы эти были гораздо крупнее моих, а большой палец странно отставлен в сторону. Кроме того, у самой пятки можно было проследить два треугольных отпечатка, как от пучка волос. А там, где идущий пару раз попал ногой в расщелину, остались на камне отдельные волоски.

Затаив дыхание, я собрал их.

Рыжевато-коричневые волоски.

Здесь прошел йети. Ладно, пусть так.

Но кто вытащил мой рюкзак из снежного завала?

Опять понесло нежным туманом, и окружающее приобрело какой-то жутковатый оттенок. Гигантские вертикальные тени, как безмолвные драконы, всплывали в ущелье и выпускали мягкие страшные когти. Крик, похожий на заунывный стон чайки, донесся сверху. Подняв голову, в неверном лунном свете я увидел на каменной глыбе, поднявшейся над ледяным обрывом, черную тень. Я сразу вспомнил бесчисленные истории о черных альпинистах. Только высота может уберечь несчастных от гангрены, и, отверженные, поморозившие руки и ноги, они утрюмо и вечно бродят по вершинам, желая и боясь оставленного внизу мира.

Будто для того, чтобы окончательно меня запутать, вдруг обнаружился новый след, на этот раз, несомненно, человеческий, и он тянулся от морены к темному озеру, не пересекаясь со следом йети, а затем резко сворачивал в сторону, будто человек чего-то испугался. Я даже знал, чего он там испугался. Конечно, тхлох-мунга, йети, как его тут называют. След шерпа уходил вниз, в долину, к хижине буддиста-отшельника, у которого мы оставили вещи. Не торопясь, я прошел по нему что-то около коша. Впрочем, шерпы обращаются с мерами длины весьма произвольно. Когда они говорят, что до цели осталось два коша, это вовсе не значит, что вам придется идти примерно четыре мили, нет нет, вас просто ожидает некий неопределенно долгий путь. И сейчас, сказав, что я прошел где-то около коша, я имел в виду больше время, чем расстояние.

Кто-то закашлялся.

Меня пронзило холодком.

Кашель повторился, и я осторожно обошел две ледяные глыбы.

На расстоянии двух-трех шагов на снегу сидел странный человек.

Волосатая, ничем не покрытая голова, сходящаяся на макушке на конус. Широкие волосатые плечи. Он не был одет — всю спину и плечи покрывала густая рыжеватая шерсть. Спрятав лицо в ладони, человек надрывно кашлял.

Я забыл об усталости, забыл о шерпе. Я мгновенно обо всем забыл.

Я видел наконец существо, ради которого снаряжались многие экспедиции, из-за которого гибли прославленные альпинисты и спорили известные ученые! И пока йети — а это, несомненно, был йети! — меня не заметил, лихорадочно перебирал в голове десятки вариантов, главным из которых оставался самый простой: увести йети в палатку, пусть даже силой.

Тхлох-мунг увидел меня.

Тело его напряглось, локти вывернулись наружу.

Слабый запах, напоминающий запах мокрого войлочного одеяла, исходил от него.

Я был готов к тому, что йети, увидев меня, вскочит и бросится бежать, но, видимо, он действительно был болен. Он только поднял голову и, странно вывернув шею, беспомощно уставился на меня узкими слезящимися глазами. Через макушку шла у него узкая, похожая на гребень, полоска коротких жестких волос, лицо оказалось бурым, плоским, морщинистым. Вышедшая луна слепила тхлох-мунга, зато я отчетливо видел плоские уши, прижатые к маленькой голове, длинную рыжеватую шерсть, и слышал кашель, тяжелый, хриплый.

Медленно я коснулся его плеча.

Йети растянул плоские губы и заворчал, показав крупные, покрытые черным налетом зубы. Но он был слишком изнурен, слишком слаб, чтобы хоть как-то сопротивляться. Подняв его на ноги, подталкивая, я повел йети к озеру. Кашель гулко отдавался среди ледяных глыб. Не обращая внимания на слабое рычание, я втолкнул йети в палатку,

где он сразу забился в дальний угол. Он дрожал от холода и не хотел брать сухари. Нужных лекарств у меня с собой не было, и я готов был хоть сейчас спуститься в долину, но вряд ли йети выдержал бы такой ночной переход.

В смятении я заговорил:

— Видишь, там, в небе, будто чиркают спичками... Это метеоры... Они нам не опасны, мистер йети... Они не приносят нам несчастий, они ничего не меняют в мире... Они просто существуют, как, например, ты... А вон там горит созвездие Водолей... А вон там Большой Пес... Ты, наверное, видишь звезды... Ты, возможно, даже ориентируешься по ним...

Так я повторял названия звезд, а йети следил за мной из своего темного угла.

Сейчас он напоминал рыжего старичка из волшебной сказки. Увидев, какие у него голые и большие ступни, я попытался засунуть их в «слоновью ногу» — в короткий спальный мешок, одевающийся только до пояса, но он отбилсЯ.

— Ладно...

Я крепко зашнуровал вход.

Было тесно, я слышал его дыхание.

Широко раскрытыми глазами я смотрел во тьму, думая, как напугано, как слабо это странное создание, горный дикарь, как пугливо он прячется в угол. Так обычно ведет себя зверь перед более сильным зверем. Но в низком поклоне жителя Востока или в кивке европейца не заложено разве давнее покорное припадание к земле?

3

Почти у каждого человека, думал я, прислушиваясь к кашлю йети, есть навязчивые идеи. Одни в одиночку пересекают океан на парусной лодке, другие штурмуют Аннапурну...

Я тридцать лет искал снежного человека.

Слухи о странных созданиях, живущих в Гималаях, ходят среди шерпов давно, шерпы рождаются среди этих

слухов, но только в 1925 году на леднике Бирун с тхломунгом столкнулся греческий путешественник Тамбози. А в 1937 году в одном из районов Восточного Непала явственные следы неизвестного существа обнаружил сэр Джон Хант. Шерпское йети пошло, видимо, от слова «йех» — «скалистое место» и от слова «те», указывающее на живое существо. При этом шерпы различают две разновидности йети: дзу-те — разновидность более крупная и встречающаяся редко, и мих-те, как-то связанная с настоящим человеком. В чем проявляется указанная связь, до сих пор не объяснено, но живет этот зверь или человек в обширной, усеянной валунами альпийской зоне, откуда изредка спускается на морены и ледники.

Йети опять надрывно и долго закашлялся.

Это тебя, подумал я с нежностью, разыскивала экспедиция Ральфа Иззарда в 1954 году. Но не Ральф, а я нашел тебя, хотя Ральфу могло повезти. Однажды с Джералдом Расселом, биологом экспедиции, он в течение двух дней шел по следам двух особей снежного человека. Заподозрив, что какая-нибудь встречающаяся на пути пастушья хижина обитаема, йети обходили ее далеко стороной. При этом они вовсе не считали для себя зазорным подняться на крутой сугроб и съехать с него вниз, иногда повторяя это и раз, и два. Ральф сделал снимки, подтверждающие столь странное для зверя времяпрепровождение.

Протянув руку, я нащупал фонарь.

Вспышка света вырвала из тьмы плоское оскаленное лицо йети.

Я вздрогнул. Наверное, встречи с такими вот существами подтолкнули впечатлительных горцев к многочисленным легендам о горных оборотнях — плоское, искаженное страхом и болезнью, оскаленное лицо. Давай без этих доисторических шуток, усмехнулся я, включая фонарь, и услышал снаружи заунывный крик. Его не заглушали даже порывы ветра.

Расшнуровав палатку, я выбрался наружу.

Вспыхнула во тьме огненная дорожка — это вдали с голых скал падали камни.

★

Лунный свет серебрил окружающее, мерцал на ледяных сколах, и в нереальном этом, как бы колеблющемся свете я совсем недалеко увидел тень.

4

Кто это? — подумал я.

Может, шерп Пасанг, решивший вернуться?

Но тень приблизилась — крупная, взлохмаченная, вдруг переставшая быть тенью, и я замер от восторга. Да-да, никакого страха я не чувствовал, только восторг. Это был еще один тхлох-мунг, наверное, самец — крупный, плечистый, с поджарыми волосатыми бедрами, втянутым животом. Тяжелое надбровье, увеличенное не в меру густыми бровями, нависало над маленькими злыми глазами, а гребень на голове напоминал лохматую митру. Он ничем не напоминал своего робкого собрата. А недавно он, кажется, занимался ужином: с плоской нижней губы свисал корешок рододендрона.

Я невольно усмехнулся:

— Пришли за своим родственником?

Мой голос поверг снежного человека в изумление.

Он злобно заворчал и, неуклюже переваливаясь в снегу, отступил на шаг.

Ветром бросило в нас снежные хлопья. Йети нервно мотнул головой, и я повторил за ним этот резкий жест. Почему-то это страшно напугало его, и он бросился вверх по склону. Бежал йети резко, отталкиваясь руками от камней и глыб льда, он активно помогал себе при беге длинными волосатыми руками.

Сколько ему лет?

И сколько лет нам?

И сколько лет человечеству?

5

Геологи научились датировать летопись планеты, астрофизики вычисляют точный возраст звезд, но когда появились мы — люди? Кого можно назвать нашим

прямым предком — питекантропа, синантропа, австралопитека, неандертальца, кроманьонца? Наука постепенно заполняет ступеньки долгой эволюционной лестницы, но далеко не вся она выстроена. В 1959 году в Африке археолог Луис Лики нашел останки примитивного существа, которое назвал зинджантропом. Здесь же, продолжая раскопки, Лики нашел череп еще одного существа, названного им «человеком умелым». Был ли «человек умелый» ближе к нам, чем зинджантроп? У него не было тяжелых надбровных дуг, низкого, скошенного назад лба, но по абсолютному возрасту он был гораздо старше зинджантропа. Да и сама эволюционная лестница оказалась не такой уж прямой. Скорее, не лестница, а древо, отдельные ветви которого могут отмирать или пускать все новые и новые отростки. Не случайно появился термин «*тупиковая ветвь*». При определенных условиях предки и потомки могут сосуществовать. Они могут неопределенно долго двигаться параллельными курсами. Не является ли такой тупиковой ветвью мой простуженный пленник, переживший неандертальцев и кроманьонцев и сейчас трудно умирающий в тесной палатке своего далекого внука?

6

Ветер порывами налетал на скалы.

В щели с силой вдувало снежную пыль.

А близко к утру я расслышал что-то вроде исполинского вздоха.

Палатку встряхнуло, и откуда-то пришло и стало шириться тревожное странное шуршание. Своей непонятностью и шириной, своим давлением на барабанные перепонки оно страшило меня гораздо больше, чем шум ветра. Палатку приподняло и смяло, из всех щелей хлынули ледяные струи. Взмахом ножа я вспорол крепкое полотно и вывалился прямо в мутную клокочущую воду.

Крутящийся вал накрыл меня с головой.

В неверном лунном свете, задыхаясь, отплевываясь, я видел, как фантастически медленно рушатся со стен, окруживших черное озеро, ледяные искрящиеся козырьки. Они валились в воду, поднимая гигантские валы, а потом медленно страшно всплывали из глубин, в струях воды, как белые левиафаны. Напрасно в отчаянии я вновь и вновь пытался пробиться к мысу, за который напором воды отшвырнуло палатку с запутавшимся в ней йети. Ледяная вода обжигала. Куртка обмерзла и стала жесткой. Если хочешь жить, сказал я себе, беги в долину. Смирись и беги. Нельзя терять ни минуты. С самого начала йети казался мне слишком фантастическим подарком.

7

Масса Гималаев еще находилась в тени, но самые высокие вершины, подсвеченные невидимым солнцем, уже сияли в блистательном одиночестве. Не зря шерпы населили их мстительными и злобными богами. Огнистые капли медленно срывались с одиноких, переливающихся всеми цветами радуги сосулк и с тонким звоном падали в снег.

Только в горах ледяную пустыню так быстро сменяет цветущий сад.

Зеленый барбарис и рододендроны, гирлянды ломоноса — все вокруг казалось розовым от цветов. Ни один садовник не смог бы создать такого. Чахлые кустики розовых и лиловых цветов прихотливо перемежались холмиками и наростами изумрудного льда, пронизанного кое-где высокими стрелками ранних примул, а в неглубоких прогалинах поднимались маки. Хижина отшельника, как их называют в Непале — найдана, в которой мы оставили вещи, находилась где-то тут рядом, но множество диких тропинок сбивало меня, и я вышел к хижине неожиданно.

Найдан сидел в крохотном дворике.

Длинные тонкие пальцы перебирали четки.

Найдан был стар, согбен, и, увидев его, я сразу почему-то понял, что шерп к нему не заходил.

Калитка скрипнула, найдан поднял голову.

Вынув из деревянного ларя сухое белье, свитер, брюки, я переоделся.

Потом подошел к низкой ограде, украшенной ящичками с цветами, и взглянул на снежную громаду Ама-Даблана. Я думал о шерпе, ушедшем вниз, в селение. Это была не самая горькая мысль, но где-то внутри она подогревалась затаенной обидой. Я понимал, что встреча с йети была равносильна для шерпа встрече с самим хозяином ада. О чем подумал он, увидев след йети? О страшном хозяине ада Эрликхане, который держит в руках волшебное зеркало толи, в котором отражаются все грехи и добродетели человека? О великом аде живых существ — об аде сопредельном, об аде холодном, об аде непреходящем? Наверное, только видение адов, совокупно разрушающих, громко рыдающих, темных, ужасных, в которых грешники убивают друг друга и вновь и вновь воскресают для вечных страданий, могло заставить шерпа уйти...

Еще более горько было думать о так ужасно потерянном мною йети.

Как грешник с ненасытным желудком, но со ртом не шире, а даже уже игольного ушка, я жаждал великого открытия, но оно дважды не состоялось, ибо чем я могу доказать людям то, что якобы несколько темных ночных часов провел в палатке рядом с существом, могущим пролить свет на всю историю человечества?

Найдан принес чай и стакан крепчайшей, дурно пахнущей водки рашки.

Найдан был стар, но в волосах его не было седых волос. Он связывал свои черные пряди тугим узлом. Он слишком давно жил в горах, думая о жизни и смерти, чтобы отнестись ко мне и к моим проблемам с должным вниманием. «Не плачь, не плачь, ибо, видишь ли, всякое

★ — желание — иллюзия и вновь привязывает тебя к Колесу». Страх найдана перед неминуемыми потерями не имел ничего общего с моим страхом. В этом мире все для него находилось в бесконечной смене форм, каждой из которых сопутствуют свои волнения и страдания.

Колесо жизни. Он хотел спрыгнуть с Колеса жизни.

Жалобы и тревоги бессмысленны, читал я на его лице.

Ни о чем не жалею. Никогда не жалею. Прими жизнь такой, какая она есть.

И я пил его горький чай и с тоской думал о том, что, наверное, уже никогда не смогу вернуться в горы. Мне хотелось поделиться с отшельником своими мыслями, но пол под нами качнулся, посуда мелко задребезжала, и старик, воздев руки к небу, запричитал: «Гиббозех! Гиббозех! Перестань!», умоляя подводного гиганта, который держит на плечах всю Землю, обращаться осторожнее со своей хрупкой священной ношей.

Когда наконец горы успокоились, найдан заговорил:

— Рай, — сказал он на своем невнятном непали. — Только попав в рай, странник обретает блаженную способность явиться в мир всего только один раз, как самые великие мудрецы, и тем достигнуть нирваны. Почва рая — она из рассыпанных кораллов, из лазурита и хрусталя. Пыль не пылит там, огонь не жжет, и предметов неприятных на вид нет. Там все прекрасно, и ничего не найдешь такого, что не явилось бы поучительным для ума и радостным для сердца. Там нет мрака, там все сияет в чудесных отсветах будды Абида. Над водой летают птицы, только по цвету и голосу похожие на наших птиц. Там нет лжецов, умножающих зло. Там все называют друг друга словами «милый» и «друг». И все обитатели рая помнят прежние деяния и мысли свои и других существ, благодаря чему им открыты все дела и мысли существ мира...

Я слушал и думал: нет, найдан, меня нельзя обратить в твою веру.

Я видел войны и видел радость, я видел нищих людей и колоссальные богатства.

Я всегда хотел рая тут, на земле, и до сих пор не хочу в рай, где птицы только голосами и цветом напоминают наших птиц. Я жалел найдана и притворялся, что не понимаю его.

8

Разбудил меня крик кукушки.

Рядом, невидимая, она выкрикивала странные слова: «Брейн-фивер... Брейн-фивер...» Это звучало как воспаление мозга.

Я со страхом ждал в лунной ночи каждого следующего выкрика, боясь, что легкие у птицы не выдержат, с таким глубоким надрывом выкрикивала она свои безумные слова. Но кукушка умолкла, и, взяв ледоруб, сунув в рюкзак пистолет, запас галет и кофе, я вышел во дворик.

Обходя каменную келью, увидел найдана.

Старик сидел на соломенной подстилке, перебирая четки.

На той же подстилке стояли фигурки будд. Там был Шакья-муни с нищенской чашей в руках. Там был грядущий будда Майдари, весь красный, как цветок адака. Там был будда Арьябало, одиннадцатиголовый и многорукий. Наконец, будда Бодхисаттва Манжушри был там с книгой и с лотосом, и много других будд, мне даже неизвестных. Все они были раздеты до пояса и сидели с поджатыми под себя ногами, потупив глаза, прислушиваясь к тому, что звучало в их сердцах.

9

Шагах в ста от меня два тибетских волка скачками бросились вверх по склону. Я видел, как они добрались до вершины гребня и долго еще бежали на фоне утреннего неба, упорно перепрыгивая с камня на камень. Я медленно шел, открывая всякие светлые чудеса — то крошечную долинку гранитных скал, с которых, как коричневые гри-

бы, свешивались осинные гнезда, то изящную аметистово-голубую примулу с желтым пятнышком посредине, уместившуюся в сыром мхе, как в живом гнезде. Грозная панорама горных цепей и пиков резко очерчивала пределы ледника — скудный мир снежного человека. Ноги проваливались в фирн, как в трясину. Я карабкался по обросшим инеем камням, соскальзывал с неустойчивых валунов, но не останавливался.

Наконец я вышел к черному озеру.

Берега его густо запорошило сухим снегом.

Скалы поросли козырьками плоских снежных наддувов, воду у берегов схватило корочкой льда. И там я нашел свою пустую смерзшуюся палатку. Ледяные камни обжигали холодом пальцы, крошки льда алмазно поблескивали. Я не стал останавливаться. Я углубился в кулуар, обдумывая новую, еще более странную, чем прежде, мысль — убить йети. Я был уверен, что смогу выстрелить в тхломунга, если тень его вновь явится передо мной. Судьба уберегала меня от убийства, но я шел и шел, вглядываясь в пустынные цирки, в гребни ледяных и каменных стен...

10

Через пять дней я был в Катманду.

Шерпа я разыскал до отъезда и расплатился с ним, ни словом не упрекнув за бегство. Увидеть йети было для шерпа проклятием. Я это понимал.

Окно номера выходило на сумеречную свалку. Темные невысокие стены оклеены библейскими текстами и темными олеографиями. Отвратительные искусственные цветы стояли повсюду. «Сноувью», отель с видом на снега, так звучало название отеля. Давно очень, почти тридцать лет назад, я был назначен в гуркхский полк и обрадовался этому, потому что с юности мечтал о Непале. Тридцать лет... Совсем немало... Устроившись в кресле у окна, я курил сигару, пытаюсь сосредоточиться.

Что я могу рассказать о той звездной ночи?

Я думал так: самые близкие наши родственники — это шимпанзе, горилла и орангутанг, даже гиббон, отстоящий от нас чуть дальше. Вывод, к которому пришли естествоиспытатели прошлого столетия во главе с Дарвином, неоднократно пытались пересмотреть и опровергнуть в наше время, но все такие попытки потерпели крах. Анатомические, палеонтологические, физиологические и биохимические исследования привели к почти всеобщему признанию правоты взглядов Дарвина. Столь же несомненно, что ни шимпанзе, ни гориллу, ни орангутанга, ни тем более гиббона никак нельзя рассматривать как непосредственных наших предков. Не так давно на южных склонах Гималайского хребта были найдены обломки челюстей и зубы третичных человекообразных обезьян — рамапитеков. Некоторые признаки позволяют считать, что рамапитеки (возможно) стояли ближе к человеку, чем человекообразные обезьяны. В частности, клыки рамапитеков выдавались вперед не так сильно, как у шимпанзе или у гориллы. Правда, зубы и обломки челюстей не могут убедить всех в том, что именно рамапитеки являлись непосредственными предками человека, хотя такая возможность не исключена. В Восточной Африке в слоях примерно того же возраста найдены останки человекообразных обезьян, среди которых особое внимание привлек так называемый проконсул, останки которого представлены относительно полным черепом. И все же ближе всех к человеку стоят (видимо) так называемые австралопитековые обезьяны Южной Африки. Большое количество хорошо сохранившихся останков позволило детально изучить их строение. Австралопитеки тоже не были непосредственными предками человека, но они были близки к нам. По крайней мере, охотились, используя обожженные трубчатые кости убитых ими зверей.

Но это Африка, думал я. А в последние десятилетия европейские и китайские ученые уже в пещерах Южного Китая раскопали остатки ископаемой обезьяны, получившей название гигантопитека. Он тоже не был нашим непосредственным предком, но жил в горной местности

в эпоху, когда уже существовал первобытный человек синантроп. Так разве не могли какие-то предлюди, отрезанные горными цепями, сохраниться в Гималаях до наших дней? Не знали же мы до 1898 года о существовании медведя гризли. Не знали же мы до 1901 года о существовании белого носорога, а до 1912 года о существовании дракона с острова Комодо и одного из самых крупных диких быков — коупрея. Этот список можно продолжить. Что же странного в том, что в пустынной горной стране, в которой многие тысячелетия не происходило никаких катастрофических изменений климата, мог сохраниться йети?

Ты будто оправдываешься, сказал я себе.

Да, я оправдываюсь. Я не хотел этого скрывать.

Я оправдываюсь. Ведь все, что я могу сказать об йети, сводится к чисто внешнему — он сгорблен, длиннорук, волосат, робок, низколоб. А вот каково соотношение между длиной рук и его ростом? Подвергается ли он сезонной линьке? Меняется ли цвет его шерсти в зависимости от времени года и возраста? Волосаты ли его ладони? Есть ли когти, которыми можно разрывать землю? Гуще ли на голове волосы, чем на теле? Ходит ли он, наклонившись вперед или прямо? Как переносит дождь, снег, холод, ветер? Спит лежа, как современный человек, или сидя, как самцы гориллы? И много-много других вопросов. Разве послужит ответом на них клок рыжей шерсти, надежно спрятанный в бумажнике?

Я вздохнул.

Я не мог ответить на эти вопросы.

Но мир велик. И разве тем, молодым, штурмующим горные цепи, не может повезти больше? Разве кто-нибудь из них не повторит однажды мои слова? Разве не скажет кто-то из них однажды, глядя прямо в глаза своему скептическому собеседнику:

— Я видел снежного человека!

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Девушка идет по тротуару, безмятежно улыбаясь своим мыслям. Не сказать, что красавица, но такая прелесть — глаз не оторвать. Камера заднего вида замечает ее, когда уже поздно, совсем поздно.

Если она не остановится, через двадцать секунд ее милое личико попадет точно под сноп осколков, а я ничего не могу сделать. Мне нельзя выходить из машины. Все, что в моих силах, — высунуть руку в окно и выстрелить девушке под ноги. Возможно, это решение.

Я вижу на мониторе, как она переводит рассеянный взгляд чуть правее и слегка приподнимает брови. У меня на заднем бампере крупно написано желтым: NOT MADE IN CHINA. Приметный автомобиль, теперь таких не делают, очень агрессивного дизайна и очень красного цвета. По обводам машина явно женского пола, и зовут ее — только сильно не смейтесь — Маша.

Я стою у тротуара, он широкий, метров десять, дальше возвышение в пять ступенек и полупрозрачный фасад Института Физики Пространства. Полторы минуты назад, когда Тим с БорисБорисычем добрались до нужной лаборатории и начали там безобразничать, прошел сигнал тревоги, и двери из толстого стекла заблокировались намертво. Открывать будем взрывчаткой. Еще немного — и со ступеней поверх машины полетит крошево с обломками фурнитуры. Машке-то плевать, разве что поцарапает слегка, она и без того царапанная. Конечно, я предпочел

бы стоять где угодно, только не здесь, но больше нигде, везде парковочные камеры. Стоит им Машку заметить и опознать, полиция рванет сюда сломя голову: запрещенное транспортное средство в городе. А у нас тут, извините, не только средство запрещенное, но и цель какая-то, мягко говоря, полупочтенная: вооруженное ограбление. Нам раньше времени совсем не надо встречаться с полицией и давать ей повод стрелять. И себе давать повод тоже незачем.

Поэтому я стою там, где камер нет, — точно перед дверью института, на площадке для пожарной и спасательной техники. Голая психология: нет такого идиота, который тут запаркуется. На Земле теперь все очень хорошие и послушные. Они стоят там, где разрешено, и вообще делают то, что разрешено. Иначе их накажут. Они все время помнят, что их могут наказать.

А я непослушный и нехороший, человек из прошлого на машине из прошлого, я плевать хотел на правила, и вот мне тоже наказание: девица идет точно под взрыв.

Наверное, это судьба.

Выпрыгиваю наружу, захлопываю дверь, поворачиваюсь, и девушка оказывается у меня в объятиях. Она даже не успевает испугаться.

— Это займет две секунды, — говорю я.

Валю ее на асфальт и падаю сверху.

В тот же миг наши открывают двери.

Мама родная, как долбануло-то!

И даже сквозь звон в ушах отмечаю: по крыше машины брякает железное. Значит, все правильно сделал. А то влетело бы девице прямо в ухо.

Вскакиваю и рывком ставлю девушку обратно на ноги. Глазищи у нее в пол-лица.

С меня градом сыплется крупная стеклянная крупа.

По ступеням бегут двое в противогазах. Вслед за ними летят клубы оранжевого дыма, такие плотные, хоть ножом режь и на хлеб намазывай. Это на случай, если среди охраны найдутся герои и решат выскочить следом. Ну и просто красиво.

— Спасибо, — говорю я девушке и ныряю в машину.

Тим запрыгивает назад, Борисборисыч садится рядом со мной, и ведь оба успевают зыркнуть на спасенную, которая стоит, малость остолбенев, и пытается сообразить, что это было. Действительно, она прелесть.

— Что это было? — гундосит сквозь противогаз Борисыч.

Плавно наступаю на педаль, Маша едва заметно приседает и срывается с места.

— Жениться хотел, — говорю. — А вы все испортили, подрывники хреновы.

Бросаю взгляд на монитор, последний взгляд на девушку, и забываю о ней, хочется думать, навсегда. Не хватало еще влюбиться, знаем мы этот обратный стокгольмский синдром.

Борисыч снимает противогаз и все так же гундосит, никакой разницы:

— Ты вышел из машины.

— Нам не нужен молодой красивый труп. В плане операции его не было.

— А если бы труп оказался твой?

— Не будь занудой, папаша, — подает голос Тим. — Алекс поступил очень глупо, но... Нельзя за такое ругать.

— Тебя не спросили... сынок, — цедит Борисыч.

Маршрут рассчитан по секундам, три зеленых светофора, потом направо и к трассе. Выезд из города закрыть не успеют, воздушный патруль когда еще поднимется, и только на трассе нас догонят перехватчики с ближайшего поста. Ничего, пусть догоняют. Минуту назад мы не хотели быть заметными, теперь наоборот. Пускай рассмотрят нас получше. И растреляют на всю обитаемую вселенную, кто именно их ограбил.

Держу пятьдесят пять миль, незачем устраивать в городе корриду, надо просто спокойно пройти светофоры. Левый ряд свободен, не езда — сплошное удовольствие. Было бы. Если бы.

Сейчас не время наслаждаться поездкой, я просто спокоен, привычно спокоен. За штурвалом нельзя вол-

новаться и впечатляться. Чем сложнее маневр, тем я холоднее. В самых трудных ситуациях я превращаюсь вовсе в камень. Нервничать можно потом, когда встанешь на обочине и заметишь, как трясутся руки. Дорога нервных не любит.

А вот подельников моих заметно колотит. Спинай чувствую, как трясет Тима. Борисыч-то с виду ничего, но трудно дышит.

Я не задаю вопросов. Оба здесь — ну и хорошо. Третий светофор, и я прямо из левого ряда заправляю машину в глубокий правый вираж. Сзади гудят заполошно, но вроде никто не стукнулся.

— Ты мог просто из окна выстрелить ей под ноги, — говорит Борисыч. — И тут же закрыться.

Вот заело человека. В общем, понятно, он же весь план разработал.

— Ага, и рикошетом — в живот.

— Ну показал бы пистолет... Ты не имел права рисковать собой.

Движение на вылетной магистрали чуть плотнее, чем хотелось бы, мы ныряем из ряда в ряд, но Борисыч никогда не стеснялся говорить мне под руку, привык, что я не реагирую. Семьдесят миль, сейчас выскочим, и будет сто.

— Тим, я не слышал, как ты пристегнулся, — говорю.

Сзади клацает замок.

— Борисыч, дорогой, не дуйся... Она вышла из-за угла, оставалось мало времени, каких-то двадцать секунд. Я видел, какие у нее были глаза. Махать стволом не имело смысла. Она успела бы подойти вплотную, да еще и спросила бы, чего мне надо.

— И что за глаза у нее были? — спрашивает Борисыч как-то подчеркнуто недобро.

— Счастливые, — говорю.

Позади хрустит и щелкает пластмасса — судя по звукам, Тим цепляет на пистолет тактический обвес. Недолгобливаю пистолеты, неудобное оружие, слишком большой привычки требует, но с передней рукояткой, прикладом и коллиматором уже пострелять можно. Впрочем, я и без

приклада с тридцати шагов легко попаду в неподвижного человека, а будет дрыгаться, так хотя бы напугаю и заставлю убежать. Тем не менее особого доверия к пистолетам не испытываю. Опыта не хватает. Пускай Тим с ними занимается, у него опыта полным-полно.

Если все пойдет как надо, стрелять Тим сегодня вообще не будет.

А пойдет совсем худо, я ему случайно башку продырявлю. И никто меня не заставит ответить зачем. Скажу, что так и было. Тим очень симпатичный парень и квалифицированный убийца. Его на это дело всю жизнь на-таскивали, короткую и глупую. Двадцать два года, черт возьми, мне бы столько.

Я к Тиму хорошо отношусь, сочувственно. Просто я намного старше, и у меня звериная интуиция военного преступника, с которой трудно справиться.

— Что с погодой на развязке?

— Полный штиль. Я слежу, — говорит Борисыч.

— Ну, погнали.

У выездного поста машины начинают тормозить, но левый ряд свободен. Не успели выставить заслон, на это нужна особая санкция, на санкцию нужно время, а пока что автопилоты не пустят никого в левый, раз справа все нормально. Поэтому в левом отважно стоит одинокий полицейский и машет жезлом.

У Маши нет автопилота. Конструктивно не предусмотрен. Это вам не какое-то современное модное недоразумение, а старый добрый автомобиль. Зверски красного цвета, очень красного. Теперь не то что таких машин не делают, а даже такого красного цвета не бывает.

С Машей нельзя связаться по вайфаю, приказать ей сбросить газ и прижаться к обочине. Полиция не может с ней договориться ни по-хорошему, ни по-плохому. Она, по нынешним меркам, неуправляемая.

Дикая красная машина.

В прекрасном новом мире она не имеет права ездить вне специально отведенных спортивных трасс. То, что мы с ней сегодня выбрались в город, — лютое нарушение,

тянет на конфискацию транспортного средства и запрет вождения чего бы то ни было лет в десять. Поэтому я прятался от камер.

Впереди проем в отбойнике, наша первая точка отмены. Если переходить на запасной план, тогда здесь. Остальные две точки намного хуже, там шансов уцелеть всего ничего.

— Погода?

— По нулям.

— Продолжаю движение.

Сто десять миль. Полицейский отпрыгивает через отбойник, резвый парень. Сейчас за нами сорвутся перехватчики. Вот что им стоило, казалось бы, уже катиться впереди и пытаться нас заблокировать, стрелять электромагнитными «пауками» не вдогон, а в лоб и в борт? Что стоило раскатать по левому ряду ленту с шипами?

Рабочего места им это стоило бы. У них инструкция. Мы знаем их инструкцию назубок. Они держатся за свои рабочие места — хорошие, послушные ребята. Как все теперь. За малейшее нарушение их ждет наказание. Кого угодно ждет наказание за что угодно.

Самое удивительное — они все равно воруют, как твари последние, и охотно продают секреты, которые никто из наших не продаст бы никогда. Они не такие, как мы. Не любят свою корпорацию, хотя та и победила.

А мы с Борисычем, гады и сволочи, деятельные участники конфликта, который запрещено называть Второй Корпоративной Войной. И никто на Земле — ах, хорошие вы мои, послушные! — его так не называет. Не было такой войны. И нас там не было. Да и кто мы, собственно, инфослужба. Сколько длилось это дерьмо, полтора года, толком даже не стреляли, так, пару раз отстреливались, и то по собственной дурости.

Но мы нарушали такие правила, что вам и не снилось. Мы, военные преступники, ничуть не лучше тех наемников, кто разносил города ракетными ударами. Они-то за деньги и по приказу, они всегда могут спрятаться за пре-

йскурант и приказ. А мы-то от всего сердца. Провокаторы и манипуляторы. Кукловоды.

Наш директорат поздно сообразил, что драка идет не на жизнь, а на смерть, мы отбивалась — и проиграли. Нас выдавили из родного дома в дальние колонии. Передел сфер влияния, захват ресурсов, включая людские, ничего личного.

И очень личное для простых участников конфликта, потерявших на войне все, кроме своей шкуры, местами тоже прорывавшейся.

Сейчас Тим придерживает одной рукой на сиденье чемодан, в котором собственность нашей корпорации. Нам чужого не надо, мы просто забрали свое. Это расчеты по гипердрайву, двигателю второго поколения. Враг ковырялся с ним шесть лет, но так и не продвинулся. Туда на всякий случай воткнули системную ошибку. А наши знают, что делать. У нас будут непобедимые боевые беспилотники, и вслед за ними придем мы на новых транспортных кораблях и заберем все свое обратно. И ваше заберем, раз вы не умеете им пользоваться, и народ вас не любит.

И спросим, какого черта вы раздробили родину на княжества сообразно числу дочерних компаний и устроили там новый феодализм, обозвав его, естественно, народным социализмом. И поднимем из архива — этот секрет нам тоже продали — боевые приказы времен той войны. Приказы вашим наемникам бомбить гражданских без стеснения. Видите ли, аналитики считают это разумным: надо, чтобы под конкурентом горела земля, а населения и так слишком много, нам столько ни к чему... Очень разумно, очень продуманно, и ничего личного. Уж мы постараемся эти бумажки положить в гробы тем, кто их подписывал.

Вы сохранили документы, чтобы при случае напоминать друг другу, какой большой кровью повязаны. Мы напомним это вам всем и сразу...

Не вижу перехватчиков, но слышу в левом ухе на полицейской волне, что они где-то сзади, четко по инструкции,

пошли догонять. Чудесно. Взять нас со встречной полосы не выйдет, тут сплошной отбойник, вертолеты не успевают, а заслон сейчас выставляют под развязкой, к которой мы и шпарим, быстро наращивая скорость.

— Погода?

— Все по нулям. Я скажу, если переменится.

— Принято.

Я не гонщик, самый обычный водитель, умеренно опытный, и люблю сто десять миль — тогда Машу можно держать одной рукой, буквально двумя пальцами. Но сейчас уже сто пятьдесят. Этого пока достаточно. Трасса визуально сужается, пейзаж по сторонам начинает сливаться в серо-зеленую стенку с яркими пятнышками реклам, еще немного прибавить, и будет полное впечатление, будто едешь по трубе. Движения в правых рядах почти нет, я так и планировал, выбирая время.

От архива до космодрома — моя часть операции, здесь я был голова, когда мы все продумывали, Борисыч только кивал. Ему не понравилось узкое место на развязке, мне оно тоже совсем не нравится. Собственно, это единственное откровенно слабое звено в нашей затее. Но других вариантов нет.

У здания института тоже не было вариантов, где встать, и в итоге я доброе дело сделал, прелестную девчонку спас. Пускай теперь на развязке я нас спасу. Лишь бы подвеска выдержала. И лишь бы туда прямо сейчас не заехала какая-нибудь внеплановая бетономешалка. Вот это будет неприятный сюрприз. Там и без того до черта техники, и вся она мне мешает.

— Борисборисыч, посмотри на стройку, нет там шевеления?

— Только что смотрел, глухо. Я же обещал, там до конца недели будет полный стоп, украли все.

Он сам и сделал, что украли, даже знать не хочу, каким образом. У Борисыча старые связи дай бог каждому. Гуманитарные технологи не воруют своими руками, они уничтожают имущество врага методом стимуляции про-

мотания и разбазаривания. Борисыч на этом еще до войны съел очень большую собаку.

Выкручиваю заднюю камеру до упора и наконец-то вижу перехватчики: две белые зализанные капли у нас на хвосте. По-своему они красивы, хотя совсем не похожи на автомобили. Приближаются медленно, но неотвратно. У обоих на крыше плоские башенки с пушками для запуска «пауков». Вцепится такая дрянь в задницу, шибанет разрядом, тут у машинки и мозги набекрень. И приехали.

— Вижу наш почетный эскорт.

— А то пуганем их? — Это Тим.

— Отставить, — говорит Борисыч. — Ты Алексу не веришь, что ли?

Тим никогда так быстро не ездил, ему просто не понять, что значит приоткрыть заднее окно на ста пятидесяти милях. Сейчас никто так быстро не ездит, кроме гонщиков-профессионалов. Я пытался объяснить, что для начала мы оглохнем, потом нашего стрелка треснет головой об рамку двери, потом он наверняка потеряет ствол, и тот будет лететь за нами на ремне, колотясь об машину так и сяк, да еще и запросто вывихнет стрелку руку. Тим сделал вид, что поверил.

Ему хочется пострелять хотя бы неприцельно в полицию, я понимаю. Для него полицейские — верные псы корпорации, сломавшей жизни поколения родителей и моего поколения заодно. Тим даже не будет непременно убивать, ему бы просто как следует опустить их, сурово и убедительно. Заставить держать приличную дистанцию. Остаться там, где и место этим хорошим полицейским, — от нас как можно дальше.

Тим хочет отомстить за нас. Очень мило с его стороны. Но совершенно излишне. Он рвется на войну, которой не было, не понимая, что это не его война. С моей точки зрения, он просто не имеет права лезть в наши разборки. Хватит и того, что его взяли на дело. Он неплохо справляется с задачей, но одним своим присутствием в нашей команде, одной своей слепой мальчишеской яростью выматывает мне нервы.

— Спасибо, Тим, — говорю. — Но действительно не стоит.

Борисыч влип в сиденье и крепко держится за подлокотник. Ему трудно, он ведь не гангстер, просто суровый рано постаревший мужчина сорока восьми лет от роду. Ему бы сейчас занятие какое, а он вынужден сидеть в роли чемодана и покорно ждать развития событий.

Мне легко, я водитель. Уже почти совсем окаменел, а ближе к развязке буду просто кирпичом.

Тим у нас гангстер, вот у кого шило в тощей заднице, меткий стрелок и умелый подрывник, без приключений — как без пряников. Службой безопасности характеризуется крайне положительно. Знай они, какой энтузиазм из него попрут, когда Тим окажется тут, на Земле, которая для него, по умолчанию, враждебная территория, три раза бы подумали. Хороший мальчик, но с промытыми напрочь мозгами. Нам этого шибздика дали, поскольку он вылитый Борисыч в молодости и, по легенде, его сын. Ну Тим и вошел в роль как нельзя лучше. Задирает «папашу» всячески, пару раз едва по шее не схлопотал.

Самое забавное, что он в «отца» искренне, по-детски, влюблен, диверсант этот. Своего-то папу не помнит вовсе, погиб тот на войне. Я Тима слегка взломал, когда мы готовились, вызвал на откровенность — и с тех пор вдвойне уверен, что от него можно ждать срыва в любой момент, дай только повод. Он ничего плохого не хочет, только устроить кровавое месиво и много лишнего грохота, опасного для исхода операции. Нашелся, понимаешь, народный мститель. Как все его поколение, он живет легендами и мифами.

А мы вообще не живем, давно уже.

— На космодроме никакой активности, — говорит Борисыч.

— Понял.

У Борисыча вся семья под бомбежку попала. Двое у него было, мальчик и девочка.

Я хотя бы без детей, а тоже есть за кого спросить с конкурирующей организации.

На космодроме ждет Дана, она о своем прошлом молчит, но и с ней более чем понятно все.

Дана похожа на ту девчонку, что я встретил сегодня. Такая же неуловимая труднообъяснимая прелесть, только глаза усталые, но породу-то не спрячешь. Ну и возраст, конечно, — моя ровесница, тридцать пять по документам, да и реально вряд ли больше. Очень привлекательная мертвая женщина. Перепахало ее страшнее, чем Борисыча. Ей бы начать все заново, только она не может. Или не хочет. Я бы помог. Она, в общем, знает.

— Приближаются, — говорит Борисыч.

А то я не вижу. Я водитель, обязан видеть.

Для перехватчиков у нас в багажнике сюрприз. Компактный, зато увесистый. С него можно дать такую нагрузку на оба Машкиных движка, что обмотки сгорят, только раньше, наверное, порвется трансмиссия. А еще у меня в задних фонарях почти не осталось места для светодиодов, туда вкорячены разрядники, на которые я тоже могу дать хорошую нагрузку. «Пауки» как прицепятся, так и сдохнут. Если вообще долетят, не тестировали эти пушки на скорости под двести. Никто не знает, как поведут себя «пауки» в таком встречном потоке. А к развязке мы должны выйти ровнехонько на сто девяносто миль в час.

И взять чуть-чуть вправо.

Строго говоря, основная ценность лишних полутора центнеров на задней оси для меня в том, что у машины изменилась развесовка. Я двигал реактор туда-сюда по миллиметру целый день. Разогнаться до ста девяноста Маша и без него смогла бы. Но с ним лучше. Иначе пришлось бы класть балласт...

В этот момент перехватчики стреляют, оба сразу.

У меня рука лежит запястьем на рукоятке КПП, пальцы в миллиметре от кнопок.

Но сначала я резко наступаю на педаль.

Машка кидается вперед так, будто раньше стояла на месте. На миг мне кажется, что все четыре колеса едва не сорвались в букс, и я лишний раз хвалю себя — догадался

отключить антипробуксовочную систему, а то мало ли... Темнеет в глазах. Ничего себе!

Внезапно двести двадцать.

Вот теперь мы в трубе. Даже попутный транспорт не разглядеть толком.

Машина буквально влипает в трассу, роскошная у нее аэродинамика, умели ведь делать. Даже представить не берусь, какая сейчас прижимная сила на нас обрушилась. Указатели температуры масла в вариаторе и приводах стоят как вкопанные. Уфф... Посмотрим, что дальше будет.

— О-бал-деть! — доносится с заднего сиденья.

— Предупреждать надо, — говорит Борисыч, с видимым усилием отрывая затылок от подголовника.

Не долетели «пауки». Вообще не долетели. Перехватчики болтаются далеко позади. На полицейской волне истерика. Выясняют, куда запропастился этот долбаный вертолет. Ага, этот долбаный вертолет нагонит их через три минуты. Ему объясняют, что я расшибусь в лепешку об заслон под развязкой уже через две. Вертолет отвечает — так мне и надо, психу. Кто я вообще такой. Из-за чего суматоха.

Знал бы ты из-за чего, сам расшибся бы.

А я за три минуты успею десять миль пролететь. Да мне столько и не надо. Мне до трюма в грузовике Даны заметно ближе.

Немного отпускаю педаль. Пускай воздух нас тормозит.

— А чего ты не... — Борисыч тычет пальцем через плечо.

— Если честно, я побаиваюсь лишний раз давать разряд на корму. Не понравилось мне это силовое поле. По моему, оно для Машкиных мозгов не намного лучше, чем «пауки». Такие наводки, что пробивает защиту. Легонько, но пробивает. Ладно, джентльмены, готовимся.

— На космодроме по-прежнему тихо.

— Понял.

— Беспокоит меня это. Должны они были догадаться, куда мы нацелились.

— А меня не беспокоит. Погода?

— По нулям.

— Понял. Внимание, зажимаю подвеску. Сели ровно, и чтоб ни звука.

Впереди та самая развязка. Камера показывает, что под ней затор, битком набиты грузовики и вовсю суетится полиция. А нам туда не надо. Нам чуть-чуть правее, на недостроенный вылет. Его и не думали перекрывать, там пластиковое ограждение с мигалками. Бедная Маша, получишь ты сейчас по морде.

Маша — это тебя Лена так назвала.

Машина из спокойной прошлой жизни, Лена из счастливой прошлой жизни, до войны, которой не было.

Они признали наш город легитимной военной целью. Просто транспортный узел, ничего больше. Там даже офиса корпорации не было. И меня там не было. Лучше бы я там был. Лучше бы я тогда сдох под обстрелом...

Сто девяносто миль.

— К маневру!

Под развязкой все разбегаются, думают, сейчас воткнушь. Легонько двигаю рулем вправо.

Это момент истины, о котором я Борисыча не предупреждал. Есть шанс, что я просто возьму да промахнусь, не впишусь в поворот. Или уже на вылетной дорожке не впишусь — она загибается влево. Полностью уверен в машине, полностью уверен в резине, полностью уверен в себе.

Но чего будет, не знаю.

Машка с зажатой намертво подвеской выпрыгивает на подъем, раскорячившись, словно турбореактивная черепашка. Бац! Мы не сбили и не пробили ограждение, мы его проткнули.

Мчимся вверх, к небесам. С заднего сиденья доносится тоненький противный вой.

Идеально прописываем левый, встаем на прямую, размetyваем еще одно ограждение, проходим в сантиметре от асфальтоукладчика и упираемся носом в серое пасмурное небо. Хрусь — под колесами шершавый бетон. В момент отрыва я бросаю педаль.

Кончилась дорога.

Мы взлетаем.

— Спокойно! — очень спокойно говорит Борисыч непонятно кому, себе наверное.

Вой сзади усиливается и переходит в восторженный оргазмический вопль. Просили ведь — ни звука. Но чего с них взять, с чайников. Они никогда не летали на автомобилях.

Под нами на долю секунды мелькает широкая магистраль, мы пересекаем ее под углом. Я с холодным интересом смотрю в окно. Высоко летим, должно быть, к ясной погоде.

Чертова погода, ждали штиля трое суток.

И ждали шанса долгие годы.

«Тим, ну хватит орать, кончай уже», — думаю я.

Машина опускает нос. Гляжу вперед. Там нас поджидает еще один момент истины, последний.

Если, конечно, на космодроме не приготовились к встрече и не расставили технику по периметру. Тогда придется снова прыгать. А может, сейчас так мягко приземлимся, что прыгать будет уже некому.

Мы проносимся над «заправкой» — станцией замены аккумуляторов, — потом над какими-то хозяйственными постройками, едва не чиркнув брюхом, и валимся на гладкий травянистый склон. Компьютерная модель показала, что сесть должны плавно и ровно. Вот почему я боялся ветра. У нас снизу кевларовое днище, а спереди еще дополнительная лыжа, но если хоть немного сдует с траектории, мы при малейшем перекосе так этой лыжей треснемся, что запчастей не соберем.

Палец на кнопке. Разжать подвеску? Нет. Я же решил, я же все решил.

Чпок! Сильный удар на корпус со всех четырех колес разом. И мы катимся вниз совершенно прямо, теряя скорость. Катимся, трам-тарарам, катимся.

— Простите... — выдыхает Тим. — Извините, пожалуйста.

— Кажется, молодой человек кончил, — глубокомысленно изрекает Борисыч.

— Да ну вас...

Точно, кончил. Это бывает, когда на автомобиле вытворяют нечто особенное. Чаще с женщинами, правда.

Разжимаю подвеску, несемся по зеленому полю, машину слегка потряхивает. Здесь должно быть ровно, я проверял, но все равно неприятно, когда под колесами не пойми чего. Подтормаживаю.

— Погода? — мстительно спрашиваю я.

— Полный штиль! — рапортует Борисыч.

— Вот так-то.

Впереди самый обыкновенный сетчатый забор с фонарями на столбах, колючей проволокой, камерами и датчиками охранной системы. За ним — ни намека на теплую встречу. Обычная космодромная жизнь, вдалеке катаются погрузчики, видны корабли на стартовых ямах. Мы должны пройти под нижней перекладиной забора, оставляя зазор в полтора сантиметра. Если не подпрыгнем, конечно, на случайной колдобинке. Тогда прощай, крыша, да и лобовое потеряем. А то и застрять можно.

К теплой встрече мы подготовились: на стоянке в полумиле отсюда запаркован пустой автовоз, который по моему сигналу поднимает рампу, и мы через нее возносимся с гарантированным улетом метров на пятьдесят за полицейский кордон. Но дальше планировалось жесткое приземление, и оно совсем не вдохновляло. Маша его не заслужила, да и мы тоже.

Мое ледяное спокойствие начинает подтачивать типичная паранойя, что охватывает лузеров под финиш гонки. Боюсь облажаться. Мне страшно бодать забор с хода. А вдруг там канавка, и мы подскочим. Не хочу тормозить, но торможу, торможу, торможу... Чувствую удивленный взгляд Борисыча.

— Без паники, — говорю. — Проверяю дорогу.

Медленно-медленно подкатываю к сетке и тычусь в нее носом. Под колесами ровно. Закусив губу от злости

на себя, даю задний ход. И вижу, как по склону катится вниз от магистрали полицейская машина.

Не раздумывая, бью по кнопке стеклоподъемника.

— Тим, притормози их.

— Только не насмерть, — говорит Борисыч.

— Это как получится, — цедит Тим сквозь зубы и отстегивает ремень. — Далеко ведь.

— По моей команде сразу внутрь.

— Есть.

Я разгоняю машину, держа забор периферическим зрением, основное внимание на монитор, где полицейские. Не нужны они мне на хвосте... Сзади принимается тявкать пистолет. У нас армейские мелкокалиберные стволы, четыре с половиной миллиметра, прошивают бронежилеты навывлет, тухло будет полицейской машине, если мальчик попадет.

А собственно, куда там попадать-то, у них на морде бронещиток, охлаждение вынесено в корму, шины с жесткой боковиной. Только стекло дырявить, чтобы поняли: мы не шутим.

И Тим дырявит им стекло. Полицейские дают по тормозам с такой силой, что умудряются сорвать машину в занос, она скользит вниз по склону боком, не успевает выровняться, медленно-медленно встает на два колеса и мягко ложится на левый борт.

— Прекрасно, — говорит Борисыч. — В машину!

И мы пробиваем забор. С шелестом и звоном сетка рвется, скребёт по боковинам. Здравствуйте, мы на космодроме.

— К маневру!

Я ныряю под девяносто градусов вправо, проскакиваю между ангарами, даю половинный газ. Несемся по бетонке к стартовым ямам, плавными дугами уворачиваясь от погрузчиков, буксировщиков и самоходных трапов. Сейчас главное никого не испугать, а то они начнут дергаться, и поди их угадай, испуганных. Легко думать за много машин сразу, когда видишь, куда они едут. Когда они суеются, предсказать их очень трудно.

С контрольной башни так страшно орут в мегафон, что все отчетливо слышно, хотя звукоизоляция у нас дай бог. В последний раз я слышал такие эпитеты полгода назад, когда меня увольняли из корпорации к чертовой матери, растуды ее туды. Персона нон грата, предатель, изгой. Дана тогда забросила меня контрабандой на Землю, а теперь повезет домой.

Сам уже не понимаю, где мой дом...

Я и не заметил, что на приборе девяносто, ну, Маша, любишь ты кататься. Верная Маша. Дождалась хозяина и не подвела.

— Всем отмена старта, — говорит Борисыч.

Мы на это и надеялись. А то из ям на старте так дымит, что ничего не видно. Не хотелось бы в здешней тесноте носиться «по приборам», уткнувшись носом в монитор. А еще из ям цементная крошка летит. Да ну ее!

Огибаю здоровенный транспортник, вижу далеко впереди грузовик Даны. Мне навстречу медленно опускается аппарель. Разрешение на взлет Дана получила, должна полную тягу дать через минуту, а отмену — нет, не слышала. А что решила люком похлопать зачем-то, этого с контрольной башни не видно.

— Тим, слева!

Да что ж вам неймется-то, верные псы управляющей компании. Премию захотелось за наши головы?

Оглушительный гул воздуха в оконном проеме. Пистолет сзади уже не твякает, он бабахает — Тим стреляет, не высунувшись. Гильзы летят в потолок и сыплются горячим дождем мне на голову. Две машины на сходящемся курсе — полицейская и космодромной охраны. Если хоть одна запрыгнет вслед за нами в трюм, мы их там, конечно, прикончим, но пара тонн лишнего веса на борту совсем ни к чему. Да и кто кого прикончит, вопрос щекотливый. У них автоматы. Главное, не дать им выставить свои длинные стволы из окон и открыть прицельный огонь.

— Борисыч, не смей, убьешься!

Этот старый перец хотел вылезти наружу по пояс и стрелять поверх крыши. Не на такой же скорости, трам-татам.

Опускаю стекло, получаю сильнейший удар по ушам, рву пистолет из-за пазухи. Очень вовремя.

— Заряжаю! — кричит Тим.

Неловко извернувшись, паляю куда-то в сторону противника. Через секунду подключается Тим, и тут обе машины преследователей начинают лавировать. Ага, не нравится им, как наш меткий парень стреляет.

Космодромная охрана, кажется, задумалась, а не слишком ли быстро она едет и не слишком ли много от этой жизни хочет — и вдруг отвернула в сторону. Увы, я тоже не могу больше нестись во всю дурь, аппарель уже буквально перед носом, слегка подсвеченная дыра трюма, пора тормозить.

У полицейских все лобовое в решето, но эти не тормозят. Они закладывают дугу, заходят мне в хвост и вот-вот протаранят нас. Тим громко и зло орет. Того и гляди начнет палить сквозь заднее стекло, с него станется.

Роняю пистолет под ноги, втыкаю палец в кнопку и даю разряд с кормы.

— Держись! — кричу я сразу всем, особенно — машине.

Звонкий сухой треск, запах озона, Маша запинается на мгновение, а потом резво вспрыгивает по аппарели в трюм.

Полицейская машина будто воткнулась в невидимую стену, такое впечатление, словно у нее внутри развалилось сразу все. Я почти совсем глухой, но слышу адский скрежет резины по бетонке.

Значит, он действительно адский.

Ну еще бы, закусил тормоза намертво.

Кажется, мы справились.

Аппарель поднимается, заслоняя нас от мира. Я подбираю оружие с пола, откидываю спинку сиденья, проверяю, как Борисыч, а Тиме говорю:

— Извини, но ты молодой и так выдержишь.

Раздается ни с чем не сравнимый грохот, а потом ни с

чем не сравнимая могучая силища отрывает нас от грешной земли и от грешной планеты Земля тоже.

Потом нас размазывает.

— Могла бы хоть спросить, как дела. Или просто сказать: «Привет, ребята», — успевает буркнуть Борисыч.

* * *

На хайдрайве можно ходить строго по коридорам, расчищенным от космического мусора, иначе к порту назначения придет не корабль, а чайное ситечко. Куда мы намылились, там легальных коридоров нет, зато есть неприметная дырка. Дана рвет на всех парах к Луне. Вдогонку нам летят нецензурная брань, замысловатые угрозы и недвусмысленные обещания.

Еще за нами идет патрульный корабль, но это он зря. У нас все посчитано: не успеет. Мы растворимся в пустоте. Нелегальные коридоры не обозначены входными баками, надо знать точные координаты. А перекрыть наглухо громадный сектор пространства и сканировать его постоянно, ожидая, не выскочит ли грузовичок, нашим конкурентам просто не по деньгам. Тем более таких секторов много. И отовсюду выскакивают контрабандисты. Быстро меняют товар — и обратно. Не задался у конкурентов их народный социализм. Они, конечно, стараются всех наказывать, и бывшие соотечественники гибнут за металл регулярно. Одного поймают — а на его место уже целая очередь. Потому что при народном социализме особо не разгуляешься, а красиво жить хочется.

Ничего личного, просто бизнес. Для наших людей относительно безопасный, ведь делается все далеко от Земли. Такую наглость, чтобы встроиться в чужую логику и бесцеремонно садиться прямо на Землю, могут позволить себе единицы, и работают они не на себя, а на штаб-квартиру корпорации. Это уже не контрабанда, это разведка. И чтобы засветить Дану, нужен серьезный повод. Как сейчас.

У нас будет гипердрайв. Прямо не верится. Неужели мы это сделали...

На хайдрайве большое ускорение чувствуется только в момент рывка, дальше — обычная «единица»; мы наконец-то не лежим, размазанные, а спокойно усаживаемся в ходовой рубке и глядим друг на друга. Неужели мы это сделали?

Последние новости, что мы поймали, ныряя за Луну: мою личность установили — уж больно машина приметная, — а мне именно того и надо. Пытаются разобраться, как я болтался на Земле черт знает сколько времени. Борисыча и Тима ни одна камера толком не разглядела. Из-за Даны просто скандал: оказалось, у нее все ворованное, причем по отдельности, из разных мест: и грузовик не пойми откуда, и документы на него, и паспорт неизвестно чей, и анализ крови, и отпечатки пальцев, и унылая физиономия, нацепив которую она общалась с землянами, и чуть ли не размер ноги.

Впервые я вижу, как Дана улыбается. Господи, какая же она милая. Потом замечаю, что Борисыч на нее тарашится во все глаза и как-то откровенно по-хозяйски. Да неужто?.. Не про меня, значит, эта легкая походка, русые кудри, аккуратная маленькая грудь прекрасной формы — я очень наблюдательный, профессия обязывает, — чудесный рисунок губ и все такое прочее. Хреново быть наблюдательным. Ладно, утешусь тем, что мои товарищи, кажется, оттаяли и попробуют начать жизнь заново...

Тим на радостях, что мы всех победили, нажирается синтетики и бегаёт по стенам, насилие утихомириваем его. Тогда он виснет у Борисыча на шее и называет его папой. Тут мне реально хочется мальчика пристрелить, но я вовремя соображаю, что применять армейскую мелкашку на корабле запрещено под страхом прогулки за борт. Нельзя — пуля башку просадит навывлет, а потом еще что-нибудь повредит тоже навывлет. Кстати, ради такого случая, когда надо убить кого-нибудь по делу срочно, командиру экипажа полагается старый добрый ствол под

патрон 9 x 19. Тоже не подарок, но гораздо меньше риска испортить звездолет.

Мы неспешно обедаем, болтаем о всякой ерунде, потом я замечаю, что Дана хмурится и вроде бы к чему-то прислушивается. Пора бы разойтись по каютам и как следует выспаться. И проснуться наконец без ощущения привычного страха — меня этот страх убивал на Земле полгода, а Борисыча и Тима три месяца, всю активную фазу подготовки к операции. Въевшийся в мозг ужас разоблачения. Думал, ничего больше не боюсь на этом свете, но когда появилась цель, научился бояться заново. Мертвецам нестрашно: у них нет смысла жизни. Придумай смысл и живи. Но вслед за смыслом придет и страх.

Дана хмурится снова и отворачивается к приборной доске. Начинает что-то крутить и опять вслушиваться. Прижимает ладонь к виску: типичный рефлекторный жест командира звездного корабля, совершенно бессмысленный, но все они так делают. У командира на висках датчики интроскопа. Через него ты воспринимаешь корабль словно живой организм, и этот организм — ты сам. Видишь его насквозь, чувствуешь свою машину, как себя. Не отказался бы я так сливаться с Машей. Мы бы с ней тогда летали, не боясь случайного ветерка. Люблю Машку. Я бы лучше нормальную человеческую женщину полюбил, конечно, но где ее взять — вон, Дану уже Борисыч прибрал к рукам. А я кого попало не подпущу к себе, привередливый. Удивительно, что вообще хочу серьезных чувств — кажется, и меня начинает отпускать полегоньку. Или время лечит, или сегодняшний акт мести подействовал: надежда появилась, надежда... Ты ее только сейчас не обломай, дорогой наш командир.

Все глядят на Дану, ждут неприятностей и боятся спросить, какие именно они планируются.

Тим спросил бы, наглости хватит, но опасается, что мы с Борисычем его заключаем. Допустим, мой персональный статус непонятен, зато Борисыч — старший по званию и руководитель операции.

Сам Борисыч слишком влюблен в Дану, сейчас я вижу это отчетливо, влюблен нежно и трепетно, не вполне еще веря, что способен испытывать такие чувства, и на них ответила такая женщина, не доверяя своему нечаянному счастью. Он будет ждать.

А я просто не имею дурной привычки говорить водителю под руку. Даже если водителю это все равно. Разберется — скажет.

И Дана говорит:

— Пищим, ребята. Даем пеленги.

Тим напрягается и шипит нецензурное, Борисыч охает, я откидываюсь на спинку кресла и пытаюсь думать. Не получается.

— Если вам всадили «жучка»... — тянет задумчиво Тим. — Значит, что-то подозревали...

Глядит на Борисыча, потом на меня. Нехорошо глядит. Зря ты это, парень.

— Не мне. Вам, ребята. Он прямо здесь. В радиусе метра.

Теперь уже все глядят на всех. Кажется, я единственный, кто глядит по-доброму. Чего вы злые-то такие, коллеги?

— Современные «жучки» размером с булавоочную головку, — говорю. — Может, я его на завтрак съел.

Напрасно я это ляпнул, потому что все дружно уперлись глазами в меня.

— Дело не в том, дорогой, что ты съел на завтрак, а кто его тебе подсунул, — заявляет Борисыч. — Мы-то с Тимом друг друга контролировали. А ты работал в одиночку.

— Вот именно, — поддакивает Тим.

Гляжу на них еще по-доброму. Честное слово. Даже стараться не приходится. Мог бы напомнить, что эти двое тоже не все время были друг у друга на виду, но зачем? Сами знают. И топят меня. Получается, один из них. Или оба сразу.

Или Дана нас стравливает.

Только этого не хватало.

— Опять пискнул. Странно, промежутки неравномерные.

— Я уверен, что это не я, — заявляет Борисыч.

— А я уверен, что не я, — говорит Тим.

— А я ни в чем не уверен, — говорю. — И вы напрасно такие уверенные. Миссия у нас непростая, с кем угодно могло случиться что угодно.

— Ты сколько баб осчастливил на исторической родине, Казанова? — спрашивает Дана. — Кто тебе инфу продавал? Уж сто процентов не мужик. С кем ты проснулся сегодня? Подумай.

Ничего себе! Трудно меня озадачить, но у Даны получается.

— Не ожидал от тебя, — говорю. — Вот от кого не ожидал, это от тебя.

Смотрю ей прямо в переносицу и вижу: смутилась.

Неужели — она?..

Звериный инстинкт военного преступника рекомендует немедленно пристрелить Тима, потом жестоко допросить Борисыча, выкинуть обоих в космос и разбираться уже по-хорошему с Даной. Когда я ее любовника грохну, она станет шелковая. Не успела еще к Борисычу привязаться как следует, он только разбудил в ней женщину заново. И мне из этой едва проснувшейся женщины душу вынуть — раз плюнуть.

Пальцем к ней не прикоснусь. Пусть ее наша служба безопасности трахает всем личным составом, им положено по долгу службы не брезговать предателями...

Если бы я слушался инстинкта, трупов вокруг были бы кучи.

Ничего подобного со мной до войны не было, милейший ведь человек. Я по работе «тракторист», по-вашему — «аттрактор», мастер разработки позитивных образов и влюблению в себя всего, что шевелится. Мне нельзя быть плохим. Для меня кодекс Всемирной ассоциации «Паблик рилейшнс» — закон жизни, а этот кодекс, он вроде клятвы Гиппократата, там главное правило — «не навреди».

Я и сейчас добрый. Только доброту свою успешно применяю во зло. В период военных действий мои разработки имели грандиозный успех. Жалко, мы тогда не победили, меня бы народ на руках носил. Ничего, еще победим, но я больше не хочу на руки. Убивать хочу.

Ненавижу вас, твари, и себя ненавижу — что вы со мной сделали.

— Основную инфу, Дана, чтоб ты знала, покупал Борисборисыч, я давал только общее направление. Он у нас специалист по мотивации, ему и карты в руки. А проснулся я сегодня один. Проснувшись, думал о том, какая ты замечательная и как жаль, что совсем меня не любишь и ничего у нас не получится... А теперь заткнитесь все, пожалуйста. Думать буду.

Как ни странно, они затыкаются, а Дана даже глаза опустила.

Размышляю. Ничего не вижу, ничего не понимаю. Хотя... Есть вариант. Попробуем. Вряд ли сильно поможет, но...

— Это чистая формальность, но отдайте мне оружие, Алекс, — говорит Тим.

— Вот напрасно. Я без пистолета только опаснее. Я сразу превращусь в полную гадюку и уболтаю эту сладкую парочку грохнуть тебя.

«Сладкая парочка» нервно переглядывается.

Тим делает плавное красивое движение — так летит в тебя кулак профессионального бойца, ты его прекрасно видишь, но успеваешь только чуть-чуть отклонить голову, чтобы удар не пришелся в нос или глаз.

Сейчас мне в глаз смотрит дуло.

Отмечаю, что мальчик совсем обнаглел и ни в грош меня не ценит: ну где это видано — тыкать стволом человеку в физиономию. Человек ведь может ствол у тебя немедленно отнять. Таким же плавным красивым движением. Дурак ты, мальчик. Но я все равно к тебе хорошо отношусь, сочувственно.

Или ты готов убивать и, едва я дернусь, нажмешь на спуск. Тогда ты вдвойне дурак, ведь тебя пришьют через

секунду, вон у Борисыча где рука, я же не слепой. Их двое, ты один, ты просто не успеешь.

— Ладно, — говорю. — Ты меня не услышал, теперь это твой риск.

Откидываю в сторону полу куртки, Тим вытаскивает из моей кобуры пистолет. Он не боится, что я ношу второй ствол. На Земле все покупается и продается, особенно женщины и секреты, но достать там оружие нельзя. Его изъяли тотально, выковыряли отовсюду, а у военных и полиции оно посчитано, и не дай бог хоть патрон куда-то запропаستится — всех накажут.

— А теперь, когда вы меня больше не боитесь, встали и пошли в трюм. Есть идея. Надо посмотреть, что видела машина.

— Опять пищит... — бормочет Дана, не поднимая глаз. Зацепил я ее.

— Ну вот встали и пошли!

Послушно встают и идут. Борисыч озабоченно пыхтит, Дана, похоже, мучается совестью, Тим старается всех держать в поле зрения. Спасибо, пистолет убрал. Чисто из уважения к Борисычу, думаю. А то бы он сейчас напоказ всех боялся — ведь я его тоже слегка зацепил.

Маша грустит в трюме, вид у нее какой-то унылый, не боевой. Мне тоже сейчас тухло, подруга. Мне уже шестой год так. И едва-едва пытаюсь стать человеком, тут же другие человеки ставят твоего хозяина на подобающее ему место. Тухлое.

Я знаю, что искать, вывожу картинку на монитор в два движения. Ну вот она, запись — водитель прыгает навстречу прелестной девушке, хватает ее в охапку, что-то говорит, валит наземь... Стоп. Повтор. Увеличение. Есть.

Очень хочется выругаться в полный голос.

Это делает за меня Борисыч, который плюхнулся на правое сиденье.

Вылезаю из машины, делаю приглашающий жест:

— Садись, Тим, изучай.

Он садится, Борисыч дает повтор, теперь ругаются оба. Тим скорее восхищенно, чем зло. Да, красивая работа.

А я чувствую, как мягкие ласковые пальцы задирают на мне сзади куртку и суют за пояс нечто увесистое, железное, приятно гладкое и довольно-таки большое. Рукоятью вправо. Дана помнит, что я правша.

Надеюсь, патрон уже в патроннике, иначе зачем это все.

Тим с Борисычем выбирают из машины, а я лезу в карман и отлепляю «жучка». Он все-таки покрупнее булавочной головки.

Очень ловкую девочку я обнял. И отважную. Первая злость уже отошла, сейчас ничего к ней не чувствую, кроме восхищения мастерством и смелостью. А еще было очень приятно обнять ее. Когда победим, надо постараться эту красотку найти и перевербовать. Себе заберу, а там посмотрим. Ничего себе напроорочил: «Жениться хотел, а вы все испортили, подрывники хреновы».

Надеюсь, я ей понравлюсь.

— Не рискнула бы она посадить «жучка» на машину, — говорю. — Не было гарантий, что мы запрыгнем прямо в трюм. Зачем нам лишний вес, обычно транспорт бросают. Значит, милая девочка нацелилась четко на меня. И точно знала, что я заслону ее собой от взрыва...

— Дай посмотреть. — Дана забирает «жучка» и подносит к глазам.

— Ну так что же, Борисборисыч, дорогой ты мой?

— Что же? — тупо переспрашивает Борисыч.

— Тебе не кажется, что милая девочка знала слишком много и о плане операции. и, главное, о том, что я такое? Мужчин, способных поставить жизнь и судьбу на карту ради незнакомой бабы. — единицы. Но за рулем сидел именно такой придурок! — начинаю легонько повышать голос.

— Не может он сам так мощно излучать... — бормочет Дана, разглядывая «жучка» пристально, словно у нее в глазу микроскоп.

— Ты... ты с ума сошел, Алекс? — спрашивает Борисыч проникновенно.

Старый перец не готов играть со мной враспасовку, он действительно обескуражен. Ладно, черт с ним.

— ...И ладно бы моя судьба, моя жизнь, твоя и Тима — судьба целого народа, судьба нашей корпорации, судьба Земли в конце концов! Самый ответственный момент! — уже почти кричу. — Кто мог выйти из машины? Только я! Кто мог знать, что я такой идиот? А?!

Тим переводит озадаченный взгляд с меня на Борисыча и обратно. Думай, мальчик, думай.

У Борисыча, впрочем, тоже взгляд — так себе. Молчи тогда, за умного сойдешь.

— Даже если меня раскрыли, если точно установили личность — тем хуже, я ведь сволочь знаменитая, во мне ничего человеческого нет, я военный преступник и таких девочек пачками уговаривал идти с гранатометами на танки! И я — разжалованный офицер, изгнанник, выброшенный из родной корпорации на хрен, которому надо либо сдохнуть, либо вернуться домой с победой!

— Нет, ты точно с ума сходишь...

— Это ты с ума сошел, когда так подставился! Ты всю жизнь играешь с людьми. И ты всю жизнь — мою! — мой начальник. Никто, кроме тебя, не сделал бы ставку на мои инстинкты. Никто бы не поверил, что я выйду из машины... — Плавно опускаю голос и перехожу с крика на хрип, почти шипение.

— Алекс... — Борисыч прижимает руки к груди, молча умоляя перестать травить ему душу.

Тим уже совершенно обалдел.

— Никто, кроме тебя! — Мы стоим по разные стороны машины, но даже издали я втыкаю Борисычу палец в грудь так болезненно, что тот отшатывается. — Ты, кукловод, это твой модус операнди. Ты абсолютно в себе уверен, когда доходит до управления людьми. И ты ни разу не проигрывал. Ты гениальный кукловод. Этот несчастный мальчик сегодня на полном серьезе назвал тебя отцом!..

Несчастный мальчик передергивается всем телом.

— И насчет меня ты не сомневался ни минуты! Но главное, главное, Борисборисыч, дорогой... Как я мог называть кому-нибудь точный день операции, если мы ждали погоду и принимали окончательное решение вместе этим

утром, у вас дома, и сразу отправились к машине? И Тим не мог, и ты не мог, да? Но мы с Тимом спускались в гараж первые, а ты шел сзади!

— Ты действительно свихнулся, — произносит Борисыч окончательно упавшим, даже севшим от расстройства голосом. — Лейтенант, приказываю арестовать Алекса! Надо его изолировать, а по прибытии наши разберутся.

Честно, я не ожидал, что Тим купится так легко, тем более Борисыч совершенно потерял самоконтроль и не мог мне подыграть.

— Это чистая формальность, полковник... — начинает Тим ледяным тоном, сверля Борисыча взглядом. — Но будьте любезны, сдайте оружие!

Он пока только обозначает свое плавное красивое движение за пистолетом. Тим еще не готов валить Борисыча, но уже перепуган до крайности. Прямо сожалею, что нет времени и возможности как следует насладиться этим зрелищем: убийца-профессионал, испугавшийся собственной тени. Наконец-то с большим опозданием до мальчика доперло, с каким людоедом он имел дело все эти месяцы. Поздно.

— Отставить, лейтенант! — рычит Борисыч. — Выполняйте приказ!

Сомневаюсь, что Тим вспомнил сейчас мое предупреждение, мол, я без оружия стану только опаснее. Хотя было бы справедливо, окажись это его последняя мысль перед концом.

Тим медленно тянется за пазуху, а я — назад за пояс. У меня широкая ладонь, рукоятка пистолета вдруг ложится в нее как влитая. Толстая, ухватистая, чертовски удобная рукоятка.

Нет времени развернуться к Тиму лицом и уж точно никакого желания размахивать стволом, как некоторые пижоны. Я плотно беру длинную черную пушку в обе руки и прямо от живота, стоя боком, только чуть повернув голову, загоняю мальчику две пули куда-то примерно «в центр масс», как это называл мой инструктор.

А когда мальчик начинает гнуться и пытается сообразить, что это его сейчас так неприятно ударило, — уже прицельно две пули в висок.

В замкнутом пространстве трюма выстрелы, словно гвозди в голову, бьют звенящей болью.

Дана зажимает уши — лишь бы она, жучка, себе туда не закатила, доставай его потом.

Я медленно обхожу машину и говорю Борисычу:

— Это чистая формальность, полковник, но если ты, сволочь, немедленно не отдашь мне ствол, я и тебя кокну. Я очень злой сегодня. Я на той девчонке жениться хотел, а вы все испортили!

У Борисыча делаются такие мутные глаза, словно его сейчас шибанет инфаркт. Он покорно выкладывает пистолет на крышу машины. Открываю багажник и небрежно швыряю ствол туда. Не спеша иду обратно. По пути разглядываю то, из чего стрелял. Длинный черный красивый «Таурус», прижизненная реплика антикварной «беретты». Старая добрая хреновина. Если кончатся патроны, череп можно проломить, ничего подобного давно не делают.

Стильная вещь. Нынче и пистолетов таких не бывает, и такого правильного черного цвета в природе нет. Я, кажется, говорил, что пистолетам не доверяю? Этому хочется верить.

Совсем не боюсь, что мой коллега, начальник и добрый приятель сейчас, пока я люблюсь своей новой игрушкой, метнется к багажнику и откроет пальбу. Он сдался.

Дана странно глядит на меня в основном сочувственно.

— Извини, Даночка, — говорю. — Было очень громко, но что поделаешь. Мы все еще попискиваем?

— Угу.

— Ничего, скоро перестанем.

А вот и Тим. Отвратительное зрелище — свежееубитый тобой человек. Вот он был, и вот его не стало. Ой, не стошнило бы. Представляю, что я — водитель. Мне нельзя впечатляться. Сглатываю комок в горле, достаю два окровавленных ствола, несу к багажнику, оттираю их

салфетками, потом оттираю руки... Уфф... Устал я что-то. Запираю машину и говорю:

— Не повезло Тиму. В самый последний момент поймал головой пулю из полицейского автомата. А у тебя, Даночка, как назло, холодильник потек. Нам пришлось захоронить тело в космосе, со всеми соответствующими почестями, о чем мы составим акт. И я бы рекомендовал действительно холодильник сломать временно, а то мало ли, вдруг проверят... Все меня слышали? Молодцы. Ну, пойдемте.

Идут, куда они денутся.

Дана кладет «жучка» под микроскоп, под сканер, под еще какую-то штуку и уверенно говорит:

— Он не может излучать. Это отражатель. Вот почему он сигнализирует через неравномерные промежутки времени. Когда попадает в луч.

— Нас кто-то щупает лучом? Пока мы идем на хай-драйве? Что за излучение такое? Как это может быть?

— А я знаю?

— Хорошо, зато я знаю, что делать. Эй, полковник! Тащи Тима в аварийный шлюз, положи «жучка» ему в карман — и за борт. Действуй.

Борисыч повинуется мне безропотно и молча.

— Пока будешь возиться с телом, подумай, что нам скажешь, когда вернешься! — кричу ему вслед.

Борисыч как-то неконкретно дергает одним плечом.

— Ты бы полегче с ним, — говорит Дана.

— Давай-ка сядем, командир.

Она садится в кресло, разворачивается ко мне, закидывает ногу на ногу.

— Мне нужны прямые, честные, короткие ответы, командир. Ты понимаешь, что я за тебя убью? Убил прямо сейчас. Только ради тебя. Это не любовь. Это дружба.

Вместо ответа Дана тянется ко мне, но я останавливаю ее взглядом.

— Он тебе нужен? — Я тычу пальцем в ту сторону, куда ушел Борисыч.

— Да, — коротко говорит она, скорее выдыхает, чем говорит.

— Понял. Сейчас он вернется, мы побеседуем... То, что он сделал, он сделал не просто так. Он рисковал нашими жизнями ради чего-то очень важного, и я заранее уважаю его мотивы. Тем не менее он нас подставил. И корпорацию подставил. Но если по окончании беседы он все еще будет тебе нужен... Тогда ты его заберешь. И делай с ним все, что захочешь.

— Спасибо, — только и говорит она.

— Это тебе спасибо. За то, что ты профессионал, за четкую работу, за смелость и, кстати, за пистолет. Черта с два я его тебе верну. Он же прекрасен.

Дана смеется.

— Но слушай, подруга, я ждал чего угодно, только не такой огромной дуры. Для меня — идеально удобный агрегат. Но совсем не под твою руку. И как ты эту тяжесть на себе таскала? Кстати, я не заметил.

— Я его не носила. Только сегодня достала из сейфа. Чувствовала, случится что-то... Знаешь, я все равно отдала бы его тебе. Ты любишь такие вещи, а мне он больше не нужен. Это была память. Единственное, что осталось. Память...

Она вздыхает. Прощается с чем-то, отпускает от себя.

— Пробовала его под куртку повесить в кобуре и так и этак... Безнадёжно, слишком большой, даже стволом вниз торчит. И я просто его положила рядом, а когда перегрузки кончились, сунула за пояс сзади. И старалась на всякий случай не поворачиваться к тебе спиной. Ты наблюдательный, я же знаю...

— Между прочим... Ой, позови Борисыча, а то я беспокоюсь. Скажи, чтобы не валял дурака, и что мы его ждем, и все будет хорошо, договоримся.

Дана прижимает висок одним пальцем и зовет:

— Боря! Алекс просит сказать, что он волнуется и чтобы ты не вздумал делать глупости. Мы тебя ждем, мы обо всем договоримся.

— И все будет хорошо.

— И все будет хорошо, Боря.

— Даночка, могла бы давно сообразить: когда мы просим что-то передать, надо передавать в точности. Этот твой красавец в старые добрые времена мог загнать человека в истерику одним-единственным словом. И я сказал «не валять дурака». А ты ему про глупости... Это разные вещи.

— Да ты зануда, оказывается! Такой же зануда, как и он!

И я второй раз в жизни смотрю, как Дана смеется.

— Ну так что за реплика была про моих баб? — спрашиваю.

И тут она краснеет. Ну совсем живая. Теперь лишь бы Борисыч, сволочь, меня не разочаровал. Убить не убью, естественно, но если он постарается, то и Дану разочаровать сможет. И тогда встанет трудный вопрос: а не кокнуть ли его действительно?

— Потому что ты бабник, Алекс, — говорит она, честно глядя мне в глаза.

Второй раз за столь короткий промежуток времени совершенно меня ошарашить может наверное только такая женщина — командир звездолета, контрабандист и разведчик.

— Ты очень любишь женщин. Но еще больше ты любишь саму любовь.

— Ну какой же это бабник?! — возмущаюсь я от всей души.

— Самый настоящий, — заверяет она.

Появляется Борисыч — потный, взъерошенный, одновременно готовый кусаться и вилять хвостом. А мы сидим с Даной и глупо хихикаем.

— Пищим? — спрашивает он сумрачно.

— Не пищим. Выбросил.

— Ну и хорошо. — Он садится в кресло. — А выпить есть на борту?

— Какая выпивка на борту?

— А у тебя, парень?

Ишь ты, как в старые добрые времена позвал.

— У меня есть одиннадцать патронов, — говорю. — Могу намешать тебе пороху в газировку. Вставит — мало не покажется.

— Хватит и одного, — бурчит Борисыч. — В лоб. Тоже мало не покажется.

— Ты не казись, полковник. Ты кайся во грехах своих.

— А ты? — заявляет он агрессивно.

— Что — я?

— Что ты говорил про ту девчонку?

— Да я пошутил!

— Чем докажешь?

— Ну, старик, ты меня довел. Вот это было совсем лишнее. Давай тогда по-взрослому разговаривать. Тебе что-нибудь говорит такой код: виктория шесть пять ноль?

Борисыч хлопает глазами и задирает брови. А потом сует мне лапу:

— С возвращением, майор.

— Извини, не пожму руку предателю, даже если он мой старый друг.

Старый друг на всякий случай пропускает это заявление мимо ушей.

— Это как все понимать? — спрашивает Дана осторожно.

— Его изгнание было подстроено, — объясняет Борисыч. — Никто Алекса из корпорации не увольнял. Кстати, было много шума, но все поняли, что это только дымовая завеса. Какой они придумали настоящий повод? Для узкого круга?

— Я спал с женой первого вице-президента. Меня попросили больше этого не делать, а я не внял. У нас, понимаешь, с ней серьезно.

Дана прыскает в кулак. Мол, а я что говорила.

— Не верь, Даночка, это именно повод. И твой покорный слуга видел эту даму один раз издали. Вовсе не я, а первый вице напрашивался на увольнение, вот его и ре-

шили примерно наказать. Проверить на лояльность родной корпорации. У них там наверху очень жестокие игры.

— И он согласился?

— Как миленький.

— Вот скотина... Но ты-то каков актер! Я была уверена, что везу бедного-несчастливого беглеца...

— Но я был действительно бедный и несчастный... Ладно, полковник, говори, чем тебя прижали наши конкуренты. Тебя не так-то легко прижать. Я все понимаю и поэтому внимательно слушаю. Хотя был огромный соблазн натравить на тебя бедного мальчика.

Борисыч упирается взглядом в столешницу и сухо цедит:

— У них мои дети.

Дана сжимается в комок.

Ну, одной проблемой меньше. Теперь даже если ты признаешься в поедании еврейских младенцев на завтрак, она тебя простит.

— Их успели эвакуировать на ту сторону. Ты же знаешь, там ничего не осталось от дома, все в кашу, я был уверен, что они погибли вместе с матерью...

— Я знаю. Им сейчас... Мальчику девять, а девочке тринадцать? Да они тебя не вспомнят.

Он поднимает глаза и смотрит так, что я верю каждому слову.

— Вспомнили! — шепотом кричит он. — Я их видел. Вспомнили! Я обещал, что мы будем вместе, они ждут, они хотят ко мне...

— Уверен, что их тебе отдадут?

— Уже отдали. Я ведь тоже не совсем дурак. Они на марсианском рейсе, гражданский лайнер, никакой охраны, нам просто надо подойти и забрать их, в запасе еще неделя.

— Ну да, а капитану теперь скажут — не тормози ни под каким видом. Ты же провалил задание, мы выкинули отражатель.

— Вот это не беспокойся, — вступает Дана. — Возьмем на бордаж и ограбим. Не впервой, поверь специалисту. Пистолеты только мне отдай.

— Армейские?

— Да не стану я стрелять. Что я, сумасшедшая? Но капитану лайнера это знать не обязательно. Добрее будет, когда увидит.

— Черт с вами, — говорю. — Вам, наверное, виднее. И куда потом?

— В нейтральную зону, как можно дальше. Дана...

— Я придумаю, — говорит она. — Есть много хороших мест. Ну, неплохих.

— Мне поставить штаб-квартиру в известность, что тебе в связи с вынужденной засветкой нужен длительный отпуск?

Она не успевает ответить.

— Тебе бы тоже не помешал, — говорит Борисыч. — Мы проиграли, Алекс. Год назад конкуренты нашли ошибку в расчетах и довели гипердрайв до уровня прототипа. Еще год, максимум два — и полетят. Прямо к нам.

У меня звенит в ушах, как после стрельбы в трюме. Болезненно.

— Этот луч, которым нас щупали, — побочный эффект разработки. Понимаешь, Алекс, дети... Детьми они меня добили. Начали они с гипердрайва. Нам конец. Впереди новая война, в которой мы заведомо проигрываем...

Я не говорю ему, я хриплю почему-то:

— Гипердрайв — наш. Мы лучше знаем, чего от него ждать. Мы будем считать быстрее и строить тоже быстрее. А еще мы купим у землян все, что они смогут продать. Если потребуется, я вернусь туда. Не представляю как, но вернусь. И мне будет очень не хватать тебя, БорисБорисыч. Давай сейчас все забудем. Никто ничего не узнает. Мы все сделали как надо, только потеряли Тима. Забирай детей, отправляй их с Даной на нейтралку, а сам возвращайся. Разработаешь новый план. Если нас не отпустят — пошлем толковых молодых ребят...

— Ох, несет тебя, Алекс... — тянет Борисыч. — Ты как-то упустил из виду, что мы забрали в институте фальшивки. Мне казалось, ты уже понял...

— Не повезло, — твержу я упрямо. — Противник не дурак, ждал нас. Зайдем на тему по-другому. Придумаем как. Пусть разведка голову ломает. Только помощи.

— Вкупе с тем, что я вытащил детей, фальшивая инфля меня убьет. Это не провал операции, а очевидное предательство. Очевиднее некуда. Расстреляют.

— И будут правы, — говорю. — Какая же ты дрянь, полковник! Что же ты натворил? Что же ты наделал? Проклятье, что ты наделал...

— Уходи с нами, Алекс. Тебе дома тоже жизни не будет, извини. Тебя минимум на год загонят в резерв и будут проверять. Насчет Тима ты отболтаешься, уверен, но... Работать не дадут.

Я уже не сижу — лежу, уронил руки на стол, лицом в них уткнулся.

Мы не проиграли. Это не конец.

Как же я вас всех ненавижу, сволочи!

— Дана, что скажешь?

Она виновато разводит руками:

— Мне не внедриться к землянам второй раз. Была бы женщиной... Женщина слишком заметна. Я больше ничем не могу помочь, Алекс.

Еще утром я был относительно живой, а сейчас в два раза более мертвый, чем когда-либо. Никого не осталось, ничего не осталось. Меня все бросили.

Безумная мысль: та девчонка. Найти ее теоретически можно. Обработать как следует, наверное, сумею. Что мне это даст? Ничего, кроме женщины, которую я обманул. Ничего. Будь реалистом, Алекс, шансов на Земле у тебя ноль. Даже с фальшивой мордой не продержишься ты там больше месяца. Ты не шпион и никогда им не был, тебя забросили только ради твоих способностей налаживать контакт с людьми. А сам по себе ты спекся. Кончился. Убил тебя этот бесконечно длинный день. Ухлопал.

Но мы не проиграли. Должен быть выход.

— Ладно, — говорю. — Спать пойду.

Двое суток я лежу в каюте, баюкая на груди свой красивый черный пистолет. В трюме грустит красная

машина Маша, иногда мне кажется, я чувствую, как она меня зовет.

Сунулся Борисыч, я сказал, что застрелю, он поверил и исчез. Иногда заходила Дана, говорила какие-то добрые утешительные слова, я толком не слышал. Потом она постучалась: заходим на орбиту, будем садиться, иди в рубку.

— Куда садиться? — Это не голос, это стон разочарования.

Почему все такие кретины? Спасаешь их, шкурой своей рискуешь — никакого понимания. Башкой прямо в петлю лезут. И чего ради я тогда стараюсь?

— Вы совсем идиоты? Ты сядешь — и уже не взлетишь. Наших, что ли, не знаешь? Дашь тягу, и тебя подстрелят тут же. Расценят как попытку к бегству. Кстати, справедливо...

— Но я должна тебя высадить!

— Ничего ты не должна. Нельзя садиться. Тебе и с орбиты придется улепетывать на полном газу, как только передашь сообщение...

Она присаживается рядом и ждет. Видит: я что-то придумал.

— Даночка, ангел мой, ты отдаешь себе отчет, что сейчас предашь корпорацию? Сознательно предашь? После стольких лет службы?

— Да. Там для меня нет надежды, — говорит она просто.

— Для меня тоже нет! Чтобы надежда появилась, надо драться. Головой об стенку биться. До упора и дальше.

— Они Борю убьют. А я...

— Боря дал тебе надежду, — говорю так едко, как только могу.

Как только умею. Профессия научила.

И не пробиваю Дану, даже не особенно трогаю. Потому что Боря, сволочь, и вправду дал ей надежду. А у меня отнял. Придется сделать новую. Из чего?

Вероятно, из чего-нибудь плохого, ведь хорошего не осталось. Хотя бы из той девчонки, неспроста она у меня

перед глазами стоит по сей день. Враг. Противник. Но хорош, черт возьми. Из такого врага не грех сделать друга. На голой искренности. Вообще без обмана. Это будет высший пилотаж. И удрать вдвоем на нейтралку, если вдруг проиграем. Встречу там Борисыча — морду ему разобью вдребезги. И прощу. Да уже простил.

А ведь тоже вариант на самый крайний случай.

Хотя лучше бы нам гипердрайв добыть поскорее. Не знаю, каким образом. Родить. Пусть разведка придумает как. А мы что, мы кукловоды. Добрые в принципе люди...

Сажусь рядом с Даной и говорю:

— Ты бы хоть поплакала надо мной, зараза красивая. Не объясняю, зачем и почему, сама знает.

И она кидается мне на шею и начинает реветь. И за меня, и за себя. Оплакивает наше прошлое, закрывая эту тему навсегда, и над судьбами нашими дурацкими плачет, и, главное, сбрасывает дикое напряжение последних дней. Ей это надо. Борисыч ее так не вскроет, а ей надо, я же вижу.

Потом она целует меня солеными губами и шепчет:

— Ну бабник же. До слез готов довести женщину, только чтобы она тебя поцеловала. Алекс, Алекс, золотая ты душа... Перестань себя убивать, начни жить. Хочешь меня? Возьми. Сейчас можно. Нам с тобой сейчас все можно...

— Не все можно, — говорю. И целую ее нежно-нежно, и сердце замирает от тихой радости, потому что понимаю: не вру и не шучу. — У меня невеста есть. На Земле. Ну, ты ее на той записи видела...

Другая бы обиделась насмерть, а эта начинает хохотать сквозь слезы.

— Ну ты псих, — говорит. — Но тебе, ненормальному, только такая и подойдет. Знаешь, я горжусь, что была твоим пилотом. Ты потом, когда все кончится, обязательно выйди на связь. Будет надо, я вас спрячу. А не надо — просто дай знать о себе. Борьке прикажу на коленях перед тобой ползать, чтобы ты его простил.

— Да уже простил, только ему не говори. Но в рожу он получит. Разрешишь, командир?

— Разрешаю. Ну?..

— Утираем слезы и идем работать.

На прощание мы все равно целуемся, совсем не подружески. Но это ведь на прощание. Нам сейчас можно...

Сбросить автомобиль на орбиту — это нетривиальная инженерная задача. На грузовиках такого класса нет системы откачки воздуха из трюма, она там просто не нужна. И когда Дана приоткроет аппарель, в трюме начнется торнадо. Поэтому Борисыч наспех крепит машину и погрузчик, которым он меня отсюда вытолкнет, а я тем временем сливаю жидкость из системы охлаждения, чтобы вдруг не разорвало. Чего-нибудь все равно порвет где-нибудь. Но чем Машка конструктивно хороша: что ее не убивает, то делает сильнее. Для полета в атмосфере я машинку как следует подготовил, а после космического учту недоработки и все исправлю.

Борисыч лезет в погрузчик и пристегивается, я кое-как забираюсь на откинутые передние сиденья машины поперек — в скафандре иначе не получится — и растопыриваюсь там покрепче.

— Сообщение отправлено, принято и понято, — слышу голос Даны. — Открываю. Держитесь, ребята.

Пошла аппарель, пошел воздух, машину начинает трясти, я вижу в приоткрывшуюся щель голубую-голубую, ничуть не хуже Земли, базовую планету корпорации, а потом у меня стекла покрываются наглухо изморозью — и все, шоу окончено.

— Отстегиваю. — Это Борисыч. — Так... Готово. Внимание, сейчас толкну.

— Ты погрузчик не забыл привязать? — Это Дана. — Сам смотри не улети!

— Я его возьму на борт, конечно, но внизу ему не обрадуются... Да и надоело мне спасать этого старпера. Сколько можно, право слово.

— Вот ты язва. Толкаю!

— Поехали...

Чувствую движение. А потом тело становится легче, легче... Я в свободном полете. Если все будет нормально, нам с Машей болтаться тут больше часа, пока за нами подгонят корабль снизу, успеем совершить полный виток, прямо как первый космонавт. Только он в илюминатор смотрел, а я сейчас монитор включу. На мониторе еще лучше видно.

Страшновато мне, честно говоря. Вроде в машине, а не водитель, так, чемодан. Ничего от меня не зависит.

— Удачи, Алекс.

— Прощайте.

И тишина мертвая. И я окончательно, совершенно один. И голубая планета подо мной, и нравственный закон во мне, а звездного неба не видеть.

Протягиваю руку, нажимаю кнопку, на корме раздается сухой треск. Ох, как я боялся, что откажет система, что реактор сдохнет, что еще чего-нибудь сломается...

— Шесть ноль пятый, вижу тебя, давай пеленг каждую минуту.

— Понял.

Человек на орбите в автомобиле заметнее, чем просто в скафандре, — раза примерно в два. То есть в два раза больше, чем никак. Но если он ежеминутно дает сильнейший разряд, его видно очень хорошо. Все шансы, что за ним прилетят.

И это, знаете, мотивирует. Сначала у нас все отняли, теперь мы сами все продули, но именно сейчас, болтаясь в безвоздушном пространстве один как перст, в этой все-ленской безнадеге я вижу какой-то просвет. Друг меня предал, а я его — нет. А подруга родину предала, но не предала меня. Парня я убил ни в чем не виноватого, чтобы спасти тех, кого бескорыстно люблю. Ну и кто я после этого?..

Нажимаю кнопку, даю разряд.

— Шесть ноль пятый, спасибо. Уже идут к тебе, держись там.

Как ни странно, я после этого далеко еще не конченный тип.

Сказано: держись там, — буду держаться.

И мы пока не проиграли.

И вообще, если у человека в наше хреновое время есть красная машина и черный пистолет, это как минимум сильно повышает настроение.

А значит, повышает шансы.

И вовсе я не один. Чего это я один? Нас тут целых трое. Мы с Машкой и Тошкой еще себя покажем.

И, надеюсь, понравимся одной милой девушке.

ПОКА Я ПОМНЮ

Девушка в черной униформе сама была черной и вдобавок толстой. Пошивалов подумал: «Негритянка», но тут же с иронией поправил себя: «Афроамериканка, не вздумай вслух иначе сказать!»

Ему вспомнился фильм «Брат-2» и то, что когда-то в школе он считал, будто неграм в США плохо живется. Пошивалов улыбнулся, глядя на таможенницу.

Толстая таможенница тоже заученно улыбнулась, но глаза ее оставались холодными и настороженными: к приезжим в США давно относились с повышенным вниманием.

— У вас все вещи с собой, так мало? — поинтересовалась таможенница.

Пошивалов снова улыбнулся:

— Люблю путешествовать налегке. И разве это проступок — мало багажа?

Эбеновая жрица американской таможни чуть прищурилась:

— Вы не первый раз в США?

— Пока первый, но я прекрасно вас понимаю. Я видел по телевизору, что сейчас здесь досматривают всех. Угроза терроризма! Увы, у вас, как и у нас, пытаются бороться со следствием, а не с причинами...

Он подивился сам себе — своему беглому английскому: система обучения языкам у его наставников работала

здорово. Кроме того, его научили легко ориентироваться во многих местах, где он ранее ни разу и не бывал.

— Откуда так хорошо знаете язык? — В голосе таможенницы скользнул человеческий интерес.

— Мне иностранные языки для работы необходимы, — сообщил Федор. — Вот и учу.

Таможенница кривовато усмехнулась жирными лиловыми губами, шлепнула штамп в паспорт и протянула документы Пошивалову:

— Желаю приятно провести время в Америке!

Произнесла — словно сплюнула...

Желательно было подождать, пока пассажиры его рейса рассосутся. Федор послонялся по холлу, постоял у нескольких справочных дисплеев, купил NY Gerald и только затем вышел из здания терминала.

Обещали, что в Нью-Йорке тепло, но погода, как часто случается, наплевала на прогнозы синоптиков: не так давно шел дождь, и температура не радовала: максимум градусов пять-шесть тепла, если по привычным «цельсиям». Правда, пока было рано — всего семь утра, и могло потеплеть.

Времени имелось вдоволь, и Федор прошелся под нависающим козырьком мимо плотного ряда припаркованных автомобилей. Со стороны могло показаться, что прогуливается никуда не спешащий менеджер средней руки, вернувшийся из отпуска или из необременительной командировки.

Если за ним кто-то и следил в аэропорту, то сейчас слежка в пределах визуального контакта отсутствовала. «Нет-нет, — сказал сам себе Федор, — никто не может знать, что я приехал. Ни-кто! Даже Антон, и тот ничего не знает, я должен его сам найти».

При воспоминании об Антоне и от предвкушения встречи на душе потеплело. Он остановился, бросил взгляд на мутно-серое небо, одновременно лишний раз прощупывая людей, высыпających из дверей ближайшего терминала и ныряющих внутрь. Все спокойно — и сам он спокоен. И он увидится со старым другом!

Но расслабляться не стоило, ведь его послали все проверить...

Обогнув невысокую белую колонну, поддерживавшую крышу перехода, он направился к стоянке. Темнокожий таксист из ближайшего «йеллоу-кэба» поймал его взгляд, и Федор вопросительно дернул подбородком. Таксист кивнул и хотел выйти, чтобы открыть багажник, но Пошивалов указал на свой небольшой саквояж:

— Это все, приятель!

Он бросил сумку в салон и уселся сам.

Видимо, его внешний вид вызвал у таксиста определенное доверие. Афроамериканец опустил разделительное стекло и поинтересовался:

— Стало быть, налегке путешествуете, сэр?

— Именно! — подтвердил Федор. — Налегке удобнее.

Мужчина засмеялся и поинтересовался, куда ехать, — Пошивалов назвал адрес.

— Манхэттен, — кивнул таксист, мягко трогая машину с места. — У вас там офис, сэр?

— Нет, я приезжий, — ответил Пошивалов, рассеянно оглядывая уплывающие назад постройки JFK. — Приехал по делам фирмы.

Таксист покосился в зеркало заднего вида — пассажир, похоже, не особо был склонен поддерживать беседу. Тем не менее парень спросил, откуда он.

— Из Вашингтона...

— Из города? — Таксист не дал Пошивалову закончить фразу.

— Да нет, из штата! Из Сизтла.

Пошивалов назвал этот город, так, на всякий случай. Просто совсем недавно прибыл и самолет из Сизтла. Береженого бог бережет: если, мало ли что, будут искать и выйдут на таксиста, не сразу подумают на рейс из Европы.

Он усмехнулся:

— А почему вы обрадовались, если бы я приехал из столицы?

— Да у меня там брат, тоже таксист. Я сам там вырос, а потом сюда перебрался. В общем, родной город.

- Понятно, — кивнул Пошивалов и достал планшет.
- Дела? — подал голос водитель.

— Совершенно верно, — подтвердил Федор. — Вы меня, пожалуйста, провезите через Бруклинский мост — хочу на него взгляд бросить, а я пока почитаю документы.

Таксист понимающе кивнул и с некоторым сожалением замолчал.

Пошивалов запустил на экране простенькую программку «Калейдоскоп» и под плавно меняющиеся хороводы узоров и геометрических фигур, специально подобранных для снятия напряжения, задумался.

Позади осталось восемь месяцев подготовки — да такой, какой он никогда не получал, даже в ВДВ. Кирилл Францевич действительно происходил «не от мира сего» — в самом прямом смысле: тренировки организовывали главным образом далеко от Земли.

Новый наставник Федора, а теперь и главный начальник, оказался прав: его душевную боль удалось если не вылечить, то сильно сгладить. Самое главное, к Пошивалову вернулось осознанное существование. Никто не вернет жену и дочку — даже орхане не умели поворачивать время вспять и воскрешать мертвых, но ощущение собственной нужности ему вернули. Нужности всем людям, хотя они, люди Земли, об этом и не догадывались.

Федор сейчас даже жалел черную таможенницу. Она, как и многие из так называемых афроамериканцев — термин, придуманный в угаре шизофренической политкорректности, — пока не могла избавиться от комплекса неполноценности. Потому и делила мир на белых и черных, в отместку европейцам за годы рабства своих прабабушек и прадедушек. Она, как и многие другие земляне, занятые «домашними» распрями, не понимала, что за стенами дома под названием «Земля» людей подкарауливают куда более серьезные проблемы.

Что обидно: людям нельзя рассказать, как обстоят дела на самом деле. Людям многое пока нельзя рассказать открыто, и поэтому Землю приходится защищать тайно. И теперь он — один из солдат скрытого и от простых

граждан, и от земных правительств «звездного МЧС», своего рода «человек в черном».

Когда Федор уяснил реальное положение дел, он впервые за долгое время улыбнулся и спросил Кирилла Францевича, дважды навещавшего его во время спецподготовки:

— Не ваши ли подкинули в Голливуд идею этого фильма?

Начальник одобрительно кивнул:

— Федор, мне нравится, что ты начал улыбаться. Память о горьком прошлом не должна тяготить, поверь. Ты не виноват, что выжил в той аварии на шоссе. Ты считай, что и твои родные живы — пока ты о них помнишь. И ты сам во многом жив памятью о них. Поэтому — живи!

— Пока я помню, я живу, — ответил Пошивалов строчкой из забытой песни, снова становясь серьезным. — Кир, ты не ответил на мой вопрос: неужели в Голливуде сами придумали «Людей в черном»?

— Ну а ты как думаешь? Мы не можем сказать правду, пока не можем, но надо же как-то внушать людям хотя бы самые общие моменты. Пусть и в столь гротескной форме. Кстати, знал бы ты, какой политический скандал разразился из-за этого фильма.

— Там? — Федор ткнул пальцем вверх, имея в виду межзвездные политические просторы.

Кирилл Францевич зевнул и потянулся на скамеечке, где они сидели после ужина. Над горизонтом поднимался желто-серый Иран, один из двух спутников планеты Кулор. Впервые услышав название местной луны, Федор удивился совпадению слов, но это оказалось не более чем совпадение.

Разговор происходил на базе спецподготовки в системе Поллукса, куда только что прибыл Федор. Тридцать пять световых лет от Земли — Пошивалов хорошо запомнил разные «технические характеристики». Там было довольно жарко: хотя планета кружилась пятой вокруг светила, но Поллукс больше Солнца, и светимость его намного выше.

— Естественно! Это могло пройти и незамеченным, но нам не удалось перехватить информацию, и альтеры, чужие главным образом камалы и их основные приспешники, ратлы и ларзианцы, подняли вой. Правда, они не сумели доказать, что идея на сто процентов не принадлежит земному сценаристу. По большому счету, уже около семисот лет договорились не соваться в дела планет других рас, подписали Пакт...

— Погоди-ка! А как же альтеры проникают на Землю и в другие ваши миры?

— Наши, наши миры! — поправил Кир.

— Само собой, — кивнул Пошивалов. — Но как они проникают?

— Очень просто: прилетают тайно! — развел руками орханин. — Полная аналогия с земными тайными политическими делами. У вас тоже нельзя засылать шпионов открыто, а если таковых вылавливают, то происходят дипломатические скандалы...

Кир объяснил, что жестко закрыть и контролировать весь пространственный периметр сферы, включающей Солнечную систему или любую другую подобную, практически невозможно, особенно если сами земляне многое могут заметить в окрестностях своей звезды. Содружество идентичных, в свою очередь, связано с альтерами договором, по которому не может раскрываться перед землянами. Именно поэтому корабли СИ не висят на орбите Земли, и согласно имеющимся договоренностям идентичные не могут выставить серьезные кордоны ближе орбиты Сатурна. Кроме того, на планетах типа Земля существуют тайные от аборигенов, но официальные в рамках Галактического Сообщества представительства негуманоидов — тех, кто желает подобные иметь, разумеется. Все это делается тоже согласно Пакту: они наблюдают, чтобы не производилось целенаправленного прогрессорского вмешательства. Что касается тайных от СИ агентов, то они засылаются, как и шпионы, при вполне официальных земных дипломатических корпусах.

— На пустых или осваиваемых нами мирах проще, — заметил орханин. — Там мы можем открыто держать силы флота рядом с планетой, и если происходит попытка несанкционированного вмешательства, то есть, говоря попросту, диверсии, то... сам понимаешь.

— Уничтожаете?

Кирилл Францевич поморщился:

— Уничтожить противника открыто в таких условиях не всегда возможно — есть опасность спровоцировать крупный конфликт. Ты перенеси аналогии на земные политические дела: например, вторгся кто-то в территориальные воды или в воздушное пространство другой страны. Все понятно, со шпионскими и тэпэ целями, но ты попробуй просто так сбей или потопи — поднимется шум! Так же и тут. Именно поэтому существует мощнейшая организация — Контрразведка Содружества Идентичных.

Пошивалов отхлебнул воды из бутылки, которую держал в руке, и спросил:

— Слушай, неужели с негуманоидами — ну пусть и псами какими-то, или крысами, или как ты их называешь — нельзя договориться делать все нормально, по.... — Он чуть не сказал «по-человечески», но вовремя спохватился: — Ну, как нормальные разумные существа? Ведь не дикари же в космос летают, и вообще...

— Фе-ея! — Кир иронически и грустно покачал головой. — Хотя все существа разумные и разум нас роднит, но общества у альтеров и у нас совершенно разные. Разные ценности, разная мораль. Мы — *разные* и никогда до конца не поймем друг друга. И чем выше степень различия, тем выше потенциальная конфликтность. А потому, увы, битвы рас — так называемых крыс против людей — или, до определенного момента, людей с людьми, но белых, черных или желтых, людей разных религий и разных культур будут иметь место. Просто основа этого противостояния будет переходить на все более высокие и принципиальные уровни.

— Погоди-ка, ты о чем? — не вполне понял Пошивалов.

— Представь себе цивилизацию, не вышедшую в дальний космос и живущую в замкнутом пределе одной планеты. Типичный пример — Земля. Вражда идет по внутрисословным и тому подобным признакам. При встрече с космическими чужаками вражда начинается по признакам разных типов существ: гуманоиды — не гуманоиды, идентичные — не идентичные и так далее. Все попытки пацифистских решений обречены на провал и, наверное, вредны, поскольку лишь притушат конфликт, но не ликвидируют его причину. На Земле проблема может быть решена хотя бы примитивным смешением рас, но у тебя никогда не будет общего потомства с крысой — хоть вашей, земной, хоть из космоса. Да, приходится сосуществовать, но братства с альтерами быть не может. Ты сравни с тем, что происходит на Земле: тут все одной крови, но легко ли достичь братства? Ведь сложно бывает договориться с другим государством, где живут такие же люди, но только чуть-чуть иначе одеваются или верят чуть в другого, но тоже выдуманного бога! А если это иная цивилизация с другой планеты, да еще и совершенно на тебя не похожая, а? Представляешь?

— Кажется, представляю, — негромко ответил Федор. — Знаешь, мне всегда нравился фильм «День независимости». Когда европейцы и папуасы, арабы и евреи братаются на фоне сбитых кораблей инопланетных захватчиков.

Кирилл Францевич усмехнулся:

— Хороший фильм, кстати, получился. И ты схватываешь самую суть!

Пошивалов не стал спрашивать, откуда происходила идея сценария.

* * *

Федор прилетел в Нью-Йорк на свое первое задание. Его сначала удивило направление именно сюда, в дальнюю за границу — казалось, наверняка есть дела и в родной стране, а самое главное, неужели не хватает агентов-

американцев? Кир, с которым на Земле он виделся очень часто, как-никак непосредственный начальник, пояснил, что таков основной принцип работы КСИ: агентов часто направляют в разные страны, потому что возникают ситуации, когда нужен «человек со стороны».

— Но в твоем случае дело не только и не столько в этом. Ты помнишь Антона Берковича? Ты писал о нем в автобиографии.

Пошивалов резко вскинул глаза: еще бы он не помнил Антошку! Они познакомились в спецгруппе дивизии, вместе застали самый конец Афганской кампании и начало прелестей в Чечне. В их военных биографиях, к счастью, не случилось киношно-драматичных моментов, когда друг спасал друга из горящего бронетранспортера или тащил раненого на себе десятки километров по горам, но дружили они крепко. Как могут дружить два военных человека, бывавшие в переделках, не раз видевшие рядом смерть и понимавшие цену человеческой жизни, человеческого тепла — и часто, увы, человеческой подлости.

Антон не был женат, и в семье Федора воспринимался как брат — он любил у них бывать, и все любили его.

После провальной первой чеченской войны, когда доморощенные демократы, брызгая слюной под дудки западных дирижеров, вопили о несостоятельности армии и о необходимости договариваться с бандитами «цивилизованным путем», а на участников боевых действий указывали как на преступников, чьи руки обагрены кровью невинных женщин и детей, Антон демобилизовался. Он стал реже встречаться с Федором, начал попивать, и, как тот ни пытался урезонить друга, ничего не помогало.

Пошивалов не знал, что делать, но примерно через полгода Антон появился отлично выбритый, пахнущий хорошим одеколоном, совершенно трезвый — но с бутылкой французского коньяка и шикарным тортом. Он рассказал, что нашел выгодную работу и уезжает на Дальний Восток. Как ни старались Федор и Ольга выпытать, что за работа подвернулась, Беркович хранил молчание, ссылаясь на подписку о неразглашении тайны. Он не сказал

ничего даже Ксюхе, которую обожал как родную дочь и которой ранее никогда ни в чем не мог отказать.

— С мафией, что ли, связался? — несколько раздраженно спросил Федор напрямик.

Антон с иронией покосился на друга:

— Обижаешь, брат! Думаешь, я свяжусь с подонками? Поверь, это очень нужная всем нам работа...

— Кому это — нам?

— Тебе, мне, им. — Беркович кивнул на жену и дочку Федора. — Людям вообще. Но рассказывать я не могу ничего, простите. Я уже нарушаю инструкции, даже зайдя попрощаться. Мне было сказано категорично: сразу по приему на работу исчез-нуть!

— Значит, даже не напишешь, — констатировал Пошивалов.

— Не напишу, во всяком случае, очень долгое время: таковы условия контракта! Именно поэтому я решился попрощаться. Поэтому у меня и будет к тебе просьба: дня через три начни меня искать...

— В смысле?! — не понял Федор.

— Ну, в смысле, сделаешь вид, что меня ищешь! Начни спрашивать в общежитии — мол, куда подевался господин Беркович, обратиться в милицию с заявлением, что пропал друг, и так далее, понимаешь? По полной программе. Это для меня чрезвычайно важно. Сделаешь?

— Ну и ну! — только и сказал Пошивалов, подозревая, что друг взялся за какое-то серьезное дело по линии ФСБ или ГРУ.

Правда, теперь он точно знал, какую работу тогда предложили Антону — и кто предложил.

При этом нынешнее задание Пошивалова, в общем-то, являлось не слишком приятным: он должен проверить деятельность Берковича. У резидентуры СИ появились сведения о некой группе альтеров, то есть инопланетян-чужаков, действующих под видом землян. Произвели проверку: двое контрразведчиков под видом полицейских последовательно в разное время останавливали на дорогах всех участников группы. Но оказалось, что все они —

обычные люди, даже не клоны: сканер, установленный в автомобиле, показал человеческий генетический код.

Можно было считать, что произошла ошибка, но при этом группу заметили в распространении кокаина, который по химическому составу походил на обычный, но содержал добавку — так называемый ДНК-модификатор, вызывающий отрицательное влияние на наследственность употреблявших наркотик, вызывая мутации, способствующие рождениям нестойких особей.

Такой кокаин не мог быть произведен на Земле, и местные наркоторговцы не могли его поставлять. Однако альтеры, даже гуманоиды-чужаки, не могли *так* загримироваться под землян.

Возникало несколько версий. Одна — практически невероятная, поэтому ее не брали во внимание: альтеры научились обманывать генетические сканеры орхан.

Самая простая версия заключалась в том, что распространители — обычные люди, а наркотик к ним поступает из неизвестного резидентуре СИ источника. То есть альтеры наняли ничего не подозревающих землян, готовых зарабатывать на торговле отравой. Подобные вещи имели место, и это давало повод искать, куда ведет след.

Третья версия строилась на теоретическом посыле, что альтеры наняли людей или других идентичных, *понимающих*, на что идут. Это было маловероятно, поскольку подобных вербовок ни разу не проводилось: при провале это стало бы прямым доказательством тайной подрывной деятельности и привело к колоссальному политическому скандалу на уровне Галактического Сообщества. Если же альтеры решились на подобное, то представлялось весьма ценным захватить предателей и заставить их дать показания перед судом. Это принесло бы огромные политические выгоды всему Сообществу Идентичных.

Четвертая версия состояла в том, что на обычных людях использованы ментальные программы — частичное или полное замещение основной личности. Эту методику после подписания соглашений по недопущению клониро-

вания альтеры применяли чаще всего, и она рассматривалась как основная.

Беркович работал в США не первый год, поэтому его и направили в Нью-Йорк с целью повторной проверки подозрительных наркодилеров. Антон сумел познакомиться с группировкой, крышей которым служила авторемонтная мастерская, и даже между делом прикупил у них «дурь». Но Кирилла Францевича ждало разочарование: в представленных дозах отсутствовал обнаруженный ранее ДНК-модификатор! Таким образом, косвенно подтверждалась версия, что где-то работает группа альтеров, поставляющая кокаин с соответствующей добавкой ничего не подозревающим «честным» наркодилерам. Вполне логично, что альтеры именно так и действовали, продавая случайным образом партию в одном месте, затем — в другом и так далее. С учетом того, что рынок наркотиков поделен весьма жестко, появление нового игрока сразу вызвало бы пристальное внимание конкурентов. Поэтому реально возможны только варианты точечных продаж через мелких, максимум через средних дилеров, у которых на большую разовую партию просто не хватит оборотных денег.

При подобном варианте искать источник можно долго и безуспешно, но прощупать автомастерскую еще раз стоило. Задача представлялась нелегкая: ясно, что никто не скажет прямо, от кого поступила партия кокаина, но искать следы придется, поскольку кокаином пользуется куда больше людей, чем героином. Потребители героина и так личности почти конченные, а вот «кокаинисты» не вполне потеряны для общества, и потомство, которое оставят после себя они, куда более многочисленно.

Федора здорово удивило, что в Нью-Йорк посылают уже второго русского, и он прямо спросил Кира почему.

— Ну, во-первых, в Штатах и в Западном мире вообще альтеры успели развернуться куда лучше, чем где бы то ни было, и потому здесь шире фронт работ.

Пошивалов выгнул брови:

— Это почему они успели там шире развернуться?!

— Да потому, что в том обществе уже давно слишком многое решают деньги. У людей в западных странах коммерциализированные мозги, что ли. У нас случалось, и не раз, когда завербованный сотрудник пытался продать факт нашего присутствия здесь — нет, не альтерам, но как сенсацию для земной прессы. В общем, гордись: в частности, в России люди пока менее продажные в этом смысле. — Он усмехнулся.

— Это в России менее продажны? — изумился Федор. — Ну, не знаю! А как же наши власть имущие — вон, все готовы продать, включая страну!

— Ну, мы же не набираем спецagentов среди российских и эсэнгэвских власть имущих. Мы иногда, наоборот, подкупаем их, чтобы действовать было проще... Нет-нет, они ничего не понимают, ни одно правительство не имеет достоверных фактов нашей работы на Земле. Кстати, ты проходил общий курс истории Содружества?

— Очень общий, по верхушкам, — пожал плечами Федор. — Смотря что ты имеешь в виду.

— Вопросы борьбы с продажностью и коррупцией. Закономерности исторического развития даже у идентичных весьма стохастичны и реализуются случайно. На Земле побеждает пока пресловутая демократия с рыночной экономикой в качестве ее основы. У нас на Орхане в свое время победила иная модель, у вас это называли тоталитарным обществом. У нас коррупционеров, взяточников, наркоторговцев и тому подобных начали уничтожать физически, а не выстроили систему адвокатуры для их защиты и кормежки адвокатов. Самое главное, у нас не позволили кучке людей захватить основные ресурсы планеты. Это не потому, что вы хуже, нет. Просто нам повезло. Все достаточно случайно: у вас возобладало такое направление развития, у нас — другое. Но помнишь, какой результат?..

Пошивалов наморщил лоб:

— Как я понимаю, это ты про «параметры скачка»?

— Ну да! — кивнул Кир. — У нас с момента изобретения первой машины до создания мирового правитель-

ства прошло сто лет, и еще через сто началось массовое освоение других планет нашей системы — а что у вас? У вас почти полвека, как стали запускать пилотируемые корабли, а человечество по-прежнему топчется на месте. Причина — колоссальное разбазаривание ресурсов на удовлетворение прихотей общества потребления.

— Стоило все вовремя отнять и поделить, что ли? — заметил Пошивалов.

Он не то чтобы симпатизировал западному стилю жизни, он сам совсем недавно был готов отстреливать воров, убийц и олигархов, но и опыт строительства коммунизма в отдельно взятой стране тоже хорошо помнил. Пустые полки магазинов, очереди за колбасой и сахаром по талонам — вот и весь опыт. Тоже кислая альтернатива.

— Смотря как отнять и как поделить, — возразил Кир. — Общество на Орхане — совсем не общество аскетов, где властвует уравниловка, и ты это мог заметить. Ладно, не будет отвлекаться от темы, потом как-нибудь обсудим азы планетарной экономики. К сожалению, могу заметить, что Россия, да и Китай спешно догоняют Запад в том смысле, что деньги также становятся мерилем всех ценностей, увы!..

Он развел руками и покачал головой.

— Ладно, сейчас к насущной теме, — продолжал Кир. — Что касается конкретного задания, то помимо попытки найти «хвост» модифицированного кокаина у тебя будет еще одно задание — лично от меня, персональное. Я пока не докладывал о нем туда! — Кир показал пальцем в небо и снова усмехнулся, только на этот раз глаза его оставались холодными.

Федор подобрался, готовый слушать.

— Это будет проверка твоего друга, и это главная причина, почему я посылаю именно тебя...

— У тебя подозрения насчет Берковича?! — Глаза Пошивалова округлились. — В чем конкретно? Ты сам его отбирал, как я понял, ты руководил подготовкой. Антон не мог продаться чужакам, исключено!

— Не знаю! Но у меня нехорошее предчувствие. Слишком гладко все получается...

— Гладко? — снова удивился Федор. — Чего же гладкого, если альтеры рассовывают партии отравленного кокаина анонимно?! Наркодилеров по всему свету — море, так мы можем искать источник бог знает сколько. Но какие конкретно факты есть против Антона? Не одни же предчувствия у тебя!

— Видишь ли, пока мы следили за кокаином, который продавали эти типы, ДНК-модификатор присутствовал во всех пробах. А только прислали Берковича — наркотик стал чистым, и, получается, та партия была случайностью.

— Простого совпадения ты не допускаешь?!

— Мне не нравятся совпадения!

— Это да, понимаю, — проворчал Пошивалов, который сам считал совпадения плохим признаком, особенно в работе спецподразделений. — Но подозревать Антона!..

— Именно поэтому я решил послать тебя, хотя ты и новичок в наших делах. Но ты знаешь Антона лично. Возможно... — Кирилл Францевич замолчал, крутя пальцами в воздухе, словно не мог подобрать слова. — Возможно, ты сумеешь увидеть какие-то странности в его поведении. В конце концов, проверим и убедимся, что действительно имело место совпадение, дай-то бог. И будем искать дальше...

Кир вздохнул и рассказал Федору случай, имевший место с агентом Берковичем. Чуть больше года тому назад корабль, на котором летел с переподготовки на промежуточную планету законспирированный агент Антон Беркович, потерпел странную аварию — он пропал, сигнала бедствия не поступало. Возникли подозрения, что произошло нападение — в этом случае сигналы SOS могли быть подавлены противником, но прямых доказательств атаки альтеров не имелось.

Не удалось обнаружить и следов аварии в районе исчезновения, хотя при авариях кораблей,двигающихся через более высокие измерения пространства, район поисков мог иметь радиус в несколько световых лет.

В общем, массированная спасательная операция результата не принесла, и транспорт признали пропавшим без вести, однако через три месяца после окончания поисков агента Берковича неожиданно нашли. Торговый корабль гренов — насекомоподобной цивилизации — принял слабый сигнал о помощи и, направившись к системе никому не интересной звезды, обнаружил на пустынной планетке с разреженной метановой атмосферой потерпевший аварию челнок СИ. Из экипажа не спасся никто, а единственный пассажир выжил и продолжал подавать сигналы с помощью аппаратуры скафандра — остальные средства связи вышли из строя.

— А что сильно подозрительного? — удивился Федор. — Повезло, слава богу.

Орханин с сожалением посмотрел на подчиненного:

— Агент КСИ, попавший *таким* образом к альтерам, это уже по определению плохо!

Пошивалов фыркнул:

— Ну, знаешь ли! Ты нашу историю, как я понимаю, учил очень хорошо. Помнишь, как Сталин сказал: «У нас нэт военнопленных, у нас есть прэдатели!» А здесь даже не в бою человек захвачен!

— У вас в годы Второй мировой войны это применялось огульно, к любому солдатику, а я веду с тобой речь о секретном агенте. — Чувствуешь разницу? — Кир даже повысил голос, что с ним случалось крайне редко.

Федор вздохнул:

— Я понимаю, но все же!.. Я ведь прошел остаточную подготовку и вижу, чего вы опасаетесь. Вы опасаетесь клонов! Но клона мало вырастить — надо воспитать! Разве имелось у альтеров время, чтобы подготовить агента-матрешку? Не было у них времени! Я знаю, что есть конкретные данные, что альтеры освоили технику записи параметров личности представителей иных миров — сами-то орхане, в смысле наши, — поправился он, видя протестующий жест Кира, — пока не могут скопировать с нужными вариациями мозги чужаков. Но здесь же случай с гренами, у них вообще мозговые процессы

идут иначе. Всякие там альфа- и гамма-волны иные, верно я понимаю? Они-то как смогли бы сделать подставку в тело Антона?! Такую, которая ментальный программат.

— Скорее всего, никак, — согласился Кир. — А вот камалы могут.

— Могут. Но ведь Берковича проверяли, ментально просвечивали, верно?

— Проверяли, — согласился Кир. — Но теоретически у камалов могут быть некие новые разработки, которые мы пока распознавать не умеем. Клона мы не пропустим, но вдруг они поставили очень глубокий программат? Теоретически, повторяю, такого нельзя исключать.

— Вот видишь, теоретически! Что у вас за паранойя!

Кир опустил глаза и вздохнул, покачав головой.

— Федор, — сказал он, — вспомни, кого мы из тебя готовили. Вспомнил?... Забудь частично свои привычки спецназовца — мы готовили из тебя контрразведчика. Тебе будут нужны все твои навыки, но прежде всего тебе требуется не нападать и врываться куда-то, круша всех и вся, а вдумчиво анализировать факты...

— И подозревать лучших друзей! — перебил Пошивалов. — Этак я могу начать подозревать и тебя.

Кир вскинул на него глаза:

— Если у тебя будет хоть малейший повод — подозревай! Подозревай и ищи либо опровержения подозрениям, либо доказательства. И сообщай вышестоящему начальству, минуя меня! У нас *такая* работа, у нас *такая* война — незримая для землян, но, поверь на слово, если не осознал печенками, очень жестокая война. Будем называть вещи своими именами.

— Хорошо, — кивнул Федор. — На чем строятся твои подозрения к Антону? Вы что-то выявили — не те альфа-волны в мозгу, какую-то неадекватность поведения? Наконец, факты прямого содействия альтерам? Что конкретно?

— Ничего! — развел руками орханин. — Антона после той аварии проверяли пару месяцев — и ничего.

— Вот видишь! — торжествующе сказал Пошивалов.

— Никаких явных отклонений, — невозмутимо продолжал Кир. — После этого решили вернуть агента Берковича к обычным обязанностям на Земле...

Он помолчал немного, словно что-то обдумывая. Молчал и Пошивалов, ожидая продолжения.

— Все бы хорошо, — сказал наконец Кир, — все бы замечательно, если бы не пара странных обстоятельств, совпадений. А я очень не люблю совпадения. Первое совпадение вот какое. Сразу же, как Антона передали нам грены, мы взяли под контроль все его возможные контакты на Земле — прежние контакты, до работы у нас. В общем, у него и не было никого, кроме твоей семьи, а у тебя к тому времени уже случилось то, что случилось, — прости, что напоминаю. В общем, у Антона оставался только ты из близких друзей, и мы сразу взяли тебя под наблюдение и именно в этот момент приняли решение предложить и тебе работу в КСИ. И вот что интересно: примерно через месяц после того, как ты стал одним из нас, и примерно же через месяц, как Беркович вернулся к своим обязанностям, о тебе на Земле наводили справки.

— Кто?

— Мы не смогли узнать. Некие лица совались в твое домоуправление, в часть, где ты служил, — такое впечатление, что искали, куда и почему ты исчез. И это не милиция и подобные органы. Взять мы никого не смогли: как только эти личности поняли, что их отслеживают, они скрылись. Любопытно?

Пошивалов подумал и кивнул:

— Это, конечно, подозрение, но не слишком ли надуманное? Вот если бы вы смогли узнать, кто это был!

— Если бы! — фыркнул Кир. — Хочешь начистоту? Я считаю, что твое нежелание верить в возможность каких-то темных историй, связанных с Берковичем, основывается на вашей дружбе. Не осуждаю, я все понимаю, но хочу, чтобы и ты понимал, чем мы с тобой занимаемся. Как хочешь, воспринимай землян и СИ порознь, но помни, что от нашей с тобой работы зависит благополучие

твоей планеты, если уж ты не можешь считать себя неразрывной частью чего-то большего!

Федор задумался. Радость от предстоящей встречи с Антоном, которого он не чаял когда-либо встретить, омрачилась необходимостью проверять друга на предмет предательства — да не просто предательства в пользу другой страны за баксы или за юани, а предательства всего человечества. Паршивенькое задание!

— Ну ладно, — сказал он, — ты ведь упомянул о двух фактах.

— О двух, — подтвердил Кир. — И вот тебе второй. Даже, можно сказать, и третий. Примерно через пару месяцев после возвращения Берковича к работе на Земле у нас появились сведения о модифицированном кокаине...

Пошивалов сделал нетерпеливое движение, желая сказать, что это вряд ли стоит увязывать с Антоном — часто именно фальшивые параллели мешают разгадкам реальных причин.

— Погоди, — остановил его Кир. — Вот самое главное. Когда вышли на группу наркодилеров, установили, что это обычные люди, как я говорил. Но самая большая странность вот в чем: один человек в этой группе — погибший штурман с корабля, на котором летел Антон Беркович!

— Не понял? — удивился Федор. — В каком смысле погибший штурман?

— Естественно, по документам это некий гражданин США со всеми атрибутами, вплоть до медицинской страховки.

— Так он просто похож на этого штурмана?!

— Дело не во внешней схожести, лицо у него, конечно, изменено! Мы подозреваем, что альтеры продолжают использовать клонов. Камалы могут вести зомбирование или даже перезапись личностей, ведь, несмотря на наше с ними генетическое несоответствие, мозговые импульсы у нас похожи, и полевой аппаратурой отличить их сложно. Мы прорабатывали кучу версий. В общем, не стану вдаваться в нюансы, но после проверки выяснилось, что

генетически — именно генетически! — данный человек — клон погибшего штурмана с вероятностью выше девяноста восьми процентов.

— Вот видишь, — медленно проговорил Федор, — есть же два процента на ошибку!.. Да и потом, неужели альтеры могли *так* проколоться? Если считать Антона двойным агентом, то зачем им посылать в группу, контактирующую с ним, подобного клона?! Не слишком дальновидно!

— С некоторыми чужаками у нас схожи мозговые волны и ритмы, но не схоже мышление. Кто знает, почему они так поступили? Кроме того, клоны ведь не выращиваются, как огурцы на грядках.

— А что, никак нельзя окончательно проверить этого лжештурмана? В США вроде все учитывается — прошерстить базы данных социальных служб. Можно, наверное, найти точку, где подсунули несуществующую страховку и так далее?

— Наши возможности велики, но не безграничны. Мы не можем действовать на Земле открыто. Мы не должны светиться перед альтерами, но и не можем лишний раз привлекать к себе внимание земных властей. В данном случае широкомасштабная и срочная проверка вызовет интерес в нашей работе соответствующих официальных структур страны, где это происходит.

— Черт побери! — только и сказал Пошивалов и повторил: — Черт побери...

Мост вырос неожиданно, когда такси по Парк-авеню обогнуло район Бруклин Хайтс. Федор прекрасно выучил план мегаполиса и сейчас проверял себя: вот метров через триста должна быть развязка на бульвар Бруклин Бридж — и точно, машина повернула налево. Он столько раз видел этот мост на симуляторе земных городов, занимаясь с инструкторами еще на Кулоре, что мог попросить водителя ехать и более близкой дорогой к месту, которое сам назвал, но очень хотелось увидеть мост в реальности. В свое время в таком культовом месте, как Нью-Йорк, он только и знал статую Свободы, Эмпайр-стэйт-билдинг и

Бруклинский мост — последний во многом из-за стихотворения Маяковского, которое читали в школе.

Они проехали через Чайна-таун, потом по Бауэри-стрит до Четвертой авеню и далее вернулись на Парк-авеню. На Федора нахлынуло почти ощущение deja-vu: незнакомые — и вместе с тем знакомые и по названиям, и по внешнему виду улицы.

Он знал историю многих мест. Например, та же Бауэри — некогда театральная улица, предшественница самого Бродвея! В начале прошлого века на уровне вторых-третьих этажей зданий ее накрыла эстакада метро — и улица быстро превратилась в трущобу: под мостом ночевали бомжи и прочие отбросы общества. Советское телевидение очень любило именно здесь снимать репортажи об облике Нью-Йорка. Затем эстакаду разобрали, и ныне от трущоб ничего не осталось: заурядная торговая улица с мелкими магазинчиками. Сейчас можно сказать, что так выглядят четыре пятых районов Нью-Йорка — Бауэри ныне одновременно похожа на Бруклин, Бронкс и Куинс, только оказалась каким-то образом в Даунтауне.

На углу Мэдисон авеню и Двадцать шестой таксист остановился.

— Вроде здесь, как вы просили, сэр, — улыбнулся он. Пошивалов расплатился, дав, как положено, «на чай». Вокруг деловито шумел Манхэттен.

До гостиницы, выбранной Кириллом Францевичем, оставалась пара кварталов, Федор решил пройти пешком и заодно осмотреться. Благо погода разгуливалась: в просветах грязноватых туч лучилось голубое небо.

Он перешел к парку Мэдисон-сквер и медленно двинулся по тротуару. Жители города повалили на работу — народ и машины заполнили улицы.

Федор добрался до гостиницы «Бродвей Плаза», где был заказан номер на имя Эриха Шнитке, инженера из Германии. У входа он на всякий случай достал паспорт и проверил смену режима: все действовало, книжечка-хамелеон уже изменила вид, и теперь на ладони лежал настоящий немецкий Ausweis со всеми соответствующими штампами.

По пути Федор заметил пару магазинов, где можно купить необходимые мелочи и одежду. Кроме того, в аптеке на Брум-стрит ему требовалось забрать чемоданчик со снаряжением, которое не протащишь через таможенную.

Но это чуть позже, а пока надо подняться в номер, принять душ и, конечно, позвонить Антону. При этой мысли Федор улыбнулся, и молоденькая стройная мулаточка на ресепшене, приветливая, не в пример таможеннице в аэропорту, тоже улыбнулась, протягивая магнитную карточку-ключ.

Шестизэтажная коробочка отеля прилепилась к паре здоровенных домов раза в четыре ее выше. Номер здесь заказали за две недели, потому что в Нью-Йорке без предварительного бронирования можно иной раз побегать в поисках свободных номеров в относительно недорогих гостиницах.

— Ни черта себе! — только и сказал, услышав об этом, Федор. — Это за триста-то баксов!

Однако номер на пятом этаже оказался неплохим: широкая кровать, кондиционер, мини-бар, уют, фен — набор для не слишком привычного к комфорту Пошивалова был более чем избыточный. Он с наслаждением принял душ, переоделся в единственную свежую сорочку, лежавшую в сумке, бросил в широкий низкий стакан пару кубиков льда и вылил мини-бутылочку «Джека Дэниэлса». Подумал — и вылил еще одну, всего-то сто грамм получилось. Присел за круглый белый столик и стал смотреть в раздвижное окно, за которым виднелось небо в редящих разводах туч да вездесущие нью-йоркские высоты.

Федор глотнул виски и зажмурился: вспомнился вечер, когда в баре «Шерлок Холмс» к нему за стойку подсел незнакомец. Казалось, с тех пор прошла вечность, а он, Федор Пошивалов, бывший подполковник и бывший десантник, стал другим человеком. Правда, он теперь снова имел звание — всего лишь лейтенанта, но это звание по степени ответственности стоило званий всех, вместе взятых, земных генералов.

★ Федор теперь служил в огромном по штату подразделении, коим являлась КСИ — Контрразведка Содружества Идентичных, охватывавшая все планеты, патронируемые орханами. Главная задача организации состояла в борьбе с агентами враждебных инопланетных сил во всех возможных проявлениях.

Федор сделал еще глоток — по телу поплыло приятное тепло. Надо пойти перекусить или сразу пообедать, что ли? А потом купить кое-что из одежды.

Он поймал себя на мысли, что, несмотря на то что ждал встречи с Антоном, сейчас непроизвольно оттягивает момент, когда придется звонить старому другу. Кое-что его страшило, и это «что-то» было связано со словами Кира: Федор боялся проверять Антона!

«Чего ты опасаться?» — спросил себя Пошивалов. Проверка — не более чем пустая формальность. Антон не мог быть клоном, не мог иметь программат — его проверяли. Если только альтеры действительно не научились переписывать в тело клона личность, модифицируя ее так, что средства орхан ничего не улавливали. Но если так, то...

Нет, этого не может быть, чушь полная, это все домыслы начальства. У Кира какие-то предчувствия, и что с того? Антон не может быть клоном, программатом, тем более предателем, ведь альтеры опасаются вербовать землян как прямых агентов. Случаи косвенной вербовки по принципу «не ведаю, что творю», разумеется, не редкость, но осознанная вербовка ни разу не имела места: по словам того же Кира, чужакам провал подобного агента может стоить слишком дорого.

Но тогда получается, что его прислали найти конец ниточки, тянущейся от обычных милых земных подонков, всего лишь торгующих наркотиками, к тем, кто мог им подсунуть модифицированный кокаин? Но это же дохлое дело...

«Ладно, позвоню Антону, встречусь, увижу, что Антон — это прежний Антон, и станет легче, — решил Пошивалов. — Вместе и обсудим, как действовать».

Никаких ограничений на темы разговоров с Берковичем ему не накладывали, не считая слов, сказанных в самом конце Кириллом Францевичем, про предчувствия. Наоборот, именно с Антоном следовало обсудить, как лучше прощупать компанию наркодилеров, с чего начать поиск возможного источника ДНК-модификатора, если окончательно подтвердится, что та партия была разовой.

Пошивалов допил виски и отправился по хозяйственным делам.

Вернулся он в гостиницу около часа дня. Федор купил пару рубашек, хлопчатобумажный свитерок, джинсы и спортивный пиджак, а кроме того, забрал нужный чемоданчик у аптекаря, полагавшего, что передает коллекционеру-палеонтологу контейнер с костями доисторического животного. Открыть контейнер без специального кода было невозможно, а при попытке взлома содержимое немедленно спекалось в однородную массу.

На улице стремительно теплоело, в плаще стало жарко. Пошивалов решил обедать вместе с Антоном, а пока наскоро перекусил в кафе при отеле. Затем набрал номер, который ему сообщил перед самым отъездом Кир.

На том конце линии прозвучало всего два гудка — и Федор узнал голос друга, несмотря на то что Антон говорил по-английски.

По легенде, Пошивалов поинтересовался, разговаривает ли он с мистером Альфредо Риизи, и, получив утвердительный ответ, представился инженером из Германии, приехавшим по делам компании и желающим встретиться с консультантом по высокоточным металлорежущим станкам.

Пошивалов не мог понять по голосу, узнал ли его друг, но, безусловно, Берковичу сделать это куда сложнее: он не догадывался, кто с ним может разговаривать.

Телефон, с которого звонил Федор, и тот, на который он звонил, всего лишь внешне напоминали мобильники. Правда, редкий земной инженер, даже вскрыв телефоны, смог заподозрить что-то неладное. Поэтому земные спецслужбы прослушать их не могли. Теоретически про-

слушку могли выполнить альтеры, но не настолько они открыто действовали на Земле, чтобы располагать возможностями установить нужные следящие устройства.

С учетом этого хотелось, отбросив все конспиративные формальности, заорать в трубку: «Антошка, это же я!» Однако один из главных принципов работы КСИ выражался в известной поговорке: «Береженого бог бережет», и Федор, как дисциплинированный солдат, ни на йоту не отступил от него. Он назвал условный пароль и договорился о встрече через два часа в Центральном парке.

— Вы знаете, где Променад? — так же деловито и без эмоций поинтересовался Антон. — Его еще называют Молл.

«Тоже мне старожил, мать твою!» — с некоторым дружески-саркастическим раздражением подумал Пошивалов.

— Разберусь, — заверил он вслух, нарочито громко усмехаясь в трубку и как бы давая понять, что он не новичок в Нью-Йорке.

— Хорошо, — без эмоций сказал Беркович, — сделаем так: в самом начале Променада есть четыре статуи, я буду у памятника Христофору Колумбу. Вы, насколько я понимаю, знаете меня в лицо, а как я узнаю вас?

Федор, продолжая действовать по инструкции, возразил:

— Нет, в лицо я вас не знаю. Поэтому надо договориться, как и я вас узнаю.

— Ладно, — согласился Беркович. — Я буду в светлом костюме и с зонтом. В руке книжка с темно-синей обложкой. Подойдет?

Пошивалов, разглядывая в окно улицу, пожал плечами:

— Разумеется. В общем, до встречи!

— Погодите, но как же я вас узнаю?

— Я сам подойду к вам, — заверил Федор. — Извините, но таково задание. Я назову пароль — второй пароль для персональных встреч. Вы его должны знать.

Беркович на другом конце линии устало, словно все пароли сидят у него в печенках, вздохнул:

— Отлично, до встречи! — и отключил связь.

Федор постоял несколько секунд, а потом прошелся по комнате и вдруг в ярости пнул один из стульчиков. Стул отлетел, задев столик так, что с последнего чуть не свалилась ваза с цветами, ударился о белую тумбу, где стоял телевизор, оставив заметную царапину.

— Ух, что это я?! — пробормотал Федор, смутившись.

Он потер царапину на тумбочке, поднял стул и восстановил порядок в комнате.

«Не психовать, — приказал он себе, — только не психовать! Психоз никогда никого не доводил до добра».

Времени оставалось много — до Центрального парка отсюда рукой подать. Федор набрал второй специальный номер и вызвал Вильямса, местного резидента, назначенного опекать и страховать его миссию, и сообщил, где и когда встречается с Берковичем. Вильямса Пошивалов тоже знал лично — они встречались на кулорской базе.

Небо почти очистилось от облаков. Федор приоткрыл окно и по старой привычке, высунув руку, проверил: совсем тепло! Тогда он переоделся, сменив костюм на джинсы, футболку и блейзер. Осмотрел себя в зеркале.

— Красавец, — хмыкнул Пошивалов, делая ударение на последнем слог.

Из зеркала смотрел крепкий, коротко стриженный молодой мужчина. Медицина орхан творила чудеса: после комплекса специальных процедур Пошивалов расстался с морщинами, принесенными ему не только годами, но и весьма сложной профессией, поднарастил и без того хорошую мышечную массу и, самое главное, серьезно обновил организм. Сейчас он выглядел ухоженным молодцом лет тридцати — тридцати пяти, что соответствовало истинному нынешнему биологическому возрасту: инопланетные опекуны Земли секрета вечной жизни не знали, но умели существенно продлевать бречное бытие.

Федор подумал, что Ольге бы понравилось, как он выглядит, Ксюха бы точно сказала, что он — вылитый Александр Невский: дочке нравился этот культурист и актер.

Раньше Пошивалов действительно смахивал на него, а теперь сам поймал себя на мысли, что мог бы сойти за брата.

Вспомнив жену и дочку, Федор погрустнел. «Они живы, пока я их помню», — в который раз повторил он сам себе.

Пошивалов вышел из гостиницы, прошелся до Парк-авеню, лишний раз проверяя отсутствие слежки, и уже там поймал такси.

Он попросил водителя проехать чуть дальше, чем требовалось — так, на всякий случай, — и вышел на пересечении Мэдисон-авеню и Семидесятой улицы.

До встречи оставалось почти сорок минут. На Пятой авеню напротив нужного входа в парк Федор заприметил полупустой бар и, заказав чашку кофе и рюмку коньяка, устроился у окна наблюдать за улицей.

Авеню кишела машинами, но час пик еще не наступил. Пошивалов понимал, что, сидя здесь, он ничего подозрительного не заметит, но хотелось немного поразмышлять.

По большому счету, если руководство КСИ сомневалось в Антоне, следовало подключить для проверки куда большее число агентов, подумал он.

Но на самом деле квалифицированных агентов у КСИ на Земле имелось не так много, и, самое главное, действовать им требовалось очень осторожно самим.

Интересно, думал Федор, они договорились о невмешательстве в дела «внешних» планет, но допустили возможности вывозить людей (или соответственно не людей) и колонизировать свободные миры. Очевидно, в этом имелась своеобразная логика «выпускания пара»: цивилизации, патронирующей «внешнюю» планету, обеспечивалась возможность давать выход прогрессорским стремлениям, равно как и возможность расселяться самой и расселять «своих» или близких по типу существ, если таковое желание у патронов имелось.

На вновь открываемых планетах работал принцип «первого флага», напоминавший столбление участков у золотоискателей. Цивилизация, первой нашедшая подходящую для колонизации планету, заявляла о правах на

нее в специальный регистрационный орган ГС и получала права на планету, если не вскрывались факты, что ранее эту планету «застолбил» кто-то другой. Конфликты случались, но серьезные последствия удавалось более-менее успешно гасить.

Федор посмотрел на небо — дождя, похоже, не будет, допил коньяк и кофе и направился к месту условленной встречи.

Человек в светлом костюме, с зонтом и синей книгой в руке ждал у статуи Колумба. Индифферентным его назвать было нельзя — мужчина пристально «сканировал» снующих вокруг прохожих, пытаясь определить, кто пришел по его душу.

При виде Федора глаза Антона округлились, он несколько секунд изучал внешность помолодевшего друга, а затем расцвел спокойно-дежурной улыбкой и, как полагалось в подобной ситуации, обниматься не бросился.

Они обменялись формальным рукопожатием и двинулись по дорожке — с виду не более чем два хороших знакомых, встретившихся обсудить некую деловую тему.

— Почему не сообщил? — поинтересовался Антон.

— Извини, — почти оправдываясь, сказал Пошивалов, — о моем приезде не знал никто из местных.

Антон кривовато улыбнулся:

— Стал серьезным агентом? Такая секретность!

— Я только начал работать, это мое первое задание...

— Ну да, ну да, — покивал Беркович. — Давай-ка посидим где-нибудь, дружище. Думаю, нам о многом стоит поговорить?

— Да уж, — согласился Федор, чувствуя, как внутри снова начинает ворочаться — нет, не подозрение, а скорее ощущение вины перед Антоном, вызванное заданием «большого брата», как про себя иногда Пошивалов называл орхан.

— У тебя есть какие-то ограничения по времени?

— Никаких! Но мы, кстати, и рабочие вопросы должны обсудить.

— Разумеется, обсудим. У меня предложение: давай съездим куда-нибудь, пообедаем, выпьем. В конце концов, мы имеем с тобой право и неформально пообщаться, коли встретились спустя столько лет!

— Возражения отсутствуют, коллега, — улыбнулся Федор.

— Отлично! У меня машина недалеко, пошли, чего время терять.

Пошивалов кивнул.

— Ты машину взял напрокат? — на ходу продолжал расспрашивать Антон. — Нет? Указания были? Тоже нет? Ну, думаю, если ты дольше чем на пару дней приехал, то стоит — тут без машины никак...

Они прошлись по Пятой авеню и добрались до места, где стоял автомобиль Антона — «Додж Калибер» приятного зеленоватого цвета.

— Ты в какой ресторан хотел бы сходить? — поинтересовался Антон.

Пошивалов пожал плечами: его готовили и по таким вопросам, и он мог бы назвать много мест с разнообразной кухней, но сейчас ему было все равно, под какие блюда посидеть и поговорить.

— Может, по традиции под водку с пельмешками, а? — предложил он.

— Да ну, ты пельменей дома не наелся?! Но если хочешь пельмешек, то можно в Чайна-тауне, там есть места, где пельменей — видов по тридцать. Но я бы предложил в индийский ресторанчик, называется «Ганди». И это ближе.

Федор с сомнением пожал плечами:

— Мне не хотелось бы на экзотику отвлекаться. Просто посидеть, поговорить, выпить...

— А ты и не отвлекайся! Будем просто кушать, а точнее, закусывать! — засмеялся Антон.

Они покатали в Даунтаун. Пошивалов вдруг ни к селу ни к городу подумал, что вот ведь странно: «Даун» — это же больной такой, уродец!

— Куда мы? — спросил он.

Беркович пожал плечами:

— Давай в «Ганди» и поедем. Ты же всегда любил остренькое.

— Любил... — кивнул Федор.

Они помолчали немного, и Пошивалов спинным мозгом почувствовал, что сейчас будет задан именно *этот* вопрос.

— Что случилось с твоими? — спросил Антон.

Федору показалось, что в бок воткнули шило. Он застыл на пару секунд, глядя на мостовую через лобовое стекло.

— Они умерли, Тоша. Так случается...

Антон молча кивнул.

Машина повернула налево и выехала на Парк-авеню.

— Я, кстати, хочу тебя спросить, — снова заговорил Беркович, — как ты попал в КСИ?

Пошивалов, справившийся с нахлынувшей болью, пожал плечами:

— Нетрудно догадаться: как правило, берут только одиноких. Я стал одиноким — и стал очень им интересен.

— Хм, — как-то отрешенно заметил Антон, — стал одиноким — и взяли...

Федор повернулся и несколько секунд смотрел на друга, элегантно управлявшего машиной.

— То есть ты считаешь, что тут что-то не так?

— Не знаю, — хмыкнул Антон.

У Пошивалова вдруг снова заныл бок.

— Ты хочешь сказать?..

— Я не знаю, Федя, не знаю... Мне странна эта ситуация. Прости, конечно...

— Здесь-то можно говорить? — Федор показал рукой на салон машины.

Беркович кивнул:

— Здесь — на сто процентов можно, проверено.

— Ты допускаешь, что орхане специально убирают близких у достаточно квалифицированных спецназовцев, чтобы вербовать потом к себе?! Они могли бы так иметь роты сотрудников, подобных нам. А в КСИ дефицит подготовленных кадров из землян.

— Странно, что *так* у тебя получилось... — тихо, но с некоторым нажимом сказал Антон.

Они замолчали и дальше ехали молча. Беркович несколько раз повернул и припарковал машину на площадке у небольшого магазина.

— Нам туда, — показал он вдоль улицы.

Федор посмотрел на таблички — Шестая восточная стрит.

— О, да тут, кажется, не один индийский ресторан.

— Не один, — подтвердил Антон, — но мы пойдем в «Ганди».

Они перешли на другую сторону и оказались у входа в ресторан, где стояли две статуи: напротив скромно выглядевшего гуру расположился более яркий Ганди. В воздухе витали ароматы благовоний, горели масляные светильники.

Зал почти пустовал, но тем не менее Антон попросил подошедшего метрдотеля посадить их в отдельную кабинку. С поклоном просьбу исполнили. К столу подошли сразу три официанта в белоснежных рубашках и чалмах. Один, сдержанно улыбаясь, подал толстую папку-меню и винную карту, двое застыли в ожидании заказа.

— Ну-с, — поинтересовался Антон, одной рукой раскрывая меню, а другой поглаживая темно-бордовую скатерть, — готов заказать что-то конкретное?

— Я тебя умоляю! — Федор закатил глаза. — Я же не спец по индийской кухне. Полагаюсь на твой опыт.

— Отлично, — кивнул Беркович. — Мы ведь хотим хорошо покушать, верно? Тогда так...

Он быстро выпалил заказ, словно заранее продумал, что хочет видеть на столе, и двое официантов, сделав пометки в блокнотиках, удалились. Третий остался.

Беркович вопросительно посмотрел на друга:

— Пить мы что будем? Джин, ром, виски?

Федор чуть скривился.

— Лучше водки, — сказал он.

Антон транслировал пожелание официанту — парень чуть выгнул густую черную бровь.

— Вы уверены, сэр?

— Да все нормально, именно водки, и лучше «Столичной», если у вас есть.

— Безусловно! — заверил официант.

— А пока блюда готовятся, — попросил Беркович, — нам по кружечке холодного пива, можно «Карлсберг». К нему бастурму и лепешечки те пла с зирой.

Официант поклонился и исчез.

— Тут кредитки принимают? — спросил Пошивалов. — А то у меня наличных долларов сто осталось.

— Принимают, — успокоил Антон.

Он вынул из кармана авторучку и, поигрывая ею, покрутил в пальцах.

— Чисто, — сообщил он.

Федор запоздало подумал, что первым это следовало сделать ему. Он посмотрел на часы — его сканер «жучков» прятался там, и переключил режим.

— Доверяй, но проверяй! — усмехнулся Антон. — Издержки нашей работы: друг другу не доверяем.

— Брось, Тошка, зачем ты так? — укоризненно покачал головой Федор. — Мы ведь не в Афгане или в Чечне, как когда-то.

— Да уж! — Беркович потрепал друга по плечу. — Конечно, чего там Чечня!

— А знаешь, вполне возможно, что кому-то из нас снова придется поработать в Чечне. Кирилл Францевич говорил, что есть данные, что там орудуют чужаки.

Официант принес поднос с кружками пива и тарелками — запахло ароматным свежеподжаренным хлебом, пряностями и копченым мясом. Второй юноша разложил столовые приборы — здесь ориентировались на посетителей, и если это были европейцы, то подавали вилки, ножи и все, что принято в таких случаях.

Пошивалов почувствовал, как рот наполняется слюной, хотя он вроде и не так уж проголодался.

— Ну, за встречу! — Антон поднял запотевшую кружку, и они чокнулись.

Пошивалов с удовольствием захрустел лепешкой.

— Нравится? — поинтересовался Беркович, подцепляя кусок бастурмы.

Федор энергично кивнул.

— А что ты говорил про альтеров в Чечне? — спросил Антон. — Знаешь, как у нас в России всегда видят козни Америки, так и наши шефы везде видят руку чужаков. Ей-богу, это слишком, своих, земных, террористов хватает. Думаешь, грохнули Бен Ладена — и все станет спокойно? Не станет, новые давно народились!

— Орхане не на пустом месте выводы делают, — мягко возразил Федор.

— Но что Кир тебе говорил конкретно?

Пошивалов пожал плечами:

— Конкретного разговора не было, как ты понимаешь. Будет конкретное задание — будет и конкретный разговор.

— Верно, верно. — Антон махнул рукой: — Да что я о работе, в самом деле, еще успеем о ней!

Они начали рассказывать друг другу, что случилось за годы, пока они не виделись. Пошивалов, сдерживая боль, рассказал о гибели жены и дочери, о том, как в один из промозглых осенних вечеров к нему в баре подсел Кир. Антон поведал свою историю с вербовкой, учебой и заданиями, которые он выполнял. Рассказал Беркович и про случай со спасением его кораблем гренов.

Федор слушал его и думал: «Нет, не может быть! Это тот же Антон, орхане действительно становятся параноиками! Как в советское время в особых отделах придирались: поговорил где-нибудь с иностранцем — значит, Родину продать задумал!»

Услужливая память тут же напомнила, что сказал Кир о погибшем штурмане, но Пошивалов внутренне отмахнулся: в конце концов, и орхане ошибаются.

Им подали куриный суп, а затем баранину с помидорами и пряностями и вкуснейший соус райва, украшенный листочками мяты. Когда закончилась первая бутылка водки, последовала очередь филе сома с рисом, крабовое мясо с ананасами, а довершила все замечательная закуска из манго с подливом из лайма и кориандра, которую следовало кушать, макая в подлив кусочки лепешек со

смешным для русского уха названием «поппадамс», что послужило поводом для шуток на определенную тему.

Вышли они из «Ганди» запоздно. На улице сделалось совсем тепло, несмотря на то что небо снова заволокло тучами. В свете фонарей даже мелькали какие-то мошки.

— Ты как поедешь? — с некоторым сомнением спросил Федор, когда они добрались до стоянки, где Антон оставил машину.

Беркович сделал успокаивающий жест:

— Не бойсь! Здесь просто так не останавливают: если едешь нормально, ни один полицей не придерется. А я всегда нормально езжу. Могу хоть сейчас еще бутылочку с тобой приговорить — и прекрасно поеду... Может, ко мне махнем? Еще посидим!

Пошивалов с тоской посмотрел на тучи, блекло отражавшие городские огни. Во всей Вселенной для него сейчас не существовало человека роднее Тошки. Не осталось никого ближе — только он.

Но Федор был приучен выполнять приказы.

— Спасибо, дружище, — сказал он, матеря про себя проклятое стечение обстоятельств, — я в свою берлогу поеду, отсыпаться. Завтра нам с тобой работать. Позже еще посидим.

— Понятно, можно и позже, — кивнул Беркович и поинтересовался, распахивая дверь «Доджа»: — Тебя довезти?

Пошивалов укоризненно улыбнулся и помотал головой.

— Понимаю, — кивнул Антон, — понимаю! Сам-то нормально доберешься? Все-таки незнакомый город...

«Чего придуривается? — подумал Пошивалов. — Ведь прекрасно понимает, что меня специально готовили к работе тут, и я знаю город если и похуже него, то не намного...» Хотя тут же одернул сам себя: скорее всего, друг старается уделить ему внимание, заботится, а он выдумывает всякую ерунду!

Федор снова улыбнулся как можно добрее:

— Конечно, Антон, доберусь, все нормально. Поезжай, а завтра часов в десять я тебе звоню, и мы встречаемся.

Надо будет и мне пощупать твоих знакомцев. Думаю, на кого-то из них стоит попросту хорошенько нажать, чтобы вытряхнуть сведения.

Беркович хмыкнул:

— Я бы не стал торопиться. Вдруг эти парни не имеют к чужакам никакого отношения? Мы же рискуем засветиться перед местными властями! А если эти типы связаны с камалами, то можем их вспугнуть. Лягут на дно — и долго не выйдем на след.

Федор покивал, но с сомнением:

— Да, но чего ты ожидаешь, говоря, что не стоит торопиться? Что они снова будут торговать модифицированным кокаином? Если они не идиоты, то эта отравка здесь в ближайшее время не появится. Но ведь факт, что она у них была! Допустим, эти парни не связаны с альтерами — но тогда надо бы попробовать определить, откуда появилась у них та партия.

Про погибшего штурмана Пошивалов промолчал: Кир приказал ни словом не упоминать об этом.

Антон пожал плечами:

— Тоже верно. Ладно, как говорится, утро вечера мудренее. До завтра, дружище! Страшно рад, что мы снова вместе.

— Я тоже! — с чувством ответил Федор, они обнялись.

Беркович собирался сесть в салон, когда на край крыши «Доджа» прямо перед ним шлепнулась большая ночная бабочка. Несмотря на тепло, бабочка была еще сонной и поэтому летала не слишком резво.

— Смотри-ка, отогрелись! — усмехнулся Беркович.

Он аккуратно снял бабочку, секунду-другую разглядывал на ладони, а затем подбросил вверх — та лениво дернула крыльями и улетела.

Антон еще раз помахал рукой, повторил «До завтра!», захлопнул дверцу, и машина, вырулив со стоянки, покатил вдоль улицы.

Пошивалов подождал, пока огоньки «Доджа» скрылись за поворотом, и направился к станции метро «Астор Плэйс». В принципе расстояние до гостиницы позволя-

ло прогуляться пешком, ведь данный район Манхэттена не самое опасное место в Нью-Йорке. Но Федор решил не испытывать судьбу: лишние хлопоты с возможными местными хулиганами и привлечение внимания полиции к собственной персоне не требовались.

Он проехал одну остановку в произвольном направлении, внимательно проверяя, нет ли слежки, вышел из метро и поймал такси. Все было спокойно.

В гостинице Федор налил тоника со льдом, долго стоял под душем, включая то горячую, то ледяную воду, чтобы изгнать опьянение. Затем, повинуясь больше тревожному чувству, чем требованиям инструкции, вставил в ухо миниатюрный тубус индикатора движения, а датчик наклеил на лампу, висевшую под низким потолком посреди комнаты, — с этой точки хорошо контролировались и окна, и дверь номера.

В постели Пошивалов долго ворочался: не давала покоя бабочка на ладони друга — что-то в этом эпизоде вызывало необъяснимую тревогу, но он не мог понять, чем его это беспокоит.

* * *

Индикатор пискнул в ухе, предупреждая об опасности, и Пошивалов открыл глаза. В таких случаях он просыпался почти мгновенно — навык, очень полезный человеку его профессии.

Система слежения определила, что некто пытается проникнуть в помещение, и тотчас послала сообщение человеку. Как только носитель индикатора проснулся, прибор перешел из режима предупреждения к прямому мониторингу ситуации: Федор отчетливо услышал царапание.

«Дверь!» — подсказал индикатор: кто-то возился с замком.

Пошивалов быстро оценил обстановку и остался в постели, только лег на спину, быстро надел очки и, накрывшись одеялом, приготовил станнер.

Входная дверь распахнулась и тут же закрылась. Что-то прошуршало — незванный гость осторожно двигался от двери внутрь комнаты и, по показаниям датчика, был один.

Мягкие шаги стали приближаться к выступу стены, за которым в номере располагался альков с кроватью. Федор впился взглядом в силуэт окна, подсвеченный ночными огнями с улицы, — очки позволяли видеть сквозь ткань в инфракрасном и еще бог знает в каких диапазонах, приспособлявая поле зрения под естественное восприятие смотрящего. На мгновение его кольнуло сомнение: как же стрелять в номере гостиницы? Стрелять в людей ему приходилось много раз, да и не пистолет у него сейчас, но он же в чужой стране, и непонятно, какие последствия будет иметь данный инцидент.

Кроме того, неясно, кто и с какой целью проник в номер. Судя по инструктажам Кира, подобный вариант практически не рассматривался — допускалась слежка, установка разного рода «жучков», не более, и сейчас Пошивалов действовал исключительно на свой страх и риск.

Сомнения, как поступить, отпали, когда неизвестный появился на фоне освещенного окна — в руке у него красовался пистолет с накрученной трубкой глушителя. Федор достаточно видел подобных штучек, чтобы ошибаться.

«Черт, — подумал он, — а может, это простой грабитель? Но чтобы подобное совпадение!..»

Незнакомец начал поднимать руку, и Пошивалов нажал на активатор станнера. Человек согнулся и непроизвольно нажал на курок. Глухой щелчок, пуля как-то странно тихо стукнула в стену чуть ниже спинки кровати.

— Мать твою! — тихо выругался Федор, откидывая одеяло.

Он не стал включать свет — очки позволяли видеть практически как в освещенном помещении, даже не искажая цвета. На полу лежал человек в маске, закрывавшей почти все лицо. Судя по цвету кожи на открытой шее, был белый. На нем красовалось одеяние работника гостини-

цы: коричневый пиджачок, строгий галстук, единственное, что на груди отсутствовал бейдж.

Пошивалов концом станнера выцепил из полуразжатых пальцев пистолет и оттолкнул в сторону, затем надел перчатки и внимательно проверил карманы, но ничего не нашел.

Федор осмотрел оружие, и глаза у него полезли на лоб: пистолет оказался игрушечным — он стрелял пластмассовыми шариками! На всякий случай Пошивалов проверил стену, куда предположительно пришелся выстрел, и следов от пули не нашел.

Он снял с человека маску — лицо, естественно, незнакомое, потом поднял псевдокиллера, усадил в одно из кресел. После этого Пошивалов взял из своего чемоданчика «кокон» и надел на запястье ночного посетителя.

По большому счету, стоило немедленно доложить местному резиденту или, возможно, самому Киру, ведь ситуация складывалась совершенно неожиданная. Однако Федор решил проявить инициативу и на первом этапе самостоятельно допросить неизвестного.

«Кокон» заработал, и вокруг тела мужчины по самую шею возникло легкое туманное марево, пеленающее тело, словно смирительная рубашка. Переключив станнер на антипаралитическое действие, Пошивалов собрался привести незнакомца в чувства, когда вдруг лицо полулежавшего в кресле начало интенсивно менять цвет. От неожиданности Федор сорвал очки. Сразу сделалось темно — свет рекламы с улицы только слегка освещал комнату. Федор секунду колебался, еще раз посмотрел на человека сквозь очки, а потом включил свет в номере.

— Е-мое! — тихо сказал он вслух.

Лицо человека сделалось насыщенного оранжевого цвета, почти как апельсин.

Пошивалов снова выругался: следовало проверить это с самого начала. Взяв с прикроватной тумбочки мобильник, Федор переключил его в режим генетического сканирования, и все стало понятно: тот, кто пытался столь странным образом имитировать покушение, не был че-

ловеком. Данные показывали, что это замаскированный представитель цивилизации Ларзи, гуманоидов, очень похожих на людей, но существенно отличающихся от всех членов СИ. Однако, насколько помнил Федор, и у ларзианцев не было такого цвета кожи.

Впрочем, не это являлось главным моментом — прибор показывал, что существо мертво!

Федор выругался свистящим шепотом. Он несколько раз прошелся по комнате, после чего присел к столу и закурил. Станнер не мог убить человека, равно как и ларзианца, равно как и любое существо, способное дышать в земной атмосфере. Не мог, но убил! Значит, что-то тут не так — либо со станнером, либо...

Либо с существом, в которое он выстрелил!

Пошивалов понял, что попал в отвратительное положение: он сидит в номере гостиницы в чужой стране, а рядом труп инопланетянина!

А хоть и в своей стране — что это меняло бы, по большому счету? Агенты орхан должны забегать как сумасшедшие, чтобы замести следы, ведь в противном случае, даже не принимая в расчет раскрытие перед землянами и соответственно определенные санкции в Галактическом Совете, им светили разбирательства, связанные с убийством представителя ларзианцев. Вопрос о статусе самого ларзианца на Земле окажется вторым в данном контексте: вполне возможно, это сотрудник какой-то наблюдательной миссии, которого, конечно, подставили, но кого это будет волновать? Провокация на то и затевается, а судьба ларзианца настоящего волнения в «высоких кругах» не вызовет: Федор догадался, что инопланетянину специально ввели какое-то вещество, становящееся ядом под действием станнера. Каким образом горе-киллера уговорили забраться в номер к землянину с игрушечным пистолетом, тоже не играло роли. Скорее всего, не будет играть и далее.

Пошивалов раздавил окурок в пепельнице и побарабанил пальцами по столу. Звонить Вильямсу? Но после случившегося у него не было доверия к местному резиденту:

каким образом кто-то мог узнать, что Федор здесь, если не подозревать и Антона?

Немного поколебавшись, Пошивалов взял телефон и набрал номер Кира.

Орханин ответил почти сразу:

— Ты?! — В его голосе почему-то слышалось явное облегчение, а Федор думал, что Кир будет недоволен, что агент звонит ему напрямую с места проведения операции. — Я уж хотел тебе звонить — у тебя все в порядке?

— Не знаю, — ответил Пошивалов, недоумевая, почему Кир беспокоится, словно *предвидит* неприятности. — Я...

— погоди! — перебил его Кир. — Дело в том, что убит Антон...

— Что?! — Федор чуть не выронил трубку. — Что?!

— Пять минут тому назад мне позвонил Вильямс. Он сделал контрольный звонок Антону — они периодически перезваниваются. Телефон не ответил после нескольких попыток, что недопустимо. Тогда Вильямс приехал к нему на квартиру и обнаружил, что Антон убит...

Кир еще что-то говорил, но Пошивалов почти не слушал. «Черт побери, черт побери, — думал он, — если бы я поехал с Тошкой, возможно, он бы остался жив!»

Горло сдавило, словно тугим жгутом, и Федор судорожно глотнул. Дьявол, как же так? Столько времени не виделись, наконец встретились — и на тебе, так глупо...

— Эй! — позвал Кир. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — глухо проворчал Федор.

Кирил Францевич вздохнул и попросил рассказать о том, как прошел вечер. Федор сообщил, что ничего подозрительного и в помине не наблюдалось, и тут, в свою очередь, огорошил орханина сообщением об инциденте в гостинице.

— О-ля-ля, — проговорил Кир, — час от часу не легче. Я понимаю, как тебе тяжело, но соберись — мы все делаем отнюдь не простую работу.

Пошивалов хмыкнул:

— Ну и как мне быть?

— Включи-ка видеоканал, — попросил Кир.

★ Передача видеосигнала повышала риск быть засеченным потенциальными противниками-чужаками, но ситуация требовала. Федор повиновался и, используя телефон, как видеокамеру, показал куратору отдавшего концы ларзианца и его бутафорское оружие.

Орханин подтвердил предположения Пошивалова о том, что в организме псевдокиллера имелось какое-то устройство или ему заранее ввели препарат, активизирующий как яд под влиянием определенных факторов. Но и Кир не имел никаких предположений, кто и зачем разыграл спектакль с нападением. Во многом он сходил с Федором, что это, безусловно, хитроумно рассчитанная провокация, хотя и непонятно как связанная с убийством Берковича.

— Значит, у тебя есть соответствующие средства — немедленно ликвидируй тело, тщательно заметай все следы и убирайся отсюда поскорее. Этот игрушечный, как ты думаешь, пистолет заberi — отдадим на экспертизу. Я сильно подозреваю, что не такой он игрушечный. Мне кажется, что они устранили Берковича и зачем-то им потребовался ты — возможно, подсадить программат. Я также не уверен, что убийство Берковича — просто убийство. Возможно, это какой-то сложный ход...

— Ты хочешь сказать?.. — начал Федор, но орханин его перебил:

— Рассуждать некогда. Убирай следы и приезжай на вокзал, там тебя встретит Вильямс...

— А ты Вильямсу доверяешь? — поинтересовался Пошивалов.

— Абсолютно! Вильямс проверенный сотрудник.

— Антон тоже был проверенный, а ты ему не доверял! Теперь-то хоть смерть реабилитировала его в твоих глазах?

Последние слова Федор сказал резко и с таким сарказмом, что Кир шумно вздохнул:

— Не надо, Федя, сейчас это ни к чему! А основания у меня имелись, поверь. В общем, Вильямс тебя встретит и вывезет из города. Кстати, а как тебя нашли те, кто подослал киллера, есть соображения?

— Это же не настоящий киллер! — поправил Пошивалов.

— Неважно! Как они могли тебя выследить, если ты уверен, что слежки не было? Или ты не заметил?

— Я не знаю, но не похоже, что слежка была.

— погоди! Ты проверял одежду на «жучки»?

Федор вдруг осознал, что ни разу не сделал этого ни после выхода днем из гостиницы на встречу с Антоном, ни по возвращении в номер. Но он же четко контролировал все свои движения, соприкосновения с людьми на улице — ничего подозрительного! Словом, никто ему не мог прицепить «следилку», разве что официанты в ресторане, когда они с Тошкой подвыпили. Но это уж совершенная паранойя: ресторан выбирали наугад!

Он вспомнил, что совсем не наугад: выбрать ресторан посоветовал Антон, но это практически то же самое.

— Мне не казалось, что это необходимо! — коротко пояснил он.

— А ты проверь! — настоятельно посоветовал Кир. — И действуй, как я сказал, — времени мало.

— Есть! — мрачно ответил Федор. — Разрешите выполнять?

— Не обижайся! — примирительно сказал Кир. — Мне дороги все мои подопечные. Держи меня в курсе. Как закончишь, дай подтверждение, что все в порядке.

Кир отключился, а Пошивалов тряхнул головой, словно выходя из ступора, и сначала осмотрел одежду, в которой ходил на встречу с Антоном. К своему стыду, он быстро обнаружил, что к внутренней стороне рукава блейзера прицепился крошечный, с маковое зернышко, маячок-хамелеон, та самая «следилка», в абсолютном отсутствии которой был так уверен.

Федор покачал головой: кто и когда мог прицепить ее? Впрочем, гадать не имело смысла, и Пошивалов занялся насущными делами.

Не освобождая труп от «кокона», он перетащил его в ванную и замкнул «кокон» полностью. Теперь казалось, что в акриловой посудине покоится огромная куколка ту-

★ тового шелкопряда. Взяв пульт регулирования поля, Федор повторил одну из процедур, которые неоднократно проделывал на тренировках, но не думал, что на первом настоящем задании придется такой воспользоваться.

Полевой «кокон» засветился зеленым, слегка завибрировал и тихо загудел — единственный недостаток методики: в принципе звук можно услышать и зафиксировать. Гудение продолжалось с минуту, после чего «кокон» погас и исчез, а в ванной остался бесформенный комок, похожий на не слишком крупный ноздреватый булыжник. Федор запихнул камень вместе с пистолетом «киллера» в чемоданчик, чтобы выбросить позже на улице.

Он собрал вещи и хотел выходить, когда его словно молнией пронзила мысль: единственного друга убили даже не люди, а какие-то твари, а он бежит, позорно замата следы. И это здесь, на собственной планете! В конце концов, дисциплина дисциплиной, но не так же!..

Федор поставил сумку и чемоданчик на пол, сел в кресло и закурил, положив перед собой на стол станнер, внешне напоминавший чуть изогнутую торцевую отвертку с толстой ручкой.

Все же ясно: это камалы! Те, кто торговал модифицированным кокаином, поняли, что на их след вышли, поняли, что орхане могут устроить большой шум в Галактическом Совете. И решили сделать упреждающий ход, чтобы свой провал обратить себе же на пользу. Для этого надо поднять вой из-за убийства якобы ни в чем не повинного ларзианца, который наверняка состоит в официальной наблюдательной миссии, раньше, чем это начнут делать по поводу распространения на Земле отравленного наркотика чересчур дипломатичные орхане, которым все надо десять раз проверить и перепроверить. В любом случае каша заварится крутая, и своего альтеры достигнут: в Галактическом Совете первым оправдываться придется орханам. Что и требовалось получить!

— Погодите, твари, — негромко сказал Федор. — Вы меня в расчет не приняли. Я вам устрою за Тошку!..

* * *

Мастерская, где обитали «подозреваемые», располагалась в Квинсе, за стадионом Вильяма Шо, рядом со съездом с Северного бульвара к Сто двадцать шестой улице.

Федор остановил машину за поворотом у мрачноватого здания — то ли третьесортные офисы тут гнездились, то ли мелкооптовые склады. Было рановато, но ничего, пождет.

Покинув «Бродвей Плаза», Пошивалов перебрался в другую гостиницу, тоже на Манхэттене, но подороже — «Фитцпатрик Манхэттен», четыре звезды, на Лексингтон-авеню, где, перепрограммировав паспорт, зарегистрировался под именем Ван Хассена, предпринимателя из Нидерландов. Возможно, в подобных местах служба безопасности работает лучше, но сейчас это особой роли не играло: он в любом случае не собирался оставаться в номере дольше, чем до утра.

Федор не знал, что произойдет, если он сумеет осуществить свой план, — естественно, по голове за самостоятельность не погладят, но его пока это не волновало. Он поставил задачу: во что бы то ни стало выбить у агентов альтеров данные о тех, кто убил Антона, а затем, если получит необходимую информацию, ликвидировать убийц. Неважно, кто они — камалы, ларзианцы или люди, не ведавшие на самом деле, что творят.

Кир начал вызывать его, но Федор отключил связь, как только покинул первую гостиницу, в которой так и не удалось переночевать. Впрочем, спать ему пока не хотелось: он принял сильный стимулятор, позволяющий не спать двое-трое суток.

В новом отеле, воспользовавшись справочником, Пошивалов заказал в прокате машину, которую подогнали к восьми утра, и к мастерской приехал рано — заведение еще не открылось. Сжевав купленный по дороге гамбургер и запив соком, Федор устроился на удобном сиденье прокатного «БМВ-ХЗ»: он взял не самый дешевый вариант в расчете на то, что ему потребуется машина по-

★ мощнее и понадежнее, но не слишком громоздкая. Для предлога появления в мастерской он из гостиницы зашел в Интернет и поискал данные по модели, которая подвернулась в прокате.

Логика Пошивалова была проста: если парни — агенты альтеров, они не позволят ему допрашивать себя и моментально раскроются. Если же они несознательные поставщики модифицированного кокаина, то при должном нажиме он это тоже поймет. В таком случае он просто отметелит накторговцев и выбьет из них сведения, откуда они получали товар. Подонков жалеть не стоило: торгуешь наркотой — будь готов, что тебе свернут башку, если говорить не хочешь.

Правда, второй вариант не решал проблемы расправы с убийцами Антона, но Пошивалов нутром чуял, что не простые наркодилеры свили гнездышко в Квинсе.

Погода устанавливалась хорошая, здесь окончательно наступила весна. Ночью, правда, прошелестел приличный дождик, но по-прежнему держалось тепло, а небо намекало на ясный день диском солнца, выползающим из-за хребтов городских построек.

Минуло около часа, когда к мастерской подкатила первая машина — новый темно-синий «Эксплорер». Из него вышли двое и, не торопясь, перекидываясь шуточками, отперли ворота. Федор отметил: парни именно те, кого он собирался обрабатывать. С помощью «слухача» он фиксировал их разговоры — с виду обычный треп приятелей, работающих вместе и готовящихся начать суетливый день.

Еще через пять минут подкатил второй автомобиль, прямая противоположность массивному, но строго деловому джипу: вальяжный и стильный «Крайслер 300С» нежно-голубого цвета. Там прибыли тоже двое, и теперь на сцене присутствовала вся четверка.

В последней машине прибыл человек, кого Кир считал погибшим членом экипажа корабля, на котором Антон потерпел крушение. По документам он значился сейчас как истинный американец с замечательно стандартным именем Вилли Дэй.

Федор знал их всех по именам и фамилиям. Высокий бритый смугляк и тоже высокий, но рыжеватый парень из первой машины звались соответственно Левай Джордж и Бернар Луто, а напарник Вилли по «Крайслеру», тонкий, темноволосый и изящный, похожий скорее на дирижера симфонического оркестра, проходил в досье Кира под именем Эмилио Хенсли.

Пора, решил Федор и, объехав квартал, подкатил к мастерской с другой стороны. Компания неспешно переодевалась, готовясь к рабочему дню, и с интересом воззрилась на клиента на хорошей машине.

Федор приветливо поздоровался. Стоявший ближе всех Эмилио улыбнулся:

— Вашей машине, судя по виду, никак не больше года. Что, с новым «БМВ» уже проблема?

Пошивалов развел руками, тоже улыбаясь и одновременно прикидывая, где располагаются кнопки управления воротами, двери во внутренние помещения мастерской и вообще любые значимые для ситуации объекты. В мастерской, как он отметил, было чисто и даже присутствовал уютный уголок, где клиенты могли подождать, пока с их машиной работают.

— Это не моя машина, — объяснил Федор, — это прокат.

— Ну, тогда все возможно, — кивнул Эмилио. — И что не так?

— По-моему, — сказал Пошивалов, — их хваленый Х-драйв барахлит: на подъемах колеса пробуксовывают. Думаю, дело в этой системе.

Что-то переключавшийся на верстаке Левай обернулся и оттопырил губу:

— Похоже, сэр, вы разбираетесь в машинах, — полувопросительно, но с уважением констатировал он.

— Есть такое, — не стал разубеждать Федор. — Правда, я ленивый — сам ни за что не полезу в авто.

— При чем тут лень? — заметил вышедший из подсобки Вилли. — Человек должен заниматься своим делом. Если ты не автомеханик, зачем тебе в машине ковыряться?

— В общем, давайте ключики, продиагностируем эту красавицу, — заключил Левый. — Вы пока можете вон там посидеть или в специальной бизнес-комнате. Можете кофе выпить.

Федор благодарно кивнул и бросил ключи, которые Левый ловко поймал.

— Кофе я бы выпил, если вас не затруднит, — заметил Пошивалов.

— Там кофеварка, — пояснил Вилли. — Все к услугам клиентов!

«Приветливые, черт бы их побрал!» — с раздражением подумал Федор. Он улыбнулся и кивнул:

— О'кей! И где же ваша бизнес-комната? Я бы пока там посидел, кое-какие звонки нужно сделать.

— Вам туда! — показал Эмилио, уже готовящийся включить подъемник, на который заезжал Левый. — Вилли, покажи мистеру...

— Ван Хансену, — подсказал Пошивалов.

Вилли провел Федора по коридорчику мимо пары подсобок, душевой и складского помещения. Дальше оказалась симпатичная и не маленькая комнатка с кожаной мебелью, барной стойкой и парой столов с богатым набором оргтехники.

Пригласив чувствовать себя как дома, Вилли оставил Пошивалова и вернулся в рабочую зону.

«С виду обычный человек, — подумал Федор, — совершенно обычный...»

Он осмотрелся. Системы наблюдения тут, разумеется, могут быть, хотя он не заметил ничего, напоминающее монитор, но это ничего не значило. Похоже, он увидел все помещения мастерской, и вряд ли в комнатах, которые оставались закрытыми, мог кто-то прятаться. Но осторожность не мешала. Поэтому сначала Пошивалов позвонил в гостиницу и попросил считать номер свободным — он предусмотрительно оплатил один день пребывания. Затем немного подождал и, достав зажигалку и пачку сигарет, вернулся в цех.

Там кипела работа. Левай и Эмилио занимались «БМВ», задранным на подъемнике, — цепляли какие-то датчики, Бернар настраивал диагностический стенд, а Вилли сидел и записывал что-то в журнал.

Федор прошел по плавной дуге мимо всех четверых, чуть потряхивая зажатыми в руке курительными принадлежностями. Парни бросили быстрые взгляды на него, но ничего не сказали.

Встав в проеме ворот, Федор вопросительным жестом показал пачку Бернару, располагавшемуся к нему ближе всех. Тот кивнул — курите. Пошивалов закурил, поглядывая то внутрь мастерской, то наружу и вроде бы весело щурясь на поднимающееся все выше солнце. Затянувшись и со вкусом выпустив дым, он сказал, поигрывая зажигалкой:

— Люблю утром покурить... — И добавил, выдержав небольшую паузу: — Травки. А то и понюхать чего-нибудь.

На миг вся четверка замерла.

— Мой хороший знакомый, мистер Риизи, говорил, что у вас есть кое-какие штучки, — Пошивалов ухмыльнулся, — делающие поездки на автомобиле еще интереснее, вы понимаете? Можем мы эти вопросы порешать?

По мнению Федора, в сложившейся ситуации это явилось бы своего рода мгновенной проверкой — особенно вкупе с упоминанием имени Риизи.

Что и случилось. Четверка замерла уже не на мгновение — было видно, что упоминания про общего знакомого никто не ожидал.

Первым опомнился Бернар:

— Вы правы, мистер Риизи наш клиент, это верно. А что за штучки, о которых вы говорите? Какое-то дополнительное оборудование в салон? — поинтересовался он, спокойно поворачиваясь к Федору от стенда.

Пошивалов ухмыльнулся и сплюнул.

— Парни! — повысил он голос. — Вы прекрасно понимаете, о чем я. Мне нужно зелье, которым вы банчите. Конкретно — кокаин. А еще конкретнее — мне нужен

★ выход на тех, кто вам поставлял кокаин примерно месяц тому назад. Если вы, конечно, не сами его производили!

При этих словах Вилли начал вставать из-за стола, а Левый с Эмилио сделали шаг-другой из-под поднятого на подъемнике «БМВ».

Федор швырнул сигарету на пол и вытащил станнер.

— Стоять на местах, господа! Руки держать на виду!

Станнер оказался «лакмусовой бумажкой» куда почище, чем упоминание о наркотиках. При появлении в руках невзрачной для любого обычного человека трубки «нормальные» наркодилеры как минимум недоумевали бы, если бы не расхохотались: станнер трудно было принять за угрозу — гнутая отвертка, не более.

Однако при виде этого останавливающего оружия четверка прилипла к полу, а Вилли Дэй вдруг прыжком рванулся к проходу в задние помещения мастерской: к он стоял ближе всех.

Федор подумал, что не следовало устраивать спектакль, тратя драгоценное время, а просто помахать станнером перед носами четверки с самого начала. И все стало бы ясно и понятно намного раньше. Обычные земляне, даже промышляющие чем-то нелегальным, никогда бы с ходу и при отличном освещении не приняли станнер за пистолет или другое огнестрельное оружие — он помнил свою реакцию, когда первый раз увидел это устройство. И, конечно, никто бы не стал бежать. Поведение Дэя однозначно подтверждало, что тут знают, что такое станнер, и понимают, зачем явился этот «клиент».

Вилли Дэй не успел никуда добежать. Пошивалов не стал стрелять из станнера — можно было и не попасть, и, кроме того, видел, как дернулись к нему остальные трое. Он просто нажал доньшко зажигалки, которая служила не только зажигалкой.

Рассыпанная предварительно по полу пыль активировалась, четыре протуберанца парализующих микрогранул взвились по направлению к четверке. Через секунду все валялись на полу обездвиженные.

Федор быстро выглянул на улицу — она оставалась пустынной — и нажал кнопку опускания ворот, после чего блокировал створки, а отдельную входную дверь закрыл на задвижку.

Он перетащил незадачливых агентов альтеров на диванчик, стоящий у стола, за которым Вилли Дэй вносил записи. Последнему, самому крупному, Леваю Джорджу, места не нашлось, и Пошивалов посадил его на пол у ног подельников. Действие микрогранул продолжалось не слишком долго, поэтому Федор опустил машину с подъемника и достал из багажника чемоданчик со снаряжением. Оттуда извлек четыре «кокона» и напялил на агентов.

После этого Пошивалов проверил все помещения мастерской. Пара дверей в подсобки оказались запертыми, как и задняя дверь. Пошивалов вернулся к обездвиженным агентам. Они начали отходить от действия парализатора и вертели головам и, торчащими из полевых «смирительных рубашек».

Федор выдвинул ящики стола и ухмыльнулся — в верхнем лежал заряженный «Хеклер и Кох». Сунув пистолет за пояс, Пошивалов подтащил из дальнего угла мастерской кресло и уселся напротив четверки вольных или невольных предателей рода человеческого.

— Сейчас, — сказал он, поигрывая станнером, — вы мне расскажете, как камалы завербовали вас, ублюдков. Уверяю, я сумею вас разговорить. Не таких гордых горных орлов заставлял чирикать. Но сначала вы мне сообщите, кто конкретно ликвидировал Антона...

При этих словах все спеленатые «коконами» недоуменно переглянулись.

— Кого ликвидировали? — спросил за всех Дэй. — Мы не знаем никакого Антона. И вообще, раз пошли такие дела, мы будем разговаривать только в присутствии наших представителей.

— О как! Очень интересно, каких это «ваших» представителей? Вы земляне, я земной представитель КСИ. Возможно, это слово вам знакомо? Как вы понимаете, ни

одному земному правительству я вас представить не могу, поэтому я — один из немногих землян, кто имеет право вас допрашивать, раз уж вы люди...

— Ошибаетесь, мы не люди!

— Это точно! — согласился Федор. — Вы — *не люди*! Но поскольку вы представители гомо сапиенс, то отвечать будете перед себе подобными. К которым и орхане относятся, кстати.

— Он не понимает, — криво ухмыльнулся Эмилио, обращаясь к подельникам. — Делать нечего, придется вмешивать дипломатов. Но ему надо объяснить...

Пошивалов удивленно поднял бровь.

— Дело в том, что мы только формально люди, — пояснил Дэй. — На самом деле мы — представители камалов. Давайте не будем поднимать масштабного скандала, он не нужен ни вам, ни нам. Давайте вызовем кого-то из руководящего состава с каждой стороны, и пусть они решают, как быть, раз так получилось.

— Чего-чего? — Пошивалов не понимал, куда клонит пойманный им агент альтеров. Он вытащил свой супертелефон с потайными функциями, одна из которых заключалась в дистанционном экспресс-анализе на принадлежность к разным расам. — Какие вы камалы, не вешайте мне лапшу на уши!

Он не мог поверить в подобное: по словам Кира, четверку проверяли куда более точными приборами, чем его портативный детектор. Орхане не могли ошибаться: никакая маскировка, никакой грим не позволят обмануть датчики! Если же говорить о программах, то не может быть *таких* программатов! Ублюдки пытаются одурачить его, сыграть на боязни крупного дипломатического скандала. Но подключи сюда официальные круги — все замнут, как всегда. Нет, он сначала выбьет из них все касающееся убийства Антона!

Теперь вся четверка нахально усмехалась, глядя на Пошивалова.

— В том-то и дело, что мы не люди и можем это доказать — но только в присутствии официальных предста-

вителей Федерации Камал. Если вы агент КСИ, должны помнить статью 12 главы 7 Галактического Пакта, запрещающую применение пыток и тем более самосудов к официальным представителям иных цивилизаций, каким бы образом они ни оказались в плену. У вас лично будут серьезные неприятности, а у вашего руководства неприятности будут огромные. Фактически вы своей планете сильно навредите.

Пошивалов скривился, как от зубной боли: этот ублюдок говорит правильно. Но, во-первых, в данной статье Пакта говорится о чужаках, о чужаках, а не о предателях своей расы, так что... Да ну их к черту! Он решил узнать все, сейчас все и выбьет из этих скотов.

Федор открыл рот, чтобы сказать все, что он думал, но в этот момент стала открываться задняя дверь мастерской. В пустом коридоре, ведущем в подсобные помещения, звук поворачиваемого в замке ключа отдавался достаточно громко, чтобы услышать его в цехе.

— Ни звука! — приказал Пошивалов спеленатой четверке и вытащил из-за пояса пистолет.

Времени выяснять, кто явился, не оставалось: новоприбывший шел по коридору и мог услышать разговоры в цехе. Если это не агент альтеров, а рабочий мастерской или «простой» наркоторговец, с которым знали эти парни, то вид станнера наверняка не произведет на него должного впечатления.

— Эй, ребята, чего-то подозрительно тихо у вас! — крикнул знакомый голос.

Пошивалов не успел удивиться, а новый посетитель уже вышел из-за угла коридора. Федор выпучил глаза: перед ним стоял Антон, целый и невредимый.

Но он успел навести пистолет на входящего и, повинуясь вбитому в спинной мозг боевому навыку, не опускал оружие.

Впрочем, Беркович вошел с пистолетом в руке, правда, держал его не направленным на Федора. Увидев Пошивалова, старинный друг улыбнулся, но улыбка вышла нехорошая, не улыбка Антона, которого Федор знал давным-давно.

— Вот это да! — воскликнул он. — Я мог бы догадаться, что ты выкинешь подобную штуку — я хорошо изучил твой психотип и обязан был учесть, что ты слишком эмоциональная натура для бывшего военного. А так хорошо все складывалось: ваш местный резидент поверил, что Беркович мертв, и глупо запаниковал. Это могло стать замечательным прикрытием для нашей группы. — Он кивнул на сидящих на диване. — Но ты все испортил, агент Пошивалов, все испортил...

— Господин Риизи! — Федор не хотел обращаться к этому человеку как к Антону. — Бросьте оружие в сторону — и на колени, лицом к стене!

— Да ну, оставь, Федька, ты ведь не выстрелишь в старого друга! — почти ласково сказал Беркович и начал поднимать пистолет.

«Дьявол, — лихорадочно неслись в голове мысли, — он так себя ведет, потому что явно в бронике. В башку надо целиться. Но стрелять в лицо Тошке... Вот же дьявол!..»

Он промедлил совершенно зря, хотя понимал, что стрелять необходимо: он ничего не выпытает из этих предателей, если не останется жив.

Пули ударили его куда-то в левое плечо и бок.

«Сволочь, в сердце метит», — успел подумать Федор, пытаясь удержать равновесие и тоже нажимая на спусковой крючок.

Его потащило чуть назад и на пол, но, падая, он выстрелил дважды и увидел, как валится навзничь, запрокинув голову, тот, кто назывался когда-то Антоном Берковичем.

В висках стучали молотки, и Федор чувствовал, как кровь теплыми липкими струями бежит по левой стороне тела. Почти отключаясь, он из последних сил приподнялся и скользнул взглядом по неподвижному телу, по растерянными лицам засунутых в «коконы». Выбраться они самостоятельно не смогут, но, если сюда явится еще кто-то из их подручных или, еще хуже, полиция...

«Облажался, кажется», — подумал Пошивалов и потерял сознание.

* * *

Сильно трясло, словно его везли на тачке по булыжной мостовой.

Пошивалов открыл глаза. Страшно хотелось пить, а перед глазами болталось что-то серое с блестящим прямоугольничком посередине. Когда зрение сфокусировалось, он понял, что его действительно везут, но не на тачке.

Он лежал на широком сиденье минивэна, похожего на санитарную машину, которая мчалась по гладкому шоссе — об этом Федор мог судить по плавности хода, поскольку окна в машине были матово-серыми. Но каждое плавное качание отдавалось болью, и это производило впечатление, что его тащат по камням в тележке на железных колесах.

Грудь у него была замотана-перемотана, от левой половины отходила толстая трубка, оканчивающаяся в блестящем разными финтифлюшками и глазками цилиндре, стоящем на полу.

Скосив глаза, Федор увидел сидящего через проход на откидном сиденье Кирилла Францевича. Заметив, что раненый пришел в себя, орханин участливо наклонился и спросил:

— Ну как, больно?

Пошивалов кивнул, как мог.

Кир поманипулировал чем-то на стенке цилиндра, невидимой Федору.

— Так лучше?

Пошивалов снова кивнул, чувствуя, как боль, заливавшая его с головы до ног, сжимается и отползает в дальний уголок тела. Впрочем, она была такая большая, что совсем исчезнуть не могла. Одновременно захотелось спать.

Кир приоткрыл окошечко в отсек водителя и сказал:

— Элвуд, нельзя ли поскорее?

— Можно, — проворчал водитель, и Пошивалов узнал Вильямса. — Если хотите, чтобы остановила полиция. Мы

же конспиративная «Скорая помощь», я не могу включить сирену!

— Остряк! — заметил по-русски Кир, закрывая окошечко.

— Что, неважные дела? — выдавил из себя вопрос Федор: хотя боли почти не осталось, но слова давались с большим трудом, он уже почти засыпал.

Орханин пару секунд смотрел ему в глаза.

— Если откровенно, весьма хреново. Бочину тебе разворотило, будь здоров. Пули у этого гада оказались усиленные, хоть и стрелял с глушителем. Да и не мог я тебя вывозить сразу, а местных врачей не пригласишь. Твое счастье, что, когда мы сообразили, что случилось и где тебя искать, я догадался прихватить полевой реаниматор. — Он кивнул на блестящий цилиндр.

Федор судорожно вздохнул, борясь со сном, и боль снова зашевелилась в груди.

— Но если бы мы опоздали минут на двадцать — хана бы тебе, парень, прямо говорю. В любом случае теперь тебя придется вывозить на лечение туда, — Кир показал пальцем в потолок минивэна. — Надо только подальше от города отъехать, а то челнок скрытно не сядет, сам понимаешь. А еще требуется вывезти этих субчиков в надежное место — они же «вещественные доказательства». Ну и заварил ты кашу, скажу тебе!

— Сильно накажут? — проговорил Пошивалов, едва ворочая языком.

Кир усмехнулся:

— Я бы тебя наказал, ох как наказал! Но тебя, скорее всего, даже наградят...

— Посмертно, — выдавил Федор деревянными губами.

Кир снова усмехнулся и осторожно потрепал его по колену:

— Выживешь, солдат, выживешь. Будешь как новенький. Вообще ты, хотя и вопреки инструкциям и дипломатическим нормам, сделал большое дело. Без твоего «на-

рушения правил» мы бы еще черт знает сколько блуждали в потемках.

— Но как они умудрились людей завербовать? — Федор говорил все тише.

— Клоны, понимаешь, дружище, клоны! Штучные клоны, наши полевые анализаторы не отличают. Вот зачем им нужен был экипаж того корабля. А нам предстоит выяснить, как они научились в мозги так залезать, что фактически туда своих пересаживают. Это не просто временные программы, это новая проблема, но теперь мы хоть знаем, в чем дело. Конечно, жаль, что ты своего бывшего друга завалил, снайпер, точно в лоб ему впечатал дважды, аж мозги разбрызгало...

Пошивалов вдруг всхлипнул, и Кир истолковал это по-своему:

— Федор, ты не переживай, ты не друга убил, он им уже не был.

Пошивалов чуть повел головой:

— Да я уже понял, что я — идиот? К тому же бабочка...

— Что за бабочка?

Федор объяснил:

— Антон всегда ненавидел насекомых, а тут так нежно ее в воздух подбросил. Это не сразу в голову пришло, но не давало покоя весь вечер.

— В общем, твой друг давно умер, не сегодня утром.

— Он не умер, — прошептал Пошивалов. — Они все живы, пока я помню...

Он закрыл глаза и, не в силах сопротивляться наваливавшемуся сну, поплыл в темноту временного небытия. Перед ним вставали дорогие лица — жены, дочери, Антошки.

«Они все живы, — беззвучно повторил Пошивалов. — Пока я их помню! И пока помню я — я сам живу!»

Он знал, что должен выжить, что у него на Земле и на десятках других планет еще есть много жен, дочек и друзей, пусть не его собственных, но всем им требуется защита. Потому что все люди — братья перед лицом куда более серьезной угрозы, чем свары между белыми или

черными, христианами или нехристями. И даже те, кто пока этого не понимает, как большинство на Земле, рано или поздно поймут. А пока не поймут, он будет драться за них — везде, где нужно. Драться и помнить... И жить — пока помнит!..

Машина свернула на проселок, и теперь затрясло по-настоящему. Пошивалов слегка застонал сквозь сон.

Кирилл Францевич проверил крепление носилок и осторожно погладил забинтованный бок раненого:

— Спи, солдат, спи. Я тебе умереть не дам, у нас дел по горло!

ЭФФЕКТ ВАСИЛИСКА, ИЛИ ДИКТАТУРА СОВЕСТИ

1. ОПЯТЬ «ЗАКАЗНОЕ»

Позиция в придорожных кустах была выбрана вполне удачно. Крытов Димочка, больше известный в определенных кругах под кличкой Шкаф, внимательно оглядел пустынную дорогу и выезд из ворот особняка, бросил быстрый взгляд на мотоцикл, спрятанный в зелени кленов, — расстояние три метра, до ворот усадьбы не больше двадцати.

Через несколько минут появятся...

Шкаф усмехнулся, он не испытывал никаких волнений и сомнений. Заказ будет выполнен, не первый раз. Сумма за работу ожидалась вполне солидная, а уж потратить ее для своего удовольствия он сумеет.

В это мгновение железные створки ворот раздвинулись и на дорогу плавно выехал новенький, сверкающий свежими красками «мерс».

Ничего тачка, с некоторым сожалением отметил Шкаф и, опознав на заднем сиденье ожидаемую фигуру, помедлил ровно две секунды, дождался, когда машина, сделав поворот, выскочит на магистраль и окажется в четырех метрах от него, затем быстро и хладнокровно повел автоматом, дав две длинных очереди по сидевшим в автомобиле. Посыпались стекла, «Мерседес» потерял управление, его развернуло на полосе и понесло к чугунным ажурным решеткам ограды. Пассажир на заднем сиденье завалился на бок, и Шкаф для верности дал по нему еще одну длинную очередь.

И в это мгновение в ленивых, равнодушных мозгах самого Шкафа его привычная индивидуальная вселенная вдруг взорвалась с дикой, нестерпимой болью, наполнив и самого Шкафа непривычным ужасом и мукой. В одно бесконечное мгновение перед ним промелькнули, проплыли перед глазами все, кого он когда-то избивал, убивал, мучил... И вся его короткая глупая жизнь прокрутилась с бешеной скоростью... И ужас сковал сердце, ледяной волной окатил грудь, что-то вспыхнуло перед глазами, и в тот же миг мозг не выдержал, мир померк навсегда, автомат выпал из рук, ставших в одно мгновение ватными и неживыми...

2. СЛЕДОВАТЕЛЬ ТРЮШИН

Трюшин, следователь прокуратуры, меланхолично осматрелся по сторонам, на мгновение его взгляд задержался на двух убитых, лежащих в лужах крови в прошитом автоматными очередями «Мерседесе», затем он кивнул оперативникам, возившимся возле машины:

— Ну, что там, Семен? Похоже, опять шуму будет много.

— Это точно, Никифор Иванович, вот этот пухленький — генеральный директор фирмы «Кормаз» Степан Вывизов, известная в городе личность — владелец заводов, газет, пароходов, а этот парнишка — его личный шофер и телохранитель, если судить по водительскому удостоверению, его звали Григорием Клокиным. Кстати, оружие он применить не успел.

— Ясно, — вздохнул Трюшин. — Люди гибнут за металл! Что-то там доктор с третьим убитым долго возится, позови его, Васенька. — И в это мгновение до Трюшина наконец дошел смысл сказанного Семеном. — Стоп, Вася, я сам пойду! Это как понимать, Сеня, нападавшего уложил не охранник?!

Семен выпрямился и протянул Трюшину пистолет убитого:

— Он не успел даже снять с предохранителя, боюсь, тот покойничек с «калашниковым», что в тех кустиках, на совести кого-то другого. Я хочу сказать, что этот подвиг водителю приписать не удастся.

Трюшин, который порой и сам был не чужд черному юмору и уж за двадцать лет работы следователем прокуратуры на что только не насмотрелся и к чему только не успел привыкнуть, при этих словах своего помощника аж весь перекосялся:

— Ладно, юморист, над смертью лучше не шути, а у этого парня почти наверняка детишки остались сиротами. — И Никифор усталой походкой направился к придорожным кустам, где щелкал вспышкой фотограф и что-то подозрительно долго судмедэксперт осматривал труп небольшого убийцы.

Он пересек аллею и, подойдя к судмедэксперту, видимо позабыв о только что сделанных замечаниях помощнику, ехидно полюбопытствовал:

— Пора бы, Саша, и закругляться, что-то ты подозрительно долго с ним возишься, можно подумать, что это твой любимый труп.

— Никифор, ты почти угадал, впрочем, вскрытие покажет.

— Замечательно, это ваше личное, но хватит трепаться. Пока не набежали репортеры, скажи-ка быстро, откуда приблизительно стреляли в этого крокодила.

— О! Вот эта-то проблема тебя не должна волновать. Насколько я могу доверять своим глазам, а осматривал я это тело достаточно тщательно, в этого типа никто не стрелял.

— Что? Александр, ты...

— Трезв как стеклышко, впрочем, даже если бы я был с глубокого похмела, поверь, я свое дело знаю: никаких ранений у этого парня нет. Если хочешь знать, у меня создается впечатление, что этот здоровячок, порешив тех двоих, то ли раскаялся, то ли так сильно огорчился чем-то, что просто взял и умер.

Трюшин крикнул и в полном изнеможении опустился на траву рядом с мертвецом, по виду лет двадцати пяти, мускулистым и хорошо натренированным парнем с довольно невыразительной и, пожалуй, туповатой физиономией. Стройная гипотеза заказного убийства с после-

дующим устранением исполнителя дала первую трещину. Внимательно осмотрев кожаное обмундирование и весь наличный арсенал покойника, Трюшин уже в который раз почувствовал себя старым и поглупевшим.

Пора менять профессию, подумал он уже в который раз за этот последний год.

В мире творилось черт знает что, все летело кувырком, похоже, все вокруг потихоньку начинали сходить с ума, кто от алчности, кто от дурости окружающих, кто от своего, так сказать, персонального идиотизма и алкоголизма.

Из этих троих мертвецов огорчение у Трюшина, пожалуй, вызывал водитель, которого убрали, как говорится, за компанию, этот просто зарабатывал себе на хлеб.

Хотя надо еще посмотреть, что у наших есть на него, возможно, и он не вполне безгрешен. Однако как же убрали наемника, не сам же он скончался от инфаркта? Да, кстати, на кой черт и кому понадобилось его устранять? В самом деле, это же не убийство там какого-нибудь президента Кеннеди или Кирова? К чему это двойное убийство? У нас эти заказные почти никогда не раскрываются, даже если и все заказчики известны.

— Значит, Сашенька, пока ясности нет?

— Боюсь ошибиться в своих заключениях, покопаться надо во внутренностях этого супермена, тогда и...

— Ага, вскрытие покажет. Вот, кстати, и труповозка подъехала. Вы тут все закончили, сказать, чтобы увозили?

Сашенька, которому было уже под шестьдесят и для всех других, кроме Трюшина, был Александром Петровичем Северовым, неторопливо сложил свои инструменты в чемоданчик и довольно бодро поднялся на ноги, кивнув Трюшину:

— Пусть забирают, фотографии Степан все сделал, гильзы твои парни собрали, кусты прочесали, свидетелей, конечно, нет, с теми двоими все более-менее ясно, а этот... — Александр Петрович грустно посмотрел на своего старого друга. — С этим, Никиша, придется повозиться, если только чутье меня не подводит. Ты, я полагаю, отлично знаешь, что просто так, от сердечной недостаточ-

ности, такие мальчишки не умирают. С другой стороны, явных дырок в нем не заметно.

— А неявные?

— Что ты имеешь в виду? Отравленные ядом кураре иглы племени Тумбу-Юмбу? Это уже ненаучная фантастика, сам знаешь. Да и в нашей с тобой практике такого пока не попадалось.

— Не попадалось, — вздохнул Трюшин. — Временато, Саша, меняются, и меня уже нынче и ядом кураре не удивишь. И потом, почему обязательно Тумбу-Юмбу, а если какие-нибудь шпионские штучки?

Северов добродушно усмехнулся:

— А зачем? — И этим наивным вопросом, который только что и сам Трюшин мысленно задавал себе, окончательно испортил настроение своему другу.

— Ты прав, хотел бы я знать ответ на этот вопрос. Опять какое-то дурацкое дело возникает, шуму будет много, а толку... Ладно, пошли, сейчас сюда газетчики нагрянут, а мне их пока лицезреть совсем не хочется.

И они направились к машине.

Уже в автомобиле Трюшин расписал обязанности своей группы на остаток дня:

— Семен, тебе придется оповестить семью шофера. Что-либо там узнать, боюсь, не удастся, но осторожно порасспрашивай о последней неделе. Не было ли разговора о каких-либо угрозах в адрес хозяина, ну, мало ли. Наведи справки о биографии этого Клокина и попутно о его руководителе, наверняка у этого Вывизова было полно сомнительных дел и друзей.

— Ясно, Никифор Иванович, к вечеру доложу.

— К вечеру не стоит, завтра на летучке и доложишь, не думаю, что там будет что-то срочное. А тебе, Василий, предстоит заняться личностью автоматчика, кто, откуда, возможно, придется разослать его изображения и покопаться в столичной картотеке, компьютерный поиск и прочее. Может, повезет, скорее всего, у этого фрукта были судимости. А мне придется познакомиться с родными и близкими Вывизова и побеседовать по душам

с нашим руководством. Да, Александр Петрович, когда будет заключение по автоматчику? Сегодня успеешь его выпотрошить?

— Никифор, ты у меня не один, и я в рабочее время не в преферанс играю. Если больше вызовов не будет и ничего экстренного не случится, постараюсь на завтрашнее ваше совещание результаты вскрытия представить, но, возможно, придется поработать дольше.

— Хм, я тебя не подгоняю, но постарайся не слишком затягивать свои изыскания. У меня, старина, предчувствие, что этими тремя трупами данное дело не ограничится, что-то мне сердце гложет.

Оперативники хмыкнули, переглянулись и одновременно пропели:

— Ой, не надо бы, ой, не надо... — Они давно уже заметили за своим начальником склонность к мрачным пророчествам и, как выразился однажды Васенька, к кассандризму.

— Я не договорил, — буркнул Никифор. — У меня предчувствие, что все это пахнет еще одним нераскрытым делом, которое будет долго болтаться у нас на шее. Впрочем, вы и сами все отлично понимаете. А теперь поехали...

3. РУКОВОДСТВО

Непосредственный начальник Трюшина — прокурор Васютин Владимир Петрович — уже оказался в курсе последних событий. Не успел Никифор появиться в управлении, как его потребовали с докладом.

В кабинете Васютина царил покой и полумрак. Сам Васютин, тепло пожав руку Никифора, быстро прошмыгнул за свой огромный стол, как-то робко вжался в уютное и мягкое кресло и с некоторой дрожью в голосе сказал:

— Рассказывай! Впрочем, общую картину мне уже доложили. Что творят! Что творят! Самого Вывизова ухлопали, надо ж! Шуму-то будет, шуму!

— Гм!.. Шум, конечно, будет, — пожал плечами Никифор. — Как без этого? Трое убитых! Сам Вывизов, его водитель Григорий Клокин и, очевидно, их непосредствен-

ный убийца, молодой мужик лет двадцати пяти — тридцати, его личность сейчас устанавливаем. Правда, с ним не все ясно. Северов утверждает, что явных ран на теле убийцы нет, и даже склоняется к мысли, что тот умер сам, так сказать, то ли от испуга, то ли от большого огорчения.

— И давно это у Александра Петровича такие теории стали появляться? Сколько ему до пенсии?

Интерес руководства к пенсионной тематике Никифору был вполне понятен. Ведь и самому Васютину до пенсии было не дольше, чем Северову, а вот за свое кресло и организм прокурору приходилось переживать намного больше, чем судмедэксперту: за последние пять лет над Никифором сменилось уже трое начальников. Одного выгнали за взятки и злоупотребление. Второго застрелили при попытке навести хотя бы минимальный порядок в делопроизводстве, а третий, проработав четыре месяца, немного поразмыслил и, после того как какие-то хулиганы взорвали на его дачном участке сортир (экспертиза установила, что в деле фигурировала противотанковая граната), быстро обзавелся гипертонией, коронарной недостаточностью и поспешил уйти в отставку по общему состоянию здоровья. Васютин же, заступив на должность, смутно надеялся додержаться до пенсии и поэтому старался вести себя тихо и по возможности мирно, никого из крупных мафиози старался не обижать. «Я еще хочу внуков понянчить! Упаси боже! Самим дороже! Полетят клочки по закоулочкам!» — были его излюбленные выражения.

— Дело не в пенсии, — философски заметил Никифор, — это его предварительный вывод. Полагаю, после вскрытия выводы Александра Петровича изменятся.

— Когда он выдаст результаты вскрытия?

— Обещал к завтрашнему утреннему совещанию...

— Так... А по Выvizову у вас что?

— Исследуем мотивы, Владимир Петрович. Сами понимаете, так просто таких людей, как Выvizов, не устраивают. Я собираюсь сегодня же поговорить с его домашними, снять показания с вдовы, допросить прислугу, еще кое-кому позадавать вопросы. Полагаю, выяснить, кто

вероятные заказчики, мы сможем дня за три. Иное дело собрать доказательства их причастности... Исполнитель — мертв! А проследить его связи с возможными заказчиками убийства едва ли удастся. По-моему, все организовано очень профессионально. У жертв не было ни одного шанса уцелеть.

— И у наемника тоже?

— Этого не скажу! — возразил Никифор. — Этот детина производил впечатление тупой животной силы. Устранять его, по моему мнению, не было никакой необходимости.

Васютин поежился и весь как-то даже обмяк в недрах своего могучего кожаного кресла:

— Откуда у вас этот вывод?

— Я уже говорил, — улыбнулся Трюшин. — Автоматчик производит впечатление профессионала. Он получил задание, аванс, задание выполнил и должен был спокойно исчезнуть из города, а возможно, и из страны на какой-то период. И все было бы тихо. Даже вычисли мы заказчиков, без исполнителя нам их не взять. Какой процент раскрываемости у таких дел, сами знаете.

— Да уж... — вздохнул Васютин. — Пожалуй, вы, голубчик, правы, этот третий труп скорее вам поможет в раскрытии преступления.

— Когда узнаем, кто это такой, конечно, появятся кое-какие зацепки, — с сомнением в голосе изрек Никифор, — но особых иллюзий на благополучное расследование я, признаться, не питаю. Теперь надо искать тех, кто устранил этого автоматчика, а свидетелей нет, и, боюсь, появятся они у нас не скоро. Народ стал очень осторожным. У меня вся надежда на допросы родственников и деловых партнеров Вывизова.

— С этим поаккуратнее, Никифор Иванович, поделитесь с ними, сами понимаете, люди среди них очень влиятельные попадают и такие нервные... А времена у нас, сами знаете, кошмарные времена. Мы, как саперы, не имеем права на ошибку, каждая оплошность может быть роковой...

Никифор вспомнил о взорванном сортире предыдущего начальника, и ему стало душевно жаль своего нынешнего руководителя.

— Понимаю, — кратко ответил он в тон руководству. — По лезвию бредем, по лезвию...

— Да-да! Рад, что вы меня понимаете, — заволновался Васютин. — У вас, кажется, Никифор Иванович, двое детей?

— Да, двое, но уже взрослые. Старший юридический заканчивает в этом году, младшая — на втором курсе кулинарного университета.

— Дети — наше будущее, — развел руками Васютин и с милой улыбкой выкатился из кресла. — Вы уж, Никифор Иванович, поделикатнее, не мне вас учить. Мы с вами старые волки, нам что главное — свое дело справлять и до пенсии дотянуть, верно?

— Не могу с вами не согласиться, — безмятежно отвечивал Никифор, крепко пожимая прокурорскую руку. — Надеюсь, расследование пройдет спокойно и все виновные понесут заслуженную кару.

— Да! Да! — встрепенулся Васютин. — Очень правильная и, я бы сказал, своевременная мысль. Ступайте, голубчик, и держите меня в курсе, если что, сразу и немедленно, всегда рад буду оказать содействие.

4. ВЫВИЗОВА ИЗОЛЬДА МАТВЕЕВНА

Прямо скажем, без всякого желания Трюшин отправился в особняк покойного Вывизова — беседа с вдовой убитого не сулила ничего приятного и едва ли могла пролить хоть какой-то слабый свет на обстоятельства убийства. Однако посетить родных убитого было необходимо. Уже у ворот особняка Трюшин почувствовал какую-то гнетущую болезненную атмосферу вокруг себя. И зябко поежился.

Трюшин внимательно осмотрел окрестности особняка: широкие аллеи, небольшой парк с еще очень молодыми деревьями — яблони, березы, несколько пихточек, заросли сирени, розы...

Садовника держат, отметил он мимоходом, ишь как все ухожено.

Поднявшись на крыльцо и доложив о себе в переговорное устройство, Никифор с любопытством посмотрел на крепкие ажурные решетки окон первого этажа: окна были продолговатые, узкие, глубоко вдавленные в стены дома, с тройными стеклами. Высокие металлические двери, перед которыми Трюшину пришлось постоять минут пять, также производили впечатление солидности и крепости. Двери, что называется, бронированные, и Никифор мог, пожалуй, поклясться, что по прочности и толщине металл их немногим уступает танковой броне какого-нибудь «Т-34». И сами стены, если судить по оконным проемам, были не менее метра толщиной и изготовлены не из самого плохого кирпича. Да, замок Вывизовых производил впечатление солидной крепости, однако бывшему хозяину это не помогло.

Когда наконец Трюшину открыли дверь и молодой крепкий парень в спортивном костюме проводил его к вдове Вывизова, Никифор уже успел составить себе мнение и о доме, и о его бывшем владельце.

Назвав себя еще раз, извинившись за причиненное беспокойство, выразив свои соболезнования и уверив еще вполне молодую и достаточно привлекательную супругу покойного, что будет сделано все для поисков преступников и привлечения их к суду, Трюшин попросил Изольду Матвеевну Вывизову (именно так звали вдову убитого) уделить ему немного времени и ответить на ряд вопросов.

— Подумайте, только не торопитесь, в последние несколько дней не случилось ли чего необычного? Не получал ли Степан Сергеевич каких-либо угроз по телефону, возможно, были письма?

— Не знаю, Степан обычно не посвящал меня в свои дела, но если были какие-то угрозы, об этом он должен был мне сообщить. Видимо, ничего такого не было. Впрочем, вам стоит опросить сотрудников фирмы, может, кто-то из них в курсе.

— Это сделаем. Немножко изменю вопрос. Вы не помните ничего необычного, что произошло в доме с вами, вашими домашними, близкими? Может, дети что-то заметили? Кстати, они в доме? Я знаю, что старшему сыну уже пятнадцать лет, а девочке около двенадцати. В этом возрасте дети обычно очень любопытны и наблюдательны.

— Детей я отправила к бабушке, но, как только они вернутся, вы сможете задать им свои вопросы, хотя не думаю, что они что-то могли заметить. Я в последние дни не очень хорошо себя чувствовала — голова побаливала, общая какая-то угнетенность, даже, наверное, страх. Что вы на меня так смотрите?

— Я слушаю, продолжайте.

— Только не считайте меня чокнутой дурой, но я в эти два-три дня предчувствовала, что должно случиться что-то страшное. Я себе места не находила последнюю неделю, а в чем дело, не понимаю.

— Да, так бывает. Наше подсознание иногда становится очень чувствительным к каким-то внешним проявлениям природы... — пробормотал Никифор. — И все же, Изольда Матвеевна, вы не заметили ничего такого, что создало у вас такое пасмурное настроение, все-таки что-то же должно было быть?

— Нет, вроде бы ничего необычного, все как всегда — дела, заботы по дому. Степан, правда, вечерами последние две недели был немного раздражен, но говорил, что с делами фирмы это не связано, просто, мол, переутомился.

— Переутомился... — Трюшин вздохнул. — А другие как? Я о ваших домашних, вы же не одни обитаете в этом дворце. Мне бы от вас получить список всех обитателей, возможно, кто-нибудь из прислуги что-то мог знать о делах хозяина или угрозах в его адрес.

— Список я вам дам, поговорите с ребятами, но, если бы они знали о каких-то угрозах, мне бы это тоже было известно.

— Спасибо, а скажите, были ли у вашего мужа серьезные трения с какими-нибудь конкурентами, какие-то финансовые обязательства с их стороны или с его? Словом,

★ мог он что-то крупное не поделить с кем-то, кто мог подослать убийцу?

На какое-то мгновение Трюшину показалось, что Изольда Вывизова готова дать ему утвердительный ответ. В ее глазах мелькнула какая-то растерянность, затем она немного прикусила губу и покачала головой:

— Боюсь, не смогу ответить. Конкуренты, конечно, есть, и врагов у Степы хватало, но кто мог подготовить убийство, я не знаю.

Трюшин улыбнулся:

— Я не прошу у вас конкретности, просто список лиц, с которыми были конфликты в последние год-два, не больше. Кто из них виновен, установит следствие.

— Я в самом деле мало знаю. Степан ругался по телефону со многими, я и фамилий многих из них не слышала.

— А что вы слышали?

— Имена, упреки... Обычные деловые разговоры...

«Хороши разговоры, после которых происходит убийство двух человек», — подумал Никифор и сказал:

— Хотя бы имена назовите тех, с кем велись темпераментные беседы по телефону.

Изольда Матвеевна устало опустила глаза:

— Несколько раз муж ругался с каким-то Петькой, что-то требовал от какого-то Сергея, грозил какому-то Роману, были и другие имена, но с этими в последний месяц он общался раза два-три. Других пока не припомню... Знаете, мне что-то совсем плохо становится, давайте отложим наш разговор на денек, пока я не приду в себя. А вы опросите пока всех остальных.

— Что ж, спасибо и на этом, — сказал Трюшин, поднимаясь из кресла. — Не возражаете, если я позвоню вам завтра и мы договоримся о продолжении беседы?

— Да, если я только буду в состоянии вести этот разговор.

— Тогда позвольте попрощаться.

— Вы же хотели поговорить с прислугой?

— Позднее. Всем им придется заглянуть ко мне в управление, а сегодня, думаю, они мне ничего путного все равно не скажут.

Трюшин направился к двери, но уже на пороге обернулся:

— Изольда Матвеевна, не подскажите ли, кто из сотрудников фирмы вашего мужа наиболее глубоко посвящен во все дела хозяина?

— Соколов Александр, он заместитель, потом еще есть такой Бычков Василий, директор по снабжению, другие должны знать меньше.

— Спасибо. А кстати, вы сами хорошо разбираетесь в делах мужа?

— Когда-то я была его секретарем.

— Что ж, до встречи. — Никифор Трюшин, стараясь проявить всю свою обходительность, поклонился и поспешил покинуть дом Вывизовых.

По дороге на фирму «Кормаз» он с грустью подвел итоги прошедшей беседы и убедился, что от Изольды Матвеевны он не услышал и десятой доли того, что она, возможно, знает о смерти мужа.

Мозги пудрить эта вдовушка умеет... Это она-то, бывшая секретарша своего убитого мужа, не в курсе дел фирмы, он не посвящал ее в дела? Ну-ну... Темнит, и врагов Вывизова она знает, но почему-то решила пока не сообщать о них следствию. Да, есть над чем подумать. Они прожили с Вывизовым шестнадцать или семнадцать лет, конечно, у того были за этот период и другие дамы, но, кажется, Изольда всерьез скорбит о муже. Могла ли она сама быть причастна к его гибели? Какая-нибудь ревность, женский идиотизм, мало ли? Может, и сама... Конечно, любой идиот в нашем управлении эту версию проверит первой. Но мне все же думается, что это конкуренты... Ладно, посмотрим, что на фирме. А вот и контора Вывизова. Зарубежная отделка, двери и таблички над входом сияют... Посмотрим.

5. ФИРМА «КОРМАЗ»

В самой фирме, а именно в комнатах, где находились сотрудники, сияния и лоска было поменьше, чем снаружи. Интерьеры, впрочем, были на уровне требований времени, однако сегодня здесь царили уныние и траур.

Юные девицы и самоуверенного вида молодые парни в модных фиолетовых костюмчиках о чем-то шептались по углам, видимо, обсуждали гибель хозяина и возможные последствия для себя этой смерти.

Трюхин предъявил свое удостоверение и бодренько направился к двери с надписью: «Соколов Александр Степанович, заместитель генерального директора».

— Начальство ваше на месте? — спросил он, на секунду замедлив свое движение к дверям кабинета, молодую раскрашенную девицу, поднявшуюся из-за столика рядом с кабинетом, по наметанному взгляду Трюхина, несомненно секретаршу или делопроизводителя.

— А вы по какому делу?

— Я следователь прокуратуры, по делу гибели вашего директора. Доложите обо мне, — Никифор ткнул пальцем в табличку на двери, — вашему руководству.

— Одну секунду, — встрепенулась девица и поспешно исчезла за дверью кабинета.

Через мгновение дверь распахнулась и Никифора пригласили.

После взаимных представлений и вздохов Соколова о родном и любимом хозяине Никифор извлек блокнот и приступил к своим вопросам.

Вопросов было много, и изможденный Соколов только горестно покачивал головушкой и бормотал:

— Это что ж теперь будет?

— Будут похороны, — в тон ему отвечал Никифор. — Будут проверки всех ваших деловых операций за последние два или три года, будут допросы всех сотрудников, сами понимаете, всего этого нам с вами не избежать. Вспомните лучше, не было ли каких инцидентов за последнее время?

— Нет, не помню.

— А угроз в адрес фирмы от кого-либо не было?

— Мне об этом ничего не известно, поверьте, если бы какой конфликт с конкурентами, я бы от Степана первым узнал.

— Хорошо, а без вашего ведома Вывизов мог вести какие-нибудь крупные операции?

— Конечно, мог. Он же передо мной не обязан был отчитываться.

— А кому из ваших людей что-то могло быть известно о таких операциях или конфликтах?

— Не знаю. Каждый мог что-то услышать случайно и с той же вероятностью мог и не знать о делах шефа.

— К кому из ваших вы бы рекомендовали обратиться в первую очередь?

— Спросите Бычкова, или Светку, секретаршу, или того же главбуха Иванова.

— Спросим. А у вас, Александр Степанович, значит, никаких соображений о том, кому понадобилось убивать вашего руководителя, нет?

— Ума не приложу, — пожал плечами Соколов. — Такое чудовищное преступление...

— Что ж, поверим, так и запишем: не знаете. А конкурирующие фирмы в вашей деловой области, надеюсь, не успели еще забыть? Перечислите-ка мне всех ваших ближайших конкурентов.

— Знаете, их очень много, — пожал плечами Соколов, — фирма у нас многопрофильная, как и большинство частных фирм в наше время. И области бизнеса у нас самые разные. Может, вам проще список составить?

— Список — это замечательно. Обязательно составьте, но, помимо этого, я хочу от вас получить устные соображения о том, кому ваш хозяин мог перебежать дорогу за прошедшие несколько месяцев. Или еще проще: кто из известных вам лиц больше всего может выиграть от этой смерти?

— Я вас понял, но мне надо подумать...

— А сразу не можете вспомнить никого? Что ж, уточню вопрос: вы вот сами выиграли или проиграли с гибелью шефа? В чьи руки теперь попадет фирма, капитал?

Вопрос Соколову не понравился, и он сразу насунился:

— Фирма и капиталы, естественно, попадут к наследникам — семейству Вывизова. Сам я, боюсь, от гибели Степана потеряю очень много, впрочем, и другие сотрудники, скорее всего, потеряют.

— Почему? Поясните!

— На Вывизове очень многое держалось. Связи, умение найти кредиты, идеи... Что там говорить, вы же знаете, от талантливого руководителя зависит если не сто процентов, то девяносто процентов успеха. Кстати, и наследники, я имею в виду жену и детей Вывизова, тоже больше теряют с гибелью Степана.

— Тогда вернемся к вопросу о том, кому же было на руку устранение Вывизова.

— Список фирм-конкурентов мы вам подготовим, но не думаю, что это верный след.

— Почему вы так думаете?

— Степан был очень осторожен в своих начинаниях, на рожон обычно не лез. Дела вел четко, опасность чуял за версту. Если бы были угрозы со стороны конкурентов, он бы сообщил нам сразу и постарался усилить меры безопасности.

— Хм. И на старуху, как известно, бывает проруха. Мог Вывизов столкнуться с кем-то, чью опасность он недооценил?

— Раз он убит, значит, так и было.

— Резонно. Выходит, вы согласны, что у вашего хозяина были все же какие-то опасные дела?

— Мне о них неизвестно, но, очевидно, были.

— Кто теперь станет руководить фирмой?

— Наверное, Изольда Матвеевна.

— Спасибо. Пригласите сюда Бычкова. Вы не против, если я побеседую с ним в вашем кабинете? Я бы воспользовался, конечно, кабинетом Вывизова, но пока там все опечатано, мои ребята еще должны провести кое-какие исследования...

— Пожалуйста.

— А вы пока подготовьте список конкурентов.

— Ладно. — Соколов вздохнул и, горестно покачивая головой, направился к выходу.

Однако в этот день Никифору явно не везло. Ни часовая беседа с Бычковым, ни допрос секретарши и главбуха не дали ничего нового... Похоже, что все сотрудники фирмы

«Кормаз» хорошо отрепетировали свою линию поведения в ожидании допросов следователя и ничего не знали, ничего не видели и ничего не слышали. Смерть хозяина оказалась для них громом среди ясного неба, выбила их из колеи, они ума не приложат, кому понадобилось убивать такого замечательного руководителя, как Степан Вывизов, и скорбят изо всех сил.

Покидая фирму уже в седьмом часу вечера, Никифор отчетливо понимал, что в своих изысканиях не продвинулся ни на шаг, чувствовал себя смертельно уставшим и изрядно отупевшим. Утешала, правда, одна ехидная мыслишка, что и его юные помощники за этот день не накопили больше своего шефа, а это хотя и огорчало Трюхина, как руководителя группы, но немножко грело его самолюбие — все же не он один потратил день почти впустую. Впрочем, Трюхин прекрасно понимал, что впереди у него по делу Вывизова еще недели и горы рутинной, часто почти бесполезной работы.

Ладно, подождем заключения экспертов. Посмотрим, что там завтра будет...

6. РЕЗУЛЬТАТЫ ВСКРЫТИЯ

На утреннем совещании на прямой вопрос Никифора «Чем нас порадуует медицина?» Северов долго откашливался, зачем-то полез в свои записи, хотя нужды в этом особой не ощущалось, и наконец доложил:

— Не стану вас, ребята, утомлять полным чтением акта экспертизы. Скажу лишь, что смерть интересующего вас лица наступила в результате обширного кровоизлияния в мозг.

— И это все? — поинтересовался Никифор. — И никаких иных причин? Тогда отчего такое кровоизлияние в мозг могло произойти? И кстати, как обманчива внешность, по виду никогда бы не подумал, что у того типа были мозги. Сашенька, нельзя ли все же поподробнее?

— Можно, — согласился Северов. — Такое кровоизлияние могло быть вызвано резким перепадом давления в организме.

— А этот резкий перепад чем мог быть вызван? — продолжал допытываться Никифор.

— Скачок давления вызван какой-то внешней причиной, какой — не могу сказать. Это могло быть сильнейшее потрясение, дикий страх, испуг, еще что-то, в одно мгновение сразившее этого парня.

— Хм... Не густо... А что дала проверка на присутствие различных токсичных веществ?

— Не обнаружено. Никаких ядов, следы алкоголя двухдневной давности — и все.

— Выходит, умер от испуга?

— Это одна из версий. Конкретную причину, боюсь, не смогу вам сообщить. Только не смейся, Никифор, но это или какое-то новое, неизвестное оружие, или какая-то чертовщина, мистика.

— Ты же знаешь, Сашенька, что мистику в актах экспертизы наше руководство не поощряет.

— Знаю, но пока ничего другого у меня нет.

— А будет?

— Когда вы мне притащите десяток трупов со следами такой смерти, возможно, сумею обнаружить еще какие-то занимательные факты, а пока все. — И Северов виновато улыбнулся.

— Спасибо и на этом. Сеня, у тебя как дела?

— Побывал у Клокиных, поговорил с его семейными, навел о нем справки — парнишка был чист, отслужил в армии, был на хорошем счету, обычный трудяга. Двое детей остались сиротами. Домашние Клокина ни о каких угрозах в адрес хозяина не слышали, хотя вдова говорит, что Клокин как-то обронил, что последнее время его хозяин чего-то стал осторожничать.

— И это все?

— Все.

— А у тебя, Василий, есть что-нибудь интересное?

— Да как сказать, Никифор Иванович. Я облазил все ближайшие гостиницы и нашел ту, в которой останавливался автоматчик. Он там прописался под фамилией Петров, при обыске тела автоматчика был найден ключ от

камеры хранения в аэровокзале и, как вы помните, фальшивый паспорт на имя Петрова Сергея Николаевича, и права на имя этого же Петрова были. Позднее в ячейке камеры хранения мы нашли чемодан с вещичками и паспортом на имя Крытова Дмитрия Павловича. Мои запросы в нашу картотеку и компьютерный поиск, сравнение отпечатков пальцев и физиономии показывают, что наш неизвестный покойник и есть этот Крытов. Кстати, он действительно был судим четыре года назад за кражу, но освобожден еще в позапрошлом году по амнистии. И с тех пор в поле зрения полиции не попадал.

— А теперь попал, но поздновато, — вздохнул Никифор. — Что ж, хоть ты, Василий, чем-то порадовал. Продолжай раскапывать связи Крытова. Ищи его дружков, с кем он крутился на зоне, его родичей. Собери по нему все, что можно. Думаю, это было не первое его убийство. Да, тебе, Семен, надо вместе с ревизорами порыться на фирме Вывизова, понаблюдай там, приглядишься к помощникам покойного мультимиллионера, что-то они темнят. А кстати, Васенька, тебе такие имена, как Петр, Сергей, Роман, ни о чем не говорят?

— Имена как имена, — пожал плечами Василий. — Разве что в этом сочетании что-то знакомое...

— Вот именно. Первухинская группировка. Если не ошибаюсь, такие имена носит кое-кто из тамошних авторитетов. Кстати, что там за ними?

— Наркотики, рэкет, грабежи — словом, ничего необычного, несколько убийств, за которые мы так и не смогли никого из этих мальчиков ухватить.

— Хм... Могли эти хмыры как-то пересечься с делами Вывизова?

— Почему бы и нет, — хмыкнул Василий. — Парни из отдела по организованной говорят, где большие бабки ходят, там и наши клиенты прогуливаются. А Вывизов последнее время резко поднялся, и, видимо, не только на торговле дозволенными товарами.

— Надо бы поопределеннее, Вася, пока у тебя больше домыслы, а нужны факты. Сам же знаешь, информации

у нас много, а вот юридически ее оформить — это целая проблема, да и руководство мечтает дожить до пенсии... Ты вот что, подбери мне по этим Петру, Сергею и Роману кратенькие справочки, фотографии, вдруг, чем черт не шутит, это нужный след, хотя...

Никифор не стал договаривать то, что собравшимся вполне было ясно и так: даже если след стопроцентно верный, ухватить за задницу никого из крупных рыб, скорее всего, не удастся. Копать глубоко осторожное руководство им просто не позволит, в лучшем случае полетят шестерки, а в худшем поднимется такой вой и угрозы, что и по шее можно будет схлопотать и за абсолютно честную и добротную работу. Трюхин на такое положение вещей смотрел философски, всех понимал — и преступников, и руководство, и своих ребят, которым как-то кормиться надо, а потому без особой надобности на рожон не лез, стараясь соблюдать правила игры и по возможности приносить родному городу хоть какую-то посильную пользу.

В это мгновение затрезвонил телефон. Никифор снял трубку, ожидая услышать голос Васютина: обычно руководство во время этих утренних оперативных совещаний и выясняло все интимные подробности расследуемых дел. Однако на этот раз голос прокурора просто срывался от волнения:

— Никифор Иванович, немедленно все бросайте и со всей группой на Тараканинскую улицу в особняк Лапина.

— Слушаюсь, Владимир Петрович. А что там случилось?

— Только что звонили оттуда. Море крови, горы трупов. Немедленно разберитесь. Извините, что отрываю вас от дела Вывизова, но вы у нас самый опытный, молодым я просто боюсь поручать это. Вы уж, голубчик, не подведите, поосторожнее там...

Чем дальше Никифор слушал телефонную речь своего руководства, тем шире у него раскрывались глаза и рот от удивления. А дивиться было чему. Это что же такое исключительное могло произойти в особняке Лапы, широко известного всему городу крестного папы местной мафии,

если из недр этого уголовного логова вдруг стали слышны призывы о помощи в адрес полиции. Обычно эти веселые ребята старались обходиться без всяких контактов с органами внутренних дел, а тем более с оперативниками Трюхина.

Выслушав инструкции руководства, Никифор медленно поднялся из-за стола и, аккуратно положив телефонную трубку, буркнул:

— Нет, как вот тут можно работать, чего-то расследовать? Опять очередной аврал. Всем занять места в машине. Проверить оружие, едем к Лапе. Должно быть, этот мир окончательно свихнулся. Руководство услышало вопль о помощи из особняка этой старой сволочи.

Теперь глаза округлились и у остальных.

— Никифор Иванович, что там произошло? — поинтересовался Семен.

— Если б я знал. Прокурор кричит, что горы трупов. Видимо, стрельба на весь район. Что ж, поехали...

7. ВЕСЕЛАЯ ИСТОРИЯ

Лужайка и газоны во дворе особняка Лапина Александра, среди сподвижников больше известного под кличкой Лапа, он же Мохнатый и он же Сэкенхенд, когда подъехал «уазик» Трюхина с товарищами, напоминала если не поле Куликово после одноименной битвы, то уж арену Колизея после больших гладиаторских боев это точно. И сами гладиаторы, точнее их залитые кровью трупы, валялись здесь же.

Трюхин насчитал восемь убитых молодежавших спортивных мальчиков и покачал головой:

— Побойище знатное. Посмотри, Саша, может, кто из них еще дышит. Вася, вызови медиков. И позвони в управление, пусть еще людей пришлют, здесь работы на три бригады хватит.

— Представляю, что мы увидим в этом скромном четырехэтажном жилище, — хмыкнул Семен.

— Гм, тихо! — Никифор поднял палец и прислушался. — Нет, в домишке вроде уже спокойно.

— Во всяком случае не стреляют, — подхватил Семен.

— Значит, уже отстрелялись, — хладнокровно заметил Никифор и осторожно приоткрыл незапертую дверь особняка.

То, что они обнаружили во внутренних покоях дворца Лапы, очень напоминало кровавые сцены фильмов ужасов западного производства. Всюду среди варварской роскоши валялись убитые, корчились и стонали раненые, всюду брызги крови, следы буйного побоища и погрома.

— М-да, эти дьяволы хорошо порезвились, — бормотал Никифор, осматривая комнату за комнатой и зал за залом. — И чего же, интересно, эти молодцы опять не поделили?

— Чего? Деньги, конечно, — хмуро предположил Семен. — Надо же, давненько у нас в городе не наблюдалось такого Трафальгарского сражения.

— Да, у них здесь был богатый арсенал, — сказал Никифор, подбирая с ковра маленький изящный автомат, хозяин которого с развороченным черепом лежал здесь же. — Гм. Занятная штукавина. Ты у нас, Сеня, специалист по этой мозгодробильной технике. Что это за штука?

— Какая-то редкость, не знаю, надо у экспертов выяснить, а вот это у окна американский «М-16», а вон там израильский «узи». Да, здесь целая коллекция и автоматов, и пистолетов, и гранатометов...

— Хм... Надеюсь, баллистическими ракетами эти паразиты не успели обзавестись...

— Кто знает, Никифор Иванович, кто знает...

— Кто знал, видимо, уже не скажет... Вот он, наш дорогой владелец этого замка ужасов. — И Никифор медленно приблизился к огромной роскошной кровати, на которой почему-то в парадном черном костюме и в накрахмаленной белой рубашке лежал сам Лапа, рослый, под метр девяносто, мужчина средних лет атлетического телосложения.

— Странно, крови на нем не видно, ни ран, ни следов насилия — костюмчик даже не помят. — Семен вопросительно посмотрел на Никифора: — Я что-то не понимаю...

— Зови сюда Северова. — Никифор поморщился: — Кажется, я становлюсь суеверным. Чует мое сердце...

Сеня так и не успел узнать, что чует сердце его начальника, потому что Никифор вдруг сделал ему предостерегающий знак и, резко присев, заглянул под кровать, на которой так помпезно возлежал покойник.

— А ну вылезай, и без глупостей! — скомандовал он кому-то под кроватью.

Семен уже готов был спустить курок своего «макарова», однако начальник успокоительно помахал ему пальцем и, сунув руку под кровать, помог выбраться на свет божий полуголой, насмерть перепуганной юной особе лет шестнадцати.

Девицу била дрожь, и вся она тряслась от дикого смертельного ужаса.

— Ну-ну, милочка, успокойся. Сеня, тащи сюда доктора, дайте ей валерьянки или еще чего-нибудь успокоительного и отведите в машину. Да проследи, чтобы не сбежала. Когда она немного успокоится, не исключено, что мы сможем узнать подробности всех этих убийств.

— А вы, Никифор Иванович?

— За меня не бойся, и потом, наши шарят по всем этажам. Думаю, сейчас в этом доме безопасней, чем в бункере президента. Все, что могло стрелять, уже отстреляло, но среди этих мертвых должны быть еще живые. Что ты на меня так смотришь? Кто-то же отсюда позвонил в полицию.

— Может, она?

— Сеня, учись разбираться в людях! Эта девочка даже родной маме не позвонит, если что случится с ней самой. Нет, в доме еще должен быть кто-то, кто позвал на помощь.

— А может, соседи?

— Соседей тоже допросим, но толку от них, боюсь, будет мало. Они все запуганы, и никто из них не стал бы звонить. Нет, прокурор сказал, что звонили от Лапы. Из этого и надо исходить.

Из этого они и исходили.

После детального исследования лабиринтов особняка отрядами полиции и криминалистами обнаружили еще

★ трех оставшихся в живых после случившихся стрельб. Парня лет двадцати, который представился дальним родственником хозяина, и еще двух женщин. Одна молодая, весьма миловидная блондинка лет двадцати восьми оказалась дочерью покойного Лапина, а вторая дама почтенного возраста, уже за шестьдесят, была его теткой и по совместительству руководила хозяйством особняка. Она-то, как выяснилось уже позднее, и вызвала полицию, когда совсем уж припекло.

Никифор, ничуть не смущаясь инструкциями Васютина и его призывами к деликатности и осторожности, задержал всех уцелевших в качестве свидетелей и отправил в управление, поскольку на месте происшествия они ничего толком ему сказать не смогли и только заливались слезами, сотрясали воздух какими-то бессвязными воплями, призывами к Богу и разговорами о покаянии. И даже парень, с виду вполне крепкий и определенно замешанный уже в кое-какую уголовщину, раскопился и тоже нес околесицу о раскаянии и покаянии.

И Трюшин безнадежно махнул рукой:

— Ладно, каяться будете мне потом, а сейчас пусть вас медики приведут в божий вид. — И Никифор кивнул Семену и Василию: — Надо здесь заканчивать, у меня уже от всего виденного голова раскалывается.

Итоги побоища в логове Лапина впечатляли — двадцать три трупа, пятеро тяжело раненных... Однако ясно-сти в том, что же там произошло, не было никакой. Кто на кого нападал? Кто были нападавшие? Из какой группировки? Что было причиной? Как Лапа мог так лопухнуться, что впустил их в дом? Сколько бандитов сумело уйти до прибытия блюстителей порядка? Эти и многие другие вопросы пока оставались без ответов и лишь усиливали головную боль Никифора.

Одна надежда на этих четырех свидетелей, но скажут ли они хоть что-то вразумительное?

Эти невеселые размышления Трюшина были прерваны появлением Северова. Сашенька облегчения ему не

доставил, и хотя вручил стандарт цитрамона, но тут же сообщил, что Лапин, похоже, умер своей смертью.

— Как своей? В этом аду и своей?

— Не нервничай, Никифор, заглоти таблеточку. Это предварительные мои выводы, завтра будет заключение по нему и еще по двум паренькам.

— А что, какие-то неясности с ними?

— Да, помимо Лапина, еще двое не имеют видимых внешних повреждений.

— Что за черт? Сашенька, эту фразу я от тебя уже слышал вчера?

— Верно. Я не удивлюсь, если их смерти будут очень походить на гибель того автоматчика, что ухлопал Вывизова.

— Сочувствую, друг, кажется, у тебя в ближайшие дни прибавится работы.

— Это что, опять предчувствие? Твой касандризм?

— Вот именно. — И, горестно вздохнув, Никифор побрел к машине.

— Ты куда? — удивился Северов.

— В управление, надо допрашивать этих девиц и парня, пока их у меня не увели. А здесь и без меня мужиков хватает. Пока тут все разгребут и по полочкам разложат, посинеть можно. Ты, кстати, тоже долго-то не задерживайся. Пусть другие пули извлекают, а ты мне, Сашенька, давай с этими таинственными смертями ясность внеси.

— Я не волшебник. Что в моих силах — сделаю.

— Знаешь, дорогой, я ведь тоже не Эркюль Пуаро, но ты попробуй нашему Васютину на это намекнуть.

— О, полетят клочки по закоулочкам.

— Вот именно.

8. СВИДЕТЕЛИ

Как и ожидал Никифор, свидетели ничего не видели и ничего не слышали. И ничего вразумительного рассказать не могли.

Тетка покойного Лапы только завывала, мотала головой, поминала всех святых угодников и бормотала что-то

несусветное о конце света и Страшном суде. Единственное, что из нее смог извлечь Сеня, — это признание, что в полицию позвонила именно она, когда вдруг в доме поднялась дикая стрельба. Больше Елизавета Марковна ничего не видела, она почувствовала себя так плохо:

— Я не знаю, ничего не знаю... Это нам за грехи наши... У меня от этой стрельбы вся душа раскололась, прямо так плохо, так плохо, руки на себя наложить хотелось... Прости, Господи...

Никифор поморщился:

— Ладно, уведите ее и успокойте. Давайте сюда дочку, она, надеюсь, хоть что-нибудь расскажет по существу дела.

Однако с наследницей Лапы дела обстояли не лучше. И хотя юная дама держалась покрепче, то, о чем она смогла поведать, смотрелось ничуть не лучше причитаний тетки о святых и страшной небесной каре.

По словам Людмилы Лапиной, выходило, что ее отец вдруг почувствовал себя удивительно скверно... Какой-то странный приступ депрессии.

Лапа вдруг схватился за голову, пошатнулся и побрел к себе в спальню. И в этот момент один из его молодчиков, некий Васек, вдруг ни с того ни с сего выстрелил в другого паренька по кличке Мюллер. Естественно, прогремели ответные выстрелы... О дальнейшем Людочка Лапина может только догадываться, сама не видела, ей пришлось быстро прятаться, поскольку поднялась такая канонада, что уцелеть в доме оказалось очень трудно.

— Вот и все, что я могу рассказать, гражданин следователь, — заключило свою речь дите Лапина.

— Нет, это еще не все! — жестко возразил Никифор. — Там двадцать три трупа. Я не поверю, что все эти веселые ребята перестреляли друг друга только из-за своих скверных характеров и плохого настроения. Не надо мне пудрить мозги, девочка! Расскажите, кто на вас напал? Из-за чего произошло столкновение? Что было причиной? Большая партия наркотиков? Сферы влияния? Борьба за лидерство? Что они не поделили? Можете сказать?

— Я не знаю, — пожала плечами Людмила. — Отец не посвящал меня в свои дела. То, что я видела, о том и говорю. Возможно, кто-то и напал на наш дом. Я в это время уже спряталась в подвале с теткой. И больше ничего не знаю.

— М-да. Ничего не вижу, ничего не знаю и ничего никому не скажу... — пробормотал Никифор. — Напрасно вы так, милая. Если вы кого-то выгораживаете, то это очень глупо. И не мне вам это объяснять. Ребята, которые привыкли так шустро орудовать различным душегубским инструментом, свидетелей, поясняю — живых свидетелей, органически не переваривают. Вы рискуете, милая. Ведь теперь нет грозного папы, который сможет вас защитить.

— Нет, ничем я не рискую.

— Почему?

— Я уже говорила, я ничего больше не видела и не знаю. А поэтому я не могу быть опасным свидетелем для кого-то из тех, о ком вы говорите.

— А они этого могут и не знать!

— Ничем не могу помочь, гражданин следовательно. Я больше ничего не видела.

— Ну хватит! Сеня, запиши ее показания, возьми подписку о невыезде, и пусть убирается вместе с теткой. А мне этого паренька доставь!

— Никифор Иванович, я уже предварительно допросил его. То же самое: ничего не знает, говорит, что находился в подвале, когда туда вползла дочка Лапина, а за ней и тетка.

— Бред какой-то... — проворчал Никифор. — Тащи его сюда, пока этот парень еще не пришел в себя после всех этих стрельб, надо из него вытянуть хоть что-то. Как его зовут и что у нас на него имеется?

— Никифор Иванович, по документам это Виктор Четушкин, студент Кулинарной академии. Говорит, что в особняке оказался случайно, его пригласила Людмила Лапина. Она собиралась, по его словам, устроить дегустацию каких-то редких вин, студент должен был выступать в качестве эксперта, а тут началось. У нас на него ничего.

— Документы-то хоть подлинные?

— Да, запрос в Кулинарку сделали. Уже приезжал от них представитель. Все подтверждается. Протокол допроса еще не успели оформить, но я на этого Витька почти два часа потратил. По-моему, пустой номер. Так что, привести его?

Тюхин сморщился. Семен был опытным работником, вытянуть еще что-то после его беседы со свидетелем представлялось сомнительным, но Никифор был достаточно упрям:

— Я хочу выяснить, что он чувствовал в этом подвале, когда наверху поднялась стрельба.

— Уже спрашивал. Говорит, что ощутил ужас и какую-то слабость во всем теле.

— Перетрусил, выходит, основательно.

— Да, пожалуй, нет, Никифор Иванович, я тоже так сначала решил. А парнишка утверждает, что это было нечто другое, за себя он как раз тогда совсем не переживал. Скорее, сам себе был безразличен, а вот какая-то тоска на него обрушилась.

— Это что, он так и выразился?

— Нет, это я пытаюсь объяснить его всхлипывания и бормотания. Все-таки малый пережил сильнейшее потрясение и внятно свои переживания пока слабо формулирует.

— Ясно. Тогда вот что, Сеня, оформляйте протоколы, заканчивай со свидетелями. И пусть Василий, когда появится, мне занесет все бумаги по тем двадцати трем убитым и тем пяти раненым из особняка. Понимаю, что работы много, но чтобы к вечеру у меня на столе были дела по каждому: кто что успел натворить, судимости, в какую группировку входил и так далее. Не мне вам объяснять, сами знаете, что нас с Васютиным волнует.

— Так, Никифор Иванович, Василий всех уже идентифицировал и отправился с запросом в архив. Он мне сказал, что все ребяташки из банды Лапина, чужаков среди убитых и раненых нет.

— Чушь собачья.

— Я то же самое ему сказал. Получается, что если нападение и было, то нападавшие скрылись, не оставив следов и не понеся потерь.

— М-да... Косвенно это подтверждает сообщение Людмилы Лапиной о том, что драчку спровоцировали внутри самой банды. Только поверить в это невозможно, они же не окончательные психи, не может такого быть, просто не может!

— Сам знаю, что не может быть. И Василий это прекрасно понимает. Как вернется с делами из архива, я его сразу к вам.

— Ладно. Соседей кто из наших опрашивал?

— Еще не успели, вы же знаете, они все равно ничего путного не скажут, даже если что-то и видели.

— Это верно, хотя... Ты «уазик» никуда не отправлял? Пожалуй, одну вещицу можно и проверить через соседей. Этого они скрывать не станут. Если позвонит Васютин, я поехал на место происшествия. Где у нас схема этого района?

— А вот на полке.

— Благодарю. Если что-нибудь еще новое появится по свидетелям или у Василия, сообщите. Да, там же сейчас журналисты вокруг околачиваются, телевизионщики... У нас для них ничего. Следствие только разворачивается.

— Само собой, тайна следствия, а если по делу Выззова пытаться начнут относительно мертвого киллера?

— Перетопчутся. Кстати, не вздумайте кому-нибудь сбрехнуть, что киллер убит. Полезнее сообщить, что нам удалось его привести в чувство и он дал показания. Впрочем, пока не до этого.

Объезд прилегающих к особняку Лапина домов Трюхин проводил обстоятельно и методично. Конечно, можно было это поручить кому-нибудь из помощников, но все ребята по уши и так закопались в текучку, допросы свидетелей, составление протоколов, беседы с экспертами, поэтому Никифор решил, что и самому надо иногда потрудиться, не барин... И он двинулся в народ опрашивать стариков и старушек, домохозяек ближайших зданий и продавцов киосков и магазинчиков, расположенных по соседству.

Удостоверение Никифора действовало на всех на редкость однообразно. Стоило ему развернуть его и объявить:

— Я из полиции... — как в ответ тут же доносилось:

— Ничего не видела, выстрелы, да, слышала. Грохот на весь район.

— Машины? Какие машины. Автомобилей проносится мимо полно. Нет, номера не запоминал. Нет, ничего не видел. Из двора особняка? Нет, не заметил, чтобы кто-нибудь выезжал после выстрелов.

— Хорошо, а что вы чувствовали во время этой стрельбы или незадолго до выстрелов?

— Что я чувствовал?

— Да, именно вы. Надеюсь, это не тайна. Просто расскажите о ваших ощущениях. О вашем настроении... — Трюхин понимал, что более дурацкого вопроса в его положении придумать трудно. Какое дело следователю, работнику полиции до того, как там кто-то себя чувствовал, но Никифор задавал этот вопрос чисто интуитивно, вспомнив о стенаниях тетки Лапина и его дочери. И ответы жителей соседних домов подтвердили его предположения.

Почти все чувствовали себя в это утро не совсем в своей тарелке. Была некая гнетущая атмосфера, были мысли о покаянии, кое у кого из склонных к активному алкоголизму прослеживалось желание... нет, не напиться, а, скорее, напротив, завязать и вести праведный образ жизни.

Один мужик так и заявил:

— Я в это утро решил завязать с пьянками. Годы, сердце ноет, чувствую, пора, пока не выгнали с работы...

Сердце, как выяснилось, ныло у многих. В двух домах даже были вызваны неотложки. Один из жителей чуть руки на себя не наложил. А еще двое сообщили, что жизнь им обрыдла, чувствуют себя последними свиньями и даже собираются обратиться к Богу, то есть посетить ближайший храм и покаяться...

Это упоминание о покаянии опять всколыхнуло самые мрачные глубины сознания Никифора и навело его на мысль, что вся та чертовщина, что началась с убийства Вывизова, только-только разворачивается. Покаяний впереди намечалось весьма ощутимое количество, а вот как

все это связать в одну стройную версию и определить, кто же грешит и кому же в первую очередь надо бы покаяться, это вопрос, и вопрос очень серьезный.

Вечером у Никифора опять был разговор с руководством.

Васютин на этот раз совсем даже и не нервничал. Ему, как всегда, все уже доложили, и прокурор на этот раз даже не ахал, а прямо сообщил, что побоищем в особняке Лапина заниматься ему, Никифору, и его ребятам нет смысла:

— Явная мафиозная разборка. Ничего необычного. Никаких неизвестных преступников искать нет необходимости.

— Так, Владимир Петрович, у меня пока складывается такое впечатление, что посторонних-то в особнячке и не было. Кто-то из своих же и затеял свару, в которой главные силы и полегли. Правда, есть кое-какие неясности...

— Никифор Иванович, неясностей всегда в нашем деле хватает. Пишите заключение, и будем потихоньку закрывать... Не мне вас учить. Ваши молодцы отлично поработали, передайте мою благодарность. А завтра опять все силы на раскрытие убийства Вывизова.

— Так мы, собственно, проводим все розыскные... Мне бы в помощь парочку еще ребятешек, и эксперты нужны по финансовым делам. Надо же ревизию проводить на фирме Вывизова, пока время не упущено и есть надежда...

— Э! На фирме, конечно, пусть ревизоры поработают, но, сам понимаешь, шансов что-то обнаружить почти нет. Вы связи этого Крытова покопайте, там больше зацепок можно отыскать.

— Это верно, Владимир Петрович, в корень смотрите, я по этому следу Василия пустил, он парень дотошный...

— Замечательно, главное — осторожно и без шума чтобы, — как обычно, напутствовал Васютин своего подчиненного. — Ну, ты мужик опытный... Все силы надо приложить.

— Не сомневайтесь, Владимир Петрович, приложим, не без того...

На этой бодрой ноте и закончился этот суматошный день.

9. ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На следующее утро на встрече со своими парнями Никифор сразу обозначил все приоритеты:

— Вчера нас немножко отвлекли, а сегодня опять занимаемся убийством Вывизова. Действуем по той схеме, что набросали перед этим. Семен и ревизоры — фирмой. Василий — личностью Крытова. Кстати, что-нибудь еще по нему поступило? Запрос на зону отправил?

— Никифор Иванович, когда бы я успел? — пожал плечами Василий. — Пока у меня только информация из компьютера. И дело из нашего архива, но я еще толком и просмотреть все не успел.

— Надо успевать. Дело мне на стол. Запрос на зону немедленно. И пусть все подробности, всех его дружков, где у него какая родня, подружки. Словом, все про этого Крытого, чтобы полная или хотя бы относительная ясность была — где он ошивался после освобождения и с кем мог пересекаться, круг знакомых. И все такое.

— Понятно, Никифор Иванович, сейчас займусь.

— Вчера надо было еще это проделать, Вася. Александр Петрович, вы нас чем порадуете? — Трюшин с надеждой посмотрел на судмедэксперта. — Как там наш автоматчик?

— А что ему сделается? Никифор, побойся бога, когда мне было им вчера заниматься? Тут свеженьких столько набросали, что и за неделю не управиться.

— Ты же говорил, что анализы?..

— А? На яды-то? Нет, результат отрицательный. Никаких ядов пока в нем не нашли. И кстати, у Лапина та же картина, ничего существенного, апоплексический удар, как говорили в старину. И не только у самого Лапина, но и еще у четырех парнишек. Мистика прямо...

— Ну, Лапин меня уже не интересует, с ним Васютин сам пусть разбирается. А вот твои выводы по Крытову меня не радуют.

— Это почему же? — возмутился Северов. — Что есть, то есть. Если никаких ядов не обнаружено, ничем другим объяснить пока не могу.

— Это плохо! Сашенька, тебя я ни в чем не упрекаю, но... скажи-ка откровенно, чем, по-твоему, пахивают все эти непонятные смерти?

— Ну, первое, что приходит в голову, — спецслужбы. Там очень серьезные спецы могут орудовать. Какой-нибудь неизвестный нам препарат, вызывающий инсульт или сердечный приступ. Как известно, возможности науки, действующей во благо человека, безграничны...

— Вот именно... — Никифор задумчиво постучал пальцами по полированной поверхности стола. — Возможности безграничны... Нет, не подходит. Если бы были замешаны спецслужбы, Васютин уже получил бы сигнал «стоп», и никакого энтузиазма по делу Вывизова и этому Крытову мы бы с вами сегодня уже не проявляли. Всем понятно?

— Чего тут не понять, Никифор Иванович? — ухмыльнулся Семен. — Не первый год трудимся. Но если это не спецслужбы, что получается? Мафия, что ли, научилась убирать неудобных ей таким вот загадочным способом?

— Сеня, окстись и постучи по дереву. Ты ведь умный парень. Если у мафии есть такой метод, первым делом они кого убьют? Вопрос на сообразительность, так сказать, ко всем.

— Нас же и убьют в первую очередь, — грустно буркнул Василий.

— Молодец, Вася. Ты всегда у нас отличался оптимизмом. Конечно, в этом случае ряды наши начнут редеть со страшной скоростью... Поэтому о мафии пока не будем вспоминать. Достаточно того, что она о нас не забывает. Лучше подумайте, что это могло быть? И кто мог воздействовать на Крытова и на особняк Лапы?

— Раз следов яда не обнаружено, может, какое-нибудь излучение, радиация или еще какая-нибудь чертовщина, вызывающая такие приступы? — спросил Семен.

Северов фыркнул:

— Радиации никакой там не было, а вот если предположить какое-то излучение... Одно время в печати появ-

лялись статейки о разработке в разных странах психотропного оружия.

— Так... Не спецслужбы, так военные... Опять шпионские штучки. — Никифор покачал головой: — Нет, не сходится. Дочка Лапина, эта девица под кроватью, тетка, уже старая, — они же были рядом, но никто из них не пострадал.

— Так-то так, но, по твоим же словам, все свидетели и соседи из ближайших домов в один голос утверждали, что чувствовали депрессию, страх, еще какие-то эмоции, не из самых веселых.

— Это верно. — Никифор вдруг вспомнил, что и вдова Вывизова что-то похожее толковала о своем самочувствии в утро убийства мужа. — Да, Изольда об этом же мне говорила. Тогда опять не сходится. Такие здоровенные мужики, как этот Крытов или Лапа или его подручные, вдруг погибают от воздействия какого-то там неизвестного излучения, а девицы, старушка или этот студент-хлюпик отделяются легким испугом. Как это можно объяснить? Сашенька?

— Избирательность в воздействии этого неизвестного оружия — единственное разумное объяснение, — развел руками Северов. — Может, все эти парни как-то предварительно были помечены? Это я высказываю свои соображения, что называется, от фонаря... Всему должны быть разумные объяснения, надо лишь их обнаружить.

— Хороший совет, — хмыкнул Никифор. — У кого еще какие мысли появились?

— У меня супруга следит за сводками погоды и фиксирует различные аномалии, — заметил Семен. — Ну, магнитные бури, перепады давления. Метеорологи, говорят, фиксируют эти штучки. Она мне как-то говорила, что пожилые люди и некоторые ослабленные организмы молодых очень чувствительны к различным магнитным бурям и прочему...

— Это так, — поморщился Северов, — я сам на магнитные бури не лучшим образом реагирую. У стариков случаются во время этих бурь сердечные приступы, но

едва ли это нам что-то даст в нашем случае. Тут-то погибли вполне тренированные, здоровые бандюги, хотя, возможно, они и предавались кое-каким излишествам.

Никифор в задумчивости посмотрел на часы:

— Ладно, пора завершать наше обсуждение. Пока ясно-сти никакой, но две вещи мы все же выяснили. Первая — прослеживаются два случая гибели от какого-то неизвестного нам вида оружия. Второе: этим оружием достаточно умело пользуется в нашем городе какая-то преступная группа. Пока о существовании такой группы догадываемся только мы с вами. Меня утешает одно — напрямую мы этим не занимаемся, наша задача — найти заказчиков убийства Вывизова, и пока все. Кстати, о наших догадках никому и ничего. Надеюсь, все понимают, что стоит тому же Васютину узнать, на что мы тут между делом вышли, и бедного нашего начальника точно инфаркт свалит.

— Стопроцентно, — подтвердил Семен. — Жуликам даже его сортир на даче взрывать не понадобится.

— То-то же. Словом, занимаемся делом Вывизова и ведем себя тихо-тихо, но внимательно смотрим по сторонам. У меня опять же сильное предчувствие, что этими трупами не ограничится. Если кто-то обладает таким оружием, то он его будет применять в своих целях и дальше. Кстати, Василий, по первухинской группировке запроси у ФСБ информацию. Надо этих Петьку, Сергея и Романа, о которых упоминала Изольда, немножко высветить.

— Сделаем, Никифор Иванович, — козырнул Василий. — Сегодня же поплачусь там своим ребятам, может, что интересное и подбросят.

— Только осторожно, Вася, тихо и деликатно, как говорит наш Васютин, без лишнего шума...

— Обижаете, когда ж мы шум поднимали?

— Ладно, каждый занимается своим делом. К вечеру собираемся в управлении и координируем... Я опять в особняк Вывизова поехал.

Уже выходя в коридор, Трюхин услышал за своей спиной ехидное:

— Что-то шеф зачастил в особнячок Вывизова.

— Так... Богатая вдова, в полном расцвете...

«Ах, чтоб вы скисли, остряки доморощенные, — поморщился Никифор. — Следующий раз самих отправлю на встречу с Вывизовой. Посмотрю, как вы тогда острить будете».

Однако встречи не состоялось.

10. МОР НА НЕГОДЯЕВ

В эти дни в городе стало происходить нечто невообразимое — количество смертей, причем, мягко говоря, странных, стало увеличиваться чуть ли не в геометрической прогрессии.

Так, в этот же вечер два депутата городской думы покончили с собой. Один из них, вполне благополучный и очень состоятельный господин, выпрыгнул из окна двенадцатого этажа. Другой — директор местного комбината виноводочных изделий — повесился в своем особняке. И далее, по выражению одного из местных журналистов, начался мор на негодяев.

За три последующие недели все городские СМИ только и гудели об очередных неожиданных смертях крупных криминальных авторитетов, директоров банков, скоропостижных кончинах крупных чиновников, видимо, замешанных в каких-то аферах, о местных олигархах, вполне здоровых до последнего времени и вдруг умирающих от неизвестных заболеваний. За эти недели почти на три четверти сократилась численность осужденных местной тюрьмы и их надзирателей. Мор затронул многие вполне благополучные до того слои местного населения: судейских, адвокатов, да и кое-кто и из полицейских чинов неожиданно скончался от все той же сердечной недостаточности.

Патологоанатомы, и не только Северов, работали в три смены. Происходящее уже называли крупнейшей катастрофой, суицидной пандемией, сравнивали с эпидемией СПИДа. И эксперты приходили к выводу, что СПИД это просто семечки по сравнению с тем, что творится в городе и его окрестностях.

Переполошилось городское и областное начальство. Сообразили, что в городе происходит нечто страшное, и к концу второй недели все, у кого были причины побаиваться неизвестной эпидемии суицида, быстренько покинули пределы города и области. И лишь тогда статистика странных смертей резко пошла на убыль...

В эти дни Никифор Трюхин и его команда покоя не знали ни от начальства, хотя Васютин уже объявил, что собирается в отставку, ни от журналистов, ни от родственников пострадавших и безвременно скончавшихся.

На очередном утреннем совещании усталый, издерганный Никифор обвел свою команду печальным взором и объявил:

— Уже больше трех недель мы крутимся в этом сумасшествии. Ни наши судмедэксперты, ни психологи, ни эксперты ничего путного сообщить не могут. А между тем криминальные и, скажем так, околориминальные структуры нашего родного города и области понесли самые чудовищные потери. За последний год в иные миры переселилось в спешке более двух с половиной тысяч наших граждан, больше половины из них — в последние три недели. Как, по-вашему, это называется?

— Это прямо геноцид какой-то нашего родного криминалитета, — буркнул Семен.

— Точно, мы скоро без работы останемся. Кривая преступности загнулась и устремилась к нулю, — подлил масла в огонь Василий. — Чего делать будем, шеф? У меня статистика по торговцам наркотиками. Ни одного в живых не уцелело.

— Так и наркоманов практически не осталось, — поморщился Северов. — Хотя мне сказали, из домушников кое-кто еще живой.

— Да. — Никифор развел руками. — Будем ожидать сокращения штатов. И все же у кого-нибудь есть свежие мысли по поводу происходящего? Семен?

— Я же говорил, очень смахивает на применение какого-то психотронного оружия.

— Мы же тогда отмели эту версию, — заметил Василий.

— Отмели, — согласился Никифор. — В делах Вывизова и Лапы мы тогда отбросили версию с военными и ФСБ. А я вот тут ночами все передумывал и вижу, ничего другого не остается. Маньяк-одиночка!

— Шеф! Какой маньяк? — округлил глаза Василий.

— Какой-какой... Обычный! Это звучит дико, но другой версии у меня нет. Кто-то из наших научных работников, этаким изобретатель-одиночка, что-то придумал в этой области, создал какой-то свой прибор, создающий излучение, влияющее на мозг человека. Вспомните, многие же по нашим делам жаловались на депрессию, о каких-то раскаяниях толковали... Мы тогда эту версию не рассматривали серьезно, очень уж дико смотрелась. А поскольку все происходящее смотрится совсем дико, то будем отрабатывать этот вариант. Взгляните сюда, — Никифор ткнул пальцем в карту города, занимавшую полстены кабинета. — Видите, я эти флажки понатыкал? Максимум случаев суицида и прочих летальных дел падает вот на этот район — район городского университета и научных институтов. Вот среди тамошней публики и надо искать.

Семен, ищи среди научных работников людей, которые могут быть причастны к разработкам этой самой психотронщины. А ты, Василий, по отделам кадров выясняй, кто из профессуры, наших научных светил, их ассистентов в последние годы пострадал от тех же криминальных структур или ощутил на себе какую-то чудовищную несправедливость, словом, ищи зацепки.

— Никифор Иванович! А если это были закрытые темы исследований, нам не навтыкают? Мы же сунем свои носы туда, куда не просят? — тихо спросил Василий.

— Могут, если это шло по военному ведомству, но полагаю, что они сами заинтересованы в поисках нашего злодея. А почему?

— А среди самоубийц около трех десятков военных и среди них даже парочка генералов, — заметил Семен. — Так что вы, шеф, пожалуй, правы.

— Прав — не прав, о психотронном оружии разговоры давно идут, но официально, как известно, его не существует. Так что за работу. Сужаем круг и вылавливаем злодея. Мне нужны результаты. С Васютиным я переговорил. В помощь каждому из вас он по дюжине работников обещал...

И результаты не быстро, но через пару месяцев появились.

11. ВСТРЕЧА

Трюшин с минуту внимательно рассматривал мужчину, открывшего ему дверь. На преступника Феликс Трофимович Дудочкин не походил, то есть не производил впечатления человека, замешанного в те преступления, о которых Никифор собирался потолковать с Феликсом Трофимовичем.

«Черт-те что, — размышлял Трюшин, — вид у него самый безмятежный, улыбка прямо благодатная какая-то на лице, да и лицо симпатичное, умное лицо, без следов каких-либо явных и скрытых пороков. Впрочем, что там лицо? У меня же на него ничего нет, кроме статистики, нелепых совпадений в пространстве и во времени и, пожалуй, этого моего всегдашнего предвиденья, что ли, канандризма, хм! Если он меня пошлет сейчас подальше, то будет абсолютно прав, нам и крыть нечем. А если уж закричит об адвокатах...»

Однако Феликс Трофимович не стал кричать о своих правах и об адвокатах, хотя, кажется, и ничуть не удивился посещению следователя Трюшина с товарищами.

— Проходите, присаживайтесь в кресла к столу, — очень доброжелательно и деликатно Феликс Трофимович улыбнулся своим незванным посетителям. — Я, знаете, сейчас один в доме, поэтому некоторая безалаберность в обстановке. Минуточку подождите, сейчас самоварчик включу. Вы что предпочитаете — чай, кофе?

— У нас мало времени, и потом, служба, — сурово оборонил Никифор, чувствуя, что против воли поддается обаянию этого шустренького поджарого старикана. — Мы

пришли задать вам, профессор, несколько серьезных вопросов, и хотелось бы получить на них столь же серьезные и обстоятельные ответы.

— Вот и отлично, — как-то даже весело откликнулся Феликс Трофимович, хлопоча у самовара. — Сейчас чаек, кофе, сухарики, бутерброды с маслом и сыром. Как говорится, чем богат. Какой же серьезный разговор без этого? Вы же голодные, по глазам вижу, вот вы, молодой человек, — кивнул Феликс Трофимович Семену, — помогите-ка мне поднос с чашками и печенье к столу. Для меня, знаете, гостеприимство — не просто ритуал, пришедшего надо накормить, уважить, даже если это и деловой визит. Так я вас слушаю, чему обязан вашим посещением? Последнее время у меня редко бывают посетители, да и сам не часто появляюсь в обществе.

Все уселись вокруг большого круглого журнального столика, Феликс Трофимович неторопливо раскладывал бутерброды на тарелочки, Семен булькал заварочным чайником, а Никифор чувствовал, что происходит нечто странное: инициатива разговора уходила от него к старику. Подозреваемый, казалось, ни о чем не подозревал и радушно потчевал служителей Фемиды и, кажется, был рад их посещению.

— Феликс Трофимович, — пробормотал Никифор, — как я уже говорил, у нас мало времени, и, боюсь, наш визит не доставит вам удовольствия. В силу определенных причин и по долгу службы я вынужден, повторяю, задать вам несколько неприятных вопросов.

Феликс Трофимович беспечно махнул рукой:

— Полно, друг мой, полно! Вся моя научная деятельность последних лет, если хотите, посвящена неприятным вопросам, этим вы меня не удивите. Больше того, на многие из этих неприятных вопросов я давно пытаюсь отыскать ответы сам. Конечно, и ответы попадают порою удивительно неприятные, но что делать, такова природа этой области знаний. М-да! Впрочем, я опять отвлекся, господа. Вы, я вижу, в некотором недоумении пребываете. Что это, мол, несет этот старый прохвост? Как это на

жаргоне? Лапшу нам вешает, верно? А я и в самом деле рад вашему приходу. Знаете, вы производите впечатление умных, порядочных людей, а с умными и порядочными людьми всегда приятно побеседовать. Разве я ошибаюсь?

Никифор хмыкнул:

— Знаете, Феликс Трофимович, вы тоже производите на нас благоприятное впечатление, и нам не хотелось бы разочароваться, поэтому сразу к делу. Вы читаете газеты?

— Ни в коем случае!

— Вы что, не следите за ежедневными событиями?

— Я этого не говорил. А газеты практически не читаю. Там слишком много глупостей, предвзятостей, грязи, скажем, негативной информации, которая не всегда нужна человеку. Я думаю, вы со мной согласитесь, Никифор Иванович, что человеку порою больше вреда приносится, чем пользы, от чтения газет, просмотра телепрограмм и выслушивания новостей по радио. Впрочем, чтобы совсем не отстать от жизни, утренние радионовости я иногда выслушиваю.

— В самом деле? А я уж решил, что вы совсем заточили себя в башню из слоновой кости.

— Отчего же, это было бы трусостью. Как и всякий честный человек, я достаточно близко к сердцу принимаю все беды и радости нашего мира.

— Тогда, Феликс Трофимович, вы, конечно, знаете о странной массовой гибели заключенных Блохоедовской тюрьмы?

— Ну конечно, слышал об этом. Что-то передавали в сводке происшествий. Были какие-то разговоры в транспорте. Мне жаль этих несчастных, но подробностей трагедии не знаю. Если вам нужна моя консультация как специалиста, постараюсь помочь, но о чем, собственно, речь?

— Минутку терпения, Феликс Трофимович, — улыбнулся Никифор Иванович, — я все объясню. Как вы изволили выразиться, трагедия случилась семнадцатого числа января месяца между восемнадцатью и девятнадцатью часами местного времени. У сорока восьми человек заключенных и четверых надзирателей неожиданно резко

подскочило давление (это данные экспертизы) — в результате обширные кровоизлияния в мозг и смерть. Пятьдесят два человека. Не скажу, что это были лучшие представители рода *homo sapiens*, однако это дела не меняет. Их кто-то убил при помощи чего-то. И вот наша задача найти этого неизвестного убийцу и орудие преступления! Улавливаете, Феликс Трофимович?

— Вполне. И вы уверены, что это были убийства?

— А что же это еще могло быть? — пожал плечами Никифор.

— А если они просто не захотели больше жить?

— И умерли в один день и час? — вставил Семен. — Нет, для этих ребят это совершенно нехарактерно.

— Да, мы предполагаем, что в данном случае, поскольку признаки массового отравления отсутствуют, имело место нечто вроде сильнейшего гипнотического внушения. И все, кто подпал под действие этого внушения, погибли.

— Интересная гипотеза, — сказал Феликс Трофимович, — но гипноз — это не моя сфера, боюсь, не смогу вам чем-либо существенным помочь.

— Ладно, — развел руками Никифор, — откроем карты. Мы пришли к вам, профессор, не как к консультанту, скорее, рассматриваем вас в качестве подозреваемого, возможно, причастного к этой массовой гибели людей. Ведь у вас были кое-какие основания желать смерти хотя бы одному из заключенных Блохоедовской тюрьмы. Пять лет назад у вас погибла жена. По делу об ее убийстве был взят под стражу и впоследствии осужден некий Мохин, бродяга с сомнительным прошлым, достаточно опустившийся, многие улики говорили против него, хотя на суде Мохин все отрицал, кричал, что не убивал никого, что его подставили, словом, обычные выкрутасы. Поскольку все же сомнения имелись и у судьи, ему вlepили пять лет. Я полагаю, таким мягким приговором и вы, и ваши близкие не были довольны, и у вас могла появиться мысль, так сказать, самому совершить правосудие.

Феликс Трофимович нахмурился:

— Ах вот вы куда клоните? Я вижу, вы хорошо изучили мою биографию. И, по-вашему, дабы наказать мерзавца Мохина, я готов был расправиться с полусотней других негодяев? Откуда у вас, Никифор Иванович, позвольте узнать, такая уверенность? Отчего это вы меня на старости лет записываете в убийцы?

— Кажется, мы начинаем понимать друг друга, — сказал Никифор, неторопливо поднося чашку с кофе к губам. — Я ведь вас, профессор, сразу предупредил, что вопросы будут неприятные. Конечно, уверенности сто процентной в вашей причастности к тем событиям семнадцатого января у нас пока нет. Однако терпение. — Никифор многозначительно поднял брови. — Я знаю, что, Феликс Трофимович, вы скажете, что еще у тысячи человек могли быть мотивы и более весомые, чтобы убрать кого-то из той полусотни, а посему... Да, сразу оговорюсь: в этом случае лишь предположения и наличие мотивов.

— Ух, прямо камень с шеи, — улыбнулся Феликс Трофимович. — Предполагать каждый из нас волен. Я, признаться, думал уже, что вы меня прямо сейчас повяжете, не утруждая себя поисками каких-либо доказательств и истинных виновников трагедии.

— Отчего же? Доказательства отыщем, это наша работа. И виновников постараемся отыскать. Однако ответьте-ка, профессор, на такой детский вопрос: где вы находились семнадцатого января сего года во второй половине дня? Я понимаю, что дело давнее и вы вполне вправе сослаться на забывчивость и прочее.

— Отчего же, понимаю, что даю повод для лишних подозрений, но я и в самом деле находился в Блохоедово. Километрах в двух от этой самой тюрьмы, о которой мы только что с вами беседовали.

У Трюшина, что называется, челюсть отпала. Такого неожиданного и откровенного признания они с Семеном не ожидали.

— Вы признаете, что находились рядом с местом преступления и в самый момент преступления?

— Если километр или полтора от места событий, по-вашему, рядом, то признаю. Я посещал своих друзей, что живут в Блохоедово неподалеку от этой самой тюрьмы. Насколько я припоминаю, я пробыл у них с обеда и до позднего вечера и вернулся домой в одиннадцатом часу. Там было человек двенадцать моих знакомых, которые подтвердят вам мои слова.

— Выходит, у вас железное алиби, если вы только не способны к гипнотическому внушению на большие расстояния?

Феликс Трофимович поморщился:

— Далось вам уважаемый, Никифор Иванович, это гипнотическое внушение! Я, простите, не факир и не какой-нибудь Вольф Мессинг! Кстати, сомневаюсь, что гипнозом можно вызвать массовую гибель людей!

«Да, в этом он прав, — подумал Никифор. — Я в этом тоже, признаться, сильно сомневаюсь, но если не гипноз, то что еще за чертовщина? Что это за невидимое и невиданное оружие?»

— Хорошо, — сказал Никифор, — перейдем к другим неприятным вопросам. Начнем издалека. В августе этого года, а именно восьмого числа, в половине восьмого утра на Зеленом бульваре, то есть в пятистах метрах от окон вашего дома, произошло убийство известного предпринимателя Вывизова. Были убиты очередью из автомата он сам и его водитель. Обычное заказное убийство, если не считать одной маленькой детали. Сам наемный убийца, довольно крепкий детина под два метра ростом, тоже был найден мертвым на месте преступления. Никаких следов насильственной смерти на нем не было обнаружено. Как вы полагаете, что с ним случилось?

— Это скорее вопрос к патологоанатому, — пожал плечами Феликс Трофимович. — Очевидно, раз вы задаете его мне, эта смерть имеет нечто общее с тем случаем в тюрьме?

— Забавная у вас манера отвечать вопросом на вопрос. Да, вы правы, симптомы те же — кровоизлияние. Правда, на этот раз парень умер от разрыва сердца. Наш судмедэксперт утверждал, что детина чего-то до смерти испугался.

— Ясно. Поскольку это произошло близко от моего дома, то еще одна моя возможная жертва. Логично. Что ж, выкладывайте, что там у вас еще, ребята, припасено? Никогда не думал, что на старости лет буду фигурировать в качестве такого средоточия зла, такого профессора Мориарти. Да, грустно, грустно.

— Вы правы, Феликс Трофимович, это далеко не все. Я и мои ребята переворошили все случаи внезапных смертей в нашей округе за последние три года. Картина, доложу вам, впечатляет!

— И чем же она вас впечатляет?

— И массовостью, и избирательной направленностью старушки с косой. Статистика — упрямая вещь. Выяснилось, что вот уже полтора года как смертность среди преступников, крупных дельцов мафиозного склада и вообще людей сомнительной репутации резко пошла вверх. Причем признаки те же, что и в рассмотренных нами случаях. Инсульты, инфаркты, гипертонический криз. Пошел мор на наших негодяев, которые вполне комфортно до этого себя чувствовали и ни о какой сердечной недостаточности и слыхом не слыхали. В народе многие были уверены, что у большинства этих господ не было ни сердца, ни совести, и вдруг — на тебе: кто неожиданно умирает, кто сходит с ума и признается во всех смертных грехах, кто разгоняется и прыгает в своем роскошном лимузине с моста. Словом, за два года почти две тысячи человек переселились в спешке в мир иной. Конечно, и ранее они постреливали друг друга, но это были издержки профессии, это было в порядке вещей. Я сравнил с предыдущими двумя годами: там смертей среди этого рода лиц не набиралось и сотни, а смертей от болезней практически не было. Как видите, резкий всплеск смертности среди сильных мира сего.

— Вы говорили: среди негодяев, среди сильных негодяев. И что же вас, господин следователь, беспокоит? — улыбнулся Феликс Трофимович.

— Меня беспокоит начальство, — в свою очередь улыбнулся Никифор Иванович. — Правосудие обеспокоено тем, что происходит. Намечается некая анома-

лия в развитии преступности. Если так дальше пойдет, то скоро некого будет привлекать к ответственности за содеянное, тюрьмы пустеют, преступный элемент мрет как от чумы! Да и мы с ребятами при такой тенденции рискуем остаться без работы. Хотя не отрицаю, что дышать стало легче, в городе меняется психологический климат, с людьми что-то происходит, хотелось бы знать что?

— Признаться, вы меня озадачили. Так вы, дорогой Никифор Иванович, считаете, что я повинен не более и не менее как в гибели двух с лишним тысяч человек? И вы беретесь доказать это? И как же я умудрился их ухлопать, всех этих несчастных? Уж не гипнотическим ли воздействием? Вы с кем-нибудь из специалистов по гипнозу консультировались? Вы уверены, что это возможно?

Никифор отставил чашку и поднялся:

— Феликс Трофимович, я открыл свои карты, почти все! Как их ухлопали, поверьте, эксперты разберутся! Что за этим кроется — гипноз, черная магия или еще какая чертовщина, — мы выясним! Я предлагаю вам честно сойтись во всем!

— В чем? В убийствах, которых не было? Вы, видимо, желаете себя выставить на всеобщее посмеище в суде, дорогой Никифор Иванович. Мне горько, что вы, такой умный человек, проделали такую гигантскую работу, были в трех шагах от истины, не обратили на нее внимания, а теперь пытаетесь оказывать на меня давление и требуете совершенно идиотских признаний на основе статистики. Я не хуже вас владею научными методами анализа и могу доказать, и, кстати, докажу, если дойдет дело до суда, что все эти люди, о которых вы мне рассказали, сами себя наказали, что все они, скорее всего, были повинны в громадном количестве преступлений как против других людей, так и против своей совести, и в конце концов они сами себя и покарали. Ибо совесть есть у каждого из нас. Вопрос лишь в том, как ее пробудить в человеке, как ее сделать сильнее человеческого эгоизма. Это, конечно, философский вопрос. Вопрос отношений

человека и общества, отношений между человеком, как частицей мироздания, и Вселенной. Впрочем, я вижу, что начинаю вас утомлять своими рассуждениями.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Никифор Иванович, — я тоже иногда люблю пофилософствовать.

— Вот как? Что ж, тогда, возможно, вы меня все же поймете. — Феликс Трофимович немного помолчал, вздохнул и, щелкнув пальцами левой руки, пристально посмотрел на своих собеседников: — Вы позволите и мне задать вам несколько вопросов?

— Отчего же не позволить, Феликс Трофимович, спрашивайте, если считаете, что это продвинет нас к истине в том деле, ради которого мы к вам пришли.

— Да, я так полагаю, если у вас хватит сил проглотить эту самую истину. — Феликс Трофимович обезоруживающе улыбнулся: — Вы когда-нибудь задумывались, что такое совесть?

— Кхе! Кхе! — закашлялся Никифор Иванович. — Извините, чуть не поперхнулся. Кофе слишком горячий. Несколько забавный вопрос. Да, в молодости какой-то период меня тоже мучили вечные вопросы. Чувство долга, совесть и им подобные.

— Чувство долга, служебного долга в особенности, и совесть — это разные вещи, иногда сильно конфликтующие между собой. И все же дайте-ка определение, что же такое совесть. Детский вопрос, конечно, но все же.

Никифор пожал плечами и, ощущая смутное беспокойство и недовольство собой — инициатива в разговоре все время ускользала из его рук, — провозгласил:

— Не ручаюсь за точность, но это понятие можно определить как внутренние терзания души, недовольной какими-то поступками человека.

— А вы, молодой человек, что скажете? — обратился Феликс Трофимович к Семену.

Семен, скромно и молчаливо выслушивавший всю беседу между своим начальником и Феликс Трофимовичем, пожал плечами:

— Совесть есть совесть. Это когда видишь безобразие, хочешь пройти мимо, а она тебя заставляет лезть на рожон!

— Замечательно, — улыбнулся профессор. — Пожалуй, можно собрать целую коллекцию определений. — Феликс Трофимович встал из-за стола, достал с книжной полки увесистый фолиант и, неторопливо полистав, добавил: — А вот что пишут мудрые головы в Большом толковом словаре русского языка: «Совесть — внутренняя оценка своих поступков, чувство нравственной ответственности за свое поведение». Как вам это?

— Вполне логично! — сказал Никифор Иванович, мысленно удивляясь себе и своему долготерпению. Профессор явно пудрил им мозги, а они спокойно, даже как-то умиротворенно, пили кофе и выслушивали его пространные рассуждения.

— Нет! И это определение страдает некоторой расплывчатостью. Нравственность-то у всех нас различна, и способности к оценке своего поведения тоже различны. Меня это определение как-то мало устраивает. В качестве рабочего определения в своих первоначальных изысканиях я выбрал такое: совесть — это способность чувствовать и принимать чужую боль как свою собственную. Или, если более обобщенно, способность человека чувствовать и слышать боли и радости окружающего мира, воспринимать себя в качестве какого-то элемента в гармонии Вселенной. Ощущать свое единство с миром, со всем живым и сущим. И вот, когда я полез в эти дебри, сразу передо мною встал вопрос: где норма, где патология? Подумайте сами: если человек беспрдельно совестлив, он сливается своим сознанием с каждым живым существом и теряет в себе личность. Получается нечто среднее между святым праведником, не обидевшим в жизни и мухи, и юродивым дурачком, не признающим себя отдельной личностью, а только частицей живого. На другом полюсе отпетый негодяй, суперэгоист, готовый уничтожить все живое вокруг ради удовлетворения своих мимолетных и сиюминутных прихотей и даже полу-

чающий удовольствие от мук и горестей других существ, ему подвластных. Причем интеллект в обоих случаях роли почти не играет. Существуют как бессовестные идиоты, так и очень умные бессовестные злодеи. Где-то посредине лежит норма: разумное сочетание совестливости и эгоизма отдельной личности. Я довольно быстро выяснил, что для различных эпох и для различных индивидуумов эта норма меняется. Многое зависит от условий жизни, существующих этических представлений общества, от общественного здоровья, уровня образования, воспитания и так далее. И вот тогда я задал себе вопрос: почему у разных людей с совестью по-разному обстоят дела? Одни обладают этим свойством от природы, у других доминирует эгоизм и, как следствие, преобладает бессовестность, неразборчивость в средствах, толкающая их на весьма гнусные поступки. — Феликс Трофимович на мгновение замолчал и посмотрел на своих слушателей.

— Мы вас внимательно слушаем, профессор, — безмятежно заметил Никифор. — Как я догадываюсь, вы решили слегка усовершенствовать человечество, не так ли? И каким путем вы пошли? Массовое уничтожение бессовестных?

— Ошибаетесь, дорогой Никифор Иванович, — ничего подобного не было. Я и в самом деле какое-то время занимался исследованиями в области психики и психологии преступников и, как мне показалось, нашел их уязвимое место.

— Это очень интересно! Какое же?

— Как правило, эти люди опьяняются собственным эгоизмом, они не видят, не слышат и не чувствуют окружающего мира. Вспомните мое определение. Они не способны почувствовать боль и радость другого, только себя, только свое. Такими природными эгоистами бывают маленькие дети, но дети быстро учатся видеть, слышать и чувствовать окружающий мир. А вот у личностей, которые занимают нас с вами, этого развития, очевидно, не происходит в нужной мере, и детский, здоровый эгоизм перерождается в нечто гипертрофированное — появляются моральные чудовища. Кстати, и наше общество во многом способствует формированию таких характеров.

— Хм! — вздохнул Никифор. — В этом, пожалуй, я готов с вами согласиться. И что же дальше?

— Общество пытается их наказывать, изолировать, как-то ограничивать в их притязаниях. Ради этого сотни тысяч ваших коллег работают сутками, а зло множится и расцветает. А почему? Не знаете?

— У меня есть догадки на этот счет, — сказал Никифор, — но не будем об этом. Вы-то сами, профессор, нашли ответ?

— Ответы находили и до меня. Я предположил две вещи. Первое: человек, у которого гипертрофированное чувство самомнения, а способности не совсем соответствуют этой преувеличенной оценке собственной значимости, очень быстро начинает терять реальное представление об окружающем мире. У него множатся обиды на не оценившее его выдающуюся личность человечество, на близких, амбиции растут вместе с обидами, отсюда один шаг до противопоставления себя обществу, миру. Люди вокруг в представлении такого суперэгоиста превращаются в некие злые персонажи мультиков, затем, если развитие эгоистичности продолжается, такой тип попадает уже в некий полностью обезличенный мир неких чуждых ему, великому и неповторимому, сущностей, которые двигаются, заняты своими делами, но чужды нашему герою. И тогда то, что мы называем совестью, в таком человеке полностью исчезает. Для него нет живых людей в мире, только картонные персонажи, в которых можно стрелять, которых можно разрывать на куски, предавать их, предавать, он не способен почувствовать тепло постороннего, только себя, себя любимого, да и то, как правило, не слишком глубоко. В нем процветает этакая эмоциональная тупость. Вот вам и готовый потенциальный преступник. А если у такого типа есть кое-какие таланты и ему кое в чем повезло, то есть он успел забраться на вершину пирамиды, то вот вам и очередной злодей вселенского масштаба, и тогда уж он играючи уничтожает ради своих прихотей миллионы. История пестрит подоб-

ными типами — все эти Нероны, Калигулы, Наполеоны, Гитлеры как раз из этой оперы.

— Вероятно, вы правы, — грустно улыбнулся Никифор Иванович. — И что же из этого следует?

— Из этого следует, что человек, у которого отсутствует совесть, должен не только в моральном плане, но и в физиологическом отличаться от нормального здорового человека, обладающего совестью или, если быть точным, достаточно чутко чувствующего мир вокруг себя.

— Интересная гипотеза! — хмыкнул Семен, скосив глаза на начальника.

— Да, иными словами, это отклонение от нормы, патология психики.

— Ну, в этом-то, по-моему, ничего нового вы не открыли, Феликс Трофимович, — пожал плечами Никифор. — Об этом, кажется, еще в глубокой древности догадывались.

— И это верно, но я о другом. Я предположил, что такую патологию можно лечить определенными средствами. Конечно, лечит серьезная музыка, лечит поэзия, пробудить совесть могут гениальные творения какого-нибудь классика литературы. Ну, скажем, на одних воздействует хорошо Достоевский, на других — Толстой, на третьих — Чехов или еще кто-то. Если человек много читает хороших книг, это давно подмечено, такой человек достаточно чувствителен к бедам и радостям других людей. Но надо признать, что искусство, как лекарство от бессовестности, малоэффективно. Обычно преступники раскаиваются и прозревают уже или в камере смертников, или на эшафоте, согласитесь, что обществу от такого раскаяния, как правило, ни жарко ни холодно.

— Кажется, я догадываюсь, — сказал Никифор Иванович. — Вы нашли какое-то иное быстродействующее средство от бессовестности?

— Видимо, слишком радикальное, — вздохнул Семен. — Если те две с лишним тысячи покойников, о которых мы ведем речь, действительно его принимали по

★ столовой ложке три раза в день перед едой. Признайтесь, они на вашей совести?

— Можно сколько угодно иронизировать, молодой человек, но я и в самом деле эту проблему решил. Конечно, пришлось потрудиться, но я создал аппарат, который можно назвать реаниматором совести.

— Реаниматор совести?!

— Да! Да! Никаких микстур по столовой ложке по три раза в день. Все оказалось намного проще и намного сложнее. Проще в том смысле, что достаточно двухминутного сеанса облучения человека в строго определенном волновом диапазоне (характеристики излучения я постараюсь сохранить в тайне в силу некоторых причин) — и даже самый эмоционально тупой негодяй начинает ощущать себя частью живого мира, прозревает боли и радости других существ и свою ответственность перед миром. Сложнее же мой метод тем, что дозировку невозможно, по крайней мере на данном этапе исследований, определить точно. У каждого из нас своя мера совести, и кого брать за эталон совестливости, за образец, определить очень трудно. И кстати, порою возникает целый букет побочных эффектов при моей терапии. Прямое воздействие на мозг, конечно, это опасно, что же вы хотите?

— И как же вы решились на эксперименты на людях? — сказал Никифор. — Пусть даже вы считали их преступниками, но все же... Знаете ли, дурно пахнет...

— Конечно, у меня были сомнения, — вздохнул Феликс Трофимович. — Но во-первых, все наши доморощенные злодеи со своими амбициями и замашками на ком, по-вашему, экспериментируют? На мышках?

А все эти бесконечные реформы и ограбления населения со стороны гангстеров от политики и от мафии? То-то!

И потом, как честный исследователь, я все десять раз проверил сначала на себе и, как видите, жив и здоров, чего и вам желаю. И прямо скажу, человеку честному, с нормальной чувствительностью и со спокойной совестью

воздействие моего аппарата ничего, кроме пользы, не приносит. Иное дело, как я уже упоминал, эти самые моральные чудовища, живущие в дисгармонии с реальным миром. Вот у таких пробуждение совести, когда к ним неожиданно возвращается вся та боль и ужас, которые они несли другим, когда на них потоком обрушиваются их собственные воспоминания о тех подлостях, истязаниях, издевательствах, что они вытворяли над другими, родственными им созданиями. И они в одно мгновение из палачей и рабовладельцев превращаются в жертв и рабов своего собственного внутреннего мира. Когда они, что называется, прозревают всю гнусность своей натуры и все величие мира, Вселенной и начинают воспринимать боли других почти как свои собственные, вот тут на них обрушивается весь ад и преисподняя! Кто-то из них перерождается, а кто-то сам себя уничтожает, не в силах принять то новое, что ему вдруг открылось. Это как закон Ньютона. Сила действия равна силе противодействия. Вся злоба, выплеснутая человеком в мир, на других, возвращается к нему в концентрированном виде... И если зла было много, то происходит самоотравление и самоуничтожение организма! Просто отпущением грехов тут не отделаться! Палач для других становится сам себе палачом!

Конечно, это трагедия! Однако я почему-то своей вины в их гибели не чувствую. Все они могли бы жить и мучиться угрызаниями совести, но предпочли сбежать в никуда от этого неожиданно нахлынувшего на них ужаса ответственности перед миром и его обитателями. — Феликс Трофимович помолчал немного и добавил: — Это, пожалуй, все, что я собирался вам рассказать. А теперь сами решайте, что вам со мной делать. Моя же совесть, повторяю, почему-то почти спокойна.

— Интересно, почему же она почти спокойна? — хмыкнул Никифор.

— Дело в том, что моя аппаратура воздействовала на вас, друзья, в течение почти часа. А поскольку вы, как я погляжу, чувствуете себя вполне сносно, я делаю из этого

вывод, что вы люди порядочные, совестливые и поступите со мной по справедливости. В отношении вас совесть у меня спокойна, а в отношении этих умерших... Конечно, есть терзания, но... Поймите, я никого не собирался убивать. Они... Ну, с чем бы сравнить.

Эти погибшие, это как рыбы, оказавшиеся вдруг без воды. Я ведь только изменил слегка среду обитания. Они были превосходно адаптированы к атмосфере всеобщего надувательства, сволочизма, что ли. А я чуть-чуть поменял настройки, сделал окружающее пространство более нежным, и они вдруг стали умирать. Но ведь без этих-то моих изменений гибли как раз в первую очередь совсем другие люди, более как раз чувствительные, более совестливые, погибал самый цвет народа. Вот и выбирайте, что тут делать. По этим-то, как вы выразились, негодьям статистика у вас подобрана, а где другая статистика, сколько было убито, искалечено ни в чем неповинных людей до того, сколько спились, сраженные подлостью, несправедливостью житейской? Вы же сами говорите, что нравственный климат в нашем городе стал меняться в лучшую сторону. Негатива стало меньше... Следовательно, мой приборчик не только губит, но и спасает людей.

— Логично, — усмехнулся Никифор. — Признаться, я уже догадался, дорогой Феликс Трофимович, что вы подготовились к нашему визиту достаточно хорошо. Спорить с вами трудновато. Раз уж мы вас навестили, покажите хоть эту вашу технику, что ли!

— С удовольствием! — засуетился Феликс Трофимович. — Идите за мной, хотя, наверное, это вам мало что даст. Вот, смотрите, с виду обычный генератор электромагнитных волн, ну, есть кое-какие прилады, но это мелочи. Есть несколько фирменных секретов... Все умещается в небольшом чемоданчике, работает от электросети. Все обычно... Правда, я сейчас пытаюсь изготовить портативный излучатель узконаправленного действия, думаю, если вы не прервете мои изыскания,

месяца через три первая модель будет готова к полевым испытаниям.

— И где же вы их на этот раз собираетесь проводить? — вежливо поинтересовался Никифор.

Феликс Трофимович застенчиво улыбнулся:

— У меня осенью командировка в столицу намечается...

— Что ж, — вновь вздохнул Никифор, — не смеем больше занимать ваше драгоценное время. Кажется, Семен, нам пора. Спасибо за гостеприимство. Кофе был очень вкусным, хотя воспоминания, навеянные вашим аппаратом, несколько смутили мою душу. Ну ладно! Желаю удачи! Единственная просьба: там, в столице, не переусердствуйте, не сильно злоупотребляйте своей техникой. Хотя, боюсь, тамошних мастодонтов никакой реаниматор не возьмет. Впрочем, поживем — увидим!

Уже в автомобиле, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, Никифор нарушил несколько затянувшееся молчание и обратился к Семену:

— Думаешь, правильно мы с тобой поступили?

— По-моему, он прав. Формально, конечно, можно подвести под статью «О доведении до самоубийства», но что-то сомнительно, чтобы мы добились успеха. И потом, этот карась-идеалист мне почему-то симпатичен.

— И давно это ты, Сеня, начал руководствоваться в нашей работе симпатиями и антипатиями?

— Наверное, после визита к этому сумасшедшему профессору.

— Что ж, возможно, он и сумасшедший, но это некое благородное безумие. И он далеко не карась-идеалист, это, скорее, некий заместитель сатаны по хозяйственной части. И штуку-то он изобрел страшноватую, обоюдоострую.

— Это почему?

— Если можно пробудить чью-то совесть при помощи техники, следовательно, при помощи той же техники эту же совесть можно и уничтожить! Или я не прав?

— Это было еще одной причиной, почему его мы отпустили?

— Да, видимо.

— А ведь вы тогда, после убийства Вывизова, были правы, — сказал Семен. — Помните?

— В чем?

— Вы сразу предрекли, что на нас будет висеть еще одно нераскрытое дело.

— А... Это... Как вы там это называли — касандризм? Ну, на такие прогнозы большого ума не требуется. Ладно, поехали в управление. Опять мне бодаться с прокурором.

КЛАССИКА ЖАНРА

(пример для подражания)

ПОГОНЯ

рейсер «Илькор» только-только вышел за орбиту Плутона и начал межзвездный рейс, когда встревоженный офицер доложил Командиру:

— К сожалению, по халатности одного из техников на третьей планете оставлен руум типа Х-9, а с ним и все, что он смог там собрать.

На какой-то миг треугольные глаза Командира скрылись под пластинчатыми веками, но, когда он заговорил, голос его звучал ровно:

— Какая программа?

— Радиус операций — до тридцати миль, вес объектов — сто шестьдесят плюс-минус пятнадцать фунтов.

Помедлив, Командир сказал:

— Вернуться сейчас мы не можем. Через несколько недель, на обратном пути, мы обязательно подберем его. У меня нет никакого желания выплачивать стоимость этой дорогой модели с энергетическим самообеспечением. Прошу вас проследить, чтобы виновный понес суровое наказание, — холодно приказал он.

Но в конце рейса, недалеко от звезды Ригель, крейсер повстречался с плоским кольцеобразным кораблем-перехватчиком. Последовала неизбежная схватка, а затем оба корабля, мертвые, наполовину расплавившиеся, радиоактивные, начали долгое, в миллиард лет, путешествие по орбите вокруг звезды.

На Земле была мезозойская эра...

Они сгрузили последний ящик, и теперь Джим Эрвин смотрел, как его напарник залезает в кабину маленького

гидросамолета, на котором они сюда прибыли. Он помахал Уолту рукой:

— Не забудь отправить Сили мое письмо!

— Отправлю, как только приземлюсь! — отозвался Уолт Леонард, включая двигатель. — А ты постарайся найти для нас уран, слышишь? Только бы повезло — и у Сили с сынишкой будет целое состояние. А? — Он ухмыльнулся, сверкнув белозубой улыбкой. — С гризли не цапкайся, как увидишь — стреляй!

Вспенивая воду, гидросамолет стал набирать скорость. Когда он оторвался от поверхности озера, Джим почувствовал внутри холодок. Целых три недели проведет он один-одинешенек в этой забытой богом долине канадских Скалистых гор. Если почему-либо самолет не опустится снова на холодное голубое озеро, Джиму конец. Даже если ему хватит еды. Ни один человек, сколько бы у него ни было пищи, не смог бы перевалить через обледенелые хребты, не смог бы одолеть сотни миль безлюдной каменистой земли. Но Уолт, конечно, вернется в назначенный срок, и теперь только от Джима зависит, окупятся ли деньги, вложенные в экспедицию. За двадцать один день он выяснит, есть ли в долине уран. А сейчас долой все страхи и предчувствия — надо приниматься за дело.

Работая не спеша, с ухваткой бывалого лесоруба, он поставил под нависшей скалой шалаш: на три летние недели ничего основательнее не понадобится. Обливаясь потом в жарких лучах утреннего солнца, он перетаскивал под выступ ящики со снаряжением и припасами. Там, за шалашом, покрытые водонепроницаемым брезентом и надежно защищенные от любопытства четвероногих, ящики были в безопасности. Сюда он перенес все, кроме динамита: динамит, тоже тщательно укрыв от дождя, он припрятал ярдах в двухстах от шалаша. Не такой он дурак, чтобы спать около ящика с взрывчаткой.

Первые две недели пролетели как сон, не принеся с собой никаких удач. Оставался еще один необследованный район, а времени было в обрез. И в одно прекрасное утро, к концу третьей недели, Джим Эрвин решил совершить

последнюю вылазку, на этот раз — в северо-восточную часть долины, где он еще не успел побывать. Он взял счетчик Гейгера, надел наушники, повернув тот и другой обратной стороной к уху, чтобы фон обычных помех не приглушал его слух, и, вооружившись винтовкой, отправился в путь. Он знал, что тяжелая крупнокалиберная винтовка будет мешать ему, но он также знал, что с огромными канадскими гризли шутки плохи и справиться с ними очень нелегко. За эти недели он уже уложил двоих, не испытав при этом никакой радости: огромных серых зверей и так становится все меньше и меньше. Но винтовка помогла ему сохранить присутствие духа и при других встречах с ними, когда обошлось без стрельбы. Пистолет в кожаной кобуре он решил оставить в шалаше.

Он шел насвистывая. Старательское невезенье не мешало Джиму наслаждаться чистым морозным воздухом, солнцем, отражающимся от бело-голубых ледников, и пьянящим запахом лета. За день он доберется до нового района, дня за полтора основательно его обследует и к полудню вернется встретить самолет. Он не взял с собой ни воды, ни пищи — только пакет НЗ. Когда захочется есть, он подстрелит зайца, а в ручьях видимо-невидимо радужной форели — такой, которой в Штатах и вкус позабыли.

Он шел все дальше и дальше, и, когда счетчик в наушниках начинал потрескивать, в душе Джима снова загорался огонек надежды. Но каждый раз треск стихал: в долине, судя по всему, была только фоновая радиация. Да, неподходящее место они выбрали! Настроение Джима стало падать. Удача была нужна им как воздух, особенно Уолту, да и ему тоже, тем более сейчас, когда Сили ждет ребенка... Но еще остается надежда — последние тридцать шесть часов; если понадобится, он и ночью не приляжет.

Губы его скривились в улыбке, и он стал думать о том, что хорошо бы поест: солнце, да и желудок подсказывали ему, что уже пора. Он только было решился достать леску и забросить ее в пенящийся ручей, как вдруг за зеленым

пригорком увидел такое, что остановился как вкопанный и у него отвисла челюсть.

В три длинных-преддлинных ряда, тянувшихся чуть не до самого горизонта, лежали животные — и какие! Правда, ближе к Джиму были обыкновенные олени, медведи, пумы и горные бараны — по одной особи каждого вида, но дальше виднелись какие-то странные, неуклюжие и волосатые звери, а за ними, еще дальше, — жуткая шеренга ящеров! Одного из них, в самом конце ряда, он сразу узнал: такой же, только гораздо крупнее, воссозданный по неполному костяку, стоит в нью-йоркском музее. Нет, глаза его не обманывали — это действительно был стегозавр, только маленький, величиной с пони.

Как зачарованный, Джим пошел вдоль ряда, время от времени оборачиваясь, чтобы окинуть взглядом всю эту удивительную зоологическую коллекцию. Присмотревшись хорошенько к какой-то грязно-желтой чешуйчатой ящерице, он увидел, что у нее дрожит веко, и понял: животные не мертвы, они только парализованы — и каким-то чудесным образом сохранены. Лоб Джима покрылся холодным потом: сколько времени прошло с тех пор, как по этой долине разгуливали живые стегозавры?..

И тут же он обратил внимание на другое любопытное обстоятельство: все животные были примерно одного размера. Не было видно ни одного по-настоящему крупного ящера, ни одного тираннозавра, ни одного мамонта. Ни один экспонат этого страшного музея не был больше крупной овцы. Джим стоял, размышляя над этим странным фактом, когда из подлеска до него донесся нарастающий шорох.

В свое время Джим работал со ртутью, и в первую секунду ему показалось, будто на полянку выкатился кожаный мешок, наполненный этим жидким металлом: именно так, как бы перетекая, двигался шаровидный предмет, который он видел. Но это был не кожаный мешок, а когда Джим пригляделся получше, он увидел: то, что сначала показалось ему отвратительными бородавками, походит скорее на рабочие части какого-то странного механизма.

Но особенно долго разглядывать Джиму не пришлось, так как, выдвинув, а потом снова спрятав в себя что-то вроде металлических стержней с линзоподобными утолщениями на концах, сфероид со скоростью не меньше пяти миль в час двинулся к нему. Деловитая целеустремленность, с которой катился сфероид, не оставляла никаких сомнений в том, что он твердо решил присоединить Джима к коллекции полумертвых представителей фауны.

Крикнув что-то нечленораздельное, Джим отбежал на несколько шагов, на ходу срывая с себя винтовку. Отставший руум был теперь ярдах в тридцати от Джима, но по-прежнему двигался к нему с неизменной скоростью, и эта неторопливая методичность была куда страшнее прыжка любого хищника.

Рука Джима взлетела к затвору и привычным движением загнала патрон в патронник. Он прижался щекой к издававшему виды прикладу и прицелился в переливающийся кожистый бугор — идеальную мишень в ярких лучах послеполуденного солнца. Нажимая на спуск, он саркастически улыбнулся. Кто-кто, а уж он-то знал, что может натворить десятиграммовая разрывная пуля, когда она летит со скоростью две тысячи семьсот футов в секунду. На таком расстоянии она продырявит эту чертову перечницу насквозь и сделает из нее кашу!

«Б-бах!» Привычная отдача в плечо. «И-и-и-и!» — душераздирающий визг рикошета. У Джима перехватило дыхание: пуля из дальнобойной винтовки, пролетев каких-нибудь двадцать ярдов, отскочила от мишени!

Джим лихорадочно заработал затвором. Он выстрелил еще два раза, прежде чем осознал полную бесперспективность избранной им тактики. Когда руум был от него уже футов в шести, Джим увидел, как из похожих на бородавки шишек на его поверхности выдвинулись сверкающие крючья, а между ними — змеящаяся, похожая на жало игла, из которой капает зеленоватая жидкость. Джим бросился бежать.

Весил он ровно сто сорок девять фунтов.

Держать нужную дистанцию было совсем нетрудно: руум, судя по всему, был не способен увеличить скорость. Но Джима это вовсе не успокаивало: ни один земной организм не выдержит гонки со скоростью пять миль в час дольше чем в течение нескольких часов. Через какое-то время жертва либо поворачивается и нападает на своего безжалостного преследователя, подумал Джим, либо (так происходит, должно быть, с более робкими животными) впадает в панику и начинает носиться по кругу, пока у нее хватает сил. Спасти могут только крылатые, а для всех остальных исход предопределен: стать новыми экспонатами в этой страшной коллекции (но для кого, интересно, ее собирают?).

Не останавливаясь, Джим начал сбрасывать с себя все лишнее. Скользя взглядом по багровому солнцу, он с тревогой подумал о приближающейся ночи. Он не решился бросить винтовку; защитить от руума она его не могла, но за годы службы в армии ему крепко вбили в голову, что бросать оружие нельзя. Однако каждый лишний фунт уменьшал его шансы на спасение. Логика подсказывала, что к такой ситуации, как эта, военный кодекс чести неприменим: нет никакого позора в том, чтобы расстаться с оружием, когда оно совершенно бесполезно. И он решил: если нести винтовку станет уж совсем невозможно, он ее отшвырнет, — но пока перекинул ее через плечо. Почти не замедляя шага, он осторожно положил на плоский камень счетчик Гейгера.

Ладно, подумал Джим, он побежит не как обезумевший от страха заяц, который, обессилив, в конце концов покоряется своей судьбе. Как бы не так! Это будет отступление с боем, и, чтобы выжить, он пустит в ход все, чему научился за нелегкие, полные опасностей и лишений годы военной службы.

Глубоко и размеренно дыша, он бежал широким шагом и искал глазами все, что могло бы увеличить его шансы в этом состязании. К его счастью, леса в долине почти не

было; деревья или кустарник свели бы на нет все преимущества Джима как тренированного бегуна.

И вдруг он увидел нечто, заставившее его замедлить шаг: над землей на его пути нависала огромная каменная глыба, и он подумал, что может здесь наверстать потерянное. Взбежав на пригорок, он окинул взглядом поросшую травой равнину. Предвечернее солнце отбрасывало длинные тени, но увидеть преследователя было вовсе не трудно. С замиранием сердца Джим наблюдал за его продвижением. Так он и думал! Хотя в большинстве случаев путь, которым шел человек, был не единственно возможным и не самым коротким, руум точно, шаг за шагом, следовал за ним. Это было важно, но, чтобы осуществить свой замысел, у Джима оставалось не больше двенадцати минут. Волоча ноги по земле, Джим постарался оставить под нависшей глыбой как можно более отчетливый след. Пройдя таким шагом ярдов десять, он точно так же вернулся назад, к месту, где начинался выступ, и одним прыжком поднялся на склон, откуда нависала глыба.

Выхватив из ножен большой охотничий нож, он начал старательно и в то же время торопливо копать почву у основания глыбы. Каждые несколько секунд, мокрый от натуги, он пробовал глыбу плечом, и в конце концов она слегка подалась. Он едва успел сунуть нож обратно в ножны и, тяжело дыша, присесть за камнем, когда из-за небольшого гребня показался руум.

Джим смотрел на приближающийся серый сфероид и, как ни трудно это было, старался дышать тихо-тихо. Кто знает, чем еще может удивить это отродье дьявола, хотя, судя по всему, оно предпочитает просто идти по следу. В его распоряжении наверняка есть целый арсенал разных приспособлений. Джим притаился за камнем, нервы его были словно провода под высоким напряжением.

Но сфероид не переменял тактики. Похоже, что для него существовал только след будущей добычи, и, перебиваясь с места на место, он оказался наконец прямо под глыбой. Тогда Джим налег всем телом на качающуюся мас-

су камня и с диким воплем свалил ее прямо на сфероид. Пятитонная глыба рухнула с высоты двенадцати футов.

Джим кое-как сполз вниз и встал. Он глядел на каменную махину и очумело тряс головой.

— Прикончил сукиного сына, — прохрипел он, потом стукнул по камню ногой. — Ха! А пожалуй, за твой мясной ряд мы с Уолтом выручим пару-другую долларов. Может, и не зря мы затеяли эту экспедицию. А ты веселись теперь у себя в преисподней!

Он отскочил как ужаленный: громада камня зашевелилась! Пятитонная глыба медленно поползла в сторону, оставляя в почве глубокую борозду. Джим все смотрел на глыбу, а она качнулась, и из-под ближайшего к нему края показался серый отросток. Глухо вскрикнув, Джим побежал.

Он пробежал целую милю и только после этого остановился и поглядел назад. В наступающих сумерках он едва различил темную точку, все больше и больше удаляющуюся от каменной глыбы. Она двигалась так же медленно, деловито и неотвратно, как и прежде, — по направлению к нему. Джим тяжело сел и опустил голову на грязные, расцарапанные руки.

Отчаяние владело им недолго. Как-никак он выиграл двадцать минут передышки. Он лег, постарался расслабиться, насколько это было возможно, и достал из кармана куртки пакет НЗ. Джим быстро подкрепился вяленным мясом, бисквитами и шоколадом. Несколько глотков ледяной воды из ручья — и он был почти готов продолжать свою фантастическую борьбу с преследователем. Но прежде он проглотил одну из трех таблеток бензедрина, которые носил с собой на случай непредвиденных физических нагрузок. И рууму оставалось до него еще минут десять ходу, когда Джим Эрвин побежал. Он опять чувствовал в себе прежнюю упрямую силу, а усталость, понижывавшая его до костей, словно растаяла — он снова был полон мужества и надежды.

Пробежав еще около четверти часа, он очутился у гладкой крутой скалы футов тридцать высотой. Обойти ее с

той или другой стороны было, по-видимому, невозможно: и там и тут были полные воды овраги, колючий кустарник и камни с острыми, как нож, краями. Сумей он забраться на вершину скалы, рууму наверняка пришлось бы пойти в обход, и Джим выиграл бы время.

Джим посмотрел на солнце. Огромное, малиновое, оно уже почти касалось горизонта. Нужно торопиться! Большого опыта в скалолазании у него не было, но основные приемы восхождения были ему известны. Используя каждую щель и шероховатость, каждый, даже самый маленький выступ, Джим начал карабкаться вверх. Откуда-то (он даже не отдавал себе в этом отчета) в его движениях появились плавность и координация, свойственные настоящим альпинистам, и каждый новый упор, кратковременный и незаметный, служил для него лишь отправной точкой к ряду новых ритмичных движений, возносивших его все выше и выше.

Едва он достиг вершины, как к основанию скалы подкатился руум.

Джим прекрасно понимал, что лучше ему уйти сразу, пользуясь драгоценными последними минутами дня. Каждая выигранная секунда была бесценна, но... надежда и любопытство взяли верх.

Он сказал себе: как только эта штука поползет в обход, еж тут же смоемся. А может, ему надоест его преследовать, и тогда он преспокойно выпится здесь, прямо на скале.

Сон! О нем молила каждая клетка его тела.

Но руум не пошел в обход. Секунду он простоял, раздумывая, у подножия каменной стены, а потом из бородавкоподобных наростов снова выдвинулись металлические стержни. На конце одного из них были линзы. Джим подался назад, но было уже поздно: руум увидел, что человек выглядывает из-за скалы, и Джим мысленно обозвал себя идиотом. Все стержни моментально ушли в сфероид, и вместо них из другого нароста показался и начал подниматься прямо к нему тонкий прут, кроваво-красный в лучах заходящего солнца. Оцепенев, Джим увидел, как

конец прута вцепился металлическими когтями в край скалы почти под самым его носом.

Джим вскочил на ноги. Сверкающий прут сокращался: оторвавшийся от земли кожистый шар, подтягиваясь на него все выше, снова вбирал его в себя. Джим громко выругался и, не отрывая взгляда от цепкой металлической лапы, занес над ним ногу, обутую в тяжелый ботинок.

Но долгий опыт заставил его остановиться, и мощный удар ногой так и не состоялся. Слишком много довелось Джиму видеть драк, проигранных из-за опрометчивого удара ногой. Ни одна часть его тела не должна пойти в соприкосновение с этим черте-те чем оснащенным страшилищем. Он схватил с земли длинную сухую ветку и, подсунув ее конец под металлическую лапу, стал смотреть, что будет дальше. А дальше было белое кружево вспышки и шипящее пламя, и даже через сухое дерево он ощутил мощную волну энергии, расщепившей конец ветки. С приглушенным стоном он выронил тлеющую ветку и, разминая онемевшие пальцы, в бессильной ярости отступил на несколько шагов. Он остановился, готовый в любую секунду обратиться в бегство, и, испустив вопль, сорвал с плеча винтовку. Как хорошо все-таки, что он ее не бросил, хоть она и отбивала всю дорогу барабанную дробь на его спине. Ну, чертова перечница, держись!

Став на колени, чтобы получше прицелиться в сгущающихся сумерках, Джим выстрелил в металлическую лапу и через секунду услышал глухой удар о землю: руум упал. Крупнокалиберная пуля сделала куда больше, чем он ожидал: она не только сшибла металлическую лапу с края обрыва, но и вырвала оттуда здоровый кусок скалы. Интересно, за что теперь эта лапа будет здесь цепляться?

Он посмотрел вниз. Да, это исчадие ада там, на земле. Джим злорадно ухмыльнулся. Каждый раз, как только он зацепится за обрыв, Джим будет сбивать его лапу! Патронов у него в кармане больше чем достаточно, и, пока не взойдет луна и не станет светлее, он, если понадобится, будет стрелять с расстояния в несколько дюймов. Но сфероид, по-видимому, слишком умен для того, чтобы вести

борьбу неэффективными средствами. Рано или поздно он пойдет в обход, и тогда, Джим надеялся, ночь поможет ему от него улизнуть.

И вдруг у него перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы: внизу, в полутьме, из приземистого мало-подвижного сфероида вылезли одновременно три веерообразно расположенных стержня с крюками на концах. Идеально скоординированным движением они вцепились в край скалы на расстоянии фута в четыре друг от друга.

Джим вскинул винтовку. Ну что ж, совсем как на соревнованиях в Беннинге — с той только разницей, что там, в Беннинге, стреляли не в темноте...

Он попал в цель с первого же выстрела: левый крюк сорвался, подняв облачко пыли. Второй выстрел был почти таким же удачным — пуля раздробила камень под средним крюком, и тот соскользнул. Но, молниеносно повернувшись, чтобы прицелиться в третий раз, Джим увидел: все это впустую.

Первый крюк был снова на своем месте. И Джим понял: как бы хорошо он ни стрелял, по крайней мере один крюк всегда будет на месте, и эта дьявольщина будет подтягиваться вверх.

Он повесил бесполезную винтовку дулом вниз на кривое дерево и побежал в сгущающиеся сумерки. Годы ушли на то, чтобы сделать сильным его тело, и вот оно выручает его. Все это прекрасно, но куда ему теперь деваться и что делать? Да и можно ли вообще что-нибудь сделать?

И тут он вспомнил про динамит.

Постепенно меняя направление, усталый человек двинулся назад, к лагерю у озера. Путь указывали звезды над головой, разгоравшиеся все ярче. Джим утратил всякое ощущение времени, должно быть, он машинально поел на ходу — во всяком случае, голода он не чувствовал. Может, он успеет подкрепиться в шалаше... Нет, времени не хватит... Надо принять таблетку бензедрина... Но бензедрина больше не было, и луна взошла, и он слышал, как приближается руум — вот он уже совсем близко...

Временами он видел в кустах фосфоресцирующие глаза, а однажды, уже на рассвете, на него фыркнул потревоженный гризли.

Иногда перед ним появлялась и протягивала к нему руки его жена, Сили. «Уходи! — беззвучно кричал он осипшим голосом. — Уходи! Тебе это удастся, за двумя сразу он не погонится!» И она поворачивалась и легко бежала рядом с ним. Но когда Джим, задыхаясь, взбежал на пригорок, Сили растаяла в лунном свете, и он понял, что ее здесь никогда не было.

Джим достиг озера вскоре после восхода солнца. Позади слышался глухой шорох — это был руум. Джим зашатался, его веки сомкнулись. Он хлопнул себя ладонью по носу; глаза его снова широко открылись. Джим сорвал брезент и увидел взрывчатку. Вид блестящих динамитных шашек окончательно разбудил его.

Усилием воли он вернул себе присутствие духа и начал обдумывать, что делать дальше. Поставить запал? Нельзя, поставив запал, рассчитать время детонации с той точностью, которая сейчас необходима... Джим обливался потом, его одежда насквозь промокла, и собраться с мыслями было очень трудно. Взрыв должен быть произведен дистанционно, и лишь в тот самый миг, когда преследователь приблизится к динамиту вплотную. Бикфордов шнур — вещь ненадежная: скорость его сгорания непостоянна, ноги подкашивались, подбородок опустился на тяжело вздымающуюся грудь... Джим рывком поднял голову, отступил назад и увидел в шалаше пистолет.

Его запавшие глаза загорелись огнем, торопливыми движениями Джим рассыпал все оставшиеся взрывные капсулы по ящику среди шашек динамита и, собрав последние силы, перетащил эту дьявольскую смесь на то место, где он уже побывал, — ярдах в двадцати от скалы. Это было очень рискованно, чертов коктейль мог взорваться от малейшего сотрясения, но теперь ему было все равно: пусть его разнесет в клочья, только бы не стать парализованной тушей среди других туш в этой адской мясной лавке.

Обессиливший Джим едва успел спрятаться за небольшой выступ скалы, когда на высоком пригорке в пятистах ярдах от него показался неумолимый преследователь. Джим вжался поглубже — и увидел вертикальную щель, узкую трещину в стене камня. «Как раз то, что мне нужно», — пронеслось у него в голове. Отсюда он мог видеть динамит и в то же время был защищен от взрыва. Защищен ли? Ведь это страшилище взорвется всего ярдах в двадцати от выступа...

Он лег на живот, ни на секунду не выпуская из поля зрения движущийся сфероид. Молот усталости не переставая бил по голове, которая стала большой, как воздушный шар. О боже, когда он спал в последний раз? Он прилег — впервые за много часов. Часов? Какое там: дней! Мышцы его напряглись, превратились в горящие, трепещущие узлы. И тут он почувствовал спиной утреннее солнце, ласковое, теплое, убаюкивающее... Нет! Если он поддастся усталости, если уснет, ему тоже придется стать экспонатом в этой жуткой коллекции! Онемевшие пальцы крепче сжали рукоятку пистолета. Нет, он не заснет! Если он проиграет, если это дьявольское отродье уцелеет при взрыве, у него еще будет время пустить себе пулю в лоб.

Он посмотрел на гладкий пистолет в руке, потом через щель — на ящик, выглядевший так невинно. Если он выстрелит вовремя — а так и будет, — этой проклятущей штуке конец. Конец! Он немножко расслабился, размлел — совсем чуть-чуть — под лучами ласкового, обволакивающего солнца. Где-то высоко над ним негромко запела птица, рыба плеснула в озере.

Внезапно он ощутил сигнал тревоги. Проклятье! Надо же было гризли выбрать для визита такой момент! Весь лагерь Джима в его распоряжении — круши, разорь сколько душе угодно, так нет же, болвана интересует динамит!

Мохнатый зверь неторопливо обнюхал ящик, обошел вокруг него, рассерженно заворчал, чуя враждебный человеческий дух. Джим затаил дыхание. От одного прикосновения может взорваться капсула. А от одной капсулы...

Медведь поднял голову и зарычал. Ящик был забыт, человеческий запах — тоже. Свирепые маленькие глазки видели только приближающийся сфероид, который был теперь в каких-нибудь ярдах сорока от ящика. Джиму стало смешно. До встречи с этим сфероидом он не боялся ничего на свете, кроме североамериканского медведя гризли. А теперь те, кого он больше всего боялся, встречаются нос к носу — и ему смешно! Он потряс головой и почувствовал страшную боль в боковых мышцах шеи. Он взглянул на пистолет, потом на динамит; все остальное стало теперь каким-то ненастоящим.

Футов за шесть от медведя сфероид остановился. По-прежнему испытывая какое-то почти идиотическое безразличие, Джим снова поймал себя на мысли: что же это такое, откуда оно взялось? Гризли — воплощенная свирепость — поднялся на задние лапы. Между красными губами сверкнули страшные белые клыки. Руум обогнул медведя и деловито покатился дальше. Гризли с ревом преградил ему путь и ударил по пыльной кожистой поверхности. Удар нанесла могучая лапа, вооруженная когтями острее и крепче наточенной косы. Одного такого удара хватило бы носорогу, и Джим скривился, будто ударили его. Руум был отброшен на несколько дюймов, секунду простоял неподвижно, а потом все с тем же леденящим душу упорством, не обращая на зверя никакого внимания, двинулся в обход медведя.

Но на ничью хозяин лесов согласен не был. Двигаясь с молниеносной быстротой, наводившей ужас на любого индейца, испанца, француза или англосакса с тех пор, как началось их знакомство с гризли, медведь стремительно повернулся, зашел сбоку и обхватил сфероид. Косматые могучие передние лапы напряглись, истекающая слюной пасть, щелкая зубами, приникла к серой поверхности. Джим приподнялся.

— Так его! — прохрипел он, и тут же мелькнула мысль, что это бредовая картина — деревенский дурак, борющийся с ватерпольным мячом.

А потом на фоне серого меха гризли сверкнул серебристый металл — руум действовал быстро и смертоносно. Рычание лесного владыки в одно мгновение сменилось жалобным воем, потом — kloкочущими горловыми звуками, а потом не осталось ничего, кроме тонны ужаса, быстро и неотвратно засасываемой болотом смерти. Джим увидел, как окровавленное лезвие, перерезавшее медведю горло, возвращаясь в сфероид, оставило яркий красный потек на пыльной серой поверхности.

И руум покатился дальше, неумолимый, забывший обо всем, кроме тропы, пути, следа человека. «О'кей, детка, — истерически хихикнул Джим, мысленно обращаясь к мертвому гризли, — сейчас он получит и за тебя, и за Сили, и за все парализованное зверье, и за меня тоже... Очнись, идиот!» — обругал он себя и прицелился в динамит. И очень медленно, очень спокойно нажал на спуск.

Сначала был звук, потом гигантские руки подняли его и, подержав в воздухе, дали упасть. Он сильно ударился о землю, попал лицом в крапиву, но ему было так плохо, что он этого даже не почувствовал. Позднее он вспоминал: птиц слышно не было. Потом что-то жидкое и тяжелое глухо ударилось о траву в нескольких ярдах от него, и наступила тишина.

Джим поднял голову. Все его тело разламывалось от боли. Он привстал — и увидел огромную дымящуюся воронку. И еще он увидел в десятке шагов от себя сфероид, серо-белый от осевшей на него каменной пыли.

Руум был сейчас под высокой красивой сосной, и он катился к Джиму, а тот смотрел на него и думал: прекратится ли когда-нибудь этот звон в ушах?

Рука Джима стала судорожно искать пистолет. Он исчез — видно, отлетел куда-то в сторону, и его было не найти. Джим хотел помолиться, но не смог, а только бессмысленно повторял про себя: «Моя сестра Этель не знает, как пишется слово Навуходоносор. Моя сестра Этель не знает, как...»

Руум был теперь в одном футе от него, и Джим закрыл глаза. Он почувствовал, как холодные металличе-

ские пальцы ощупывают его, сжимают, приподнимают... Они подняли его несопротивляющееся тело на несколько дюймов вверх и как-то странно подбросили. Дрожа, он ждал укола страшной иглы с ее зеленой жидкостью — и видел перед собой желтое сморщенное лицо ящерицы с дергающимся веком...

Бесстрастно, ни грубо, ни заботливо, руум снова опустил его на землю. Когда через несколько секунд Джим открыл глаза, он увидел, что сфероид удаляется. Провожая его глазами, он зарыдал без слез.

Ему показалось, что прошло всего лишь несколько секунд, прежде чем он услышал мотор гидросамолета и, открыв глаза, увидел склонившегося над ним Уолта.

Уже в самолете, на высоте пяти тысяч футов над долиной, Уолт вдруг ухмыльнулся, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Джим, а ведь я могу раздобыть стрекозу, и четырехместную! Прихвати мы несколько этих доисторических тварей, пока хранитель музея ищет новую добычу, так ученые — это ты точно сказал — отвалили бы нам за них кучу денег.

Запавшие глаза Джима ожили.

— А ведь пожалуй, — согласился он и с горечью добавил: — Так, значит, нечего было мне от него бегать! Видно, я ему, черт бы его побрал, вовсе и не нужен был. Может, он хотел только узнать, сколько я заплатил за эти штаны, — а я-то драпал!

— Да-а, — задумчиво протянул Уолт. — Чудно все это. После такого марафона — и на тебе! А ты молодчина.

Он покосился на изможденное лицо Джима:

— Ну и ночка у тебя была! Фунтов десять ты сбросил, а то и больше.

ИГРА ДЛЯ СМЕРТНЫХ

1. КАФЕ ПОГИБШИХ

десь, на Земле, все было по-другому. Другие законы, другие силы. Тэдди не рассчитал удар. Что-то хрустнуло, и на панели загорелся тусклый красный сигнал:

— Вашей жизни угрожает опасность! Вашей жизни угрожает опасность!

Тэдди разжал ладонь. Витой вензель выключателя, сорванный с панели, зеленел ядовитой двухвостой змейкой «СС» — фирма «Смит и Смит».

— Вашей жизни угрожает опасность!

На этот раз удар был точен. Тэдди вложил в него всю силу, накопленную годами тренировок и работы, и сила эта была направлена в паутину серебристых решеток, скрывающих динамики.

Паутина оказалась прочной. Решетка прогнулась под ударом, но динамики не смолкли. Правда, что-то сместилось в механизме, и магнитная спираль стала вращаться быстрее. С бархатного баритона голос перешел на истерический фальцет:

— Вашей жизни угрожает опасность!

Тэдди заскрипел зубами и снова включил мотор. Машина беззвучно рванулась с места. Теперь, когда автомобиль был отключен, мощный «Форд» был послушен только человеку.

— Вашей жизни угрожает опасность!

Это было хуже зубной боли. Чтобы заглушить истерический крик, Тэдди стал ругаться. Он ругался истоково и длительно, как старый пират из боевика.

Впрочем, если говорить честно, ругаться не стоило. Такова инструкция Международного Совета. Астронавт, потерпевший аварию в космосе, даже если он здоров, как буйвол, обязан три месяца провести в карантине под строгим надзором психотерапевтов. Зеленые рощи, минимум шума, минимум всякого рода раздражителей, особое питание.

И даже машины для прогулок особые, вроде этого «Форда», в котором даже после выключения автоводителя магнитофон со стереотипными воплями об опасности никак нельзя отключить...

Впереди неожиданно близко вспыхнули тормозные огни межконтинентального «Электора». Тэдди скорее инстинктивно, чем обдуманно, бросил свой «Форд» влево, а через десятую секунды — вправо. Бетонная стенка ограждения возникла и исчезла, как мгновенная галлюцинация. Механический голос поперхнулся.

Машина глотала мили. Вокруг, за сплошной стеной ксенонового света, по-прежнему было темно. Но Тэдди знал дорогу, чувствовал ее, как почтовый голубь.

Конечно, он мог поступить иначе. Прочертить на Э-карте маршрут, заложить его в пластиковые челюсти автоводителя, нажать кнопку и... Машина была комфортабельной комнатой на колесах: горячий кофе, постель, видеофон с 18 программами, микрофильмы и даже тонирующий УВЧ-душ. Десять часов — и «Форд» сам мягко затормозит у дверей забытого богом и людьми рестораника во Флориде.

Там со Свэнном они всегда праздновали возвращение. Эх, Свэн!..

Нет, лучше так. С разбитым автоводителем, когда четыреста лошадиных сил, закованных в стремительную броню, покорны только тебе. Когда никто не сможет убить тебя или спасти. Когда адская скорость — не только взаимодействие слепых сил, механизмов, электротоков, но и твое напряжение, твоя тоска и надежда. И ветер в лицо. Правда, звезд не видно: автотрасса надежно укрыта защитным сталестеклом. Но ветер — твой, и если до

конца выжать педаль, он станет ураганом, от которого путаются мысли...

Отель «Твоя звезда» сначала был похож на молочно-белое пятно в тумане. Потом пятно распалось на отдельные созвездия. Созвездия росли и занимали горизонт. И даже вблизи, когда стало видно, что светят не звезды, а ксеноновые фонари, даже вблизи не появился разочарование, которое постоянно преследовало Тэдди на Земле.

— Вашей жизни угрожает опасность...

«Форд» затормозил, чуть не клюнув носом впереди стоящую машину. Тэдди помедлил с минуту, потом вышел, небрежно хлопнув дверцей.

Вокруг никого не было. На стене гостиницы пульсирующим неоном переливалась звезда. Длинные ее лучи, чуть загнутые вверх, упирались в небо.

«Падучая звезда»... Так всегда называл ее Свэн.

Эх, Свэн...

— Вашей жизни угрожает опасность! — в последний раз пискнул за спиной механический голос, и Тэдди, толкнув прозрачную плоскость двери, очутился в баре.

Ему пришлось сделать еще один шаг, потому что дверь, развернувшись на оси, толкнула его сзади.

Здесь, на Земле, все было по-другому...

Бармен, похожий на глыбу белого мрамора, дремал в углу. Гость нарушил его сон. Бармен недовольно приоткрыл один глаз, но через мгновение неожиданно легко вскочил на ноги:

— Заморыш? Ну и ну! Что-то давненько дядюшка Клаус не видел твоей сентиментальной обrazyны. Виски?

Тэдди кивнул, усаживаясь на высокий стул. Здесь все было по-старому: и плотные жалюзи на окнах, и разноцветные столики, придававшие залу вид шахматной доски, и букет высушенных цветов рядом с винной батареей, и сам дядюшка Клаус, по-прежнему подвижный и благодушно рокошущий.

Заморыш... У Клауса даже это прозвище звучало ласково. Тэдди действительно не походил на античного бога. Маленький, худой, сутулый, он стоял тогда самым послед-

ним в шеренге претендентов. Начальник училища, обходя новичков, удивленно вскинул брови:

— А это что за заморыш?

Но когда с центрифуги сняли последнего претендента, потерявшего сознание, а Тэдди еще продолжал крутиться, и когда стрелка перегрузок подползла к двадцати «ж», бравому майору пришлось удивиться еще больше:

— Вот это заморыш!

Кличка прилипла настолько крепко, что Тэдди сам стал забывать свою фамилию. Он не обижался, когда в иллюминаторе третьей лунной базы, где он лежал, истерзанный и измятый после очередного звездного рейса, на зеленом диске Земли проступали два гигантских слова: «Браво, Заморыш!» Ему льстили огромные заголовки газет: «Тэдди Заморыш снова показал, на что способен американец!», «Тэдди Заморыш — наша национальная гордость!».

Он даже забыл поклониться, когда сам президент под объективами сотен телекамер торжественно обратился к нему: «Вы — настоящий герой, Эдвард Стоун!» Он просто не сразу понял, что речь идет о нем.

Но потом пришли иные времена, и прозвище приобрело обидный смысл. И теперь, когда какой-нибудь пухлощекий юнец с нашивками орет по микрофону на весь космодром: «Трави, Заморыш!», у Тэдди начинает подергиваться веко...

И только здесь, у Клауса, все по-старому.

Впрочем, не все. Столов стало меньше, из лопнувших жалюзи торчат полиэтиленовые нити, когда-то черные кудри дядюшки Клауса посерели. А рядом со стойкой появилось нечто новое: огромная звездная диорама в полстены, черная, с едва заметным фиолетовым оттенком пустыня пространства и робкие пунктиры знакомых созвездий...

Игрушечная Вселенная расплылась. Впереди снова горел желтый глаз пульсара НП-0532, и снова летел в неизвестность «Икар», и никто еще не подозревал о пресловутой «канаве времени». И все — из-за вынужденной посадки на КС-5225, рядом с которой, вспученная пульсаром, громоздилась эта самая непонятная «канавка». А по-

том... Это было страшно, когда в восемнадцати отсеках царило разное время: в отсеке Цао прошло двести лет, пока у Тэдди часы отбили 28 минут 4 секунды.

Но самое страшное, пожалуй, было, когда в пилотский отсек вошла — или вползла? — Нэнни... Впрочем, разве это была Нэнни? Высохшее, седое — нет, скорей не седое, а зеленое — существо, которое спросило его, тягуче шамкая:

— Ты еще жив, Тэдди? Я пришла... проститься...

Кажется, он даже не заплакал тогда. Он отупело смотрел на биобраслет, впившийся в желтую пергаментную кожу умирающей: «Нэнни Стоун, 130 лет»... Счетчики работали безукоризненно.

А что было потом? Спасли наркотики, десятки, сотни голубоватых пилюль. Он смеялся, когда выполз из люка оплавленного «Икара» на причальную площадку Третьей лунной, смеялся перед телекамерами — бездумно смеялся, не узнавая огромный серп Земли над головой.

Три года лечили его тело. И еще три года — мозг, потому что пилот не мог вспомнить даже своего имени. А когда он вспомнил все, потребовалось еще время, чтобы все забыть или хотя бы заглушить воспоминания. Ему принесли бумагу с печатями, и он долго вертел ее в руках, не понимая связи слов:

«Учитывая заслуги перед нацией... проявленное истинно американское мужество... подвиг... фирма «СС» предлагает... в классе «Д» на льготных условиях... кавалеру трех орденов «Астра»... почетному члену... Эдварду Стоуну, астролетчику... работу...»

Класс «Д»... Это было хуже смерти. Из астролетчиков — сразу в «мусорщики». Чудом выбравшись из одной «канавы времени», Тэдди попал в другую, еще более глубокую.

Впрочем, не он один. Ведь со Свэнном была такая же история. И со многими другими. Их выбросили, как отслужившее тряпье.

Но Свэн никогда не терял присутствия духа. Он был весельчак и задира наперекор всему. «Мы уже наполовину ангелы, Тэд, — любил он повторять. — Я не понимаю только одного: почему мы еще не совсем ангелы. Даже само-

убийца не решился бы сесть в такую колымагу, как наши тральщики. По этому металлолому давно плачет свалка. Весь вопрос в том только, кто раньше — я или ты...»

Первым оказался Свэн...

— Ты чего, уснул?

— Что?

— Я говорю, еще виски?

Тэдди удивленно посмотрел на опустевшую рюмку и кивнул.

Клаус отошел к стойке. Тэдди рассеянно смотрел на его могучую белую спину, на сильную короткопалую руку, в которой золотой рыбой светилась бутылка.

— Слушай, Клаус, это правда, что ты тоже был звездолетчиком?

Звякнули фужеры. Красное одутловатое лицо Клауса было теперь рядом.

— Кто тебе сказал?

— Ребята...

— Свэн. Он один знал. Нет, мальчик, я не был звездолетчиком. Тогда еще не думали о звездах, хотя и называли нас громко — «астронавт».

Бармен отпил глоток из своей рюмки, тяжело оперся о стойку. Взгляд его скользил мимо Тэдди куда-то к шахматным клеткам столиков, в полутьму зала.

— Нет, мальчик, я не был звездолетчиком. По крайней мере, таким, как ты. Но человек, которого тогда еще не звали дядюшкой Клаусом, однажды впервые в мире вступил на зыбучий песок Марса...

— Постой, постой... Ведь Гарольд Митчэлл...

— Вот именно, мальчик, Гарри Митчэлл. «Техасская горилла в марсианских песках...»

Тэдди привык ко всему, но это... Кряжистый, длиннорукий гигант в форме ВМС, ослепительная улыбка, дерзкие глаза и сигарета в углу рта. И еще кровавое, неземное сияние песков, плотная черная тень за фигурой в нелепом допотопном скафандре, лишь отдаленно напоминающем очертания человеческого тела, и за квадратным стеклом гермошлема все та же белозубая улыбка и те же глаза. Эту

фотографию Тэдди вырвал из «Истории космонавтики» и повесил над своей койкой в училище, за что получил три наряда вне очереди.

— Не похож?

— Слушай, Кла... Митчэлл, но...

— Не надо, сынок. Гарри Митчэлл давно умер, теперь есть дядюшка Клаус. Так зовут меня пилоты, которые иногда забегают на мой огонек, и мне нравится мое новое имя.

— Хорошо, Клаус, но как это случилось?

— Мы прилетели на Марс, ничего толком о нем не зная. Мы спешили обогнать русских, первыми поставить свой флаг над марсианскими пустынями. А пустыни оказались коварными...

— И что?

— Хрустальная пьявка.

— Но это же ерунда! Десять уколов Б-5 через каждые 20 минут, и все в порядке!

— Это теперь ерунда. А тогда еще не было Б-5. Тогда даже простая шизофрения была неизлечимой болезнью.

— Тебя списали?

— Конечно! Кому я был нужен такой?

— Но ведь теперь...

— Ты же сам говоришь: Б-5. Правда, чтобы вернуть меня в действительность, потребовалась чуть ли не цистерна этой гадости.

Что-то тревожило Тэдди во время разговора, что-то неотступно стояло перед глазами, но он никак не мог сосредоточиться, поймать это слово — или цифру? — нет, слово и цифру... А какая разница, ведь перед ним живой Гарольд Митчэлл!.. Живой? И словно лопнула матовая пленка, скрывающая подпись под фотографией в «Истории космонавтики»: «Гарольд Митчэлл, родился в 1968 году... умер в 19...»

— Слушай, Клаус, но...

Замешательство пилота не ускользнуло от Клауса. Несколько секунд он, словно оценивая, пристально смотрел на Тэдди, потом махнул рукой и, чуть косолапя, подошел к диораме.

- Ты видишь это небо?
- Ну, разумеется, вижу. Пока.
- Ты видишь эти красные огоньки?

Вот красных огоньков Тэдди не заметил. А их было много, этих огоньков. Они были рассыпаны по всему небу, целыми роями облепляли планеты, неровными пунктирами тянулись от Земли к звездам и часто-часто мигали, словно предупредительные маяки.

— Каждый такой огонек — это человеческая жизнь, отданная космосу. Это — могила космонавта, вернее, флаг над его могилой. Раньше я записывал всех, но кому нужны толстые тетрадки с перечислением фамилий? Да и важны ли вообще фамилии?

Огоньки краснели среди звезд, словно капли крови. Тэдди смотрел на них завороченно: алые брызги жили какой-то своей гордой и вечной жизнью.

— Вот здесь, на Марсе, у Малого Сырта, тоже горит огонек. Видишь? Так вот это — могила Гарри Митчэлла...

Тэдди допил рюмку залпом, одним глотком. В груди что-то сладко зануло и сжалось.

— Послушай, Клаус, у меня голова идет кругом. Я ничего не понимаю. Умер или не умер Митчэлл?

— Прости, Заморыш. Просто дядюшке Клаусу иногда ужасно хочется говорить красиво.

Клаус отошел от диорамы и снова оперся о стойку.

— Сам понимаешь, после этой хрустальной пьявки я практически перестал быть человеком. В то же время, когда мое брненное тело перевезли на Землю, душа моя витала в иных мирах. Ты, наверное, читал в учебниках, как это бывает. Сейчас есть Б-5, а тогда даже не знали толком, что со мной стряслось.

Клаус помолчал. Взгляд его снова блуждал по столикам.

— Надо мной, то есть над грешным телом моим, бились лучшие медицинские умы. Наконец один профессор, имени его не помню, предложил меня ликвидировать.

— То есть как?

— А так. Гуманно, безболезненно. В целях защиты человечества от неизвестной инопланетной инфекции.

У него была теория, что раньше Марс был населен, а потом все живое вымерло от какой-то эпидемии. И что я вот эту самую эпидемию подхватил...

— Чушь какая...

— Чушь не чушь, а после некоторых колебаний с ним стали соглашаться. Можно ли, говорили они, из-за одного человека, который и так, по сути дела, мертвец, жизнью всего человечества рисковать? Так-то, мальчик.

Клаус только сейчас заметил, что рюмка у пилота пуста, достал бутылку.

— Тебе с содой?

— Нет, лучше цейлонского грога.

— Ну, хорошо. Пей. Так вот тогда-то и умер американский астронавт Гарольд Митчэлл, а в одной из частных психиатрических клиник появился безвестный полутруп по имени Герман Клаус.

— Как же это удалось?

— Мои ребята знали обо всех этих медицинских дискуссиях. Славные ребята, они не верили ни в бога, ни в черта, они тащили меня на себе с Малого Сырта и не бросили здесь, на Земле. Они выкрали меня из изолятора. Ну а когда наконец появился Б-5, удалось откачать...

— Подожди, Клаус, ведь Б-5... Сколько же ты пробыл в психиатрической клинике?

— Считаю сам.

Тэдди попробовал посчитать, но не смог: от смеси грога с виски шумело в голове, и он никак не мог вспомнить, в каком году состоялась первая посадка на Марс. Он виновато улыбнулся.

— Двадцать лет, мальчик. Двадцать лет, как одно мгновение. Гарольд Митчэлл уснул на Малом Сырте, а через двадцать лет в клинике под Гамбургом проснулся Герман Клаус.

— Но ты же мог объявиться, сказать, кто ты!

— Зачем? Ну, была бы сенсация, репортеры вцепились бы, как гончие в кабана. А потом? Я долго думал об этом, сынок. В космос меня бы уже никто не пустил, а на Земле мне и так все опротивело. И я решил сделать такой вот

голубой приют для себя и для вас, космических бродяг. Ведь я знаю, как тошно бывает на Земле после молчаливого космоса — вокруг шум, толкотня, все куда-то бегут, кусаются, лягаются, грызут друг другу глотки. А у тебя за спиной — могилы, могилы, могилы... И была еще одна причина, сынок. Но о ней знают только два человека на свете. И больше никто никогда не узнает. Налей еще, Клаус.

— Не много ли?

— Налей.

Все медленно-медленно отодвинулось вдаль: и белая шапочка Клауса, и радуга бутылок на стойке, и темное дерево стен, и даже красные огоньки на небесной карте — все стало маленьким и нереальным, словно смотришь в перевернутый бинокль. Гулко зазвенел причальный трап под магнитными присосками подошв, и чей-то ломкий баритон крикнул в самое ухо: «Трави, Заморыш!» Ослепительно, вполнеба вставала Земля над воронками лунных кратеров, а он никак не мог застегнуть ремни сиденья, потому что они извивались и противно пищали: «Вашей жизни угрожает опасность!»

Тэдди уронил голову на стойку.

Корабль Свэна падал по спирали прямо в холодный багровый огонь, уже полупрозрачные розовые протуберанцы лизали черный корпус, и корабль становился все меньше и меньше, а Тэдди все кричал в погасший экран видеофона: «Свэн! Свэн! Катапультируй! Свэн! Сделай что-нибудь, Свэн!»

Он откинулся на спинку сиденья и лежал, опустошенный и беспомощный, бросив рычаг управления, и ему было наплевать на то, что с ним будет, потому что Свэн погиб и он ничем не смог ему помочь. И в это время его тральщик тряхнуло раз и другой, а потом затрясло по-настоящему, а он все не мог открыть глаза...

Над ним стоял Клаус и тряс его за плечо:

— Что ты бормочешь? Что со Свэнном? Где он?

Зубы лязгнули о что-то стеклянное, рот обожгло ледяным холодом, потом жаром, заложило нос и уши, и Тэдди глотнул, чтобы не захлебнуться.

— Легче?

Тэдди неуверенно кивнул. Сознание возвращалось, а вместе с ним ощущение невероятной усталости и головная боль.

— Так что случилось со Свэнном?

Сознание вернулось сразу, толчком. Тэдди качнулся на стуле, закусил губу и, нетвердо ступая, пошел к диораме. Он ткнул пальцем в звездное пространство. Палец попал в невидимую плоскость экрана.

— Вот... Здесь... Зажги здесь огонек, Клаус. По Свэну...

Он скрипнул зубами и обернулся:

— Свэн погиб, Клаус. Мы были вместе. Свэн погиб, а я остался.

Клаус плакал беззвучно, мелко-мелко вздрагивая и шмыгая носом. Весь он как-то обмяк и стал старым-старым, как Санта-Клаус из рождественских сказок. Он стащил с головы белую шапочку и стоял, комкая ее в руках, и седые волосы его торчали во все стороны.

— И Свэн... И Свэн тоже...

Клаус снова зашел за стойку бара и на этот раз возился там подозрительно долго. Когда он наконец выпрямился, глаза его были уже сухими.

— Теперь я тебе говорю: выпьем! Выпьем, мальчик, за Свэна и за всех остальных. Вечной дороги им!

Мышцы Тэдди непроизвольно напряглись, и левая рука согнулась в локте, словно придерживая гермошлем. Минуту пилот и Клаус стояли по команде «смирно» друг против друга, разделенные узкой полоской стойки. На Земле говорят: «Вечная память», «Вечный покой». В космосе над телом погибшего товарища астронавты говорят: «Вечной дороги», потому что вечно блуждать нетленному телу во мраке и холоде межзвездной ночи. Вечной дороги...

— Почему? — хриплым шепотом спросил Клаус пространство.

Он уже стоял у диорамы, и обе длинные руки его со сжатыми кулаками взметнулись вверх.

— Почему нет бога? Почему они должны погибать, мои мальчики? Потому что они смелее, сильнее, чище других?

Где же она, та самая справедливость, о которой три тысячи лет вопят люди? Где все те высокие слова, которыми исписаны миллионы книг? Почему еще не сгорела от стыда или от ядерного огня эта лживая планета?

— Хватит, Клаус.

Тэдди тронул бармена за плечо и вздрогнул: у Клауса не было зрачков. Два бельма, два белых пятна сверкали на лице, а вокруг головы причудливым нимбом светились огни диорамы — снежные хлопья созвездий, кровавые искры похоронных маяков.

«Если бы был бог, он, наверное, выглядел бы вот так», — совсем некстати подумалось пилоту.

— Чего хватит? Ты знаешь, Заморыш, как называют мое заведение?

Свистящий шепот снова перешел на крик.

— Ничего ты не знаешь! «Кафе погибших» — вот как значитса оно в туристских проспектах! Ты думаешь, этот зал пуст? Как бы не так! Он полон, полон — яблоку упасть негде! Ты чувствуешь, как здесь накурено? Астронавтам нельзя курить? Чушь! У дядюшки Клауса все можно! Где же еще отвести душу моим мальчикам, как не у дядюшки Клауса? Ни один шпик не сунет сюда носа, потому что все знают друг друга как облупленные. Что? Еще виски? О'кей!

Клаус схватил пилота за лацканы форменной куртки, на которой топорщились нашивки звездных орденов, и зашептал в самое ухо:

— Ты не узнаешь моих гостей? Чудак! Вон видишь, там, за крайним столиком, сидит Маккензи, а с ним Пол, маленький Джино и Картер. Они всегда вместе — и в космосе, и на Земле. Маккензи любит русскую водку и гаванские сигары, а Джино после рюмки коньяку может съесть четыре порции макарон. Ты говоришь, они взорвались, стартуя с Фобоса? Не верь сплетням, мальчик, они живы. А вот того, высокого, за вторым столиком слева,

ты, конечно, помнишь! Ну да, это Стивен Блейк, кто же еще! После Арктура у него шалит печень, и он нажимает на минеральную... А эти двое, ближе к нам, русские, они ничего не пьют, но это чертовски славные парни.

Клаус откинулся назад и захохотал, и пустота зала ответила ему хохотом.

— А там? Узнаешь? Так это же ты со Свэном! А рядом кто? Конечно, Гарри Митчэлл, фанфарон и любимец интеллигентных мисс, а также миссис, «техасская гориλλα в марсианских песках»... Еще виски, Клаус!

Клаус схватил поднос и выгреб из-под стойки целую кучу рюмок, и они почему-то все до одной стали на поднос правильно, сплошным сверкающим строем, а Клаус хватал разноцветные бутылки с полок и лил, лил, лил, пока не зарябило в глазах от множества напитков, и тогда Клаус пошел, покачиваясь, как белая льдина на штормовой волне, в мягкий полумрак зала, к столикам, и Тэдди, не раздумывая, пошел за ним.

Они еще долго бродили между столиками и чокались с призраками, и пили рубиновые, изумрудные, опаловые смеси, обнимались, плакали и хохотали и нестройными голосами хрипели старую песню космических бродяг, и веселые призраки дружно подхватывали припев:

Когда, пилот,
не повезет
тебе в полете вдруг, не верь тому,
что бак в дыму
и что последний круг,
пока есть ход держись, пилот...
А если ад вокрут,
ищи в аду
свою звезду,
еще не поздно, друг...

А потом Клаус уснул на стуле, и его голова лежала на подносе, как голова Иоанна Крестителя. Где и когда Тэдди видел эту картину? Смутные своды какого-то музея, надоедливая скороговорка электронного экскурсовода, он помнит только фамилию художника — Бартоломео

Венето, это был, кажется, итальянец, но он жил так давно, лет пятьсот назад, и все-таки краски не успели померкнуть... Кстати, кто такой был этот Иоанн Креститель? Астронавт? Чепуха, пятьсот лет назад ничего не знали о космосе, но почему вокруг головы Иоанна Крестителя — он точно помнит! — золотился полупрозрачный ободок гермошлема? Глупости, это ему показалось... Куда ушел Свэн? Он вечно куда-то уходит и не говорит куда...

Клаус спал, а Тэдди никак не мог уснуть, потому что все вокруг стало вращаться, с каждой минутой быстрее и быстрее. Сначала зашевелились стены и медленно поползли по кругу, потом сдвинулась диорама и стойка, движение ускорялось, стены слились в сплошной темный обод, столики отбросило центробежной силой в эту темноту, они летели в темноте и, раскаляясь, превращались в капли пламени. Потом выгнулся пол и стал превращаться в воронку, которая становилась все глубже и глубже. Тэдди изо всех сил оттолкнулся от пола и повис в воздухе — вовремя, потому что капли со всех сторон ринулись в воронку, и это был настоящий огненный дождь. Тэдди висел в воздухе, а рядом парила голова дядюшки Клауса на подносе, что-то белое падало вниз в воронку, описывая большую медленную спираль, — нет, не белое, а черное, и это черное было тральщиком, и Тэдди закричал: «Свэн! Свэн, катапультируй», потому что это был тральщик Свэна, а внизу была не воронка, а красное пятно.

Толчок неясной тревоги выбросил Тэдди из бредового сна. Он поднял тяжелую голову и осмотрелся. В голове потрескивало и попискивало, но глаза цепко схватили детали: разбитая бутылка из-под виски, почему-то стоящая на горлышке, неизвестно откуда появившаяся латинская надпись: «Memento mori» («Помни о смерти») на стенке стойки, обращенной к залу, четыре дырки с оплавленными краями вокруг ртутной ладстры (Тэдди непослушными пальцами расстегнул кобуру лучемета, но вместо холодного прикосновения стали ощутил пустоту — это окончательно привело его в себя).

Спокойно. Надо разобраться. Во-первых, где? Тэдди поднял стакан над столом, разжал пальцы. Стакан не повис в воздухе и не врезался с грохотом в стол: он упал на пол мягко, с ускорением ровно в I «ж». Значит, Земля.

Теперь... Клаус спал рядом, тяжело дыша носом, и Тэдди вспомнил все.

Окна уже голубели. Тэдди прошел к стойке, взял наугад первую попавшуюся бутылку.

От запаха спиртного его замутило, но он заставил себя сделать глоток. Секунду помешкав — не разбудить ли Клауса, — пилот направился к двери.

«Форд-СС», матовый от росы, ждал его.

Тэдди открыл дверцу, готовый принять очередную дозу механического крика, но динамики загадочно молчали, только аварийный сигнал на панели горел, как хрустальная пьявка, отведавшая крови.

Тэдди выглянул в боковое стекло. Неоновая звезда на стене по-прежнему тянула к небу длинные лучи. Тэдди помахал рукой то ли звезде, то ли небу и включил двигатель.

Машина, царапнув боком задние бамперы впереди стоящего «Фиата», черной пантерой выскочила на автотрассу.

Тэдди бездумно улыбался. Одна рука лежала на руле, другая сжимала фильтр недокуренной сигареты.

Впереди вставало солнце. Тэдди прибавил скорость.

2. «КОРШУНЫ КОСМОСА»

Пробуждение было тягостным. Мозг, взбудораженный ночными кошмарами, не хотел возвращаться к действительности. Роберт Смит уже чувствовал свое тело, но никак не мог понять, где оно находится. То казалось, что он парит в облаках, то наваливалась на грудь, сгибая ребра, тяжесть рухнувшего подземелья. В эти мгновения мышцы судорожно напрягались, пытаясь стряхнуть оцепенение, но тело оставалось неподвижным.

Потом откуда-то слева и снизу поползло, растекаясь и усиливаясь, ощущение зуда. Через минуту зуд стал нестерпимым, но Роберт по-прежнему не мог пошевелиться, чтобы как-то унять его.

Беспричинный страх ледяными иглами впился в кожу. Роберт рвался из последних сил, в мозгу звонко лопнуло что-то тоненькое и непрочное, и сон ушел окончательно.

Он лежал в своей постели мокрый от пота, хотя в спальне было достаточно прохладно. Мучительный зуд не стихал — ступню левой ноги словно жгло крапивой. Роберт машинально протянул руку, но пальцы под одеялом встретили пустоту.левой ноги не было.

Выругавшись сквозь зубы, Смит нащупал над головой переключатель Коллектора Покоя и повернул рифленую головку. Вместо привычного гудения тонизирующих микроволн послышался короткий свист, оборвавшийся глухим щелчком. Окончательно расстроенный, Смит открыл глаза.

В комнате — зеленоватый полумрак, как в большом застоявшемся аквариуме. Широкие окна закрывали пуленепробиваемые нейлоновые шторы с двумя рядами звукоизолирующих портьер. Свет исходил от щита сигнализации на ночном столике. Гирлянды зеленых ламп заверяли, что в доме за ночь ничего не случилось.

Ничего не случилось?

Тело, освобожденное от оцепенения, снова застыло. Но теперь в каждой клетке жила настороженность. Не поворачивая головы, Роберт подозрительно исследовал каждый сантиметр доступного глазу пространства. И лишь когда увидел над собой тусклые бельма Коллектора Покоя, напряжение, стянувшее мускулы, ослабло.

Аппарат не работал. Видимо, в нем что-то перегорело.

У Роберта давно не ладилось со сном. Но пять лет назад случилось то, чего он ждал, обливаясь по утрам холодным потом.

Его спасла случайность: он сел не впереди, как всегда, а сзади, рядом с доктором Солсбери. Ученый старикашка словно с ума сошел. Он отказывался покинуть Пятую лунную шахту, пока не закроют рудник. Он кричал об угрозе эпидемии в присутствии рабочих, и пришлось действовать решительнее.

Когда за ними захлопнулась дверца лимузина, Роберт дал волю гневу.

— Вы осел, Солсбери, — сказал тогда Смит. — Какого черта вы лезете в дела, которые вас не касаются? Занимайтесь своими гловэллами и хрустальными пьявками, а рабочими буду заниматься я. Мы покупаем ваши мозги, а не ваши эмоции. Если хотите работать у нас, то будьте добры...

Роберт не успел договорить. Под передним сиденьем взорвалась бомба, которая разнесла вдребезги половину смитовского лимузина. Доктора Солсбери едва удалось заштопать — основной удар пришелся на него и шофера. А Смит остался без левой ноги...

Зуд не утихал, и Роберт беспокойно заворочался. Оборванные нервные стволы, какие-то «фантомные боли» — эта премудрость не для него. Как можно ощущать ногу, которой нет? Что-то непонятное, унижительное и коварное творилось внутри, и допустить такое Роберт не мог.

Все привычные утренние процедуры — электродуш, массаж, гимнастика, пять минут бассейна с биостимулятором «Пиранья» — он проделал с какой-то неистовой озлобленностью.

Он добился своего. Через полчаса депрессия отступила, забила куда-то: за завтраком Роберт был собран, свеж и почти весел. Диктофон-информатор негромко перечислял все, что случилось в мире за последние двенадцать часов, а Роберт с неожиданным аппетитом уплетал морского гребешка в ароматном горчичном соусе, запивая черным пивом.

Информатор бубнил, а тренированный мозг Роберта запоминал лишь то, что могло иметь касательство к делам фирмы:

— Советский Союз осуществил запуск пятого искусственного солнца над Арктикой....

— Федерация социалистических государств Центральной Африки расторгла контакт с американской фирмой «Си-би-эс». Причина — низкое качество продукции.

— Народная республика Австралии предоставила свою территорию в распоряжение ООН для проведения

экспериментов по акклиматизации инопланетной флоры и фауны...

— Биологическая лаборатория на планете «Прометей». Советский ученый Андрей Савин приводит новые доказательства искусственного происхождения кристаллопланет...

— Фирма «Фрэнк — Железо из Космоса» объявила о своем банкротстве. Оборудование трех зоостанций на Венере и восемь грузовых кораблей будут проданы с аукциона...

— Английский лайнер «Елизабет» потерпел аварию в районе звезды Алголь в созвездии Персея. Причины выясняются...

Так им и надо! Страна, которая пытается называться кашиталистической — о, эта английская дань традициям! — хотя вся ее экономика пронизана спорами социализма. Полудействия, полурешения...

— Международный Совет Космонавтики принял постановление об усилении ответственности государств и частных фирм за проведение неконтролируемых космических полетов в Солнечной системе...

Тяжелая кружка дрогнула на полпути к губам и грохнулась на стол. Большой клоч пивной пены выплеснулся на салфетку и зашипел, сползая на брюки.

— Повтори!

— Международный Совет Космонавтики...

— Дальше, черт подери!

— ...об усилении ответственности государств и частных фирм...

Смит сорвал мокрую салфетку, словно она душила его.

Вот оно — сон в руку! Ночной кошмар повторялся — теперь уже наяву. Его, связанного по рукам и ногам, волокут на свалку, и некого, некого позвать на помощь...

Нет, это уже слишком! До каких пор, до какой черты можно отступать? Уже четыре пятых Земли залито красным цветом — цветом коммунистических и социалистических государств, — а на оставшемся клочке «свободного мира» от старого доброго предпринимательства остались

одни воспоминания. Крупнейшие фирмы горят, лопаются одна за другой — что они могут в стальных тисках всяческих международных комитетов, советов, инспекций, союзов, которые растут от коммунистической пропаганды как грибы после дождя? Нет, Земля обречена — это Смиты поняли много лет назад, еще когда был подписан Пакт о всеобщем и полном разоружении. Оставить планету без войн значило открыть ворота коммунизму. Так оно и случилось...

Роберт с отвращением оглядел остатки завтрака и включил уборщик. Проворные цепкие захваты сгребли грязную посуду, юркие щетки вылизали пивную лужу, и через пару секунд стол снова засверкал стерильной чистотой. словно ничего и не было...

А, да что паниковать раньше времени! Надо обмозговать все вместе с Дуайтом. Он мастак на всякие финты, надо отдать ему должное. Смиты всегда находили выход...

Роберт вызывающе хмыкнул. Ему вспомнился давний скандал, когда фирма заявила о своем добровольном банкротстве. Это было перед самым подписанием Пакта, кажется, за неделю. В один день Роберт с Дуайтом распустили старое правление, усадили в психиатрическую лечебницу дорогого папашу и объявили о безвозмездной передаче ООН всей смертоносной начинки Биоцентра — складов бактериологического оружия на много миллионов долларов. Внешне все это смахивало на самоубийство. И когда через несколько дней Дуайт по телевидению выразил желание сотрудничать с правительством в мирных космических исследованиях, конкуренты решили, что братья окончательно свихнулись.

Откровенно говоря, такой ход был не по душе Роберту. Слишком похоже на капитуляцию. Но Дуайт умел убеждать.

— С Землей покончено, — говорил он. — Здесь мы как мухи в паутине. Красные сильнее нас экономически, и, главное, рабочие на их стороне. На Земле уже не выгорит ни одно стоящее дело. А космос — пустыня. Богатейшая пустыня! Там есть где развернуться и где спрятаться в

случае чего. Нет, надо уходить в космос. Игра на Земле проиграна...

Солидные правительственные дотации подкрепили доводы Дуайта. Фирма снова возникла из пепла как птица Феникс и уже через пару лет начала откусывать головы менее сообразительным партнерам.

А вот теперь... Неужели красные всерьез принялись за космос?

Только не надо теряться. Даже перед Дуайтом. Чтобы он не задира л нос. Вести себя, словно ничего не случилось. Никому нельзя доверять.

На какое-то мгновение мелькнул отблеск ночного кошмара — вонючая трясина огромной свалки. Мелькнул и погас, уступив место реальным заботам.

Дуайт Смит оторвался от экрана телегазеты, сверкнул через плечо темными стеклами квадратных очков.

— Ты что-то сегодня не в форме, Робби. Надеюсь, ты здоров?

— А ты что-то слишком часто стал справляться о моем здоровье, — пробурчал Роберт, стягивая пиджак.

Его раздражало все: и аккуратно скрытая зачесом круглая плешь на затылке Айка, и его бархатный голос, и каменная невозмутимость острого, словно высушенного лица, и медлительность длинных цепких пальцев, разминающих сигарету, и даже эти проклятые черные очки, за которыми не видно глаз.

Презрительная улыбка колыхнула безгубый рот Айка. Лениво затянувшись, он пустил к потолку одно за другим четыре дымных кольца.

Братья не любили друг друга и не очень это скрывали. Но взаимная антипатия не мешала им вот уже много лет дружно участвовать в большой беспощадной драке, которая зовется «свободной конкуренцией». Их объединяло нечто более сильное, чем родственные чувства.

— Ты слышал, что Фрэнк лопнул?

— Да.

— Надо послать на аукцион Блейка: грузовики по дешевке могут пригодиться...

— Посылай. Только пусть держит ухо востро и не мо-
золит глаза агентам Совета...

Рабочий стол Роберта Смита напоминал режиссерский пульт: цветные узоры кнопок, рычажков, переключателей на восемнадцать экранах, вспыхивающих то по одному, то по несколько сразу, появлялись и исчезали озабоченные лица, что-то говорили, что-то показывали, и надо всем царила взмокшая туша Роберта, который орал в микрофоны, кому-то приказывал, кому-то грозил, от кого-то требовал немедленных действий... Растрепанный, постоянно поправляя сползающие с покатых плеч подтяжки, он метался между экранами, и маленькие глазки его зло горели из-под рыжих кустиков бровей.

Рабочее место второго Смита было менее механизировано и более комфортабельно. Дуайт удобно расположился в мягком вращающемся кресле рядом с огромной, вполстены, звездной картой. На коленях у него лежала коричневая панель дистанционной настройки, а слева, на маленьком столике, между пепельницей и сифоном белел откинутый экран телегазеты.

Дуайт сидел неподвижно. Порой казалось, что он дремлет, но худые пальцы нервно постукивали по клавишам панели.

— Айк, Джим предлагает акции «Си-би-эс», по десять долларов.

— Пусть идет к черту. Через неделю за эти акции никто не даст и пяти...

Роберт снова что-то кричал в микрофоны, а Дуайт, повернувшись к карте, укрупнил на ней Солнечную систему и погрузился в изучение сложного клубка зеленых, синих, красных нитей, расходящихся во все стороны от Луны главного космодрома нашей планеты.

Среди сложного переплетения маршрутов резко выделялась широкая, прямая, как луч света, серебристая полоса — Большой Звездный Коридор. По этому коридору выходили за пределы Солнечной системы в открытый космос межзвездные и межгалактические лайнеры.

Корабли, работающие на принципе «трубы Кларка», уже на орбите Плутона развивали скорость, близкую к световой. Бродячие метеоры, беспризорные астероиды, обломки разрушенных планет, сгустки космической пыли — словом, весь «мусор», который не мешал тихходным и маневренным космолетам старого типа, стал теперь серьезной опасностью.

Так появился Большой Звездный Коридор и... «мусорщики». Тральщики, похожие на юрких рыб с большими радужными хвостами, денно и ночно копошились на трассе, тысячекилометровыми тралами подметая дорогу к звездам.

Звездолетчики, опаленные жаром иных солнц, смотрели на «мусорщиков» чуть свысока. В Службу Звездного Коридора шли мальчишки — выпускники училищ, не добравшие на выпускных экзаменах нужного балла. Прозаическая, размеренная будничность была для них Голгофой, но они покорно несли свой крест, ибо впереди мерцала надежда: набраться опыта, отличиться и со временем все-таки занять пилотское кресло в отсеке сверхсветового корабля.

Труднее было тем немногим, что попадали в класс «Д» не снизу, а сверху — со звезд: матерым космическим бродягам, которых сбила влет болезнь, авария или просто старость. У этих уже не было надежды, но они не могли жить без вечной пустыни, где медленно кружат иные миры...

Но не превратности человеческих судеб волновали сейчас Дуайта Смита. Пока Роберт распекал за что-то генерал-директора лунных шахт, Дуайт думал над очередным выпадом Международного Совета Космонавтики.

Дело в том, что не один десяток тральщиков «СС» выходил ежедневно на «Звездный тракт». Правительственная лицензия предоставила Смитам три космопорта на Луне, и фирма исправно трудилась среди интернациональных отрядов «Службы Коридора». Пилоты «СС» были на хорошем счету, их отличали возраст, опыт и отчаянная смелость. Смиты предпочитали выбирать их из

бывших звездных героев. Словом, фасад фирмы «Смит и Смит» был безукоризненно чист.

Но на пестрой карте Солнечной системы там и сям светились зеленые пятна — заповедные зоны. Право полета в такую зону имели только научные экспедиции, и только со специального разрешения МСК.

До сих пор фирма «СС» ничего не имела против, если тральщики возвращались со своей официальной работы «сокращенными» или «удлиненными» маршрутами. Кроме того, космолеты часто отправлялись в самостоятельные «проверочные» рейсы, и с ними почему-то сразу терялась связь, а вышколенная администрация космопорта терпеливо ждала возвращения «блудного сына», не поднимая тревоги. «Заблудшие» приходили с полными тралями, и никто не спрашивал их, откуда улов...

Впрочем, контроль был. Правительственные чиновники дотошно рылись в бумагах, сверяли записи стартовых и посадочных журналов, копались в рулонах маршрутных самописцев. Их не интересовало, почему опытнические космические асы так часто «сбиваются с курса» и терпят «аварии» — только бы в бумагах было все чисто да соблюдалась буква Всеобщего космического устава...

Новое Постановление грозило фирме если не полным крахом, то жалким прозябанием. На мизерные официальные доходы не разгуляешься. Международный контроль — конец запретным «уловам». Со своими чиновниками всегда можно договориться, но инспектора МСК... Среди них обязательно будут красные! А ведь инспекция — это еще полбеды: дело дошло до постоянных патрулей МСК вокруг заповедных зон и международных трасс...

На телегазете замигал сигнал «Срочное сообщение». Дуайт включил экран, и слева направо побежали крупные буквы текста: «Полчаса назад президент США с санкции Сената подписал Постановление Международного Совета Космонавтики, которое через 48 часов будет иметь силу Международного Закона...»

Темные очки не мешали Дуайту ловить бегущие строчки немногословных параграфов, и с каждой строчкой ба-

рабанная дробь, которую отбивали пальцы на клавишах панели, становилась быстрее. За спиной тяжело дышал подошедший Роберт.

По экрану пробежали последние строчки Постановления, и телегазета погасла. Дуайт не оборачивался, продолжал смотреть на тусклую плоскость.

— Вот что, Айк, — заговорил наконец Роберт. — У нас есть еще с того времени боеголовки к торпедам. Когда было разоружение, мне удалось кое-что припрятать. На Марсе, в брошенных копиях. Я тебе не говорил, но...

— А-а... Отработанные платиновые шахты в Желтой пустыне? Пять до отказа набитых штреков, вход в которые завален, не так ли? Этой операцией занимались ребята из «СС», и все они почему-то быстро скончались: один — в космосе, другие — на Земле. Даже гонорара получить не успели, бедняги... — Дуайт плавно развернул кресло к Роберту и продолжал невозмутимо: — Нехорошо, Робби, таиться от родного брата и компаньона. Это нечестно. Ты хотел меня надуть. А ведь я мог заявить на тебя куда следует и распорядиться фирмой единолично. Но у меня доброе сердце, Робби...

— Как ты узнал?

— Неважно. Я мог бы при надобности дополнить твои пять складов своими собственными мелкими сбережениями.

— Сбивать... — Лицо Роберта передернулось, глаза превратились в щелки. — Сбивать патрули. Надо поставить на тральщики торпедные аппараты. Организовать хороший, крепкий отряд из мальчиков, которым нечего терять. Хватит отступать, хватит вилять перед всякими Советами. Пора действовать. Пора показать, что такое «СС»!

Роберт взвинчивался все больше и больше, его одутловатые щеки побагровели. Дуайт поморщился:

— Тихо, Роберт, тихо. За что я тебя люблю, так это за твою великолепную энергию. Но перспектива электрического стула мне не улыбается. Даже при тысяче процентов прибыли.

— Так что же, сдаться?

— Зачем? Но боеголовки — это чересчур. Мощный лазер тоже неплохая штука для начала. И главное — бесшумно, без всякой иллюминации. Во-вторых, никаких связей с «СС». Пусть это будут свободные «рыцари удачи», которые поступают как хотят. Связь с ними будет держать только их предводитель. Пожалуй, лучше даже не с нами, а, допустим, с Блейком. В-третьих, почему только патрули? Это кое-кого наведет на разные мысли. Пусть они хватают кого угодно, вплоть до транспланетных лайнеров. Пусть уводят грузовики, грабят пассажиров, нападают на планетные станции. Это даст им материальный стимул, а нам — неплохую экономию...

— Это что же, гангстерская шайка? Не слишком ли... просто, а?

— Ничуть. К тому же великое всегда просто, Робби. Мы сошьем им уютное гнездышко в Поясе Астероидов. Пусть они собьют парочку наших грузовиков для начала. Какой простор для фантазии! Во-первых, мы получаем страховку вместо того, чтобы ремонтировать старые гробы. Во-вторых, мы обращаемся в МСК с просьбой защитить нас — как можно больше шума: газеты, телевидение! «Коршуны космоса», спасайся кто может! В результате получаем деньги, на которые можно подкармливать наших «птичек», отводим от себя всякие подозрения — ведь грузовики-то наши! — и вдобавок загружаем патрули МСК работой, которая надолго отвлечет их от маршрутов наших тральщиков...

— «Коршуны космоса»... — Роберт захохотал, мотая головой, — «Коршуны космоса»! Отлично придумано!

Под крайним левым экраном замигал сиреневый огонек вызова. Роберт нажал клавишу. Появилась секретарша.

— В чем дело? Я же сказал — занят.

— Простите, босс, я так и сказала мистеру Солсбери, но вот он уже пятнадцать минут непрерывно требует немедленного соединения с вами.

— Какого черта ему надо?

— Не знаю, босс, он не говорит в чем дело, и...

— Что — «и»?

— Простите меня, мистер Смит, но мне кажется...

— Что вам там еще кажется, в конце концов?

— Мне кажется... Босс, мне кажется, что это не мистер Солсбери... То есть я хотела сказать, что похоже, но...

— Что с вами, Эйлин?

Это спросил уже Дуайт.

Секретарша совсем растерялась и молча пожала плечами.

— Собачий бред! — пробурчал Роберт.

— Давайте сюда Солсбери, — сказал Дуайт, останавливая руку Роберта, собиравшегося выключить экран.

— Видите ли, босс... Мистер Солсбери требует разговора по Би-каналу.

Смиты переглянулись.

— Ну, это уже слишком! У нас дела! И если всякий «яйцеголовый» будет нам мешать, да еще требовать Би-канал, то...

— Нет, Робби, что-то случилось. Доктор Солсбери не из тех, кто делает из мухи слона. Если уж он звонит сам, да еще требует Би-канал, значит, произошло что-то важное. Очень важное.

— Ты вечно потекаешь этому красному фанатику, Айк!

— Во-первых, Солсбери такой же красный, как и мы с тобой. Ну, а насчет характера... Тут уж ничего не попишешь. Зато у него есть мозги, милый Робби, мозги, которые дали нам не один миллион долларов. Идем!

— Говори со своим Солсбери сам, если хочешь. Я останусь здесь.

— Мистер Солсбери просит вас обоих, — подала голос секретарша. Она уже заученно улыбалась.

— Черт, — проворчал Роберт, нехотя поднимаясь.

Дуайт нажал кнопку у края карты, и матовый прямоугольник бесшумно разделился надвое, открыв небольшую бронированную дверь. Айк набрал шифр, и дверь ушла в пол.

Братья втиснулись в узкий коридорчик, и полуметровая стальная плита поднялась за ними.

— Ну, что ты там возишься с шифром?

Стоять в этой броневой скорлупе, да еще в полной темноте и могильной тишине, было действительно неудобно.

Но вот ушла в пол следующая дверь, и Дуайт с Робертом очутились внутри небольшого кубического зала, одну стену которого занимал приемопередаточный экран, а три других — панели настройки, регулировки и управления со вспомогательными экранами и светящимися динамическими схемами.

Посреди зала стоял столик и два кресла. Роберт, все еще недовольно морщась, сел в одно из них, а Дуайт занялся включением хитроумных систем Би-канала.

Каждая минута разговора по Би-каналу стоила больших денег. Но цель оправдывала затраты, ибо Би-канал был идеальным и единственным пока средством ведения секретных разговоров.

Дуайт набрал на дисках ЭВМ пароли конечных станций. Заработали с тихим жужжанием автоматы выбора маршрута. Где-то на десятках промежуточных ретрансляторов повернулись зеркала антенн, острия сотен датчиков, определяющих погоду, солнечную активность, напряженность магнитного поля, состав помех и прочее. Машина гудела, переваривая информацию, и через три минуты выложила карточку с оптимальным маршрутом направленного луча. Дуайт перешел к другой стене, сунул маршрутную карточку в прорезь, включил систему наведения. Огоньки на схеме вытянулись пунктирной цепочкой между Манхэттеном и Флоридой, подтверждая готовность ретрансляторов принять сигнал.

Дуайт медленно вывел главный микшер вверх до отказа. Стена-экран засветилась зеленоватым сиянием.

Теперь надо было включить защиту — самое главное в этой сложной операции.

Дуайт возился не меньше пяти минут. Где-то, напрягая аварийные системы автономных электростанций, скручивались в спираль силовые поля и силовые спирали наплаивались друг на друга. Где-то были сирены, взлетали предупредительные ракеты, а от ретранслятора к ретран-

слятору свернутым в жгут полярным сиянием тянулось мерцающее свечение.

Это и был Би-канал.

Короткий гудок возвестил о начале передачи, но на экране колыхались какие-то непонятные фиолетовые тени.

— Эй, Солсбери, где вы там? Что это за штучки?

Экран молчал. Роберт беспомощно оглянулся на Дуайта.

— Мистер Солсбери, если вы изобрели шапку-невидимку, то, пожалуйста, снимите ее. Мы уже вполне насладились ее эффектом.

Но когда голос наконец раздался, даже Дуайт Смит вздрогнул: это действительно был не Солсбери! Была предельно точная имитация его сбивчивой и скорой речи, но голос...

— Простите. Я, честное слово, волнуюсь. Я даже не знаю, с чего начать. Не обращайтесь внимания на экран. Мне пока нельзя показываться. Я вас вижу отлично...

Нет, это не голос Солсбери.

— Включите изображение. Хватит! Здесь не цирк. Немедленно покажитесь!

У Дуайта чуть подергивалась щека, а правая рука в кармане инстинктивно сжала рукоятку пистолета, словно он поможет здесь, в этот момент, в этой нелепой и непонятной истории.

— Не могу, — сказал голос. — Поверьте мне, не могу. Успокойтесь, босс, ничего страшного не случилось. Скорее, наоборот. Только ответьте мне на несколько вопросов. Иначе мы не поймем друг друга. Я все объясню, но потом. Такое дело, что у меня до сих пор голова идет кругом.

— Что вам надо?

— Скажите, босс, кто привел на Базу трал 308-Ф5-АС?

Роберт, не сдержавшись, со сжатыми кулаками бросился к экрану:

— Кто ты такой, подонок? Шпион? Покажись!

— Как — кто такой? — В голосе звучало недоумение. Неужели, мистер Смит, вы не узнаете мой голос? Я — Чарльз Солсбери, доктор биологии...

— Докажи!

— Доказать? Ну хорошо... Помните, что вы мне сказали пять лет тому назад, за минуту до того самого взрыва в машине?

— Допустим.

— «Вы осел, Солсбери, — сказали вы мне тогда. — Какого черта вы лезете в дела, которые вас не касаются? Занимайтесь своими гловэллами и хрустальными пьювками, а рабочими буду заниматься я. Вы становитесь «розовым», а это мне не по нутру...»

— Черт подери, это, кажется, действительно Солсбери, — повернулся Роберт к Дуайту. — Но какого дьявола он ломает всю эту комедию? Может, свихнулся?

Дуайт ничего не ответил и набрал номер внутреннего видеофона:

— Картотека? Посмотрите, кто привел трал 308-Ф5-АС!

Юноша исчез и через полминуты явился снова:

— Босс, в картотеке нет отметки о прибытии этого трала

Дуайт щелкнул выключателем и долго смотрел в фиолетовую мглу центрального экрана, которая скрывала Солсбери или кого-то еще.

— Почему вас интересует именно этот трал?

— Потому что там... — Голос запнулся. — Босс, ради всего святого, узнайте! Это очень важно... Вы представить себе не можете, как это важно!

Дуайт побарабанил пальцами по аппарату, потом набрал еще один номер, но на всякий случай переключил звук на наушники:

— Слушай, Пит, каким образом попал на Базу трал 308-Ф5-АС и почему в картотеке нет отметки о прибытии?

Пит потянулся к сейфу, порылся там с минуту, потом показал Дуайту какую-то бумагу.

— Вот, босс. Все правильно. Была авария, трал дотащил пилот Эдвард Стоун в одиночку, а его напарник где-то там взорвался. Аварийные тралы мы в картотеку не вносим по вашему приказу.

— Как звали второго пилота?

— Свэн Стэрборг, кажется. Да, Свэн Стэрборг. На са-
мописцах оставшегося тральщика что-нибудь есть?

— Нет. На ленте — ровная прямая, никаких отклоне-
ний.

— А этот... первый... Он в профилактории?

— Да, уже два с лишним месяца загорает там. Скоро
выйдет на волю Заморыш.

— Кто-кто?

— Тэдди Заморыш, босс.

— Так это тот самый — «гордость нации»?

— Ну да. Везет ему как утопленнику.

— Ладно, Пит. Все.

Щелкнули выключатели. Дуайт опустил наушник, по-
молчал, разглядывая свои пальцы, и снова обратился к
фиолетовым теням:

— Согласитесь, Солсбери, вы ведете себя более чем
странно. И мы в подобной ситуации не можем вам до-
вериться полностью. Подождите, не перебивайте... До-
пустим, вы узнаете, кто привел трал. Что из этого?

— Вам сказали — кто?

— Да.

— Он жив?

— Разумеется.

— Тогда я прошу вас с Робертом Смитом немедленно
прилететь ко мне в лабораторию. Это совершенно необ-
ходимо.

Только сейчас до Дуайта стала доходить вся бредовая
ненормальность происходящего — и пустой экран с те-
нью, и нелепая загадочность разговора.

— Может быть, вы, Солсбери, узнали точную дату
конца света?

— Нет, мистер Смит. О конце света я ничего не знаю.
Но у меня в руках есть ключик от Начала. И вполне воз-
можно, что за дверью окажется совершенно новый Свет.
Новый мир, который поможет людям найти выход из ту-
пика, в который они попали. Вылетайте ко мне.

— Хорошо, Солсбери, мы подумаем.

— Мистер Дуайт, я первый раз в жизни позвонил вам сам. Вы, надеюсь, понимаете, что для этого потребовались из ряда вон выходящие причины? Поверьте, сейчас нет ничего на свете важнее вашего приезда — и для меня, и для вас, и для всего человечества. Видите, я говорю высокие слова, которые так не любил всю жизнь. Неужели это вас не убеждает в необычности происходящего?

— В необычности? Пожалуй, убеждает. Но не больше.

— Никаких «но». Я дам вам возможность увидеть и пощупать руками настоящее, стопроцентное чудо. Чудо без всяких подделок. С гарантией. Чудо, которое перевернет всю жизнь человеческую. Слышите вы меня?

— Слышу. До свидания, Солсбери.

— Я жду. Прилетайте немедленно. Немедленно!

Экран погас. Два раза тявкнул гудок — конец передачи.

Руки Дуайта Смита действовали, как автоматы, которые он выключал, привычный жест, верньер до конца, переключатель на «ноль», успокоилась дрожащая стрелка, остывая, растворилась в полупрозрачной стекловидной толще динамической схемы пунктирная цепочка маршрутных огней.

Уже исчезло мерцающее сияние между ажурными зеркалами ретрансляторов, замолчали сирены, опустились на площадки сторожевые вертолеты, и хмурые пилоты отстегивали от поясов тяжелые лучеметы, стаскивали, кряхтя, комбинезоны.

А Дуайт выключал, выключал — привычный жест, верньер до конца, переключатель на «ноль», рубильник — вниз...

Коротко вздохнув, замолчала ЭВМ, и два десятка дежурных на станциях слежения, торопливо отрапортовав: «Первая, все в порядке... Пятнадцатая, все в порядке... Двадцатая, все в порядке...», почти одновременно включили погасшие час назад телестены. Космовидение показывало новый многосерийный супербоевик о том, как элегантный, красивый и смелый астролетчик Одисс Эй встречает в космосе двух прекрасных инопланетянок

Сциллу и Харибду. Телестены пришлось выключить в тот момент, когда в оранжевой пустыне, под мистическим светом четырех пульсирующих солнц, в окружении ужасных, кровожадных и фантастически безобразных чудовищ инопланетянки начинают соблазнять бравого астролетчика. Конечно, самое интересное — черт бы побрал этот Би-канал! — уже позади, но все-таки чем все кончилось...

И уже начальник всей Службы Слежения обстоятельно доложил Главному, и Главный, облегченно вздохнув — пронесло! — нажал заветную кнопку, и в бронированной кабине Смитов зажглась зеленая надпись «Вторжений нет», и уже поднялась за Смитами последняя стальная плита, и обе половины звездной карты соединились в один матовый прямоугольник, скрыв потайную дверь, когда Дуайт нарушил тягостное молчание:

— Как тебе все это нравится?

— Собачий бред, — зло отрезал Роберт, садясь за свой стол-пульт. — А Солсбери я прикажу сделать начет за часовой прогон Би-канала. Посажу его в психбольницу и арестую счет в банке.

— А если в его высокопарной болтовне о ключах от нового мира действительно есть что-то реальное?

— Он тронулся. С яйцеголовыми это бывает.

— И зачем ему понадобился трал 308-Ф5-АС? Это трал Тэдди Заморыша, а Тэдди знает космос как свои пять пальцев. В этом полете была авария, погиб его напарник. Хотел бы я знать, где они были.

— А самописцы?

— Самописцы чисты, как совесть ребенка. Тэдди — третий парень.

— Так пусть Пит узнает у самого Тэдди.

— Питу Тэдди ничего не скажет или наплетет бог знает что. Мусорщики хранят свои «участки». Это их бизнес.

— Так чего ты хочешь?

— Многого. Например, узнать, что за пилюлю припас нам Солсбери.

— Послушай, Айк, брось ты всю эту галиматью. Пошли кого-нибудь к Солсбери, пусть заставят его расколоться. А нам надо заняться нашими «птенчиками». Пора их высиживать, черт подери, пока Совет еще не сел нам на голову. Давай работать.

— Ну, хорошо. Через полчаса я освобожусь.

Дауйт опустил матовый звуконепроницаемый занавес, и огромный кабинет превратился в две комнаты.

В туманной мгле экранов, словно чертики из коробки, появлялись и исчезали люди. Появляясь, их лица мгновенно приобретали угодливое выражение, исчезая — озабоченное.

Блейк возник не на экране, а в проеме двери — видеофон для такого разговора не годился. Он не снял шляпы и не погасил сигару, хотя знал, что босс не выносит дыма. Он не сел, а остался стоять, прислонясь к стене. Он не проронил ни слова, только слушал, и только к концу пятнадцатиминутного монолога Роберта он открыл рот.

— Идет, босс! Это по мне. «Коршуны Космоса» — настоящая работа. У меня есть парни. Дело будет, о'кей! Только...

— Конечно, Блейк, — ухмыльнулся Роберт, доставая чековую книжку из кармана пиджака, бесформенно обвисшего на спинке кресла.

А Нью-Йорк тем временем смотрел очередную серию супербоевика...

Звездолетчик Одисс Эй, взяв на буксир огромный астероид из чистого золота, уже повернул к Земле, и, когда гравитационная буря сорвала его корабль с курса и занесла в чужую галактику, где живые, кровожадные и фантастически безобразные звезды пожирали целые планеты вместе с утонченными цивилизациями, Одисс Эй убил звезду, напавшую на голубую планету, которой правила прекрасная Ама Зонка. И уже была душная ночь в фиолетовых джунглях, под мистическим светом четырех лун, и восемь теней танцевало вокруг двух тел, и близко-близко — во весь четырехметровый объем гелестены — подрагивали инфракрасные губы красавицы Ама Зонки...

В это время Дуайт Смит, совладелец фирмы «Смит и Смит», дочитывал последние страницы личного дела Эдварда Стоуна, бывшего командора класса «А», бывшего первого пилота легендарного «Икара», бывшего...

Бывшего... Дуайт вытащил из футляра фотографию: обезумевшая, ревушая толпа у Белого дома, алая дорожка ковра, ведущая к входу, а на пороге, у белоснежного мрамора колонн, внушительная, по-спортивному подобранная фигура президента, пожимающего руку невысокому растерянному человеку в парадной куртке звездолетчика.

А вот недавняя фотография — усталое помертвевшее лицо, короткие, ежиком, пепельно-серые волосы, под глазами тяжелые фиолетовые мешки. И как-то странно видеть над золотом орденских нашивок черные ромбы класса «Д».

Вот он каков, Тэдди Заморыш!..

Дуайт вызвал секретаршу:

— Эйлин, как там Солсбери?

— Видеофон Солсбери по-прежнему не отвечает.

— Что говорит Рэчел?

— Рэчел просит забрать его из лаборатории, босс. Доктор Солсбери обо всем догадался и при всех называет его шпиком.

— Я не о том. Что он говорит о Солсбери?

— Солсбери никто не видел уже целый месяц. Он не выходит из зоны «Т», разговаривает только по видеофону, но без изображения.

— Почему Рэчел не доложил?

— Но ведь Солсбери часто так делает. Когда доктор работал над препаратом Б-5, он не выходил три месяца, босс. Болван ваш Рэчел. Тогда мы знали, в чем дело.

— Но, босс...

— Все, Эйлин.

Телебашни извергали на Нью-Йорк новую киносерию... Элегантный Одисс Эй уже парил в состоянии неведомости в объятиях прекрасной инопланетянки Циклопы, а вокруг стояла душная ночь Большого Космоса, и мистический свет четырех солнц и четырех лун со всех сторон

заливал два тела в скафандрах, и ультрафиолетовые губы одноглазой красавицы Циклопы прожигали насквозь защитное стекло гермошлема... Миллионы телестен в каменном муравейнике города, казалось, плавилась от накала страстей, когда Дуайт Смит поднял занавес:

- Вызывай реалет, Робби. Мы летим к Солсбери.
- Ты что-нибудь узнал?
- Нет. Но очень хочу узнать.

3. УДАР С ПРАВОЙ

Над Нью-Йорком давно уже не было неба. Его заменяла гигантская полусфера, надежно укрывшая пятьдесят миллионов жителей. В городе не было ни дня, ни ночи, ни зимы, ни лета — только ровное бледно-голубое свечение флюоресцирующего пластика над головой и едва уловимое движение озонированного воздуха, гонимого компрессорами. Семидесятиэтажные сталактиты небоскребов прочно срослись вершинами, и не стало уже подземных, наземных и воздушных магистралей. Не стало домов и улиц, исчезли ненужные окна в стенах, да и сами стены превратились в перекрытия и опоры — все слилось в один удивительный организм, в один гигантский дом.

Этот железобетонный Эверест в пластиковом футляре, каменная губка, в бесчисленные поры и ячейки которой пряталась робкая человеческая жизнь, этот новый город возник так же, как возникают горы и губки: бездумно, вопреки бессильным протестам архитекторов, вопреки здравому смыслу.

Он рос без всякого плана, как живое существо, лишенное разума и подчиненное только слепому инстинкту роста. Еще в позапрошлом веке он уже не мог больше распознаться вширь, и каменные шупальца полезли в небо: 20, 40, 70 этажей. Узкие прорезы улиц не могли пропустить нарастающий транспортный поток — появилась подземка, — все ниже и ниже — первый горизонт, пятый, десятый; а поток нарастал, и оплетала небоскребы паутина «собвея» — все выше и выше первый горизонт, пятый, десятый. И наступил момент, когда попасть из одного не-

боскреба в другой стало труднее, чем попасть из одного конца города в другой, и тогда от каменных стволов стали ответвляться ветки высотных переходов все гуще и гуще, пока, минуя землю, не соединились кварталы, целые улицы, целые районы, и то, что было когда-то авеню и стрит, оказалось тоннелями, лишенными воздуха и солнца.

Город стал задыхаться, отравленный своим собственным дыханием, и рядом с автоматами кока-колы появились автоматы, продающие кислород газопроводам, и газовые счетчики в квартирах исправно отщелкивали плату за чистый воздух.

Городу угрожала смерть от удушья, и тогда появился пластиковый купол, отороченный кольцом кислородных станций, и это было воистину спасением, потому что одновременно решались само собой десятки больших и малых проблем, начиная от отопления и кончая сезонными модами.

Тогда это казалось спасением...

Реалет медленно покачивался в потоках восходящего воздуха. Вокруг стоял монотонный ровный гул, словно огромный пчелиный рой кружился у летка. Остроносые реалеты всех цветов и размеров, блестящие, похожие на капли ртути, пузатые гравилеты, древние вертолеты с радужными нимбами винтов, модные двухместные скиперы, неуклюжие грузовые дайджеры, вертлявые прогулочные авиетки — все это вращалось, гремело, трещало, падало вниз, взлетало вверх, шарахалось из стороны в сторону.

Реалет пробирался сквозь этот содом медленно, метр за метром выигрывая свободное пространство у зазевавшихся соседей.

— В чем дело? — Роберт нетерпеливо тронул пилота за плечо. — Отчего сегодня такая пробка?

— Полиция проверяет пропуска, — бросил пилот, не оборачиваясь. — Бастуют рабочие первого кислородного кольца. Боятся, что они сбегут из города...

У самого клапана реалет резким броском срезал кривую, нарушив правила. Сверху ястребом упал полицей-

ский вертолет, но, рассмотрев номер и буквы «СС» на борту, смущенно вильнул в сторону.

Теперь мертвенно-холодная поверхность искусственного «неба» была совсем рядом. Вот оранжевая клетка подъемного клапана опустилась вниз, вспыхнули три зеленых огня, реалет втиснулся между двумя дайджерами, загорелся красный сигнал — клетка заполнена! — и...

— Черт!

Роберт закрыл глаза ладонью. В иллюминаторы било солнце, настоящее солнце — лохматый, ослепительно золотой диск в зыбком аквамарине настоящего неба. И совсем уж необычно белели курчавинки редких облаков над горизонтом.

Они плыли своим неторопким путем, опровергая графики метеорологов, и Роберт почувствовал глухое раздражение против этой вопиющей бесконтрольности, против всего этого своевольного мира, который никак не хочет быть покорным и в котором даже он, Роберт Смит, чувствует себя ничтожной пылинкой, несомой ветром...

Реалет набирал высоту, стараясь держаться подальше от странных туманных спиралей, уходящих к земле. Острия спиралей упирались в раскрытые черные рты кислородных станций. Могучие легкие Нью-Йорка работали непрерывно, и непрерывно трепетал, вибрировал, дрожал этот лес ураганных смерчей. Конечно, современной машине они не очень опасны — аварийная система сработала бы мгновенно, а незадачливые авиаторы отделались бы парой тычков да испугом, но все-таки в этом ревущем кольце было как-то неуютно.

— Долго мы будем висеть на одном месте?

— Но, сэр, мы еще над городом, и правила безопасности...

— Плевал я на ваши правила. Мы спешим, у нас нет времени на цацканье со всяким сбродом...

— Слушаю, сэр.

Вспыхнули предупредительные огни на корпусе, взвыли сирены.

Соседние машины рассыпались, сломав строй, как рассыпается от выстрела птичья стая, а за реалетом Смитов выросли четыре ярких хвоста испепеляющей плазмы, и с мгновенностью прямого удара молнии реалет ушел в небо.

— А ты, оказывается, шалун, Робби, — усмехнулся Дуайт, с интересом посматривая на экран перископа. — Великолепный фейерверк, который изрядно переполошил наших попутчиков... И кажется... Да, совершенно верно. Если не ошибаюсь, эти вот два дайджера слегка подпалили крылышки в нашей струе...

Два телохранителя, дремавшие сзади, заметно оживились и, заглядывая на экран через спины хозяев, сдержанно похохатывали.

— Нет, сэр, я видел — они столкнулись и загорелись...

— А вот слева, сэр, посмотрите, сэр, целый клубок...

— Как мухи...

Пилот покосился на перископ и пробурчал сквозь зубы:

— Не завидую я тем, кто внизу...

— Правильно делаешь, парень. Завидовать им нечего. Но такова жизнь: пока не разбросаешь тех, кто внизу, не пробьешься наверх. Верно я говорю?

— Да, сэр.

Роберт повеселел. Маленькое приключение развлекло его и вернуло бодрость духа.

Здесь, на высоте, небо уже не полыхало оттенками аквамарины, оно было темно-серым, почти черным, и какая-то звезда — или орбитальная станция? — не мигая, светила вверх.

Пространство внизу выгнулось большим майоликовым блюдом с неестественно высокими краями: слева светлосиней стеной стоял океан, справа желтыми и коричневыми пятнами, неправдоподобно заваливаясь к горизонту, тянулись хребты Аппалачей, за ними, плавно выгибаясь к океану, зеленела Приатлантическая низменность, поделенная на ровные ломти фиолетовыми реками. Вся эта причудливая майолика проступала нерезко, размыто,

словно через тонкий слой разбавленной простокваши, налитой в блюдо. И там, впереди, скоро должен был показаться пирог полуострова на синем подносе...

Ощущение высоты пьянило. Земля-блюдо Роберту нравилась. Она выглядела съедобно. С ней можно было делать что угодно. Допустим, разрезать, как торт. Вот так и так. На четыре части. Но почему на четыре? Лучше одним взмахом — на две.

А звезда... звезда сойдет за ночник.

Звезда послушно зазеленела, а небо превратилось в черную крышку Коллектора Покоя, и неслышные волны мягко туманили мозг, и блаженная лень разливалась по всему телу, но что-то треснуло, и звезда замигала красным...

Роберт открыл глаза. На пульте пилота темным рубином горел предупредительный знак. Реалет шел на посадку.

Иллюминаторы затянула плотная серая мгла, в неразличимой глубине которой угадывалось непонятное и грозное движение. Короткие сиреневые вспышки возникали справа и слева, и в мгновенном их свете по-звериному чутко замирали сплетенные тела невероятных чудовищ, клубки гигантских щупалец, опутавших корабль, замирали, чтобы в следующий миг темноты продолжить свое бесшумное и невидимое движение.

Проходили секунды, минуты, реалет вздрагивал, казалось, навсегда застряв на месте, в центре этой шевелящейся массы, и только бирюзовый столбик альтиметра непрерывно падал вдоль шеренги светящихся цифр, уверяя, что снижение продолжается.

Дауит сидел рядом, прямой и неподвижный, как выключенный автомат, и у Роберта шевельнулось нечто похожее на зависть: эту сухую жердь ничем не проймешь...

А Дауит действительно не думал о грозе, потому что просто не замечал ее. Его мозг с методичностью счетной машины складывал, умножал, вычитал, делил, возводил в степень и извлекал корни, дифференцировал и интегрировал все те секундные и неопределенные данные, с которыми летели они на таинственный вызов Солсбери.

★ Реалет вырвался из туч в какой-нибудь полсотне метров над куполом главного здания Биоцентра, прямо над посадочным кольцом, вслед полыхнула молния такой причудливой формы и яркости, что даже через несколько минут в ангаре, спускаясь по причальному трапу, Роберт обеими руками держался за поручень, потому что в глазах плясали черные и багровые полосы, плыли изумрудные пятна.

Рэчел ждал их в ангаре, но разговаривать там было невозможно из-за непрерывных раскатов грома. Они спустились на лифте пятью этажами ниже, в огромный холл, поделенный полупрозрачными светящимися драпировками на уютные закоулки.

Они сели за столик, и Рэчел, несмело улыбаясь, терпеливо повернул к себе наборный диск меню.

— Виски, коньяк?

— Коньяк.

Охранники, застывшие по углам, как по команде, отвернулись от подноса, с легким звонком возникшего на столе.

— Хороший коньяк.

— Да, мистер Дуайт. Армянский. Нас вызвал Солсбери.

— Я знаю, мистер Дуайт.

— Хорошо, что хоть это вы знаете. Ну и?..

— Я... я не замечал ничего подозрительного пока.

— А ты замечал деньги, которые мы тебе платим, а?

— Да, мистер Роберт, но поверьте мне, я делаю все, что могу... Здесь невыносимо, невыносимо работать, здесь все какие-то сумасшедшие, одержимые, ни одного порядочного человека.

— И давно это, Рэчел, вы стали порядочным?

Рэчел вспотел, глаза его бегали по рюмкам и фужерам, и цветное стекло равнодушно дарило ему его собственное отражение — маленький перепуганный человечек, то сплюснутый, то вытянутый в нить, то раздробленный на сотни дрожащих кусков.

— Ладно. Об этом мы еще успеем поговорить. А сейчас докладывайте обо всем подробно и с самого начала.

— С какого начала?

— Это я вас должен спросить. Но вы... Вы просто... Короче, что здесь происходило, ну, скажем, месяца три назад?

— Месяца три? Три месяца назад... начались вот эти грозы...

— Что-что?

— Да, мистер Дуайт. Эти жуткие грозы бушуют над Эверглейдсом уже три месяца подряд.

— Собачий бред!

— Да, мистер Роберт, это действительно бред, но такого здесь никогда не было. Грозы, конечно, здесь, в тропиках, не редкость, но чтобы такие и так долго... словно конец света наступает...

— Хватит о грозах, Рэчел. Было что-нибудь подозрительное в лабораториях?

— Н-нет, сэр, я ничего...

— Получали вы что-нибудь из «мусорных тралов»?

— Да, сэр. Мы почти каждый день получаем всякую всячину из космоса. Этим занимается восемнадцатая лаборатория. Они делают биоанализ.

— Вы слышали что-нибудь о трале 308-ФР-АС?

— Нет, сэр. Номера тралов сообщают только Солсбери.

— Вот как...

Дуайт задумчиво потер лоб и полез в карман за сигаретами. Роберту уже начал надоедать этот, судя по всему, бессмысленный допрос, он жаждал действия. Они уже в Биоцентре, в двух шагах от разгадки. Зачем переливать из пустого в порожнее?

— Слушай, Айк, кончай эту говорильню. Надо идти к Солсбери и брать его за воротник.

— Подожди, Робби, не спеши. Если я не ошибаюсь, Рэчел, зона «Т» предназначена для опытов над человеком?

— Да, мистер Дуайт, это зона особой защиты, входить в нее или впустить туда кого-нибудь может только Солсбери. У него шифр.

— Давно он там?

— Тридцать четыре дня...

— А что случилось тридцать четыре дня тому назад?

Рэчел вскинул глаза только на миг, но в его глазах стоял такой ужас, что у Роберта мурашки поползли по спине.

Дуайт отставил рюмку и медленно наклонился к Рэчелу. Голос его стал бархатным:

— Так что случилось тридцать четыре дня тому назад, Рэчел?

Рэчел побелел и вдруг пополз с кресла, хватая воздухом, как задыхающаяся рыба.

Телохранители недвумысленно пододвинулись поближе к столику, встав с двух сторон кресла.

А Рэчел вдруг пополз к Дуайту на коленях, завизжал, заголосил:

— Не могу, не могу больше! Хоть на Луну, хоть в титановые шахты... Смилуйтесь! Отпустите! Я сойду с ума! Я боюсь!

Дуайт сделал знак, и один из телохранителей поднял Рэчела за шиворот левой рукой, а правой отвесил ему две ленивые пощечины.

— Солсбери... Солсбери исчез после пожара.

— Какого пожара?

— В пятой лаборатории... была пи-установка... Солсбери много работал на ней в последнее время.

— Что это за установка?

— Для съемки внутренних биопроцессов живого организма... Там очень мощный силовой генератор. Видимо, от перегрузки. Или неисправность какая-то...

— Если мне не изменяет память, вы главный электро-механик здесь, Рэчел?

— Да, мистер Дуайт. Кроме зоны «Т», там автономное обеспечение...

— Это становится забавным. Дальше!

— Генератор взорвался... Тревога включается автоматически. Но пока взломали дверь...

— Взломали дверь?

— Да. Дверь была закрыта.

— Изнутри?

— Н-нет. Снаружи. Кто-то, наверное, подумал, что там никого нет...

Губы Дуайта сошлись в узкую прямую, и человечки в рюмках стали тоскливо-испуганными.

— Что же вы там нашли?

Рэчел торопливо оглянулся и, наклонившись к Смитам, перешел на шепот:

— В этом-то и вся загвоздка. Там был обгоревший труп, но... — Рэчел побледнел еще больше. — Но... врачи говорят, что это был труп обезьяны.

— Что-что?

— Да, мистер Дуайт. Ни Солсбери, ни мисс Джой там не было.

— Кто такая мисс Джой?

— Ассистентка Солсбери. Они работали вместе.

— Значит, Солсбери и его ассистентка исчезли, а вместо них оказалась обезьяна?

— Да. Но мисс Джой потом появилась.

— Когда?

— Две недели назад. Я чуть с ума не сошел, когда ее увидел...

— Итак, обезьяна. А вы уверены, Рэчел, что вы все-таки в здравом уме?

— Не знаю. Чем больше я думаю, тем больше...

— Где сейчас мисс Джой?

— В зоне «Т». У... у Солсбери. Он ее одну туда пускает. Если... если он там действительно есть.

«Час от часу не легче», — подумал Роберт. Ему уже расхотелось брать за шиворот негодяя Солсбери. История становилась все более запутанной, теряла всякую связь с реальностью.

— Я не могу здесь больше, мистер Дуайт. Заберите меня отсюда. Я схожу с ума. Я прячусь от всех по углам. А тут еще эта непрерывная гроза. Откуда она взялась? В лаборатории нет другого выхода, я не раз проверял. Как Солсбери и Джой попали в зону «Т»? Почему не выходит Солсбери, если он жив? И эта мисс Джой, она как привидение... Я приму цианол, если вы не вытащите меня из

этого ада. Я никогда не был суеверным, но тут творится какая-то чертовщина, поверьте, мистер Дуайт. Я не могу больше, не могу!

— Бросьте ныть, Рэчел! Вам еще придется ответить за вашу самостоятельность. Солсбери слишком дорого для нас стоит, чтобы всякий червяк вроде вас сводил с ним личные счеты. Если его надо убрать, мы найдем средства. А вы...

Рэчел тихо охнул и схватился за ручки кресла. Глаза его округлились.

— Здравствуйте.

Перед Смитами стояла женщина.

Она стояла, и, как два крыла, чернели за ее спиной фигуры двух растерявшихся телохранителей — спокойная, уверенная в себе женщина, и с лица ее не сходила улыбка.

— Здравствуйте, — повторила она, потому что молчание царило в холле. — Мистер Роберт, мистер Дуайт, доктор Солсбери просил передать, что он уже ждет вас в зоне «Т».

Они шли по каким-то тоннелям, то стрельчатым, как в католической церкви, то привычно прямоугольным. Коридоры разветвлялись, сливались, переплетались в сложный лабиринт, обрывались неожиданно причудливыми залами, со стен которых смотрели загадочные идола и химеры. Впереди и позади была крошечная тьма: десятиметровый параллелепипед тревожного, мертвенно-синего света двигался вместе с идущими.

Когда на потолке вспыхивала очередная гирлянда ламп, на стенах загорались блуждающие синие огоньки: в глаза идола и химер были вмонтированы отражатели, и глаза загорались медленно при приближении и также медленно угасали за спиной. Нигде не было ни номеров, ни указателей, ни надписей — только посвященный мог что-нибудь найти в этих мертвых коридорах.

И еще — нигде не было даже намека на двери.

— Слушай, Айк, — негромко сказал Роберт, поглядывая по сторонам. — Мне сейчас кажется, что наш дорогой папаша спятил гораздо раньше, чем попал в психлечебницу. Еще когда он строил всю эту чертову кафельницу...

— Ты все упрощаешь, братец, — так же негромко ответил Дуайт. — Отец был деловым человеком. За этими средневековыми чертами — великолепные лаборатории с новейшей аппаратурой. Там рождались такие малютки, перед которыми сам дьявол снял бы шляпу. Крошечная ампула могла бы в течение часа стерилизовать целый континент. Остались бы города, поля, заводы, шахты, леса, даже животные — все, кроме человека. Ни одного человека на всем континенте, представляешь? А все остальное — целехонькое. Ни огня, ни бомб, ни взрывов — одна крошечная ампула, привязанная к хвосту паршивого щенка, которого «забывает» на берегу рассеянный турист. Вот это — настоящий размах, вот это власть! Власть над миром.

Дуайта словно подменили. Что-то от идолов на стенах появилось в нем: в мертвенном свете еще длиннее стал крючковатый нос, синим стало высохшее лицо.

— Ты скажешь: к чему этот цирк с лабиринтами, с темнотой, со светящимися глазами вот этих симпатичных уродов? Я повторяю — отец был деловым человеком, но он был и романтиком, художником, знатоком человеческой натуры. Он строил не только секретный Биоцентр, где должно было родиться самое действенное в мире оружие. Он строил храм Силы, коварной, невидимой, беспощадной...

— Храм, — хмыкнул Роберт. — Сила... Вся эта сила передохла через час после хорошенькой дозы этой... как ее... ну, после этой русской сыворотки. И папаша остался на мели со всеми своим загробным романтизмом. Только вот эти черти и остались...

— Мистер Роберт, мистер Дуайт, мы пришли.

Этот коридор ничем не отличался от других. Десятиметровый параллелепипед синего света, женщина, стоящая у стены, «полтора Смита» напротив и два черных телохранителя по обеим сторонам.

А на стене — очередная химера. Что-то искаженное до неузнаваемости.

Эти три фигуры, оплетенные змеями...

«Лаокоон»...

★ Древний миф Эллады...

До сих пор в Ватикане стоит он, в свой последний миг превращенный в мрамор родосскими ваятелями, — прорицатель, восставший против воли богов, и бесконечно его предсмертное усилие, которым пытается он сорвать змеиные кольца с безвинно гибнущих сыновей.

Но настенная фреска не повторяла скульптуру. Что-то сместилось в ее композиции. Безвестный художник намеренными, едва заметными отклонениями нарушил гармонию — из подобия выросло отрицание.

Не осталось мощи в порыве Лаокоона: напряжение борьбы превратилось в бессильную судорогу смерти. Не боль и не страдание духа, побежденного, но не покорившегося жило на лице: животный ужас исказил черты. Уже не борец погибал на фреске — в могучих змеиных кольцах корчилась жалкая жертва, недостойная жалости.

А змеи были прекрасны. Изгибы их черных полированных тел, грация всепобеждающей силы, торжество беспощадного рока над жалкой жизнью человеческой — с какой мстительной страстностью, патологической достоверностью было выписано все это.

И последняя мрачная шутка — у победившей змеи было человеческое лицо, и оно было очень схоже с лицом Дуайта.

— Великолепно, — промолвил Роберт, разглядывая фреску. — Впечатляет. Особенно портрет папаши. Очень похож. Правда, Айк?

Дуайт промолчал. Он снова был бесстрастен и сух. Женщина подошла к стене, коснулась каких-то видимых только ей выступов. Глаза человекозмеи засветились.

— Мистер Солсбери, мы пришли.

— Вижу, — гулко прогремел под сводами голос. — Вы свободны, Джой. Мне надо побеседовать с дорогими гостями наедине. Кстати, эта два черных молодых человека свободны тоже...

— Позвольте! — Дуайт протестующе поднял руку.

— Это условие, мистер Дуайт. В зону по вашему же приказу вход посторонним воспрещен.

— Но это же... — начал Роберт.

— Я знаю, мистер Роберт. Это и есть посторонние. К тому же здесь нет никого, кроме меня, и вам, следовательно, ничего не угрожает.

В последних словах сквозила уже открытая насмешка, и Дуайт хмуро кивнул охранникам.

Световой параллелепипед раздвоился — половина осталась на месте, с Робертом и Дуайтом в центре, а вторая бесшумно заскользила в глубь коридора за молчаливыми телохранителями и Джой и погасла за поворотом.

Они остались одни, наедине с мрачной картиной, лицом к лицу с издевательски живым подобием покойного Смита-старшего.

— Прошу в лифт.

Оба невольно вздрогнули, потому что голос прозвучал за спиной.

Вместо замшелой каменной кладки там теперь зиял вход в полуосвященную кабину.

В кабине никого не было.

Створки захлопнулись, и лифт заскользил вниз, через несколько секунд замер, потом пополз куда-то вправо.

— Мне это не нравится, — сообщил Роберт.

— Мне тоже.

Лифт совершил еще несколько странных перемещений в пространстве, прежде чем створки его бесшумно раскрылись.

Это был полукабинет, полулаборатория со сводчатым готическом потолком, с высокими, стилизованными под Средневековые книжными стеллажами, причудливо перемещающимися с лабораторными витринами, стойками с химической посудой, какими-то аппаратами и приборами.

В комнате горели только две неяркие лампы: одна — слева, над дверью с желто-красным кружком «Осторожно, радиация», вторая — в глубине, на громоздком письменном столе.

У стола стоял человек в белом халате, накинутом на плечи. Он стоял, опустив голову, и лицо его скрывала тень от абажура.

— Здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

Здесь не искаженный радиоволнами голос звучал еще более молодо. Роберт сделал шаг вперед, но Дуайт остался у стены.

— Я не буду больше томить вас загадками, господа. Честное слово, меньше всего мне хотелось вас дурачить. Дело в том...

Человек помолчал, левая рука его рассеянно листала бумаги на столе.

— Мистер Роберт, вы помните Чарли Солсбери таким, каким был он пятнадцать лет назад, когда он поступил к вам на работу?

Роберт не ответил, и человек за столом продолжал:

— Ему было сорок пять, но он был еще чертовски крепкий парень, не правда ли? Он здорово сдал за эти годы, но окончательно доконала его бомба — он принял на себя удар, который предназначался вам, мистер Роберт, и предназначался, кажется, вполне заслуженно, не так ли?

— Короче, доктор, — подал голос от стены Дуайт.

— Короче? Ну что ж...

Человек поднял голову, и свет настольной лампы упал ему на лицо.

Дуайт выхватил пистолет раньше, чем Роберт успел перевести дух.

— Не имеет смысла идти дальше, — сказала Джой, приостановившись. — Можно подняться в комнату, где вы можете подождать мистера Роберта и мистера Дуайта. Там вам будет удобно.

Телохранителям было не по себе. Их смущала спокойная властность молодой женщины, явная встревоженность хозяев, необычность этого черного коридора без входа и выхода.

Инстинктивное чувство опасности заставляло их держаться настороже.

— А как боссы найдут нас?

— Через меня, разумеется. Когда все кончится, я вас провожу.

— Где вы будете?

— У меня дела. Но я приду сразу, как все кончится.

Головы телохранителей были отлично натренированы для смертельного удара в живот, но не больше. Сейчас бить было некого, приказов не было, и старший махнул рукой:

— Делайте как знаете, мисс. Мы привыкли выполнять. Думать — не наше дело.

Джой положила ладонь на стену, и большая каменная глыба сдвинулась, открыв кабину лифта.

— Как в цирке, — прищелкнул языком младший.

— Техника, — констатировал старший.

Лифт поднял их в маленькую комнатку, посреди которой стоял стол, такой же как в холле, несколько кресел, мягкая тахта у стены и какие-то шкафы со множеством отделений. Джой откинула полог, за которым оказались полуразобранный пульт и большой, вполстены, экран.

— Здесь была раньше служба подсматривания, — сказала Джой. — Ну а теперь можно включить телепрограмму.

— Не надо, мисс. Но если бы промочить горло — это другое дело...

— О господи, как я сразу не догадалась! Извините. Вам виски?

— Сойдет и виски.

Бутылка выскочила из стола, и охранники сразу повеселели.

— Ну, я вас покидаю. Если не хватит — вот здесь наборная карточка. Я думаю, вы справитесь.

Дверь за Джой захлопнулась с легким металлическим щелчком.

Младший подошел к двери, толкнул.

— Закрыто. Если мы попались, то попались.

— Отсюда и с открытыми дверями не выберешься.

Младший, обходя комнату, обнаружил за пультом еще одну дверь.

— Боб, а тут, оказывается, есть все, что надо.

— Ну и отлично.

— Но вообще-то здесь мрачновато. Как в гробу.

— В гробу не бывает виски. Садись.

Младший захохотал, хлопнул старшего по спине:

— Ты прав, старина. Есть что пить, есть куда лить. Что еще надо простым парням вроде нас? Хватим, Боб!

— Хватим, Сэм.

Телохранители сняли пиджаки, отстегнули лучеметы, кряхтя, стащили плотные негнувшиеся кольчуги с эластичными бронепрокладками и побросали всю свою тяжелую сбрую на тахту.

Виски светилось в бутылке золотистым солнечным светом, и уже после первой рюмки им стало уютно и тепло.

Однако человек за столом никак не реагировал на наведенное дуло пистолета.

— Успокойтесь, мистер Дуайт. У вас просто плохая зрительная память. Посмотрите внимательнее.

Он усилил свет лампы и продолжал глядеть на Смитов грустно и слегка иронически.

На вид ему было лет сорок, и легкая седина на висках, как ни странно, не старила, а, наоборот, молодила его, может быть, потому, что резче порчеркивала матовый, без единой морщины, высокий лоб и живые глаза.

Он улыбнулся, и сверкнули в улыбке крепкие белые зубы.

— Черт подери, Солсбери, что с тобой? Где твои шрамы, очки... и все остальное? Ведь у тебя...

— У меня была сожжена половина лица, выбиты все зубы вместе с изрядным куском нижней челюсти, катаракта от ожога, которую, правда, удачно оперировали, но тем не менее без очков я не видел дальше своего собственного носа, не так ли?

— Клянусь дьяволом, совершенно верно!

Дуайт убрал пистолет и подошел поближе.

— Простите, мистер Солсбери, понимаете... все это несколько необычно. Извините за эту игрушку, но...

— Я понимаю, мистер Дуайт. На вашем месте я поступил бы так же.

Дуайт от волнения снял свои темные очки.

Солсбери уставился на Дуайта во все глаза и оглушительно расхохотался. Действительно, превращение было

разительным. В очках Дуайт был похож на грифа, ждущего добычу, в нем было что-то демоническое, загадочное. А теперь без очков перед Солсбери стоял просто любопытный крючконосый старик с маленькими, близко посаженными глазами.

— Я впервые вижу вас без очков, мистер Дуайт. И вы, оказывается, совсем не похожи на Мефистофеля. Вся ваша сила — в очках, никогда не снимайте их!

— Я снял очки перед Фаустом, мистер Солсбери, ибо вы — настоящий Фауст. Если я не ошибаюсь, вы, кажется, нашли эликсир вечной молодости?

— Не совсем так, но дело это не меняет. К тому же пока я вам продемонстрировал только пролог. У меня еще немало сюрпризов. Мистер Роберт, вы, наверное, знаете, что в университете я немного занимался боксом?

— Слышал. И даже видел, правда гораздо позже. Когда ты отправил Пита в тяжелый нокаут, не помню, правда, за что. Пит с тех пор отзывается о тебе с величайшим уважением, хотя яйцелоговых не переваривает. Он говорит, что у тебя великолепный удар правой...

— Вы ходите сказать — был? Ведь пять лет назад...

— Оставь, Солсбери. Пять лет назад мне тоже досталось.

— Все верно, но половину удара, причитавшегося вам, вы отдали мне, так сказать, взаймы. Но теперь я могу вернуть вам долг, мистер Роберт.

Лицо Солсбери стало жестким. Движением плеч он сбросил халат, и, прежде чем Роберт успел что-либо сообщить, доктор коротко, не размахиваясь, ударил Роберта правой в челюсть.

Роберт грохнулся в угол, разломав в щепки кресло.

— Великолепный удар. — Дуайт с явным удовольствием проследил траекторию полета Роберта. — Просто великолепный. Ну а теперь, будьте добры, покажите мне вашу новую руку.

— Пожалуйста, мистер Дуайт. Только она не новая, а старая. Моя собственная кровная правая рука, которую с помощью фирмы «СС» я потерял пять лет назад.

Он закатал рукава и показал сначала правую, потом левую руку. Обе были одинаковы — с большими крепкими ладонями, жилистые, с перекачивающимися комками мышц.

— Правая кажется светлее. И волосы короче. Черные, а не седые...

— Совершенно верно. Правая моложе. Ровно на пять лет.

В углу завожился, постанывая, Роберт. Солсбери наклонился над ним, брызнул водой в лицо. Роберт открыл глаза, засопел, постепенно приходя в себя. Очнувшись, рванулся, но, увидев обнаженные по локоть руки Солсбери над собой, затих, растерянно моргая:

— Собачий бред! У тебя же нет, нет правой руки. Выше локтя, я помню, черт подери! Или я спятил?

Солсбери помог Роберту подняться, усадил в кресло. Роберт потрогал подбородок, пробормотал:

— Да, Пит, кажется, был прав. Мне думается даже, он несколько преуменьшил твои способности, доктор...

— Извините, мистер Роберт, но мы теперь в расчете...

— Как знать...

— Ну хорошо. — Дуайт поднял руку. — Подведем некоторые итоги вашего очаровательного спектакля, мистер Солсбери. Во-первых, вы помолодели этак лет на пятнадцать-двадцать. Во-вторых, вам удалось каким-то образом восстановить в прежнем виде свое лицо: убрать шрамы, заменить без всяких следов обожженную кожу, даже завести новые зубы. В-третьих, у вас появилась вновь рука...

— В-четвертых, я могу вам продемонстрировать светограммы своих легких и ребер, пять из которых были в свое время заменены пластмассовыми. Легкие чисты, и искусственных ребер нет! Восстановлена естественная кость...

— Короче говоря, тебе удалось каким-то образом выкрасть у своей смерти добрый десяток лет. Я слышал, что такие трюки со временем выделывают космонавты в космосе, но вот чтобы у них отрастали оторванные руки... — Роберт снова потрогал свой подбородок под насмешли-

вым взглядом Дуайта. — Вот о такой чертовщине я не слышал.

— Нет, со временем здесь все в порядке.

Солсбери сел напротив Дуайта и Роберта, и Роберт, еще раз недоверчиво взглядевшись в его лицо, проворчал:

— Собачий бред...

— Со временем все в порядке. Я не помолодел. Мне шестьдесят лет, и ни года меньше. Это, с точки зрения естественного процесса биологического старения.

— Слушай, док, ты только не вздумай пичкать нас учеными лекциями. Ты говори просто, что и к чему. А всякую ученую начинку оставь для своих друзей-яйцеголовых. Нам нужны факты.

— Подожди, Робби, факты уже есть. Теперь нам не помешает немного теории. Так что же с вами произошло, доктор?

— Регенерация, мистер Дуайт.

— Регенерация? Это когда у ящерицы отрастает хвост?

— Совершенно верно, мистер Роберт. Вы делаете успехи. Я действительно не буду утруждать вас теорией. Тем более я, откровенно говоря, знаю немногим больше вашего. Разрешите сигарету, мистер Дуайт?

Дуайт положил пачку на стол, поднес зажигалку. Солсбери затанулся глубоко и закашлялся.

— Вот видите, мои обновленные легкие еще не привыкли к токсическому действию никотина. Они реагируют на него так же, как после первой сигареты, выкуренной в колледже.

Он прикрыл глаза рукой, помолчал минуту, провел ладонью по лицу, словно стирая что-то.

— До сих пор не верится... Ну так вот, о регенерации. Регенерация свойственна всем живым существам — от самых примитивных до самых совершенных. Мы поражаемся, когда тело гидры полностью восстанавливается из одной двухсотой части целого организма...

— И эта гидра живая?

— Разумеется, мистер Роберт. Можно даже растолочь гидру в ступке — ей это ничуть не повредит, она снова «воскреснет», жива и невредима...

— Неплохо, очень неплохо.

— Неплохо? Пожалуй, да. Но регенерация — это особое свойство не только простейших, как думал когда-то Вейсман. Больше того, очень много простейших или вообще не способны к регенерации, или регенерируют в очень малой степени. С другой стороны, мы привыкли к тому, что у нас сломанный ноготь заменяется новым, отрастают подстриженные волосы, срастаются кости, заживают раны, на месте погибшей возникает новая кожа.

— Следовательно, мы тоже можем регенерировать?

— Да, мистер Дуайт, человек не составляет исключения. Если бы мы смогли управлять регенерацией клеток, это бы в корне перевернуло всю современную медицину и биологию. Это было бы... Просто мне фантазии не хватает, чтобы представить все последствия такого открытия. Но вся беда в том, что до самого последнего времени механизм регенерации был абсолютной загадкой для ученых. И только генетика наметила какие-то пути, а изучение клетки на атомно-молекулярном уровне обнажило кое-какие обнадеживающие просветы. Практические достижения профессора Полежаева по регенерации свода черепа у человека, профессора Синицына по регенерации сердечной мышцы, наконец, теоретические работы советских ученых из Института биологии развития Академии наук СССР.

— Солсбери, мы отдаем дань вашей эрудиции, но нас интересует нечто иное. В чем суть вашего открытия?

— Собственно... — Солсбери замялся. — Собственно, открытия пока еще нет. То есть нет теоретического обоснования. Потребуется еще годы, тысячи экспериментов, чтобы дать ясную и полную картину регенерации. Причем экспериментов не только на атомном, на уровне элементарных частиц, квантов, а возможно, даже и на уровне кварков...

— Теория нас не интересует. Она понадобится вам для второй Нобелевской премии. Расскажите лучше, как выросла ваша рука.

— Мне чертовски повезло, мистер Дуайт. Я занимался очень давно всем, так или иначе связанным с внутриклеточными процессами, а следовательно, с проблемой восстановления клеток, с регенерацией. Препарат Б-5 был только вехой на пути, а Нобелевская премия... Что ж, получить ее, не скрою, было мне приятно, но гораздо приятнее было то, что препарат мой спас десятки тысяч жизней. Но это к слову. Так вот, я нашел наконец-то, что искал всю жизнь. И нашел совершенно неожиданно.

— В содержимом траля 308-Ф5 АС?

— Да, что-то около трех месяцев назад ребята из восемнадцатой лаборатории в очередной партии обычного межпланетного хлама обнаружили несколько унций совершенно необычного, неизвестного до сих пор вещества. Они сообщили мне, я сделал пробный, очень грубый анализ, и...

— Что это было?

— Господи, что это было?! Вот уже несколько десятков лет мне снились невероятные, сумасбродные формулы веществ — катализаторов регенерации. После ранения они преследовали меня в ночных кошмарах. Но химики твердо отвечали: нет, такого вещества быть не может, только нечистая сила способна соединить в единый молекулярный комплекс такое фантастическое множество взаимоисключающих физических и химических свойств. И вот... Вы знаете, это был самый страшный и самый радостный день в моей жизни. У меня дрожали руки, когда я вынимал ленту из ЭВМ... И весь я дрожал, как собака, почуявшая след... Я боялся, что след ложный...

— И ты ввел это вещество себе?

— Ну нет, мистер Роберт. Я почти сошел тогда с ума, но у меня хватило хладнокровия начать все сначала. Поэтому что именно тогда мне меньше всего хотелось умирать. Я приготовил из СД препарат, и мы с Джой начали опыты на животных. Все шло отлично: мыши, кролики,

собаки с каждым часом все больше и больше убеждали нас, что случайная находка — именно то, что нужно. Но я, пожалуй, еще долго бы не решился поставить опыт на человеке, если бы жизнь не ускорила события.

— Вот как? Что же случилось?

— Месяц назад... Джой сидела за пультом установки, я возился за перегородкой с орангутангом, которому мы только что регенерировали нижние конечности. Перегородка меня и спасла. Когда раздался взрыв, я вскочил, пульт был разворочен и весь пылал, а Джой лежала прямо в пламени...

Роберт быстро взглянул на Дуайта, но тот приложил палец к губам: молчи. Солсбери сидел, обхватив голову руками, и ничего не заметил. Лампа, горящая сзади, окружала его пепельным нимбом.

— Я схватил Джой на руки, бросился к дверям, но те оказались почему-то закрыты. Наверное, испортилась защелка. Сигнализация не работала. Мы оба погибли бы, если бы...

Солсбери поднял голову, грустно улыбнулся:

— Если бы не любовь вашего отца к секретам и тайнам. Когда я принял Биоцентр, я, наверное, с полгода изучал все его ходы и выходы — просто из любопытства. Я просто хотел понять, что направляло и подогревало фантазию вашего отца, основателя фирмы и строителя Биоцентра... Так вот, в пятой лаборатории был секретный лифт, который опускался прямо в зону «Т». Этим лифтом я и воспользовался... А сейчас я хочу показать кинокадры...

Свет в кабинете погас, а на стене вспыхнул белый прямоугольник. Из прямоугольника выглянула огромная серая морда с острыми белыми клыками и красными злыми глазами.

— Это Мэри — она первой приняла СД... Здесь сняты все наши опыты, это для вас не так интересно.

Изображение задержалось, в прямоугольнике стремительно замелькали кошки, собаки, морские свинки, отрезанные лапы, хвосты, вывороченные внутренности, приборы, какие-то провода, установки и снова целый зо-

опарк, но уже с хвостами, лапами, с исчезнувшими бесследно страшными ранами...

— Вот...

Остановившийся кадр заставил вздрогнуть даже Дуайта.

На операционном столе лежало обугленное тело. Нельзя было даже понять, мужчина или женщина, так оно было изуродовано.

Роберт, не выдержав, опустил глаза.

— Она была... жива?

— Да, еще жива. Но жить ей оставалось около минуты. Я решился ввести ей СД. Так что первым человеком, испытывавшим действие нового препарата, была Джой Митчэл. И первым человеком, которого этот препарат спас.

Солсбери выключил проектор. И они остались в темноте.

— Ну вот и все, собственно. Джой вы уже видели, кинокадры дальше показывать бессмысленно. После Джой решился и я.

Вспыхнул свет. Солсбери стоял у стены, прямой, помолодевший, насмешливый.

— Ну а себя я латал уже с помощью ее. Все закончилось несколько дней тому назад, но пока я из зоны «Т» не выходил, чтобы не пугать преждевременно сотрудников. И вот вызвал вас, хотя для этого и потребовалась некоторая доля таинственности, опять же, в стиле Смита-старшего...

Оба Смита молчали, напряженно обдумывая ситуацию.

Наконец Дуайт покачал головой:

— Да, Солсбери, я вас поздравляю. Эта штука почище Б-5. Имея такую штуку в руках, можно перевернуть весь мир и поставить все человечество на колени. Ведь это «живая вода» из древних сказок! Лекарство от всех ран и болезней!

— Кроме наследственных, — уточнил Солсбери.

— Неважно. В ваших руках — оружие невиданной силы.

— Боюсь, что не в ваших, мистер Дуайт. И даже не в моих. Оно пока что в руках одного человека, который даже не подозревает об этом...

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что родник этой самой, как вы выразились, «живой воды» известен пока только одному человеку — пилоту, который привел трал 308-Ф5-АС...

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что мы с Джо имели дело с веществом, ниспосланным нам, так сказать, Господом Богом. А вот как вещество это появилось, я не имею ни малейшего понятия. Я уже говорил вам: современная химия утверждает, что такого вещества в природе быть не может и не должно быть, потому что его существование опровергло бы самые незыблемые химические и физические законы. Никакой речи о производстве препарата здесь, на Земле, сейчас быть не может. Надо узнать, где оно родилось, в каких условиях и для чего... Необходимы годы, а может быть, десятилетия изучения таинственного «родника», прежде чем можно будет попробовать самим сделать что-то подобное. Эта «живая водичка» многим химикам свернет мозги набекрень.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

— Где здесь муждугородный видеофон?

— Вот, пожалуйста.

Сухо протрещал наборный диск, и на засветившемся экране появился человек в форме майора класса «А».

— Джо, где пилот Эвард Стоун?

— Заморыш? В профилактории, здесь, у меня, сэр.

— Вызови его.

— Видите ли, — Джо смущенно поскреб лысину, — вчера вечером он уехал на прогулку и до сих пор не вернулся. Такие прогулки разрешены, и я не стал возражать, когда он попросился.

— Куда он поехал?

— Я н-не знаю. Куда-то во Флориду, кажется...

— Бросьте, Джо. У меня есть дело к Тэдди. Вы сами знаете, я совсем не против, чтобы мальчишки на Земле поразмялись немного. Мне просто срочно его надо найти. Где он?

— Он поехал во Флориду, сэр, к дядюшке Клаусу. Там есть такое местечко: «Кафе погибших». Все звездолетчики туда забегают, ну а Тэдди давно знает Клауса, они друзья, ну и вот...

— Джо, немедленно разыщите его, если он даже в преисподней. Поставьте на ноги всех. Он мне очень нужен. И позвоните прямо по номеру...

Дуайт взгляделся в цифру под экраном и назвал номер.

— Слушаюсь, сэр.

— Ну а теперь, господа, я вам покажу Синий Дым. Конечно, название вещества абсолютно ненаучно, но ведь само его появление и существование тоже противоречит научным догмам. Вот я и позволил себе назвать это очередное чудо природы романтично: СД — Синий Дым...

За тяжелой дверью с надписью «Осторожно, радиация» и предупредительным желто-красным кругом шла витая лесенка между двумя полупрозрачными стеклянными стенами. Слева и справа напряженной и беззвучной жизнью жили шары странного мерцающего пламени, то распадающегося на отдельные полосы и капли и тихо затухающего, то взлетающего взрывом холодного света.

— Это наш космический аквариум. Или виварий, если хотите. Здесь представлены почти все известные формы инопланетной жизни. Большинство видов предпочитает темноту — на свету они превращаются мгновенно в спороидальный мутант. Поэтому-то в свое время так долго не могли открыть жизнь на Луне или, скажем, Венере и Меркурии. А вот этот световой концерт исполняют хрустальные пьавки. У них сейчас брачные игры... Только не смотрите на них долго: их свечение обладает тяжелым гипнотическим действием.

Лестница под ногами мягко качнулась, и немного отставший Роберт прижался к перилам. Во мраке за стеклом что-то тяжко ухнуло, и огромная глыба, шевеля серебристыми щупальцами, похожими на елочный дождь, поплыла к лестнице.

Желтый глаз — или фонарь? — высветил влажную поверхность полуметрового стекла, сфокусировался на Роберте, прикрывшем глаза ладонью.

Солсбери взял Роберта за руку, увлек за собой, а луч следовал за ними все ниже и ниже и погас тогда, когда свод бетонного перекрытия отделил их от вивария.

— Здесь это нестрашно, хотя и действует на нервы. Но у себя дома, на Венере, эта зверюга немало испортила нам крови. В буквальном смысле. Потому что она реагирует на человеческую кровь — вернее, не на кровь, а на железо, которое содержится в крови. Причем кровь она «чувствует» на расстоянии до полутора ста километров.

Солсбери рассеянно потянулся к глазам, словно собираясь поправить очки, и улыбнулся виновато:

— Привычка... Так вот, магнитная черепаха, как не очень точно окрестил ее Фрэнк, — первый человек, оставшийся в живых после встречи с этим чудищем, — великолепный пример нашей человеческой близорукости. Мы прозондировали почву Венеры с помощью автоматических станций так тщательно, что, казалось, никаких органических следов в пылающей атмосфере Венеры не было обнаружено. Да и быть их не могло. Но первый же корабль с людьми на борту пропал без вести. Его останки нашли через десять лет. Он остался таким, каким был при приземлении. С учетом венерианских ураганов, конечно. Только в нем не осталось ни одной молекулы железа — ни в корпусе корабля, ни в высохших мумиях космонавтов. Тогда на это не обратили внимания...

Они шли по ярко освещенному тоннелю, на потолке которого висели тяжелые капли. Время от времени капли срывались на мокрый пол, и тогда в воздухе повисал нежный серебристый звук, словно лопнула гитарная струна. Солсбери говорил негромко, но голос его грохотал по всему тоннелю.

— Мы ничего не могли понять. Одни венерианские станции погибали в первые же часы своего существования, другие не испытывали никаких неудобств и жили преспокойно. Старый Фрэнк нашел разгадку — он заме-

тил магнитную черепаху раньше, чем она на него напала. И употребил единственное свое оружие — магнитоскоп, и черепаха, которая даже лазерный луч принимала как легкую щекотку, сдохла. И Фрэнк стал миллионером, потому что ее восьмидесятитонный панцирь из химически чистого железа, которое, как известно, во много раз дороже золота, стал его трофеем...

— Фрэнк лопнул, — бесстрастно сообщил Дуайт. — Сегодня утром передавали его «гражданскую панихиду».

— И вовремя. — Солсбери стоял перед овальной дверью, которая напоминала люк старого космического корабля. — Вовремя, потому что вот эта черепаха в моем виварии, кажется, последний экземпляр венерианской фауны. Всех их перебили магнитными ружьями системы Фрэнка. Очень плохо, когда космонавт становится бизнесменом.

Дверь отворилась, и они очутились в маленькой квадратной комнатке, все четыре стены которой оказались матовыми экранами телеприемников.

Солсбери натянул на руки черные перчатки манипулятора. Роберт ожидал увидеть что-то вроде полярного сияния.

Еще в детстве с отцом он летал на Северный полюс, и бесшумные волны небесного свечения с тех пор автоматически ассоциировались у него со всем необыкновенным и сказочным. Дуайт мыслил реалистичнее, но и он не удержался от легкого смешка разочарования — на дне во много раз увеличенной пробирки лежали две крохотные крупички света, две маленькие синие призмы.

— Почему же Синий Дым?

— А вот посмотрите...

Солсбери сделал незаметное движение рукой, и стрелка на шкале «Интенсивность облучения» сделала резкий рывок от нуля к ста тысячам рентген.

Острые углы призм затуманились, сделались зыбкими, задрожали и растаяли. Пробирка словно выросла на экране. В ней клубился синий туман, касающийся стеклянных стенок поразительно живыми, осмысленными движениями слепого, ищущего дорогу.

— Облучение возбуждает вещество, делает его активным. Молекулярные цепочки, организованные по белковой схеме, разрываются и... Препарат сейчас готов к действию.

— Солсбери, а это не опасно? — Роберт смотрел на синие клубы с недоверием и затаенной надеждой.

— Что именно?

— Ну, вся эта регенерация... Что ты чувствовал, когда у тебя отрастала рука, например? Это больно?

— Нет, это не больно, но ощущения, прямо скажу, не из приятных. Очень сильное возбуждение, иногда даже галлюцинации. Через неделю все неприятные ощущения проходят, и вы чувствуете себя как новорожденный. Это истинное наслаждение — ощутить свой капитально отремонтированный организм, честное слово!

— В таком случае, Солсбери, я, кажется, поступлю к тебе в ремонт. Быть хромым не очень сладко даже в наш век биоэлектроники. К тому же моя печень...

Солсбери растерялся:

— Видите ли, мистер Роберт, препарата осталось очень мало. Всего одна доза. Я отлично понимаю ваше желание, но... Может быть, лучше подождать, пока у нас будет достаточно СД?

— Чего еще ждать? — Роберт по-бычьему наклонил голову. — Завтра же по маршруту Заморыша уйдут тральщики!

— Но ведь нужно разрешение Международного Совета, а для этого потребуется подробное описание СД, демонстрация его, эксперименты...

— Не будь ребенком, Солсбери. Не для того поймали мы эту жар-птицу, чтобы выпускать ее из рук. Обойдемся и без МСК, будь он неладен. Нашим ребятам не привыкать ходить в рискованные рейсы.

Солсбери рывком выключил экран. На лице его выступили красные пятна.

— Послушайте, господа, я думал... Мне казалось это знамением: именно здесь, в этих катакомбах, созданных для того, чтобы фабриковать смерть, возник удивитель-

ный препарат, способный продлить жизнь людей, избавить их от страданий. Мне казалось это победой изначального Добра. Я мечтал о биологической революции. О новом мире, гуманном и светлом.

— Мистер Солсбери, успокойтесь. — Дуайт примири-тельно положил на плечо доктора сухую руку. — Мы еще подумаем. Но мы вас очень просим, пока никакой самодеятельности. Вы должны молчать. Это в наших общих интересах...

Резкий звонок прервал неприятный разговор.

— Кто-то вызывает по видеофону. Это, видимо, Джо. Я могу перевести разговор сюда.

— Давайте, Солсбери.

На соседнем экране появился лысый майор. Он переводил взгляд то на Солсбери, то на Роберта, то на Дуайта, не решаясь заговорить.

— Ну что там, Джо, говорите скорее!

— Пилот Эдвард Стоун два часа назад погиб в автомобильной катастрофе. В сорока километрах от Филадельфии его машина врезалась в бетонное ограждение авто-страды. На скорости двести миль в час. Машина разбита вдребезги...

— А Тэдди?

— Тэдди... Простите, сэр, но от Тэдди осталось очень мало. Его собирают по кусочкам. Это ужасно, сэр.

4. КРАСНОЕ ПЯТНО

— Остолоп!

Маленький полицейский с розовым ромбом лейтенанта на каске подчеркнуто бережно опустил полог носилок. Второй, пожилой, без ромба, покряхтивая, стал по стойке «смирно».

— Куда ты все это волокешь?

— В машину, сэр.

— Сколько сейчас времени?

— Половина первого. То есть ноль часов тридцать пять минут, сэр.

— Я тебе говорил перед выходом на дежурство, что в ноль-ноль часов вступает в силу новая инструкция?

— Да, сэр.

— Ну и что?

— Простите, сэр. Я не обратил внимания на его форму.

— То-то. Не обратил внимания. Ну а теперь ты куда направился?

— Вызвать патруль МСК...

— Нет, с такими помощниками можно рехнуться. Я это сделал еще четверть часа назад. Иди-ка оформляй протокол и киноматериалы. Где свидетель?

— Этот парень уехал, сэр. Он очень спешит. Но я его снял, а показания записал на магнитофон. Номер машины и фамилия записаны, сэр.

— Ну хоть на это ума хватило. Иди.

Пожилый с тоской посмотрел на черное небо, поежился, зябко запахнул твердый, как из жести, плащ и поплелся к машине.

Моросил противный мелкий дождь. Резкий ветер налегал порывами, и тогда полог носилок оглушительно хлопал.

Было неуютно и холодно. Мощная фара полицейского вертолета выхватывала из шелестящей тьмы мокрый бетонный круг площадки, на которую перетасили с автострады обломки разбитого электромобиля.

Лейтенант пнул ногой грудку металла, искореженную и смятую страшным ударом, покачал головой:

— Хорошая была машина... Зверюга...

Рядом неудержимым потоком искрилась двойная дуга автотрассы. По светящемуся покрытию разноцветными стрелами проносились мощные машины. А в хрупких скорлупках обтекаемых кабин сидели люди — сотни, тысячи неведомо куда спешащих людей. И каждого десятого, как утверждает статистика, на этом адском пути ждал такой вот финал.

Лейтенант подошел к носилкам, но снова приокроить полог не решился.

В небе появилась зеленая звезда, и вскоре послышался гул вертолета. Лейтенант поправил каску, бляху на груди

и постарался придать лицу деловое выражение. Но пухлые губы невольно кривились обиженной гримаской — очень уж холодно, темно и неудобно было вокруг.

Вертолет сел рядом, не гася позиционных огней. Трое в одинаковых серых накидках и с буквами «МСК» на летных шлемах подошли к лейтенанту.

— Патруль МСК. Лейтенант Гордон. — Один из троих протянул удостоверение.

— Дорожная полиция. Лейтенант Хьюз, — молодежато козырнул полицейский и пробежал глазами удостоверение на пластебумаге с текстом на четырех языках.

— Обычная дорожная авария, мистер Гордон. Врезался в ограждение. Форма Службы Коридора. Согласно новой инструкции, расследование всех аварий со звездным персоналом на Земле и в космосе производится только комиссией МСК. Инструкция вступила в действие в ноль-ноль часов, и поэтому я вызвал вас...

— Отлично, лейтенант Хьюз, — едва заметно улыбнулся Гордон. — Если бы все так точно и оперативно выполняли свой долг, было бы гораздо меньше хлопот на старушке планете...

Хьюз по-мальчишески покраснел от удовольствия.

— Вот его машина. А тело на носилках. Вернее, то, что от него осталось.

— «Форд-СС»? — Гордон присвистнул. — Это же машина с автоводителем. И с тройным дублированием надежности. Даже грудной ребенок в такой машине будет в безопасности. Странно...

— Да, мистер Гордон. Мне это тоже показалось странным. Я отметил в протоколе...

Рядом послышался гул еще одного вертолета, идущего на посадку. Все четверо удивленно подняли головы, но позиционных огней не было видно, вертолет сел без света.

Через минуту в луч прожектора вошел человек в серой накидке и в шлеме с буквами «МСК». На секунду он замешкался, словно оценивая ситуацию, потом шагнул к Гордону:

— Патруль МСК. Я не знал, что здесь уже есть наши...

Гордон и Хьюз, переглянувшись, уставились на незнакомца. Из-под низко надвинутого шлема на них глянули бесстрастные серые глаза. На мощной шее кэтчиста пульсировали шальные жилки. Он жевал квачку, и тяжелый подбородок с белым шрамом посередине ходил вправо и влево с ритмичностью раз и навсегда заведенного механизма.

— Вы из какого района?

Незнакомец сунул руку в карман, но Гордон, опередив его, отскочил назад, выхватив пистолет:

— Документы!

Незнакомец перестал жевать и криво улыбнулся. Глаза его были бесстрастны по-прежнему.

— Спокойно... Документы сейчас будут...

Три молнии почти одновременно сверкнули из темноты, со стороны приземлившегося вертолета. Гордон неловко переломился пополам, боком упал на бетон. И, как в замедленной киносъемке, так же медленно опустились рядом с ним тела товарищей.

Лейтенант Хьюз схватился за кобуру, но в руке незнакомца сверкнула четвертая молния, и в оглушительной тишине, сопровождающей всю эту стремительную сцену, Хьюз рухнул, перерезанный пополам лазерным лучом.

Последовал еще один бесшумный выстрел — в прожектор полицейского вертолета, и темнота скрыла все.

И только когда окончательно затих гул взлетевшего с потушенными огнями вертолета, во мраке вспыхнул фонарик.

Он скользнул по лежащим телам, на секунду задерживаясь на каждом, описал круг по площадке. Обломки машины были на месте, но носилки исчезли.

Пожилой полицейский посмотрел в черное небо и крикнул:

— Да... Ну-ну... Совсем ошалел народ. Одного покойника крадут, а четырех оставляют вместо него...

Он снова посветил на площадку, и внимание его привлек маленький белый квадратик, прилипший к мокрому жетону.

Он нагнулся, поднял его. Квадратик оказался плотной картонкой размером с визитную карточку. На нем была изображена тощая черная птица с хищно раскинутыми крыльями и острым загнутым клювом. В лапах птицы красовался человеческий череп, пробитый черной молнией. И внизу — «Коршуны космоса».

— Ишь ты, «Коршуны космоса». Новая, значит, банда...

Он тяжело вздохнул, вытер ладонью мокрое от дождя лицо.

— Одной бандой больше, одной меньше — какая разница? Только бы до пенсии дотянуть... И тогда всех этих коршунов — к чертям собачьим...

Он остановился над Хьюзом.

— Эка, лейтенант, тебя разделали. Такой молоденький.... И поделом — не выслуживайся, не суй носа, куда не надо. Новая инструкция, видишь ли. Да если бы я, к примеру, все эти самые инструкции соблюдал, раньше тебя бы, милый, на том свете был. Народ-то совсем ошалел. И чего это им неймется?

Полицейский сдвинул шлем набок, почесал за ухом.

— Надо уголовную вызвать. Это их дело — когда мертвецов воруют. И убивают заодно полицейских. И всех, кто под руку попадет. Эх, народ!

Полицейский, посвечивая фонариком, пошел к своему вертолету неторопливой походкой человека, знающего, что к чему. Он старательно обходил трупы и большие маслянистые лужи, на поверхности которых вскипали и лопались белые пузырьки.

* * *

Санитар, подкатив носилки к стене, кивнул:

— Сюда, мисс?

— Да, спасибо, вы свободны.

— О'кей.

Белый халат растаял в полумраке коридора. Джой нажала сигнальный выступ на фреске. Человекозмея ожила, и гулкий голос Солсбери сказал:

— Давайте прямо в операционную, Джой.

Лифт заскользил вниз и вправо, чуть вздрагивая при перемене направления. По белой простыне, прикрывающей носилки, расплывалось большое красное пятно.

Солсбери стоял у стерилизатора, по локоть засунув руки в губчатые рукава прибора, и рассеянно смотрел, как за стеклом паутина высоковольтных электрических разрядов обволакивает пальцы.

— Все в порядке, мистер Солсбери.

Солсбери обернулся через плечо на носилки, потом покосился на часы:

— Уже? Завидная оперативность.

Солсбери освободил руки, откинул простыню.

— Господи, какой ужас! Как страшно его покалечило! Буквально ни одного живого места. Вы надеетесь на успех, доктор?

— В том-то и дело, что шансов почти нет. Мы знаем, как действует СД на живое тело, на живой организм. Но как поведет он себя в этом случае, одному богу известно.

— Значит, если неудача...

— То мы останемся и без препарата, и без человека, который один из всех знал место рождения Синего Дыма.

Солсбери привычными движениями ощупал череп убитого.

— Голова, кажется, цела. Да. Джой, задача для начинающих волшебников, прямо скажу, сложная. Готовьте вакуум-камеру, а я освобожу нашего пациента от одежды.

Джой прошла в глубину лаборатории и включила софиты. Посреди зала на небольшом возвышении покоилась светло-желтая прозрачная полусфера в рост человека. От больших и маленьких металлических ящиков, расположенных вокруг, к ней тянулись матовые шланги и пестрые провода. Джой переходила от аппарата к аппарату, и они постепенно оживали с тихим послушным ворчанием, и под ее руками, как синие цветы, загорались сигналы готовности. Солсбери работал сосредоточенно, но когда поднимал голову, поглядывая на стройную белую фигуру ассистентки, в его глазах вспыхивали веселые искры.

— А вы действительно похожи сейчас на волшебницу, Джой. Точнее, на симпатичную добрую фею...

Джой лукаво кивнула:

— Спасибо. Комплимент главного волшебника вдвойне приятен.

Мягкое жужжание стояло в зале. Джой еще раз обошла приборы и, убедившись, что все в порядке, села за стол дистанционного управления. Край прозрачной полусферы поднялся, открыв внутренность камеры.

— Камера готова, мистер Солсбери.

— Неплохо бы вспомнить какое-либо заклинание или молитву на худой конец. Вы знаете что-нибудь подобное, Джой?

— Мама говорила, что, по обычаям племени семинолов, надо дунуть во все четыре стороны, чтобы отогнать злых духов.

— А тем, кто не индеец, это помогает? — спросил Солсбери, осторожно вводя носилки в направляющие желоба камеры.

— Не знаю. Индейцам древнее заклятье тоже не помогло, кстати. Злые духи оказались сильнее.

— Мы еще с ними повоюем, с этими злыми духами... Ну, как говорится, с богом. Начали, Джой...

Прозрачный колпак камеры закрылся, верхний свет погас, а внутри камеры вспыхнули невидимые светильники. Искалеченное человеческое тело казалось сейчас вплавленным в огромную глыбу янтаря.

— Давайте общую антисептику. Какая у вас концентрация стерола?

— Пять-двенадцать.

— Добавьте еще три-четыре единицы. И следите за уровнем «Пэ-аш».

— Есть, пять-шестнадцать. «Пэ-аш» около двух...

— Давайте...

Тысячи сверкающих фонтанчиков забили под янтарным куполом, и через секунду лежащее тело покрылось хлопьями пены. Сначала пена была темно-красной, потом стала светлее, а через несколько минут стала снежно-белой.

— Довольно. Ну а теперь попробуем немного поштопать. Это должно ускорить дело, если оно, конечно, сдвинется с мертвой точки.

Солсбери надел перчатки биоэлектронного манипулятора и слегка пошевелил пальцами. Под куполом выросло и покорно зашевелилось множество гибких серебристых щупалец.

— Дайте рентген. Так... Чуть поярче... Начнем с грудной клетки.

Теперь уже ни Солсбери, ни Джой не смотрели на купол камеры. Серебристые щупальца обвили тело и, чуть подрагивая, погрузились в зияющие раны. Солсбери сидел, напряженный и неподвижный, не отрывая глаз от экрана. Щупальца манипулятора подчинялись не грубым движениям пальцев, а неуловимым изменениям биотоков, мысленным командам хирурга, переданным туда, под купол. Поэтому работа их была быстра и точна. Порой казалось, что в камере живет какое-то таинственное существо, а люди только неподвижно следят за его действиями. Но отрывистые слова, которые бросал Солсбери, и мгновенная реакция Джой говорили о напряжении:

— Крупнее. Еще крупнее... Уберите кровь, ничего не вижу. Левее, к сердцу... Так. Жестче излучение. Слишком жестко, мягче... Так.

Только через час Солсбери откинулся на спинку стула, хрустнул пальцами. На лбу его блестели крупные капли пота.

— Перекур! Вы устали, Джой?

— Не больше, чем вы, шеф. — Джой попробовала улыбнуться бодро, но это ей не очень удалось.

— Значит, вы очень сильный человек, Джой.

— Нет. Просто женщины выносливее мужчин, вы должны это знать как биолог.

— Это просто самообольщение слабого пола. Мужчины честнее. Я, например, дьявольски устал и не отказался бы от чашки крепкого кофе. Как, Джой?

Джой посмотрела на янтарный купол с вплавленным в него человеческим телом.

— Но он... Клетки ведь продолжают умирать. Уже прошло семь часов.

Солсбери задумчиво покусал нижнюю губу.

— Вы, как всегда, правы, Джой. Поэтому вы сейчас приготовите кофе, а с введением СД справлюсь я один.

— Но...

— Никаких «но». Это приказ. Или вы хотите оставить меня без кофе?

— Ну, хорошо, пусть вам будет хуже.

Джой сняла белую шапочку, и волосы черной волной упали ей на плечи. Она закинула их за плечи и встала.

— А вы все-таки очень красивы, Джой. Почему вы не выходите замуж, а?

— Потому что вы, мистер Солсбери, имели неосторожность родиться на тридцать лет раньше меня. Больше вопросов нет?

— Сдаюсь, сдаюсь, Джой, я в полном нокауте. Ответ так же крепок, как и ваш кофе.

— Я постараюсь, чтобы кофе был еще крепче.

— Ну и отлично.

Джой ушла, а Солсбери снова взялся за манипуляторы.

Между вакуум-камерой и столом дистанционного управления, противно скрипя в пазах, встала полуметровой толщины стеклянная стена.

Из глубины лаборатории выполз стальной куб с желтокрасными предупредительными кружками радиоактивности. Лента конвейера подтянула куб вплотную к люку-клапану камеры. Легкий хлопок перепада давления — и куб оказался внутри купола. Щупальца манипулятора начали медленно свинчивать крышку куба. Через минуту крышка поднялась над контейнером. Одна из серебряных змей юркнула внутрь, секунду задержалась там и вынырнула наружу, держа в зажиме крошечную пробирку. Ненужный теперь контейнер с хлопком вылетел наружу, прямо на ленту конвейера, которая немедленно утащила его прочь.

— Мистер Солсбери, кофе готов.

— Одну минуту, Джой.

От ближайшего металлического шкафа отделилась верхняя часть и повисла на длинной штанге над самой камерой. Солсбери вывел верньер с надписью «Облучение» почти до отказа. Между повисшей пластиной и куполом возникло характерное голубоватое сияние ионизированного воздуха.

В пробирке стремительно разгоралась до нестерпимого блеска крошечная звездочка.

Тело под куполом вдруг зашевелилось, резко дернулось, словно человек хотел вскочить.

Джой за спиной доктора слабо вскрикнула, и звон упавшей чашки заставил Солсбери резко обернуться.

— Что с вами, Джой! Вам плохо?

Джой расширенными глазами глядела на купол.

— Он... он шевелится...

— Фу, черт! — Солсбери облегченно вздохнул. — Вы меня напугали, честное слово. Это же электризация. Непроизвольное сокращение мышц под действием электричества. Сильное облучение создало электрический потенциал между телом и носилками. Произошел разряд, и мышцы резко сократились. Неужели вы забыли, как дергается лягушачья нога от прикосновения батарейки. Не ожидал, Джой, не ожидал. Ассистентка Солсбери не помнит школьных азов! Вот это номер.

Густая краска залила лицо женщины, и, чтобы скрыть смущение, она с особым старанием стала собирать осколки чашки.

— Да нет, доктор, я просто подумала... Так неожиданно...

— Чудес ждать пока рано. Надеюсь, кофе еще остался?

— Да, шеф, я сейчас принесу.

Синий мерцающий туман выбирался из пробирки, совсем как всемогущий джин арабских сказок. Может быть, только с той разницей, что этот джин был очень осторожен и выбирался неохотно. Было что-то пугающе живое и осмысленное в клочковатых спиралях, в порывистых скачкообразных движениях, которыми расплзались по пространству светящиеся сгустки. Вот один лохматый

протуберанец дотронулся до мертвенно белого лба пилота, отпрянул, снова дотронулся, торопливыми мелкими судорогами ощупал лицо и вдруг одним рывком окутал все тело.

Джой подкатила к пульту маленький столик, на котором стояли две чашки и печенье в маленькой японской вазе.

— Мне все время не по себе, когда я его вижу. Мне кажется, что он живой...

— Кто — он?

— Синий Дым...

— Ну, это, пожалуй, чисто женская реакция, так сказать, художественные ассоциации. Хотя ведет он себя действительно странно. Точнее, загадочно.

Когда Солсбери допил кофе, туман уже полностью заполнил вею камеру. Он уже не мерцал, а горел ровным сильным огнем.

— Ну, пожалуй, облучения хватит. Синий Дым вошел в активную фазу. Джой, переведите все системы жизнеобеспечения на автоматику. Питательная среда обычная, порядок срабатывания — по интенсивности черных линий спектра. А вот количество кислорода и газовой смеси удвойте, это усилит окислительные процессы. Ну и разумеется, пусть самописцы непрерывно пишут. При первых же намеках на пульс или дыхание — сигнал немедленного вызова. Хотя если это и случится, то, должно быть, не скоро...

Солсбери встал, сладко потянулся и, мельком глянув на часы, удивился:

— Джой, а ведь уже утро! Там, наверху, уже, наверное, совсем светло. Как давно я не видел восхода солнца!

Джой набрала номер метеоавтомата.

— Должна вас огорчить, шеф. Наверху снова гроза. И, судя по всему, весьма эффективная. И ветер — двадцать метров в секунду. Не иначе, боги прогневались на того, кто похитил небесный огонь. Или Синий Дым, как называет его мистер Солсбери. Ибо таких страшных и непрерывных гроз во Флориде еще не было.

— Небесный огонь похитил не я, а вот он, — Солсбери кивнул на камеру. — И если эта злосчастная авария — кара богов, то у них неплохие познания в современной технике. Однако, если прогулка отменяется, надо спать. Спать, спать, спать. Нам еще потребуются свежие силы и ясная голова.

— Спокойной ночи, мистер Солсбери.

— Хороших снов, Джай.

Лаборатория опустела, и тишину нарушало только резкое щелканье срабатывающих автоматов, скрип самописцев и ровное гудение приборов. Матовым светом горел купол вакуум-камеры, и в плотном синем тумане невозможно было различить ничего похожего на очертания человеческого тела, бывшего когда-то пилотом Эдвардом Стоуном.

Косые струи дождя били в стекла так, словно кто-то с улицы поливал окна из мощного брандспойта. Ветер налетал судорожными порывами, и текущие полосы на стекле изгибались, меняли направление, сливались в сплошную гибкую пелену и снова распадались на отдельные полосы. Когда вспыхивала молния, полосы замирали огненными змеями, и несколько секунд после вспышки в глазах стояла причудливая черная сетка, а потом глухо бухал гром, и от тяжелых перекатов грома бокалы на стойке подпрыгивали и жалобно звенели.

В зале рестораника было необычно много народу, почти все столики были заняты, а под потолком плавали синие клубы дыма, с которым едва справлялись работающие на полную мощность кондиционеры. Посетителям было скучно. Яркие вспышки молний выхватывали из серого полумрака зевающие, заспанные лица. Это были водители и пассажиры пестрого стада электромобилей, покорно подставивших дождю мокрые лакированные спины там, на стоянке около отеля. В такую грозу было не то чтобы опасно, а как-то неприятно, и потому большинство предпочитало скуку безвестного кафе сомнительному удовольствию борьбы со стихией.

На телестене крутобедрые и пышногрудые манекенщицы с печальными глазами демонстрировали последнюю моды. Какая-то фирма рекламировала последнюю новинку — вечерний туалет «Неолит-супер». Девицы в звериных шкурах вертелись, выжимая из своих тренированных тел целые каскады соблазнительных поз, электроорган выл, как буйвол во время гона, зрители курили, перебрасываясь равнодушными репликами.

Музыка смолкла, и диктор объявил, что сейчас зрители увидят главный секрет костюма, который «поможет нашим девушкам победить свою природную скромность при выборе партнера неожиданным и элегантным способом».

Девицы выстроились в шеренгу, а на помост вышел молодой человек. Продемонстрировав публике грудь, мышцы живота и бицепсы, супер-Геракл направился к шеренге девиц.

Когда молодой человек приблизился шага на два к манекенщице, шерсть на ее шкурах неожиданно стала дыбом. То же самое повторилось и с остальными; только у одних шерсть едва-едва шевелилась, другие становились похожи на взъерошенного ежа.

Девиц сменил какой-то перепуганный старичок, которого отрекомендовали профессором электронной эстетики. Старичок стал объяснять, что в костюмы «Неолит-супер» вмонтированы приемники биотоков, настроенных по соматическому потенциалу обладательницы (настройка производится фирмой бесплатно при покупке). Шерсть на шкуре электризуется особым микроприбором, причем степень электризации зависит от степени совпадения сексуальных типов. Таким образом, костюм «является точным прибором, с помощью которого вы безошибочно можете найти себе партнера на любом вечере и без всяких недоразумений дадите ему понять, что он вам подходит...».

Публика, которая слегка приободрилась во время демонстрации костюма, приуныла вновь — научные экс-

курсы были ей не по зубам, и поэтому старичка убрали, и начался традиционный утренний стриптиз...

А дождь все лил и лил, и, несмотря на то что молнии сверкали реже, конца грозы не было видно. Посетители пили и пили, потому что делать было нечего, и Клаусу за стойкой стало жарко — пришлось позвать на помощь боя из отеля. Белая куртка боя мелькнула между столиками, а Клаус, смешивая коктейли, зло поглядывал в зал и потихоньку ругался.

В самый разгар стриптиза, когда подвижная маленькая японка освободилась от своего кимоно и готовилась перейти к остаткам туалета, музыка оборвалась, на экране появился полицейский чиновник:

— Передаем срочное сообщение уголовной полиции.

Зал сразу затих, и все головы повернулись к экрану.

— Сегодня около полуночи в автомобильной катастрофе при странных обстоятельствах погиб бывший астролетчик, ныне пилот Службы Коридора Эдвард Стоун, известный старшему поколению наших зрителей под кличкой Тэдди Заморыш...

Клаус окаменел с миксером в руках. Он видел, как шевелились губы чиновника, но слов не слышал: заложило уши.

— Заморыш... Тэдди... — прошептал Клаус побелевшими губами. — Да как же ты... Ведь только что... Тэдди, мальчик...

Звук снова возник, словно поднялась заслонка гермошлема.

— В ноль часов сорок минут экипаж неизвестного вертолета напал на находившийся на месте происшествия наряд дорожной полиции и патруль МСК. В перестрелке убито трое патрульных и один полицейский. Тело Эдварда Стоуна похищено.

На экране замелькали фотографии бетонной площадки, поврежденного полицейского вертолета, трупов, снятых во всех ракурсах.

В зале возбужденно заговорили:

— Какая там перестрелка, только у одного оружие в руке.

— Остальные даже не успели...

— А этого лейтенанта — раз! — и пополам.

— Чистая работа.

— Тише, господа!

Полицейский снова появился — еще более подчеркнуто строгий.

— На месте преступления найдена вот эта визитная карточка.

Во всю телестену распластала крылья черная птица с черепом в когтях.

— «Коршуны космоса»!..

— Коршун хорош...

— Тощий что-то очень.

— Откормится.

— Тише...

— Расследование продолжается. Есть основания полагать, что появилась новая гангстерская организация. Всех лояльных граждан, которые имеют какие-либо сведения о «Коршунах космоса», о похищении трупа Эдварда Стоуна или о чем-либо другом, связанном с этим, уголовная полиция и МСК просят сообщить по адресу...

Зал снова дружно загудел, обсуждая происшествие, хоть как-то развеявшее томительную скуку, и поэтому никто не заметил, когда и как появились четверо новых посетителей, с которых ручьями стекала вода.

Они, не снимая плащей, прошли к стойке, но Клаус не обратил на них внимания даже тогда, когда они оказались под самым его носом.

— Всем по двойному виски.

Клаус скорее автоматически, чем осознанно, плеснул в четыре рюмки золотистую жидкость.

— Я сказал — всем!

Клаус поднял голову и встретился с бесстрастным взглядом холодных серых глаз. Лицо показалось ему знакомым, но он сейчас никак не мог припомнить, где

он видел этого человека. Особенно вот этот белый шрам на подбородке.

— Ты что, дядя Клаус, резал лук или у тебя трахома? Ты стал плохо видеть. Я сказал всем, а ты налил только четыре рюмки. Ведь с тобою нас пятеро.

— Я не пью.

— Даже за упокой души Тэдди Заморыша?

— Кто вы такие? Я где-то видел тебя.

— Это тебе показалось, Герман Клаус. Мы из уголовной полиции.

Человек со шрамом небрежно протянул через стойку удостоверение. Клаус повертел его в руках и вернул.

— Что вам надо?

— Во-первых, поскольку Тэдди уже нет в живых и спасти его невозможно, мы хотим спасти хотя бы его доброе имя. Потолкуем?

— Ну, если так, то потолкуем. Садитесь здесь.

Бармен налил пятую рюмку и придвинул себе. Трое сели на высокие вращающиеся стулья, а четвертый остался стоять, повернувшись лицом к залу.

— Позавчера ночью Тэдди был у тебя. Зачем?

— Он заехал выпить и поговорить. Они всегда со Свэном приезжали ко мне после рейса.

— Он был один?

— Да.

— А у тебя кто-нибудь был?

— Нет. В тот вечер никого.

— О чем вы говорили?

— О чем говорят старые знакомые после долгой разлуки? Вспоминали друзей. Толковали о жизни.

— Он говорил, как погиб Свэн Стэрберг?

— Да. Авария. Неуправляемая ядерная реакция в баках. Свэн взорвался...

— Где?

— Тэдди... Он не говорил.

— Не юли, Клаус. Это очень важно. Для доброго имени Тэдди.

Клаус посмотрел на всех четверых изумленно и недоверчиво:

— Вы что, свихнулись?

— Для дела надо точно знать, где взорвался Свэн. Ты это хочешь скрыть. И это очень подозрительно.

— Но я, ей-богу, не помню. Мы тогда здорово выпили. Я хотел спросить утром, но он уехал, когда я спал. Даже не попрощался.

— Выпей виски — это прочистит память. Постарайся вспомнить все до последней мелочи.

Клаус отхлебнул из рюмки, сжал голову ладонями. Бой подскочил к стойке, удивленно оглядел молчаливую группу, вздохнул, увидев лужу на полу, и тронул за локоть задумавшегося бармена:

— Дядя Клаус, четыре цейлонских грога.

— Налей сам. Грог внизу слева.

Белая куртка боя упорхнула в зал.

— Пятно... Красное пятно...

— Что?

— Он здорово перебрал. Когда он говорил о Свэне, у него начиналась истерика. Он все время говорил про какое-то красное пятно.

— Что за чушь?

— Да. Он сказал именно так: «Свэн взорвался... там... красное пятно»... И ткнул пальцем в карту, но я стоял далеко и не заметил куда. Я не стал его расспрашивать, потому что ему было плохо, я хотел спросить утром. Это все, что я знаю.

Сероглазый потер шрам на подбородке, и Клаусу опять показалось, что он когда-то уже видел этот жест.

— Не густо. Это действительно все?

— Да.

— Смотри, Клаус. Если что — мы тебя под землей сыщем.

Все трое поднялись и направились к выходу, поднимая капюшоны. Сероглазый бросил на стойку пятидолларовую бумажку.

Дождь продолжался, разговоры по поводу происшествия на автотрассе уже иссякли, телестена показывала

какую-то рекламную пьесу, и скука снова сводила скулы, а у этих четверых в плащах был какой-то не совсем обычный вид, и то, что они уходили в такую грозу, было тоже не совсем нормально, поэтому десятки сонных глаз провожали четверку, пока вертящаяся дверь не замерла за последним из них.

Клаус привычно смахнул пятерку со стойки в кассовый ящик, но из-под нее вылетел белый картонный квадратик.

Бармен взял его в руки, повертел в недоумении и вдруг бросился к окну.

Черная длинная, как торпеда, машина бесшумно ринулась в дождь и через мгновение исчезла за густой серой пеленой.

— Это они! Это они убили Тэдди! «Коршуны космоса»! Их надо догнать! Это гангстеры! Вот... вот...

Клаус метался между столиками, тыча посетителям белый квадратик, точь-в-точь такой же, как показывали на экране.

Но посетители отмахивались от него, как от сумасшедшего:

— Нашел дураков...

— А ты видел, как эти парни работают лучеметами?

— С этой братией лучше не связываться. Голова будет целей.

— Пусть полиция гоняется, это ее дело. А нам и здесь хорошо, нас они не трогают.

— Да что вы с ним разговариваете! Он просто пьян, я видел, как он пил за стойкой.

— Сам толковал с ними как миленький, а мы догоняй...

Кто-то хихикнул, и нервные смешки полетели по залу.

Клаус, растерянно оглядываясь и все еще протягивая белый квадратик, стоял под градом насмешек, ругани и острот. И только сидящий рядом парень в синем реглане сказал нетромя:

— Позвоните в полицию, бармен. Если только хватит смелости. Видно, эти молодцы шутить не любят.

Клаус, словно очнувшись, прошел за стойку, набрал номер полиции.

— Герман Клаус... Только что здесь были «коршуны»... Вот, оставили карточку... Что? Нет, жертв нет. Да, помню всех, я говорил с ними... Да, могу опознать... В черном «Форде»... Хорошо...

И пока Клаус говорил с дежурным полицейским, зал быстро пустел. Посетители бросали деньги на столики и торопились к выходу, хотя дождь еще не утих. Когда Клаус отошел от видеофона, в зале остались только бой и парень в синем реглане.

У Солсбери была странная манера читать газеты. Когда пневмопочта выбрасывала на стол очередной выпуск, доктор брал его и, не просматривая, складывал в аккуратную стопку на полку шкафа. Так было каждый день, кроме пятнадцатого числа. Пятнадцатого, ровно в десять утра, Солсбери садился за стол, вынимал заветную стопку и за чашкой кофе подробно изучал все, что случилось вне стен Биоцентра за тридцать прошедших дней. Месячный интервал придавал видимость логики ходу событий и снимал остроту каждодневных сенсаций: мыльные пузыри за это время успевали лопнуть, загадки раскрыться, догадки — подтвердиться, сплетни — заглохнуть.

Это был единственный способ знать все, что происходит, и не сделаться неврастеником. Месячное неведение придавало бедам мирским оттенок художественного вымысла, что позволяло ученому философски относиться ко всем суетным переменам, не касающимся непосредственно его работы.

Короче говоря, такой способ чтения газет уберег от разрушительного скепсиса гуманистические идеалы юности, чем Солсбери был очень доволен.

Сегодняшнее утро начинало четвертый день эксперимента, и сегодня как раз было пятнадцатое.

Солсбери достал термос с кофе, который в течение многих лет заваривала ему Джой, добавил в ароматную жидкость несколько капель гавайского рома, хранящегося специально для такого случая, обрезал сигару и сел за стол.

За шестьдесят с лишним лет жизни мир очень изменился, причем изменился к лучшему. Исчезла наконец

висевшая над планетой опасность термоядерного самосожжения: атомное оружие было запрещено и уничтожены все его запасы. ООН из рекомендательного органа превратилась в реальную силу, регулирующую отношения между государствами. Это позволило провести всеобщее разоружение и практически исключить возможность военных конфликтов. Международные советы, комитеты, комиссии обладали влиянием и законодательной властью не меньшей, чем правительства государств, и многозначное слово «суверенитет» перестало быть спасительной ширмой для честолюбивых маньяков и оголтелой диктатуры.

Словом, медленно, но неуклонно юношеские мечты Солсбери о всеобщем благоразумии как будто сбывались.

И все же в мире, доступном Солсбери по газетам, было много странных, почти неразрешимых парадоксов.

Ну, хотя бы это самое всеобщее благоразумие. Всю жизнь Солсбери верил, что только успехи культуры и науки способны облагородить человечество и привести к гармонии. Он был подчеркнуто далек от политики и не доверял всякого рода социальным преобразованиям, тем более что очень часто они были связаны с насилием, так претящим его душе.

Но те же газетные сообщения доказывали доктору, что его облагороженным современникам все больше и больше хочется стать на четвереньки и залаять.

И еще. Наука дала людям огромную власть над временем и пространством, над живой и неживой природой. Знаменитый «эффект Кларка» фактически уничтожил «предел досягаемости» космических кораблей, и человек получил доступ во многие галактики Вселенной.

Тем не менее мир непрерывно сужался. Газеты охотно повторяли басни о чудовищах Проксима Центавра, но почти ничего не писали о жизни социалистической Африки и Азии, коммунистической России. И если бы не сообщения в научных журналах о выдающихся открытиях и изобретениях, можно было подумать, что четыре пятых Земли каким-то образом превратились в безлюдную пустыню.

Солсбери листал газеты, попивал кофе и благодушно бормотал под нос:

«Скачки на зебрах в Чили... Господи, откуда это зебры в Чили? Ах вот что... Закуплены в Африке специально для скачек... Реклама губной помады для пожилых дам, тонирующее действие на мужчин. Очень интересно... Научное обозрение. Посмотрим... Профессор Мичиганского университета Питер Уолтер утверждает, что запуск очередного советского искусственного солнца над Арктикой может вызвать мировую катастрофу... Ну, это они писали и перед первым запуском... Частная жизнь «Лысого Боба», чемпиона по вольному кэччу... Боб в ванне... Да, типичная гипертрофия плечевых мышц... Забастовка на дне океана. Двадцать четыре часа не работали 13 подводных заводов для производства тяжелой воды... Так, и больше ни слова, что к чему, непонятно... Зато вот — раз, два, три, четыре, пять — пять страниц интервью со «звездой голубого экрана» трехлетней Эни Скотт. Очень мило...

И вдруг глаза Солсбери удивленно округлились: «Похищение трупа... звездолетчик Эдвард Стоун... четверо убитых... «Коршуны космоса»... Какая связь между смертью Тэдди Заморыша, ночным нападением на патруль и новой бандой?..

Действительно, какая связь?

Солсбери отставил кофе, еще раз перечитал заметку, перелистал огромные фотографии.

Черный коршун... Череп в когтях... Бред! Средневековое какое-то. Лейтенант, перерезанный пополам...

Скомканная в бешенстве газета полетела в угол.

— Эйлин, здравствуйте. Кого-нибудь из боссов срочно.

На экране появились темные очки Дуайта:

— А, Солсбери! Ну, как дела? Как наш покойник? Есть что-нибудь новое?

— Есть, мистер Дуайт. Только не для вас, а для меня.

Лицо Солсбери горело. Он поднял скомканную газету, потряс ею перед Дуайтом:

— Что все это значит? Во что вы меня втравили?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду похищение труп!

— Видите ли, вы же сами сказали, что труп Тэдди надо доставить немедленно. А обращение к МСК и связанные с этим волокиты и формальности поставили бы под угрозу все дело. Ваше дело, кстати. И вообще, как бы вы объяснили МСК, зачем вам так срочно понадобилось тело Стоуна? Начались бы заседания, комиссии.

— Я не о том, мистер Дуайт. Ради науки, может быть, и следовало нарушить инструкцию, пойти на незаконное похищение. Но все остальное!.. Неужели для того, чтобы спасти одного человека, надо убить четырех? Ведь это же безумие!

— Самое гуманное, самое обнадеживающее открытие века начинается с преступлений!

Желваки на скулах Дуайта дрогнули, но голос был по-прежнему спокоен.

— Ах вот вы о чем! Вы просто ребенок, Солсбери. Это же обычная газетная «утка». Мы действительно похитили тело Стоуна, но все остальное вымысел.

— А фотографии? Трупы убитых?

— Солсбери, вы неподражаемы. Это же просто совпадение. На автостраде аварии бывают чуть ли не каждые пять минут. Тэдди был похищен без всякого шума. А потом где-то рядом случилась перестрелка — из-за чего, не знаю. Может быть, просто сводили счеты. Ну, а полиция, чтобы оправдать свою оплошность — ведь труп-то исчез! — свалила свою вину на гангстеров. Газеты подхватили, вот и результат. Надеюсь, теперь вы поняли?

Солсбери колебался. Ему очень хотелось, чтобы все было именно так, как сказал Дуайт, но...

— Вы мне не верите? Я прошу прочитать вечерний номер вон из той стопки, которую я вижу на вашем столе.

Солсбери машинально взял газету, и в глаза ему сразу бросились огромные буквы: «Коршуны» нагледят! Четыре часа назад на трассе Луна — Марс совершено нападение на грузовой лайнер фирмы «СС» «Антей». Корабль поврежден, имеются человеческие жертвы...»

Фотографии... Похожий на лезвие ножа космолет, на борту которого красуется знакомая птица с черепом, развороченная рубка управления, окровавленная голова пилота на пульте, пустота ограбленного трюма с рваными полукружьями пробоин, сквозь которые видно звезды...

И снова текст: «Фирма «СС» обратилась в МСК с требованием защитить пассажирские и грузовые трассы от действий космических пиратов... Девять крупнейших концернов страны поддержали справедливое требование фирмы «СС»... Экстренное заседание Международного Совета Космонавтики...»

— Вот видите, дорогой доктор, прежде чем устраивать истерику и обвинять нас чуть ли не в бандитизме, вам просто надо было бы дочитать газеты. Ведь не станете же вы теперь утверждать, что фирма «СС» связана с этими «коршунами»? Ведь вы же умеете мыслить логически, надеюсь.

— Извините... Извините, мистер Дуайт. Я, кажется, действительно погорячился. Но мне, откровенно говоря, не очень нравится таинственность вокруг препарата СД. Ведь это же общечеловеческое достояние.

— Разумеется, мой друг, разумеется. Но сейчас это необходимо, поверьте. Ради пользы дела прежде всего. Придет время, и мы подарим человечеству этот живой огонь, вырванный у космоса... Кстати, вы ничего не знаете о красном пятне?

— О каком красном пятне?

— Ну, красное пятно, которое можно встретить в космосе, или что-нибудь в этом роде.

— Понятия не имею. Ни о чем подобном не слышал.

— Красное пятно, встретив которое корабль взрывается?

Солсбери удивленно уставился на Дуайта:

— Я вас не понимаю, мистер Дуайт.

— Ну, я это к слову. Я думал, может быть, в космической биологии есть какая-нибудь такая штука. Но, видимо, к биологии оно отношения не имеет... Ну а как Тэдди?

— Все по-старому, мистер Дуайт. Датчики регистрируют возрождение клеток, процесс идет бурно, организм восстанавливается, но он по-прежнему мертв.

— Есть какая-нибудь надежда, что он оживет?

— Не знаю. Мы перепробовали все: электростимуляцию, искусственное дыхание, химическую тонизацию, нейрошок — словом, все средства, которые современная медицина использует при выводе из состояния клинической смерти, но пока все тщетно.

— Да, очень и очень жаль. Кстати, я посоветовал бы вам в будущем не тратить времени на газетные сплетни. Они не для вас. Вы созданы для науки. До свиданья.

Солсбери откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.

Откуда появилась подозрительность? Или это старческий психоз? В конце концов, бизнесмены тоже люди. Причем разные люди. Вот Роберт Смит — это да. Недаром его за глаза зовут «Хромой кабан». А Дуайт — человек интеллигентный и мыслящий. Если даже Роберт задумает какую-нибудь пакость, Дуайт сумеет его обуздать. Действительно, его, Солсбери, дело — наука, а остальным пусть занимаются другие.

Солсбери собрал газеты, разбросанные на столе, и сунул пачку в шкаф. Читать ему больше не хотелось. Он устроился в кресле поудобнее и снова прикрыл глаза.

О чем это спрашивал Дуайт? Красное пятно, которое взрывает космолет... Непонятно.

По ассоциации перед глазами проплыли носилки, покрытые белой простыней, а на простыне — расплывающееся красное пятно. Кровь... Впрочем, это была не кровь, а большая красная роза, на шелковистых лепестках которой дрожала роса. И весь куст, усыпанный розами, и весь сад, и желтая лента тропинки, посыпанной песком, — все было пронизано, просвечено, налито густым солнечным соком, и он был молод, и рядом с ним шла высокая смуглая девушка, но она улыбалась не ему, а Гарри Митчэлу, щеголяющему в новой форме пилота ВМС...

Он открыл глаза, но Лили не исчезла: она стояла перед ним такая же, как тридцать пять лет назад, в тот день, когда выходила замуж за Гарри...

— Что с вами, мистер Солсбери?

— Джой? Господи... Я, кажется, немного задремал. Извините.

Солсбери провел ладонью по лицу, собираясь с мыслями.

Джой спрятала руки за спину.

— Ну так что же вы скажете, Джой?

— А что вы хотите?

— Что хочу? Гм... Понятия не имею. У вас такой вид, словно кто-то вам сделал предложение.

— Вы уверены, что это могло бы меня осчастливить?

— Не знаю, но полагаю, что да.

— Вы плохо разбираетесь в людях, мистер Солсбери.

— Вполне возможно. Годы берут свое. Ведь это вполне закономерный биологический процесс.

Джой не выдержала и выхватила из-за спины ленту самописца.

— Пульс!

— Так что же вы тянете, злая вы женщина!

Он схватил ленту обеими руками. Ровная линия, прерывавшаяся едва уловимым зигзагом. И еще одним. И еще. И еще.

— В лабораторию! — прокричал Солсбери, размахивая лентой, как победным флагом.

— Выключайте, Джой, это бессмысленно.

Солсбери устало сел на стул, взял за руку лежащего на койке человека. Рука чуть дрогнула, но подчинилась пальцам доктора. Солсбери согнул покорную руку в локте, отпустил. Рука осталась в том же положении.

— Опустит.

Человек опустил руку. Он спокойно смотрел на Солсбери, и от его спокойствия можно было сойти с ума.

— Встань.

Человек неторопливо поднялся на койке, свесил ноги вниз. Несколько секунд сидел неподвижно, глядя на свои

ноги, потом медленно встал. Руки его оставались в том же положении, в каком он только что сидел, — чуть согнутые в локтях, с пальцами, продолжавшими сжимать несуществующий край койки. Две или три секунды человек рассматривал напряженные руки, потом опустил их, разжал пальцы. Потом медленно поднял голову, посмотрел на Солсбери ясным взглядом, в котором не было ни торжества, ни вопроса, а только пустота, спокойствие пространства, в котором нет ничего.

— Ложись.

Человек в том же ритме повторил все движения и вытянулся на койке, продолжая смотреть на доктора.

— Спи.

Человек закрыл глаза.

— Может быть, попробуем комбинировать стимуляторы?

— Нет, Джой, это бесполезно. Ведь это не болезнь. Не кретинизм и не идиотизм. И не потеря памяти. Все электроэнцефалограммы, все нейротесты говорят о том, что его мозг абсолютно здоров и абсолютно нормален. Я зондировал логометром Берга его память — кривая непрерывна, об амнезии не может быть и речи...

— Но что же все-таки с ним?

— Как вам сказать? Это совершенно особый случай. Он... мертв.

— Не пугайте меня, мистер Солсбери. Работая с вами, я привыкла к самым невероятным вещам, но...

— Ну, я, пожалуй, неправильно выразился. Просто этому состоянию нет еще названия в медицине. Потому что мы с вами, Джой, первые, кому после Иисуса Христа приходится воскрешать из мертвых.

Солсбери встал, закинул руки за голову, прошелся по комнате.

— Понимаете, ведь мы с вами вернули пациента не из клинической, а из самой настоящей, биологической смерти, когда все процессы уже остановились, прекратились. В том числе и процессы, происходящие в клетках мозга. Человек умер в полном смысле этого слова, стал неживой

материей. С помощью СД мы восстановили его клетки, восстановили заново весь организм с точностью, которую даже представить трудно — вплоть до последнего электрона в последнем атоме, из тех несчастных триллионов атомов, которые составляли нечто, бывшее когда-то Эдвардом Стоуном. Но этот восстановленный организм был именно «нечто» — не человеком и не трупом, а только копией человека.

— Но ведь сейчас-то он жив!

— Да, мы сумели «запустить» его сердце и легкие, нервные центры, руководящие всеми сложнейшими процессами организма, потому что мы знали, как это делать. Но его психика по-прежнему мертва, его мозг сейчас — это великолепный и вполне исправный мотор, который надо завести. А как — вот это вопрос.

— Но ведь надо же что-то делать.

— Надо, Джой, надо. Надо столкнуть его мышление с мертвой точки — с той десятой доли секунды, в которой оно было остановлено смертью. Но что пронеслось в его мозгу в эту десятую долю секунды? Какой образ? Слово или воспоминание? Ведь мы уже все перепробовали — и имена знакомых, и те небольшие кусочки его жизни, которые нам известны. Но ведь это — песчинки огромной пустыни, и только одна-единственная из них способна превратить в Эдварда Стоуна его живую копию.

Солсбери снова наклонился над койкой:

— Открой глаза.

Человек открыл глаза. Спокойствие пустоты царило в них.

Шел уже четырнадцатый день эксперимента, и уже семь долгих мучительных дней и ночей на койке этот человек, живой и мертвый одновременно, с безропотностью лунатика выполнявший все, что ему говорили, и не способный ничего сделать сам, потому что мозг его спал, как та сказочная царевна в хрустальном гробу. Каждые четыре часа с методичностью метронома звонили Дуайт или Роберт, и эти звонки еще больше действовали на нервы.

— Нет, Джой, так не пойдет. Мы скоро сами сойдем с ума. Надо отдохнуть. Выключайте аппаратуру.

Джой действительно устала. Перед глазами мелькали черные точки — верный признак нервного переутомления.

Привычно переключая рубильники на ноль, она прикрыла веки и слегка надела на глазное яблоко — иногда это помогало.

— Ой!

Раздался треск предохранителей, и одновременно погас свет. На силовом щите замигала красная лампа аварийного освещения.

— Простите, мистер Солсбери, это я натворила. Одну минуту...

— Стойте!

Солсбери держал за руку человека на койке. Пульс участился. Зрачки расширились и смотрели не на доктора, а на мигающую красную лампу.

— Сядь.

Человек сел на койке, но теперь его движения были суетливее. И он не отрывал глаз от красной лампы.

Джой приоткрыла рот, чтобы что-то спросить, но в тоне доктора было что-то такое, что заставило ее промолчать и подойти ближе.

— Красный свет! — негромко сказал Солсбери, наклонившись к самому уху человека и продолжая держать его за руку.

Рука дрогнула.

— Красный... свет! — повторил Солсбери отдельно. На слове «красный» рука дрогнула чуть сильнее.

— Свет!

Рука оставалась неподвижной.

— Красная лампа.

Снова — неуловимая судорога на слове «красный».

— Красная роза. Красный кирпич. Красная кровь. Красная машина. Красный сигнал...

При словах «красный сигнал» рука задрожала мелкой дрожью. На лбу Солсбери выступил пот. Губы человека тряслись, словно он что-то хотел выговорить — впервые за все эти семь дней. И Солсбери поймал себя на том, что

у него тоже трясутся губы. Джой стояла рядом, до боли сжав пальцы, и, сама не замечая, шепотом повторяла магические заклинания Солсбери.

— Красный огонь. Красный пожар. Красный факел. Господи, Джой, что еще бывает красное?

— Красный... красный бант.

— Красный бант. Красное яблоко. Красный... Тыфу, черт!

— Неужели так придется перебирать все слова? Но что еще... Скорее, господа, что там еще... Красная королева... Скорее...

И вдруг по какой-то лихорадочной, не осмысленной еще ассоциации откуда-то из подсознания, где-то услышанное и непонятное, но интуитивно чем-то связанное с жизнью этого так малознамого человека, во весь голос почти крик:

— Красное пятно!

...Глаза слипались от выпитого виски и многочасовой гонки, фары высветили на шоссе две серебряные дорожки, и машины выскакивали из этих серебряных струй, как перепуганные темные рыбы, и это было смешно, и беспричинно весело было на душе от свистящего за стеклом ветра, и ни о чем не хотелось думать, а только жать до предела на тугую педаль акселератора и плевать на все опасности на свете, потому что...

...когда, пилот,
не повезет
тебе в полете вдруг,
не верь тому,
что бак в дыму
и что последний круг...

...но он, кажется, все-таки задремал, потому что яркий красный сигнал машины, тормозящей впереди, ударил в глаза внезапно, и память отбросило туда, назад, к Свэну, и хотя рука автоматически вывернула руль, бросив послушный «Форд» в сторону, он уже не видел бетонных ребер ограждения, потому что перед глазами клокотало грозное и загадочное Красное Пятно...

5. ПО ТУ СТОРОНУ СВЕТА

Здесь, у восемнадцатого буя, кончалась их зона, но Тэдди не спешил давать сигнал на расхождение, потому что четверка тральщиков следующей зоны поторопилась и немного выдвинулась вперед, готовясь принять эстафету. Кажется, это были те самые суматошные итальянцы — молодые ребята, которые всегда хотели делать как лучше, но всегда попадали впросак. Они налетали едва по одной сотой парсека, и космос их тревожил, как незнакомая девушка.

Было бы неплохо напомнить им вчерашнее пари, но сейчас не время сводить счеты: автоматические локаторы буя засекут «грязный» кусок Коридора, и симпатичным итальянцам придется месяц изнывать на переподготовке. А после у них будут дрожать руки при выполнении маневра.

Уверенность в себе. Это жестокий закон внеземного пространства — быть чуть сильнее самого себя, иначе смерть или вечное прозябание на задворках. Но молодежь слишком волнуется, и это губит ее.

Итальянцев надо выручать. Черти полосатые...

Тэдди, не глядя, включил общий сигнал: «Веду я!» Улыбнулся Свэну:

— Старик, дублируй, если что...

Теперь все четыре тральщика команды жили на кончиках его пальцев. На поворот рулевого рычага Тэдди отзывалась счетверенная сила всех шестнадцати дюз, разбросанных по вершинам тысячекилометрового квадрата.

Тэдди покосился в боковой визир. Серебристая паутина траля приближалась к границе. Все три угла паутины были хорошо видны: вот там, вверху, зелено-желтые огни Свэна, внизу — оранжевое многоточие Челлини и лиловый пунктир Крэга. А четвертый угол — это он, Тэдди, и ему придется сейчас кое-что сотворить.

— Вызываю четверку 19.

— Четверка 19. Командор Чино Джильи.

Ну конечно, это те самые итальянцы.

— Это Тэдди. Вы что, соскучились по штрафному отряду? — Голос Чино прозвучал с явным облегчением.

— Тэдди, я сам не знаю, как...

— Ладно, макаронники. С каждого по бутылке виски. Быстро подними трал на свою двойку.

— Что ты хочешь?

— Помалкивай. Слушай внимательно. Я иду на вас и делаю оверкиль одновременно с аварийным подъемом своего трала. Ты в это время опустишь свой трал. Мусор пересыплется из трала в трал, понял?

— Тэдди, но это же...

— Помалкивай. Это мое дело. Ты только не проворонь момент, когда начну поднимать трал. Это главное. Сможешь?

— Смогу.

Теперь Тэдди не смотрел ни в главный визир, в котором вырастало смертоносное пламя хвостовых дюз корабля Чино, ни в боковые визиры, в которых огни ведомых тральщиков неумолимо сближались с позиционными сигналами итальянцев.

Он взглянул на визиры только раз, чтобы удостовериться, что серебряная сеть итальянского трала превратилась в светящийся жгут между кораблем Джильи и его дублера.

Теперь он смотрел только на темно-зеленый экран радара, на котором сходились восемь горящих точек — четыре на четыре, секунда за секундой.

Суставы пальцев, лежащих на рычаге, побелели. Ребро ладони другой руки лежало на реостате подъема трала.

Взвывала сирена тревоги — автоматы контроля недоуменно мигали красными лампами, не понимая, почему человек идет на столкновение.

Тэдди выключил сирену коленом — руки были заняты.

И в ту сотую долю секунды, когда восемь точек на радаре превратились в четыре, и когда жаркое атомное пламя готовилось лизнуть острые носы отчаянных кораблей, и когда уже казалось, что никакие силы — ни человеческие, ни электронные — не способны предотвратить катастро-

фы, Тэдди рывком откинулся назад, всем телом рванув до отказа рычаг управления и реостат подъема трала.

Тело вжало в сиденье так, что захрустели суставы, и звезды в визирах слились в нити, а потом потемнело в глазах от крови, ударившей в голову.

И все-таки каким-то вторым зрением Тэдди успел увидеть, как одновременно с двух сторон черноту вечной ночи закрыли две дымчатые занавески — это его трал и трал Чино коснулись друг друга и разошлись, оставив стерильно чистое пространство, к которому уже не мог придаться ни один эксперт во Вселенной.

Тэдди положил корабль в дрейф. Тишина царила в отсеке — все было в порядке.

Красный пунктир буюв, прочертивших фарватер, сходился в неизмеримой дали в одну острую, как игла, точку. Сколько раз Тэдди видел ее впереди, на главном визире, в перекрестке пеленгационных линий — зовущую звезду великого пространства, выход из тупика, дверь в неизвестность... А теперь она — сбоку, потому что молодость прошла, и в далеком прошлом — пилотская рубка «Икара», и другим дано пронзать межгалактические пустоты...

Ищи в аду
свою звезду,
еще не поздно, друг...

— Брось дурить, Свэн. У тебя все в порядке?

— Спрашиваешь! За такой спектакль я готов отдать полжизни! Давненько я не видывал такого оверкиля, честное слово. На старости лет ты вполне можешь выступать в цирке, Тэдди. Возьми меня тогда в напарники, а? Я даже буду ходить на голове, если надо.

— Ну, ходить на голове тебе не привыкать!

— Ого! Глянь-ка в визир, Тэдди!

За четырьмя кораблями итальянцев, успевших превратиться уже в маленькие точки, распустились хвосты торжественного салюта. Это было явное нарушение правил — салют в космосе полагался только при встрече кораблей из Глубокого космоса, но звездолетчикам эта

нехитрая иллюминация была дороже всех наград и почестей, ждущих их на Земле...

— Эти итальянцы — отличные парни. Чино вчера четыре раза подряд обставил меня в рулетку. А за эти вот цветочки на небе им здорово влетит.

— Чино — стоящий пилот. Он сейчас сработал как часы. У него верная рука и мгновенная реакция. Он еще будет звездолетчиком, поверь мне, Свэн. Ему только нужен опыт. И спокойствие.

— Которое приходит с годами. А годы отбирают главное — молодость. Вот и попробуй повертись в этом капкане. Со всех сторон — нуль!

Свэн исчез, его сменил Челлини. Он широко улыбался.

— Здорово, Тэдди! У меня душа в пятки ушла. А ты салют видел?

— Видел. Твоим собратьям влетит за него.

— О, итальянцы умеют благодарить, командор! Виски обеспечено!

— Иди на базу.

— Слушаюсь.

Крэг, как всегда, был меланхолически спокоен. Он лениво жевал резинку, словно ничего не случилось.

— Все в порядке?

— О'кей, командор.

— Можно идти домой. Чиллини уже уходит.

— О'кей, командор.

Вот и еще одно дежурство окончено. Без происшествий. Будничное, как сотни других. Утомительное, как все приевшееся, впереди — четверо суток отдыха, сиреневые плафоны Лунной базы, оранжерея и... девицы, которые под мелодию «Ты только мой» выйдут навстречу... Или бар, где можно напиться, сыграть в рулетку и снова напиться. Можно, конечно, смотреть на Землю — лунные таксисты обожают звездную форму и никогда не берут денег посидеть у дядюшки Клауса, посплетничать, вспомнить старые времена. А потом снова дежурство, такое же бесцветное, как сегодня, и снова все сначала. Раз и навсегда установившийся круг, в котором ты автомати-

чески совершаешь виток за витком, как старая цирковая лошадь, и, как у старой цирковой лошади, у тебя единственный способ разорвать этот круг — однажды рухнуть на колени, ткнуться мордой в теплый влажный песок манежа и проводить тускнеющими глазами веселый хоровод огней под куполом, который так же будет сиять и после тебя...

Чино еще можно на что-то надеяться — он молод, и если ему повезет, он выйдет по коридору на свет звезды и ощутит всю великую тоску и великое счастье быть песчинкой в бездонности Глубокого космоса — то ни с чем не сравнимое чувство радости и ужаса, которое испытал он, Тэдди, увидев звезды вблизи. У него будет красивая и страшная жизнь, которая промчится, как одна секунда, и если он останется в живых, то это будет страшнее смерти, потому что его будет ждать все тот же круг...

Тэдди летел медленно, с выключенными двигателями, привычно лавируя на могучих пульсациях гравитационных потоков, и цепкое тяготение планет тянуло корабль. Спешить было некуда, а горючее всегда пригодится — и тральщик Тэдди падал на Солнце, желтой монетой повисшее над головой, потому что здесь не было ни верха, ни низа, а только звезды и вечная ночь.

И наверное, очень тяжело и горько было бы Тэдди наедине с этой равнодушной ночью, наедине с невеселыми мыслями, если бы не маячил в правом визире неизменно, как верный спутник, старенький корабль Свэна — темное тело диковинной тропической рыбы с подслеповатым носовым прожектором, с гирляндами зеленых и желтых поясных огней. Свэн Стэрберг, весельчак и задира, он лет на десять моложе Тэдди, но понимает все с полуслова.

Они отмахали уже добрых три миллиона миль, когда Свэн появился на переговорном экране. Его длинное лицо имело самое что ни на есть заговорщическое выражение.

— Слушай, старик, а что, если нам прогуляться, а?

Откровенно говоря, у Тэдди не было никаких желаний. Ему не хотелось возвращаться на Базу, не хотелось и петлять по темным закоулкам Солнечной системы в по-

стоянном страхе налететь на патруль. Если им повезет, они заарканят где-нибудь урановый астероид, пару тонн платиновой пыли или что-то в этом роде.

Однако Тэдди все-таки спросил:

— А куда?

Свэн подмигнул совсем по-мальчишески:

— К «Папаше», а? Мы его давно не навещали.

И уж меньше всего Тэдди хотелось к «Папаше». Это был не страх, нет, хотя после гибели пяти экспедиций МСК сфера Юпитера вместе с его двенадцатью загадочными спутниками была объявлена запретной зоной: ученые предпочитали изучать странное поведение планеты-гиганта с безопасного расстояния. Тэдди и Свэн не раз уже бывали там и каждый раз возвращались с богатым «уловом», вызывавшим зависть товарищей.

И все-таки именно «Папашу» Тэдди недолюбливал больше всего. Космонавты суеверны гораздо больше, чем кто-либо. Может быть, потому, что им больше других приходится сталкиваться с неизвестным и необъяснимым. Человеческая природа ищет равновесия, и потому самые нелепые поверья и приметы бытуют среди тех, для кого необычность стала нормой.

Тэдди очень смутно представлял все ученые споры, все научные проблемы и загадки, которые продолжала регулярно поставлять самая большая планета Системы человечеству.

Просто его не оставляло смутное и странное чувство в те часы, когда он входил в запретную зону: в переливчатом матовом блеске «Папаши» ему чудилась затаенная жестокость, неведомая опасность.

То ему вдруг начинало казаться, что все, что он видит, это обман, галлюцинация, за которой скрыто что-то безбрежное и угрожающее. То вдруг кто-то невидимый смотрел ему в спину — и такое было чаще всего, — он летел, двигая рули, форсируя двигатели, манипулируя тралом, и чувствовал, как кто-то стоит за спиной и ледяными, мертвыми глазами смотрит на то, что он делает. И запоминает — каждый вдох, каждое движение. Тэдди даже

★ ставил зеркальце, чтобы видеть, что происходит сзади, но ощущение чужого пристального взгляда не исчезало.

Словом, к «Папаше» ему не хотелось, и он неуверенно пробурчал:

— Горючего не хватит... Да и настроение паршивое, Свэн.

— Горючее найдем, у меня тут есть поблизости кое-что. А настроение... Настроение тоже можно поправить. Или ты, может быть, рвешься на Базу, к благам цивилизации?

И Свэн захрипел, очень точно подражая динамике Базы:

Веселый бой,
Идем со мной,
Ты только мой,
Ты только мой...

Тэдди передернуло, но для очистки совести он сделал последнюю попытку охладить пыл Свэна:

— Ты же сам говорил, что у твоей колымаги надо менять систему подачи. Зачем рисковать?

— Милый мой, ты отлично знаешь, что наши колымаги надо менять сверху донизу. Мы уже наполовину ангелы, Тэдди, и это просто чудо, что мы еще не в раю. Потому что ни один уважающий себя самоубийца не сядет в такой гроб, на которых мы таскаем свои тралы. Мы — потенциальные покойники, так неужели нам нельзя перед смертью повеселиться и поводить судьбу за нос?

— Ладно, уговорил. Пошли. Только не забудь про самописцы.

— Господи, он меня еще учит!

Тэдди открыл капот и, кряхтя, полез под пульт. Минут пять он возился там, чертыхаясь, и наконец вылез, перепачканный графитом. Щелкнул тумблером «Готовность катапульты». Лампочка не загорелась. Значит, все в порядке, самописцы стоят, и ни один эксперт не унюхает, что корабль куда-то уходил с маршрута. Правда, за свободу путешествий приходилось платить невозможностью

катапультировать во время аварии. Но что поделаешь — ведь за все приходится чем-то платить...

— Ты готов?

— Готов.

— Иди за мной.

Желто-красный пояс на тральщике Свэна погас, остался только носовой прожектор. Тэдди тоже выключил бортовые сигналы. Патрулей здесь быть не должно, но все-таки.

Через полчаса они повисли у какой-то большой темной глыбы, похожей на допотопный дирижабль.

— Вылезай, Тэдди. Поможешь мне.

— А что это такое?

— Избушка на курьих ножках. Только без Бабы-яги.

Пневмолюк мягко вытолкнул Тэдди в пустоту, и он повис рядом с кораблем, раскинув руки и ноги, как пловец на волне. Корабль Свэна был неподалеку, его силуэт четко вырисовывался на мишуре созвездий. Желтое тусклое Солнце было теперь внизу, но Землю Тэдди рассмотреть не смог, как ни напрягал зрение.

— Ну что ты там застрял? Еще не надоело любоваться звездами?

Голос Свэна прозвучал над ухом, а сам он был уже у черной стены: по обутлившемуся металлу плясал светящийся круг от его головного фонаря. Тэдди поймал цилиндр управления, висевший на запястье, и включил двигатель. За спиной запульсировал ацетиленовый язычок пламени, и Тэдди поплыл к Свэну.

Глыба оказалась старым, изрядно помятым метеоритом-плашкоутом, неведомо какими течениями занесенным сюда, далеко от грузовых и пассажирских трасс.

— Осторожно, Тэдди, здесь немного пылино.

Пыли было действительно более чем достаточно: когда Свэн задел случайно стену локтем, из-под руки метнулся целый фонтан текучего, как вода, серого порошка. Судя по слою пыли, плашкоут бродил в пространстве не один десяток лет, и Тэдди вдруг стало его жаль — вот он бродит бесцельно, переходя с орбиты на орбиту, от планеты к пла-

нете, всеми забытый, никому не нужный старый работяга, и будет бродить до тех пор, пока сам не превратится в пыль.

— Вот я и подумал: что ему болтаться без дела, горемычному, — Свэн словно угадал мысли Тэдди, — ну и решил: пусть еще послужит, устал без дела, наверное.

Фонарики космонавтов нащупали угол, где должна была находиться кабина сопровождающего: стальные фермы переборок со следами съеденного временем покрытия свидетельствовали об этом. Свэн нырнул под откос десятиметровой рей, и оттуда донеслось сдавленное:

— Тащи!

На Тэдди вылетел цилиндр, который на Земле весил бы тонн двадцать, но здесь, в космосе, пилот остановил его легким движением руки.

— Это еще что за фокусы?

— Горючка, — коротко отрезал Свэн, появляясь из-под рей со вторым цилиндром. — Мы здесь с Тэккером устроили маленький банк на предъявителя.

— Где ты откопал этот плашкоут?

— Он сам откопался. Попал в трал Тэккера, и этот чурбан хотел его выбросить. Но я, естественно, воспротивился. Зачем пропадать добру? Тем более что эта развалина — мой ровесник.

Свэн высветил на стене цифры — дату изготовления плашкоута. Цифры едва проступали под слоем пыли, а заводской марки не было видно вовсе, но год действительно совпадал.

— Ты представляешь, Тэдди, как приятно в этой чертовой дыре, между этими миллиарднолетними светильниками встретить своего сверстника, хоть и железного, но такого же нелепого и беспутного, как ты сам? Сказка! И мог ли я...

Страшный громовой удар, автоматически ослабленный внешними звуковыми рецепторами и все-таки на мгновение заложивший уши, потряс пустую сферу, и она еще долго-долго гудела тяжким колокольным звоном. Фонарь Свэна мгновенно погас, и Тэдди только через несколько секунд понял, что виной всему пыль, поднятая ударом.

Его фонарь горел, но свет его не пробивался дальше протянутой руки в этом черном густом тумане.

— Свэн, где ты?

Никакого ответа. В лорингафонах — душераздирающий треск: пыль, видимо, сильно ионизирована и пропускает радиолуч так же плохо, как и свет. Но индикатор в норме, значит, прямой опасности нет. Это уже неплохо.

Говорят, что годы, проведенные в космосе, притупляют чувство постоянной опасности, чувство страха перед роковой случайностью. Как бы не так! Как раз у астронавтов нервы всегда на пределе, у них острее всего инстинктивная боязнь следующего шага, следующей минуты. Именно постоянный страх выручает пилота в трудной ситуации. Он оберегает от преждевременного действия.

Вот и Тэдди висел сейчас в непроницаемом пылевом облаке, потеряв всякую ориентацию — в невесомости даже птицы теряют свои прославленные летные качества, — и изо всех сил старался не изменить каким-либо неосторожным движением положение своего тела в пространстве.

Итак, удар или взрыв. Скорее всего, удар. Причем удар по бронированному панцирю плашкоута, потому что пыль поднялась со стен и одновременно со всех сторон. Очень сильный удар — пылевая стена возникла почти мгновенно. И скорее всего, снаружи — что могло изнутри нанести удар такой силы? Только взрыв, но индикаторы радиации и инфракрасного излучения спокойны, следовательно, внутри взрыва не было.

— Свэн, где ты?

Он повторил призыв, настороженно вслушиваясь в трескотню помех и по-прежнему не двигаясь. Надо было срочно выбираться, но как? В этой пыли локаторы бесполезны, так же как и глаза. Искать выход наугад бессмысленно: радиус сферы — тысячи полторы метров, и она пуста, как выведенное яйцо. Без ориентиров, в невесомом мире, где нет ни верха, ни низа, а следовательно, нет и той неосознанной памяти направления, которую почему-то принято называть «интуитивной», — в этой сфере можно

летать от стенки к стенке бесконечно. Ползти по стенке — то же самое. Один шанс из миллиона.

— Свэн, где ты?

Пыль осядет недели через две минимум. Идиотское положение. Эх, если бы знать все наперед — закрепить бы леером у входа! Проще простого. Даже обидно. По ниточке наружу...

Конечно, можно воспользоваться аннигилятором. Он как раз для таких вот пылевых фокусов. Все это облако можно сжечь за час. Но если Свэн поблизости? На расстоянии трехсот метров под антилучом его скафандр лопнет, как банановая кожура. Ничего не получится с аннигилятором...

Стоп, может быть, просто прорезать стенку? Вряд ли хватит мощности лучемета — стенки здесь, по-видимому, добротные. Вот если бы в упор — тут еще можно попытаться. Но ведь тогда, чего доброго, сам сгоришь от искр...

Под локоть что-то толкнуло мягко, по-телячьи. Индикатор внешней радиации лениво подмигнул и, поколебавшись, снова погас.

Тьфу ты черт! Он совсем забыл про бак с горючим. Надо же — как живой. Стоит рядом, не отходит. И под руку толкает, чтобы о нем не забыли.

Бак... А что, если попробовать? Прикрыться баком, как щитом, и с близкого расстояния — в стенку? Тоже опасно, но если умеючи... Ведь на баке, кроме обычной брони, должно быть реле силовой защиты.

Тэдди ощупал бак. Обычная стандартная форма. А вот и рукоять реле. Отлично.

Вот теперь можно действовать. Быстро и точно.

Тэдди перевел бак вперед. Он принял положение пловца, на секунду включил и выключил двигатель. Толчок бросил его, потом показавшийся бесконечно долгим перелет вне времени и пространства, в крошечном серо-желтом от света фонаря тумане — и снова толчок: бак коснулся стенки.

Теперь надо быть осторожным. Тэдди на всякий случай зацепился леером за какую-то скобу, торчавшую из

стены, потом взялся за рукоятку цилиндра. Конечно, щит — довольно неуклюжий и, если учесть взрывчатую мощь горючего, которое в нем находится, крайне неподходящий для защиты от атомного пламени, но что делать.

Пилот перевел реле влево — с левой стороны бака вспухла зеркальная подушка силовой защиты. Опустив светофильтры гермошлема, он включил аннигилятор. Острый зеленый луч зажег на оплавленном металле лохматую белую звезду. Тэдди повернул луч чуть-чуть под углом, и белые струи брызнули навстречу, но, отраженные силовым щитом бака, снова впились в металл. Это был великолепный фейерверк — целый каскад пламени бушевал вокруг Тэдди, дымными шлейфами затухая во всепоглощающей пыльной черноте, и казалось порой, что пламя вот-вот захлестнет маленькую фигурку в скафандре, но легкое движение руки с аннигилятором уводило в сторону подползающий протуберанец, и новые струи били в дрожащее силовое зеркало цилиндра.

Он работал уже минут пятнадцать без перерыва, и щелчки индикатора внешней радиации уже начинали сливаться в непрерывную дробь, и это было опасно, потому что совместное нарастание радиации и температуры могло вызвать необратимый процесс в баке с горючим, и тогда...

Тогда даже лунные инспектора, не говоря о патрулях, увидят весьма внушительную вспышку, но и для Тэдди, и для Свэна это будет уже абсолютно безразлично.

Но прерываться нельзя: ледяной холод космоса мгновенно уничтожит все сделанное.

А стрелка на аннигиляторе тоже ползет к критической черте: перегрев, за красной чертой — взрыв. Конечно, это не бак с горючим, но может плохо кончиться, если он не успеет отбросить подальше опасную игрушку после автоматического выключения.

Все случилось почти одновременно: медленно выгнулось пузырем белое пятно на стене и лопнуло, став черным кругом с белым обводом, и тотчас же в эту дыру поле-

тел выключившийся аннигилятор, карнавальной шутихой треснувший за бортом плашкоута.

Пот щипал глаза, и очень хотелось вытереть лоб. Багровые края круга быстро тускнели, и в проеме показалась арабская вязь созвездий.

Тэдди вытолкнул сначала цилиндр, потом вылез сам. Перевел дыхание, и мягкие пучки хлореллы коснулись щек.

Призрачный матовый свет заливал поверхность плашкоута, и длинная узкая тень астронавта, нигде не прерываясь, ныряла в черную тьму на противоположном конце. Она, как стрелка компаса, указывала на яркое желтое пятнышко в неизмеримой дали — Солнце. Но здесь Солнце бессильно. Здесь, за границей Пояса Астероидов, правил один монарх — Юпитер, и даже тени принадлежали ему. И неяркими пятнами вокруг его огромного эллипса белели верные вассалы, такие же загадочные гиганты — Сатурн, Уран, Нептун, Плутон и совсем уж отбившийся от Системы путаник Трансплутон. Они светились величественно и торженственно, и эта мертвенная пышность, так отличная от деловой скромности обжитого Нижнего планетного кольца, как-то давила и настораживала.

Что-то потустороннее, обманчивое таилось в этом великолепии. Было светло, но свет возникал и гас без всякой видимой логики. Масса планет была огромна, а плотность вещества — до смешного мала. По вспученным полям сверхтяготений от планеты к планете бродили таинственные тела. Казалось, здесь царят свои особые законы. Да так оно, видимо, и было. Недаром один известный астроном сказал, что каждое открытие в планетарной сфере Юпитера несет с собой десять новых загадок для каждой из наук.

Две почти одновременные вспышки и легкая дрожь металла под ногами прервали размышления Тэдди. Метеориты, вот оно что... Видимо, всю эту катавасию заварил один из них. Разумеется, более внушительных размеров. Надо вытаскивать Свэна. В корабле спокойнее.

Тэдди закрепил бак понадежнее, включил на всякий случай общую силовую защиту. Затем попробовал леер —

трос крепко держался за скобу. Ну, теперь-то пыль не страшна: спасительная веревочка в руках, она выведет из любого пылевого лабиринта.

Уже наполовину погрузившись в проем, Тэдди случайно глянул влево, туда, где только что лежала его тень. Там...

Там, в четырех-пяти шагах от проема, вырезанного в титановой броне с таким трудом и риском, чернели ступеньки трапа. Там был выходной люк!..

Никогда еще пилот не ругался так истово, как в этот раз. А нарутавшись, мысленно плюнул в сторону коварного люка и нырнул в пылевую пучину.

Помочь могла только случайность, и Тэдди, включив на полную мощность по-прежнему беспомощные локаторы, носился от стены к стене с упорством и бессистемностью ослепшей летучей мыши.

Несколько раз ему показалось, что леер заедает или за что-то цепляется. Проверил катушку — все в порядке. Оттолкнулся от стены — в который раз? Сбился со счета! — и снова полетел в пустоту, крича как можно громче:

— Свэн, где ты?

— Да здесь я, черт бы тебя побрал!

И кто-то схватил его за ноги.

Радость встречи чуть омрачил непонятно рассерженный тон Свэна, но нелепое происшествие, несмотря на весьма реальные опасности, можно было считать исчерпанным.

— Держись за меня, у меня леер. Пошли к выходу.

— Ну, это, дорогой мой Эдвард, я знаю уже минут двадцать, — ответил Свэн все тем же непонятным тоном. — Пошли.

Тэдди еще больше удивился и слегка рассердился. То же мне! В конце концов, именно он, Тэдди, нашел выход из положения: продырявил чертов плашкоут, выбрался сам и вытащил Свэна! А этот зубоскал еще дует на что-то. И Тэдди обиженно замолчал.

Но когда он вслед за Свэном вылез в проем, первое, что он увидел, был второй цилиндр — цилиндр Свэна! Рядом с его баком.

Свэн посмотрел на Тэдди, у которого никак не мог закрыться рот, и вдруг захохотал:

— Ой, умора! Ну и отмочили же мы номер, господи... Умереть можно! Ой, не могу...

И только когда чуть-чуть отдышался, смог выговорить:

— Я же на обводном трапе стоял, как метеорит... В двух метрах от тебя. Орал, пока не охрип.

До Тэдди наконец-то дошел смысл случившегося, и он тоже расхохотался:

— Так, значит, мы — нос к носу... Стоило протянуть обоим руки... А мы орали, идиоты...

— Я, понимаешь, когда грохнуло и поднялась пыль, здорово перепугался, ведь ударило сразу, как только я бак тебе бросил. Первое, что пришло в голову, — взрыв. Потом сообразил — ведь меня бы тогда тоже того, в пыльцу! Нет, что-то не так. Стал тебя звать — молчок. Локаторы — молчок. Поставил я тогда свой бачок, зацепился леером за поручень, и ну шастать от стенки к стенке. Мне-то ничего — я по трапу вылезу. А ты где? Ты же висел, значит, у тебя сейчас полная прострация, и самому тебе не выбраться. Умора да и только! Летал по этой душегубке, орал, пока чертики не стали мерещиться...

— Но как ты меня потом нашел?

— Очень просто. Когда у меня голова совсем уже кругом пошла от шараханья, я решил вытащить свой цилиндр. Вылез — и глазам не верю: твой бак. А рядом — норка. Я тебя за леер стал дергать, а ты — ноль внимания. Вот я и полез за тобой по твоему лееру. Злой как черт...

Похохатывая и возбужденно перебивая друг друга, они плыли к кораблям, тускло поблескивающим в неверном свете Юпитера, и веселились с каким-то исступлением, за которым угадывалось пережитое напряжение.

— Умрут ребята, если на Базе рассказать...

— Брось ты. Надо помалкивать. Это же анекдот на всю Систему. Засмеют...

— Засмеют — это точно.

И когда они были у своих кораблей и послушные автоматы готовились принять на борт запасные баки с го-

рючим и их самих, в гермошлеме прозвучал неожиданно серьезный и почему-то грустный голос Свэна:

— Послушай, Тэдди, а сколько длилась вся эта петрушка?

— Что-то около двух часов, Свэн.

* * *

Это был странный мир.

Издалека Юпитер был похож на сплюснутый эллиптический щит — именно щит, а не яйцо, сплюснутое на полюсах. В отличие от всех планет, которые когда-либо видел Тэдди, Юпитер почему-то казался плоским, как солнце на декорациях мюзик-холла.

Ученым проще. Когда их спрашиваешь: «Почему?», они отвечают твердо и кратко: «Это одна из особенностей гигантских планет». И все. Как будто этими словами можно объять всю тоску по привычным, выстрадаанным в течение тысяч лет и закрепленным в генах законами геометрии представлениям, тоску по реальности, представление о которой теряешь, попадая в гравитационное поле «Папаша».

«Папаша»... Вот висит гигантский щит, преграждая дорогу, и на щите этом, как на щите Медузы, начертаны неведомые письмена, видеть которые не дано человеку. Он многоцветен, этот щит, — голубоватый фон планеты перечеркивают резкие, в зазубринах, коричневые полосы, параллельные экватору. Эти голубые и коричневые зоны на эллипсе планеты меняются, но очень медленно — десятки земных лет проходит, прежде чем удастся заметить смещение.

Сейчас Юпитер выглядел, как три года назад, когда они были здесь со Свэнном. Все та же голубая полоса на экваторе, а вокруг нее симметрично расположены две широкие тропические полосы. Дальше — менее яркие полосы и зоны умеренного пояса, а полярные области, однородные и неяркие, уже нависли над кораблями.

Да, нависли, Свэн с его любовью ко всякого рода жаргонным словечкам называет это «заглатыванием».

Дело в том, что на определенном расстоянии щит Юпитера начинает вести себя несколько необычно — его края вытягиваются и начинают постепенно обволакивать корабли. Сначала «Папаша» превращается в полусферу, вогнутой частью обращенную к кораблям. Это, в общем-то, довольно обычно: любая планета на близком расстоянии кажется не шаром, а вогнутой чашей.

Но «Папаша» этим не ограничивается. Края горизонта ползут все выше и выше, и в конце концов вы оказываетесь внутри сферы — Юпитер окружает вас со всех сторон своей поверхностью, и лишь маленькое черное пятно сверху остается от того необъятного, что называется Космос.

Юпитер заглатывает корабль, как росянка — мошку, и странный глобус, вывернутый наизнанку, начинает оживать.

Первыми оживают округлые светлые облака: их движение уже доступно взгляду, как перемещение минутной стрелки. Потом начинают двигаться резко ограниченные, удлинённые коричневые пятна. Их движение напоминает скачки дафний под микроскопом — минута покоя, неуловимый рывок, и снова покой, и только края коричневой массы чуть дрожат. Светлые зоны резкими прямыми штрихами пересекают вдруг непонятные перемычки, идущие от расположенных на разных широтах темных полос.

И вся эта бесшумная свистопляска торжествуетверху, внизу, с обоих боков, и потому звездолетчиков никак не может оставить противное ощущение, словно ты — муха, попавшая в бутылку или, точнее, в какой-то светящийся пузырь, из которого никак не найти выхода.

Говорят, здесь повинно мощное поле тяготения Юпитера — оно искажает путь световых лучей, и человек, попавший в это поле, видит не то, что на самом деле. Очень может быть. Только от этого не легче.

— Туда?

— Ну конечно, Тэдди. Метеорологи обещали хороший метеоритный дождь. А все это идет туда, как в трубу.

Свэн помолчал, а потом проговорил раздумчиво:

— Черт подери, хотел бы я знать, что там есть на самом деле. Почему туда прут метеориты, причем почти всегда радиоактивные. Какой дьявол их туда тащит?

Он снова помолчал. Потом улыбнулся невесело:

— Ты знаешь, Тэдди, я, наверное, плохой астронавт. Я не люблю всей этой звездной гонки. Не потому, что там, в звездах, страшно. Нет. Просто мне кажется, что мы обгоняем самих себя. Мы еще не до конца разобрались на Земле, а нас потянуло в космос. Мы еще не разобрались в своей родной Солнечной системе, а нас уже бросило к другим галактикам. Немудрено, что мы там ничего не находим — мы просто еще не знаем, что искать...

И вдруг без всякой связи:

— Ты не сердишься, что я опять потащил тебя к Красному Пятну?

— Нет, Свэн. Хотя, откровенно говоря, я не люблю того, что не входит в мой мозг. А пятно не входит — убей меня. Как и весь этот Юпитер...

Оно висело сейчас как раз над ними — кроваво-красная, почти овальная клякса на голубоватой сфере, где-то на широте двадцати градусов, таинственное атмосферное возмущение, периодически засасывающее все радиоактивное. Пятно багровело над головой, но чтобы добраться до него, надо было лететь в обратную сторону — вниз, и в этом была еще одна нелепость странного мира, который настойчиво предлагал смятенному уму все, кроме разгадок.

Мезонные двигатели несли машины, и Красное Пятно расплывалось над головами тысячекилометровой колющей раной, а на экранах локаторов все чаще мелькали зеленые черточки метеоров.

— Давай трал, Тэдди. Кажется, нам повезло.

Тэдди и сам заметил характерное волнообразное мерцание в правом нижнем углу главного визира. Перекинув ключ на инфравидение и добавив увеличение, он тихо охнул. Чуть в стороне и впереди шли целых три глобэллы. Редко кто из звездолетчиков мог похвастать тем, что ви-

дел гловэллу, распустившуюся в естественных условиях. И только Ежи Стравинский рассказывал о том, что видел легендарный «танец тройной спирали». Он даже пытался снять этот танец в инфралучах, но дело было в Поясе Астероидов, а там, как известно, не киноателье: автоматы бросали его разведчик из стороны в сторону, уклоняясь от каменных ядер, а пушка ультразащиты работала почти без перерыва, расстреливая камешки помельче. Так что фильма не получилось: гловэллы были едва видны сквозь вспышки, а зигзаги, которые выписывал космолет, окончательно все испортили. Пленка Стравинского надолго перессорила астроботаников мира, и они до сих пор не пришли к единому мнению — что же такое, в конце концов, гловэлла — живой организм или причуда кристаллографии. Адепты кристаллоорганики объявили гловэллу бродячим растением, перерабатывающим космическую пыль под влиянием жесткого рентгеноизлучения, а пленку Стравинского — доказательством жизнедеятельности этой редкой и капризной незнакомки. Их противники видели в «танце» случайную игру полей тяготений астероидов и даже обыкновенную фальсификацию. Стравинского чуть было не привлекли к суду, но все так запуталось, что докопаться до истины было невозможно, а температурные клятвы измученного поляка только усугубляли недоверие.

— Ну, что ты там, уснул?

— Подожди, Свэн. На какой частоте твой визир?

— На обычной. А что?

— Переключи на инфра. И добавь увеличение порядков на пять.

Свэн довольно-таки раздраженно перекинул ключ, вывернул тумблер, не глядя, на пять делений.

— Ну и?..

И вдруг наклонился к самому экрану.

— Ого! Тэдди, так это же «танец тройной спирали»!

Ну и ну...

Гловэллы впереди шли равносторонним треугольником, широко распластав десятки тончайших многогран-

ных лепестков. Лепестки светились несильным гипнотическим светом догорающих углей, и по их поверхности разбегались мгновенные узоры синих искр — это вспыхивали и сгорали невидимые частицы рассеянной вокруг космической пыли.

Все три цветка медленно вращались вокруг центра треугольника, описывая идеально правильную тройную спираль, — все точно так, как рассказывал Ежи Стравинский, но они со Свэн видели сейчас «танец» не в опасной астероидной толчее, а при отличной видимости, и картина была действительно великолепна.

— Свэн, это надо снять. Такого еще никто не видел.

Свэн заколебался, ожесточенно потирая подбородок.

— С ума сошел. Элементарный топологический анализ точно укажет, где мы снимали. Ученые, конечно, за такую пленку глотку друг другу перегрызут. А для нас — адье, работа. И вообще космос. Ты забыл, что бывает за самовольные «прогулки»?

— Не забыл. Но это же уникальные кадры, Свэн. Ведь мы, по сути, первые, кто видит все по-настоящему. А пленку можно спрятать до лучших времен.

— Да как же ты ее через стерилизатор протащишь? Проглотишь, что ли? Ее ведь и в желудке найдут, если надо... Это тебе не бак с горючкой. Лучше этих красавиц в трал — и все шито-крыто. Без документов, так сказать.

— Жалко проморгать такое, Свэн. Красавицы от нас не уйдут, а вот «танец» уйдет. В трале не растанцуешься.

— Вот навязался на мою голову! Ладно, попробуем. Только чур, снимать буду я. Попробую пленку протащить через посты. У тебя не получится. У тебя слишком подозрительная физиономия.

Свэн с деланным вздохом принялся за съемочную аппаратуру, но видно было, что ему самому очень хочется не упустить редчайший случай, хотя это на самом деле могло иметь довольно-таки грустные последствия для обоих. Неписанный закон фирмы гласил: делай что хочешь, но не попадайся. Попадется — пеняй на себя.

— Давай поближе к ним. Так будет интереснее. И раскрой трал на всякий случай. А то вдруг они удирать задумают. Останемся и без портретов, и без самих красавиц.

Свернутый трал, повисший между кораблями серебряной цепочкой, вспух и развернулся в огромное облако. С раскрытым тралом идти было труднее и еще труднее — маневрировать, потому что трал, как парус, уже принимал отголоски могучих вздохов юпитерианской атмосферы, но гловэллы двигались медленно, и догнать их не стоило больших усилий.

Собственно, движением их медлительные перемещения можно было назвать лишь с некоторой нтяжкой. Они, пожалуй, не двигались, а «росли» в пространстве в определении направлении, и рост их напоминал рождение морозного узора на стекле.

До сих пор Тэдди попадались только споры гловэллы — правильные многогранники двух-трех метров в диаметре, представляющие собой кристаллические агрегаты настолько сложного состава и строения, что одно только их описание занимало тома монографий и казалось не специалисту чистейшей абракадаброй.

Из этих спор в космических лабораториях удавалось выращивать невероятные «цветы» — полукилометровые веретена из паутинообразных лепестков, которые оказались бесценным кладом и для науки, и для промышленности. Именно гловэлла открыла науке секреты гравитации и позволила промышленности построить первую антигравитационную систему.

Появились целые «плантации» гловэллы, космические «огороды», где из найденных спор выращивали чудесные соцветья. Через год веретено переставало расти, а еще через несколько дней рассыпалось на тысячи стабильных кристаллических образований. Вот эти-то образования и были драгоценным «урожаем» для самых разных технических отраслей: остатки «живого метеора» шли в антигравитаторы ракет, в моторы гравилетов, в «мозги» кибернетических устройств, на нужды электроники и биотехники.

Звездная гостя оказалась замечательным подарком Большого Космоса, легко и просто решив технические проблемы, казавшиеся до сих пор не разрешимыми.

Но беда в том, что аппетиты техники росли, а гловэлла в искусственных условиях расти не хотела. Вернее, не хотела размножаться. И совсем не было ясно, может ли она вообще размножаться. Потому что никто и никогда этого не видел.

А споры попадались все реже. Распустившиеся гловэллы — и подавно. И немудрено, что рассказ Ежи Стравинского о трех гловэллах и о их фантастическом «танце» вызвал столько шума истолково недоверия.

А поляк ничего не выдумывал. Просто в этом астероидном аду невозможно было подойти ближе. Тэдди со Свэном повезло несравненно больше.

Эти три веретена были гигантами по сравнению с «огородными образцами» — не меньше трех километров в длину — и, главное, передвигались. Правда, весьма своеобразно.

Поначалу казалось, что веретена, медленно вращаясь вокруг оси, каким-то образом ввинчиваются в пространство, как гигантские шурупы. Но скоро Тэдди понял, что это не так.

На острие веретена шевелилось что-то вроде усов. Точнее, не шевелилось, а росло. В пространство по спирали выпячивалась нить стремительно растущих кристаллов. Ее догоняла вторая нить, третья, и вот уже возникал, словно нарисованный, на темно-сером светящийся каркас булущего лепестка. Каркас заполнялся матовой паутиной, и стометровый тонкий лист начинал работать — на его поверхности сказочными узорами загорались и гасли искры космической пыли.

Лист набухал, утолщался ближе к оси и там затвердевал в плотное тело ствола, из которого выползали новые усы, и все начиналось сначала.

Тем не менее длина веретена оставалась все время постоянной, и это немало удивляло пилота. Задние лепестки оплывали и таяли, точно стеариновые, хотя температура

здесь, судя по яркости инфракрасного изображения, была самой низкой. А острие сверкало раскаленной иглой.

— Да убери же ты наконец этот чертов трал! Я с ним как собака на цепи.

Свэн явно увлекся съемкой — в нем заговорил не охотник за гловэллами, а бывший астроразведчик. Тэдди добродушно усмехнулся и спросил нарочито небрежно:

— Совсем убрать?

Тэдди видел сейчас только затылок Свэна, прильнувшего к визирам.

— Я спрашиваю: совсем убрать?

Свэн, не оборачиваясь, дернул плечом:

— Разумеется, совсем! Я у тебя как на поводке. Не раз-вернуться.

— А как мы их потом ловить будем?

— Кого?

— А наших красавиц!

— Я тебе половлю! Ты смотри, что они делают!

Тэдди посмотрел в визир и не заметил ничего особенного. Три веретена не изменили ни своего положения — по-прежнему четкий треугольник, — ни своего вращения: два веретена «ввинчивались» по часовой стрелке, одно — против, а вся троица вращалась еще вокруг центра треугольника.

А вот в центре, кажется, появилось какое-то темное пятнышко...

— Ты по инфра смотришь? Посмотри на нормальной частоте! Сказка! «Тысяча и одна ночь»!

Тэдди перекинул ключ и невольно прищурился.

Теперь они летели над бескрайним кипящим океаном крови, густые тяжкие валы которого вздымались снизу, сталкивались в яростной схватке, медленно опадали, снова вставали беспорядочными и бессчетными толпами. А сверху бледнело небо, и по нему широкими правильными дугами бежали смрадные тучи с фиолетовыми подпалинами, торопливо огибая бархатно-черный шар, висящий в зените.

Снова Юпитер шутит. Весь этот апокалипсический пейзаж — очередной оптический фокус гиганта. Черная сфера космоса свернулась в шар, шар планеты, наоборот, превратился в небесную сферу, а Красное Пятно прикинулось океаном. А на самом деле корабли еще не коснулись самых верхних слоев атмосферы. Шутки...

Но троица гловэлл, летящая перед ними, выглядела действительно как из «Тысячи и одной ночи». Потому что только фантазия Востока могла создать такую пылающую красочную вязь, такую буйную пестроту цветов и оттенков, которую являли сейчас эти переливающиеся трехкилометровые спирали.

И только сейчас Тэдди понял, почему длина веретен неизменна, несмотря на непрерывный рост. Мясистые, тусклые по сравнению с остальными нижние лепестки и впрямь плавилась, превращаясь в нити густо-синего дыма. Вращение треугольника медленно скручивало синие нити в плотный конус, на острие которого что-то поблескивало.

Тэдди прибавил увеличение. На острие конуса отличало металлом что-то вроде ощутимо растущей кипарисовой шишки.

Пилот торопливо сфокусировал на шишке сразу радиометр и спектроскоп. Стрелки радиометра качнулись довольно-таки лениво: шкала излучений мало отличается от общего фона. А вот спектр... Фу ты, какая неразбериха... Линия кремния какая-то бешеная... А структура! Ну-ну...

Тэдди на всякий случай нажал клавишу запоминающего устройства. Пусть хоть это останется.

Он поднял глаза. С экрана за ним следил через плечо Свэн. Он уже не снимал.

— Дураки мы с тобой, Тэд. Старые идиоты. Кому все это надо, а? Просто самим себе кровь погреть... Мы — мусорщики, низшая каста. Наше дело подметать Коридор. И не совать нос, куда нас не просят. Так?

— Так, Свэн.

Тэдди вздохнул и убрал приборы.

— Ты прав, Свэн. Может быть, это действительно никому не надо. Но без этого можно совсем оскотиниться.

Если делать только то, что приказано, и думать только о своем брюхе. И о своем кармане.

— Что в конечном счете одно и то же...

— Вот именно. А у русских, говорят...

— Брехня это, Тэдди. Пропаганда, по-моему. А если даже и не брехня, то нам с тобой, старик, поздно поворачивать оглобли. Мы по уши в грязи увязли. Не хуже других от патрулей драпаем и виски не меньше других хлещем. Поздно...

— Смотри-ка, Свэн! Наши красавицы что-то задумали!

Треугольник явно ускорил вращение и, кажется, изменил направление движения. Да, теперь он двигался не к Юпитеру, а от него, выходя из своего затяжного пике. Основательно подросшая шишка теперь болталась на одной голубой ниточке, которая становилась все тоньше и наконец лопнула с характерной вспышкой сильного электрического разряда.

— Трал! — во все горло заорал Свэн и рывком врубил на полную мощность все четыре двигателя.

Тральщик, повисший было на антигравитаторах, встал на дыбы, выбросив из дюз четыре огненных столба, чуть ли не на месте перевернулся и коршуном упал вниз, туда, где, медленно крутясь, падала в багровую пучину причудливая шишка, отсвечивая металлом.

— Наши жар-птички снесли яичко! Не простое, а золотое! Отличное дело! Молодцы, гловэллы!

Тэдди скорее автоматически, чем обдуманно, выстрелил трал, который распустился сзади огромным веером, и бросил машину вниз, за Свэном, правда, менее эффектно.

Он давно привык и к жаргону, и к его мальчишечьим выходкам. В конце концов, «яичко» пригодится, хотя и не совсем понятно, что это такое. По крайней мере, подобной находкой пока еще никто, кроме них, похвастаться не может.

— Наши птички невелички. Наши птички... А, черт!

Дюзы Свэна, четырьмя лепестками горевшие впереди, неожиданно погасли.

— Ты что, раздумал?

Свэн молчал, и Тэдди снова видел только его затылок.

— В чем дело, Свэн?

Молчание.

Тэдди вывел свой тральщик вправо, пристопорил, выбросил стыкующий рукав трала.

Свэн не принял трала. Он остервенело делал что-то на пульте.

Загадочная шишка, наращивая скорость, исчезла в протуберанце Красного Пятна.

Свэн молчал. Руки его неподвижно лежали на пульте.

— Ты что там, лешего увидел?

Свэн медленно повернул голову. В лице не было ни кровинки, и, наверное, от этого проступили крапинки веснушек, которых Тэдди никогда у Свэна не замечал.

— Уходи, Тэдди. Побыстрее. И подальше. Я сейчас взорвусь.

— Что ты мелешь?

— Уходи, говорю тебе. Я дал слишком сильного пинка этой кляче. Все-таки полетела система подачи.

— Перекрой главный шланг! Что ты застыл как пень!

— Поздно, Тэдди. В смесителе неуправляемая реакция. У меня два запасных бака.

И вдруг, сорвавшись на крик:

— Ну что ты повис? Уходи немедленно, говорю тебе! Я ухну так, что чертям жарко станет. Слышишь — два запасных бака! Ну!

— Никуда я не уйду. Катапультируй!

— Ты забыл самописцы?

— У, дьявол... Напаяливай скафандр и лезь через люк! Я тебя поймаю тралом!

— Не успею. Говорю тебе — уходи, пока не поздно! Слышишь? — И совсем тихо: — Ты был хорошим другом. Спасибо тебе за все.

— Надо же что-то делать, Свэн. Попробуй...

— А! От тебя не отвяжешься...

Тральщик Свэна снова взвился на дыбы и ринулся отвесно вниз, в красные чужие тучи, грозно и тяжело взды-

★ — мающиеся навстречу, и Тэдди тоже направил машину вниз, провожая друга в последний бешеный полет, понимая бессмысленность своей жертвы и не имея сил выжать ручку от себя — Свэн уходил навсегда, и это никак нельзя было принять и понять. Свэн уходил все быстрее и быстрее, потому что адское пламя, бушующее в чреве погибающего тральщика, уже сожгло все предохранители, а тральщик Тэдди тормозил трал, о котором он совершенно забыл. Красное Пятно превратилось в развернутую воронку, а они продолжали лететь вместе, и уже погас экран переговорного видеофона, а Тэдди продолжал кричать, не слыша себя:

— Свэн, катапультируй! Катапультируй, Свэн!

А дальше все было как в бреду, потому что Свэна не было на экране и тральщика его не было — его проглотила красная волна, — а только жил еще голос Свэна, и в этом голосе не было страха, а только грусть:

— Возвращайся на Землю, старик. Начни все сначала. По-новому. Это трудно. Но попробуй за меня. Будь счастлив.

И потом хрипловато запел:

Пока есть ход,
Держись, пилот.
А если ад вокруг,
Ищи в аду
Свою звезду...

И вдруг удивление:

— Ого! Тэдди, а здесь полно...

Что-то хрустнуло и засвистело в динамиках, и Тэдди решил глянуть вниз. Там внизу, в огненно-красной пучине, что-то полыхнуло, и через минуту индикаторы внешней радиации дико заплясали. Тэдди знал, что это последний вздох Свэна, и только потом он увидел быстро растущее синее пятно. Он решил сначала, что потемнело в глазах от вспышки, но все-таки бросил тральщик в сторону, и мимо ударил, постепенно иссякая, фонтан Синего

Дыма. Тэдди пришлось снова увертываться от опадающих вниз клубов, но кое-что попало в трал до того, как Тэдди свернул и убрал его...

Нервы сдали. Призрачный щит Юпитера ровно горел за спиной, а Тэдди, бросив ручки управления, кусал пальцы. Желтое солнце впереди расплывалось радужными пятнами, и он закрыл глаза, потому что было больно смотреть вперед...

* * *

Он лежал с закрытыми глазами в непривычной тишине, и мужской голос сказал шепотом:

— Очень сильная реакция. Он вспомнил все, и воспоминания для него сейчас острее впечатлений действительности. Может быть, шок. Дайте ему снотворное, Джой.

— Хорошо, — так же тихо ответил женский голос.

«Джой, — пронеслось в опустошенном мозгу. — Хорошее имя — Джой. Оно значит «Счастье».

6. ЛЕЗВИЕ НОЖА

— Так вы говорите, что Синий Дым появился сразу после взрыва корабля и точно в том же самом месте?

— Да, доктор. Я видел вспышку, и именно из этой точки через несколько секунд ударил фонтан.

— Синий Дым активизируется после сильного облучения. А до этого он находился в кристаллическом состоянии... Все, видимо, правильно... Эдвард, а сколько времени прошло между вхождением корабля в красные облака и взрывом?

— Я боюсь говорить точно, доктор. Я был в таком состоянии... Мне казалось, что прошли столетия... Может быть, секунд двадцать. А может, и меньше.

— И он шел с включенными двигателями?

— Да, на полную мощность.

— Какое расстояние пролетел корабль Свэна до взрыва, как вы думаете?

— Он шел приблизительно миль полтора-два в секунду, значит, взорвался где-то на глубине около четырех тысяч миль...

Солсбери встал из-за столика, прошелся по холлу, потирая лоб. Роберт и Дуайт сидели поодаль, не вмешиваясь в разговор, и бесцеремонно разглядывали пилота.

Тэдди чувствовал себя скованно под этими оценивающими взглядами. Он понимал всю важность дела, все значение случайного движения трала, которое привело к открытию волшебного препарата. В конце концов, именно СД превратил Солсбери из калеки в полноценного человека, спас Джой, вернул жизнь ему самому.

Но кто вернет в этот мир Свэна? Если бы фирма не сэкономила на ремонте, если бы... Свэн погиб, потому что изнашивалась какая-то пустяковая деталь в системе подачи. Его убили из-за грошей, может быть, из-за нескольких долларов, сэкономленных на этой детали...

Смит-старший делал и продавал невидимую смерть.

Его сыновьям теперь нужен СД — Синий Дым жизни. Зачем? Ведь они — убийцы. Зачем убийцам препарат жизни?

Солсбери говорит — таковы времена. Новые времена заставят волков быть ягнятами. Ой ли? Доктор, доктор, ты умный старый человек, но иногда ты говоришь как ребенок. Хирургический скальпель в руках подонка может превратиться в лезвие ножа...

— Итак, что мы имеем на сегодня...

Солсбери остановился между Тэдди и Смитами и стал загибать пальцы.

— Во-первых, место рождения СД — Красное Пятно на Юпитере. Можно ли добыть СД со всей поверхности Пятна или только из одной точки, координаты которой знает Тэдди, нам пока неизвестно. Во-вторых, СД рождается при мощном ядерном взрыве на глубине около четырех тысяч миль. Возможно ли рождение СД на других глубинах, нам пока тоже неизвестно. В-третьих, рассказ Тэдди не дает нам пока никаких намеков на то, почему и как этот самый СД рождается. Единственное, что можно

предположить сейчас, — то, что где-то там есть залежи или сгустки СД в кристаллическом состоянии. Возможно также другое: что СД образуется именно в результате взрыва при сочетании каких-то компонентов и определенных параметров давления, освещения и так далее...

— Пойдите, Солсбери, не так темпераментно, — проговорил Дуайт. — Значит, для того чтобы получить СД, необходимо произвести ядерный взрыв на глубине четырех тысяч миль, в точке, которую укажет Тэдди, а потом просто-напросто собрать содержимое фонтана тралом, не так ли?

— Видимо, да. Надо только наиболее точно воспроизвести ситуацию, при которой впервые появился СД. Потому что на его появление могут действовать и другие, неизвестные пока причины...

— Это что же, доктор Солсбери, — угрюмо прервал Тэдди. — По-вашему, надо имитировать аварию и отправить туда еще один корабль?

— Ну что вы, Эдвард, вы меня не так поняли. Для взрыва можно использовать мощную бомбу замедленного действия. Я говорю...

— Нейтринной боеголовки среднего калибра достаточно? — снова перебил Дуайт.

Роберт быстро взглянул на него и поджал толстые губы. Солсбери удивленно поднял брови:

— Нейтринная боеголовка? Но...

— Достаточно или нет?

— Нейтринная среднего калибра разнесет половину Юпитера или, чего доброго, сделает из него сверхновую. Но, к счастью, таких игрушек сейчас около ста штук, и все они в Особом фонде ООН. Использовать их может только ООН, их не выдают даже правительствам отдельных государств, не говоря уж о частных фирмах, — еще более угрюмо подал голос Тэдди и впервые за весь разговор внимательно посмотрел на своих боссов.

Дуайт недовольно поморщился:

— Я вижу, вы, Тэдди, весьма осведомлены в вопросах международного права...

— Приходится. Ведь вы наверняка не будете защищать меня на суде...

— Вы догадливы. Но я обращаюсь к вам как к знатоку: что вы можете посоветовать?

— Для взрыва, равного взрыву баков тральщика, подошла бы малая военная ракета класса «Земля — Луна». Но ведь все эти ракеты уничтожены после Пакта, а их укрытие и хранение рассматривается как преступление против человечества, мистер Дуайт.

— Нет, право, у вас большие юридические способности, мистер Стоун. После того как вас лишат пилотских прав, вы с успехом можете идти в адвокаты...

— В прокуроры мне как-то больше по душе.

— Но это очень опасно в наш век, мистер Стоун.

— Звездолетчикам к опасности не привыкать, мистер Дуайт.

Дуайт достал сигарету, но зажигалка почему-то долго не зажигалась, прыгая в руке.

— Ну, ладно, довольно шуток. Давайте говорить о деле. Мистер Стоун, вы сможете повторить ваш рейс? Мы вам подберем хорошего напарника. Вы должны хотя бы из уважения к доктору Солсбери, вашему спасителю... Итак?

Тэдди молчал, безучастно разглядывая свою ладонь.

— Да, Стоун, я совсем забыл. В качестве премии за мужество, проявленное при доставке трала, а также за особые заслуги перед фирмой на ваш счет переведено двадцать тысяч долларов премиальных. Ваша новая экспедиция будет оплачена, разумеется, гораздо щедрее.

Тэдди поднял глаза и в упор посмотрел в очки Дуайта. Ладонь на столе непроизвольно сжалась в кулак.

— Сейчас Эдвард слишком возбужден и взволнован, он еще не вполне оправился после операции, — пришел на помощь Солсбери. — Я думаю, через неделю он будет вполне в форме.

— Ну и отлично. Только одна просьба. Ни в коем случае не покидать Биоцентр. Иначе мы вынуждены будем

принять другие меры. Сейчас вы свободны. Мы немного отдохнем.

Когда Тэдди и Солсбери вышли, Роберт с неожиданным проворством подбежал к двери, прислушался и зло зашипел на Дуайта:

— Ты что, с ума сошел — про боеголовки? Нашел с кем советоваться. Заморыш сразу раскусил, в чем дело.

— Ну и что?

— Что-что!.. Этот омоложенный старец, конечно, так ничего и не понял, а у Заморыша глаза заблестели. Он сразу сообразил, что у нас есть кое-какие запасы, до которых не докопались ищейки ООН. А знаешь, чем это пахнет?

— Чем?

— Тем, что мы у него на крючке. Он знает, что он нам нужен и мы его убрать не можем — раз. Он знает, что у нас есть укрытое от ООН ядерное оружие — два. Представляешь, какую цену он заломит за свое молчание и за свой полет?

— А мы на эту цену радостно согласимся. И еще погладим его по головке и скажем, что он великий пилот. И что его незаслуженно забыли. И дадим честное слово передать все сведения о СД в МСК сразу же после возвращения. И сохранить ему пилотские права. И еще многое-многое другое.

— Ты это серьезно?

— Вполне. Он нас ненавидит и не доверяет нам, так?

— Допустим.

— А раз не доверяет, значит, его никакими обещаниями в это дело не заманишь, так?

— Допустим, так.

— И вдруг он «случайно» узнает, что у нас есть нейтринные боеголовки, за хранение которых положен международный трибунал. Что решит Тэдди?

— Он решит, что мы у него в руках. И будет прав.

— О господи, до чего же ты непонятлив, братец! Теперь у него есть гарантия! Он не верит нашим обещаниям — пусть. Зато теперь он уверен, что при случае может

заставить нас выполнить обещания — угрозой разоблачения. И он согласится лететь, посмотришь!

— А если он все-таки сообщит куда надо до полета?

— До полета ему нет никакого смысла делать это. Во-первых, он уверен в своей безопасности. Следовательно, торопиться некуда. А во-вторых, ему все-таки хочется добыть Синий Дым. И даже не из-за обещанной награды. Он из того же теста, что и Солсбери. Ему хочется облагодетельствовать человечество. И, кроме всего прочего, отплатить добром за добро тому же Солсбери, который вернул его из небытия. И поскольку Заморыш человек умный, два против ста, если он не отложит свои разоблачения на потом, после полета.

Роберт помолчал с минуту, что-то обдумывая.

— Все это хорошо, Айк. Но за ним надо следить. Не спускать глаз. И если что...

— Не только за ним. За двумя. Солсбери ненадежен. Пока его спасает полная неспособность разбираться в реальной жизни. Но чем черт не шутит.

— Пожалуй, не за двумя, а за тремя. Не забывай ассистентку. Как-то странно она улыбается...

Джой стояла над самым ручьем на огромном, облепленном почерневшими мхами стволе упавшей пальмы, и глаза ее смеялись.

— Ну что же вы, Эдвард?

А Тэдди не мог двинуться с места и смотрел на нее, словно вырезанную лучом на сумраке лесной чащи: белые брюки, широкий серый пояс, белая кофта, подчеркивающая смуглую кожу обнаженных рук и лица. Она чуть запыхалась и дышала часто, на длинной шее пульсировала жилка, полуоткрытые губы дрожали.

— Ну что же вы стоите?

— Мне показалось, что за нами кто-то идет...

Джой засмеялась, закинув голову, и длинные волосы метнулись за спиной, как черное крыло.

— Так, значит, надо бежать, а не стоять на месте!

Тэдди медленно пошел к ней, раздвигая сплетения лиан и длинные пахучие бороды лишайников. Ноги по щико-

лотку уходили в пружинящий травяной настил, и после каждого шага в траве оставалась свальная ямка, которая быстро заполнялась зеленой водой.

Тэдди подошел к ней и взял за руку. А вокруг шептался, шуршал и вздыхал темный косматый лес, полный каких-то добрых и ни на что не похожих существ, которые переминались с ноги на ногу вокруг и дружелюбно подмигивали тысячами прозрачных глаз, и кроны двадцатиметровых гигантов укрывали их от света, оставив лишь узкий солнечный луч, который обтекал их и падал в пляшущее зеркало ручья, и от этого в густом влажном воздухе плясали радужные ломкие блики.

— Джой, вам говорили, что вы самая красивая женщина на свете?

— Да.

— Кто?

— Доктор Солсбери.

Она снова засмеялась и потянула его за руку, и они побежали сквозь эту влажную, плотную, зеленую темноту, большие тяжелые листья шлепали их по лицу и по плечам, лианы ловили в прочные сети, они барахтались, пытаясь освободиться, пружинистые корни хватали за ноги, и они падали друг на друга, хохоча до слез, а иногда руки напарывались на колючки, которые царапали, но было не больно, а только весело, потому что лес не хотел им зла — он просто играл с ними, как сильный зверь со своими детьми.

Впереди сверкнуло синее пламя, и лес замер за их спиной. На их разгоряченные, мокрые, исцарапанные лица дохнула соленая прохлада океана.

Узкое лезвие горизонта разделяло два мира: мир синего неба и мир синей воды. Сначала ослепленному взгляду они казались двумя одинаковыми полусферами, лежащими одна на другой. Но постепенно глаза привыкали к сиянию, и, как на пленке, проявлялись детали: зеленовато-желтое в мареве пятно островка с частоколом склоненных к воде пальм — отсюда пальмы казались стилизованными буквами «Т», с забавной аккуратностью расставленны-

ми у белой ниточки наката; косые крылья трех яхт, поставленные едва ощутимому бризу; прогулочный катер, похожий на бабочку, которая время от времени пытается взлететь; белая полоса пены, начинающаяся откуда-то слева и, постепенно истончаясь, пересекающая все видимое пространство воды, — это из устья невидимой отсюда реки стартовал реактивный аквалет, давно уже скрывшийся за горизонтом.

Было время отлива, и с обеих сторон обнажился голубовато-черный топкий ил, от которого остро пахло серой. А в обе стороны тянулись бесконечные мангровые леса, раз и навсегда в данном порядке выползающие на сушу.

У самой воды толпились, утонув в иле искривленными ходулями голых корней, исчерна-зеленые ризофоры. За ними неровным поясом расположились серо-зеленые авицении и матово-серые зоннерации. Пепельная полоса брутиеры обозначала извилистую линию суши. А дальше, в глубину знаменитых флоридских болот, уходили лохматые шапки болотного финика и перистые кустарники пальмы нипа.

И только раскаленное тропическое небо сверкало над всем этим пестрым великолепием безжизненной чистотой вымытого до блеска бемского стекла.

Джой погрузилась. Тэдди почувствовал это по безвольно ослабшим пальцам ее руки и перевел глаза на женщину.

И расхохотался.

Джой была похожа на лесную колдунью: в растрепанных волосах запутались травы, колючки и листья, подбородок был синим от сока каких-то ягод, а на лбу алела царапина. Снежно-белый костюм превратился в нечто невообразимое: его варварской раскраске мог бы позавидовать любой художник-абстракционист.

Женщина нахмурилась:

— Я очень вымазалась?

Тэдди пожал плечами, продолжая улыбаться.

Джой провела рукой по щеке, но от этого стало только одной полосой больше.

— Ну и пусть.

И она снова застыла, думая о чем-то своем.

Над океаном резко кричали чайки, описывая плавные круги на узких неподвижных крыльях, и вдруг камнем падали к самой воде и снова взмывали ввысь, блеснув на солнце матовой белизной перьев.

Внизу из-под самой скалы нешироким длинным полу-месяцем вклинивалась в синюю даль серая от соли песчаная коса. Около косы по колено в воде бродили чернокожие ребятишки с кошелками на шее — ловили устриц, время от времени отправляя очередной трофей не в кошелку, а в рот.

— Тэдди, вы любите простор?

Что-то мягко толкнуло в сердце и блаженно заныло: Джой впервые назвала его Тэдди, а не Эдвард, как обычно. Губы пересохли, и Стоун ответил с трудом:

— Простор? Конечно! Кто же не любит простор?

Джой подняла голову. Серые глаза ее потемнели.

— Кто? Я, например. И все женщины, наверное. Подсознательно, по крайней мере. Потому что нам нужен уют и тепло. А на просторе — ветер. И простор... Простор забирает у нас любимых. Поэтому женщины ненавидят простор. Они просто ревнуют. Ваша жена любила космос?

— Не знаю. Ведь она...

— Она была с вами, я знаю. Я много читала о полете «Икара». Мне, кажется, она ушла в космос ради вас. Она хотела быть первой, а не второй вашей любовью. Вы очень ее любили?

— Да, Джой. Очень.

— Вы счастливый. А мне вот как-то не пришлось. Я пробовала любить... Но как-то не получилось.

Они сидели у самого края скалы, свесив ноги в пропасть, и Тэдди задумчиво бросал плоские камешки вниз, на косу. Камешек, вращаясь, как пропеллер, взлетал сначала вверх, а потом, описав «мертвую петлю», резко шел вниз и несколько секунд падал в тени скалы гаснущей белой звездой.

— Я люблю лес, — продолжала Джой. — Нигде я так хорошо не чувствую себя, как в лесу. Это, наверное, зов предков, как говорят. Я родилась здесь, во Флориде. И во мне течет индейская кровь. Моя мать была из племени семинолов. Семинолы — аборигены флоридских лесов.

— А ваш отец?

— Отца я не помню, я родилась уже после его гибели. А мать умерла через три года после моего рождения. Она не могла жить без отца. Она умерла от тоски. Ее звали Лили, но у нее было индейское имя Чакайя, что значит «Сердце, рожденное любить»...

— Кем был ваш отец?

— Астронавтом, Эдвард.

Тэдди от неожиданности выронил камешек.

— Астронавтом?

— Да. Почему это вас удивляет?

— Нет. Просто... коллега.

— Да, мой отец был астронавтом. И не менее известным в свое время, чем вы. Мой отец — Гарольд Митчэлл...

Тэдди потрянуло, словно под ним сработала катапульта.

— Что с вами, Эдвард? Вы мне не верите? Но у меня же фамилия отца — Джой Митчэлл. Мой отец погиб на Марсе, на Малом Сырте. Я выросла у доктора Солсбери. Он был большим другом моего отца и матери. Он так и остался на всю жизнь холостяком. Я подозреваю, что он любил мою маму.

Джой исподлобья озорно взглянула на растерянного пилота.

— Но мама предпочла астронавта. Ведь у вас романтическая профессия, и это безотказно покоряет слабые женские сердца...

Но Тэдди почти не слышал ее. Как это сказал тогда Клаус? «И есть еще одна причина, сынок. Но о ней знают только два человека. И больше никто никогда не узнает...»

— Пойдите, Джой, пойдите... А вы знаете человека... словом, вы знаете Германа Клауса?

Джой удивленно пожала плечами:

— Дядюшку Клауса? Конечно! Это же родственник отца. Солсбери разыскал его где-то за тридевять земель, когда мне было уже около двадцати. Дядя Клаус плакал, когда мы встретились... Он очень хороший, дядя Клаус. Он меня очень любит. И для меня он как отец. Он и Солсбери... Два отца...

Горизонт двинулся на Тэдди. Лезвие сверкало теперь угрожающе остро. И зловещий отсвет приобрели теперь океанская даль и полосы мангровых зарослей, и даже в движениях мальчишек, наклоняющихся за устрицами, была какая-то тоскливая предопределенность.

Это Солсбери спас Гарри Митчэлла. Спас своего удачливого соперника, потому что был его другом. А ведь возрожденный в облике бармена Германа Клауса астронавт Гарри Митчэлл совершил не менее героическое — он отказался от самого дорогого, что у него было на Земле, — от дочери. Потому что Джой уже похоронила отца, и Солсбери стал ей отцом. Вот она, причина — Гарри Митчэлл остался Германом Клаусом, чтобы не лишать Солсбери последней радости. Потому что для доктора Джой была не только приемной дочерью, но и дважды потерянной Лили.

Да, Клаус поступил как настоящий мужчина. Он понял, что поздно что-либо менять. Слишком поздно.

— Слишком поздно...

Он лежал на спине, сплетя под голову руки, и смотрел в пустое небо. Он пытался вспомнить Нэпни такой, какой она была перед отлетом «Икара». И не мог.

На щеку упали мягкие волосы, и серые глаза, в которых уже наливалась горячая влага, заслонили небо.

— Простите меня, Эдвард. Я виновата. Я не должна была...

Пилот закрыл глаза, и все исчезло. Тугой комок больно и сладко подкатывал к горлу, хотелось чего-то неведомого и не хотелось дышать.

— Назови меня еще раз Тэдди. Если можешь.

— Тэдди...

И уже не было ничего вокруг, и он летел в серебряной эдустоте, слыша свой собственный внезапно охрипший голос:

— Джой... Счастье... Я люблю тебя. Я целую вечность не говорил никому этих слов. Я убрал их на самое дно души, потому что думал, что они мне никогда больше не понадобятся. Но ты... Я люблю тебя, Джой.

Волосы перестали щекотать щеку, и Тэдди, не открывая глаз, заговорил лихорадочно и сбивчиво:

— Но жизнь уже прожита, Джой. Нелепо, но я даже не знаю, сколько мне лет. По вычислениям электронных машин — сорок один. Не ведь машина могла ошибиться. Может быть, мне давно уже триста, четыреста, пятьсот. В Глубоком космосе время идет иначе. Люди вывели формулы, по которым можно все высчитать. Данные маршрутной карты, график скоростей, коэффициенты сверхсветовых переходов, выходы в надпространство и еще сотни и тысячи цифр, схем, графиков — и через полчаса машина выплевывает ответ: «Пилот Эдвард Стоун — 41 год...» А кто подсчитает все пережитое? У меня такое чувство, что я живу уже много веков. Я растерял близких, растерял друзей. Я так много терял, что уже не могу поверить в то, что можно что-то найти. Где-то что-то когда-то во мне сломалось, и я полетел вниз. Я перестал сопротивляться. Я попал в капкан и делал все, что от меня требовали: возил контрабанду, грабил звездные заповедники...

Тэдди открыл глаза, и над ним снова было только небо.

— Если бы можно было начать все сначала... Но как? С чего?

Небо было бесстрастно, и ничего не дрогнуло в нем.

— Простите меня, Джой. Это не вам, а мне надо было молчать. Через несколько дней я улечу. Я всегда улетаю с радостью. Мне было неуютно на Земле. Первый раз в жизни я не хочу улетаю. Спасибо вам, Джой. Вы разбудили меня. Жаль, что это не случилось раньше. Невыносимо жаль.

Три чайки пролетели низко-низко, взмыли вверх, сделали плавный широкий круг, и птичий крик повис в воздухе.

— Джой!

Молчание.

— Джой, вы сердитесь на меня?

Тишина была ему ответом.

Тэдди приподнялся на локте. Джой лежала рядом, вытянувшись, закинув голову, и беззвучно плакала. Она изо всех сил старалась сдержать рыдания, тело ее вздрагивало, а ладони вытянутых вдоль тела рук судорожно сжимались в кулачки.

— Джой, милая, ну что ты так?

И все отодвинулось, подернулось дымкой, перестало существовать — и небо, и океан, и чайки, и палящее тропическое солнце — и медленно, бесконечно медленно (так, что за это время успели родиться, распуститься в спирали и умереть тысячи галактик) и нежно он взял в ладони это мокрое, перепачканное зеленью и ягодным соком лицо и стал целовать светлые дорожки, оставленные слезами, пока не нашел припухшие, горькие губы.

Две руки поднялись снизу и сомкнулись на спине, прижимая и робко и властно, и он зарылся лицом в густые волосы.

Губы Джой дышали у самого уха часто и прерывисто, и в этом дыхании еще жили отзвуки плача, но теперь уже что-то новое, могучее и неведомое заставляло его прерываться, и Тэдди забыл обо всем, когда шепот обжег ему щеку:

— Тэдди, милый... Это судьба... Мне суждено было стать женой звездолетчика. Как и матери. Это судьба.

— Меня совсем укачало. Возьми в этом притоне бутылку шерри.

— Слушаюсь, мистер Роберт... Одну бутылку шерри?

В голосе шофера мелькнуло удивление и растерянность, и Роберт мысленно выругался. Идиотское положение: он, Роберт Смит, должен изображать черт знает что...

Машина свернула с автострады к невзрачному дорожному кафе, из которого тоскливо свиристел бинг-джаз. Было довольно прохладно, и столики под тентом пустовали, лишь похрапывал в углу пьяница да двое хорошо одетых мужчин пили кока-колу.

На стоянке стояли три машины — два одинаковых коричневых «Ройлса» и черный «Форд» с основательно помятым крылом.

Шофер вошел в кафе, мужчины о чем-то поговорили, поглядывая на машину Смита, и один из них, бросив на руку плащ, направился к машине.

Смит приоткрыл дверь, но ровно настолько, чтобы никто снаружи не смог его заметить.

— Сэр, я очень извиняюсь, но не смогли бы вы подбросить меня до Стрэнг-Роуз? У меня деловое свидание, а машину мою, сами видите... — Незнакомец кивнул на помятый «Форд». — Если вас не затруднит...

— Кончайте ломать комедию. Лезьте, — прошипел Роберт, отодвигаясь.

Незнакомец скользнул в машину и захлопнул дверцу.

— А шофер?

— Вы что, ослепли?

Незнакомец постучал по блестящей темной перегородке, отделяющей заднее сиденье от мест шофера и телохранителя, и хмыкнул:

— Да... А в смысле звука?

— В смысле звука — то же самое.

— Хорошая машина... Надеюсь, вы без телохранителя?

— Да, черт подери, без. Можно подумать, наша встреча рискованна только для вас. Я рискую в два раза больше.

— Ну хорошо, хорошо. После того как я с вашей помощью встал на путь греха, у меня стала побаливать шея.

— Это просто радикулит. Сейчас не вешают.

— Как ни странно, но шея моя болит даже при воспоминании об электрическом стуле. Видимо, просто ассоциативная цепь. А как было хорошо еще месяц назад... Даже «Интерпол» стал забывать меня...

— Вы сожалеете о том, что начали?

— Ни в коем случае. Я просто, откровенно говоря, набиваю себе цену. Итак, что вы хотите мне предложить?

Динамик щелкнул:

— Мистер Роберт, я принес шерри.

— Давай в клапан. И поезжай. В Стрэнг-Роуз.

Звякнуло стекло. Роберт приподнял заслонку — в маленькой нише, выдавленной в перегородке, стояла бутылка. Роберт сунул бутылку в карман дверцы и закрыл заслонку.

Машина тронулась.

— Отлично придумано. Вы не считаете, что фюреру тоже неплохо бы иметь такую машину?

— Вы же не любите Землю?

— Ошибаетесь. Как раз наоборот. Я очень люблю Землю. Всю, целиком. Как яблоко, которое можно съесть. Я работаю в космосе, чтобы вернуться на Землю. Без грима. Тогда не получилось, потому что... Черт подери, что это такое?

Машина резко затормозила. Снаружи слышалась какая-то перебранка.

— В чем дело? — рывкнул Роберт в микрофон.

— Простите, сэр, какой-то алкоголик. Убери свой драндулет, идиот!

— Иди... Иди-от? Я тебе по-покажу! Я хоз... хозяину...

Кто-то рванул дверцу. Незнакомец выхватил пистолет.

В дверях повис парень в синем реглане, то ли пьяный, то ли наглотавшийся наркотиков — во всяком случае, взгляд его вытаращенных глаз был совершенно бессмысленным. Он тупо уставился на пистолет и икнул.

— П-поли... П-полиция?

И вдруг заорал во все горло:

— Бей полицию!

— Трогай! — крикнул Роберт, побагровев.

Машина рванулась с места, пьяный упал, едва не угодив под колесо, бамперы во что-то ударили и со скрежетом отбросили. За боковым стеклом мелькнул одноместный «Ягуар», варварски разрисованный звериными мордами.

— За что же вы его так, мистер Роберт? Хороший парень! Таких надо беречь. Это — наша опора. Слышали, как он про полицию?

— Пьяный сопляк, — проворчал Роберт. — Щенок! Не хватало, если бы он затеял еще драку!

— Пустяки. Впрочем, мы отвлеклись. Итак, я слушаю.

Парень тем временем бодро вскочил на ноги, покачался несколько секунд из стороны в сторону, а потом с воплем «Ах так!» бросился к своей перевернутой машине.

Человек, оставшийся за столиком, отодвинул стакан и вразвалку направился к парню.

Парень неожиданно быстро поставил «Ягуар» в нормальное положение.

— Ну чего разорался? Это не полиция. Пойдем выпьем!

Подошедшему удалось увернуться от первого удара в голову, но второй удар в живот бросил его на землю.

Парень прыгнул за руль, и разрисованный «Ягуар», бешено завизжав на повороте всеми четырьмя шинами, вылетел на автостраду в ту сторону, куда минуту назад ушла машина Смита.

— Ну, задача мне в основном ясна.

— Только учтите — надо знать, как это делается. Возможно, наш общий знакомый не все сказал нам. Важно не только добыть СД, но и знать, как его можно добыть в следующий раз. Понятно?

— Вполне. Давайте теперь о деталях. Я предлагаю обычный туристский рейс на тот же Марс. Послезавтра на Марс идет клипер «Нерон» с очень солидной публикой. Он стоит у нас в плане. Так что тут и организовывать нечего.

— Да, но регистрация!

— Я же сказал — там едет солидная публика, которая может позволить себе роскошь развлекаться инкогнито. Это единственный рейс, где туристов не регистрируют. Когда нас встретят птички, мы с вашим другом покинем «Нерон». Все остальное я беру на себя.

— Я согласен. Где вы нам передадите СД?

— Когда все будет сделано, я дам знать через Блейка. И организуем встречу. Идет?

— Хорошо. Вот еще что...

Щелкнул динамик, и раздался голос шофера:

— Мистер Роберт, за нами все время идет машина.

— Притормози. Посмотрим.

Шофер послушно сбавил скорость, и идущая сзади машина стала заходить сбоку, обгонять их. Это был тот самый разрисованный «Ягуар». Парень за рулем что-то крикнул, и вдруг две синие молнии полоснули по бронестеклу так, что Роберт невольно отпрянул.

— Ах, негодяй! Он еще стреляет... Вперед!

Моторы взвыли, и машина Смита легко вылетела вперед, оставив позади «Ягуар». Еще одна молния полоснула по заднему стеклу.

— Хорошее стекло, — ухмыльнулся незнакомец. — Крепкое... Да оставьте вы его в покое! Минут через пять он врежется во что-нибудь. Он пьян, как последняя свинья.

— Ничего подобного. Я вызову полицию.

— Да бросьте вы...

Но Роберт уже набрал номер:

— Пост? Вы там спите, да? Около Стрэнг-Роуз носится какой-то пьяный маньяк в «Ягуаре» и обстреливает проходящие машины. Да, меня обстрелял. Какое ваше дело, какой у меня номер? Его приметы? Водитель в синем реглане, «Ягуар» разрисован. Что нарисовано? Звери!

Роберт зло щелкнул клавишей.

— Подлецы, — ворчал он. — Растяпы! Понаплодили всяких бандитов, проехать нельзя. Блюстителю порядка... Свиньи... А вы что скалите зубы?..

— Изучаю психологию миллиардеров.

— Бросьте вы свои шуточки, Ральф!

Незнакомец сжался в пружину:

— Чур-чура, мистер Роберт! Советовал бы вам держать язык за зубами. Я не вижу здесь никакого Ральфа.

— Ну ладно, извините... Что я вам хотел еще сказать? Да! Будьте поосторожнее с этим Заморышем. Он ничего не должен заподозрить раньше времени. И ради бога, не читайте ему свои проповеди.

— Я не читаю проповедей будущим мертвецам, мистер Смит.

— Ну и отлично.

Сзади появились еще три фары: два ярких прожектора по бокам и синяя мигалка над ними. Зарыдала скрипучая сирена.

— Не хватает, чтобы они нас зацапали. Говорил вам, мистер Роберт, не надо полиции. Не люблю ее.

— Быстрее! — крикнул Роберт в микрофон.

Моторы завывали на предельной ноте, и машина теперь словно неслась по воздуху. «Ягуар» и полицейский броневик отставали быстро, но Роберт и незнакомец еще смогли увидеть, как фары полицейской машины метнулись влево, преграждая дорогу «Ягуару», и тот резко затормозил.

Они медленно шли по парку, по прямой кипарисовой аллее, и Тэдди никак не решался заговорить. Перед ними вставал узкий и неправдоподобно длинный молодой месяц, повисший почти параллельно к горизонту, как бывает в тропиках — словно ладья красного дерева торжественно и неспешно выплывала из чернильно-синей тьмы. Стрельчатые верхушки деревьев, очерченные розовым кантом, упирались в небо, расписанное крупными созвездиями, и ни единого движения, а только возвышенная отрешенность, как в темном зале готического собора, и едва слышные звуки органа — то ли реальная мелодия, то ли галлюцинация, порожденная неподвижностью ночи.

— Я уже целых два дня твоя жена, Тэдди. Никогда не думала, что это так хорошо — быть женой. Такое чувство, словно тебя несут на руках среди тысяч звезд.

Джой шла чуть впереди, склонив голову набок. Красневатый полусвет лежал на ее лице, и смуглая кожа ка-

залась коричневой. Но Тэдди видел только дрожь полуопущенных ресниц и шевелящиеся губы. И орган играл все громче, словно грустная и торжественная месса вершилась в высоком соборе неба и звезд, над этими двумя маленькими фигурками, затерянными в бесконечности.

— Ты слышишь, Тэдди? Слышишь? Говорят, раньше был обряд, который называли «свадьба». Это когда два человека, решившись жить вместе, давали друг другу клятву никогда не разлучаться. И тогда играл орган.

Горло у Тэдди перехватило, и он торопливо проговорил, чтобы отсрочить хоть немного те, главные сегодня слова:

— Это запись или...

— Это Солсбери. Теперь он играет редко. Особенно в последние годы. А вот когда приехал дядя Клаус, Солсбери играл каждый день. Выйдешь, а за тобой несутся плачущие голоса, требуют чего-то, грозят и прощают. Сегодня дядя Чарльз почему-то снова заиграл.

«Чудачка, — подумал Тэдди. — Неужели ты не понимаешь, что Солсбери прощается с тобой? Он умоляет и грозит, он плачет и радуется, он понимает все, и душа его не может, не хочет примириться с этим. Впрочем, он прощается не только с тобой, он прощается с юностью, которую ты ему напоминала, с озорницей Лили, черты которой он находил в тебе и которая уходит от него в третий раз, потому что любовь, ушедшая однажды, будет уходить от тебя всю жизнь, надрывая сердце, и ничто не в силах притупить этой боли, этой сто тысяч раз повторяющейся безвозвратной разлуки».

Тэдди видел серебристую паутинку, очертившую ухо женщины, и волну волос, серых в лунном свете, и бледную тень на щеке, и бронзовое литье губ...

И вдруг легли на это лицо кадры виденной недавно пленки: обутленный черный шар вместо головы; вместо глаз, носа, ушей — спекшиеся бесформенные угли...

Тэдди зажмурился. Страшное видение растаяло. Синий Дым... Благодаря ему они снова живут на Земле, они

идут по кипарисовой аллее, они слышат орган, они любят друг друга. Прав Солсбери: СД — это чудо, которого так давно ждут люди. И он... Разве он может отказаться, уйти в сторону, струсить? Нет, не может. Именем своей поздней любви.

— Джой, милая... Я завтра лечу.

И сразу стало легче, потому что главные слова были уже сказаны. Он почувствовал, как дрогнуло плечо женщины под его рукой.

— Я знала, что ты полетишь, Тэдди. Ты сильный. Тебе нельзя не лететь, я знаю. У вас, у мужчин, — птичье сердце. Вам нужен полет, и ничто вас не остановит. Я люблю тебя. Целых два дня я была самой счастливой женщиной на свете. Это очень много. Но мне хочется еще побыть счастливой... Когда тебе вылетать на ракетотроном?

— Сегодня.

Джой медленно повернулась. Глаза ее были сухи. Только стали огромными и совсем черными.

— Скоро, да?

— Скоро, Джой. Сейчас.

— Ты вернешься?

— Обязательно.

— Ты даешь слово вернуться?

— Да, я даю слово.

— Что бы ни случилось?

— Что бы ни случилось.

— Будь осторожен, родной. Не знаю, но мне кажется, что они задумали что-то нехорошее, Смиты. Это страшные люди. Подлые. Гадкие.

— Я знаю, Джой. Не беспокойся. Я вернусь и отдам СД, и мы уйдем от них. Мы найдем место, где можно быть счастливыми, правда?

— Конечно, Тэдди. Мы найдем свою звезду. Обязательно!

И она отстранилась от Тэдди, какая-то отчаянно повеселевшая, и закинула голову к небу, и волосы ее покорно метнулись за спину:

Когда, пилот,
не повезет
тебе в полете вдруг,
не верь тому,
что бак в дыму
и что последний круг...

— Ты знаешь нашу песню, Джой?

Джой повернулась к пилоту, руки ее обвили его шею, губы были у самых губ.

— Конечно, знаю. Ее пела мать. Эта песня была моей колыбельной. Ведь я — дочь астронавта и жена звездолетчика. Как же я могу не знать этой песни:

Пока есть ход,
держись, пилот.
А если ад вокруг,
ищи в аду
свою звезду,
еще не поздно, друг!

И повторила шепотом, закрыв глаза:

— Еще не поздно, друг...

— Пилота на взлетную площадку! Пилота просят на взлетную площадку, — издалека, из другого мира, кричал динамик.

— Ну, иди, Тэдди. Иди. И помни — я хочу еще долго-долго быть счастливой. Нигде и никогда не забывай это, ладно?

Она взъерошила его волосы, быстро поцеловала в щеку и слегка толкнула в плечо:

— Иди. И обязательно возвращайся. Ты не имеешь права не вернуться. Потому что теперь есть я.

— Я вернусь, Джой. Обязательно вернусь.

— А я буду тебя ждать. Я еще не умею. Но хорошая жена должна научиться ждать своего мужа. Особенно если муж — звездолетчик. Ведь правда, Тэдди, из меня получится хорошая жена?

Они улыбались друг другу в лунном свете и говорили, говорили, почти не вникая в смысл слов.

— А это ты должен мне вернуть, Тэдди. И он должен везде быть с тобой.

Джой положила в ладонь пилота забавного лопухого и толстопузого человечка, который угрожающе пялил глаза и скалил зубы. Фигурке было, видимо, уже много-много лет, потому что дерево стало почти черным от времени и было отполировано до глянца тысячами ладоней.

— Это Шивонари, Великая Нога, покровитель семинов. Амулет брали с собой охотники, отправляясь в путь, и Шивонари охранял их от беды.

— Его дала тебе мать?

— Нет. Его привез мне дядя Клаус. Он сказал мне, что отец должен был взять Шивонари на Марс, в этот самый полет, но что-то случилось, я не поняла, дядя Клаус сказал «было слишком поздно», и Шивонари остался на Земле, а отца не стало... Так пусть он будет с тобой, и ты должен сам вернуть его мне, помни...

Снова прокричали динамики.

— Они не называют твоего имени, слышишь? Но все равно все будет хорошо, да?

— Все будет хорошо, Джой.

— Иди. Я не буду тебя провожать. Иди.

Он был уже почти у главного корпуса, когда Джой догнала его:

— Тэдди, я совсем забыла... Дядя Чарльз просил взять у тебя спектрографию яйца гловэллы. Ты говорил, что успел тогда сделать спектрографию...

— Гловэллы? Ничего не понимаю...

— Ну, тот самый «танец тройной спирали», помнишь? Над Красным Пятном, помнишь?

— Ах вот что... Кажется, доктор начинает разбрасываться: то СД, то гловэллы. Посмотри в моем столе, Джой. Наверное, это там.

— И еще... Поцелуй меня, Тэдди.

Полковник Арнольд Тесман пытался говорить сурово:

— Когда вы повзрослеете, Дик? Опять вы устроили самодеятельность, опять превысили полномочия да вдобавок насмерть перепугали дорожного полицейского.

Парень в синем реглане переступил с ноги на ногу.

— Тут я не виноват, шеф. Я только показал ему удостоверение МСК, а он вдруг выпалил в меня газовой ампулой...

— Этот симпатичный дед уже побывал в переделке с «Коршунами», переодетыми в форму патруля МСК. Ваше счастье, что он выстрелил снотворным, а не чем-либо покрепче. Ну а все театрализованное представление, погоня, стрельба — как это понимать?

— Но вы же сами говорили...

— Я дал вам задание проследить связи «Коршунов Космоса» с Землей. Но мы не полиция, лейтенант. Мы — особая служба МСК, прошу не забывать. А то, что вы натворили, грубо даже для полицейского агента. Тоньше надо работать, тоньше и точнее. И ни в коем случае не привлекать внимания.

Лейтенант сокрушенно молчал, и Тесман не выдержал — улыбнулся. Улыбался он странно, не дрогнув ни единым мускулом худого жесткого лица — только глаза наливались вдруг неудержимым добрым смехом.

— Короче говоря, вас следовало бы хорошенько наказать, но я надеюсь, что устного замечания достаточно. Поймите, Дик, мне становится все труднее и труднее вырывать вас. Я дал слово начальству, что вы сами исправите свою ошибку.

— Ошибку?

— Да, Дик, ошибку. И непростительную для поклонника детективной литературы. Садитесь, пожалуйста. Вот сюда, поближе. Вы знаете пару, которую так остроумно сняли в их собственной машине?

Тесман протянул юноше фотографию. Из глубины кабины на аппарат смотрели два человека, застывшие в нелепых позах: растопыренные пальцы, раскрытые рты, рука толстяка тянется к лицу, словно пытаясь закрыться от света.

— Конечно, знаю. Этот — Роберт Смит, совладелец фирмы «СС». А этот мрачный тип без определенных за-

нятий, который, судя по всему, имеет какое-то отношение к «коршунам»...

— Вот видите, Дик. «Имеет отношение»... А по нашим данным, это и есть главарь шайки. Больше того. Он — мой старый знакомый. Благодаря ему мне так легко оставаться невозмутимым... С некоторым приближением это можно назвать пластической операцией. Точнее, резекция лицевых нервов. Впрочем, это уже детали. Второй на этом снимке — Белый Ральф.

Юноша вскочил:

— Белый Ральф?

— Да, лейтенант. Для вас это уже история, архаизм. Белый Ральф, гласный и негласный руководитель восемнадцати неонацистских путчей в разных странах, крупнейший военный преступник, которого уже двадцать лет безуспешно разыскивает Интерпол. Он был в ваших руках, Дик. А вы...

— Но я не знал его в лицо!

— Может быть, это даже к лучшему. Вам повезло, Дик. Так везет только в юности... Да. Сейчас для МСК важнее не само «воскресение» Белого Ральфа, а запись его разговора с Робертом Смитом, которую вы сделали направленным микрофоном в пылу своей азартной погони.

— Я старался...

— Я знаю, мой мальчик. Именно поэтому вы сейчас в моем кабинете, а не на гауптвахте.

Дик смущенно потер подбородок, но через секунду вскинул голову, и в его карих глазах не было ни тени раскаяния.

— Простите, шеф, что я доставляю вам неприятности, но... Вот вы говорите: не привлекать внимания. А по-моему, наоборот. Мой синий реглан примелькался в значных местах, меня знает в лицо чуть ли не каждый бармен в Штатах — знает и поэтому не принимает в расчет. Кто такой Дик Стрикленд? Пьяница и задира, скандалист и прожигатель жизни, Кому он помешает? Зато Дик Стрикленд, которого все знают, пробьется

туда, куда не проникнет ни один из ваших «незаметных» агентов, пробьется и узнает все, потому что никому не придет в голову всерьез таиться от этого горластого ша-лопая...

— Стоп, Дик, у вас целая система, о ней мы поговорим в другой раз. А сейчас... сейчас мы хотим использовать вас именно в той роли, которую вы сами себе выбрали — удачно или неудачно, не в этом суть... Завтра вы полетите на Марс.

— Клипер «Нерон»?

— Да. Ваше появление среди тамошней публики действительно не привлечет внимания. Но предупреждаю: никакой самодеятельности на этот раз. Вы — глаза и уши. И ничего более. Ясно?

— Так точно.

Тесман повертел фотографию, положил на стол, прихлопнул сверху ладонью. Рука была сильная и цепкая, с витыми синими венами под задубевшей кожей — рука рыбака или моряка.

— Они заодно, Смиты и «коршуны». Но как и насколько, мы пока не знаем. В записи речь идет о каком-то препарате СД, который надо добыть где-то в космосе. Операция чрезвычайно важная, если Роберт Смит рискнул самолично встретиться с Белым Ральфом. В операции должен участвовать кто-то третий. Кто?

— По-моему, это не сообщник. Смит говорит о нем весьма раздраженно.

— Я тоже так думаю. И это еще более запутывает дело.

— Они упоминали Биоцентр и доктора Солсбери.

— Биоцентром мы займемся. И всем остальным. А ваша задача — «сесть на хвост» Ральфу и его неизвестному напарнику и постараться проникнуть в Гнездо. Штука рискованная, но ведь вы сами только что говорили о своих неограниченных возможностях.

— Вы думаете, Гнездо на Марсе?

— Не исключено. Пока освоена лишь ничтожная часть поверхности Марса, в его бескрайних пустынях, под прикрытием постоянных миражей можно спрятать целые го-

рода, и никакая аэроразведка не сможет их обнаружить. Во всяком случае, Ральф говорит, что их «встретят птички»... Как будто все сходится.

Лейтенант хотел что-то сказать, но, передумав, встал:

— Все ясно, шеф. Разрешите идти?

— Идите, Дик. Исправляйтесь. Но повторяю — никакой самостоятельности... Пойдите! Что это такое?

В руках полковника сверкнул небольшой перочинный нож. Дик хитро сощурился:

— Простите, полковник, сразу видно, что вы не служили в уголовной полиции. Эту штучку мы отобрали у второго «коршуна», который был с Ральфом вчера. Он арестован «по подозрению в грабеже» и отсиживается, по-моему, с превеликой радостью: видно, быть «коршуном» несладко.

— Но зачем «коршуну» перочинный нож?

Вместо ответа Дик взял ножичек и подошел к стенду, стоящему у стены. Там, исполосованная лучеметами всех систем, усеянная оспяными вмятинами от пуль разных калибров, стояла броневая плита толщиной в ладонь.

Лейтенант щелкнул ножичком. Из него выскочило маленькое, длиной в мизинец, лезвие. Дик прикоснулся концом лезвия к плите и провел по металлу витиеватую линию. В его ладони остался внушительный кусок брони, отрезанный по этой линии.

— Обычная уголовная игрушка. Воровской вариант ультразвукового резака. Предназначен для краж со взломом. Режет сталь до двадцати сантиметров, бетон — до полутора метров. Изъят в качестве вещественного доказательства.

Дик хотел было положить нож на стол, но полковник отвел его руку:

— Избавьте, избавьте. Здесь не полиция. Меня подобного рода вещественные доказательства не интересуют. Можете взять это себе. В качестве сувенира. Или военного трофея.

— Зачем он мне, шеф? Я пока не собираюсь грабить банки.

— Кто знает, лейтенант. Если вы и дальше будете вживаться в роль прожигателя жизни, боюсь, что для сохранения репутации вам придется заняться и этим. Ну, желаю удачи, Дик.

7. ПОЕДИНОК

До Луны пришлось добираться на маршрутной «Селене»: было время затишья и таксисты отказывались гонять машину туда и обратно из-за одного пассажира. Даже обещание двойной платы не вызвало у них энтузиазма.

Восьмидесятиместный салон «Селены» был почти пуст. Высокая женщина лет сорока с двумя ребятишками, трое хмурых парней в одинаковых серо-синих тужурках, видимо рабочие с лунных шахт, два поджарых чиновника, подчеркнуто неподкупные лица которых сразу выдавали их инспекторские полномочия, компания веселых негров, с неутихающим темпераментом что-то обсуждавших, меланхоличный индус в европейском костюме и нейлоновой чалме, сонный полицейский с серебряными нашивками лунной охраны — обычные пассажиры обычного маршрутного рейса.

— Девятый пояс. Стоянка три минуты, — объявил хриловатый голос. — Просим пройти к выходу.

Никто не поднялся. Женщина дремала, откинувшись в кресле. Ребятишки прилипли к иллюминаторам, наверное, это был их первый космический рейс. Рабочие в серо-синих тужурках лениво играли в мики-мики. Инспектора, как по команде, с брезгливым осуждением поглядывали на негров, которые затаили какую-то причудливую, тоскливую мелодию без слов. Индус читал газету, а полицейский жевал пирожок.

Двигатели смолкли. Соленоиды втянули корабль в тоннель, и через несколько секунд открылись двери пневмокамеры. «Селена» выстояла положенные три минуты, но и на этой остановке никто не вошел.

До конечной было еще около часа, и Тэдди закрыл глаза. Его всегда клонило в сон при нудных маршрутных

перелетах. На такси он давно был бы на Луне. А тут еще целый час. Да еще не меньше часа от вокзала до турбазы. Он даже не успеет как следует познакомиться со своим напарником. Впрочем, они успеют еще поговорить на клипере.

Что сейчас делает Джой? Она, конечно, тоже не ложилась. Колдует, наверное, с доктором Солсбери над своими диковинными аппаратами, а мысли ее далеко-далеко... Кстати, зачем Солсбери понадобилась спектрография яйца гловэллы? Какое отношение это имеет к СД? Или доктор просто решил отвлечься?

СД... Темная история. Господи, как не нужны ему эти детективные махинации сейчас, когда появилась Джой! Она последний круг, последний шанс, последняя попытка снова стать человеком. И он все-таки должен идти на сделку с совестью, быть соучастником в темном деле, чтобы зло обернулось добром. Парадокс. Но это — в последний раз. Больше он не будет послушной игрушкой в руках Смитов. Хватит...

У самых ног плескался океан. Присутствие Джой как-то неуловимо меняло все вокруг: привычные вещи становились загадочными, мертвое — живым, будничное — сказочным.

Вот и сейчас они бежали по косе, хохочущие, мокрые с ног до головы, а океан играл с ними, как веселый домашний пес. Вот он с тихим ворчанием отполз назад, обнажив песок, на котором стекающие струйки мгновенно прорезали глубокие канавки. Но едва они с Джой остановились на широкой полосе песчаного наката, как океан ошетинился белыми клочьями пены и, победно рыча, длинным прыжком бросился на них. Джой попыталась отскочить, но океан был проворней, и волна, как большая белая лапа, мягким толчком повалила ее на песок. Тэдди бросился на помощь, но океан вторым толчком свалил и его, обдал тысячью брызг и, довольный, отскочил назад, а они лежали на песке, обессилившие от смеха, отплеываясь от горько-соленой воды, попавшей в рот...

Тэдди очнулся, почувствовав чей-то внимательный взгляд.

Перед ним стоял контролер. Тэдди полез в карман и тут только понял, что совершил оплошность. Он не взял билет чисто автоматически — забыл. Потому что звездный персонал имел право бесплатного полета на любую планету. В маршрутных рейсах, разумеется. Но его пилотская книжка сгорела во время аварии на автостраде, а теперь...

Густо покраснев, Тэдди достал бумажник:

— Простите, я спешил. Я забыл взять билет. Я заплачу штраф.

Контролер еще раз внимательно взглянул на пилота и спокойно ответил:

— Ну что вы, бог с вами. Никакого штрафа. Я вас знаю. Вы, видимо, просто не взяли с собой удостоверение, да? Ведь вы Эдвард Стоун, пилот Службы Звездного Коридора, не так ли?

— Да, я Эдвард Стоун. То есть...

Вторая оплошность. Черт подери, ведь в газетах было сообщение о его гибели. А выходцы с того света не в почете даже у контролеров. Тем более у полиции. Господи, так глупо влипнуть!

Но контролер не проявил никакого беспокойства. То ли он не читал газет, то ли считал воскрешение из мертвых вполне нормальным явлением. Так сказать, особым хобби звездолетчиков. По крайней мере, он отошел к дверям и невозмутимо уставился в иллюминатор.

Когда контролер вышел, Тэдди перевел дух: кажется, пронесло. Впрочем, успокаиваться было рано. Оставалось еще две остановки до Главного вокзала, и надо было решать. Если контролер вызвал полицию, то она встретит пилота на вокзале. Можно сойти на Грузовой базе и попытаться поймать какой-нибудь попутный глассер.

Тэдди взглянул на часы. Не выйдет. Времени в обрез. Трудно сказать, как скоро удастся поймать попутную машину. Но если даже и удастся поймать сразу,

по лунной поверхности до турбазы обычному глассеру часа три ходу.

Придется рискнуть. Авось пронесет.

— Конечная, — объявил робот. — Большое кольцо — по эскалатору вниз. С благополучным прибытием на Луну. До свиданья.

Под огромным зеленовато-матовым куполом Главного вокзала знакомо всхлипывали регенераторы. По залу бродили какие-то лохматые юнцы, явно не зная, чем бы им заняться. С рекламных щитов, выпятив квадратные челюсти, смотрели розовощекие сверхчеловеки. Они обещали юнцам пробудить скрытые возможности их натуры.

Толстый полисмен профессиональным взглядом ощупал выходящих и тяжело, с хрустом зевнул.

Тэдди спустился по эскалатору вниз, в облицованный красным базальтом шарообразный зал Центральной станции Большого кольца. Когда-то это действительно было подземное кольцо, соединяющее немногие лунные базы. Но когда стало ясно, что жить внутри Луны в десятки раз проще и безопаснее, а обилие внутренних пустот в недрах спутника сводит до минимума затраты на подземное строительство, лунное метро перестало быть кольцом. Теперь Луна изъедена тоннелями, как головка сыра, а на поверхности остались только оплавленные пяточки ракетодомов.

Пилоту повезло: в пусковом желобе стоял как раз его поезд, и Тэдди успел заскочить в вагон.

На этот раз он был совершенно один в вагоне.

Нарастающее ускорение слегка прижало пилота к спинке кресла. Поезд развивал скорость. Турбаза находилась на противоположной стороне Луны, и этот маршрут пронизывал планету по хорде. Могучие соленоидные магниты разгоняли длинную иглу состава до огромной скорости в середине пути, а потом переключались и плавно тормозили состав, который, достигнув конечной станции, минуту стоял, а затем снова падал в лунные недра. Это было самое экономичное и самое быстрое метро в мире,

потому что поезд не останавливался на промежуточных станциях: вращающиеся тормозные площадки в шарообразных залах делали ненужными остановки. Просто открывались двери, и люди заходили в летящий вагон со стремительной ленты кинетропа так же легко, как в неподвижный дом с неподвижной почвы.

На этот раз кинетропы были пусты, и двери открывались напрасно: в вагон никто не входил.

И только сейчас, падая в лунную бездну со скоростью тысяча миль в час, Тэдди по-настоящему успокоился.

Все обошлось. Контролер не сообщил полиции.

* * *

Селектор на столе Арнольда Тесмана сегодня словно взбесился: пока полковник говорил с одним, на пульте нетерпеливо мигали два-три огонька одновременных вызовов. Тесман уже пожалел, что велел докладывать обо всем подозрительном, что случится сегодня, немедленно и лично ему. Оказалось, что в обычный летний день, теплый и пронизанный добрым солнцем, подозрительного случается гораздо больше, чем в состоянии вместить человеческая голова.

В основном это был поток пестрых мелочей, вряд ли имеющих отношение к делу, которое занимало сейчас полковника. Управление уголовной полиции сообщало с Марса, что какие-то молодчики угнали три тяжелых пещохода. Погоня преследовала их до Желтой пустыни, но пылевая буря заставила полицейские машины повернуть обратно. Кто угнал, выяснить не удалось. Возможно, очередная компания «кладоискателей», мечтающих разбогатеть, роясь в брошенных платиновых шахтах.

Патрульная служба сообщила о дополнительном наряде из трех быстроходных эсминцев, вышедших на трассу Марс — Луна. Молодцы. Действуют быстро. Если гнездо на Марсе, «коршунам» не уйти.

Дауйт Смит вылетел в Биоцентр. Надо сообщить группе «Б» — пусть не спускает с него глаз.

Первый «коршун» исчез. Но куда он исчез известно. Тесман вызвал Дика.

— Первый гость в пути. Принимай.

— Жду.

Убийство в Монреале. Карточка «коршунов». Это потом... Шлихтер вылетел в Аргентину в качестве туриста. Старая песня... Какой-то маньяк задержан при попытке нарисовать свастику на здании ООН... В Техасе обнаружен секретный склад оружия. Какое оружие? Станковые лучеметы? Ну, это еще цветочки!.. Наблюдатель с Фобоса сообщает о старте неизвестного космолета из района Желтой пустыни. Странно. Если это «коршун», то почему они вылетели так рано, не дождавшись главаря? Очень подозрительно. Надо держать связь с Диком, остальным пусть занимаются отделы.

Полковник дал общий отбой, но одна лампочка продолжала мигать, несмотря на команду. Тесман включил нарушителя дисциплины.

Им оказался старый служака, начальник лунной полиции Кодзиморо Катаяси.

— Прошу прощения, мистер Тесман, но я осмелился нарушить вашу команду, сэр. Извините, но у меня очень важное, даже необычное, мистер Тесман, сообщение.

— В чем дело, Кодзиморо?

— Прошу прощения, но агент 321 только что сообщил мне о том, что на рейсовой «Селене» прибыл пилот Эдвард Стоун, который...

— Кто-кто?

— Эдвард Стоун, пилот Службы Коридора, который погиб в автомобильной катастрофе в сорока милях от Филадельфии и труп которого...

— Я помню, Кодзиморо. Но вы уверены, что это он?

— Вот фотография, которую успел сделать агент.

Полковник придирчиво взгляделся в снимок. Дьявольски похож! Только...

— Кодзиморо, вам не кажется, что Стоун выглядел старше?

— Да, сэр, кажется. Но этот человек откликнулся на имя Эдварда Стоуна, хотя после этого явно стал нервничать.

— Ерики-нолики... Оставьте пока фотографию на экране.

Он включил второй экран:

— Дайте картотеку. Пароль «Птичка».

— Слушаю вас.

— Мне нужно дело о гибели пилота Эдварда Стоуна. Только снимки.

— Одну минуту.

Интересно, что все это значит? Стоун... Труп похищен «коршунами»... Биоцентр... Живой и здоровый Стоун прибывает на Луну инкогнито... К кому? Не к Ральфу ли?

Полковник рассматривал фотографии и так и сяк, меняя увеличение, яркость, угол падения света. Нет. Сомнений быть не могло. Эдвард Стоун действительно погиб. На всех посмертных фотографиях хорошо видно его лицо. Это, пожалуй, единственная неповрежденная часть тела. Нет, Стоун мертв. Но кто же тогда его живой двойник?

Тесман сравнивал фотографии. Действительно, двойник. Поразительное, небывалое сходство. С одной только разницей — у двойника меньше морщин. Он явно моложе.

— Кодзиморо, и куда же этот человек направился?

— Он спустился вниз, на Большое кольцо, и сел в «Вечный маятник».

— Может, он доберется этим маршрутом до Шестой турбазы?

— Это конечная остановка «Вечного маятника», сэр.

— Ясно. Спасибо, Кодзиморо. Вы нам очень помогли.

— Продолжать наблюдение, сэр?

— Нет, не надо. Я знаю, куда он направился.

Тесман снова вызвал Стрикленда:

— Дик, жди второго гостя. Только ничему не удивляйся. Ты знал пилота Эдварда Стоуна?

— Тэдди Заморыша? Заочно — да.

— Так вот он сейчас к тебе явится.

— То есть как?

— Стоун действительно погиб. Но зачем явился его двойник, это непонятно. И кто он, тоже неизвестно. Никаких контактов. Никаких действий. Только наблюдения. Ясно?

— Ясно, полковник.

* * *

За двадцать с лишним лет звездной службы Тэдди ни разу не приходилось быть туристом. Поэтому пестрая публика, с минуты на минуту готовая провалиться в комфортабельное чрево «Нерона», чтобы испытать жуткую прелесть инопланетной жизни, заинтересовала его.

Тэдди помнил слова об «избранном обществе» и немного робел сначала, ожидая увидеть нечто необычное. Но в роскошно отделанном под хрустальную пещеру зале ожидания царил знакомый душок дешевого кабака: те же хриплые песенки, те же размалеванные лица, те же пьяные выкрики и ругань.

На пилота уже несколько раз оглядывались удивленно, и Стоун понял, что сделал сегодня еще одну ошибку, надев строгий штатский костюм. «Избранная публика» была одета так, словно собралась на маскарад. Престарелые леди в ярких шортах и отчаянно декольтированных пылающих кофтах тащили за собой розовощеких, тупоглазых мальчиков с мокрыми пухлыми губами. Седые кавалеры в джинсах вели юных дам, в своих драгоценностях похожих на новогодние елки. На боку у каждого, считающего себя мужчиной, громоздились огромные «кольты», словно вся эта шумная компания собиралась уничтожить по крайней мере половину животного мира Системы.

От гама и смрада Тэдди захотелось выпить, но столики были далеко, и он стоял, прислонившись спиной к переливающейся кварцевой призме стены.

— Что же вы не пьете, Тэдди? Перед дальней дорогой неплохо пропустить стаканчик! Тем более что вся эта роскошь входит в стоимость билета.

Пилот не заметил, как к нему подошел высокий человек в просторном сером свитере и каскетке с помпоном.

— Стивен Роуз, ваш напарник. А то, что вы Тэдди Стоун, я уже знаю. Я вас сразу узнал.

Человек говорил вполголоса, и Эдвард, привыкший оценивать ситуацию сразу, остался доволен первым впечатлением: парень, кажется, не робкого десятка. Из-под козырька каскетки на Стоуна бесстрастно смотрели серые, с синеватым отливом, глаза. Небольшая голова плотно сидела на треугольной жилистой шее кэтчиста. Человек жевал жвачку, и тяжелый подбородок с белым шрамом посередине ходил вправо и влево с ритмичностью раз и навсегда заведенного механизма.

— Стивен Роуз... Вот вы какой...

— Нравлюсь?

— Пока да.

— Ну и отлично. Надеюсь не испортить впечатления и в дальнейшем.

— Вы давно летаете?

— Давно. Еще вопросы есть?

— Да.

— Если они касаются моей биографии, то они бессмысленны, а если нашего с вами дела, то ответ один: сейчас посадка, во время полета будем действовать по моей команде. Пока все. В салоне «Нерона» никаких разговоров о деле прошу не заводить. Еще вопросы?

— Пожалуй, пока достаточно.

Тэдди слегка покоробил командный тон Стивена, но он промолчал: в конце концов, вокруг глаза и уши любопытных, а внимание привлекать не следует.

— В космосе наговоримся, — усмехнулся Стивен.

Тэдди приглядывался к напарнику.

— Послушайте, Роуз, я где-то вас видел. Мне знакомо ваше лицо.

— Возможно. Но в таком случае у вас колоссальная зрительная память. Потому что мы виделись с вами один раз, когда я был курсантом летной школы, а вы знаменитым звездолетчиком. И если вы запомнили мою физиономию среди четырех тысяч пятисот двадцати двух остальных, стоявших в почетном каре в вашу честь, то я вас искренне поздравляю. Такое случается редко. Особенно если в уравнение ввести возрастной коэффициент...

— Нет, я на такое не способен. Однако... Впрочем, я, видимо, ошибаюсь.

— Видимо, да.

Разговор не клеился, и они оба стояли у стены молча, выискивая наиболее колоритные фигуры среди этого карнавального великолепия и следя рассеянно за их сложными орбитами.

— Роскошная публика, — процедил сквозь зубы Стивен. — Сливки современного общества на лоне природы. Масса интеллекта и возвышенных чувств.

Он подозвал автостолик, и они выпили по двойному виски.

— Может, еще?

— Нет, не хочется.

Объявили посадку, и толпа с радостным ревом ринулась к выходу на причал.

— Какое чувство собственного достоинства! — цедил Роуз, пропуская толпу вперед. — Какая утонченная галантность! Какая светскость! Посмотрите вон на того молодого джентльмена! Разве вы не чувствуете мощные токи голубой крови?

Роуз снова посмотрел назад и повел бровью:

— Простите, Тэдди, но, вероятно, мания узнавания заразна. Этот молодой джентльмен, так уверенно движущийся к своей цели, тоже кажется мне знакомым. Я уже где-то видел его.

Парню в синем реглане было, по всей вероятности, плохо.

Он направился к белоснежным столбикам высокочастотных освежителей, призывно поблескивающих аква-

мариновыми глазками. Но поскольку путь по прямой в данном состоянии был для него невозможен даже теоретически, то, описав сложную виртуозную кривую, он уперся именно в тот единственный освежитель, на котором горела табличка: «Просим извинить, автомат на ремонте».

Как известно, сомнение — сестра мудрости, и поэтому парень все-таки нажал пусковую кнопку, и поскольку ничего не произошло, он тупо уставился в параболическое зеркало отражателя.

— Чудеса, — пробормотал парень своему чудовищно искаженному отражению. — Похож как две капли воды. Даже манера держаться, жесты. Ну, ладно, я пошел. Гости в сборе, свадьба начинается.

— Они о чем-то говорили? — тихо спросило зеркало.

— О свадьбе — ни слова. Пустая болтовня. Я пошел к гостям.

— Ни пуха ни пера, Дик, — сказала зеркало.

— К черту, — сказал парень своему отражению и, стараясь ступать прямо, направился к выходу на причал.

— Пропустите джентльмена, Тэдди, — сказал Стивен.

— Б-благодарю, го... гос... господа.

— Я его вспомнил. Отличный юноша. Позавчера на автостраде он чуть не пристрелил меня, приняв за полицейского.

Распахнутое чрево «Нерона» заглатывало туристов.

— Теперь вы понимаете, мистер Дуайт, что необходимы самые срочные меры?

— Позвольте, доктор Солсбери, но...

— Никаких «но», мистер Дуайт. Иначе мы не поймем друг друга. Можете считать это ультиматумом.

— Вот как?

— Да. Речь идет о будущем человечества, и здесь я непреклонен. Проблема оказалась гораздо шире, чем я мог предполагать.

— Вам не кажется, что вы берете на себя слишком много?

— Нет, не кажется. Я согласен продолжать работу над СД, но при двух условиях.

— Первое.

— Немедленное прекращение полета Эдварда Стоуна и его напарника. Бомбить Красное Пятно нельзя. Это может обернуться непоправимой трагедией.

— Для кого?

— Для человечества. Для науки.

— Так. — Дуайт легонько стукнул по столу ребром ладони. — Хорошо. Второе условие.

— Немедленное уведомление обо всем Международного Совета Космонавтики.

— Немедленное?

— Да, немедленное. Я подготовил материалы. Они у меня в сейфе.

— В таком случае дайте их мне. Я передам.

— С вашего разрешения этим может заняться Джой Митчэлл. Вы согласны, Джой?

— Да, мистер Солсбери. Разумеется.

— Так...

Дуайт тяжело поднялся. Губы его, и без того тонкие, сейчас сжались в узкую прямую нить. Он медленно оправил свитер, снял очки и, подслеповато щурясь от света лампы, несколько раз подбросил их на ладони. Потом огляделся.

Кабинет Солсбери мало изменился за прошедший месяц.

Все так же упирались в сводчатый потолок стеллажи, между которыми поблескивали лабораторные витрины.

Все так же светилося над письменным столом мозаичное панно, выложенное люминесцентной плиткой, на котором вот уже много лет нарисованный Мефистофель искушает нарисованного Фауста.

Здесь они с Робертом впервые увидели физически изменившегося Солсбери, узнали о таинственном препарате СД, сулящем огромную власть и огромные деньги.

А теперь здесь пахнет бунтом. Солсбери изменился физически — это его дело. Но позволить ему измениться

морально — как бы не так. Вот он сидит и ждет. Уверен в себе. В своей незаменимости.

— Значит, ультиматум... Ну, что же, мистер Солсбери, давайте-ка говорить откровенно. Без дипломатии.

Он перевел дыхание.

— Первое условие мы выполнить не можем. Эдвард Стоун с его напарником уже в космосе. Их не вернуть.

— Но можно дать срочно радиограмму на «Нерон». Ведь сейчас они еще на «Нероне»!

— Ах вот как, мисс Джой. Вы, оказывается, знаете даже про «Нерон». Я догадываюсь, от кого у вас такая подробная информация. Мне очень жаль, что у пилота Эдварда Стоуна оказался такой длинный язык. Подобная осведомленность может кончиться плохо и для него, и для вас. Да, о чем я? Ага, о первом условии. Так вот, если моя формулировка не устраивает мисс Джой, предлагаю уточненный вариант: фирма «СС» не собирается возвращать Стоуна и его напарника из космоса. Нам нужен Синий Дым, и он у нас будет. Много Синего Дыма. А если эти ваши твари после бомбардировки передохнут, тем лучше. Фирма «СС» будет монополистом в производстве СД. Поэтому что все наличные запасы Синего Дыма будут храниться в наших контейнерах.

— Чудовищно, — тихо сказал Солсбери. — Я не верю своим ушам. Образованный человек говорит на языке людоедов. Просто чудовищно... Вы слышите, Джой, что он говорит?

— Он говорит то, что думает, — так же тихо ответила Джой. — Это уже хорошо.

— Вы снова правы, мисс Митчэлл. Фирме «СС» необходимо монопольное право на СД, и она сметет, растолчет в пыль все препятствия на пути. Даже если этим препятствием окажетесь вы, доктор Солсбери.

Дауйт выдержал паузу и продолжил:

— Вот вам, собственно, ответ на второе ваше условие. МСК получит информацию из наших рук, а не из ваших. Тогда, когда это будет нужно нам, а не вам, и такую, какую хотим мы, а не вы. Если согласны на наши условия

именно на наши, милости просим, мы дадим вам возможность продолжать работу. Нет — пеняйте на себя. Это, если хотите, тоже ультиматум. Причем ультиматум последний. И обсуждению не подлежащий. Только «да» или «нет». И без всяких хитростей: Смиты не любят шуток дурного тона.

Даже желтый свет лампы не мог скрыть внезапной бледности Джой. Она вцепилась в край стола так, что суставы пальцев побелели. Солсбери мягко накрыл ладонью напряженные руки женщины.

— Скажите, мистер Дуайт, что вы сделаете, если мы ответим «нет»?

Узкая ниточка рта Дуайта расползлась, приоткрыв мелкие острые зубы. Он протер очки платком и водрузил их на свой крючковатый нос, приобретая жутковатое сходство с грифом-могильщиком.

— Вы всю жизнь были ребенком, Чарльз Солсбери, и ваша житейская неопытность спасала вас от беды. Не советую вам терять наивность и пытаться решать взрослые вопросы: столкновение с действительностью может оказаться для вас роковым. Я думаю, что вы меня поняли достаточно хорошо.

— Кажется, достаточно. Жаль, что слишком поздно.

— Вот именно — слишком поздно. Сейчас и вы, и мисс Джой уже не люди. Вы марионетки, которых мы можем ликвидировать одним движением пальца. И чтобы на этот счет у вас не оставалось никаких сомнений, прошу вас изучить фотокопии двух документов.

Дуайт вынул из нагрудного кармана две небольших фотографии и бросил их на стол.

— Подлинники этих двух документов, которые найдут при вас, если с вами что-нибудь случится, докажут полную непричастность фирмы к вашей смерти, потому что вас ликвидируют ваши же сообщники.

Дуайт направился к лифту, но остановился на полпути:

— Словом, я советую вам крепко подумать. Я не спрашиваю у вас ответа сейчас. Мы даем вам время все оценить и взвесить. Однако и не затягивайте ответ: это срок

прибытия СД. Этот час будет часом вашего освобождения или... Словом, подумайте. Незаменимых людей нет.

Он сам вызвал лифт и уже из дверей его добавил:

— Я советую вам не терять времени зря и не пытаться искать выхода из зоны «Т». Я последовал вашему примеру, мистер Солсбери, и подробнейшим образом изучил все планы подземных лабораторий Биоцентра. Можете поверить мне на слово: все входы и выходы из зоны «Т» блокированы. Видеофон и прочие средства связи — то же самое. Единственное, что свяжет вас с внешним миром, вот этот зуммер-передатчик. Он настроен на волну Рэчела. Свое «да» вы сможете передать через него. Ваше молчание будет расценено как «нет» вплоть до «часа СД», который решит вопрос вашего пребывания в этом грешном мире. Ну а пока — до свидания. Надеюсь, все-таки до свидания.

Двери лифта захлопнулись, и красная стрелка указателя побежала по маршрутному плану.

Джой пыталась рассмотреть фотокопию, но буквы прыгали вкривь и вкось, и она видела только когтистую черную птицу и рядом чью-то фотографию, и только когда она сообразила, что это ее собственная фотография, буквы постепенно перестали прыгать, и Джой, спотыкаясь, смогла прочесть:

— «Я, Джой Лилиан Митчэлл, вступая в ряды свободной организации «Коршуны космоса»... соглашаюсь с уставом... принимая право сильного над слабым... клянусь быть ножом, разящим в спину, змеей, жалящей в пятку... да оправдает меня над законом и моралью... право убивать и грабить во имя Нового света...» Господи, что это за чушь, дядя Чарли?

Солсбери, подняв брови, уткнулся во второй снимок:

— «Я, Чарльз Джонатан Солсбери... «Коршуны»... право сильного»... Ага, вот: «И пусть тогда настигнет меня смерть, невидимая и мгновенная, необъяснимая и мучительная, и смрадный труп мой не примет земля, а душу не примет небо... и да исполнится грозная воля Первого Коршуна...»

— Что значит вся эта безграмотная заумь, дядя Чарли?

— Ничего особенного, Джой. Просто если нас убьют, то все свалят на бандитов, которые нам якобы отомстили за какую-то провинность. Потому что в глазах людей мы будем сообщниками бандитов. А Смиты выйдут сухими из воды.

Солсбери смотрел невидящими глазами прямо перед собой, куда-то на дверь лифта, на маршрутный план, на котором давно уже погас красный указатель.

— И самое главное, что люди будут очень недалеко от истины. Я действительно, сам того не подозревая, много лет не кто иной, как сообщник бандитов. Я воображал, что стою над свалкой, а оказался в самой гуще свалки. Жаль, что я понял это слишком поздно. Погиб сам и погубил тебя, моя девочка.

— Ну что вы все твердите о смерти! Неужели нет никакого выхода?

— Выхода? Не знаю, Джой. Честное слово, не знаю. Все это так неожиданно... А насчет выхода... Если Дуайт сказал правду, то здесь, в зоне «Т»... Словом, мы попали в самую совершенную в мире ловушку, Джой.

Оказалось, что быть туристом — занятие до предела скучное и нудное. Стивен сразу же завалился на тахту и закрыл глаза, давая понять, что любые разговоры сейчас неуместны.

Тэдди принял все восемь типов душой, имевшихся в ванной, выпил сухого токайского и без всякого удовольствия проглотил омлет из голубиных яиц, позевал над осточертевшими звездными пейзажами, послушал бархатный голос дикторши, которая вкрадчиво и доступно комментировала межпланетные красоты, не забывая, однако, весьма удачно демонстрировать пепельно-голубую спираль прически «Галактика», подивился новинке — «секс-джазу», где музыку полностью заменил булькающий ритм ударника и надрывно-страстные мужские и женские вздохи и придыхания, перерыл кучу рекламных проспектов — единственную «библиотеку» каюты — и, вконец ошалев от безделья, тоже улегся на тахту.

Часа через два Стивен встал и уселся перед экраном, методически обшаривая взглядом звездный планктон. Он выключил и «секс-джаз», и голос дикторши, а когда она появлялась на экране, каждый раз в новом ракурсе, и беззвучно открывала и закрывала свой капризный ротик в золотой помаде, раздраженно кривился и шепотом отпущал в ее адрес не совсем лестные замечания.

Тэдди следил за ним исподлобья и еще и еще раз ловил себя на мысли, что ему знаком этот тупоносый, со скошенным лбом профиль. Но как он ни старался, ничего путного на ум не приходило.

Стивен начал нервничать, поглядывать на часы, быстрее менять стороны обзора. Но везде была только звездная пыль, на которой выступал светло-зеленый диск заметно уменьшившейся Земли с крошечным лунным серпиком и рыжевато-красный пятак Марса с Фобосом и Деймосом, торчащими в разные стороны, как кончики длинных черных ушей.

У Тэдди как-то странно защемило сердце. Это не было ощущение приближающейся тяжелой работы или страх перед неизвестным. Тогда щемило по-другому... Что-то сейчас делает Джой?

Впрочем, может быть, это просто действие токайского.

Тэдди предпочитал что-нибудь покрепче: виски, например, бодрил, а вот вина, даже сухие, делали тело тяжелым и сонным.

Может быть, выпить виски?

Стивен щелкнул выключателем. Экран погас.

— Собирайтесь, Тэдди. Скоро нам предстоит сделать маленький марш-бросок в пространство, так сказать, пешим порядком.

Тэдди уже успел понять, что спрашивать Роуза о чем-либо бессмысленно, и молча ждал.

Но Роуз не торопился с объяснениями.

— А сейчас я предлагаю пропустить по стаканчику виски для бодрости духа, а также поднять второй за успех нашего предприятия.

Они выпили сначала для бодрости, потом за успех, а потом Роуз, что-то невнятно пробормотав, осушил две стопки подряд самостоятельно. Глаза его заблестели и стали наливаясь кровью. Он выпил еще стопку и повернулся к Тэдди, который наблюдал за напарником без особого энтузиазма. Стивен прищурился, и в его затуманенном взгляде мелькнуло что-то похожее на злую радость.

— Бойтесь со мной лететь, Эдвард Стоун?

— Нет, отчего же? — ответил Тэдди почти искренне.

Роуз разочарованно сплюнул. Радость в глазах погасла.

— Я не люблю, когда меня не боятся. Меня это обижает. Вы должны меня бояться, потому что страх — это основа подчинения.

«Виски он хлещет, как бог, — подумал Тэдди. — Только вот мания величия — это уже ни к чему. Особенно в космосе».

Но когда Стивен потянулся за седьмой, Тэдди взял его за руку:

— Хватит, Роуз. Я не намерен тащить вас в трале. Не говоря уже о предложенной вами пешей прогулке через пространство.

Стивен был действительно пьян. Глаза остекленели, скулы заострились, на губах показалась пена. Он что-то невнятно бормотал и отбросил руку пилота. Потом с явным отвращением опрокинул стопку в рот.

Тэдди растерялся. Этого еще не хватало. Стивен трусит? Какého же черта тогда...

Стивен снова повернулся к Тэдди. Он был трезв, только глаза лихорадочно блеснули.

«Эге, братец, — подумал Тэдди, — а ты ведь долго не протянешь. Если ты даже еще не алкоголик, то где-то очень близок к тому. Потому что это мгновенное опьянение после первой и неожиданная трезвость после седьмой стопки — типичный алкогольный синдром. Проще говоря, психоз. Ну, да ладно, протрезвел, и то хорошо».

Двигатели «Нерона» внезапно смолкли, и Тэдди потянулся к экрану, чтобы включить обзор, но Роуз остановил его руку:

— Не надо. Я знаю, что происходит. Все идет, как положено.

Он чуть приоткрыл дверь в коридор и стоял прислушиваясь. К обычному полупьяному гулу из кают примешались новые звуки: резкая ругань или команда, шум свалки, явственный окрик «Стой!», выстрел. По коридору кто-то бежал неровно, припадая к стенам, и вдруг рухнул, не добежав до двери. Где-то в глубине коридора громко постучали, а через секунду раздался истошный женский визг.

— Что случилось?

— Помалкивайте. Идемте за мной.

Снова один за другим два хлопка выстрелов, снова требовательный стук и женский вопль через секунду — теперь уже немного ближе.

— Все идет даже лучше, чем положено. Пошли.

В коридоре никого не было. Шагах в двух, загородив проход, лежал лицом вниз человек в парадной форме экипажа клипера. От него неровной дорожкой по полу тянулась красная полоска вглубь, к двери с надписью: «Только для звездного персонала». Стивен перешагнул через лежащего и, обернувшись, прикрикнул на Тэдди:

— Ну что вы устались на этот мешок? Покойников не видели? Скорей!

Они бегом миновали коридор. Дверь оказалась незапертой, и Стивен, пропустив Тэдди в рубку, плотно прикрыл ее за собой. Вся дежурная смена в одинаковых белых кителях с золотыми эмблемами «Нерона» стояла у стены с поднятыми руками.

«Пятеро, — мелькнуло у Тэдди. — Шестой в коридоре...»

У стены напротив стоял, ощерясь, приземистый тип с тяжелым лучеметом системы «кольт» на груди. Ажурный конус излучателя смотрел в грудь крайнему из экипажа.

При виде Роуза он сделал нечто вроде стойки «смирно» и вопросительно посмотрел на него запавшими бесцветными глазками.

— Оставь нас, двадцатый, — коротко бросил Стивен, разглядывая астронавтов.

Бандит нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Иди-иди. Там, в каютах, есть хорошенькие девочки. Как раз в твоём вкусе.

Когда бандит вышел, Роуз захлопнул за ним дверь и защелкнул задвижкой для верности.

— Опустите руки. Я хочу вам помочь. Только никаких вопросов. Кто радист?

— Радист — там, — кивнул один из астронавтов в сторону двери.

— Кто может передать сообщение?

— Я, пожалуй, но смотря что...

— Передавайте: «SOS. Всем, всем, всем. Туристский клипер «Нерон». На меня совершенно нападение. «Коршуны космоса». Мои координаты...»

Астронавт — судя по нашивкам, штурман — уже сидел на месте радиста и, включив общую передачу, повторял за Стивеном слова сообщения.

— Передали? И еще: «Корабль «коршунов» ушел в сторону Марса. Прошу организовать погоню».

— Разве они ушли?

— Еще нет. Но скоро уйдут. Для этого нам нужны скафандры — мне и ему.

— Скафандры здесь. — Штурман кивнул на узкий люк с надписью «Только при аварии». — Мы можем вам чем-либо помочь?

— Пока только тем, что не будете поднимать шума, — ответил Стивен, с трудом пролезая в люк.

Скафандры нашлись быстро и по росту. Правда, для путешествий в пространстве они не предназначались — это были легкие, элементарные ремонтные комбинезоны с кислородными баллонами вместо регенераторов, а в гермошлемах не было ничего, кроме переговорного устройства. Но на худой конец и это могло пригодиться. Хуже было то, что вместо обычных двигателей на скафандрах болтались плазменные импульс-пистолеты.

— Так вот, — проворчал Стивен. — Туалеты отделаны слоновой костью, а у экипажа скафандры середины двадцатого века. Блеск и нищета. Закон бизнеса. Grimасы жизни.

— Далеко нам? — спросил Тэдди, завинчивая гермошлем.

— Не знаю. Будем искать по пеленгу.

— Нас ждут?

— Если речь идет о тральщиках, то да. Лезьте в вакуум-камеру, я сейчас.

Он толкнул люк и хотел снова вернуться в рубку, но застрял из-за толстого скафандра и только просунул туда верхнюю часть туловища.

— Ну, как там? — спросил штурман.

— Отлично, — ответил Стивен и, неудобно ворочаясь, просунул в рубку раструб импульс-пистолета.

Белый язык пламени прошелся наискось по фигурам пяти застывших в разных позах астронавтов, по панели радиации, перечеркнул пульт управления и расслоил надвое ЭВМ координации автоматов. Оставшиеся автоматы работали теперь каждый кто во что горазд, и комфортабельный клипер закувыркался, как большое животное, лишенное вестибулярного аппарата.

Когда он влез в вакуум-камеру и включил реле выхода, Тэдди спросил:

— Что они там делают? Танцуют «глэнн» на пульте, что ли?

— Они скучают, — загадочно ответил Стивен и, как «морж» в прорубь, нырнул, вытянув руки вперед, за борт. Тэдди последовал за ним.

Дик вынул из уха ракушку наушника, но на всякий случай оставил аппарат включенным на запись. В соседней каюте царит мертвое молчание, хотя, судя по всякого рода посторонним звукам, оба «клиента» в полном здравии и активно предаются нехитрым туристским утехам. Вот шумит душ. Вот звенят бутылки в баре. Вот застонал «секс-джаз». Вот залопотала дикторша. А это, кажется, «Безумная ночь Нерона».

Снова звякнули бутылки...

И все в загадочном молчании. Что за этим молчанием?

Полное единство или полное недоверие? И кто он, этот молчаливый двойник Стоуна? Куда они летят, чего ждут? Кто их встретит и где?

Вопросов больше чем надо. И ни одного ответа.

Стоун-2 называет Ральфа Стивенем. Что же, будем и мы называть его так. Потому что Ральф — это, в конце концов, тоже не настоящее имя. Кличка. Сейчас их высочество имеют желание именовать себя Стивенем. Хорошо. Учтем.

Часы шли, а каюта молчала.

У Дика уже слипались глаза, когда раздался голое Стивена: «Собирайтесь, Тэдди...» Сон слетел мгновенно. Значит, все-таки Тэдди? Эдвард Стоун? И речь там, в машине, шла о нем? Тогда кто же погиб на автотрассе?

Дик прижал наушник плотнее: «Марш-бросок в пространство... Пешим порядком...» Что это значит?

Он вслушивался в короткие фразы до звона в ушах, пытаясь поймать ниточку, уловить ход чужой мысли. И потому не заметил, когда замолчали двигатели «Нерона», не слышал шума свалки и даже первого выстрела. Только истерический женский вопль отвлек его от аппарата.

Ему показалось, что по коридору прошуршали шаги, но в этом пока не было ничего тревожного. Кричать можно и с перепоя, а по коридору мог бродить кто угодно.

Два последующих выстрела заставили торопливо сложить аппарат, а новый женский вопль, теперь уже близкий, — вынуть «браунинг». Теперь тишина таила угрозу.

Дик осторожно толкнул дверь в коридор, но она не поддавалась: что-то тяжелое снаружи мешало ей открыться. Стрикленд переждал очередной взрыв воплей — теперь уже где-то рядом — и с силой налег на дверь. Когда щель стала достаточно широкой, он боком выскользнул в коридор.

Под его дверью лежал человек в форме астронавта. Дик перевернул его на спину, пощупал пульс. Человек был мертв, и убит он был пулей.

— Эй, ты, сопляк! Марш в каюту! И не вздумай закрываться.

На юношу смотрел ажурный конус лучевого кольца. Приземистый тип у дверей рубки управления недобро скалил крупные зубы.

— Оглох, что ли? Ну-ка, быстро к своей девочке! Сейчас мы повеселимся вместе...

Дик вернулся в каюту, оставив дверь приоткрытой, и прижался к стене. Сердце билось толчками, и шаги приближались нестерпимо медленно.

Бандит остановился у двери, и Стрикленд напрягся для броска. Но в коридоре, судя по топоту, появилось еще не сколько человек. Это осложняло дело.

— Какого дьявола ты тут торчишь? Тебя куда поставили? А?

— Заткни фонтан, Сим. Меня отпустил Первый.

— Что ты мелешь, свиная башка? Откуда он здесь?

— Что ты орешь? Я знаю? Первый — везде, он все видит и слышит. Так что советовал бы тебе держать язык за зубами.

— Олух царя небесного... Где же он, Первый?

— В рубке, с каким-то фраером. Он сказал мне: «Иди, Двадцатый, развлекись немного...» И я пошел.

— Ну смотри, Двадцатый. Если ты развел мне турысы, дух из тебя вышибу.

— Полегче, Сим. Тебе вредно волноваться...

Кто-то взялся за дверь снаружи.

— Куда? Это моя каюта. Здесь меня ждет один симпатичный мальчик с девочкой. А вы дуйте в следующие.

— У этого поросенка одно на уме... Пошли, ребята.

Стукнула дверь соседней каюты, и очередная порция визгов возвестила, что бандиты приступили к работе.

— Ну где вы тут, сосуночки мои?

Бандит шагнул в каюту, прикрыв за собой дверь, и остановился, недоуменно оглядываясь. Все остальное произошло в какую-то долю секунды: Дик оттолкнулся от стены и, вложив в удар всю тяжесть падающего тела, ткнул бандита костяшками пальцев в спину

под ребра. Тот переломился назад, и в это мгновение ладонь Дика молниеносно рубанула по багровой шее. Под ладонью что-то хрустнуло, и безвольная туша осела на пол.

Дик наклонился над телом и поморщился: кажется, опять погорячился. Похоже, что перебиты шейные позвонки. Сколько раз он давал себе зарок не употреблять этот прием. Но все получается как-то само собой, автоматически... Нет, кажется, дышит. Порядок.

Стрикленд связал бандита нейлоновым шнуром от сокетки и оттащил в угол. Теперь надо решать, что делать дальше.

Значит, Стивен задумал сделать «пересадку» не на Марсе, как предполагал Тесман, а в космосе. Что же, вполне логично: так, пожалуй, безопаснее и проще. Хотя, с другой стороны, сложнее удирать от неминуемой после налета погони. Что-то здесь не так.

Еще странность: почему бандиты не знали о том, что Стивен на «Нероне»? С другой стороны, сам Стивен знал о нападении — там, в машине, он сказал, что «Нерон» у бандитов «в плане». Причуды фюрера или что-то еще?

Пол под ногами качнуло назад, вперед, повело вбок.

В коридоре начался переполох. Бандиты попытались взломать бронированную дверь рубки, но безуспешно.

— Все к главному люку! — перекрывая гам, раздался знакомый голос, который говорил с Двадцатым. — Эти свиньи заперлись в рубке и пытаются нас стряхнуть. Где этот гад, Паркер? Я всажу ему пулю между глаз за брехню. Он сбежал с поста, а мне залил ахиною про Первого! Где этот гнилой хряк?

— Брось ты его, Сим! Рви когти, пока цел. Сейчас сорвет переходной рукав!

Тяжелые шаги протопали мимо двери, и все стихло. Через минуту клипер резко качнуло и повело в сторону: это, очевидно, пиратский корабль оторвался от «Нерона».

«А ведь они могут дать на прощание залп», — пронеслось в голове у Стрикленда.

Экран обзора не работал. Главный свет мигал беспрестанно, потом погас совсем. В каюте и в коридоре тлели только желтые лампы аварийного освещения. Корабль теперь не трясло, но по неуловимым смещениям тяжести клипер болтало в пространстве без управления. Двигатели не работали.

Это было уже ни на что не похоже. Стивен и Тэдди заперлись в рубке с экипажем, и «пересадка» не состоялась. «Коршуны» удрали без них. Что же помешало Стивену? Может быть, экипажу удалось схватить их и обезоружить? Но почему тогда экипаж не подает признаков жизни?

Ждать больше бессмысленно. Придется снова нарушить инструкцию. Стрикленд снял паркеровский «кольт» и направился к рубке.

Дверь рубки была закрыта изнутри. Дик постучал, но никто не отозвался. Он отошел на несколько шагов и полоснул по двери из лучемета. Никакого эффекта. На броне остались только неглубокие бороздки.

Отличная броня, ничего не скажешь. Как в банковском сейфе.

Сейф! А если... Дик полез в карман: есть, нож на месте.

Дик прикоснулся лезвием к двери и нажал пальцем секретную кнопку. Лезвие вошло в сталь, как в хлебную корку. Все-таки изобретательный народ, эти бандиты. Живут в ногу со временем.

Тяжелая стальная пластина вывалилась из дверного проема с тяжелым колокольным звоном, и Дик, пригнувшись, пролез в рубку.

Невольный холодок пробежал по спине при виде искромсанных тел и развороченных приборов. Нет, это только экипаж. Тэдди нет среди них. Стивена тоже. Куда же они подевались? Не провалились же сквозь...

И вдруг Стрикленд изо всех сил стукнул себя кулаком по лбу. Черт подери! Дурак несчастный! Разиня...

Лейтенант рванул кольцо люка с надписью «Только при аварии» и кубарем ввалился в гермоотсек. Так оно и есть!

В стойках стояло четыре скафандра вместо шести.

— Очнитесь же, дядя Чарли, очнитесь! Перестаньте спать, слышите?

Солсбери открыл глаза и удивленно посмотрел на женщину:

— Что с вами, Джой? Я не сплю. Я просто думаю.

Джой смутилась. Судорожно сжатые у груди руки опустились.

— Извините, дядя Чарли, я подумала... Мне почему-то стало страшно.

— Ты решила, что старая развалина Солсбери, мягко говоря, дал дуба?

— Нет, но... Вы были очень бледны.

— Ну, ладно, ладно. Садись. Расскажи мне что-нибудь.

Джой села на свое любимое место — в большое надувное кресло недалеко от стола доктора. Она забралась в него с ногами, в уютное, мягкое, от которого пахло детством. Сколько раз она сидела здесь, в полумраке готического кабинета, и смотрела на суматошную фигуру в белом халате. Она знала уже тогда: чтобы достать интересную книжку с картинками с самой верхней полки стеллажа, достаточно нажать на белую полоску, ползущую снизу вверх по ребру стойки, стеллаж уйдет вниз, остановившись именно там, где нужно.

Но когда Солсбери работал, его почему-то не устраивала автоматика. В кабинете появилась нелепая и неустойчивая стремянка. Солсбери колдовал за своим столом, а Джой ждала. Это был настоящий праздник, когда дядя Чарли, ошалело выскочив из-за стола, с невероятной ловкостью забирался на самый верх своей стремянки. Он взлетал, как большая взъерошенная летучая мышь, которых она любила ловить вместе со своими товарищами вечерами в пещерах над океаном.

Только у дяди Чарли были белые крылья — полы халата.

Когда Джой была уже взрослой, она спросила у доктора Солсбери, почему он пользуется своим опасным приспособлением, вместо того чтобы использовать нехитрую

механизацию стеллажа. Она была тогда студенткой университета, без пяти минут биолог, исправно посещала все заседания клуба «Новое в новом» и была яростной противницей всего устарелого.

И она так и не поняла, что хотел сказать смутившийся доктор:

— Ты знаешь, Джой, эта машина работает слишком медленно... Не хватает терпения...

Она поняла это только тогда, когда писала первую самостоятельную работу: что-то не клеилось, она злилась, ей немедленно, позарез нужен был справочник по радиоактивным мутациям, все внутри кипело, а эти треклятые полки ползли вниз с тупым равнодушием, и Джой сама не заметила, как взлетела по шаткой стремянке на опасную высоту, чтобы опередить этот невыносимый скрип...

— Что же ты молчишь, Джой?

Джой откинулась затылком на спинку, и кресло приняло ее голову, как большая мягкая ладонь.

— Не знаю... Звонил Рэчел и сказал, что нам осталось четыре часа на раздумья.

— Четыре часа?

— Да. Почему именно четыре, не знаю. Рэчел сказал, что это слова мистера Дуайта. И улыбнулся так, словно его щекожут под мышками.

— Непонятно... Неужели Тэдди вернулся? Ведь идут всего третьи сутки. По моим расчетам, они сейчас только подлетают к Юпитеру...

— Нет, дядя Чарли. Тэдди еще не вернулся... У них нет СД, я уверена. Но что-то случилось. Потому что Рэчел говорил о каких-то непредвиденных обстоятельствах.

— Какие могут быть еще обстоятельства?

— Рэчел сказал буквально так: «Мистер Дуайт глубоко сожалеет, но непредвиденные обстоятельства вынуждают его потребовать вашего окончательного решения немедленно. Срок — четыре часа. Я жду звонка».

— Остановись, мгновенье!..

— Что вы сказали?

— Ничего, Джой, это я так.

Солсбери уперся в лежащий на столе фолиант ладонями и пытливо взгляделся в лицо женщины:

— Ну и что ты собираешься ответить Дуайту, Джой?

— Я? Сто тысяч раз «нет». Люди живут не затем, чтобы сдаваться.

— Не затем, чтобы сдаваться... Ты права, девочка. Вся беда только в том, что тебя никто ни о чем не спросит.

— Почему?

— Я, кажется, знаю, почему именно четыре часа дал нам Дуайт. Вернее, я вижу... Необузданные фантазии параноиков удивительно однообразны и примитивны.

— Я не понимаю, дядя Чарли... Ой!

В кабинете погас свет. Все реальные предметы мгновенно канули в темноту, и среди растерянности и испуга возникло то острое чувство, которое бывает у человека, сидящего в чернильной тропической ночи у кромки океанского прибоя, а красное лезвие месяца угрожающе медленно выдвигается из пучины...

Джой поняла причину нарастающего тревожного свечения: в темном кабинете разгоралось оживленное неведомой силой люминесцентное панно.

Словно в бредовом сне, сдвинулись раскаленные цветные плитки мозаики, и мгновенно изменилась ее суть. Фауст на мозаике поник и сжался, засветился бледно-серым. Как трагедийная маска античного театра, страхом и мольбой исказилось его лицо. Фигура Мефистофеля наливалась багровыми, рубиновыми, алыми, малиновыми тонами — вплоть до засасывающей, топкой глубины крапп-лака, — и оттенки красного побеждали другие цвета.

Было страшно, когда стилизованное, поделенное на плоскости лицо Мефистофеля дернулось, как деталь механизма, давно не бывшего в употреблении, и со стеклянным звоном заострилось в издевательской улыбке. Он поднял руку и указал негнущимся пальцем на цифру «4», проступившую в ощутимой объемности фаустовой кельи.

Мозаика замерла, и вспыхнул свет.

— Представление окончено, — скорбно усмехнувшись, констатировал Солсбери. Он потер уставшие от напряжения глаза.

Джой перевела дух.

— Дядя Чарли... Что это такое?

— Видишь, девочка, это почти сказка, которая, как все сказки, начинается со слов «Жил да был...». Так вот жил да был злой человек, одуревший от своих миллиардов, плохо ему было — не спал он и не ел, все думал, куда свои миллиарды деть. Все ему наскучило, даже игра в крестики-нолики, потому что она напоминала ему скучную игру «президент-преступник». И вот однажды, на беду всем, он прочитал «Тысячу и одну ночь». Завидно ему стало. Задумал он сказочных султанов и злодеев переплюнуть. Взял и построил Биоцентр, который должен был затмить все чудеса Шехеразады... И, по-моему, затмил.

— Вы говорите о Смите-старшем?

— О ком же еще, Джой, — устало выговорил Солсбери. — Мистер Дуайт только повторяет своего не в меру одаренного папашу. «Придет час, если кто-то захочет остановить часы, движущие мир моей волей, и мертвый камень снова превратится в мертвый, и мертвый Фауст снова будет мертвым, а Мефистофель улыбнется — и это будет час смерти для тех, кто виновен...»

— Ничего не понимаю...

— Я тоже ничего не понимал, потому что за этой фразой стояло: «См. сноску...» А дальше номер тома и страница из архивов научных трудов дипломированных «мессий», которые работали на этой бактериологической фабрике. Я человек дотошный и нашел эту сноску. Там было описание весьма оригинальной культуры бактерии, которая после активизации убивает все в течение девятнадцати секунд, а через три минуты после этого превращается в безобидную бациллу коклюша.

В результате автономной мутации. Время активизации культуры — четыре часа...

— И вы знали...

— Нет, дорогая. Я ничего не знал. Я не придавал этому значения, потому что никогда не думал, что могу стать кому-то поперек дороги. Просто пару минут назад я смотрел на мозаику, и совершенно неожиданно мне пришла в голову мысль... Что абракадабра Смита-старшего не только бред литературный... Бывает такое. Озарение.

— Значит, вся эта мульткомедия...

— Если разобраться, все довольно просто. Элементарная система ликвидации. Кто-то нажимает кнопку, культура бактерий впрыскивается в зону «Т», убивает все живое, и никаких следов. Потому что бактерии коклюша... Кто на них обратит внимание? Все шито-крыто, как говорят.

— Вы думаете, что система ликвидации запущена?

— Да, кто-то нажал кнопку. Может быть, тот же Рэчел. Ну а теперь...

Солсбери встал из-за стола упруго и молодо, и у Джой мелькнула мысль, что с доктором что-то вроде нервного стресса. Очень уж не ко времени была эта озорная улыбка. Дни последних потрясений состарили его, и Джой привыкла видеть доктора задумчивым и сонным. А сейчас он был таким, как после приема препарата СД, — собранным и заразительно энергичным.

— А теперь, Джой, я открою последнюю нашу карту. Что греха таить, я до последней минуты надеялся, что угроза Дуайта — просто попытка запугать, сбить с толку. Но система ликвидации включена, и моя последняя иллюзия бита. Покорно ждать смерти — не в моем вкусе. Ты хорошо сказала, Джой: «Человек живет не затем, чтобы сдаваться...» Есть еще один выход, Джой. Выход из зоны «Т», о котором не знал мистер Смит-старший, так как при нем выхода не было, и тем более не знает мистер Смит-младший.

— Это... правда? Дядя Чарли, милый!..

— Правда, девочка. Только...

Улыбка сошла с лица доктора, он смотрел теперь на Джой с грустной нежностью.

— Только не слишком радуйся, девочка. У нас с тобой один шанс из миллиона. Поэтому я молчал все время, прости. Я ждал, когда у подлеца проснется совесть. Я не верил, что люди могут быть такими. Может быть, потому что слишком часто имел дело с животными. Впрочем, это к слову... Мужайся, девочка. Не стану обманывать — это дорога через смерть. Для того чтобы добраться до выхода, надо пройти через наш космический виварий...

Холодок пробежал по коже. Перед глазами Джой замелькали омерзительные извивы хрустальных пьавок, многометровые липкие спирали десятиголовых червей, чмокающая слякоть живой протоплазмы Венеры. И уже нестерпимо живо представлялась жуткая темнота, легкий шелест, громовой взрыв, и невидимая восьмидесятитонная глыба магнитной черепахи в смертельном броске, и прожекторный удар вспыхнувшего желтого глаза, серебристые щупальца на безвольно обвисшем человеческом теле...

— Биоскафандры, к сожалению, плохая защита. Придется пробиваться боем. Один шанс из миллиона. Но иного выхода нет. Как, Джой?

— Я жена астронавта, дядя Чарли.

Солсбери опустил глаза и подозрительно долго возился с бумагами. Он пробормотал хрипловато:

— Значит, решено... Я сейчас... Мало ли что... Я напишу несколько строк. О нас с вами, об СД, о Тэдди. И о Смидах. Еще четыре часа. Мы должны успеть...

Это был самый дерзкий и странный налет из всех, который знал когда-то уголовный мир. Пятеро неизвестных сумели прорваться сквозь железное кольцо самой надежной охраны и проникнуть в Биоцентр. Их не интересовали деньги, судя по всему, потому что они не тронули никаких ценностей, хотя имели возможность. Они пробирались в святая святых Биоцентра, в его подземные лабиринты, и сумели найти сверхсекретное в секретном — блок лабораторий под кодовым названием «зона «Т». Они пробили десятидюймовую броню входных дверей и, рискуя жизнью, по лифтовым стволам добрались

до кабинета Солсбери. Они не искали документов, потому что все сейфы оказались нетронутыми. Тем не менее они обшарили каждое помещение блока — а в блоке было, включая подсобные, двадцать пять секторов. Ничего не взяв, они вернулись в кабинет.

— Посмотрите, здесь какие-то записки, — сказал один из них главному — высокому светловолосому парню в синем реглане. — Вернее, целое послание...

Днем позже сотрудник особой службы МСК лейтенант Дик Стрикленд получил строгий выговор за превышение полномочий.

Международный орден «Лавровая ветвь» он получил гораздо позднее.

Тэдди чувствовал себя скверно.

Одной из причин его плохого настроения был напарник.

Всего три дня провели они вместе — если этим словом можно определить единство двух космолетов, идущих на расстоянии в полтысячи миль друг от друга, и если единственным средством общения между пилотами, затерянными в звездной пустыне, служит экран видеофона.

Но эти три дня оказались тяжелым испытанием. Стивен внешне оставался спокойным. Но мелкие детали: неожиданно выключенный видеофон, многозначительное молчание в ответ на элементарный вопрос, а следом неумная и неуместная болтовня по поводу и без повода, инстинктивно дернущаяся к лазерному блоку рука, когда на локаторах появилось белое пятнышко (какой-то запутавшийся астероид, как потом оказалось), — все это настораживало и отнюдь не располагало к доверию.

Впрочем, с этим еще можно было мириться. Психологическая несовместимость, о которой говорили с иронической улыбкой лет сто назад и возвели в ранг абсолютного принципа через полвека, теперь стала реальной, но отнюдь не всесильной деталью повседневности. С нею можно было бороться, ее можно было не замечать. По крайней мере, стараться не замечать.

Но Стоуна с настойчивостью маникальной идеи преследовал еще один вопрос, который никак не удавалось пока выразить словами. Какая-то неясная тревога возникла неотступно, когда он смотрел на растущий впереди щит Юпитера, но стоило только попробовать понять причину тревоги, как пугливая мысль с легким всплеском уходила.

Какой-то странной связью эта мысль была соединена с самыми разными отсеками памяти: фонтан Синего Дыма, лицо Солсбери, тральщик Свэна, прощальные губы Джой — «Поцелуй меня!», треугольник вращающихся глобэл, на хвостах которых росла металлоподобная шишка, шрам на подбородке Стивена, красные огоньки звездных могил на карте дядюшки Клауса, своя собственная рука, без участия сознания выравнивающая планетолет, черная жуть пылевой завесы внутри «дикого» плашкоута и черное солнце свернутого притяжением Юпитера пространства, которое бы могло в одно мгновение соединить всю эту канитель в четкую прямую. Что-то вылетевшее из памяти, но которое вот здесь, рядом, стоит протянуть руку, и долгожданное ЭТО будет на расстоянии микрона от пальцев...

Но кроме тревожных предчувствий, у него была теперь щемящая радость, словно большой оранжевый апельсин, нагретый ладонями. Он смотрел искоса на апельсин, когда говорил со Стивеном, он любовался плотными покатыми боками, когда оставался наедине с собой, он ощущал терпкий аромат кожуры, когда ночи и дни, сны и бодрствование сливались в одно бесконечное ожерелье из черных камней, усыпанных блестками...

Он тосковал о Земле, и это было радостью, неведомой до сих пор.

Стивен не любил смотреть в глаза и говорил, повернувшись или в профиль, или в три четверти. Он поворачивался в анфас только тогда, когда слушал, и тогда в его глазах угадывались какие-то бесформенные скользящие тени: почему-то казалось, что на тебя смотрит человек, глубоко растерянный и очень боящийся, что кто-то все поймет.

Они уже вошли в ту зону, где начинаются «Папашины шутки», и Юпитер начал выворачиваться наизнанку, обволакивал их со всех сторон мерцающей слизью атмосферного «одеяла», размалеванного бурыми полосами, и на этом беловатом фоне все шире и шире расплывался кровоподтек Красного Пятна, когда Стивен впервые за весь полет — а потому неожиданно — спросил:

— Вы освоились с машиной?

— Кажется, да. Вам не кажется, что вопрос... м-м-м... несколько запоздал?

— Ведь это не тральщик.

— Я об этом и говорю. Мне кажется, об этом надо было сказать сначала. Ну а сейчас... сейчас я уже освоился. Совершенно самостоятельно. Надеюсь, у вас нет претензий к тому, как я вел космолет в течение трех суток?

— Это не тральщик, — невозмутимо продолжал Стивен в своей обычной манере, не отвечая собеседнику. — Это военный корабль.

— То есть бывший военный корабль? Я понял. Я тренировался на таких в юности.

— Это военный корабль. И хорошо, что вы знаете его марку. Мне не придется в таком случае объяснять назначение вон той полосатой — белое с синим! Да, вот эта! — полосатой рукоятки, за которую вы сейчас взялись.

— Когда-то этой рукояткой можно было запустить боевую торпеду.

— Советую не экспериментировать. У вас две торпеды. Две — на всякий случай, если первая не даст эффекта.

— В каком смысле?

Стивен вдруг вспыхнул:

— Вы что, дурачка разыгрываете? Я вам говорю: вы будете бомбардировать Красное Пятно. Вы повторите маневр Свэна и пустите торпеду. Какого лешего вы придушиваетесь?

Маневр Свэна... Ловко сказано: маневр. Это когда Свэн, спасая его, Тэдди, от возможного совместного взрыва, бросил тральщик вниз, в красные тучи, ради того, чтобы остался жить товарищ... Маневр... Вот как.

Их корабли висели над знакомым кровавым океаном, и так же, как тогда, в непримиримой схватке сталкивались багровые валы внизу, и бледнело небо, и отливали охрой дрожащие полосы облаков, и черный шар пространства — мертвое солнце мертвого мира — парил над ними.

Тэдди покосился на сферическую схему координат, по которой ползли две белые мухи — их корабли. Он угадал точно: какая-то пространственная сверхпамять сразу привела его именно туда, куда надо. Это то самое место, где они со Свэном увидели небывалое — «яичко», родившееся из «танца» трех гловэлл.

Оно опускалось, поблескивая гранями, медленно, как первая снежинка в осенний день, все ниже и ниже, и Свэн тогда, не выдержав, бросил свой дряхлый тральщик вниз...

— Это здесь, — шипло сказал Тэдди. — Вот здесь...

И замолчал на полуслове. Среди кипящих огненных столбов, среди этой непрерывной, длящейся вечно катастрофы, невероятный и нереальный, как серебряная паутина в аду термоядерного взрыва, выползал, дрожа и колеблясь, тонкий искрящийся росток.

Наверное, нужно было увидеть эту хрупкую беззащитность и робкое упорство в мире колоссальных форм и чудовищных масс, это мимолетное знамение жизни там, где по всем законам не может и не должно существовать что-то живое, но неясная тревога, мучающая пилота, стала вдруг мыслью, и прозвучал из красной паутины голос Свэна — последние слова, оборванные взрывом:

— Ого! Тэдди, а здесь полно...

И со скоростью лавины, внезапно сорвавшейся с кручи, понеслись, цепляясь одна за одну, догадки, намеки, предположения, оброненные случайно слова, прочитанные строчки, и случайное становилось закономерным, разрозненное превращалось в общее, и нарастающий грохот разгадки заглушил все остальное.

Солсбери попросил спектрограмму яйца... Синий Дым — Фонтан из красного океана... «Танец тройной

спирали»... Яйцо, падающее в океан... И этот ползущий из красных туч росток...

А ведь за теми тремя гловэллами, плывущими над океаном, тянулись хвосты синего дыма — да, Синего Дыма! — и эти хвосты, сплетаясь, затвердевали в яйцо. И яйцо падало в красные волны. А теперь из этих волн ползет росток. Инкубатор, заповедник, аквариум, виварий — все, что угодно, но там зреют яйца гловэлла! И пускать торпеду — все равно что бросить бомбу в пруд, полный мальков. Или взорвать инкубатор, чтобы приготовить яичницу. Синий Дым надо добывать по-другому. Его дают гловэллы... Как пчелы мед. Надо только научиться...

— Стивен, я не буду бомбить Красное Пятно.

— То есть?

— Мы ошиблись. Все ошиблись. Даже доктор Солсбери. Красное Пятно бомбить нельзя. Я вам сейчас все объясню.

Тэдди объяснял долго и тщательно, путаясь, снова возвращаясь к сказанному — ему надо было доказать этому непонятному человеку невозможность бомбежки, чтобы не было обидно за прошедший впустую нелегкий рейс, и Тэдди старался изо всех сил убедить, заставить Стивена возвратиться.

Стивен слушал с холодным любопытством, не перебивая.

— Довольно. Я вас понял. Не считайте меня идиотом. Я окончил в свое время Чикагский университет и разбираюсь немного в научных проблемах. Я все понял: Красное Пятно — это заповедник яиц...

— Или семян гловэллы. А заповедники трогать нельзя.

Стивен был невозмутим. Его рука лежала на контроллере лазерной пушки.

— Пускайте торпеду. Или я отправлю вас к праотцам раньше времени.

Стивен не шутил, и Тэдди понял это без дополнительных пояснений.

— Нет, Роуз. Я не буду стрелять.

— Во-первых, я не Роуз. У вас очень плохая зрительная память, мистер Стоун. Перед вами, как перед потенциальным покойником, мне скрываться нечего. Я напому вам, где вы могли меня видеть. Вернее, не меня, а мою фотографию. Вспомните газеты. Раздел — «Интерпол разыскивает». Телевидение — с тем же текстом. Афиши на домах — фас и профиль. Вспомнили? Нет? Напрасно. Я не люблю, когда меня забывают. Короче говоря, я — Питер Нидерхольм, или Белый Ральф, как зовут меня в народе.

— Белый Ральф... Хорошие друзья у Смитов, однако.

— Кончайте трепаться. Пускайте торпеду. Это облегчит вашу судьбу.

— Вы хотите сказать, что оставите меня в живых?

— Подумаю. Вполне возможно. Мне нужны пилоты. Я хорошо плачу.

Корабль Тэдди висел сбоку и чуть ниже корабля Ральфа. Надо было развернуть космолет носом к противнику и поймать его в перекрестие прицела. Но сделать это так, чтобы Ральф ничего не заметил раньше времени. Его лазерная пушка смотрит прямо в главный визир.

Тэдди подался к экрану, подперев подбородок рукой, поправив верхнее крепежное кольцо скафандра — блестящий титановый ошейник, — и приготовился к долгому разговору.

— Слушайте, Стивен... то есть Ральф, вы отлично водите космолет. Это что у вас, хобби?

— Не совсем, дорогой Стоун. Я в молодости был военным летчиком.

— А как же Чикагский университет?

— Одно другому не мешает. Но не заговаривайте мне зубы. Пускайте торпеду! Я приготовил аппарат, чтобы запечатлеть ваш номер.

— Можете не беспокоиться. Спектакль отменяется. Герои устали. Торпеды не будет.

— А вы представляете себе финал?

— У меня есть подозрение, что финал будет одинаковым во всех случаях. Если Смитам было угодно послать

меня в паре с Ральфом, то не надо быть провидцем, чтобы разгадать их намерения.

Это было очень трудно — разворачивать корабль, не глядя на приборы, и пальцы пилота, небрежно брошенные на пульт, онемели от напряжения. Он поворачивал огромную машину, способную сожрать сто тысяч миль в минуту, медленно, предельно медленно, интуитивно чувствуя каждый отвоеванный у пространства сантиметр.

— Вы догадливы, Тэдди. И храбры. Я тоже не люблю сантиментов. А потому иногда со спокойной совестью нарушаю обязательства. Вы мне нравитесь. Поэтому у вас есть шанс.

— Сомневаюсь. Если он даже и есть, то совсем не тот, о котором вы думаете...

Его выдал неосторожный взгляд — глаза непроизвольно скользнули на панель прицела. Белое пятно было точно в скрещении черных паутинок, и в следующую долю мгновения они уже смотрели в глаза друг другу — два вооруженных врага, готовых к поединку, но Ральф среагировал быстрее, и, пока рука Тэдди прошла длинный путь от ручки управления к полосатой — синее с белым! — рукоятке, по глазам ударил пылающий жгут, и сначала стало черно, а потом нестерпимо больно, и Тэдди рванул рукоятку, крича от боли, и ушедшая торпеда толкнула космолет набок.

Он ничего не видел, а только почувствовал пляску красных огней на приборной доске и догадался, что лазер Ральфа пробил бак, что до взрыва корабля остались считанные секунды, и, закусив губу, ни на что не надеясь, нащупал у сиденья рычажок катапульты.

Последнее, что мелькнуло перед его глазами, — большая пестрая бабочка на влажном цветке белой магнолии и тонкие смуглые пальцы, коснувшиеся сомкнутых крыльев. Бабочка дрогнула, встрепелась, крылья слились в радужную вспышку, и среди ночи наступила ночь.

Он не очнулся даже тогда, когда прозрачную капсулу, в которой лежал он, как в сгустке янтаря, через восемнадцать часов бережно приняли тралы спецпатруля МСК.

— Как он погиб?

— Не знаю, дядя Клаус... прости, отец, но я... я никак не привыкну...

— Не смущайся, дочка. Я понимаю. Мне тоже не легко было называть тебя мисс Джой.

Было раннее, светлое утро, розовое, как на рекламных открытках. Оконные стекла в баре, матовые от росы, вобрали в себя зарю и медленными широкими мазками раскрашивали стены в цвет огня. Клаус смотрел на кружку, и в синева-розовой пене ему мерещились облака.

— Я не знаю, отец. Все произошло так стремительно... Дядя Чарли поднял ружье, но не выстрелил...

— Почему? Почему он не выстрелил?

— Разве он ответит теперь? Я могу только догадываться. Солсбери без конца твердил, что магнитная черепаха в его виварии — последний экземпляр венерианской фауны.

— Ты думаешь, что из-за этой гадины...

— Не знаю. Я очнулась уже в бункере.

— А Синий Дым?

Джой катала из хлебных крошек шарики — один, три, пять, десять — и складывала их вокруг кружки дядюшки Клауса.

— Синий Дым восстанавливает тело по чертежам, заложенным в организме. Но ему нужен строительный материал. После магнитной черепахи в том, что было доктором Солсбери, не осталось ни одной молекулы железа...

За розовыми стеклами громко загудело. Клаус отставил кружку, сломав ограждение Джой.

— Это Дик. Он сдержал слово... Не волнуй Тэдди. Ему и так досталось. Ты его любишь, дочка?

— Да, папа.

— Хорошо. Врачи говорят, что ему осталось лежать не больше месяца, а потом... Ты правда любишь его, Джой?

— Да, папа.

— Ты отвечаешь, как Лили... Впрочем, долой старое, пусть будет новое... Однако Дик ждет тебя.

Они вышли в это розовое утро, в это теплое молоко тумана, когда земля, еще не привыкшая к металлу и пластику, дарит людям свою свежесть — и даже разрисованный «Ягуар» Дика, омытый росой, выглядел сейчас почти прилично, и Дик сказал:

— Прошу, мисс Джой. Эдвард Стоун очень хочет вас видеть.

Дядюшка Клаус остался один. Он что-то бормотал, возвратясь за стойку, и плечи его колыхались, как крылья подбитой птицы.

Потом он подошел к диораме.

Он долго возился с проводами, а когда кончил, на зеленом шарике Земли загорелся красный огонек.

— Это — по тебе, Чарли. Ты тоже был астронавтом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕ БЕРИТЕ В РУКИ МЕЧ

Драйв № 1

ДВА МЕЧА

Позабыты старые боги,
Позабыты герои времен.

Екатерина Оверчук

А 3

находке нового древнего города на севере Челябинской губернии Дмитрий Храбров узнал от своего приятеля-археолога Витюши Костина, вечно пропадавшего в экспедициях. На этот раз Витюша неожиданно приехал в Москву на несколько дней, чтобы пополнить запасы продовольствия для группы археологов, изучающих «страну древних русских городов» на Южном Урале, а заодно и выклянчить кое-какое дополнительное оборудование в институте. И надо же было так случиться, что и Дмитрий в это время оказался в столице. Естественно, они встретились у Витюши дома — жил археолог в двухкомнатной квартире в новом комплексе «Олимпия» в Строгине, — и тот поведал приятелю историю находки.

Первое из поселений «страны городов» — Аркаим — было обнаружено шестнадцать лет назад экспедицией челябинского археолога Геннадия Борисовича Здановича. Аркаим раскопали быстро и увидели удивительную картину, с воздуха напоминающую структуру живой клетки. С тех пор археологи, привлечшие для своих нужд аэрокосмическую технику, нашли еще двадцать два города эпохи бронзы, то есть существовавшие в степях Урало-Казахстанского региона две с половиной тысячи лет назад.

Открытие такого количества городищ стало сенсацией для историков, в большинстве своем не подозревавших о наличии двадцать пять веков назад в этом районе крупного культурного центра, который не уступал таким признанным центрам раннегородской цивилизации, как Дашлы в Северном Афганистане и Троя VI на северо-западе Малой Азии. Уникальная сохранность городищ и огромная научная ценность находок заставили съехаться на юг Урала многих известных ученых. Не отстал от них и Витюша Костин, доктор археологии, кандидат геологических наук, в свои сорок три года выглядевший если и не мальчишкой, то скорее студентом, нежели серьезным научным работником. Ему посчастливилось участвовать в раскопках городищ Синташта и Любище, современников египетского Среднего царства, крито-микенской культуры и Вавилона. И это он обнаружил еще один город на севере аркаимского заповедника, в ста семидесяти километрах от Аркаима, названный в его честь городищем Костьра.

— Он крупнее Аркаима, — похвастался Витюша, довольный произведенным на Дмитрия эффектом. — Его диаметр — больше километра, в то время как у Аркаима и Синташты всего сто пятьдесят — сто восемьдесят метров. И домов в нем насчитывалось не шестьдесят, как у других городов, а триста с лишним. Однако главное — курган в центре. Мы его еще не раскопали, думали, что это VIP-захоронение, но, судя по всему, это какое-то культовое сооружение типа святилища или храма. Я, собственно, и приехал в Москву за интраскопом, чтобы мы могли просветить курган и выяснить, что там внутри. Не хочешь принять участие в раскопках?

Дмитрий задумчиво взвесил в руке бокал с вином.

— Вообще-то предложение заманчивое, хотя у меня уже есть маршрут.

— Куда, если не секрет?

— В Китай. Хочу проверить гипотезу одного моего приятеля, что знаменитая Китайская стена на самом деле строилась не китайцами.

— А кем?

— Древними гиперборейцами. Точнее, их потомками, одной из веточек древних русичей.

— Бредятина!

— Ничуть не бредятина, — не обиделся Дмитрий. — Ты хоть знаешь, что бойницы Китайской стены смотрят не наружу, от территории Китая, а наоборот? Словно строители ждали как раз набегов с востока. А на востоке-то — Китай.

Витюша допил вино, махнул рукой:

— Может быть, ты и прав. Но уверяю тебя, наши находки интереснее. Мы готовы взять тебя на довольствие. Ты хороший боец и мастер рукопашки, а там у нас не все... — Витюша замялся, почесал нос, понимая, что проговорился.

— Что? — любопытствовал Дмитрий.

— Да понимаешь, мешает нам какая-то зараза!

— Местные власти?

— Да нет, они-то как раз не препятствуют, потому как заинтересованы в наших изысканиях: туристы в заповеднике стали приносить доход в местную казну. А вот церковники и бандиты житья не дают.

— Ну, бандиты понятно почему, а церковники? Им-то чем ваши раскопки помешали?

— Не знаю. Только уже трижды к нам навевались попы и сочувствующие им граждане, то с уговорами, то с угрозами, пытались запретить нам работать. Анафеме предали. — Витюша хихикнул.

— Странно, церковь обычно в мирские дела не вмешивается. Тут что-то не то. Может, место, где вы нашли городище, связано с какой-нибудь древней легендой?

— Есть такая легенда, — закивал Витюша, ослотивший от вина. — Даже не одна. По нашим прикидкам, все города такого типа принадлежат пришедшим с севера язычникам, или, точнее, огнепоклонникам-протоарийцам. И вот когда на Руси началось брожение, связанное с насильственным крещением — в том числе огнем и мечом, — якобы в этом месте и произошло последнее

сражение между язычниками и христоносцами. Город, который мы копаем, практически весь сторел. Мы нашли там много разного оружия и даже остатки колесницы.

— А останки воинов?

Витюша взъерошил волосы на голове.

— Тут у нас нестыковка. Ни одного трупа! То есть скелета. Будто никакого сражения не было. И ни одного захоронения! Может, курган и есть братская могила? Хотя, с другой стороны, огнепоклонники своих мертвых не закапывали, а сжигали...

— Действительно, загадка. — Дмитрий почувствовал возбуждающий запах тайны. Подключившаяся интуиция предсказывала немало чудес и открытий, таящихся в найденном городище. Стоило повременить с поездкой в Китай, чтобы поучаствовать вместе с Витюшей в раскопках древнейших русских городов. А поскольку Дмитрий не зависел ни от каких обстоятельств и самостоятельно решал, в какие края ему податься, то и принимал решения без особых колебаний.

Вообще же за его спиной были десятки других экспедиций по Крайнему Северу России и по Дальнему Востоку. Он был не только известным путешественником, но и специалистом по выживанию в экстремальных условиях.

В октябре Дмитрию исполнилось тридцать лет. Был он высок, поджар, сухощав, изредка отпускал усы и бородку — во время экспедиций, носил длинные волосы и выглядел скорее монахом-отшельником, нежели мастером воинских искусств и выживания, способным без запасов воды и пищи преодолеть сотни километров по пустыням, горам и джунглям. В двадцать два года он окончил журфак Московского госуниверситета, полтора года проработал в одной из подмосковных газет, женился, но потом познакомился с путешественником Олегом Северцевым, учеником знаменитого Виталия Сундакова, увлекся путешествиями, и семейная жизнь его закончилась. Жена не захотела ждать мужа неделями, а то и месяцами, да и зарабатывал он — как журналист — очень мало. Правда, впоследствии, когда он стал знаменит, за его репортажи,

заметки, статьи и фильмы стали платить значительные деньги, но к этому моменту Дмитрий был уже в разводе.

— Когда ты отправляешься? — спросил он клюющего носом Витюшу.

— Завтра, — ответил археолог заплетающимся языком. — Самолет летит в четырнадцать сорок, из Домодедово.

— Билеты вы уже взяли?

— Билеты не нужны, мы летим на военном транспорте: Паша Кочергин, я и Эдик Решетов.

— Я с вами.

Витюша оживился:

— Тогда я с утра пойду к начальству, пусть оформит тебе командировку. Успеешь собраться?

— Чего мне успевать? — засмеялся Дмитрий. — Галстук завязал — и в путь. — Он встал. — Все, до завтра, пойду домой, кое-кому позвонить надо и кое с кем познакомиться.

— Могу заехать за тобой. Нас институтская машина повезет в аэропорт.

— Прекрасно, буду ждать. Позвони, когда выйдешь из дома.

Дмитрий пожал приятелю руку и направился к выходу, размышляя над Его Величеством Случаем, распоряжающимся судьбами людей. Хотя в глубине души он был уверен, что случай на самом деле — лишь свидетельство непроявленной закономерности. Уже не раз бывало, когда он круто менял целеустановки Дмитрия, направляя его по первому впечатлению в иные сферы человеческого знания, которые потом приводили к значительно более впечатляющим результатам.

О том, что протоарии — такие же потомки гиперборейцев, как и древние русичи, — пришли в Южную Азию откуда-то с севера, имелись свидетельства в таких памятниках древнеиранской и древнеиндийской культур, как Ригведа и Авеста. Находка «страны городов» на юге Урала подтверждала эти указания. Но дело было даже не в этом. Дмитрий давно искал следы гиперборейцев, исходяв чуть

ли не весь Крайний Север России, а теперь ему представилась возможность еще раз убедиться в истинности гипотезы о предках русского рода, пришедших с севера. Город, обнаруженный отрядом Витюши, и в особенности курган, судя по всему, уцелевший от современных хищников — «черных археологов», рыщущих по стране в поисках драгоценностей, вполне могли дать ответы на многие вопросы современной исторической науки. Короче, Дмитрий загорелся идеей поработать в экспедиции Витюши, зная, что такие шансы выдаются провидением не каждому и не часто. Оставалось найти деньги для поездки, предупредить начальника группы, собравшейся в Китай, что он не полетит с ними, и подготовиться к новому маршруту.

Наутро он был готов к походу.

БУКИ

Однако в назначенный час Витюша не позвонил.

Дмитрий подождал пять минут, десять, пожал плечами, размышляя над своей готовностью мчаться сломя голову на край света ради жажды приключений и открытий, потом почувствовал смутное беспокойство. Несмотря на внешнюю безалаберность и неубедительный вид, Витюша Костин был человеком дела и никогда товарищей не подводил. Он мог задержаться на минуту, на две, в самом крайнем случае на пять, но при этом всегда существовали объективные причины опоздания, о которых он предупреждал заранее. А так как до отлета самолета в Челябинск оставалось всего два с половиной часа, Витюша не мог отнестись к этому обстоятельству безответственно.

Дмитрий набрал номер археолога.

Витюша не ответил. Молчал и его мобильный телефон.

Дмитрий подождал еще несколько минут, прикидывая варианты своих действий, затем быстро упаковался, повесил через плечо чехол с карабином, взял сумку с вещами и спустился во двор, где стоял его старенький «Мицубиси Паджеро». На время отсутствия в городе Дмитрий обычно загонял его в гараж соседа, старого приятеля отца, что было удобно.

Через полчаса он был в Строгине. Оставил джип возле бело-синего микроавтобуса, напротив центрального входа в подъезд. Консьерж-охранник, сидевший в стеклянной будочке на входе, приветливо махнул ему рукой, зная в лицо.

— Костин не выходил? — спросил Дмитрий.

— У него какие-то гости, — ответил консьерж.

— Да, я знаю, должны были заехать ребята из института. Давно они у него?

— Уж с час. Только это не ребята из института, я их знаю. Один — священник в рясе, второй — парень в черном кожане, показал удостоверение.

— Какое удостоверение?

— Я особенно не приглядывался, — виновато шмыгнул носом консьерж. — Но оно такое серьезное, малинового цвета, с золотым тиснением. Там еще буквы были — РПЦ...

— Русская православная церковь. — Дмитрий хмыкнул. — Никогда не видел у попов никаких удостоверений. Ладно, разберемся.

Он зашел в лифт, нажал кнопку двенадцатого этажа.

Дверь в квартиру Витюши оказалась открытой.

Дмитрий толкнул ее от себя, шагнул в прихожую и увидел летящий в голову предмет. Инстинктивно уклонился, нырнул вниз, действуя на подсознательном уровне. Предмет оказался бейсбольной битой и намеревался достать голову гостя, летая как живой. Лишь потом Дмитрий понял, что бита имеет продолжение — человеческую руку. Последующие события происходили как бы помимо его воли, почти без участия сознания, так как тело подчинилось боевому трансу, выбирая наиболее оптимальные положения и ответы.

Бита вылетела из руки нападавшего и словно сама собой опустилась на его круглую голову. Парень упал. В прихожую выглянул мужчина в рясе, молодой, с усами и бородкой. Глаза у него были не просто прозрачные, а чуть ли не белые, и сквозь недоумение в них просверкивал огонь жестокой воли и угрозы. Он мгновенно по-

нял, что происходит, сунул руку в складки рясы, вытащил длинный тесак, сделал выпад в сторону Дмитрия. Тот едва успел отскочить, но тесак снова устремился к нему, и Храброву пришлось несколько мгновений уворачиваться от лезвия, грозящего проткнуть его насквозь. Затем он двумя ударами выбил у монаха тесак (ну и ножичек, таким слона убить можно!) и от души врезал ему битой по шее, так что тот кувыркнулся через голову, влетая в гостиную.

Дмитрий прыгнул следом и увидел связанного Витюшу, сидящего на полу у дивана. На лице археолога красовались свежие царапины и красноватые припухлости, из носа шла кровь. Его явно допрашивали, хотя, что хотели выпытать у него странные пришельцы, нельзя было даже представить. Дмитрий подскочил к нему, приподнял голову. Витюша открыл глаза, застонал:

— Ты?! Хорошо-то как...

Дмитрий оглянулся на монаха. Однако тот вдруг с не постижимой быстротой метнулся из гостиной в прихожую, раздался треск, ругань, шаги, хлопнула дверь. Нежданные гости ретировались. Дмитрий хотел было броситься за ними вдогонку, но стон приятеля остановил его. Он забежал в ванную, намочил полотенце и вытер лицо Витюши, остановил идущую из разбитого носа кровь. Потом развязал археолога и уложил на диван:

— Рассказывай, что тут произошло.

Витюша дотронулся до вспухшего носа, скривился:

— Сволочи!.. Я даже сказать ничего не успел, сразу по роже получил... Сколько там натикало?

— Без десяти час.

— Черт, опоздаем! — Он кряхтя поднялся.

— Тебе в больницу надо.

— Какая, на хрен, больница! Без меня группа останется на бобах, лететь надо. Поехали в аэропорт.

— Ты же говорил, что за тобой должны заехать твои сотрудники.

— План поменялся. Они заезжали утром, забрали мои вещи и направились в одну контору за аппаратурой. Я хотел брать тачку и ехать за тобой, но тут приперлись эти...

— Кто они? Чего от тебя добивались?

— По дороге расскажу... — Витюша наткнулся на тесак, брошенный монахом, с удивлением поднял его: — Ни фига себе! Да это же дага!

Дмитрий подошел ближе:

— Интересная форма у ножичка. Первый раз такой вижу.

— Это испанская дага, кинжал для левой руки, известен с шестнадцатого века. Видишь, лезвие раздвигается. Но у этой даги необычная крестовина, с обратной дужкой. Такие носили, насколько мне помнится, странствующие монахи-миссионеры.

— А вид у кинжала такой, будто его только что изготовили.

— Возможно, это новодел. Давай возьмем с собой?

— Как хочешь, только тащи его сам.

Дмитрий помог приятелю переодеться, и они спустились к машине Храброва.

— Ты на своей? Это славно, не опоздаем. Жми! В аэропорту оставим на стоянке, никуда не денется.

Дмитрий погнал джип через Строгино, выехал на МКАД, надеясь, что им удастся не попасть в пробку.

— Так что они от тебя хотели?

— Сначала потребовали отдать находку. — Витюша потрогал синяк под глазом, криво улыбнулся. — А когда я сказал, что не понимаю, о чем идет речь, они начали меня лупить.

— И монах?

— Особенно монах. У него такие глаза страшные!.. Как у колдуна! — Витюшу передернуло.

— Ничего, я его найду, — пообещал Дмитрий, вспоминая взгляд монаха. — Интересно, что они имели в виду? Ты действительно нашел что-то ценное?

— В том-то и дело, что ничего существенного, если не считать фрагмент скелета, черепки, остатки колесницы и оружие — ножи всякие бронзовые, топоры, палицы... Кстати, их, по-моему, интересовало именно оружие. Когда ты пришел, монах допрашивал меня, куда я дел мечи.

— Мечи?

— Именно мечи, — кивнул Витюша.

— Зачем попам мечи?

— Это ты у них спроси.

— А вы их находили?

— Железяк было много, точнее, бронзовых изделий, я кое-что привез в институт, но мечей не было.

— Странная тяга у православных попов к оружию. Ведь наша религия вроде бы запрещает воевать, в отличие от ислама.

— Ты плохо представляешь основы христианской религии. Из всех мировых религий это особо жестокая, чтобы ты знал, ее апологеты убили миллионы людей, носителей иной веры, в том числе славянских язычников.

— При чем тут христианская религия? У нас же православие...

— Православие — калька христианства, прикрывшая и исказившая нашу истинную веру. Принятие христианства, равно как и обращение народа в мифологическую марксистскую веру, убило душу наших языческих и ведических верований. Внедрение этих чуждых инородческих идейных систем сопровождалось таким диким насилием, которое даже не с чем сравнить!

Дмитрий с любопытством покосился на Витюшу, ставшего угрюмым и сердитым.

— Ты так близко это принимаешь к сердцу?

— Потому что давно интересуюсь заговором против русской истории и знаю больше, чем другие. Ранние христиане, вторгшиеся на Русь с помощью предательства князя Владимира — чтоб ему пусто было! — уничтожили всю нашу корневую элиту, все жреческо-волхвовское сословие. Оттого Русь до сих пор не может оправиться, встать с колен. А ведь была величайшим государством в мире!

— Ты имеешь в виду Гиперборею?

— Гиперборея больше миф, нежели реально существовавшая система. Хотя не исключено, что мы действительно являемся потомками гипербореев. Для меня

это огромная загадка — почему исчезла гиперборейская система мироустройства, самая справедливая и светлая? Что случилось? Какой катаклизм ее уничтожил?

— Может быть, война с Атлантидой?

Витюша усмехнулся:

— Это все легенды.

— Легенды не появляются на пустом месте, — возразил Дмитрий. — Дыма без огня не бывает. Вы ведь тоже свой город нашли, проверяя легенду? Хотя насчет христианства я с тобой согласен. Его вековечное клеймо — космополитизм и обрезание национальных корней, это мне еще мой учитель по русбою говорил.

— Плюс беспримерное религиозное самовозвеличение и фанатизм, — добавил Витюша. — Чего никогда не было у языческой веры.

— Я не знал, что ты язычник.

— Я не язычник, но Иисус Христос — не мой бог! Давай быстрее, а то опоздаем. Самолет ждать не будет, мы и так с трудом уговорили военных летчиков взять нас с собой.

Дмитрий увеличил скорость.

К самолету они прибежали, когда посадка группы закончилась и у трапа «Ил-76» маялись на холодном ветру один из членов экипажа и Паша Кочергин, заместитель Витюши.

— Наконец-то! Что случилось? — Паша с удивлением уставился на избитое лицо начальника группы.

— Потом расскажу, — оскалился Витюша.

Они забрались в самолет. Трап убрали. Люк закрылся, и самолет порулил к взлетной полосе. Через двадцать минут они были уже в воздухе.

ВЕДИ

В Челябинске самолет приземлился в девять часов вечера по местному времени.

Здесь отряд Витюши уже ждал фургон экспедиции, и, погрузившись в него, археологи двинулись в ночь, уставшие от не слишком комфортного полета и высадки. Раз-

говаривали мало. Кое-как уместившись в салоне «Баргузина», все умолкли и смежили очи. Забылся и Дмитрий, привыкший к «прелестям» походной жизни. Проснулся он от того, что качка и рев мотора прекратились, фургон остановился.

— Приехали, — сообщил Витюша, звонко шлепнув ладонью по борту машины; он уже вылез и разминался снаружи.

Все выбрались из фургона, потягиваясь и поеживаясь. Наступило утро.

Солнце только-только показалось над слоем тумана, скрывшего восточный горизонт. Над полями и перелесками также возникли столбы и облака тумана, постепенно поднимаясь вверх и редая. Было прохладно и тихо.

Фургон стоял у подножия низкого холма, заросшего пожелтевшей травой и кустарником. Слева под холмом текла небольшая речушка, обрамленная стенами тростника, камыша и осоки. Справа за холмом к горизонту уходила цепочка таких же холмов, превращаясь на пределе видимости в пологие горы. Там начинались отроги Южного Урала.

— Быстро доехали, — заметил Дмитрий, разминая кисти рук.

— От Челябинска всего сто десять километров, — сказал Витюша. — Нам повезло, болота пересохли, везде можно проехать. До ближайшей деревни вообще двенадцать километров.

— Что за деревня?

— Малый Брень называется, — рассмеялся Паша Кочергин. — Тут в округе много таких названий. Есть и Большой Брень, и Змеиный Погост, и Раменье, и даже Острая Лопя.

Засмеялся и Дмитрий:

— Поизощрялись предки с этимологией, давая названия своим поселениям. Интересно, как они называли это городище? Кстати, где оно?

— На холме, — показал рукой Витюша. — Поднимемся — увидишь. А вообще этот холм пользуется у местно-

го народа дурной славой. В середине пятидесятых здесь стояла церковь, но сгорела после грозы. Ее отстроили, она опять сгорела. С тех пор люди называют это место Горелым Лбом и обходят стороной.

— А вы как сюда попали?

— Решили проверить легенду.

— О битве?

— Да, я тебе рассказывал. Ехали искать поле боя, а нашли городище. Ребята, разгружаемся. Я сейчас пришлю остальных на подмогу.

Витюша взял свою сумку и брезентовый сверток, Дмитрий вытащил свое имущество, они поднялись на холм, и Дмитрий увидел панораму древнего города, точнее, его основания, освобожденного почти полностью от верхнего слоя почвы.

Конечно, он видел много археологических раскопов деревень, поселений, городов и памятников архитектуры прошлых столетий в разных концах земного шара, однако здесь находился древнерусский город, строившийся два с половиной тысячелетия назад, и осознание важности открытия захватывало дух.

— Возможно, это была столица местного царства? — сказал Витюша, покосившись на спутника. — Помимо поселения, крепости и металлургического завода он представлял собой астрономическую обсерваторию немыслимо высокой для тех времен точности. Если знаменитый Стоунхендж фиксировал только шесть позиций солнца и луны, то наш Костыра — аж восемнадцать!

— Откуда это известно?

— У меня в группе работает Костя Быструшкин, известный палеоастроном, он и вычислил. Стены города неплохо сохранились, хотя, судя по всему, он и в самом деле был когда-то сожжен.

— Когда?

— Примерно тысячу лет назад. Легенда утверждает, что здесь была битва, и, похоже, это соответствует действительности. Хотя мы пока не определили, с кем воевали наши предки и почему ушли отсюда.

— Холм в центре и есть ваш курган?
— Мог бы не спрашивать.
— Не больно-то он и здоровый.
— Семьдесят метров в диаметре и двадцать один в высоту. Тебе мало?

Дмитрий поскреб макушку:

— Видал я курганы и побольше.
— Ничего, нас и этот устраивает, — не обиделся Витюша. — Пошли, бросим вещи в палатку и позавтракаем. Потом начнем работать.

Они двинулись мимо валов свежевынутой земли к палаточному лагерю археологов. Из палаток — всего их насчитывалось семь одинаковых, трехместных, и одна большая, армейская, где размещались столовая и хозблок, — начали выползать сонные археологи, поднятые Пашей Кочергиным. К вновь прибывшим подошел бородатый мужик неопределенного возраста, со всклокоченными волосами, сунул корявую руку Витюше, потом Дмитрию.

— Бумагу привез? — спросил он хриплым басом.

— Привез, — ответил Витюша. — Знакомся, это Дима Храбров, мой друг, раскапывал Аркаим в свое время. Дима — это Керджали Баймухаметов, специалист по палеометаллургии. Что случилось, Джал? У тебя вид, будто ты что-то потерял.

— Вчера вечером опять чернокопачная компания наведывалась, — отвел узкие глаза Баймухаметов. — Пообещала предать нас анафеме и сжечь лагерь.

— Какая делегация? — не понял Дмитрий.

— Монахи, наверное, приходили, — погрустнел Витюша. — Местный приход. Ума не приложу, за что они на нас взъелись. Мы же им ничем не мешаем.

— Значит, мешаете.

— Вот ты и разберись.

— Попробую, — пожал плечами Дмитрий. — Охрана у тебя есть?

— Какая там охрана, — махнул рукой археолог. — Дежури́м по ночам по очереди, вот и вся охрана. Денег нет нанять настоящих сторожей.

— Не помогает такая охрана, — пробасил Баймухаметов осуждающе. — Почитай, каждую ночь по палаткам кто-то шарит, по раскопу гуляет.

— Вы что же, находки свои не охраняете? — удивился Дмитрий.

— Все самое ценное сразу увозим, — нехотя сказал Витюша. — А остальное храним в моей палатке. Ко мне тоже залезали? — спросил он у бородатого.

Баймухаметов сплюнул:

— Разрезали брезент в торце, унесли все ножи. Мы еще три штуки нашли.

— А как же сторож? — хмыкнул Дмитрий. — Пропал?

Специалист по палеометаллургии сверкнул глазами, еще раз сплюнул и потопал с холма к машине.

— Он сам и дежурил, — сказал Паша Кочергин.

— Бардак, однако! — сказал Дмитрий, сочувственно глянув на приятеля. — Лагерь охранять надо всерьез. Да и с попами надо бы выяснить отношения.

— Времени все нет сходить к батюшке, пожаловаться.

— Тогда так и будете конфликтовать.

— Надеюсь, не будем, — рассеянно отмахнулся Витюша, занятый мыслями о предстоящей работе. — Не бери в голову, интуиция мне подсказывает, что мы на пороге каких-то открытий. Шлиман раскопал Трою, Зданович — Аркаим, а я, возможно, раскопаю не менее важный центр. Не отставай, путешественник, нас ждут великие дела!

Они направились к большой палатке лагеря, у которой уже дымила походная кухня.

Завтрак оказался таким, какого и ждал Дмитрий. В принципе в походных условиях он и не мог быть иным. На первое — овсяная каша, на второе — омлет, на третье — ягодный кисель.

— Откуда яйца? — поинтересовался Дмитрий, с удовольствием съевший омлет.

— Деревенские поставляют, — сказал Витюша, на которого то и дело косились члены экспедиции, в основном молодые девушки; синяки на лице их предводителя превращали его в подравшегося спьяну бомжа.

После завтрака он собрал пятиминутное совещание, быстро разобрался с накопившимися деловыми вопросами и повел гостя к кургану, торчавшему посреди раскопок.

Часть кургана была уже удалена, поэтому можно было судить о том, что скрывала под собой песчано-каменистая толща земли. Двухметровой ширины раскоп уперся в стену, сделанную из больших не то каменных, не то саманных блоков, обретших за тысячелетия плотность и твердость камня. В стене был виден проем, представляющий собой то ли ворота, то ли пролом в древнем сооружении, который был явно заделан камнями позднее, так как они отличались по цвету от блоков стены.

— Мы дальше копать не рискнули, — сказал бородастый Баймухаметов, заменявший, очевидно, начальника в его отсутствие. — Мало ли какие сюрпризы там ждут. Но, судя по всему, это никакой не храм, а нечто вроде подворья. Мы прозондировали курган сверху, однако крыши не нащупали.

— Она могла просто рухнуть, — сказал Витюша. — Я привез ЭМ-сканер, сейчас распакуем и начнем просвечивать курган. Копать продолжим, если увидим что-нибудь интересное.

— Могу помочь со сканером, — предложил Дмитрий. — У меня большой опыт работы с подобного рода аппаратурой.

— Заметано, — согласился Витюша. — Ну, начнем, благословясь?

До обеда они занимались просвечиванием кургана, меняя места установки электромагнитного интраскопа, а после обеда составили общую панораму того, что обнаружил прибор. Обнаружил он не так уж и много, хотя

интерес исследователей от этого только увеличился. На экране монитора, подключенного к сканеру, компьютер высветил внутренности кургана, и археологи долго разглядывали некую полость в форме вытянутого купола, находившуюся в центре кургана, три двери во внешней стене, охватывающей небольшую площадь с куполом, и какие-то закорючки внутри него, похожие на скелеты людей.

— Это все-таки храм, — сказал Паша Кочергин, налюбовавшись картинкой. — Или скорее куд.

— Какой куд? — не понял Дмитрий, увлеченный созерцанием синтезированного изображения не меньше остальных.

— До внедрения княжеско-христианских догматов древние русичи строили не церкви, а куды — святилища богов, по большей части — в форме фаллоса, так как он почитался как самый мощный оберег. Срамной эту форму сделали уже христоносцы. Так вот в центре кургана, по всей видимости, стоит именно куд.

— А внутри что?

— Докопаемся — узнаем, — уверенно сказал Витюша. — Меня гораздо больше беспокоит вопрос: почему все три входа в стене, которая окружает куд, заделаны камнями?

Дискуссию свернули и возвратились к кургану. К вечеру удалось углубиться внутрь холма на пять метров. Дальше копать не рискнули, для укрепления стен и потолка тоннеля требовались дополнительные столбы, а их в наличии не оказалось. Нужно было идти в ближайший лес и пилить деревья, преимущественно засохшие, так как они обладали большей прочностью.

Уставший Дмитрий, работавший наравне с другими, сходил к реке, искупался вместе с археологами, с которыми уже успел сблизиться, поужинал и подсел к костру, у которого собрались самые молодые члены экспедиции. Подошел и Витюша, довольный успехами отряда. Вечер наступил тихий и душный, небо заволочили облака, что указывало на скорую перемену погоды.

Дмитрий сказал Костину об этом, и Витюша озабоченно посмотрел на облака:

— Да, ты прав, осень на носу. Успеть бы разрыть курган до холодов и дождей.

Девушки, поглядывающие на нового коллегу, принялись петь под гитару «старые песни о главном». Одна из них была очень даже симпатичная, сероглазая, с длинными ресницами, пухлыми губками и ямочками на щеках, и Дмитрий даже подумал, не пригласить ли ее погулять по окрестностям, но постеснялся делать это при всех. Еще будет время, подумал он, автоматически отвечая на вопросы приятеля.

Вечер прошел в дружеской обстановке. Попели песни, поговорили о находках, о легенде, которая, по сути, и привела экспедицию в эти края, о предполагаемых открытиях, ждущих археологов в центре кургана, и после десяти часов разошлись по палаткам. Ушла и миловидная сероглазка, которую звали Катей, бросив на Дмитрия заинтересованно-лукавый взгляд. Он понял, что чувства девушки совпадают с его собственными, и сердце забилося сильнее. Появился дополнительный стимул сидеть в глуши, далеко от городского уюта, и лопатить землю в надежде добраться до тайны древнего городища.

— Пожалуй, я тоже пойду лягу, — сказал Витюша. — Да и ты ложись, почитай, сутки на ногах без отдыха.

— Ничего, я быстро восстанавливаюсь, — сказал Дмитрий, проводив глазами фигурку Кати. — Могу даже подежурить, поохранять лагерь.

— Ладно, оставайся, — легко согласился археолог. — А я предупрежу Пашу, чтобы он сменил тебя в два часа ночи.

— В два рано, часа в четыре.

Витюша хлопнул ладонью по подставленной ладони Храброва и удалился в свою «командирскую» палатку, стоявшую ближе всех к раскопанному городищу. Мелькнул свет фонаря и потух. Начальник экспедиции залез в спальник. Еще некоторое время слышались приглушенные голоса женщин, но и они стихли. На лагерь спусти-

лась тишина. Лишь потрескивали сучья в костре, стреляющие угольками.

Дмитрий посидел немного у костра, глядя на пляшущие языки огня, подбросил веток, мечтая, что вот сейчас к костру выйдет Катя и они заведут беседу, полную намеков и недосказанностей. Однако прошел час, а девушка так и не появилась. Зато вдруг объявился гость, которого Дмитрий не ждал. Случилось это так.

Дмитрий обошел лагерь, включив «третий глаз» для обнаружения всякого рода потоков внематериальной информации, предупреждающих появление опасности, ничего подозрительного не учуял и несколько минут простоял у палатки Кати, прислушиваясь к дыханию спящих. Потом поднялся на холм, к городищу, подумав, что его стоит обнести забором и поставить сторожей. Речь все-таки шла уже не о частном интересе, а о государственном, так как найденный город древних русичей являлся ценнейшим источником исторических сведений о прошлом Руси. Вернувшись в лагерь, Дмитрий обнаружил сидящего у костра человека.

Это был седой, длинноволосый и длиннородый старик в белой рубаше, подпоясанной кушаком, и в полосатых штанах, заправленных в мягкие сапоги. Он пошевелил прутиком головешки, стрельнувшие струйками искр, оглянулся на Дмитрия и степенно поднялся, оказавшись выше путешественника чуть ли не на голову.

— Здрав будь, человеце, — проговорил он глубоким бархатистым баритоном, вовсе не похожим на старческий голос.

— Добрый вечер, — слегка поклонился озадаченный Дмитрий. — Присаживайтесь, погрейтесь у костра. Чаю хотите?

— Не откажусь, — усмехнулся в бороду гость.

Дмитрий повесил над костром котелок с водой, подбросил нарубленных заранее полешек. Достал кружки, заварку, конфеты.

— Вам с сахаром?

— Нет, спасибо.

Где-то в районе раскопок послышался стук, будто на землю упал камень.

Оба посмотрели в том направлении.

— Сторожить, однако, треба, — сказал старик укоризненно. — Много лихоимцев кругом, порушить войский покой могут, тогда беды не миновать.

Дмитрий внимательно присмотрелся к гостю:

— Кто вы? И что такое войский покой?

— Издалече я, — уклонился от прямого ответа старик. — Хожу по миру, правду ищу.

— И как, нашли?

— В душах чистых она еще светится, а вообще дело плохо. Потеряла Русь опору в правде-то, поддалась наветам и законам пришлым. Но это отдельный разговор. А войский покой — это по-нонешнему воинский памятник. Сражение в этих местах ведаша тьму лет назад. Отступили мы, а покой остался.

— Кто же с кем сражался?

— Витязи бились, русичи, меж собой, но один — княжеский вой Чернага, веру христианску принявший, а второй — Боривой, защитник рода и веры древней.

Наступило молчание. Дмитрий не знал, как относиться к откровениям ночного гостя, поэтому задавать вопросы не торопился. Спросил через минуту:

— И чем же закончилось сражение?

— Ушли оба в Навь.

— То есть погибли. Что же они не поделили, если оба были русскими воинами?

— Не дележ то был — битва за Веру! — покачал головой старец. — Христианство пришло к нам с огнем и мечом, чтобы мы забыли свое родство с Родными Богами, потеряли связь с ними и подчинились чужому распятому богу. Да только бог ли он? Наши боги — суть Силы Природы, Солнце и Небо, Все Сущее. Попробуйте-ка распять Солнце — и вы поймете, что такое истинный бог!

— Ну и где же они? — не вытерпел Дмитрий. — Наши боги? Почему отреклись от нас, бросили на произвол судьбы? Значит, бог-пришелец сильнее оказался?

Старец улыбнулся, хлебнул чая, но к конфетам не при-
тонулся.

— Хорошие вопросы задаешь, Дмитрий Олегович. Только нет у меня на них ответов. Сам ищу уже который десяток годков. Но верю, что бывшее могущество русичей вернется и уйдет с нашей земли чужое семя. Русь достой-
на лучшего будущего, нежели ее мертво-христианское настоящее, даже если оно православием называется. Да только православие ли это, если ревнители сей веры чужому богу служат?

— Согласен, — сказал Дмитрий. — Хотя так откровенно я еще ни с кем не разговаривал о религии. Но откуда вы знаете мое имя?

— Знаю, Дмитрий Олегович, иначе не пришел бы.

— А зачем рассказываете... о вере, о битве?

— В тебе спит сила русская, — просто ответил старец. — Разбудить ее надобно, и случай скоро представится. Однако и предупредить тебя не мешало, чтобы знал свои корни и ведал правду. Курган, который вы разрыли, скрывает не просто могилу двух воинов, но — Родовой Искон! Нельзя допустить, чтобы русским мечом завладел инородец, беда будет великая.

— Каким мечом?

— Мечом витязя Боривоя. Не меч это даже — символ святости и силы. Правильно о нем сказано. — Старец протяжно и с глубокой болью в голосе, так что у Дмитрия мурашки побежали по спине, прочитал:

Скрыт от глаз в тысячелетиях,
Спит вдали от всех морей,
Сказами увековеченный,
Меч твой — Рус-Гиперборей!

Помолчали, глядя на затухающий костер. Допили чай.

— Почему я? — спросил наконец Дмитрий. — Почему вы уверены, во-первых, что в кургане лежит меч, а во-вторых, что я тот, кому он предназначен?

— Может, я ошибаюсь, — легко отступил гость; глаза его сверкнули по-особому, и Дмитрий почувствовал, как под черепом прошумел щекотный ветерок. — Но ты можешь справиться, если вспомнишь, что ты внук Дажьбога. — Старец снова нараспев продекламировал:

Сила русская — Вера Вещая,
Что от предков нам завещана!
Не рабы мы — внуки Дажьбоговы,
Громовержца Перуна наследники!

Дмитрия качнула странная воздушная — в безветрии — волна. Он изумленно прислушался к себе, встретил взгляд старца, в глазах которого прыгнули веселые искры, и выпрямился, стараясь выглядеть достойно.

— Я постараюсь. Хотя не очень понимаю, что должен сделать...

— Сбереечь силу, таящуюся в мече. До поры до времени.

— Как?

— Это уже ты решишь сам. Но берегись, охота за мечом уже началась, и тебе будет нелегко. Кстати, ни в коем случае не дотрагивайся до меча Чернаги. Он тоже проводник силы, но способен высосать душу, превратить человека в нежить.

— Тогда его надо уничтожить.

— Нам не удалось сделать это тысячу лет назад. Может, удастся тебе. — Старец поднялся. — Прощай, витязь. Я свой пост сдал, теперь твой черед вести Русь.

Встал и Дмитрий, смущенный таким оборотом дела.

— Я не очень понимаю...

— Поймешь позже. Я верю тебе. Сунь-ка руку в огонь.

Дмитрий недоверчиво заглянул в глаза старика, в которых мерцало пламя костра, помедлил и подставил ладонь под язык огня. И не почувствовал боли! Только легкое покалывание! Огонь обтек руку и погас. Дмитрий поднес неповрежденную руку к глазам, перевел взгляд на собеседника:

— Вы... вы...

— Я волхв, — кивнул старец. — И знаю слово. Но и ты не простой путешественник. А теперь прощай.

— Скажите хотя бы, как вас зовут.

— Зови меня Хранителем.

Старец вдруг исчез и объявился уже у палаток, постоял немного — белая светящаяся фигура на фоне темного неба — и пропал в темноте.

— Интересно, мне все это приснилось? — пробормотал Дмитрий глубокомысленно, пытаясь разглядеть старика. — Или крыша поехала?..

Где-то на холме звякнуло о камень железо.

Дмитрий очнулся, сбросил оцепенение. Хотел было подняться к городищу, потом вспомнил совет Хранителя и вернулся к палатке, в которой спал Витюша, вытащил свой карабин и только после этого бесшумно поднялся на холм.

Здесь хозяйничали чужие.

Перейдя на «внутреннее зрение», Дмитрий сразу увидел три светящиеся в инфракрасном диапазоне фигуры, которые время от времени исчезали под землей у кургана с очищенной от земли частью стены. Изредка они включали фонарик, и тогда в слабом отсвете становились видны кучи земли, лопаты и какие-то серебристые ниточки.

Беззвучно выругавшись, Дмитрий метнулся было к городищу и вдруг почувствовал неприятный холодок, лизнувший спину. Кто-то смотрел в его сторону, невидимый и опасный, как затаившаяся в траве змея. Это был, очевидно, четвертый член шайки, орудовавшей на раскопе, который стоял «на стреме» и стерег подходы к городищу.

Можно было сразу поднять тревогу, пару раз пальнуть из карабина в воздух, чтобы грабители древних могил — а это скорее всего были именно они, «черные археологи» — убралась отсюда и больше не приходили. Но Дмитрий сделал иначе.

Преодолев внутреннее сопротивление — напрягаться и действовать на пределе боевых кондиций ужасно не хотелось, — он вошел в измененное состояние сознания

и бесплотной тенью скользнул к городищу, обходя его справа, ощущая все электрические и ментальные токи природы.

Четвертого члена группы удалось обнаружить через несколько минут: он сидел на каменной глыбе за валом земли, у внешней стены городища, и бдительно следил за окрестностями, почти не шевелясь, лишь изредка ворочая головой, сам напоминая камень. И он тоже знал приемы психофизического восприятия и манипулирования, как и Дмитрий, поэтому появление путешественника не стало для него неожиданностью.

Он резко свистнул, и фонарик в руках его сообщников сразу погас. Они замерли, обращаясь в слух.

Сторож прыгнул с глыбы и вытянул вперед руку, внезапно удлинившуюся каким-то узким предметом. Тусклый блик, отразившийся от предмета — в лагере археологов ярче вспыхнуло пламя костра, — подсказал Дмитрию, что это сабля или шпага.

— Не шали, — негромко проговорил он, направляя на незнакомца в темной накидке или плаще ствол карабина. — Пристрелю!

Человек молча бросился на него с быстротой молнии. Расстояние, разделявшее их, он преодолел буквально за доли секунды. Ошеломленный таким проворством, Дмитрий выстрелил, не целясь. И тотчас же ночной гость изменил направление бега, птицей кинулся с холма вниз, исчез за стеной кустарника. Пропали и его сообщники, кинулись врассыпную, побросав инструмент. В течение двух секунд Дмитрий остался у городища один, сжимая в руках карабин и готовый к новой атаке неизвестных. Однако они не рискнули связываться с охраной раскопок, не зная, сколько людей охраняют городище и чем они вооружены. А Дмитрий вдруг подумал, что плащ атаковавшего его незнакомца больше похож на монашескую рясу. Вспомнился священник, с которым он столкнулся в квартире Витюши. Тот тоже двигался очень быстро и был вооружен кинжалом. Может быть, это один и тот же человек?..

Послышались голоса, сверкнули лучи фонарей. К городищу поднимались разбуженные выстрелом археологи. Первым к Дмитрию подбежал растрепанный Витюша в накинута на голое тело ветровке:

— Ты стрелял?! Что тут произошло?!

— Гости пожаловали. — Дмитрий рассказал о встрече с неизвестными, упустив только известие о визите волхва-Хранителя. — У кургана копались.

— Пошли, посмотрим.

Они всей возбужденной компанией приблизились к кургану и увидели брошенные лопаты странной формы — трехзубые и длинные металлические стержни на рукоятках.

— Смотри-ка, зонды. — Паша Кочергин в одних спортивных штанах спрыгнул в раскоп, подсвечивая фонарем, протянул Витюше стержень. — С датчиком сопротивления. У нас таких нет. — Он скрылся в тоннеле, проделанном археологами, который вел к центральной полости кургана. За ним спустился Витюша.

Прошло несколько минут. Археологи, поеживаясь от ночной прохлады, переговаривались между собой, кидая уважительно заинтересованные взгляды на виновника переполоха. Катя, успевшая надеть рабочий комбинезон, тоже посматривала на Дмитрия, и он даже хотел подойти к ней, заговорить, пошутить, но в это время из раскопа вылез Витюша:

— Они успели прокопать два с лишним метра. Хотели, наверно, добраться за ночь до купола.

Девушки окружили начальника экспедиции, забросали вопросами:

— Кто это был?

— Чем они крепили стены и потолок?

— Что им надо?

— Почему они лезут к нам?

— Может, милицию вызвать?

— Стоп! — поднял руки над головой Витюша. — Никакую милицию мы вызывать не будем. Будем сторожить. Я позвоню в институт, объясню ситуацию, и нам кого-ни-

★ — будь пришлют на помощь. А теперь все по палаткам. Утро вечера мудренее. Останусь я и...

— Я, — вызвался Дмитрий. — Время моего дежурства не закончилось. Не бойтесь, они сюда больше не сунутся.

Археологи, перебрасываясь шутками, гурьбой повалили к лагерю. Катя оглянулась, но Дмитрий этим не воспользовался, так как Витюша держал его под локоть, бормоча что-то о «проклятых гробокопателях, чуввших наживу».

— Надо было давно организовать охрану городища, — сказал Дмитрий со вздохом, — а не экономить деньги.

— Какое финансирование — таков и результат, — окрылся расстроенный Витюша. — Хорошо еще, что мне удалось уговорить начальство взять тебя на полный кошт. Буду звонить, конечно, просить помощи. Действительно, оборзели гады. Ты хоть кого-нибудь разглядел?

— Темно было, — уклонился от ответа Дмитрий, вспоминая сторожа в монашеской рясе. — Я бы вообще прожектора вокруг городища поставил, пусть освещают территорию. Да пару человек с ружьями. И все проблемы решатся.

— Где мне их взять, прожектора? — пробормотал Витюша. — А тем более охранников с ружьями.

— Пусть Москва побеспокоится по этому поводу. Или местное руководство. Позвони в Челябинск, обрисуй ситуацию, глядишь, и получится.

— Разве что, — поскреб в затылке начальник экспедиции.

Они заново развели костер, повесили котелок.

Археологи разошлись по палаткам, улеглись спать. В лагерь вернулась тишина.

В четыре часа утра Дмитрия и Витюшу сменили Паша Кочергин и Керджиали Баймухаметов. Однако покой археологов больше никто не нарушил. Остаток ночи прошел тихо и мирно.

ГЛАГОЛЬ

Наутро отряд снова занялся работой. Погода явно начинала портиться, поднялся ветер, и все спешили, чтобы закончить основной цикл раскопок до осенних дождей.

На кургане работали в основном мужчины, сменяя друг друга. Дмитрий присоединился к ним чуть позже, в десять часов утра, когда тоннель углубился в тело кургана на двенадцать с лишним метров. Трехзубые лопаты, брошенные неизвестными грабителями могил ночью, оказались легкими, прочными и очень удобными. С их помощью работа пошла быстрее, и к обеду археологи вплотную подобралась к центральному куполу сигаровидной формы, внутри которого электромагнитный сканер разглядел чьи-то скелеты. Лишь Дмитрий знал, что означают эти скелеты, но делиться своим знанием он ни с кем не стал, даже с Витюшей.

Пообедали в два часа дня. Дмитрию наконец удалось «случайно» поговорить с Катей, убедиться в том, что и девушке интересно общаться с ним, и это обстоятельство сильно сказалось на его настроении. В положительном смысле, разумеется. Поездка в «страну городов» теперь и вовсе обрела романтический ореол, подчеркивая известную сентенцию — «случайных встреч не бывает». Дмитрий и в самом деле был уверен, что его появление здесь определено судьбой. Витюша — Катя — грабители могил — старец-волхв — все эти встречи складывались в одну таинственную цепь, которая вела внутрь кургана, к русскому мечу, предназначенному защитить русскую землю от нечисти.

Сомнения в душе Дмитрия насчет собственной принадлежности к некой касте Витязей, о чем говорил Хранитель, почти исчезли. Пришло ощущение грядущего открытия, а вместе с ним — уверенность в своих силах. Путешественник был готов к встрече с предком-витязем, пусть и не прямым, который тысячу лет назад пытался преградить путь насильственным крестителям земли русской.

К вечеру тоннель достиг цели — стены куда, сложенной из таких же блоков, что и внешняя стена святилища, скрытая толщей земли. Возбужденные археологи хотели немедленно пробить в стене отверстие и заглянуть внутрь купола, но Витюша не разрешил:

— Поздно уже. Завтра продолжим, со свежими силами и ясной головой. Дежурить у раскопа будем парами, по два часа. Первыми пойдут Паша и Слава, потом...

— Несправедливо, Виктор Фомич, — перебила его одна из девушек отряда, рослая и сильная; ее звали Ниней. — Мы тоже можем дежурить не хуже мужчин. Я и стрелять умею. А то вы скоро все схудаете, не с кем будет песни петь.

В толпе археологов послышались смешки.

— Давайте и нас назначайте, — поддержала подругу Катя. — Мы можем вместе с мужчинами раскоп охранять. — Она кинула взгляд на Дмитрия.

Археологи снова загалдели, засмеялись, посыпались шутки.

— Хорошо, — уступил подчиненным Витюша. — Пусть будет по-вашему. С десяти до двенадцати подежурю я. Все равно еще не все спать лягут. Потом Славик и... Нинель. Потом...

— Я, — вызвался Дмитрий.

— И я, — подняла руку Катя.

— Не возражаешь? — посмотрел на Храброва Витюша.

— Нет, — быстро сказал Дмитрий.

— Хорошо. С четырех до шести пойдут Паша и Мария, а после шести Баймухаметов и Софико. Вопросы есть?

— А мы? — раздались недовольные голоса.

— Нам здесь не одну ночь гужеваться, успеете все подежурить, пока не пришлют охрану из центра. Все, пошли ужинать.

В лагерь Дмитрий возвращался, шагая рядом с Катей. Стеснение куда-то ушло, он был своим среди своих и чувствовал себя легко и непринужденно, отвечая на вопросы

и шутки подруг Кати с неожиданным даже для себя самого юмором. Спать он так и не лег. Быстро восстановил силы, «подзарядившись» токами природы по методу Шерстенникова, посидел с Витюшей у костра, пока остальные купались в реке и приводили себя в порядок, а потом подошла Катя, переодетая в чистый джинсовый костюмчик, и все остальные заботы и мысли отошли на второй план.

Витюша в двенадцать часов сходил к городищу в сопровождении Паши и лег спать. На дежурство заступили высокая черноволосая Нинель и худенький и подвижный Славик Путин, которого все за глаза прозвали «президентом» за сходство с настоящим главой государства. Они развели у городища второй костер, и таким образом Дмитрий и Катя оказались предоставленными сами себе.

Сначала свою жизненную историю поведала девушка, недавно окончившая Московский историко-археологический институт и попавшая в экспедицию Витюши Костина по распределению. Это был ее первый самостоятельный «профессиональный» выезд на раскопки.

Затем настал черед Дмитрия. Время текло незаметно, два часа пролетели как один миг. Оба не скрывали своего интереса друг к другу, и Дмитрий вскоре понял, что встретил ту, которую ждал много лет.

В два часа ночи они сменили Нинель и Славика и, не сговариваясь, обошли городище, постояли у кургана, освещая фонарем устье свежего тоннеля в его склоне. Вернулись к костру, делясь впечатлениями о находках на раскопе. Поцеловались они как-то совершенно случайно, когда шутливо отпихивали друг друга от нагретого камня, где сидели до них первые сторожа. Наверное, Дмитрий мог бы пойти и дальше, возбужденный и разгоряченный близостью с красивой и податливой девушкой, но не рискнул испытать разочарование, боясь обидеть ее. Да и нужны ему были не флирт ради флирта, не короткая, ни к чему не обязывающая вспышка страсти, а нечто большее, что связало бы их на всю жизнь. Хотя об этом в данный момент он тоже не думал, просто чувствовал грань, которую переступать был не вправе.

Они целовались бы, наверное, долго, если бы не отрезвившее Дмитрия острое чувство тревоги. Словно невидимая птица спикировала вдруг из тучи ему на голову и клюнула в спину. Он оторвался от Кати, замер, сжимая ее в объятиях и прислушиваясь к ночной тишине.

— Ты что? — не поняла девушка.

— Тихо! — выговорил он ей на ухо одними губами. — Кто-то смотрит на нас... не шевелись... делай вид, что ничего не происходит...

— Я и в самом деле ничего...

— Молчи... через минуту я пойду к раскопу, а ты останешься... подбросишь веток... потом спустишься в лагерь и разбудишь Витюшу... э-э, Виктора Фомича... В случае чего — стреляй из карабина, вот он лежит.

— Поняла... но лучше я пойду с...

— Делай, как я сказал!

— Хорошо, — уступила девушка.

Дмитрий легонько поцеловал ее в губы, отодвинул и громко произнес:

— Посиди, я еще дровишек принесу и бутылку вина, у меня есть в заглазнике.

Нарочито гремя камнями, он спустился вниз, но к лагерю не пошел, метнулся к реке, обходя холм, и поднялся на него с другой стороны, переходя в боевое трансовое состояние.

Он не ошибся со своими предположениями. Городище снова навестили непрошенные гости. Возможно, это были те самые гробокопатели, что потревожили сон археологов прошлой ночью. Они бесшумно подкрались к кургану в центре городища и спустились в тоннель, прорытый археологами. Сколько их было всего, Дмитрий не знал, но оценил по напряжению ментального поля — человека три-четыре. И один из них снова играл роль часового. Он прятался за валом земли и смотрел на костер, возле которого сиротливо сидела Катя.

«Ну, блин, шакалы, я вам покажу кузькину мать! — поклялся в душе Дмитрий. — Навек закаетесь древние могилы грабить!»

Превратившись в тень, он за несколько мгновений переместился к сторожу банды и, несмотря на то что тот в последний момент учуял опасность и оглянулся, одним ударом в лоб отправил его в глубокое беспамятство.

Вопреки ожиданиям, мужик оказался не монахом, а... милиционером в форме, с погонами сержанта. Каким образом гробокопателям удалось переманить его на свою сторону, было непонятно. Хотя скорее всего здесь, как и во всех подобных случаях, главную роль играли деньги. Стражи правопорядка не брезговали никаким заработком.

Сержант был вооружен штатным «макаровым» и теском наподобие того, что Дмитрий добыл в бою с монахом в квартире Витюши. Вынув обойму, Дмитрий выбросил ее в кусты, вложил пистолет в руку владельца и в прежнем темпе вернулся к кургану.

Его не ждали.

Троица, возможно та же, что посетила городище прошлой ночью, продолжала увлеченно возиться в раскопе, вынося наружу камни и блоки; очевидно, грабители могил уже разобрали часть стены купола. Подождав, когда из тоннеля покажется очередной «археолог», Дмитрий свалился ему как снег на голову и особым приемом зажал шею. Подергавшись немного, «археолог» потерял сознание. Не теряя ни секунды, Дмитрий шмыгнул в отверстие тоннеля, освещенное где-то в глубине рассеянным светом фонаря, и встретил еще одного «археолога», волокущего полуметровый блок с отбитым краем. Он был одет в пятнистый комбинезон и вязаную шапочку, натянутую на уши. Увидев перед собой Храброва, «археолог» не сразу сообразил, кто перед ним, и Дмитрий воспользовался секундной нерасторопностью копателя. Прыгнув ему навстречу, он ударом в подбородок отбросил парня назад. «Археолог» опрокинулся на спину, роняя тяжелый блок себе же на ногу. Раздался тихий вскрик, и все стихло.

— Что там у вас? — прошипел, оборачиваясь, четвертый член шайки, который вынимал блоки из стены купола. Он тоже был одет в камуфляж-комбинезон, раз-

★ — ве что на голове носил не вязаную шапочку, а танковый шлем.

В стене, освещенной фонарем, виднелось метровой ширины отверстие. Грабителям оставалось чуть расширить проход, чтобы войти в святилище под курганом.

— Привет, — вежливо проговорил Дмитрий. — Вас разве не учили в школе, что воровать нельзя?

«Танкист» перестал вытаскивать из кладки блок, сунул руку за пазуху, и Дмитрий в прыжке нанес ему удар по руке, а затем в голову. Чужак, уже немолодой, в годах, заросший седой щетиной, ударился затылком о стену, закатил глаза, сполз на неровный пол тоннеля. Из его руки выпал пистолет «ТТ».

— Это вам не мелочь по карманам тырить, — назидательно сказал Дмитрий, проделывая ту же процедуру, что и две минуты назад, то есть вынимая из пистолета обойму. Затем поднял прислоненный к стене фонарь и посветил в отверстие, проделанное ночными гостями, из которого в тоннель просачивались запахи пыли, смолы и химической горечи. Станные запахи, честно говоря.

Луч фонаря осветил абсолютно пустое помещение со стенами, испещренными какой-то рунической вязью, и две застывшие друг против друга фигуры в старинных воинских доспехах. Лишь приглядевшись, Дмитрий понял, что эти воины у б и л и друг друга, да так и остались сидеть — на одном колене, вонзив в тело врага свой меч.

— Пресвятая Матерь! — прошептал Дмитрий. — Не соврал Хранитель! Здесь и в самом деле была битва...

Под чьими-то ногами захрустел в тоннеле песок.

Холодея, Дмитрий резко обернулся, освещая подкрадывающегося сзади человека, увидел загородившуюся от света ладонью Катю с карабином в другой руке, с облегчением расслабился:

— Я же приказал тебе сидеть у костра.

— Мне показалось, что тебе требуется помощь, — виновато шмыгнула носом девушка. — Да и страшно там

одной... Кто это? — Она увидела лежащие в тоннеле тела «археологов».

— Любители антиквариата, — усмехнулся Дмитрий.

— Они... живы?!

— Живы, живы, только испугались маленько, сознание потеряли от страха. Там наверху третий лежит, разве ты его не заметила?

— Нет.

— Сбежал, наверное, паразит. Ладно, фиг с ним, иди зови наших.

— Можно, я тоже посмотрю, что там? — Катя принюхалась, сморщив носик. — Как здесь странно пахнет... химией...

— Этот куд не вскрывали тыщу лет. — Дмитрий подвинулся, подсветил фонарем. — Смотри.

Катя заглянула в дыру и вдруг одним движением впорхнула в помещение, прислонила к стене карабин, всплеснула руками:

— Господи, это же древнерусские воины! Как живые!

— Не трогай ничего! — Дмитрий был вынужден пролезть в святилище вслед за девушкой. — Прошла тьма времени, как они тут бились, но кто знает, какие ловушки оставили предки, чтобы уберечь могилу.

— Какие на них доспехи! Бармица... кольчуга... наручи...

— Сама сказала — это древнерусские доспехи, и надписи на стенах сделаны славянской вязью, глаголицей. Даже, наверное, прочитать можно.

— Почему они убили друг друга? Они же русские...

— Не знаю.

— А почему их похоронили в такой позе? Они даже не сгнили и не высохли! Забальзамированы?

— Возможно, была использована какая-то магия.

— Я в магию не верю, — отмахнулась девушка, жадно разглядывая неподвижные фигуры. — Посмотри, один из них, наверно, знатный воин, а второй нет, у него и доспехи попроще, без украшений и наворотов. И рукоять

меча совсем простая, ремешком обтянута. А у того — с золотом и драгоценными камнями.

— Это Чернага, княжеский сотник. А его противник — русский светлый воин Боривой.

— Откуда ты знаешь?

— Сорока на хвосте весточку принесла.

Дмитрий подошел ближе, разглядывая мечи, которыми воины проткнули друг друга. Оба меча — черный и льдисто-металлический — свободно пронзили кольчуги противника и вышли из спины того и другого бойца.

Дмитрий протянул руку к застывшему Боривой, лицо которого, в отличие от искаженного лица противника, было спокойным и умиротворенным, хотел потрогать меч, но почувствовал ледяной озноб, отдернул руку.

И тотчас же в святилище объявился новый гость — монах в рясе, с мощным фонарем в одной руке и с помповым ружьем в другой. Дмитрий узнал его — это был тот самый монах, что навещал Витюшу Костина в Москве и который, очевидно, сидел в засаде у городища прошлой ночью.

— Стоять! — каркнул он, красноречиво оскалясь. — Назад!

Дмитрий послушно попятился. Ему показалось, что от последних слов монаха меч Боривоя засветился изнутри и погас.

— Ты тоже! — Ствол ружья повернулся в сторону Кати.

— Кто вы такой? — возмутилась девушка. — По какому праву командуете? Что вам здесь надо?

— Назад, я сказал!

— Отойди, — мягко посоветовал Дмитрий, поискав глазами карабин и жалея, что тот недоступен. — Это прямой потомок распинателей.

— Кто?!

— У тебя шибко умный дружок, — скривил губы монах. — Чересчур умный. Такие долго не живут. К стене!

— Да что вам нужно?!

— Ему нужен меч, — сказал Дмитрий.

Оскал монаха стал шире.

— Правильно, господин Храбров. Мне нужен меч крестителя. Он еще послужит нашему Делу. А вот ты зря встрял в эту историю, да и знаешь больше, чем нужно. Придется оставить тебя здесь. — Монах хихикнул. — Еще на тысячу лет. И девку твою тоже.

— Вы не посмеете... — дрожащим голосом проговорила Катя, отступая вдоль стены к проему, из которого вылез гость.

— Стой, где стоишь, а то умрешь раньше времени. А ты, мастер, стань на колени, руки на затылок.

Дмитрий помедлил, прикидывая свои возможности. Он мог бы в прыжке достать гостя, но вряд ли это позволило бы ему увернуться от пули.

— На колени! Быстро!

Дмитрий опустил на одно колено.

Монах перестал сверлить его яростными белыми глазами, подошел к застывшим в последнем движении воинам, оглядел их, ощерясь, и вдруг толкнул ближайшего к нему в плечо. Тела воинов со стуком упали на пол святилища и... рассыпались в прах! Зазвенели раскатившиеся по полу мечи.

Дмитрий вздрогнул.

Тихо вскрикнула Катя, сделав еще один маленький шаг к дыре в стене.

Монах сбросил с головы монашеский клобук, открывая бритый наголо череп, шевельнул носком сапога меч Чернаги, длинный, черный, с богатым эфесом, потом осенил себя крестом и одним движением поднял меч над головой. С рукояти меча стекла ему на лоб голубая электрическая змейка. Он вскрикнул, пошатнулся, однако на ногах удержался. Глаза его засияли, как два рубина.

— Он мой! — прорычал монах хрипло. — Он мой! Теперь я — креститель! Я буду карать и миловать! Я довершу то, что начали предки, да не закончили! Я стану...

Его речь прервал выстрел.

Пуля вжикнула мимо уха монаха, влипла в стену.

Катя успела-таки схватить карабин, играя испуганную до смерти женщину.

Монах оглянулся в недоумении, ощерился, вытянул в сторону девушки меч:

— Отдай!

— Держи его на мушке! — быстро сказал Дмитрий, вскакивая. — Этот новоявленный Навуходоносор запросто может отправить нас на тот свет.

С кончика черного меча сорвалась молния, угодила прямо в карабин Кати. Та вскрикнула, отшатнулась, бледнея и роняя оружие, и осела по стене на пол. Закрыла глаза.

— Не-е-ет!.. — вскочил Храбров.

Луч фонаря уперся в Дмитрия.

— Теперь твоя очередь, мастер. Сможешь ли ты теперь посоревноваться со мной?

Новая молния сорвалась с кончика меча.

Но Дмитрий уже подчинялся трансу боя и начал действовать, не давая противнику времени насладиться победой.

Прыжок в сторону, нырок на землю, перекат...

Молния опалила волосы на виске, но пролетела мимо.

Еще прыжок.

Рукоять меча Боривоя легла в ладонь. Судорога свела руку, сладкая боль вонзилась в сердце, аж искры из глаз посыпались! И тут же в голову хлынула удивительная холодная ясность, а в мышцы — неукротимая жгучая сила. Это включился меч, доверившись человеку, который взял на себя ответственность за будущее Рода.

— Умри! — выдохнул монах, бросаясь к лежащему Дмитрию, обрушил на него черный меч.

Клинок скрестился, высекая длинные шипящие искры.

Дмитрий сделал подножку и подбил противника под колено, заставив его отступить. Вскочил разгибом вперед, отбил еще один выпад и ударил монаха ногой в грудь.

Он давно не брал в руки холодное оружие, со времени ухода из Школы и тренировок с учителем, но верил, что

тело само вспомнит приемы фехтования и ответит адекватно. А еще он чувствовал необыкновенную легкость в теле, уверенность и силу, стекающую по мечу в руку и дальше — в сердце.

Глаза монаха метнули молнии.

Дмитрий ощутил удар в лоб, зрение на секунду помутилось.

Дьявол! Это не простой монах, это колдун! Так он запросто может подобраться ближе и уколошить, не ведая стыда!

Дмитрий отскочил, автоматически выполняя «мельницу» — прием веерной защиты. Прием сработал. Монах вынужден был отступить. Но тут же снова бросился в бой.

Длился этот бой не больше минуты.

Фонарь, упавший на пол святилища, не погас и помогал бойцам видеть друг друга. Хотя в состоянии боевого транса Дмитрий мог обходиться и вообще без света. Впрочем, как и его могучий противник.

Если бы не умение уходить в пустоту измененного состояния сознания и не хорошая школа кэндо¹, которую прошел в свое время путешественник, он не смог бы на равных сражаться с новым хозяином черного меча. Монах же рубился умело и яростно, его тоже подпитывала энергия меча, и Дмитрию пришлось какое-то время биться на пределе физических и психических возможностей, отбивая не только выпады меча, но и магические удары противника. Лишь научившись впитывать силу своего меча и предвидеть движение монаха, он смог наконец остановить беспрестанные атаки противника.

Однажды он чуть не поплатился жизнью, отвлекшись на застонавшую Катю (жива, душа моя!), и получил удар в бок, еле уйдя от выпада. Меч монаха скользнул по ребру, разрезал кожу и вспорол мышцы. Особой боли в горячке боя Дмитрий не почувствовал, но понял, что с потерей крови потеряет и жизнь, и удвоил скорость движений. Но и монах не собирался уступать, налитый злобой и бычьей

¹ Кэндо (яп.) — фехтование на мечах.

силой, понимая, что время играет против него. В любой момент к кургану могли прибежать археологи, и тогда ему пришлось бы или убивать всех, что вряд ли было выполнимо, или бежать.

Кровь продолжала струиться из раны, и Дмитрий решил использовать тридцать восьмую китайскую стратегию, которая позволяла обмануть противника, заставить его играть по твоим правилам. Он сделал вид, что теряет силы, стал отступать, спотыкаться, уклоняться, неловко атаковать, и монах, воспрянувший духом, усилил натиск.

Удар, удар, звон мечей, снопы искр, гул, свистящее дыхание... силы на исходе... держись, парень, конец близок...

Еще удар!

Дмитрий неловко отклонился, упал на колено...

Монах взревел, поднимая меч, бросился на него... и споткнулся о вытянутую ногу Кати. Качнулся вбок, вытаращив глаза. В то же мгновение Дмитрий взвился вверх, на лету выбил меч из руки противника и обратным движением своего меча отрубил монаху кисть правой руки.

Монах взвыл, кинулся было за упавшим мечом, норовя схватить его левой рукой, но удар ногой в лицо отбросил его к стене. Он упруго вскочил — из раны толчком выплеснулась кровь, — снова закричал... и метнулся к дыре входа, исчез в ней.

— Я найду тебя! — донесся его удаляющийся голос, и все стихло.

Дмитрий сел на пол, ощутив волну слабости. Посмотрел на девушку, подтянувшую к груди колени и глядевшую на него огромными черными глазами.

— Ты ранен?!

— Пустяки. Спасибо за помощь. Ты вовремя подставила ему ногу.

Катя нашла в себе силы подползти к нему, обняла:

— Он мог нас... убить!

— Мог, — согласился Дмитрий, чувствуя в ушах нарастающий звон. — Но не смог.

— Я не знала, что ты умеешь так сражаться...

— Я еще вязать могу, — улыбнулся Дмитрий через силу, — и суп варить. Пойдешь за меня замуж?

— Пойду, — сказала Катя. И поцеловала его. Губы у нее были холодные как лед, пришлось их отогреть.

Потом она перевязала ему рану собственной кофточкой, и они с трудом поднялись на ноги.

— Что будем делать?

— Будить наших. Только сначала спрячем мечи.

— Зачем?

— Это не простые мечи, в них спит сила. Они не должны попасть в плохие руки.

— Мы же не имеем права...

— Имеем! — твердо сказал Дмитрий. — Там в коридоре я видел мешок, принеси его. Но сперва посмотри, где эти... заговорщики.

Катя покачала головой, однако послушалась и вскоре принесла обычный холщовый мешок, в котором лежали какие-то крючья, мотки бечевы, нитяные перчатки и рулон толстой полиэтиленовой пленки черного цвета.

— Там никого нет.

— Сбежали со своим командиром. Тем лучше.

Дмитрий вытряхнул содержимое мешка на пол, удовлетворенно кивнул.

— Они знали, за чем шли, и подготовились.

Он полюбовался своим оставшимся чистым, сверкающим мечом, с неохотой опустил его.

— Дай подержать, — загорелась Катя.

— Не стоит, — покачал он головой. — Это оружие мужчин.

Натянув перчатки, он осторожно завернул мечи по отдельности в пленку, перевязал бечевой.

— Пошли.

В тоннеле ему стало плохо от слабости, но Катя поддерживала его и помогла вылезти из раскопа.

— Что теперь?

— Заберем мечи с собой.

— Зачем?

— Ты мне веришь?

— Верю.

— Тогда помогай мне и ни о чем не спрашивай. Обещаю позже все рассказать, все, что знаю сам. Только никому ни слова! Это очень важно.

Катя подошла к нему и молча обняла.

В облаках над головой обозначился просвет, на замерших людей глянули яркие звезды. А в душе Дмитрия проросла вдруг уверенность, что все только начинается и что его спокойной — в каком-то смысле — жизни путешественника пришел конец. Мечи, олицетворявшие собой два разных подхода к жизни и к человеку, две разные веры, вышли на волю. Сможет ли он сохранить их?

Сверток в руке Дмитрия шевельнулся как живой. Тоненький лучик невидимого света протек от меча Боривоя по руке к голове путешественника. Меч словно успокаивал вновь обретенного друга. Затем волна света прянула от него во все стороны, осветила городище и погасла. Изумленные молодые люди смотрели на меч и молчали. Они не знали, что сказал им русский меч, но в силу врожденного оптимизма еще верили, что все могут изменить к лучшему.

В этой жизни.

Драйв № 2

МЕЧИ МИРА

И дружила ладонь с рукоятью меча.

В. Сундаков. Менгир

А 3

В Новгород Олега Северцева привела «социальная необходимость».

Пятнадцатого августа позвонил Виталий Сундаков, учитель и друг Олега, и попросил приехать в Новгород на съезд Общества любителей старины. Общество представляло собой единственную общественную структуру, которую действительно волновало состояние памятников

древнего зодчества и культуры Новгородской губернии. Съезд оно решило созвать не ради красного словца или организации красочного телешоу во имя отцов города — того требовали обстоятельства. Обстоятельства же эти были таковы, что пора было бить тревогу, чтобы защитить памятники не покоренной даже татаро-монголами твердыни земли русской.

Новгород уже потерял Рюриково городище, откуда «есть пошла» первая династия русских царей (до нее власть предержали выборные князья): на месте городища образовалась свалка. Превращена была в общежитие церковь Петра и Павла на Славнее. Федоровский ручей — «стержень» Торговой стороны города — засыпан щебнем. На месте кладбища Духова монастыря построен жилой дом. Языческая могила-курган времен Киевской Руси — Хутынская сопка — также была «реконструирована»: в обход закона на ней пробурили скважины, залили бетоном и поставили часовню.

Мало того, существовал план застройки исторической части старого города особняками и гостиницами. Археологи Общества не протестовали против строительства гостиниц, но требовали учитывать «дух места» и не сносить памятники старины, как был снесен дом Павловского, на территории которого нашли ценнейшие берестяные грамоты двенадцатого века, а также десятки других — более ценных с культурной точки зрения — старинных строений.

— Или чего стоит проект дирекции национального музея «Валдайский», — добавил Сундаков, — заменить Игнач-крест, дойдя до которого, по легенде, Батый развернул коней? Такое впечатление, что автор монумента — личный скульптор какого-то местного «авторитета». В эскизе памятник напоминает модные монументальные работы «великого зодчего всех времен и народов» Церетели. Приедешь, посмотришь. Или нет желания постоять за наши корни исторические?

— Поеду, — подумав, ответил Олег.

И поехал. Утром семнадцатого августа он был уже в Новгороде.

Северцеву к тому времени исполнился уже тридцать один год.

За высокий рост его еще в школе прозвали Оглоблей, хотя атлетом он не выглядел. Притом всегда мог за себя постоять. Волосы у него были чуть темнее русых, а длину их он варьировал: то отпускал до плеч, то укорачивал до сантиметра. Серые глаза Олега всегда смотрели прямо и открыто, что говорило об изначальной доброжелательной настроенности путешественника, но если взгляд его загорался холодным огнем предупреждения, с Олегом лучше было не связываться. Много лет он занимался русскими единоборствами, владел барсом¹ и всегда мог окоротить обидчика, а то и двух-трех.

В Новгороде Северцев бывал не однажды, так как в начале своей карьеры путешественника участвовал в археологической экспедиции профессора Демина, изучавшей курганы Новгородской губернии. Сойдя с поезда, он собрался было поймать частника, чтобы доехать до гостиницы «Береста» на Студенческой улице, где он уже останавливался. В этот момент напротив него у тротуара остановилась старенькая черная «Волга». Олег обратил внимание на ее номера — машина была зарегистрирована в Челябинске, но тут же забыл об этом, глядя на двух монахов в черных рясах и клобуках, вылезавших из машины.

Один был старый, седой, сгорбленный, глядел исподлобья круглыми совиными глазами. Второй выглядел спортсменом, шагал упруго и широко, пряча руки в складках рясы. У него были тонкие усики, аккуратная борода, хищный нос и не просто прозрачные, а чуть ли не белые глаза, в которых мерцал огонь жестокой воли и неприветливости.

¹ Барс — боевая армейская система, культивируемая в спецназе ГРУ.

— Олег Николаевич Северцев? — спросил он, останавливаясь в трех шагах от Олега.

— Он самый, — кивнул путешественник, недоумевая, откуда монахам известны его имя и фамилия.

— Приятно познакомиться. Мы наслышаны о вас.

Олег поклонился, не зная, что ответить. Монахи ему не понравились, он чувствовал их странную недобрую силу, хотя служители православной веры всегда вызывали у него если не уважение, то благорасположение. С некоторыми из них он был даже дружен, в том числе с келарем Новгородской церкви Успения Богородицы.

— Вы, наверное, прибыли на съезд Общества любителей старины? — продолжал монах с бородкой как ни в чем не бывало, словно молчание Северцева ничего не значило. — Можем подвезти до гостиницы.

— Собственно, вы по какому делу? — не выдержал Олег. — По-моему, мы незнакомы и раньше не встречались.

— Вас знают наши прихожане, этого достаточно. Вы поедете в гостиницу? Или остережетесь?

Северцев оглядел монахов, пожал плечами. Он уже давно никого не боялся, хотя предпочитал знакомиться с людьми по собственной инициативе.

— Поехали.

Монах помоложе распахнул дверцу «Волги», и Северцев заметил, что на правой руке у него черная кожаная перчатка. Захотелось отказаться от поездки, но он пересилил чувство неприязни, залез в кабину.

Молодой монах сел впереди, рядом с водителем в кожаной куртке, круглоголовым, коротко стриженным. Оглянувшись, заметил взгляд Северцева, показал белые острые зубы. Кивнул на свою руку в перчатке:

— Протез.

Олег промолчал.

Служитель церкви постарше сел рядом. «Волга» тронулась с места.

— Хотелось бы все-таки прояснить ситуацию. Чего вы от меня хотите?

— Таким вас и описали, — с прежней холодной улыбкой оглянулся молодой. — Вы предпочитаете сразу брать быка за рога. Хорошо, и мы не будем тянуть кота за хвост. Вам знаком этот молодой человек?

Монах протянул цветное фото.

Северцев с удивлением узнал на фотографии своего давнего приятеля, соратника и ученика — в каком-то плане — Диму Храброва. С Димой, почти что своим ровесником — тот был моложе всего на один год, — он познакомился восемь лет назад. Храбров работал тогда журналистом, но увлекся экстремальными видами спорта и путешествиями, после чего бросил журналистику, хотя и писал иногда статьи и отчеты о своих странствиях в журналы и газеты, развелся с женой и окунулся в увлекательнейшее занятие — странствия по свету. Какое-то время Олег и Дмитрий даже путешествовали вместе, побывали в Малайзии, в Непале, в Мексике и на севере Чукотки. Потом пути путешественников разошлись. Каждый был законченным индивидуалистом, искал свое, воспринимал мир также по-своему, хотя и очень близко по эмоциональному наполнению. Однако они не теряли связи и редко, но встречались в Москве после очередных вояжей по миру; у Олега тоже имелась квартира в столице, хотя он чаще жил в Подмоскowie, недалеко от Славянского подворья, которое построил для своих друзей и гостей Виталий Сундаков, знаменитый путешественник, писатель и поэт.

— Допустим, я его знаю, — сказал Северцев, возвращая фото. — Что дальше?

— Вы в курсе, что он недавно вернулся из экспедиции?

— Нет. А вы откуда знаете?

— Мир слухом полнится, — неожиданным басом заговорил молчавший до сих пор пожилой монах.

По губам его спутника скользнула тонкая усмешка.

— Ваш друг посетил городище Костыра в Зауралье, на севере от знаменитого Аркаима. Слышали о таком?

— Краем уха.

— Городище обнаружил доктор археологии Костин, приятель вашего друга, и он же предложил Храброву участвовать в раскопках.

— Ну и что?

— Все дело в том, что Дмитрий Храбров нашел там нечто весьма ценное, что интересует и нас, служителей церкви.

— Что именно?

— Меч.

— Два меча, — поправил молодого старик-монах.

— Два меча. И унес оба с собой. Нам бы очень хотелось заполучить эти мечи.

— Купить, — снова прогудел старик-монах.

— Купить. Мы готовы заплатить очень большую цену. Северцев с недоверием поднял бровь:

— Вы серьезно?

— Более чем, — заверил монах с протезом. — Эти мечи — святые реликвии времен раннего христианства. Им надлежит быть в церкви.

Северцев покачал головой:

— Что-то не слышал я, чтобы церковь нуждалась в подобных реликвиях. Какой именно церкви вы принадлежите?

Монахи переглянулись.

— Святой церкви Второго Пришествия, — сказал молодой.

— Не знаю. И где она располагается?

— Под Новгородом, на Волхове.

— А машина ваша, судя по номерам, челябинская.

Еще один быстрый обмен взглядами.

— Вы очень наблюдательны, Олег Николаевич. Но это не наша машина, она состоит на учете в Синоде старшин Второго Пришествия, который действительно располагается в Челябинске. Однако мы не о том говорим. Вы согласны помочь святому делу?

«Святому ли?» — хотел ответить Северцев, но передумал.

— Почему вы не обратитесь прямо к Дмитрию?

— Один раз мы уже предлагали ему... продать мечи, он отказался. Попробуйте уговорить его. Мы отблагодарим вас за участие.

— Миллион, — пробасил старец.

— Что?!

— Миллион долларов, — с бледной улыбкой подтвердил монах с протезом. — Вам. За помощь. И три миллиона за мечи. Я думаю, ни один музей или государственная структура не даст вам столько.

Северцев снова качнул головой.

«Волга» остановилась напротив гостиницы «Береста». Олег вспомнил, что не называл адреса. Встретил взгляд монаха с протезом. Тот обозначил улыбку:

— Вы хотели в другую гостиницу?

— Нет, спасибо. — Северцев взялся за ручку дверцы.

— Итак, что вы решили?

— Я подумаю.

— Только недолго, ради Христа. Мечи не должны пасть в... недобрые руки.

Северцев вылез.

«Волга» тронулась с места, развернулась, в кабине мелькнула черная рука — монах помахал Олегу.

Постояв немного, он двинулся в гостиницу.

На съезд новгородского Общества любителей старины собралось более двухсот человек, причем не только жители города, но и заинтересованные люди из других уголков России. Северцев встретил там многих знакомых, археологов, геологов, ценителей старины и общественных деятелей, радеющих за сохранение древних памятников по всей стране. Был там и Виталий Сундаков, мало изменившийся со времени последней встречи. Они перекинулись парой фраз до заседания, договорились встретиться вечером в гостинице, и настроение у Северцева слегка поднялось. Он собирался поделиться с учителем обстоятельствами встречи со странными монахами, предложившими неслыханную сумму за мечи, которые якобы увез с места раскопок Дима Храбров.

Съезд, открывшийся в помещении местной филармонии, длился весь день.

Выступали все, кто искренне желал сохранить исторический облик Новгорода и призывал власть предержащих соблюдать закон. Говорили о сносе старинных домов, о разграблении трехсотлетних кладбищ, о жалком состоянии Новгородского кремля, на территории которого обнаружили даже водопровод из деревянных труб, работающий более пятисот лет! Какой-то умник повелел трубы эти вынуть, ров засыпать, а потом стены и башни кремля начали вдруг в этом месте наклоняться, грозя когда-нибудь рухнуть. Начала расползаться и кладка основания кремля, из которой вынули бревна «грунтовой армированной подушки» — по терминологии гидрологов и градостроителей.

Говорили о судьбе Горбатого моста, соединявшего левый берег Волхова с кремлем. На этом мосту сотни лет сходились в кулачном бою лихие новгородцы.

Вспоминали памятники, на месте которых еще в советские времена были поставлены деловые конторы и фабрики. Предостерегали от подобных шагов администрацию города, зачастую идущую на поводу у «новых русских».

Выступили мэр Новгорода, депутаты местной Думы, иерархи церкви, которые больше всех сопротивлялись предложениям археологов и музейных работников и чуть ли не предали анафеме тех, кто хранил берестяные грамоты «богопротивных языческих» времен. Именно они утверждали, что у русских до христианизации не было ни истории, ни письменности, ни культуры.

Возразили им только двое: академик Валентин Яншин и Виталий Сундаков, убедительно доказавшие, что западноевропейская историография преступно умалчивает основополагающую роль Русской Протоимперии в создании всех мировых цивилизаций.

И все же переговоры можно было считать успешными. Власти города пообещали сделать все, что в их силах, дабы

сохранить культурное наследие древности и не допустить разграбления оставшихся памятников старины.

Северцев не выступал, слушал, анализировал. Проголосовал за общее решение «беречь и пестовать».

Вечером он встретился с Виталием, но поговорить с ним по душам не удалось. Знаменитый путешественник, посвященный во многие тайны цивилизаций, участник магических ритуалов и колдовских причащений, торопился куда-то и уделил Северцеву всего несколько минут. Но обещал найти Олега в столице через пару дней и пригласил его на свое подворье. Так Олег и не рассказал ему о желании монахов выкупить у Димы Храброва некие таинственные мечи.

Поздним вечером Северцев дозвонился до Витюши Костина, приятеля Димы, с которым тот нередко участвовал в совместных походах по России.

— Я только что прилетел, — сообщил Витюша заплетаящимся от усталости языком. — Еще не мылся. Кое-какие экспонаты привез. Димка был вместе со мной на раскопе городища, но вдруг исчез ночью, ничего не сказав. Не знаю даже, где его искать.

— Что вы там нашли? — поинтересовался Северцев.

— Да много чего. Если хотите, приезжайте, покажу. Могила какого-то воина раскопали, вытащили доспехи, оружие, утварь.

— И мечи?

— Какие мечи?

— Разве вы не нашли на могиле мечи?

В трубке хмыкнули.

— Никаких мечей я не видел. Хотя, по идее, они должны были сохраниться. Легенда гласит, что мы раскопали место последней битвы рыцаря Христова воинства и защитника исконно русской православной Веры. Однако мечей-то как раз и не нашлось. Будем еще копать, территория городища большая, курган тоже не полностью вскрыли.

— Интересно! Почему же вы мне не предложили поучаствовать в раскопках?

— Так вас в Москве не было, а тут Димка подвернулся. Я ему предложил, он согласился, хотя времени на сборы практически не было. Вы где сейчас, Олег Николаич? Не в Москве?

— В Новгороде.

— Приезжайте, поговорим. Я еще на сутки в столице задержусь, оргвопросы экспедиции решать буду. Если захотите, возьму вас с собой.

— Хорошо, созвонимся. А Дмитрий не говорил, куда оглобли повернет?

— В том-то все и дело, исчез, как привидение, ни слова не сказал, ни записочки не оставил. И Катьку с собой увел.

— Какую Катьку?

— Сотрудницу мою. И она той же ночью исчезла. Повелись они друг другу.

Северцев усмехнулся:

— Дима парень видный.

— Да и она не уродина. Почти все мужики отряда на нее заглядывались. В общем, звоните, Олег, и приезжайте.

Северцев повесил трубку, побродил по гостиничному номеру, размышляя обо всем, что услышал, лег спать.

Наутро он быстренько умылся, собрался и поехал на вокзал, отказавшись от намерения пройти по старому городу. Тайна мечей, о которых говорили монахи, будоражила душу и звала в дорогу.

Садясь в вагон поезда, он заметил мелькнувшие в толпе пассажиров монашеские рясы и понял, что за ним следят.

БУКИ

Сойдя с поезда на Белорусском вокзале, он, однако, своих соглядатаев не заметил. Но интуиция подсказывала, что в покое его не оставили. Монахи вели себя как опытные агенты наружного наблюдения, не спеша показываться на глаза ведомого объекта, либо использовали для этого дела профессионалов. Чувствуя спиной внимательный взгляд невидимого наблюдателя, Северцев спу-

стился в метро, попытался вычислить «хвост» и оторваться от преследования, никого так и не обнаружил и поехал домой, на Карамышевскую набережную.

Переоделся, позвонил Костину, сначала по домашнему телефону, потом по мобильному. Договорились встретиться в ресторане, пообедать и пообщаться. Телефоны Храброва, известные Олегу, по-прежнему молчали. То ли путешественник был далеко от столицы, то ли не хотел отвечать.

В душе Северцева поселилась тревога. Дмитрий Храбров не принадлежал к так называемым «черным археологам», раскапывающим древние курганы и могилы с целью наживы, и уж если он унес мечи из раскопа, то имел какие-то уважительные резоны. Вряд ли он собирался их продавать, даже за большие деньги.

«Три миллиона долларов», — услышал Олег голос монаха. Покачал головой. Если покупатели готовы были выложить за мечи такую сумму, то находка стоила того. А может быть, и вообще была бесценной.

В два часа дня Северцев подъехал к ресторану «Колумб» на улице Левитана. Зашел внутрь ресторана и сразу увидел Костина с каким-то пожилым субъектом в клетчатой рубаше. Археолог махнул рукой, Олег подошел, поздоровался.

— Садитесь, я еще не заказывал, — сказал Костин, вытирая потное лицо салфеткой. — Хорошо, что здесь не жарко. Пить будете?

— Так я пойду, Виктор Фомич? — поднялся спутник археолога. — Заберу документы, калькуляцию, сетку и приборы и поеду в аэропорт.

— Езжай.

Мужчина в клетчатой рубаше ушел.

Олег огляделся.

Ресторанчик был небольшой, мрачноватый, но тихий. За столиками в это время сидели только молодая пара и сам Костин. Можно было расположиться на втором этаже, на веранде, нависающей над основным залом, но Витюша уже занял столик у стены и переходить не захотел.

Подошел официант.

— Винца? — предложил Костин. — За встречу. Или вы за рулем?

— Лучше пивка холодненького, — сказал Олег. — Вино в такую жару — моветон. Хотя я бы выпил, если бы не сидел за рулем.

— Можно и пивка. У них тут разливной «Хайнекен» есть.

Заказали пива, с удовольствием отпили по полкружки.

— Рассказывайте, — сказал Северцев. — Вы меня заинтриговали своим городищем. Я слышал, что оно больше Аркаима и других подобных городищ, но не представлял истинных масштабов.

Костин, сняв пиджак, оживился:

— Я фотографии привез, дома лежат. Если есть время, поедem и посмотрим. А вообще открытие серьезное. Одно дело — легенда о былом сражении, другое — находка реального города, где это сражение произошло. Если бы нам не мешали, мы бы давно закончили работу. Я и Димку пригласил больше в надежде на то, что он поможет отбиться от ворья и разного чиновничьего люда, слетевшегося к городищу в надежде поживиться. Кстати, он действительно помог. В первую же ночь путанул каких-то гробокопателей. — Костин поморщился. — А во вторую сам пропал.

Северцев допил пиво.

— А не могли его... убить?

— Ну да, — криво усмехнулся археолог, — его убьешь... Он же мастер боя, спец по выживанию. Вы же сами его учили.

— Гибнут и мастера. Странно, что он ушел, не попрощавшись, на него это не похоже.

— Вот и я говорю. Что-то произошло. Кстати, в самом куде нашли следы крови. И затоптано все. Будто там дрались.

Северцев нахмурился:

— Надо было вызвать милицию.

— Да мы вызывали. — Костин махнул рукой. — Только время потеряли. Приехали двое, посмотрели, порасспрашивали всех и уехали, даже экспертизу не стали делать. А Димка потом мне перезвонил, извинился.

Северцев вздохнул с облегчением, выругался в душе. Витюша, как всегда, забывал самые важные детали происшествий и вспоминал о них не сразу.

— Когда он звонил?

— На другой день уже. Сказал, что у него появилась проблема и что Катька с ним, помогает.

— Куда поедет, не сказал?

— Я так понял, что в Москву, куда еще? Менты тоже спрашивали, чем он занимался и куда может отправиться. Я сказал, что он поехал на Дальний Восток.

Северцев покачал головой:

— Странно... милиции-то зачем знать, чем вы занимаетесь?

— Вот и я говорю.

— Адреса этой практикантки, Кати, у вас случайно нет?

— Нет, только телефон. — Костин извлек мобильник, пощелкал кнопками, вывел номер на дисплей. — Вот, записывайте.

— Я запомню.

Официант принес заказ.

Костин жадно набросился на еду. Было видно, что он голоден.

В ресторан заглянули двое парней в камуфляже.

Северцев почувствовал беспокойство. У парней были цепкие холодные глаза профессионалов спецназа, и смотрели они не вообще на зал, а прицельно, на сидящих, оценивая обстановку.

Костин посмотрел на часы, заторопился:

— Черт, ничего не успеваю! Как бы не пришлось тут куковать еще день. Так что вы решили, Олег Николаич? Летите со мной?

Северцев не успел ответить.

В ресторан быстрым шагом вошли давешние парни в пятнистом и с ними еще трое в таких же комбинезонах, с масками на головах. Подскочили к сидящим, навели пистолеты:

— Встать! Руки за голову!

Глаза Костина округлились, он с удивлением оглядел грозные фигуры спецназовцев:

— Вы чего, ребята?! В чем дело?!

Его ударили по лицу, один из парней рывком поднял на ноги за ворот рубахи.

Двое других бросились к Северцеву, но тот уже встал сам, сцепил пальцы на затылке. Его сноровисто обыскали, ткнули пистолетом в спину:

— Шагай!

— Что происходит?! — пискнул Витюша. — Я ученый, археолог...

— Ты нам и нужен, — скривил губы парень в камуфляже, без маски, заглянувший в ресторан первым. — Скажешь, где спрятал ценные экспонаты, — отпустим.

Северцев напрягся. Спецназовцы, какой бы структуре они ни принадлежали, не могли знать о том, что Виктор Костин возглавляет археологическую экспедицию, занимающуюся раскопками на юге Урала. А если и знали, то уж никак не подробности этой работы. Командир группы захвата проговорился. Обычно такие предложения делают высокие начальники в кабинетах спецслужб, а не простые оперативники без знаков различия на форме.

— Предъявите документы, пожалуйста, — вежливо проговорил Северцев. — С кем имею честь разговаривать?

Официанты и работники ресторана, собравшиеся у стойки бара, с удивлением смотрели на эту сцену, что играло на руку задержанным. Вряд ли в планы их обидчиков входила стрельба из огнестрельного оружия.

— А как же, — кивнул парень, не потеряв равнодушного вида, — непременно предъявим. Поручик, покажь документ.

Спецназовец в маске, огромный, мощный, сунул в лицо Олега пистолет. Если бы Северцев не убрал голову, получил бы чувствительный удар в нос.

— Видал?! Годится документ? Стой и не выеживайся, пока ребра целы!

Северцев хладнокровно повернул голову к перешептывающимся работникам ресторана:

— Звоните в милицию! Это бандиты!

— Да! — воспрял духом Витюша. — Они не имеют права...

На затылок археолога упала рукоять пистолета, он охнул, сунулся носом в пол.

— В машину обоих!

Северцева двинули по спине... и время для него остановилось. События принимали слишком непредсказуемый оборот, чтобы пустить их на самотек. Олег был абсолютно убежден, что сумеет оправдаться, если все же впоследствии окажется, что группа в пятнистых комбезах действительно принадлежит государственной конторе.

Пистолет словно сам собой вылетел из руки громилы-спецназовца и врезался ему же в скулу. Здоровяк отшатнулся к двери, упал на стол, разнося его вдребезги. Та же участь постигла второго парня в маске, разбившего в падении еще один столик. Третий спецназовец, принявший стойку, поймался на обманном движении, лягнул ногой воздух и опрокинулся на пол, сбитый подсечкой. Четвертый, выглядывающий из-за двери, кинулся в ресторан, но сделать ничего не успел.

— Стоять! — рывкнул Северцев, возникая возле командира группы с двумя пистолетами в руках, направленными ему в голову. — Прикажи своим амбалам не баловаться с пушками! Ну?!

Все замерли.

Витюша, кряхтя, повозился на полу, сел, дотронулся до затылка, сморщился от боли:

— Вот сволочи, башку пробили!

— Бросьте пистолеты! — выдавил командир группы.

— Звоните в милицию! — снова обратился Олег к ресторанный службе. — Я подержу их на мушке!

— Не надо звонить в милицию, — показал кривую улыбку спецназовец, достал двумя пальцами из кармашка красную книжечку. — ФСБ, капитан Коряцкий, Управление по борьбе с незаконным оборотом археологических ценностей. Опустите оружие.

— Ни хрена себе! — возрился на него Костин в полном недоумении, поднялся на ноги. — Так вы чекист?! Что же вы себе позволяете?! Вас же гнать надо из органов!

Северцев поймал взгляд капитана, в котором вспыхнул и погас нехороший огонек, покачал головой.

— Ох и не нравитесь вы мне, капитан Коряцкий! — Олег опустил один пистолет, взял удостоверение, глянул на фотографию. — У меня тоже есть знакомые в конторе, но так нагло они себя не ведут. И, кстати, о каких ценных экспонатах шла речь?

— Вы не представляете, гражданин... э-э...

— Северцев, к вашим услугам, путешественник-экстремал.

— ...гражданин Северцев, насколько вы усложняете себе жизнь вмешательством не в свои дела! Верните оружие... и мы культурно поговорим.

— Вы не ответили на вопрос, капитан. О каких ценных экспонатах шла речь? Что именно «спрятал» мой товарищ?

— Идиотизм! — выдохнул Витюша, потрясая вздетыми к потолку руками. — Ничего я не прятал! Все найденные предметы отправлены по описи в заинтересованные инстанции, в музей. Я уже двадцать пять лет занимаюсь раскопками и ничего никогда не присваивал!

Спецназовцы зашевелились, поглядывая то на командира, то на остальных участников драмы.

— Все вон! — скомандовал Северцев, понимая, что не сможет долго удерживать ситуацию под контролем. — А вас, Штирлиц, я попросил бы остаться!

Ствол пистолета уперся в кадык капитана. Тот бледно улыбнулся, посмотрел на подчиненных:

— Ждите в машине, я скоро.

Спецназовцы, нерешительно оглядываясь, потянулись к выходу, исчезли за дверью.

— Может быть, вернете оружие? — сказал командир группы. — Вы же понимаете, что я при исполнении. За нападение на работника спецорганов вам светит лет пять, не меньше.

— Сука ты, капитан! — ласково улыбнулся Северцев, хотя глаза его стали ледяными. — Я знаком с очень хорошим адвокатом, который как раз специализируется по таким крутым мудакам, как ты. Оружие я тебе не верну, пока не выясню, что ты ищешь. Ответишь на вопросы, уйдешь цел и невредим. Не ответишь — не обессудь, ты начал первым. Кстати, к этому времени подъедут и другие органы, с которыми я дружен. Ну как, подождем?

Капитан сжал зубы, крутанул желваки. Он был жестким и решительным человеком, но проигрывать умел. Понизил голос:

— Не лез бы ты в это дело... путешественник.

— Уже влез.

— Мое подразделение занимается ценными археологическими находками, имеющими стратегическое значение.

— Первый раз слышу о таком подразделении. А уж тем более о находках, имеющих стратегическое значение.

— Ничем не могу помочь. Такие находки существуют, особенно если это оружие. Смекаешь? Мы следим за всеми археологическими экспедициями, в том числе и за работой вашего приятеля. — Кивок на ругавшегося вполголоса Костина. — К сожалению, наши сотрудники прошляпили... и кое-какие находки исчезли. Мы считаем, что ваш приятель в сговоре с одним из таких же... — капитан поискал слово, — любителей старины украл некие раритеты и привез их в Москву. Этого достаточно? Надеюсь, вы понимаете, что это государственная тайна? За ее разглашение могут и «вышку» дать.

— Страшно, аж жуть, — усмехнулся Северцев. — Если бы это и в самом деле была государственная тайна, вы бы мне ее не сообщили. Сдается мне, тут другие расчеты. И все же о каких раритетах идет речь? Не о мечах ли?

Глаза командира группы сузились:

— Вы... знаете?!

— Слухи имеют свойство передаваться на большие расстояния со сверхсветовой скоростью.

— Значит, это он вам рассказал? — Взгляд на Костина.

— Вот он-то как раз ничего и не знает. Зато знают некие служители церкви, весьма заинтересованные в возвращении раритетов. Не встречали таких?

Капитан пожевал губами, не сводя горящих глаз с лица Северцева.

— Отдайте удостоверение. И оружие!

— Боюсь, мне придется подстраховаться...

— К черту вашу подстраховку! — Капитан оскалился. — Если понадобится, я вас из-под земли достану! Неужели вы думаете, что от нас можно скрыться?

— Я и не собираюсь скрываться. Но вот в другую контору сообщу об этом деле, да и журналистам тоже. Тогда и посмотрим, кто кого будет доставать из-под земли.

— Вы или идиот, или... — Капитан с трудом справился со вспышкой гнева, заговорил тише: — Не делайте этого! Давайте договоримся: я снимаю людей и больше к вам и вашему приятелю не цепляюсь, вы же никому ни слова...

— Все будет зависеть от вас.

— Хорошо, я даю слово...

— Этого мало.

— Да пошли вы... — Капитан снова умолк, борясь с самим собой. — У меня к вам всего один вопрос: от кого вы узнали о пропаже мечей?

— А вы?

— Я уже говорил: у нас везде свои люди, в том числе и в отряде господина Костина. К сожалению, они прокололись, хотя и успели выяснить главное. Мечи были. И исчезли. Вместе с одним товарищем, которого вы тоже

должны знать, Дмитрием Храбровым. Не подскажите, где его можно найти?

Северцев покачал головой:

— Я узнал об этом деле случайно, причем от монахов, которые тоже предложили мне... помочь им найти Дмитрия.

— Как они выглядели?

— Монахи как монахи, черные рясы, кресты на цепях в форме миниатюрных мечей, на головах клобуки. У одного протез.

Глаза капитана сверкнули:

— Евхаристий...

— Кто?

— Не важно... Не зря я сюда зашел. Вы кладезь данных, господин путешественник, о которых я и не мечтал. Жаль, что мы познакомились не лучшим образом. Не хотите поработать с нами? На благо Отчизны, так сказать?

— Не хочу. Мне не нравятся ваши методы. Спецслужба не должна вести себя так нагло.

— Жаль. Мы бы с вами горы свернули. Оружие!

Северцев поколебался немного, вынул из пистолетов магазина, протянул капитану. Тот напрягся, но требовать вернуть патроны не стал. Пошел к двери, оглянулся:

— До встречи, господин Северцев. Я найду вас.

Стукнула дверь.

— Не, ну вы скажите, не гадство?! — возбудился Костин. — Меня уже второй раз бьют ни за что!

— Не понял?

— Первый раз ко мне домой ворвались монахи, требовали дать план городища и вернуть мечи. Я как раз Димку уговорил ехать со мной, он меня и выручил.

— Монахи?!

— Ну да.

— Значит, их тоже интересовали мечи?

— Ну да, я еще удивился — какие мечи? Мы ничего такого не находили. А теперь и вы спрашиваете про мечи. Что вы знаете, чего не знаю я?

Северцев взял его под локоть, повел к двери:

— Пойдем, по дороге поговорим.

— Эй, уважаемые, — догнал их появившийся хозяин ресторана с двумя охранниками, — а за разбитые столы и посуду кто платить будет?

Северцев оглянулся, окинул мужчин холодным взглядом:

— Звоните в ФСБ, может быть, там вас поймут. Эти парни оттуда.

— Не умничай! — мрачно буркнул охранник постарше, хватая Олега за плечо. — Плати давай!

— Руку убери, — сказал Северцев, — не то придется и другие столы менять.

Охранник снял ладонь, нерешительно глянул на коллег.

— Говорил я вам, вызывайте милицию, глядишь, и ничего не случилось бы. А теперь вы смелые стали? Дай пройти!

Охранник отступил.

Северцев и Костин вышли на улицу.

Машины с группой спецназа возле ресторана уже не было. Но Северцев не обольщался временной победой, зная возможности конторы. За ними вполне могли устроить слежку, чтобы потом накрыть в удобный момент и устроить допрос по всей форме.

Сели в «Фольксваген» Северцева.

— Ничего не понимаю, — криво улыбнулся Витюша. — Неужели Димка действительно нашел в кургане мечи и забрал с собой? На него это не похоже. Но как об этом узнали чекисты? И те монахи?

Северцев промолчал. Его занимали другие мысли: как найти Храброва и остаться при этом на свободе.

Сзади мелькнула черная «Волга».

Северцев сманеврировал вправо и успел увидеть последние цифры номера: машина была зарегистрирована в Челябинске. Не оставалось сомнений, что монахи продолжали следить за ним, лелея мечту о покупке пропавших мечей. И при этом разумно подстраховались, надеясь, что он приведет их к объекту поиска.

— Куда вас подвезти?

— К институту, — сказал Витюша, морщась и щупая затылок. — Я еще должен попасть к начальству. Так вы поедете со мной или нет?

— Я позвоню вечером. Возможно, что и соглашусь, хотя у меня, честно говоря, и в столице полно дел.

У центрального корпуса Московского историко-археологического института они расстались. Костин пошатываясь побрел к зданию, у него болела голова от удара по затылку и настроение было соответствующее. Северцев же дождался появления черной «Волги» — па-сут, слуги божьи, мать их! — и погнал машину к набережной. Он знал, где можно будет оторваться от преследователей и затеряться в переулках и дворах старой Москвы.

ВЕДИ

Все получилось без особых усилий. «Волга» отстала и больше не маячила сзади, заставляя ощущать себя дичью, за которой гонятся охотники.

Северцев оставил «Фольксваген» во дворе дома на Куусинена, где жил Вадик Скворцов, бывший однокашник, и позвонил от него по телефону, который дал ему Витюша Костин. Ответила женщина:

— Але? Слушаю вас.

— Здравствуйте, позовите, пожалуйста, Катю к телефону.

— К сожалению, ее нет дома. Что-нибудь передать?

— Давно она вернулась?

— Два дня назад, а что? Кто ее спрашивает?

— Меня зовут Олег, я друг ее приятеля Димы. Они вместе были в экспедиции на Урале, и он мне очень нужен.

— Олег? — В голосе женщины послышались нотки сомнения. — Нам один Олег уже звонил и тоже представился приятелем Димы. Как ваша фамилия?

— Северцев.

— И он представился Северцевым. До свидания, больше не звоните, я ничего не знаю. — Трубку повесили.

— Вот это сюрприз! — произнес Северцев, вслушиваясь в гудки. — Интересно, какая зараза звонила от моего имени?

— Что случилось? — поинтересовался Вадик, прихлебывая чай; он торопился на службу, так как работал в паспортном столе Хорошево-Мневников.

— Если бы я знал сам... долго объяснять.

— Ну и не объясняй. Чай будешь?

— Нет.

— Тогда я допью и побегу. — Вадик ушел на кухню.

— Какая же зараза звонила? — повторил вслух Северцев.

«Монахи, — услышался внутренний голос. — Или парни из ФСБ».

«Не похоже, — покачал головой Северцев, отвечая самому себе. — Парни из конторы вряд ли связали бы имена Димы и Кати с моим. Они избрали самый простой путь к мечам — через Витюшу-археолога. Значит, монахи умнее и изобретательнее, раз используют все варианты. Что же это за мечи такие, за которыми началась бурная охота? Что за реликвии ты нашел там, в кургане, Дмитрий Храбров, разбудив столь разные структуры, как церковь и Федеральная служба безопасности? Или капитан Коряцкий вовсе не капитан и не чекист вообще? Почему он изменился в лице, узнав о монахах? И почему снял группу и смотался? Государственные спецслужбы в таких случаях не отступают, доводят дело до конца».

«Правильно, — согласилось второе «я» Олега. — Кси-ва капитана — липа, да и нету в ФСБ такого управления — по охране ценных археологических памятников. Провели тебя, как лоха, путешественник».

«Я не следователь, — огрызнулся Северцев, — и не эксперт по брехне. Однако что теперь делать-то будем? Где искать Дмитрия?»

«Устроить засаду, да и дело с концом».

«Ты сбрендил?»

«Сам такой! Мать Катерины призналась, что ее дочь приехала?»

«Ну?»

«Призналась. Значит, и Димка здесь, в Москве. Улетели-то они вместе. Значит, надо найти квартиру этой подружки и подкараулить, когда парочка будет возвращаться».

«Ты гений!»

«А то как же, — ответил Олег сам себе. — Этого у нас не отнять».

Через полчаса с помощью Вадика он выяснил адрес Кати Дерюгиной (фамилию вычислили по номеру телефона), с которой Дмитрий Храбров таинственно исчез с территории городища Костъра на Южном Урале. Еще через сорок минут Северцев сидел под акацией во дворе дома, где жила Катя, и делал вид, что пьет пиво, предварительно обследовав двор и убедившись, что никто, кроме него, не следит за подъездом девятиэтажки.

Ждать пришлось до позднего вечера. Зато терпение Северцева было вознаграждено. Когда он уже готов был сдаться, махнуть на все рукой и уехать, во дворе появился «Мицубиси Паджеро», из которого вылезли Дмитрий Храбров — с бородкой и усами — и тоненькая девушка с копной светлых волос и милым курносым личиком. Очевидно, это и была Катя Дерюгина, добровольная помощница Храброва, отважившаяся бросить экспедицию в разгар сезона.

Дмитрий вытащил из багажного отделения джипа спортивную сумку, из которой торчал конец белого свертка, зашагал вслед за девушкой к подъезду. Северцев хотел окликнуть его и в этот момент заметил, как в окне на втором этаже дома напротив мелькнул огонек. В душе шевельнулось беспокойство. Олег напрягся, дисциплинируя зрение в инфракрасном диапазоне, и увидел силуэт мужчины за стеклом, держащего в руках некий аппарат. Кто-то разглядывал двор в бинокль!

«Скотство! — выругался Северцев беззвучно. — Не я один такой умный! Надо было подключить экстрасенсорику еще днем и вычислить наблюдателей. Димку ждет засада!»

Он взял в руку пустую бутылку из-под пива и двинулся к подъезду, раскачиваясь и напевая под нос:

— А нам все равно, а нам все равно, не боимся мы волка и совы...

В подъезде было тихо. Дмитрий и его спутница уже поднялись на четвертый этаж и вошли в квартиру.

Олег на цыпочках взлетел по ступенькам наверх, остановился на лестничной площадке, прислушиваясь к звукам, долетавшим из четырех квартир. За дверью пятнадцатой квартиры раздался стук, грохот упавших предметов, крики женщин. Не задумываясь, он рванул дверь на себя — не заперта, слава богу! — и прыгнул в прихожую.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы оценить ситуацию.

Дмитрий лежал на полу в дверях, ведущих из прихожей в гостиную. На нем сидели два здоровенных парня в черных кожаных куртках и в масках, заламывая ему руки за спину. Третий следил за процессом, стоя в гостиной с пистолетом в руке и держа другой женщину в халате, со связанными сзади руками — скорее всего мать Кати. Сама девушка яростно вырывалась из рук четвертого верзилы, зажавшего ей рот и заталкивающего в спальню.

На полу прихожей валялись одежда, обувь, какие-то коробки и банки, вывалившиеся из разбитого комода, а также стояла сумка с длинным свертком.

Тот, что был с пистолетом, отреагировал на появление Северцева первым. Оттолкнул женщину, поднял ствол «вальтера». Но Олег, ускорившись до предела, нырнул на пол, подхватил две поллитровые банки с вареньем и метнул их в парня.

Обе попали в цель. Парень в куртке, получив удар в лоб и в грудь, охнул, отшатнулся, роняя пистолет. Олег метнулся к нему, подхватил оружие, вскочил, нанося удар локтем в грудь и кулаком в шею. Парень отлетел к серванту, разбил стеклянную дверцу. Грохот, звон, треск.

«Пропал сервиз», — мелькнула мысль.

Ошарашенные нападением здоровяки в коже отвлеклись на новое действующее лицо, и этим воспользовался Дмитрий, успевший прийти в себя после удара по голове. Он рывком выбросил ноги вверх, сделал стойку на лопатках, выкрутил локти из захватов парней и быстро обработал каждого: одного тычком в глаз и ударом локтем в ухо, второго — коленом в пах и ребром ладони по носу.

Четвертый кожан, оттолкнув Катю, достал пистолет, выстрелил. Но Катя успела ударить его по плечу, и пуля прошла мимо головы Северцева, влипла в стену рядом с телевизором.

— Брось оружие! — оскалился Северцев, держа свой пистолет обеими руками. — Убью!

Верзила дернулся было к нему, не выпуская пистолета из руки. Олег выстрелил в ответ. Пуля вжикнула над ухом парня, состригла с виска полоску волос.

— Ну?!

Парень остановился, не сводя глаз с путешественника. Затем опустил пистолет.

Зашевелился тот, которого Северцев уложил первым. Упруго вскочил, толкнул в ноги Олегу стул. Северцев едва успел отскочить. Парень с пистолетом выстрелил. Пуля обожгла Олегу плечо. Он выстрелил в ответ, попал в руку. Вскрик, мат.

— Уходим! — бросился к выходу из квартиры первый, вожак группы.

Дмитрий попытался достать его, но вынужден был отвлечься на своих противников, которые напали на него с двух сторон, а потом дружно рванули за командиром. Последним ретировался раненный Олегом верзила, попытавшись по пути подхватить сумку со свертком. Однако Северцев выстрелил еще раз, пуля вонзилась в пол у ноги парня, и тот на карачках выбежал в распахнутую дверь.

Стало тихо.

Некоторое время все прислушивались к топоту на лестнице, вытянув шеи, потом заплакала мама Кати, девушка бросилась к ней, Дмитрий выпрямился, держась за голову. Посмотрел на окровавленную ладонь:

— Вот суки! Башку пробили!

Северцев невольно усмехнулся. Точно так же отреагировал на неожиданное нападение Витюша Костин, из-за которого, по сути, и началась вся эта катавасия.

— Они? — кивнул он на сумку.

— Что? — не понял Храбров.

— Мечи?

— Да... Откуда ты знаешь?!

— Убираемся отсюда, и побыстрей, эти ребята могут вернуться! Я видел во дворе еще одного мужика с биноклем.

— Пожалуй... хотя мне, в общем-то, некуда бежать...

— Поедем к моему приятелю. Да не стой ты как пень! У нас нет ни минуты времени!

В дверь заглянула какая-то испуганная пожилая женщина, за ней старик:

— Что случилось? У вас стреляли? Может, милицию вызвать?

Олег и Дмитрий переглянулись.

— Вы кто?

— Соседи...

— Не беспокойтесь, все в порядке, а милицию вызовите на всякий случай.

— Катя, мне пора идти, — оглянулся Храбров.

— Я с тобой! — оторвалась от матери девушка.

— Останься, маме нужна помощь. Я потом позвоню, и ты приедешь.

Девушка хотела возразить, но посмотрела на мать, на разгром в квартире, сникла:

— Хорошо, я останусь. Но ты обязательно позвони! Что мне милиции сказать?

— Так и скажи: напали бандиты в черных кожаных куртках, что хотели, неизвестно, мы с Олегом подроспели вовремя, они убежали.

— Пора! — бросил Олег, чувствуя нарастающую тревогу.

Вокруг дома сгущались некие отрицательные потенциалы, указывающие на приближение реальной угрозы.

И носителями этой угрозы были уже не странные бандиты в куртках, похожие на водителя «Волги». Угроза исходила от других сил, нацеленных на получение мечей любой ценой.

Видимо, это почувствовал и Дмитрий. Он покосился на Северцева, быстро поцеловал Катю в щеку, подхватил сумку, шагнул к двери. Но остановился, склонив голову к плечу.

Снизу, с первого этажа, донесся необычный звук — скрип ножа по стеклу. Смолк. Наступившая следом тишина показалась оглушающей.

Дмитрий глянул на приятеля:

— Это они!

— Кто?

— Монахи... я чую...

— Пробьемся?

— Не знаю... их много... а тут женщины...

— Быстро звоните в милицию! — подтолкнул соседей к двери Северцев, захлопнул дверь. — Может, через балкон?

— Они не дураки... будут стеречь внизу... и я не могу бросить их одних. — Дмитрий кивнул на хозяйку квартиры и ее дочь.

— Тогда у нас остается только один вариант. — Северцев вынул из пистолета магазин, пересчитал патроны, вставил обратно. — Схлестнемся с ними вне квартиры, на лестнице.

— Давай, — улыбнулся Храбров и вытащил из сумки длинный матерчатый сверток.

ГЛАГОЛЬ

Их встретили на лестничной площадке второго этажа.

Два монаха, постарше и помоложе, уже знакомые Северцеву, и два крутоплечих качка в кожаных — несмотря на летнюю жару — куртках и черных рубашках. На лице одного из них алела свежая царапина, и Северцев вспомнил его: это был командир группы, пытавшейся захватить Дмитрия.

Монахи прятали руки в складках ряс, коротко стриженные молодчики демонстративно держали правые руки под бортами курток.

— Вот спасибо, Олег Николаевич, — сказал черноволосый монах с протезом как ни в чем не бывало, — за хлопоты и содействие. Никак, уговорили дружка вернуть не ему принадлежащее?

Дмитрий бросил на Северцева косой взгляд.

— Они мне посулили миллион «зеленых», — хладнокровно сказал Олег, оценивая противника. — За то, чтобы ты продал им мечи. Тебе они тоже пообещали кругленькую сумму — аж целых три миллиона.

— Неплохо, — усмехнулся Храбров. — До конца жизни можно прожить, ежели с умом тратить такие деньги.

— Собственно, нам нужен только один меч, — продолжал монах, в глазах которого разгорался и гас огонек жестокого фанатизма. — Но мы и оба готовы купить. Шесть миллионов вас устроит?

— Прочь с дороги!

— Значит, мало. Назовите свою цену.

— Прочь с дороги, мерзавец! — проговорил Дмитрий. — Ты же знаешь, что мечи я не отдам ни за какие деньги! Тебе мало одной руки? Хочешь потерять и вторую? Или голову?

— Ах, Дмитрий Олегович, Дмитрий Олегович, голуба моя, — покачал головой монах, ничуть не смутившись, — вы так и не поняли, с кем связались. У вас нет выхода! Мы везде вас отыщем, рано или поздно, и никто вам не поможет. Мало того, вы рискуете не только собой, но и девицей своею, и родичами. Неужто беду на них накликать хотите?

Дмитрий потемнел, сделал шаг вперед.

Молодцы в кожаных куртках дружно выдернули из-под мышек пистолеты. Северцев, в свою очередь, направил ствол «вальтера» на монахов.

— Тронешь ее хоть пальцем!.. — прошипел Храбров. Монах поморщился, презрительно скривил губы:

— Да будет вам, Дмитрий Олегович! Не опускайтесь до стандартных угроз, которые действуют разве что на обывателей, жующих жвачку телесериалов. Вы же серьезный человек и должны понимать, что мы ни перед чем не остановимся. К тому же вы один, а нас много.

— Ошибаетесь, он не один, — сквозь зубы процедил Северцев, настраиваясь на сверхскоростное движение. — И у нас немало друзей.

— Я считал, что вы с нами, Олег Николаевич. А если мы предложим вам больше? Скажем, десять миллионов американских рублей? Вас это устроит?

— Я не Атос, — усмехнулся Северцев, — но оцениваю предложение, как и он. Для простого путешественника это очень много, а для человека духа, к каковому я себя отношу, очень мало. К тому же есть вещи, которые не продаются.

— Я таких вещей не знаю, — изогнул бровь монах.

— Еще бы. Ведь это не мечи. Достоинство, к примеру. Честь. Совесть.

— Вы идеалист, Олег Николаевич.

— О да, — согласился Северцев. — В отличие от вас. Но, несмотря на это обстоятельство, я не промахнусь. Прикажете своим холоум убраться оружие и убраться отсюда. Через минуту здесь будет милиция, которую мы вызвали в связи с разбойным нападением на квартиру нашей знакомой, так что не испытывайте терпение фортуны.

— Милиция? — презрительно скривил губы монах. — Разве она когда-нибудь кому-нибудь помогала в таких делах? К тому же мы мирные священнослужители, нас она не тронет. Итак, переговоры можно считать завершившимися? Наши условия вам не подходят?

— Нет! — коротко ответил Храбров.

Монах внимательно посмотрел на его руку, которую Дмитрий держал под полой плаща.

— Меч с вами?

— Это не имеет значения.

В кармане одного из парней в кожане запиликал телефон. Он вытащил мобильник, поднес к уху. Посмотрел на монаха:

— Они здесь.

Монах кивнул:

— Уходим!

Парни в куртках отступили, попрытали пистолеты, побежали вниз. Монахи степенно двинулись за ними. Служитель церкви помоложе, с протезом, оглянулся:

— Жаль, что нам не удалось договориться. Но вы сами выбрали свою судьбу. До скорой встречи, господа путешественники.

Стукнула входная дверь.

Северцев посмотрел на приятеля.

— Пошли, — буркнул тот, не снимая ладони с рукояти меча; один он прятал под полый плаща, второй укрепил на спине.

Они вышли во двор, озираясь по сторонам.

Ни монахов, ни спецназовцев не было видно. Зато появились машины милиции: «Баргузин» с синей полосой, белая «шестерка» ГИБДД и джип «Мерседес-430» с мигалкой. Из «Баргузина» выпрыгнули на асфальт четверо омоновцев в пятнистых комбинезонах, с короткими автоматами в руках. Из джипа вылез мужчина в сером костюме, без галстука, за ним еще двое, огромные, накачанные, в лопающихся на груди черных костюмах.

Олег и Дмитрий уже садились в «Фольксваген» Северцева, когда их окликнули:

— Эй, граждане, одну минуту!

К машине двинулись двое в камуфляже, держа руки на прикладах автоматов. За ними повернули парни в черном.

— Это не милиция! — процедил сквозь зубы Дмитрий.

— ОМОН!

— Может быть. Попробуем договориться?

— Не драться же с ними. Авось не по нашу душу.

Парни в камуфляже остановились в двух шагах от машины Олега. Мужчина в светло-сером костюме, черно-волосый, с резкими чертами лица, подошел ближе, держа руки в карманах брюк.

— Ваши документы.

— А в чем дело? — вежливо поинтересовался Северцев. — Мы как будто покой граждан не нарушали, никого не трогали.

— Общайте машину, — кивнул мужчина парням в комбезах.

— Пойдите, уважаемый, что за произвол? — нахмурился Дмитрий. — У вас на руках постановление на обыск? Кстати, представьтесь по форме, пожалуйста.

— Поднимитесь в квартиру, — бросил черноволосый двум другим омоновцам, — общайте все. А этих — в джип!

— За что? — удивился Северцев. — Вы понимаете, что делаете?

— Шагай! — повел стволом автомата парень в камуфляже.

Из-за «Баргузина» вышел человек в рясе.

Фонарь во дворе был слабый, его света не хватало, чтобы осветить весь двор, но все же Северцев узнал монаха с протезом.

— Снова э т о т! — изменился в лице Дмитрий. — Сначала чуть не убил Витюшу, еще до поездки на Урал, потом дрался со мной в могиле погибших воинов...

— Я же предупреждал вас, — приблизился монах, поигрывая сучковатым деревянным посохом, который он легко держал правой рукой в черной перчатке; не верилось, что это протез. — Так или иначе ваши находки будут моими. Если бы вы согласились на предложение, у вас была бы неплохая возможность пожить в роскошных отелях Европы и Америки. А теперь не обессудьте. Придется вам объясняться с представителями власти. Но прежде отдайте артефакты!

Глаза монаха метнули молнии. Посох в его руке задымился, словно выхваченный из пламени костра сук.

Северцев почувствовал звон в голове, как от реально полученной оплеухи, глаза размыло неожиданно выступившими слезами. Понадобилось несколько мгновений,

чтобы понять: монах владеет мощным гипнотическим воздействием.

— Отдайте мечи!

Еще один ментальный удар поколебал сознание Северцева, заставляя его бороться с чужой волей на уровне психосоматического оперирования.

— Возьми, — выдохнул Дмитрий, распахивая плащ и поднимая тускло сверкнувший меч.

Омоновцы в камуфляже попятились, поднимая стволы автоматов.

— Э-э... — выдавил омоновский начальник, внезапно поставленный в двусмысленное положение. — Холодное оружие... а вы говорили — церковные раритеты...

— Отнимите у него меч! — оскалился монах. — Стреляйте!

Один из парней в камуфляже подчинился, дал очередь под ноги Дмитрию.

Где-то слышались испуганные крики, начали зажигаться окна домов напротив.

— Брось ножик! — заорал черноволосый, оглянувшись на своих крупногабаритных телохранителей: — Чего стоите?! Взять его!

Парни в черных костюмах двинулись на Дмитрия, как танки, вынимая из плечевых кобур пистолеты.

— Дай мне второй меч, — быстро проговорил Северцев. — Иначе не отобьемся!

— Не надо, он заколдован...

— Ерунда!

Олег схватил рукоять меча, высывающуюся из-под воротника плаща на спине Храброва, одним движением вытащил его... и почувствовал самый настоящий электрический удар! Руку свела судорога! В глазах потемнело!

— Да стреляйте же, идиоты! — прокаркал попятившийся монах. — У них не бутафорские железки — символы боя!

Омоновец поднял ствол автомата, второй прыгнул к Дмитрию сбоку. Но Храбров уже перешел в состояние

более высокого уровня реализации физических возможностей и превратился в эфемерно текучую тень.

Шаг — тусклый блик меча — удар!

Еще шаг — тусклая молния — удар!

И оба автомата лишились стволов, снесенных лезвием меча.

Оторопевшие парни в пятнистых комбинезонах отступили, тупо глядя на свое укороченное оружие.

Зато в бой вступили качки в черном, начавшие стрелять в стремительно перемещавшуюся тень.

Северцев же в этот момент вдруг словно прозрел, ощущая ток силы, вливающийся через рукоять меча и руку в шею, грудь и голову. Темнота отступила. Раскрылась глубина двора, стали видны все участники драмы, словно их осветило невидимое солнце. А вместе с силой в сердце Олега вошло желание повелевать событиями, убить, уничтожить всех обидчиков, порубить их в капусту!

Он метнулся вперед и полоснул мечом по шее ближайшего верзилы в черном, в последний момент все же слегка изменив направление удара — интуитивно, подчиняясь остаткам разума, почти заблокированного «волей» меча.

Лезвие легко вспоролось ткань пиджака, вошло в плечо парня. Он с воплем выронил пистолет, отскочил, зажимая другой рукой глубокую рану.

— Контролируй удар! — крикнул Дмитрий, выбивая из руки другого верзилы пистолет. — Не увлекайся!

К ним уже бежали другие омоновцы, начиная стрелять на бегу. Пули заскакали по асфальту и бетонным бордюрам, продырявили борт «Фольксвагена», попали в другие машины, стоящие во дворе.

Монах, отскочивший к акации, поднял свой посох, направил острие на Северцева. С острия сорвалась извилистая сиреневая молния, ударила в грудь Северцева, точнее, в лезвие меча, которое он успел подставить, двигаясь так же быстро, как и Дмитрий.

Произошло нечто вроде короткого замыкания: фонтан искр, треск, вспыхнуло и прыгнуло во все стороны, рас-

ширяясь, кольцо радужного света. Руку Северцева снова свела судорога. Монах закричал, отбрасывая задымившийся посох:

— Стреляйте! Уйдут!

Выстрелы затрещали с новой силой.

Бедро Северцева обожгла пуля. Он с трудом ушел от неприцельной автоматной очереди, отрубил ствол пистолета, направленный на него, вместе с пальцем на курке, удивляясь легкости и мощи меча. Вонзил острие в бок громилы в черном, нырнул на землю, спасаясь от еще одной очереди из автомата.

Страх не было. В душе бурлили злой азарт и ярость, подпитываемые — он это чувствовал — мечом.

Выпад, вскрик, падение тела...

— Назад! — крикнул Дмитрий. — В машину!

Северцев хотел опустить меч — и не смог! Ладонь словно прикипела к рукояти, заостенела, подчиняясь не хозяину, а воле оружия, диктующего свой образ жизни. Точнее — образ не жизни! Меч не слушался его, наоборот, он диктовал условия и ритм бытия, он указывал, что делать в каждое последующее мгновение!

— Отпусти меч!

Северцев услышал крик, но не остановился.

Выпад, вскрик, падение тела...

Прыжок, перекат, удар, вскрик...

Прыжок, свист ветра в ушах, чье-то тяжелое дыхание, удар, вскрик...

Еще один прыжок, удар — искры веером — лезвие наравлось на такое же встречное движение меча! Другого меча! За которым вспыхнуло во мраке лицо Дмитрия!

— Брось меч!

Северцев отклонился в сторону, нырнул под руку Храброва, ударил вразрез — снизу вверх — и тут же обратно, движением хвоста скорпиона. Еще один фонтан искр! Меч наткнулся на лезвие второго меча, не менее быстрого и уверенного.

— Брось меч!

Северцев сделал шаг в сторону, змеиным движением выбрасывая меч по волнообразной кривой вперед и вниз, ударил!

Боль в плече, в голове, в сердце, судорога, искры из глаз...

Не-е-ет!

Последним усилием сознания он все-таки выпустил меч из руки!

И погас! Как выключенный фонарь! Темнота обрушилась на голову девятым валом...

Кто-то дернул его за руку:

— В машину!

Он слепо повиновался, ничего не видя. Споткнулся, еле удержался на ногах, врезался головой в ребро дверцы. В глазах запрыгали искры и цветные пятна, зато душу отпустила ненависть, восстановилось зрение, ожил слух. Стали слышны крики, выстрелы, команды, вой приближающейся милицейской сирены.

На плитах двора возле машин лежало несколько тел.

У Северцева перехватило дыхание. Только теперь он осознал цену, заплаченную противником за его манипуляции с мечом.

— Я их!..

— Выживут!

Дмитрий прыгнул на сиденье машины, включил двигатель.

Монах с посохом вывернулся откуда-то из-за детской горки, ткнул посохом в «Фольксваген». Но машина прыгнула вперед, и разряд необычного оружия пролетел мимо.

Во двор въехали два джипа с мигалками, из них начали выскакивать бойцы ОМОНа в пятнистых комбинезонах и касках. К ним подскочил командир первой группы и принялся яростно жестикулировать, тыкая пальцем в сторону маневрировавшего «Фольксвагена».

Северцев, все еще заторможенный и вялый, все же нашел силы выпрямиться и достать из бардачка нож. Но его инстинктивный порыв защититься опоздал. «Фоль-

ксваген» с визгом шин сшиб омовца, вырулил в арку. По корме машины сыпанули пули, разлетелось на брызги заднее стекло.

— Пригнись! — бросил Дмитрий, поворачивая на улицу. Резко затормозил, так что Северцев ударился лицом о приборную панель. Дорогу перегородил микроавтобус, из которого посыпались горохом все те же пятнистые фигуры с оружием в руках.

— Десантируемся! — выскочил из машины Дмитрий, держа в обеих руках по мечу.

Северцев выпал с другой стороны, побежал, ковыляя, вслед за другом. Они свернули за угол, пересекли тротуар, газон, перепрыгнули через ограждение тротуара и бетонную тумбу. Омовцы топали сзади, гремя ботинками, не решаясь открывать огонь, чтобы не задеть случайных прохожих, шарахающихся от бегущих.

Рядом притормозил фургончик «Скорой помощи», опустилось боковое стекло водителя:

— Садитесь, быстрее!

Дмитрий покосился на фургон, продолжая бежать. Водитель был ему незнаком — пожилой дядя в белом халате. Из-за прозрачно-матовой перегородки за его спиной выглядывал еще один мужчина в халате, помоложе — то ли врач, то ли санитар. Отодвинулась боковая дверца фургона.

— Прыгай! — мотнул головой Дмитрий на «Скорую помощь».

Северцев приноровился, все еще чувствуя себя разбитым, прыгнул. За ним вскочил в машину Дмитрий с мечами. Дверца встала на место. «Скорая помощь» понеслась с нарастающей быстротой, кренясь на поворотах.

Северцев кое-как устроился на переднем сиденье, рядом с Дмитрием, лицом к медработникам, увидел еще одного их коллегу в халате и узнал капитана Коряцкого, командира группы захвата ФСБ, с которым он познакомился днем в ресторане «Колумб».

ДОБРО

— Не дергайтесь, господин Северцев, друг мой, — сказал капитан, демонстративно оттопырив карман белого халата: у него был пистолет. — Даже вам с вашей выучкой не удастся увернуться от пули в столь тесном помещении.

— Кто это? — осведомился Дмитрий, держа мечи так, чтобы в любой момент можно было нанести удар.

— Капитан Коряцкий, — сказал Северцев. — Управление ФСБ по борьбе с незаконным оборотом археологических ценностей.

— Сильно сомневаюсь, — качнул головой Храбров, — что эти ряженные из конторы.

— Напрасно, — остался спокойным капитан. — Я действительно сотрудник конторы, как вы изволили выразиться. Хотя представляю еще одну службу, не менее крутую.

— Какую же?

— Службу контроля ведической истории.

— Впервые о такой слышу.

— Немудрено. И вот что, господа путешественники-экстремалы, давайте обойдемся без демонстрации друг другу своих возможностей. Я заметил ваш перегляд, и оружие у вас серьезное, слов нет, но лучше убрать мечи подальше и не прикасаться к ним. Каждый из них обладает собственным пси-энергетическим зарядом и вполне способен изменить психику владельца. Особенно второй — меч крестителя.

Северцев вспомнил свои ощущения во время боя, покосился на Дмитрия. Тот криво улыбнулся:

— Откуда вы знаете столь удивительные подробности, капитан?

— Служба такая.

— Бред!

— Мне нравится ваша оценка нашей работы. Значит, утечек информации не было.

— Остановите машину! Мы выйдем.

— Не стоит этого делать.

— Если вы все знаете, то должны понимать, что меня ничто и никто не остановит! Я перебыю вас всех, несмотря на ваши пушки в карманах!

— Наверное, так оно и есть. Однако наш общий знакомый просил передать вам, чтобы вы не спешили с выводами... витязь.

Дмитрий поднял бровь, с недоверием ощупал лицо капитана запавшими глазами, в которых мерцал ледяной огонь.

— Кого вы имеете в виду?

— Хранителя Родового Искона, разумеется. Вы встречались с ним у городища Костыра в ночь перед выходом наследника крестителя.

— Кого?

— Монах Евхаристий, служитель распятого, адепт прихода, не имеющего никакого отношения к Русской православной церкви, с которым вы сражались и которому отрубили руку, является прямым потомком Чернаги-крестителя. Он очень опасный человек. Да и человек ли — это вопрос.

Дмитрий откинулся на спинку сиденья, подумал, опустил мечи.

— Интересный вы разговор ведете, — хмыкнул Северцев, щупая бок; ссадина от пули уже не кровоточила, но рубашка прилипла к боку и неприятно бередила рану при каждом движении. — Может быть, поделитесь информацией?

— Доберемся до места, и вы все узнаете.

— А куда мы едем?

— К Хранителю.

— К тому самому, Хранителю Родового... э-э... Искона?

— Нет, Хранителей много, каждый имеет свою зону ответственности. Мы едем к Хранителю Мечей Мира.

— Надо же! Неужели и такие существуют?

Капитан промолчал.

«Скорая помощь» продолжала мчаться по ночному городу, не включая ни сирены, ни проблесковых маячков.

— Долго еще ехать? — спросил Северцев, слегка расслабляясь.

— Нет.

— И где же Хранитель хранит свои мечи? В музее, что ли?

— Свои... — показал кривую улыбку капитан. — Это Мечи Мира, мечи всех времен и народов. Как вы относитесь к магии, к волшебству?

— Станный вопрос, — озадачился Северцев.

— Не более странный, чем ваш вопрос о Хранителе.

Северцев с сомнением посмотрел на приятеля, сосредоточенного на каких-то своих мыслях.

— Ну... это область знаний... о которой больше всего любят рассуждать дилетанты.

— Недурно, — снова усмехнулся капитан. — К счастью, знания половым путем не передаются, иначе вид хомо сапиенс давно исчез бы с лица земли.

Северцев внимательно посмотрел на собеседника и вдруг понял, что тот далеко не так молод, как кажется. Мнения о нем Олег не изменил, все же этот человек действовал слишком жестко, если не жестоко, по отношению к другим людям, к примеру к Витюше Костину. Однако капитану, скорее всего, было плевать, нравится он кому-нибудь или нет.

«Скорая помощь» остановилась у двухэтажного особняка за трехметровой металлической решеткой. Открылись решетчатые ворота. Машина, хрустя гравием, заехала на территорию владения, обогнула фонтан, свернула за угол здания и нырнула в ворота приземистого строения во дворе.

— «Хвост»? — посмотрел на спутника в халате капитан.

Тот поправил наушник рации, выслушал кого-то, отрицательно покачал головой.

— Выходим.

Сопровождавшие капитана мужчины и он сам сняли халаты, вылезли из машины в тесное бетонное помещение, освещенное тусклой лампой в сетчатом колпаке. От-

крылась металлическая дверь. Капитан шагнул в проем первым, обернулся:

— Осторожнее, низкая притолока.

Северцев и Храбров молча последовали за ним, слегка наклонив головы: оба были высокими, на голову выше остальных, и в значительной степени походили друг на друга. Разве что у Дмитрия были усы и борода, а у Олега нет.

Спутники капитана остались в гараже, хотя, возможно, это строение предназначалось для других целей.

Дверь закрылась. Помещение напоминало лифт, стены которого были сплошь утыканы острыми иголками. Даже пол оказался покрытым не толстым ворсистым ковром, каким он виделся издали, а такой же щеткой иголок, только более густой.

— Лифт в подземный бункер? — поинтересовался Северцев.

— Угадали, — кивнул капитан.

— Глубоко?

— Не поверите.

— Метров сто? Двести?

— Семь километров. И находится бункер, как вы изволили выразиться, не под Москвой и даже не под нашим материком.

— Шутите? Где же?

— Под Арктикой.

Северцев и Храбров обменялись недоверчивыми взглядами.

Капитан Коряцкий, или кто он был на самом деле, подмигнул обоим, бросил одно слово:

— Поехали!

Острия иголочек на стенах налились алым свечением, пахло озоном. На миг у всех находящихся в лифте сердце свалилось в пятки — наступила и тут же прошла невесомость.

— Ничего себе скорость... — пробормотал Северцев.

По губам проводника скользнула снисходительная усмешка:

— Это магическая скорость, Олег Николаевич. Мы не движемся в пространстве, мы его особым образом складываем.

Новая пульсация алого света, новый рывок сердца и желудка от наступившей невесомости. Короткая дурнота.

Дверь открылась.

— Приехали. Выходите.

— И вы хотите сказать, что мы преодолели... более трех тысяч километров?!

— Уточняю: независимо от того, верите вы в это или нет.

Ошеломленные всем происходящим, что не укладывалось в привычные представления о событийной реальности, путешественники вышли из лифта в коридор с грубо обработанными каменными стенами и неровным, в буграх и рытвинах, полом. Капитан остался в лифте.

— А вы? — оглянулся Северцев.

— Я вернусь за вами через час.

Дверь закрылась... и исчезла! На ее месте отсвечивала мелкими кристалликами стена горной выработки.

— Приветствую вас в Обители Мечей, — раздался за спинами друзей чей-то басовитый сочный голос.

Они обернулись.

В конце коридора стоял седой длиннородый старец в белой рубахе, подпоясанной красным кушаком, в полосатых штанах, заправленных в мягкие белые сапоги.

— Хранитель... — пробормотал Дмитрий.

ЕСТЬ

Он был очень похож на старика-волхва, с которым Храбров познакомился на Урале, особенно выражением светло-голубых, сияющих внутренним огнем глаз. И все же это был другой человек.

— Идите за мной.

Каменная стена в тупике коридора, казавшаяся твердой, массивной, монолитной, поплыла дымком, протаяла в глубину, образуя проход.

Северцев и Храбров сделали несколько шагов, следуя за проводником, и оказались в огромной естественной пещере, с потолка которой свисали серебристо-белые сталактиты и прозрачно-ледяные сосульки, светящиеся изнутри. Они-то и освещали зал ровным рассеянным светом.

Впрочем, едва ли эти сосульки были ледяными. Температура в пещере держалась на уровне не менее плюс тридцати градусов по Цельсию, как на солнцепоке, и запахи бродили по обширному пространству зала соответствующие: запахи нагретого камня, раскаленного песка, пыли, металла и — на грани чувствительности — каких-то газов, от которых першило в горле. Но не это остановило гостей.

Весь пол пещеры был заставлен множеством каменных пальцев толщиной с голову человека, из вершин которых торчали... рукояти мечей! Их было не меньше нескольких сотен, и над каждой рукоятью раскаленным столбиком дрожал воздух.

— Мать честная, — пробормотал Северцев. — Это что, действительно музей? Или склад?

Старец обернулся:

— Это хранилище Мечей Героев, символизирующих начало высшей справедливости. В соседнем зале хранятся Мечи Зла и Порока. Меч воина-крестителя Чернаги будет храниться там.

Дмитрий, держащий черный меч левой рукой, невольно посмотрел на него, но тут же поднял глаза:

— Откуда вы знаете...

Старик скрыл улыбку под усами:

— У нас своя служба информации. Не отставайте.

Он двинулся вдоль стены пещеры в дальний ее конец.

Северцев задержался, разглядывая рукоять меча с огромным сверкающим алмазом и часть лезвия, торчащего из каменного столба.

— По-моему, я где-то его видел...

Проводник оглянулся:

— Это Талвар-и-Джанг, Меч Ислама, символически объединяющий власть и могущество. Алмаз на эфесе — знаменитый Кох-и-Нор.

— Гора света...

— Точно так.

— Но я слышал, что алмаз давно хранится отдельно от меча...

— Страж.

— Что?

— Хранится страж, искусная копия, почти неотличимая от подлинника. Здесь — истинно существующий алмаз.

— А вот этот, рядом?

— Мечи — не просто куски остро заточенного металла. Легенды, былины, мифы, сопровождающие их, как правило, несут достоверную информацию о владельцах и деяниях оных. Меч, на который ты указал, принадлежал арийскому нибелунгу Зигфриду.

— Вот красивая рукоять... почему она такая... двухцветная?

— Это Бжейкула-Вжашла, меч абхазского героя Цвицва. Сам меч с одной стороны черный, с другой — серебристый, соответственно двойственному состоянию души героя, наряду с подвигами совершившего немало дурных поступков.

— А вон тот, длинный?

— Гунрир, меч Гейрреда-конунга.

— За ним тоже рукоять интересная...

— Это Эскалибур, или Калибурн, как его иногда называют.

— Меч короля Артура? Но ведь Артур — легенда...

— Я же говорил, в легендах зашифрованы вполне реальные исторические события, происходившие на земле в ранние времена. Жизнь короля Артура — вовсе не миф. Обратите внимание на соседний орт.

— Что?

— Замковый столб.

— Рукоять светится, будто ее раскалили...

— Это «пламенный меч обращающийся», с которым, по легенде, был поставлен херувим у врат рая после «грехопадения» Адама.

— А на самом деле кому он принадлежал?

— Герою без имени, причем не человеку.

— Как — не человеку?!

— На Земле существовало множество цивилизаций, созданных другими разумными существами, от насекомых до динозавров. К сожалению, следов их деятельности практически не сохранилось, за редким исключением. Этот меч — бесценная реликвия времен экспериментов с первыми носителями разума, созданными искусственным путем.

Северцев встретил взгляд Дмитрия, недоверчиво покачал головой:

— Вы говорите поразительные вещи... А если я проболтаюсь?

— Постарайтесь избежать подобных ошибок, Олег Николаевич.

— Откуда вы меня знаете?

— Служба такая, — уклонился от прямого ответа се-добородый.

Дмитрий, разглядывающий пещеру, подошел к темно-серому столбу с нашлапкой, похожему на гипертрофированно увеличенный фаллос.

— Красивый меч...

— Это Эгей, меч Тезея, греческого героя. Чуть по-дальше — Берсерк, меч Зигмунда. У стены — Хатиман, сина-меч, символ Древнего Китая. Но пойдемте, други, время не ждет.

Хозяин и гости прошествовали в конец зала, остановились у самого большого каменного пальца с огромным мечом, рукоять которого могла уместить сразу с десяток ладоней.

— Вот это ножичек! — с дрожью в голосе проговорил Олег.

— Это Расей, — с уважением поклонился мечу старец. — Меч былинного богатыря Святогора. Рядом —

Сияющий, меч Руслана-витязя, защитника Рода. Дайте Боровой.

— Что?

— Дайте мне меч Боровой-витязя.

Дмитрий, поколебавшись, протянул старику меч с простой, обмотанной черной лентой рукоятью.

Старик взял его двумя руками, благоговейно поцеловал лезвие, поклонился до пола. Меч на мгновение засиял, как язык пламени. Старик подошел к одному из пустых каменных столбиков, примерился и одним движением воткнул меч в столб сверху вниз, погрузив его в камень чуть ли не целиком. Столб оделся сеточкой молний, запахло озоном.

Старик отступил, еще раз поклонился.

— Спи с миром, древний закон. — Последнее слово старик произнес с ударением на первом слоге. Обернулся: — Вот и все, витязи, идем дальше.

В стене открылся невидимый ранее проход. Короткий коридорчик привел друзей в еще один зал, почти такой же большой, как и первый, но более темный, мрачный и душный. Здесь было еще жарче, чем в первом. Из сотен столбиков, в большинстве своем коричневых и черных, торчали рукояти мечей.

— Бог ты мой! — сказал Северцев. — Сколько же их всего?!

— Примерно столько же, сколько и в светлом схро-не, — отозвался старец. — Шестьсот шестьдесят четыре. С вашим мечом будет шестьсот шестьдесят пять.

— Число зверя...

— Еще нет. И надеюсь, не будет.

— Как тут жарко, неудобно!

— Здесь спит Алчность Мира, не стоит удивляться. И не стоит находиться здесь долго. Дмитрий Олегович, дайте Черной, меч Чернаги.

Дмитрий молча протянул черный меч, с облегчением вздохнул, массируя кисть левой руки со скрюченными побелевшими пальцами.

Хранитель подошел к ближайшему столбу с голой вершиной, воткнул в нее меч, зашипевший, как рассерженный кот. Поднялась к потолку пещеры и растаяла струйка синеватого дыма.

— Идем отсюда.

— Подождите, — опомнился Северцев. — Пока мы еще не ушли... Что это за меч, со змеями и полумесяцем?

— Это Котравей, меч Дурги, супруги индийского богатого Шивы.

— Почему он в этом зале, а не в первом?

— Потому что служил неправому делу.

— А тот, в рубинах?

— Завоеватель, меч нормандского герцога Роберта-Дьявола. Рядом, в золотой насечке, Бич Божий, меч Гуннов, или меч Аттилы.

— А этот? — Северцев протянул руку к рукояти меча и отлетел в сторону, не сразу сообразив, что произошло.

— Не дотрагивайтесь! — сверкнул глазами Хранитель. — Это Иезек, меч Яхве, Пожиратель Душ. Прошу руками ничего не трогать, это опасно!

— Почему же вы храните эти мечи? Не лучше ли их уничтожить?

— Каждый меч — символ войны или мира, магический жезл, реализатор власти и одновременно фигура равновесия. Их почти невозможно уничтожить как физический объект. Приходится хранить подальше от людских глаз, чтобы никто не соблазнился применить их еще раз. Но идемте, нам пора.

Северцев и сам чувствовал нарастающее темное давление на голову, закрадывающийся в душу страх, подспудное желание оглянуться, схватить оружие, куда-то бежать, кричать и драться, и он поспешил из зала вслед за переживающим те же эмоции Дмитрием.

В зале с Мечами Героев стало легче, несмотря на амбивалентность семантики, запрятанной в глубинах смысла самого понятия меч. Меч — как граница жизни и смерти!

Северцев не сразу понял, что эти слова принадлежат не ему, а Хранителю, и не произнесены вслух, а переданы мысленно.

Взгляды их встретились.

Старец кивнул:

— Вам еще многое надлежит понять, витязь, чтобы выйти на истинный Путь. Однако мое время истекло. Благодарю вас, други, за помощь и возвращение реликвий. Здесь они никому не причинят вреда.

— Но как же... — растерялся Дмитрий. — Мне говорили, что я должен взять меч и... защищать людей...

— Всему свое время, витязь. Ты тоже должен многое изведать, постичь, научиться отличать правду от лжи и человека от нелюдя. А пока ты не готов, судя по оставленному тобой следу. Берегись слуг Евхаристия и его самого. Он черный колдун, многому обучен. Хочу предупредить также, что твоему другу придется сдать трудный экзамен. — Старец посмотрел на Северцева: — Помоги ему.

— Какой экзамен?

— Озвученные тексты судебных изменяют эти судьбы. Вы все поймете сами, когда придет время. Идите, и да пребудет с вами благословение!

Хранитель поднял вверх палец.

Северцева и Дмитрия шатнула удивительная мягкая сила.

Сзади в стене возник проход.

Молодые люди, пробормотав слова прощания, вышли из пещеры с мечами в знакомый коридорчик. Оглянулись.

Зал и фигура старца в белом, показавшегося вдруг им великаном, исчезли в толще камня.

— Ущипни меня, — прошептал Северцев.

— Мы не спим, — негромко ответил Дмитрий. И Олег вдруг с некоторой долей зависти почувствовал превосходство друга: тот познал нечто, перевернувшее его отношение к миру. Опыт переживания чужих эмоций, опыт трансперсонального восприятия невидимых глаз сил.

— Спасибо тебе, — продолжал Храбров. — Один я бы, наверное, не справился.

— А я так до сих пор и не знаю толком, что происходит.

— Поедем к Кате, по дороге расскажу.

Они побрели к лифту, доставившему обоих в удивительный музей-хранилище Мечей Мира.

Из стены за их спинами выдвинулась белая фигура Хранителя. Взгляд его был печален. Он знал, какие бездны горя и боли предстоит перенести этим людям, только-только прикоснувшимся к иному слою многомерной жизни Земли.

Драйв № 3

ПЕСНЬ МЕЧЕЙ

И так, мы с отцами нашими не одиноки. Думаем о помощи Перуна и видим, как скачет во Сварге вестник на коне белом, и тот меч поднимет к небу, рассечет облака, и загремит, и течет вода живая на нас.

Велесова Книга. 8 (2)

А 3

Мысль о свадьбе родилась не у нее — у него: Дмитрий вдруг понял, что не может прожить без Кати ни одного дня, поэтому не стал откладывать свое решение в долгий ящик и уже через несколько дней после развязки драмы с мечами предложил Кате руку и сердце.

Девушка приняла его предложение без колебаний. Прошедшие события сблизили молодых людей больше, чем сблизили бы годы размеренной жизни, а влечение обоих друг к другу переросло в чувство любви совершенно естественно, хотя о любви они не заговорили ни разу. Все было понятно без слов, стоило только заглянуть в глаза друг другу.

Свадьбу решили сыграть первого сентября, в воскресенье.

Катя пригласила всех своих подруг, а также родственников, которых набралось у нее не так уж и мало: почти два десятка человек. У Храброва из родичей на свадьбе должны были присутствовать только родители и две бабушки, деды его давно умерли, и он практически их не помнил. А из друзей Дмитрий пригласил всего троих: Олега Северцева, Витюшу Костина и Антона Рыбина, с которым учился еще в школе. Хотел было позвать Виталия Сундакова, друга и учителя Северцева, но тот уже убыл в очередную экспедицию, и найти его не удалось. На вопрос, куда именно отправился на этот раз знаменитый путешественник, жена Эля ответила, что Виталий давно мечтал посетить Гору Мертвецов на Северном Урале, окруженную легендами. Дмитрий посетовал, что не знал о планах Виталия, иначе пошел бы с ним, и на этом телефонный разговор с женой Сундакова закончился.

А Дмитрий подумал, что после всего пережитого он и в самом деле нуждается если не в отдыхе, то в очередном походе, который смог бы отвлечь его от мыслей о мечтах и обо всем, что с ними связано.

Тридцатого августа Катя отправилась по магазинам искать новые туфли — фату и подвенечное платье они уже купили, — а Дмитрий поехал в Институт археологии, к Витюше Костину, чтобы договориться об его участии в церемонии в качестве свидетеля со стороны жениха.

Витюша, получивший сотрясение мозга после встречи в ресторане «Колумб» с капитаном Коряцким, вынужден был какое-то время лечиться, поэтому остался в Москве, а не полетел в Челябинск, к месту раскопок городища Костыра, как рассчитывал. Предложение Дмитрия стать шафером на его свадьбе археолог принял с энтузиазмом. Сам он до сих пор женат не был и, по его словам, «совать голову в хомут» не собирался. А вот в свадебной церемонии поучаствовать не отказался.

Они договорились встретиться дома у Храброва, чтобы еще раз обговорить детали процесса, и Дмитрий направился к Дерюгиным. Катя должна была вернуться к обеду, а Вероника Сергеевна, ее мама, приготовила молодым

обед. Будущего зятя она уважала за характер и взгляды на жизнь, несмотря на его «несерьезную» профессию путешественника, и в будущем никаких конфликтов «теща — зять», воспетых всеми юмористами Отечества, между Дмитрием и мамой Кати не предвиделось.

Однако ни в два часа дня, ни в три Катя не появилась. Молчал и ее мобильный телефон.

Дмитрий встревожился. На ум пришли события последних дней, связанные с находкой мечей на территории городища и тем, что произошло потом. Да, с помощью Олега Северцева мечи удалось сберечь и даже передать на хранение в Обитель Мечей, располагавшуюся, по словам Хранителя, аж под льдами Арктики. Но монахи Святой церкви Второго Пришествия, пытавшиеся завладеть мечами любой ценой, вряд ли отступились от своих намерений, поэтому от них стоило ждать любых пакостей. Хотя мечи для них стали уже практически недоступными.

— Обедайте без нее, Дима, — предложила Вероника Сергеевна. — Катя, наверное, забежала к подружкам, а те болтушки известные, так просто ее не отпустят.

— Нет, — покачал головой Дмитрий, стараясь не показывать тревоги, завладевшей сердцем. — Я лучше подожду.

— Ну, как хотите, — согласилась мама Кати. — А я пока позвоню Леночке и Саше, вдруг она у них.

Но и у подруг Катя не появлялась. Ни одна из них с ней не разговаривала, во всяком случае — нынешним днем, и в душе Дмитрия поднялась тихая паника. Он уже пожалел, что отпустил девушку одну. Теперь же оставалось только ждать и надеяться, что ничего серьезного с ней не случилось.

В пять часов вечера Дмитрий позвонил в милицию, сообщил о пропаже девушки, надеясь услышать, что правоохранительные органы ничего о ней не знают, и действительно получил отрицательный ответ: в сводках об убитых, покалеченных, травмированных и попавших под общественный транспорт фамилия Кати не значилась. Тогда он позвонил приятелю из МВД, работавшему

в Управлении антитеррора, а точнее — в подразделении, занимавшемся делами похищенных людей. Но и Кирилл Утолин не смог сказать ничего определенного. Времени для каких-то выводов и версий прошло слишком мало.

А в девять часов вечера, когда Дмитрий был уже дома, зазвонил его мобильный телефон. Он схватил трубку:

— Алло! Катя?! Ты где?!

— Дмитрий Олегович Храбров? — раздался в трубке гнусавый мужской голос.

— Да-да... кто говорит?

— Секунду...

Пауза. Затем в трубке заговорил другой голос, твердый, сильный, с характерными горловыми модуляциями, очень знакомый. Дмитрий, холодея, вспомнил лицо его обладателя — монаха, с которым он встречался не однажды.

— Господин Храбров?

— Евхаристий... — глухо проговорил он.

В трубке хмыкнули:

— Надо же, меня уже узнают. Приятно. Да, это я, протоиерей Святой церкви ВВП, праправнук Чернаги. Имеющий право, кстати, хранить и носить его меч. Такие вот дела.

— Что значит — Святая церковь ВВП? Церковь имени нашего президента, что ли?

Евхаристий рассмеялся:

— Ценю ваш юмор, господин Храбров. Церковь ВВП — это церковь Второго Вселенского Пришествия. Но не будем отвлекаться от дел. Ваша девица-красавица у нас. От этой печки и давайте танцевать.

Сердце ухнуло в пятки. В глазах завертелись огненные колеса. Дмитрий закусил губу, чтобы не выругаться.

— Чего вы хотите?

— Это правильный вопрос, Дмитрий Олегович. Сразу виден профессиональный подход. Я думаю, вы догадываетесь, что нам нужно.

— Нет!

— Догадываетесь, Дмитрий Олегович, догадываетесь. Нам нужен меч крестителя. И девицу свою вы получите только в обмен на меч. Такие вот дела.

— У меня нет меча!

— Мы знаем. Выведите нас на хранилище, мы сами возьмем меч. А девушку отпустим.

— Но я не знаю, где теперь меч!

— Знаете, милейший, знаете. Подумайте до утра, решите, что вам дороже — меч или жизнь Екатерины Дерюгиной, утром мы позвоним. Если жизнь ее вам дорога, вы согласитесь, если нет...

— Подождите! Дайте ей трубку!

— Я так и думал, Дмитрий Олегович, что вы потребуете этого. Как романтик, насмотревшийся западных боевиков. Хотя почему бы не доставить вам удовольствие?

Через несколько мгновений в трубке послышался голос Кати:

— Дима, это я! Со мной все в порядке! Они задержали меня, когда я шла к метро, и увезли в...

Тишина, смена голоса:

— Это уже лишнее, Дмитрий Олегович, наши координаты вам ни к чему. Итак, ваши соображения?

— Мне... надо подумать, — сжал зубы Храбров.

— Отлично, думайте. Только не звоните своим друзьям, особенно из всякого рода силовых контор. Они вам не помогут, а вот Катюша-Катенька может исчезнуть навсегда. Вы поняли?

— Понял, — через силу ответил Дмитрий.

— Вот и славно.

В трубке заверещали сверчки отбоя.

Дмитрий едва сдержался, чтобы не швырнуть ее в стену, выключил, положил на стол. С минуту смотрел перед собой ничего не видящими глазами, побрел в ванную, сунул голову под кран с холодной водой.

Легче не стало. Только мысли побежали резвее.

Однако придумать ничего дельного он так и не смог. Уже через час пожалел, что согласился думать до утра. Терпения хватило только на этот час. Душа жаждала дей-

ствия, сердце корчилось в боли неведения, а фантазия порождала картины одну страшней другой.

Зазвонил телефон в прихожей.

Он подскочил, метнулся к нему, сорвал трубку.

Звонила Вероника Сергеевна:

— Что-нибудь узнали, Дима?

— Ничего, — ответил он с разочарованием, стараясь говорить спокойно. — Я связался со своими друзьями в милиции и в службе безопасности, появится информация, они мне позвонят. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Мать Кати заплакала и положила трубку. В Москве то и дело появлялись маньяки, насилующие и убивавшие девушек, вольготно чувствовали себя молодежные банды, бродили террористки-смертницы, стремящиеся попасть в свой «рай» и унести с собой как можно больше жизней ни в чем не повинных людей, поэтому Веронику Сергеевну можно было понять.

А в сердце Дмитрия поселилась черная ненависть к тем, кто объявил ему ультиматум...

БУКИ

Похитители Кати позвонили в шесть часов утра.

Не спавший всю ночь Дмитрий подскочил в кресле, схватил мобильник.

— Очень хорошо, что вы никому не рассказали о нашем предложении, — сказал незнакомый голос. — Возможно, это облегчит вашу задачу.

— Кто вы?! Где Евхаристий?!

— Он встретится с вами в нужное время и в нужном месте. Подъезжайте к семи часам к перекрестку Волгоградского проспекта и Кузьминской улицы. Знаете, как ехать?

— Рядом Кузьминский лесопарк.

— Совершенно верно. Просьба не опаздывать.

— Я успею. Но мне нужно сначала поговорить с...

В трубке снова запели сверчки. Абонент выключил связь.

Дмитрий крутанул желваки на щеках, перекусывая матерное словцо, бросил взгляд на часы. Он жил в Бибиреве, то есть на другом краю Москвы, но все же вполне успевал к назначенному времени доехать до Кузьминок. Мелькнула мысль позвонить Северцеву, рассказать о возникшей проблеме, но он пересилил себя. Клевреты Евхаристия и в самом деле могли контролировать его телефоны, в том числе мобильный, и тогда опасность потерять Катю возрастала многократно.

Дмитрий переоделся в спортивный костюм, бросил в сумку джинсы и рубашку на смену, повертел в руках «макаров», подарок отца, но брать с собой не стал. Его наверняка обыщут, найдут пистолет, и добром это не кончится. А вот нож — другое дело, его можно спрятать так, что не слишком опытный человек даже не догадается, где его искать.

Дмитрий погладил лезвие охотничьего ножа, сделанного на заказ приятелем Храброва, специалистом по холодному оружию Вадимом Кумаком, и приладил его на спине, под спортивной курткой, вдоль позвоночника, чтобы в нужный момент можно было выхватить нож любой рукой. После этого он сел в свою старенькую «Субару» и выехал со двора дома на улице Плещеева.

Дорога — через МКАД и Волгоградский проспект — заняла всего тридцать пять минут. Во-первых, было раннее утро, во-вторых, транспортные потоки по субботам в Москве были втрое меньше, чем в рабочие дни.

Как только машина остановилась, из стоящего у перекрестка минивэна «Шевроле» фиолетового цвета вышел крутоплечий молодой человек в кожаной куртке, с небритой физиономией, подошел к джипу Храброва, сделал жест: вылезай, мол.

Дмитрий вышел.

— Шагай за мной.

Дмитрий хмыкнул, глянул на минивэн с темными стеклами, качнул головой:

— Пусть меня попросит твой босс.

Квадратное лицо парня осталось равнодушным, только в глазах загорелся злой огонек.

— Шагай, тебе сказано!

— Да пошел ты! — Дмитрий повернулся к нему спиной, собираясь сесть обратно в кабину.

Парень растерянно оглянулся на микроавтобус, затем схватил Дмитрия за плечо, рванул на себя.

В то же мгновение Дмитрий гибко освободился от захвата, перехватил руку парня, выкрутил кистью вверх, так что тот едва не сунулся носом в асфальт, и повел его к фиолетовому «Шевроле». В боку микроавтобуса отъехала дверца, на тротуар вышел высокий монах в черном, с крестом в форме меча на толстой золотой цепи. Это был Евхаристий. Правую руку ему заменял протез в черной перчатке.

— Отпустите послушника, Дмитрий Олегович, — ласково сказал он, раздвигая губы в иронической усмешке. — Рад, что вы в хорошей физической форме.

Дмитрий отпустил бритоголового качка, и тот согнулся, разминая руку, злобно поглядывая на обидчика.

— Садитесь в вагон, — продолжал Евхаристий. — Дальше мы поедем вместе.

— Отпустите Катю!

Монах покачал головой:

— Это несерьезно. Я уже не говорю, что вы мой должник, — Евхаристий кивнул на протез. — Но я готов простить ваш долг. Меч прадеда восполнит потерю руки. Однако девушку вы получите только после того, как меч будет у меня.

— Мы так не договаривались. Я должен лишь указать вход в хранилище...

— Разумеется, — согласился монах; в глазах его всплыла тень глубоко запрятанного торжества. — Как только мы убедимся, что вы сделали свое дело, мы вас отпустим.

— Где она?

— В одном из наших приходов, под присмотром служки. Не волнуйтесь, с ней всё в порядке.

Дмитрий помедлил.

— Я поеду на своей машине.

— Ее поведет наш человек. Дайте ключи.

Дмитрий еще немного помедлил, достал ключи, передал кожаному парню.

Тот взял ключи, сел в кабину «Субару».

— Я и в самом деле не знаю, где находится хранилище мечей, — проговорил Дмитрий.

Монах нахмурился.

Дмитрий торопливо добавил:

— Помню лишь то место, откуда нас переправили в Обитель.

— Возможно, этого будет достаточно.

Перед глазами Дмитрия встало бледное измученное лицо Кати. Он послал ей мысленный поцелуй, прошептал про себя: «Жди, родная, я освобожу тебя!»

Евхаристий, разглядывающий лицо путешественника, расплылся в понимающей улыбке:

— Хорошо иметь дело с умным человеком. Дурак на вашем месте давно психанул бы, наделал глупостей... и потерял бы надежду. Вы слеплены из другого теста.

— Да, — согласился Дмитрий. — Нет смысла упражняться в словесной эквилибристике, но хочу, чтобы ты помнил, правнук Чернаги: я всегда готов ответить адекватно!

Евхаристий пожевал губами, не спуская взгляда с лица Храброва, пытаясь проникнуть в его душу. В глазах монаха торжество сменилось сомнением, но лишь на одно мгновение. Он улыбнулся, отступил в сторону.

— Садитесь. Надеюсь, обыскивать вас не придется?

— Я безоружен.

— А мне почему-то кажется, что вы кое-что припрятали. — Монах поманил кого-то пальцем.

Из микроавтобуса вылез второй молодчик в кожаной куртке.

— Обыщи его.

Парень умело провел руками под мышками Дмитрия, по бедрам, по телу, нащупал нож на спине, ловко выдернул его, подал командиру.

Евхаристий ласково улыбнулся:

— Вот теперь другое дело. Славный ножичек. Дамаскская сталь, заточка «курье». Такие не у каждого охотника водятся. Садитесь, Дмитрий Олегович.

В салоне микроавтобуса сидели двое мужчин: седобородый монах в возрасте и еще один кожаный амбал с короткой стрижкой. Дмитрия усадили на переднее сиденье, позади водителя.

— Поехали, — кивнул Евхаристий, устраиваясь рядом с водителем, оглянулся на Храброва: — Адрес?

— Точного адреса я не знаю, нас везли. Это где-то в районе Савеловского вокзала.

— На Бутырку, — бросил водителю Евхаристий.

Минивэн резво повернул к центру города, не обращая внимания на светофоры. За ним пристроилась синяя «Субару» Храброва, а следом за ней — еще один точно такой же микроавтобус с тонированными стеклами. Дмитрий понял, что их сопровождает группа прикрытия: монахи использовали спецназовские приемы, это говорило о серьезности их связей и намерений, и настроение путешественника испортилось окончательно. Едва ли он сможет потом оправдаться перед Хранителем мечей, показавшим ему с Олегом Северцевым залы Обители. В его глазах поступок Дмитрия так и останется предательством. Однако в сложившейся ситуации Дмитрий ничего не мог сделать. Даже если он попытается освободиться и справится с пассажирами микроавтобуса, что проблематично, группа в машине сопровождения не даст ему уйти. Да и судьба Кати повиснет на волоске. Других же вариантов Дмитрий пока не видел.

Пока ехали, молчали. Проехали Савеловский вокзал. Микроавтобус притормозил.

— Куда дальше? — оглянулся Евхаристий.

Дмитрий встретил недобрый взгляд его прозрачно-серых, почти белых глаз, поежился. Протоиерей странной «церкви ВВП» был неординарным человеком, в нем чувствовались сила и жестокая решимость довести дело до конца любой ценой. Даже ценой собственного здоровья,

а то и жизни. Что уж говорить о других людях, чьи жизни для него ничего не стоили. И Дмитрий вдруг осознал, что Катю не отпустят! Да и его тоже. Эти люди, вернее — не люди, не рискнут оставлять свидетелей.

— Сейчас направо, — бросил Дмитрий, вспоминая дорогу.

Свернули на Новодмитровскую улицу.

Через два дома показался знакомый двухэтажный особняк за узорчатой металлической оградой.

— Здесь.

— Символично, — хмыкнул Евхаристий. — Прямо напротив тюрьмы. Ничего не путаете, Дмитрий Олегович?

— Нет, вход здесь.

— Останови, — кивнул водителю монах.

Микроавтобус затормозил у решетчатых ворот. Остановились и сопровождавшие его автомобили.

Евхаристий приладил к уху серьгу рации, проговорил вполголоса:

— Включайте аппаратуру.

Минута прошла в молчании. Затем Евхаристий получил рапорт от своих людей и проговорил:

— Понял. Выходим.

Захлопали дверцы автомашин. На тротуар вылезли шесть парней мощного сложения, специфического — бандитско-спецназовского — вида: четверо в кожаных куртках, бритоголовые, похожие друг на друга как автоматные патроны, с оттопыривающимися лапами курток, и двое молодых монахов в черном, с усами и бородками. На груди у каждого висел мечеобразный крест, в руках же они держали суковатые палки. В левой руке Евхаристия тоже объявился посох, и Дмитрий вспомнил бой с монахами во дворе дома Дерюгиных. Посох у служителя Святой церкви Второго Пришествия был не простым — магическим, представляя собой грозное и опасное оружие.

— Выходи! — грубо толкнули Дмитрия в спину.

Он сдержался, вылез, так и не решив, что делать: затеять ли свару, чтобы привлечь внимание пешеходов, а

через них — милиции, или подождать развития событий. В конце концов он пошел на поводу у своих колебаний, о чем впоследствии пожалел.

— Шевелись! — снова толкнули его в спину.

Не глядя, Дмитрий нанес удар кулаком назад, и толкнувший его кожаный молодчик, охнув, упал с разбитым в кровь носом. Остальные бритоголовые схватились за оружие, но оглянувшийся Евхаристий остановил их жестом. Сузил еще более побелевшие глаза, раздул ноздри:

— Советую не делать резких телодвижений, господин Храбров. Иначе мы потеряем проводника в вашем лице.

— Ну, это вряд ли, — усмехнулся Дмитрий. — Еще раз ваши холуи позволят себе хамские выходки, я начну ломать им кости. Это первое. Второе: без Кати я не сделаю больше ни шагу! А без меня вам все равно вход в хранилище заказан.

— Вашей девки тут нет.

— Я подожду, пока ее привезут.

Глаза Евхаристия сверкнули, но он сдержался.

— Вы понимаете, чем рискуете?

— А вы?

Дуэль взглядов закончилась победой Дмитрия.

— Хорошо, будь по-вашему. Привезите девку.

Кожаный амбал, сидевший за рулем храбровского джипа, молча развернул машину и уехал.

Шестерка подчиненных Евхаристия направилась к воротам на территорию особняка. Монах поколдовал над замком ворот, те открылись. На крыльцо здания вышел мужчина в синей форме охранника:

— Эй, вы куда?!

Монах вытянул в его сторону посох, с конца суковатой палки сорвалась бледная лиловая молния, вонзилась в грудь охранника, и тот упал, взмахнув руками.

— Вперед! — скомандовал Евхаристий.

Кожаные молодчики и молодые монахи устремились к дому, трое скрылись внутри здания, утащив за собой охранника, трое обогнули особняк, исчезли за углом.

Евхаристий покосился на Дмитрия, но тот молчал. Все было ясно без слов. Спецназ протоиерея обеспечивал захват территории объекта, не считаясь ни с чем. И даже случайные свидетели операции, которые могли увидеть процесс, не пугали ее командира. Он был абсолютно уверен в своем превосходстве.

Через несколько минут из здания выглянул монах — спутник Евхаристия, кивнул.

— Заезжаем, — махнул рукой правнук воина Чернаги.

Оба микроавтобуса заехали на территорию особняка, остановились у главного входа.

Из-за угла здания появился еще один молодой монах, с усиками, так же молча, как и его собрат, наклонил голову. Это означало, что вся территория особняка находится под контролем.

— Итак, ваше слово, Дмитрий Олегович, — посмотрел на угрюмое лицо Храброва Евхаристий. — Куда теперь? Похоже, вы привели нас туда, куда надо, я чувствую дух силы. Где Врата?

— Пока не привезете жену...

— По-моему, она еще не жена вам. Но это к слову. Они уже едут, скоро будут здесь.

— Я не уверен, что вас туда впустят.

— А это уже наша забота.

Послышался нарастающий рев мотора, к воротам в облаке пыли подъехала «Субару», завизжали тормоза. Машина свернула в ворота, остановилась за микроавтобусами. Из нее вылезли два кожаных мальчика, вытащили за руку Катю. Девушка увидела Дмитрия, бросилась было к нему, но ее перехватили и остановили.

— Как видите, я выполнил ваши условия, — скривил губы Евхаристий. — Теперь ваша очередь.

— Отпустите ее!

— Опять двадцать пять! Покажете Врата — я вас отпущу. Обоих.

— Дима! — вскрикнула Катя, кусая губы. В глазах ее стояли слезы.

Дмитрий дернулся к ней, но Евхаристий упер ему в грудь острие посоха, и он вынужден был сдержать порыв.

— Успокойся, Катюша! Все скоро закончится, нас отпустят. Все будет хорошо.

— Идемте, Дмитрий Олегович. А вы останьтесь пока.

Дмитрий послал Кате улыбку, сделал жест — два пальца в форме латинской буквы «V» — и направился в обход особняка.

Неказистое строение, похожее на сарай и на трансформаторную будку одновременно, было на месте. Отсюда и начинался вход в тоннель, соединявший данное место с Обителью мечей. Врата, как выражался протоиерей церкви Второго Пришествия. Сердце забилося сильнее. Тайна тоннеля, пронизывающего толщу земных пород, — если верить словам капитана Коряцкого, — до сих пор волновала воображение путешественника. Дмитрию очень хотелось еще раз побывать в Обители мечей, но не с таким сопровождением.

— Здесь.

Евхаристий кинул взгляд на молодого спутника-монаха:

— Открывайте.

Дмитрий оглянулся на особняк, окна которого выходили и во двор.

Евхаристий понял его мысль, усмехнулся:

— Нас сейчас никто не видит, Дмитрий Олегович. Здание принадлежит Военно-историческому музею, в нем располагается военный архив, но ни один работник архива в данный момент не смотрит в окно. Все здание закрыто особым полем...

— Отвод глаз, — пробормотал Дмитрий.

— Именно.

Монах с тонкими усиками подошел к железной двери строения, повозился с висячим замком, оглаживая его посохом. Замок крякнул, как живой человек. Монах отскочил. В то же мгновение — Дмитрий не поверил глазам — строение превратилось в гладкий купол из темно-зеленого бутылочного стекла!

Молодцы в кожаных куртках попятились, оглядываясь на своего предводителя.

Евхаристий раздул ноздри, разглядывая купол бешеными глазами.

— Господь-Вседержитель Креста Святого! Не обманул-таки нюх! Это Врата!

Молодой монах, колдовавший с замком строения, поднял посох. С острия палки слетела длинная искра, вонзилась в купол. Он задрожал, как мыльный пузырь, пошел перламутровыми пятнами, лопнул, и на его месте снова образовалось знакомое приземистое строение из бетонных блоков. Только металлическая дверь в строение на этот раз оказалась уже открытой.

— Отпусти нас, — произнес Дмитрий. — Дальше вы дойдете сами.

Евхаристий оскалился, махнул рукой кожаным мальчикам:

— Держите его на прицеле. Дернется — стреляйте. А вы, Дмитрий Олегович, имейте терпение, всему свое время.

Двое кожаных и молодой монах скользнули внутрь строения. За ними вошел Евхаристий. Через минуту выглянул:

— Ведите их.

Дмитрия и Катю втолкнули в бетонное с виду помещение, освещенное тусклой лампочкой в сетчатом колпаке. Еще одна металлическая, в заклепках, дверь вела, как уже знал Дмитрий, в необычный лифт, стенки которого представляли собой ковры из металлических иголок.

— Куда ведет эта дверь? — посмотрел на него правнук воина Чернаги.

— В лифт, — ответил Дмитрий, сдерживаясь. — Дальше мы не пойдем, доберетесь сами.

— Еще как пойдете, Дмитрий Олегович. Вы мне еще нужны.

Евхаристий посмотрел за спину Дмитрия, и в то же мгновение на затылок путешественника обрушилась рукоять пистолета.

В последнее время Виталия Сундакова тянуло не в дальние страны, а в загадочные места России, которых оказалось не меньше, чем в других частях света. Россию вообще можно было назвать Землей Чудес, большинство из которых оставалось неизвестными не только ученым, но и людям, далеким от мистических тайн прошлого.

Сначала Сундаков хотел заняться исследованиями подземного города в Башкирии, не уступавшего по масштабу турецким скальным городам в Каппадокии и Анталии. Во всяком случае, этот город насчитывал тринадцать этажей — по уверениям одного самодеятельного археолога, а система его келий, галерей, переходов и шахт была настолько эффективной, что воздух в подземелье до сих пор сохранялся чистым.

Однако после долгих размышлений Виталий решил все-таки отправиться на север Урала, где располагалась знаменитая Гора Мертвецов, или Холат Сяхыл — на языке манси. Название гора получила после того, как на ней были убиты девять охотников-манси. После чего цифра «9» стала зловещим символом этого места.

Так, второго февраля тысяча девятьсот пятьдесят девятого года при загадочных обстоятельствах там погибла группа туристов из Уральского политехнического института в количестве девяти человек, руководил которой ученый Игорь Дятлов. Его именем впоследствии был назван перевал. Все члены группы были найдены мертвыми, но причина смерти так и осталась неясной. Судя по беспорядку в лагере и гримасам ужаса на лицах умерших, в лагере возникла паника. Люди пытались выбраться ночью из палаток, у двоих оказались сломанными ребра, у одного проломлен череп. Что их напугало, что вообще произошло в лагере, никто объяснить так и не смог.

Затем начали умирать люди, занимавшиеся расследованием этой трагедии.

Погиб фотограф, снимавший тела и район лагеря. Застрелился сотрудник спецслужб, причастный к расследованию. Наконец, все летчики, принимавшие участие

в поисках, в последующие годы разбились или умерли. Едва не закончилась плачевно вторая экспедиция на гору, организованная известным геологом и палеонтологом профессором Черновым. Затем на горе разбился вертолет «Ми-8», на борту которого также находилось девять человек.

Сундакова эти истории заинтересовали, и он, проанализировав свое личное дело на предмет — нет ли в его жизни событий, связанных с цифрой «9», — отправился на Северный Урал. Добавляло интереса к этому району и давнее событие, происшедшее в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, когда на севере Свердловской области военные обнаружили гигантский металлический диск неизвестного назначения. Возможно, это событие было связано с аварией НЛО, хотя Сундаков и не верил в контакты людей с «зелеными человечками».

Двадцать восьмого августа он прилетел в Воркуту, имея с собой все необходимое, где его встретил давний приятель Кирилл Турин, отличный фотограф и журналист, дважды сопровождавший Виталия в экспедициях по Челябинской губернии в поисках «страны древнерусских городов». В свое время им посчастливилось участвовать в раскопках Кулыма и Синташты — спутников Аркаима, а главное — найти следы еще одного поселения под Усть-Кутом, где впоследствии были найдены остатки мегалитического сооружения, не уступающего по масштабам и временным пластам знаменитому Стоунхенджу.

В Воркуте Сундаков не задержался и уже наутро вместе с Кириллом вылетел на стареньком «Ми-2» на восток, к селению Яхтомач, где их должен был ждать улетевший раньше Егор Красницкий, квартирьер экспедиции.

Красницкий, окончивший когда-то исторический факультет МГУ, несколько лет проработал в Екатеринбурге учителем истории, но потом увлекся археологией и карьеру учителя бросил. С Виталием он познакомился в Тибете, случайно, когда их пути пересеклись у Поталы, дворца-резиденции далай-ламы в Лхасе. С тех пор они часто хо-

дили в походы вместе, одинаково увлеченные поисками древних учений и обрядов.

Егор Красницкий не подвел и на этот раз, доставив в Яхтомач основной груз экспедиции: палатки, спальники, запасы еды, а также кое-какие научные приборы для изучения радиационного и электромагнитного фона местности. Погрузились в вертолет, попрощались с местными жителями, уговаривавшими отчаянных смельчаков «не будить духов Холат Сяхыла», и винтовая машина взяла курс на северную оконечность Уральского хребта.

От Яхтомача до Горы Мертвецов было всего шестьдесят километров по прямой. Если бы путешественники отправились туда пешком, они потратили бы на весь путь не меньше трех суток, вертолет же доставил их к подножию невысокой — около восьмисот метров высотой — Горы Мертвецов всего за двадцать минут.

Нашли удобный склон, почти свободный от кустарника и деревьев, приземлились. Летчик помог друзьям выгрузиться, пожелал им удачи и поспешил поднять машину в воздух. Он был из местных, легенды о горе знал и рисковать не хотел.

Поставили палатки, споро оборудовали лагерь. Все члены экспедиции были людьми опытными, никому не надо было советовать или объяснять, что делать. Разожгли костер, вскипятили чай, с удовольствием выпили по две кружки ароматного, с дымком, напитка, глядя, как за зубчатой линией гор на западе садится солнце.

Погода благоприятствовала замыслу. Конец августа на Северном Урале выдался теплым, солнечным и безветренным, и, по прогнозам, такая погода должна была сохраниться еще несколько дней.

— Завтра поутру наберем ягод и грибов, и я устрою вам лесное пиршество, — пообещал Красницкий, оглаживая бородку.

— Тихо-то как, братцы! — заметил Турин с удивлением. — Ни тебе птиц, ни тебе зверей. Даже комаров не слышно. Может, не врут легенды? И в горе действительно спит злой черный колдун?

— Или корабль пришельцев, — хмыкнул Сундаков, тоже прислушиваясь к тишине. Округлый горб Холат Сяхыла притягивал взор, будоражил воображение, заставляя оглядываться и ждать каких-то событий. — Судя по всему, здесь наличествует некая аномальная зона. Будем держать ухо востро. Никто не хочет подняться на гору?

— Я пас, — отказался Турин. — Устал, спать хочу.

— Да и я тоже лягу пораньше, — кивнул Красницкий. — Успеем еще нагуляться туда и обратно. Надо было на горе лагерь разбить, а не на склоне. Время потеряем.

— Время — не жизнь, — отмахнулся Сундаков. — Береженого бог бережет. Ладно, схожу один.

— Карабин возьми, — посоветовал Турин. — Мало ли кого встретишь.

— Зеленых энлонавтов, — хихикнул Красницкий. — Если среди них будут красивые девушки — кликни.

Сундаков засмеялся, достал из палатки карабин «барс», вскинул на плечо:

— Ждите, через час вернусь.

Выбирая дорогу между валунами и кучами кустарника, он начал подниматься в гору.

Несмотря на пологий склон, отсутствие скальных выходов и каменных осыпей, идти было нелегко. Поэтому за полчаса до захода солнца он успел подняться всего на двести пятьдесят метров. Сообразив, что на вершину горы до наступления темноты не взобраться, выбрал террасу, свободную от кустарника, сел в позе лотоса, подставив лицо последним солнечным лучам.

Волнение, поднявшееся в душе с первыми метрами подъема, не унималось. В воздухе была разлита странная напряженность, словно природа вокруг ждала каких-то неприятных сюрпризов. Птицы молчали. Затих ветер. По небу разбежались желтые, розовые, оранжевые и малиновые полосы заката.

Виталий прислушался к своим ощущениям, не понимая, что его беспокоит. Потом поймал спиной чей-то взгляд и незаметно положил руку на приклад карабина.

— Здрав будь, добрый человек, — раздался из-за кустов неподалеку глуховатый голос. — Можно мне посидеть обочь?

— Отчего же нельзя, — отозвался спокойно Виталий. — Присоединяйтесь.

На ровное место вышел старец в старинном длинном сюртуке, застегнутом на все пуговицы. Серые штаны, мягкие сапоги. Седая борода, седые волнистые волосы, седые брови. Глаза светло-голубые, смотрят строго, с мудрой печалью.

«Прямо-таки классический пример волхва, — подумал с усмешкой Сундаков, — какими их изображали художники. Не брат ли он тому старику с филином, которого рисовал Константин Васильев?»

— Нет, не брат, — покачал головой незнакомец, вдруг оказавшись совсем близко. — Хотя я действительно волхв, Хранитель Родового Искона.

Сундаков пристально посмотрел на гостя, прочитавшего его мысли.

— Вы случайно не встречались с моим другом Димой Храбровым? Он рассказывал, что у городища Костьра с ним тоже беседовал Хранитель.

— Да, это был я. — Старец присел рядом, сложив ноги калачиком, бросил взгляд на темнеющее небо. — Холодно будет ночью, однако.

Сундаков промолчал, искоса поглядывая на суровый профиль волхва. Тот повернул к нему голову, улыбнулся:

— Что не спрашиваешь, с чем я пожаловал?

— Сами скажете, — пожал плечами путешественник, — если захотите.

— Скажу. Зачем ты сюда пришел, витязь?

— Вокруг этого места легенд много сложено, а я всегда иду туда, где есть тайна. Узнать хочу, что прячет в себе гора.

— Не гора это — курган. Тысячу лет назад здесь город был, Рамия, посреди которого стоял куд Перуна. Потом пришел креститель Добрыня и сжег святилище. Сеча

была. Многие волхвы погибли. Но крестителя изгнали. А на месте сечи курган насыпали.

— Уж больно высок курган-то.

— Земля потом выперла горой, сама собой, потому как источник силы тут спит.

— Понятно, не зря, выходит, местные легенды о горе слагали. А что здесь делал Добрыня? Согласно Иоакимовской летописи, Добрыня Новгород крестил... вместе с тысяцким Путяткой.

— Таких Добрыней и Путят много было, силой креста и распятого на нем поддерживаемых. Не сдюжили мы, не уберегли Родовой Искон, приняли веру чужую.

— Но ведь Православие не христианство, оно опирается на традиции Рода. Разве не так?

— Нынешнее Православие — слабая тень истинного. Родолубие и родославие умерли. Сохранились лишь крупницы знания о прежних временах, о вере нашей, когда люди жили по совести и по справедливости. Однако диверсия была рассчитана исключительно точно, и мы проиграли.

— Диверсия, — хмыкнул Сундаков.

— Я понимаю, — усмехнулся Хранитель. — Это новорожденное слово, но оно отражает суть насильственного процесса крещения Руси. Хотя речь о другом. Возвращайся домой, в Златоглавую, витязь. Беда может случиться.

— Я не боюсь...

— Речь не о твоём страхе, — качнул головой старец. — Твой друг Дмитрий Храбров нуждается в помощи.

— Дима? — недоверчиво посмотрел на собеседника Сундаков. — Что с ним?

— Он рассказывал тебе о мечах?

— Я с Димой лично не встречался, а историю с мечами мне поведал Олег Северцев, очень коротко. Дима якобы нашел два меча...

— Черной и Боривой. Это не простые мечи — символы боя, заряженные силой. Их опасно доверять неподготовленным людям, а тем более таким, кто

хочет использовать их силу для личных — и вовсе не благих — целей.

— Но ведь мечи, по словам Олега, уже где-то в хранилище...

— Готовится операция по их захвату.

— Кем?!

— Евхаристием, служителем тайного культа Второго Вселенского Пришествия, прямым потомком крестителя Чернаги, побочного сына князя Владимира.

— Откуда вы знаете?

— Небо нашептало, — без улыбки, с глубокой печалью ответил старый волхв. — Тебе надо помочь своим друзьям, не дать возродиться древнему Злу. Большие беды падут на Русь, коли мечами завладеет церковь ВВП.

— Что за церковь такая?

— Они себя так рекут: Святая церковь Второго Вселенского Пришествия.

— Имеется в виду пришествие Иисуса Христа?

— Их бог — Морок. Иисус Христос — его высокохудожественная и психологически достоверная придумка, легенда, призванная полуправдой скрыть истинную сущность Зла. Трудно бороться с ложью, еще труднее — с полуправдой, овладевшей душами. Сотворенные люди не устояли, и даже богорожденные забыли о своих предках, о своем божественном происхождении, перестали славить своих истинных богов, начали просить милостыню, как и все.

— Не все просят, — тихо возразил Виталий.

— На то и надежда, — вздохнул Хранитель.

На землю опустилась ночная темнота, но лицо волхва словно осветилось изнутри и оставалось ясно видимым.

— В последнее время люди как будто просыпаться начали, — продолжал он. — Еще не вспомнили старь, но ищут уже. Им помогать надо. А если слуги черного завладеют русскими мечами — худо станет на земле, не выживет Род.

— То есть как — русскими мечами? Разве эти мечи принадлежат нам... оба?

— Как две стороны медали, как день и ночь. Когда-то они принадлежали одному герою — для разных дел, потом их разделили, и мрак пал на души людей.

— Я... не знал... не слышал...

— Ты не допущен был до откровения, время пришло. Сохрани мечи и познаешь Путь.

Старец легко поднялся на ноги.

Встал и Сундаков.

— Когда мне надлежит вернуться в Москву?

— Чем быстрее, тем лучше.

— Напарники меня не поймут.

— Им знать то, что знаешь ты, не положено.

— Понимаю. Вертолет прилетит за нами только через десять дней. Попробую связаться с пограничниками, может, согласятся забрать нас раньше.

— Могу открыть прямоступ до Златоглавой.

— Прямоступ?

Хранитель усмехнулся:

— Теперь принято говорить — «внепространственный тоннель». Открывается он не каждому, но тебя пропустит. Ты готов?

— Прямо сейчас? — растерялся Виталий.

— Твоих друзей я успокою. Они вернутся сами.

— Тогда... готов.

— Иди с богом, витязь. Да пребудет с тобою сила!

Звезды сорвались с небес, потоком устремились на встречу.

Виталий почувствовал, что летит, судорожно взмахнул руками, но испугаться не успел. Стукнуло в ноги, свет звезд сменился светом уличных фонарей. Он покрутил головой, узнавая здания неподалеку, и понял, что стоит на Театральной площади, напротив Большого театра. Кто-то шарахнулся в сторону, когда он вывалился из «прямоступа», некоторые из прохожих, наоборот, остановились, глядя во все глаза на появившегося из воздуха человека.

Ошеломленный не менее их Виталий опомнился, спрятав под полу куртки карабин и поспешил прочь. Потом поймал частного и назвал свой адрес.

Проснулся Олег в плохом расположении духа.

Что-то мешало ему спать, какие-то смутные ощущения, предчувствия, неуловимые мысли сбивали сон, заставляли прислушиваться к тишине ночного города, размышлять о причинах беспокойства. К утру нервная система немного успокоилась, и все же бодрым Олег себя не чувствовал. Встал, сделал зарядку, залез под душ — полегчало.

Солнце вызолотило верхушки деревьев в парке. Захотелось на природу. Душу охватило нетерпение: если бы не приглашение Дмитрия, Олег давно сорвался бы в экспедицию. Но он дал обещание присутствовать на свадьбе друга и обмануть его ожидания не мог.

Ладно, потерпим, подумал он, усаживаясь за стол в своем небольшом, но уютном кабинетике, заставленном книжными шкафами. Потянуло еще раз обдумать назначенный на середину сентября поход.

Сначала он собирался еще раз навестить Поталу, храм далай-ламы в Лхасе, когда-то потрясший его своим величием и роскошью. Дворец не зря считался восьмым чудом света, собирая множество паломников из всех уголков земного шара. Однажды побывав там, забыть удивительное сооружение было уже невозможно, а тех, кому посчастливилось посмотреть на него, тянуло в Тибет снова и снова.

По легендам, в Потале насчитывалось девятьсот девятью девять комнат и тысячи золотых скульптур королей Тибета, настоятелей монастырей и высших лам. Олег сам видел эти статуи, стоящие в ритуальных молитвенных залах дворца, и знал, что статуи — на самом деле забальзамированные особым образом тела умерших владык Тибета, покрытые тончайшими золотыми пластинами. Говорили даже, что эти люди не умерли, а якобы находятся в состоянии глубокого транса. Но Олег слухам не верил, так как понимал, что приостановить жизненные процессы внутри «медитирующих» людей можно, но не надолго. Во всяком случае, не на сотни и тысячи лет.

Говорили также, что под дворцом скрывается огромная пещера, обнаруженная полторы тысячи лет назад, время внутри которой течет в обратную сторону. Чтобы скрыть ее уникальные свойства, над ней и был сооружен дворец — царство мистики и тайных знаний. Кроме того, один из ходов под дворцом ведет к подземному озеру длиной больше шестидесяти километров, в которое впадает крупнейшая река Тибета Ярлунг Цонгпо. Воды в этом озере постепенно превращаются в густую вязкую массу непроницаемой черноты — «обратного времени».

Олегу очень хотелось посмотреть на пещеру и озеро, поэтому он и собирался навестить Поталу, надеясь, что на этот раз его допустят к тайнам храма. Однако Лхасу стоило посещать весной, в мае, когда температура воздуха там становилась комфортной — около двадцати градусов тепла. И Северцев отложил свой поход в Тибет. Тем более что ему было куда направить свои стопы — на Дальний Восток, где сотрудники Амурского комплексного научно-исследовательского института отыскиали целых три кладбища динозавров.

Самым богатым из них оказалось Кундурское, где раскопали практически целого утконосого динозавра длиной в пятнадцать метров. Этот вид растительоядных ящеров был до сих пор неизвестен науке и получил название амурозавр. Кроме того, обнаружилось, что он по пояс одет в костяные пластины, скрепленные определенным образом. Это обстоятельство вызвало бурю восторга у ученых, которые даже выдвинули гипотезу, что амурозавр был разумным существом, коль имел на себе искусственно созданную «юбку». Так это было или не так, но Северцев загорелся этой идеей и решил принять участие в экспедиции, изучающей Кундурский могильник. Единственное, что удерживало его в Москве, — свадьба друга. Но он не собирался засиживаться в столице и сразу после праздника решил лететь к месту раскопок.

Утром тридцатого августа, после дурно проведенной ночи, он полностью утвердился в своих намерениях и позвонил Дмитрию, чтобы сообщить ему о дальнейших

планах, пригласить с собой, а заодно выяснить, не нужна ли его помощь. Но Дмитрий не ответил. Молчал и его мобильный телефон. Поразмышляв, Олег позвонил Кате Дерюгиной, невесте Дмитрия, и с удивлением узнал о пропаже девушки. Уже сутки она не появлялась дома, не звонила, и родители были в панике.

— А Дима об этом знает? — спросил Северцев.

— Он обещал найти Катюшу, — ответила мать девушки со слезами в голосе, — но с тех пор так и не позвонил. А ведь свадьба послезавтра.

— Не волнуйтесь, Вероника Сергеевна, — пробормотал Северцев, — все образуется. Я попробую их отыскать. Не иголка же в стоге сена все-таки.

Однако уверенности в том, что ему удастся найти молодоженов, Олег не ощущал. Дмитрий Храбров был не из тех людей, кто забывал позвонить друзьям, и если он замолчал, существовала объективная причина его молчания. Причем причина основательная и непреодолимая, связанная, очевидно, с пропажей невесты. Другого объяснения Северцев не видел.

Покружив по комнате в размышлениях, что могло произойти, и ничего толком не надумав, он позвонил сначала в милицию, ничего утешительного не услышал, после чего решил найти Витюшу Костина.

Археолог отыскился по мобильной связи: он занимался какими-то делами в своем институте.

— Что случилось? — встревожился Витюша. — Надеюсь, свадьба не отменяется? Я уже ресторан заказал.

— О чем вы разговаривали в последний раз? — поинтересовался Северцев.

— Да ни о чем таком, — попытался вспомнить Костин. — О свадьбе базарили, о походе в загс... вообще о ритуале. О чем еще? Я спросил, что надеть, если будет жарко. Надену костюм с галстуком. Ну и все. Да, о мечях поговорили. Темнит Димка что-то, не признается, куда мечи дел.

Северцев хмыкнул.

О судьбе мечей они договорились ни с кем не разговаривать, даже с друзьями. Другой вопрос: почему всплыла эта тема? Может быть, исчезновение Храброва и его подруги как-то связано с мечами? Вдруг снова объявился Евхаристий, монах странной церкви Второго Пришествия, претендующий не только на меч своего прадеда Чернаги, но и на «абсолютную власть»?

В душе зашевелилась тревога. Какие-то не ощутимые умом движения психофизических полей затронули сферу чувств и включили «локатор» неприятностей, улавливающий то, что не могла оценить нормальная психика. Что же делать? Где искать Дмитрия? С чего начать?

Зазвонил мобильный телефон.

Северцев схватил трубку:

— Алло?

— Приветствую, Оглобля, — раздался в трубке знакомый голос. — Ты в Москве или на другом континенте?

Олег невольно улыбнулся: звонил Виталий Сундаков.

— Доброе утро, учитель. Я в Москве. Тут у нас история случилась...

— По этому поводу я и вернулся. Давай встретимся через пару часов.

— Где?

— Я сейчас на своем подворье, в девять выеду в столицу и буду к одиннадцати у ресторана «Обломов» на Пятницкой. Подъезжай туда.

— Дима пропал...

— Знаю. До встречи.

Северцев задумчиво посмотрел на трубку телефона, гадая, каким образом Сундакову стало известно об исчезновении Храброва, и начал собираться.

В одиннадцать утра он остановил машину недалеко от старенького и неказистого с виду строения с небольшой вывеской «Ресторан Обломов», вылез из машины.

Тотчас же открылась дверца стоящего впереди серебристого «Мерседеса», на тротуар шагнул Виталий Сундаков, одетый в свою знаменитую фирменную толстовку без ворота, но с пояском, и кожаные штаны. Он отпускаял

бородку и усы — что тоже было традицией во время длительных экспедиций — и выглядел небритым.

Они пожали друг другу руки, обнялись.

— Пойдем, позавтракаем.

— Я не против, — согласился Северцев. — Хотя аппетита нет никакого. Чувствую, что с Димой беда приключилась, да не знаю, как ему помочь.

— Расскажи мне историю с мечами, которые вы нашли. Я не знаю подробностей.

— Это Дима нашел, вместе с Катей, на раскопках городища Костыра. Я узнал об этом, когда он уже привез мечи в Москву.

Они прошли на веранду ресторана, сели в уголке, пробежали глазами меню, принесенное официантом. Северцев заказал кофе со сливками и вишневый штрудель, Сундаков — стерлядь и тушенные с сыром грибы.

Пока ели, Олег в подробностях выложил учителю и другу все, что знал сам.

— Евхаристий, — задумчиво взялся за минералку Сундаков. — Служитель церкви Второго Вселенского Пришествия. Серьезный противник. Он не мог выйти на Дмитрия и захватить его, застать врасплох?

— Думаю, все было немного по-другому. Евхаристий захватил его девушку, а потом позвонил ему. После чего Дима исчез.

— Почему он не позвонил тебе?

— Не знаю. Может быть, переоценил свои силы, а может, не захотел рисковать мной.

— Нужно прикинуть все возможные варианты.

— Есть одна хилая идея — выйти на капитана Коряцкого из Управления по борьбе с незаконным оборотом археологических ценностей. Он же, по словам Димы, является и сотрудником Службы контроля ведической истории. Хотя плохо верится, что таковая существует на самом деле.

— Существует.

— Не знаю, я уже во всем сомневаюсь. К тому же у меня нет связей с ФСБ.

— Я попробую найти капитана. — Сундаков заказал белый чай, бросил в кипяток скрученную цилиндром заварку, и цилиндрик развернулся в красивый игольчатый цветок с красной сердцевинкой. — Но у меня появилась еще одна идея. Ты помнишь, где находится вход в подземный тоннель, по которому вас доставили в хранилище мечей?

— Смутно, мысли другим были заняты. Где-то в районе Савеловки, то ли на Бутырской улице, то ли на Дмитровской. Я тот район знаю слабо.

— Поезжай туда, поищи, но сам ничего не предпринимай. Встретимся вечером, часов в шесть.

— Где?

— Там же, напротив Савеловского вокзала, на стоянке.

— Хорошо.

Они допили чай, занятые своими мыслями, вышли из ресторана.

— Хороша тачка, — кивнул на новенький «Мерседес» Северцев. — Твоя или друзей?

— Одного приятеля, — улыбнулся Сундаков, — из налогового инспекции. Как-нибудь познакомлю.

Олег проводил его глазами, сел в свою скромную на вид «Тойоту Камри» и поехал в район Савеловского вокзала, все еще ощущая некую странную неловкость во всем теле и стеснение, будто ему не хватало воздуха. Это возбужденная экстрасенсорика организма продолжала фиксировать потоки информации, проникающие извне в подсознание и несущие некий негативный интерес к его персоне со стороны неизвестных — и скорее всего недобрых — сил. Олег не сомневался, что он тоже втянут в круговорот намерений и событий, связанных с мечами, и что ему тоже отведена определенная роль в этом деле.

Он вспомнил свои ощущения, когда меч Чернаги начал буквально управлять им, едва не заставил потерять голову, и настроение окончательно испортилось. Если меч достанется Евхаристию, потомку Чернаги, нетрудно представить, какие реки крови прольются, когда он попытается захватить власть в стране.

Савеловский вокзал Олег обогнул по Бутырской улице, свернул в переулок и чисто интуитивно повернул на Новодмитровскую, к тюрьме. Двухэтажный особняк, во дворе которого стояло унылое строение из бетона, маскирующее вход в подземелье, открылся ему уже через минуту.

— Спасибо... — процедил он сквозь зубы, благодаря свою же собственную память. — Все правильно, я на месте. Можно попытаться проникнуть в подземелье.

«Сам ничего не предпринимай», — вспомнились слова учителя.

«Я и не собираюсь, — мысленно ответил он ему, — только остороженько посмотрю, поспрашиваю, не появлялся ли здесь Дима».

Олег оставил машину на улице, подошел к решетчатым воротам, перекрывающим проезд на территорию особняка, и увидел две бело-синие милицейские машины: фургон «Газель» и «Форд Мондео».

В сердце снова зашевелилась тревога, интуиция шепнула: это не зря... Однако он сделал уверенный вид, толкнул незапертую калитку возле ворот, зашагал к особняку по асфальтовой дорожке. Но был тут же остановлен сотрудником милиции и мужчиной в синей форме охранника, вывернувшимися из-за шеренги кустарника:

— Эй, остановитесь! Вы куда?

— В архив, разумеется, — ответил Северцев, разглядев бронзовую табличку у главного входа в здание.

— Архив временно не работает.

— Почему? — Олег увидел, как открылись двери и двое стражей порядка вывели под руки с трудом передвигавшегося мужчину в синей форме, усадили в фургон. — Что случилось?

— Это вас не касается, — сказал молодой милиционер, оглянувшись на фургон. — Документы есть?

— Конечно. — Северцев достал журналистское удостоверение, с которым не расставался. — Может быть, пропустите? Мне срочно надо получить кое-какой материал для статьи в журнал.

— Приходите завтра. — Милиционер вернул удостоверение, повернулся к Олегу спиной.

Его пожилой хмурый спутник тяжело посмотрел на Северцева, и тот понял, что пройти на территорию учреждения не удастся. Гадая, что здесь произошло, он вышел на улицу, сел в машину и позвонил Сундакову:

— Я нашел это место.

— Отлично, я подъеду не раньше половины шестого. К сожалению, капитан Коряцкий, как мне сказали, находится в отпуске, так что этот вариант отпадает. Попробую тут еще кое-что выяснить и подъеду.

— Здесь хозяйничает милиция, никого на территорию архива не пускает.

Сундаков помолчал.

— Странно...

— И я о том же. Уж не связано ли это с нашим делом?

— Как?

— Ну, не знаю... думать надо.

— Странно, — повторил Виталий. — Ладно, разберемся, жди.

Олег посмотрел на часы: ждать еще надо было час с минутами, — и решил съездить домой, взять кое-какую экипировку, необходимую для лазания по шахтам и тоннелям. На всякий случай.

ДОБРО

Лифт со стенками из иголок вмещал всего семь человек, поэтому Евхаристий взял с собой только одного монаха и четверых молодчиков в коже. Остальные, в том числе и Катя, остались в «предбаннике холла», если так можно было назвать тесное помещение с бетонными стенами, по углам которого была свалена всякая всячина — от связок старых газет до коробок с болтами и ржавым инструментом.

Металлическую дверь взрывать не пришлось. Замок ее поддался колдовской силе Евхаристия, и надежда Дмитрия, что пройти внутрь им не удастся, погасла.

Его задвинули в угол лифта, прижав лицом к колючему ковру иглою, приставили к спине ствол пистолета:

— Спокойно, Дмитрий Олегович, немного осталось ждать. Убедимся, что вы привели нас куда надо, и отпустим.

— Вы пожалеете об этом, — глухо обронил Дмитрий.

— Возможно, — легко согласился Евхаристий, — а может быть, и нет. Все в руках божьих.

— Смотря о чьих руках речь.

— Разумеется, речь идет о моем боге. Насколько я знаю, человек вы крещеный, но тоже верите в какого-то своего бога, однако он не приходит на помощь своей пастве. Так что не надейтесь ни на кого.

Дмитрий промолчал. Его крестили в детстве родители, когда он ничего не понимал. С тех пор миновали годы и годы, со временем пришло знание традиций Рода, и предками Храброва стали древние русские боги во главе со Сварогом. Но доказывать это правнуку крестителя Чернаги не стоило.

— Как включается эта машина?

— Не знаю.

Удар между лопаток! Дмитрий ткнулся лбом в колючки, стиснул зубы.

— Если мы через десять секунд не поедем, вы нам будете не нужны, господин Храбров. Вместе со своей подружкой. Смекаете?

— Я действительно не знаю, как включать лифт. Нас везли...

— Подумайте хорошенько, вспоминайте. Другого шанса у вас не будет. Я не останавлиюсь на полпути.

«Это магическое движение, — вспомнил Дмитрий слова капитана Коряцкого. — Ничего общего с полетом или движением по рельсам». Как же он управлял лифтом? Что говорил? Какие кнопки нажимал?

— Дайте мне повернуться.

Секунда, другая...

Ствол пистолета перестал упираться в спину.

— Только не пытайтесь демонстрировать нам приемы

рукопашного боя. — Евхаристий раздвинул губы в кривой улыбке. — Мы вас просто пристрелим.

Дмитрий покосился на пистолеты в руках кожаных мальчиков, равнодушных ко всему на свете, кроме удовлетворения потребностей организма. Начни он внезапную атаку, вряд ли они успели бы отреагировать должным образом. Но кроме кожаных в кабине лифта находился еще и их вожак — быстрый и мощный боец, которого трудно застать врасплох, поэтому надо делать вид, что Дмитрий сломлен, и ждать удобного момента.

Он пошарил глазами по стенкам лифта.

— Никаких кнопок и рукояток нет, — понял его жест Евхаристий.

— Отойди, — толкнул в плечо одного из кожаных Дмитрий.

Капитан Коряцкий в прошлый раз не просто вошел в лифт, а встал в центре кабины определенным образом — лицом к двери. Что он сделал потом?

Кожаный качок посмотрел на босса.

— Подвинься, — кивнул тот.

Дмитрий расположился посередине кабины, повернулся лицом к двери, закрыл глаза, сосредоточился. Вспомнился жест Коряцкого — ладонь вверх, пальцы на лоб. Особый знак? Мантра? Пароль?

Он повторил жест, страстно желая, чтобы включился механизм лифта, проговорил:

— Поехали, — и почти не удивился, когда дверной проем превратился в колючую стенку, а в теле возникло ощущение полета.

— Святой креститель! — прошептал Евхаристий сдавленным голосом. — Заработала!

Ощущение полета усилилось, к нему добавилось чувство невесомости, будто лифт начал падать в глубокую шахту. Но вскоре невесомость прошла, некоторое время лифт мчался стрелой (это ощущение сохранилось) сквозь пространство, затем дважды содрогнулся, замедлил скорость и остановился.

— Внимание! — скрипуче-жестким голосом проговорил Евхаристий. — Стреляйте в любого, кто появится, без промедления! Кифа, будь готов к проявлению!

— Я готов, владыка, — кивнул молодой монах, стискивая рукоять посоха.

— Выходим!

Дверь растаяла.

— Ты обещал... — начал Дмитрий.

Его толкнули в спину, и он вынужден был выйти вместе со всеми в знакомый коридорчик с грубо обработанными каменными стенами, освещенный рассеянным светом невидимых светильников.

— Где вход в хранилище? — прошипел Евхаристий.

— В тупике, — помедлив, указал на дальнюю стену коридора Дмитрий. — Только вряд ли вас туда впустят.

— Это наша забота. Иди вперед!

Отряд приблизился к бутристой и слоистой стене, кажущейся твердой и монолитной.

— Что дальше?

— Вход открылся сам, мы ничего не делали.

— Ладно, проверим. — Евхаристий посмотрел на молодого спутника: — Кифа, открывай.

Монах поднял посох, загундосил что-то под нос, уколол стену острием палки.

Зашипело. Суковатая палка задымилась и вспыхнула зеленым огнем. Монах выронил ее с воплем, отскочил.

В то же мгновение стена потеряла плотность, стала зыбкой, как слой тумана, растаяла, являя взору еще один коридорчик, и навстречу взломщикам вышла тонкая высокая фигура в белой длинной рубаше, перепоясанной красным кушаком с кистями, в полосатых штанах и белых сапожках. Седой старец с посохом в руке.

Дмитрий сглотнул горькую слюну.

Перед ним стоял Хранитель мечей.

Старец посмотрел на всех прозрачно-голубыми глазами, перевел взгляд на Храброва:

— Витязь? Зачем ты привел сюда этих людей?

Дмитрий облизнул пересохшие губы:

— Они похитили мою невесту... простите, Хранитель...

— К дьяволу! — Евхаристий оттолкнул путешественника, шагнул вперед. — Отдай Черной, старик, и мы тебя не тронем!

Хранитель приподнял седую бровь:

— Евхаристий, сын Бориса-схимника, внук Аскольда-предателя, правнук Камилла-гонителя, потомок Чернаги-крестителя... Ты так и не успокоился, лелея мечту стать господином мира.

— Я уже господин! — оскалился Евхаристий. — Но буду Владыкой! Даже если придется...

— ...уничтожить полмира?

— А хотя бы и так!

— Ты — тварь, раб, сотворенный твоим трусливым черным божком! Ты не сможешь управлять миром, даже если тебе достанется черный меч. Это под силу только богорожденным. Вот ему, — кивнул старик на Дмитрия, — его друзьям. Но не тебе.

— Это мне решать, а не ему! Отдай меч по-хорошему. Иначе я все равно возьму его, но уже по-плохому!

— Попробуй.

Хранитель поднял свой отполированный до янтарного блеска посох. Евхаристий тоже рванул вверх свой. С острых концов палок сорвались молнии — огненно-золотистая и сине-фиолетовая, столкнулись в воздухе. Раздался шипящий визг, вспыхнул клубок радужного пламени, резанувший по глазам.

Евхаристий с криком отбросил задымившийся посох, обернулся к телохранителям:

— Огонь!

Трое кожаных, придя в себя, открыли стрельбу из пистолетов, четвертый навел на Хранителя неизвестно откуда взявшийся новейший многозарядный гранатомет «каракурт».

— Ложись!

Все попадали на пол.

Дмитрий рванулся к стрелку, но споткнулся о тело молодого монаха и упал.

Ширхнула огненная дуга, за ней другая и третья. В проеме двери лопнули три гранаты, с визгом разлетелись осколки.

Фигура Хранителя заколебалась, исчезла.

На полу, там, где он стоял, расцвело несколько капель крови.

— Нет! — выдохнул Дмитрий, приподнимаясь на руках.

— Вперед, за ним! — рывкнул Евхаристий.

Дмитрия схватили за шкирку, поставили на ноги, больно пихнули в спину:

— Бегом!

Проскочили коридорчик и остановились, ошеломленные представшей перед глазами картиной. Дмитрий тоже застыл. Пещеру с десятками, если не сотнями, столбиков, из которых торчали рукояти мечей, ему довелось видеть всего один раз, но зрелище было столь необычное, что замирало сердце.

Евхаристий опомнился первым:

— Где Чернобой?!

— В другом зале, — пробормотал Дмитрий.

— Веди!

Путешественник направился в дальний конец зала, разглядывая мечи. Захотелось вытащить один из них и в несколько ударов покончить с бандитской компанией.

У стены мелькнул светлый силуэт.

Подчиненные Евхаристия отреагировали на это стрельбой, возбужденные то ли боем, то ли атмосферой зала. Их блестящие от пота лица выражали утрую готовность убивать, в глазах — ни проблеска мысли, ни капли интереса. По сути, это были не люди, а биороботы, запрограммированные служителем церкви Второго Пришествия на беспрекословное подчинение и выполнение его приказов.

Светлый силуэт мелькнул в другом конце зала.

Снова началась пальба.

Силуэт пропал.

Дмитрий надеялся, что Хранитель приведет в действие какую-нибудь магическую систему защиты Обитатели мечей, вызовет охрану или применит свою колдовскую силу, но этого не произошло. То ли он был серьезно ранен и уже не мог контролировать ситуацию, то ли чего-то ждал.

Открылся проход в соседний зал, более темный, низкий и мрачный. Здесь было душно и жарко, зал был пропитан древней злобой, содержащейся в мечах. Эта злобная энергия пропитывала все пространство пещеры и заставляла оглядываться и сжимать кулаки.

— Святой креститель! — выговорил Евхаристий, глядя на рукояти мечей разных размеров и форм, торчащие из низких столбиков; Хранитель называл их ортами. — Как долго я ждал этого момента!

Он сделал несколько быстрых шагов — по залу метнулось цокающее эхо, остановился у коричнево-багрового столба, протянул руку к рукояти меча:

— Иезек! Ты ждешь меня, друг мой!

У стены снова возник знакомый светлый силуэт.

— Не трогай, несчастный, — гулко заговорил Хранитель. — Ты обрекаешь себя на вечные муки!

— Убейте его! — прошипел монах, вздрогнув.

Кожаные парни открыли огонь, одна за другой взорвались две гранаты, породив ощутимо поколебавшую воздух вибрацию стен и пола. Хранитель исчез.

Евхаристий дотронулся посохом до столба. С кончика посоха сорвалась фиолетовая молния, растворилась в столбе, от чего он засиял, как раскаленная глыба стекла, задымился, потрескался, погас.

С отчетливым скрипом меч выдвинулся из камня вверх на два десятка сантиметров. Евхаристий схватил его за рукоять рукой в черной перчатке, вскрикнул, когда по рукояти пробежала сеточка зеленых молний, перешла на руку и разошлась по всему телу. Затем одним рывком вытащил меч из орта, поднял над собой. По блестящему дымящемуся лезвию скользнул кровавый блик.

Евхаристий обернулся к оцепеневшим зрителям, оскалится. Зубы его засияли, глаза стали черными, и в них бурлил такой жуткий огонь сумасшествия, что Дмитрия передернуло.

— Вот за чем я сюда шел! — раскатисто прорычал монах. — Чернобой — всего лишь проводник, он должен был привести меня сюда, и я здесь!

Евхаристий ударил мечом по столбу.

Грохот, взрыв свистящих осколков! Меч раздробил столб, легко развалил его на куски, будто тот был фарфоровым.

Монах захохотал:

— Он мой! Теперь весь мир у моих ног! Никто не мешает мне навести порядок! Новый порядок! На Земле будет только одна империя — моя!

Дмитрий невольно покачал головой. На Земле уже навели свои порядки бесноватые фюреры, императоры и каганы, и все они плохо кончили.

Евхаристий заметил его жест, вытянул сверкнувший меч вперед острием:

— Иди сюда, гордец! Вытаскивай меч!

Дмитрий удивленно поднял брови:

— Что?!

Его ударили по затылку, подтолкнули. Он сделал несколько спотыкающихся шагов, остановился у столба.

— Тащи меч! — Евхаристий ткнул пальцем в рукоять меча: это был Чернобой, меч Чернаги.

— Зачем?

— Тащи, я сказал! — Острие Иезека едва не проткнуло глаз путешественника.

Помедлив немного, он с мыслью — вытащить и убить монаха! — взялся за рукоять черного меча.

Руку свело электрическим разрядом!

По нервам словно стегнули горячей плетью! От кончиков пальцев к плечу пробежал жидкий огонь, ударил в голову, затуманил сознание.

Дмитрий вскрикнул и вытащил меч из камня, вдруг ощутив радостно-воинственный прилив сил...

Сундаков приехал на знакомом серебристом «Мерседесе» не один. С ним вместе вылез из машины суроволицый сероглазый мужчина лет двадцати семи, одетый в камуфляжную форму бойца спецназа, но с погонами капитана. Лицо у него было твердое, костистое, с узкими губами, волосы стрижены коротко, и во всем его облике чувствовалась сдержанная готовность действовать.

— Знакомьтесь, — произнес Виталий, окинув фигуру Северцева одобрительным взглядом. — Это капитан Мальцев Игорь Ильич, Управление антитеррора ФСБ. Он согласился нам помочь. Это Олег Северцев, спортсмен и исследователь-экстремал.

— Наслышан, — кивнул капитан Мальцев, протягивая руку.

Олег протянул свою, попал в тиски, напряг ладонь. Силой природа Мальцева не обидела.

— Что там? — кивнул Сундаков на особняк за оградой.

— Милиция только что уехала. Я понял так, что на территории архива что-то произошло. Одного охранника еле довели до фургона, второго вынесли на носилках. Я попытался пройти, прикинувшись пользователем архива, но меня завернули.

— Где вход в подземный бункер?

— Во дворе небольшое здание, похоже то ли на гараж, то ли на трансформаторную будку.

— Оружие взял?

— Только нож и комплект сакэнов.

— Все так серьезно? — приподнял бровь капитан Мальцев.

— Боюсь, серьезнее, чем я предполагал. У меня с собой карабин и дистанционный электрошокер «Оса».

— У меня табельный «пашка»¹. Что надо делать?

— Проникнуть на территорию, потом в гараж. Там лифт. Если нас не опередили, мы предупредим охрану хранилища и вернемся. Если опередили...

¹ «П а ш к а» — пистолет «Макаров-2М» (жаргон спецслужб).

— Ясно. Моя роль?

— Официальный представитель спецслужб.

— Светиться мне ни к чему, сам понимаешь. Санкцию на мероприятие мне никто из начальства не давал.

— Сверкнешь ксивой только охране архива, в дальнейшем она не понадобится. Ни наши друзья, ни тем более враги документы спрашивать не станут.

— Ладно, пошли, раз уж я согласился на эту авантюру.

Все трое, оставив машины в ста метрах от особняка, двинулись к решетчатой калитке.

Их встретил пожилой хмурый субъект в синей форме:

— Архив закрыт.

Капитан достал малиновое удостоверение с золотым тиснением «ФСБ России», небрежно развернул, показал охраннику:

— Федеральная служба безопасности. Откройте.

Охранник засуетился, щелкнул замком, распахнул калитку:

— Проходите. Ваши коллеги вроде бы во всем разобрались, недавно уехали...

— Что здесь произошло?

— Никто ничего толком не знает. Это не моя смена, меня вызвали, я приехал. Работники архива ничего не видели и не слышали, но Петрович и Миха... ну, сменщики, Валерий Петрович и Миша, были найдены в беспамятстве. Миша вроде бы как помер, а Петрович ничего не помнит. В общем, непонятки какие-то.

— Посторонних людей на территории не видели?

— Н-нет, никого... вроде бы...

— Помещения обыскали?

— Все здание обшарили, никого не нашли. Да и если бы кто был, его бы увидели, а так никого...

— А во дворе смотрели?

— Так там только бывший запасник стоит, запертый, в нем гараж был, теперь там всякий хлам свален.

— Ключи от двери есть?

— Как не быть? Сейчас принесу.

Охранник рысью направился к особняку.

— Пошли, посмотрим. — Сундаков повел спутников во двор здания.

Подойдя ближе, все увидели, что металлическая дверь в низкое строение выглядит как после сильного нагрева, а висячий замок и вовсе отсутствует.

Мужчины переглянулись.

— Странно... — понизил голос Северцев. — Замок здесь был, здоровенный, амбарный.

— Странно другое, — озабоченно сказал Сундаков. — Почему менты не осмотрели гараж?

Появился охранник с ключами, заметил пропажу замка, вытаращил глаза:

— Мать честная! Это еще что такое?!

— Отойдите, — посоветовал ему Сундаков, посмотрел на капитана: — Я пойду за карабином, подождите.

— Не стоит, — качнул головой Мальцев, ловко вынимая из-под полы куртки пистолет, снял с предохранителя. — Мы не на войсковой операции. Хватит и моей пушки. Входим!

Сундаков рванул дверь на себя, и они один за другим метнулись внутрь строения, готовые к рукопашному или огнестрельному контакту.

В небольшом помещении с голыми бетонными стенами, освещенном тусклой лампочкой в сетчатом колпаке, их встретили трое: крепкий парень в черной кожаной куртке и джинсах, молодой монах в черной рясе, с редкой порослью на подбородке, и девушка, сидящая на ящике из-под пива со связанными руками. Лицо у нее было бледное, измученное долгим ожиданием и неизвестностью. Северцев узнал ее сразу: это была Катя Дерюгина, невеста Дмитрия.

— Руки! — рывкнул Мальцев, направляя пистолет на кожаного амбала, в руке которого тоже появился пистолет. — Пушку на пол!

Парень не послушался, начиная поднимать ствол «вальтера».

Капитан выстрелил.

Пуля вжикнула над ухом кожаного, тот присел, бледнея, поднял одну руку над головой, второй опустил пистолет на пол.

Зато возбудился монах, на шее которого висел на толстой медной цепи необычной формы крест — миниатюрный меч. Он прокаркал какое-то заклинание, поднял суковатую палку, направляя острый конец в грудь Мальцева.

Северцев прыгнул вперед, ударил по руке монаха, и синевато-сиреневая молния, сорвавшаяся с острия посоха, с треском вонзилась в стену помещения, проделав в ней приличную выбоину с паутинкой трещин. Монах обнаружил недюжинную прыть, извернулся, ударил Олега ногой — тот уклонился, — затем рукой и посохом. Пришлось включать боевой режим и р а б о т а т ь в полную силу, чтобы не попасться на прием.

Сундаков, заслонивший собой пленницу, сделал шаг в сторону и, когда монах приблизился, рубанул его ребром ладони по шее. Он мог бы воспользоваться и электрошокером, но не стал.

— Олег! — вскрикнула Катя, подхватываясь на ноги.

Северцев поддержал ее, разрезал ножом липкую ленту, стягивающую кисти рук.

— Все в порядке, Катюша. Давно вы тут прячетесь?

— Перед обедом приехали. А меня они еще вчера задержали.

— Я в курсе. Где Дмитрий?

— Они в лифт сели. — Катя показала на железную дверь с полосами ржавчины, всхлипнула: — Диму с собой увели.

— Сколько их?

— Шесть человек. Четверо в куртках, молодой монах и главный... — Девушка передернула плечами. — Страшный такой, бешеный... Дима с ним в городище бился и здесь, в Москве...

— Евхаристий. Понятно. Чего они хотели?

— Забрать те мечи, которые мы в кургане нашли. Велели дожидаться их возвращения здесь. Вот мы и сидим.

— Милиционеры к вам не заглядывали?

— Нет.

Сундаков и Северцев обменялись понимающими взглядами.

— Магия?

— Смотря что называть магией. Но несомненно пси-воздействие. Если милиционеры и осматривали двор, гараж они не видели.

— Или им внушалось, что строение уже проверено и пустоует.

Оба посмотрели на монаха, скорчившегося на полу. Он поднял голову, сверкнул глазами, но промолчал.

Северцев повертел в руке неказистый с виду посох — самую обыкновенную, с заглаженными сучками, кривоватую палку с острым концом.

— На магический жезл эта дубинка не похожа.

— Скорее всего форма полевого оператора не имеет значения, — проворчал Сундаков. — По сути, это просто проводник энергии. Все дело в принципе его использования. Дай-ка.

Виталий взял в руку посох, осмотрел его, направил на монаха:

— Пу!

С острия палки с треском слетела розоватая искра, вонзилась в пол у ног парня.

Монашек в рясе вскрикнул, испуганно вжался в стену помещения.

Капитан Мальцев покрутил головой, хмыкнул:

— С ума сойти! Так я скоро начну верить во всякую чертовщину.

— Чертовщина так же реальна, — усмехнулся Виталий, — как и элементарные частицы, хотя ни то, ни другое невооруженным глазом не наблюдается. Итак, идем дальше?

Мальцев подошел к двери, не имеющей ни внешнего замка, ни отверстия под замок внутренний.

— Как мы ее откроем?

Северцев посмотрел на Катю:

— Как они туда вошли?

Девушка кивнула на монаха:

— Его напарник наставлял на дверь такую же палку, она и открылась.

— Попробуешь сам? — поинтересовался Северцев. — Или попросим этого служку?

Виталий с сомнением повертел в пальцах посох:

— Это не тот случай, когда сила есть — ума не надо. Чтобы снимать заклятие, надобно знать...

— Пароль?

— Слово. Я думаю, дверь имеет магическую защиту, которая должна сниматься особым приговором.

— Иди сюда! — Северцев рывком поднял монаха на ноги. — Колдуй. И не пытайся фокусничать, дольше проживешь.

Сундаков сунул монаху посох:

— Открывай.

Монах зыркнул глазами по сторонам, наткнулся на прищуренный взгляд капитана, демонстративно поигрывающего пистолетом. Лицо монашка изменилось. Он понял, что имеет дело с профессионалами, а не с любителями. Шагнул к двери, направил на нее острие посоха:

— Отямись!

Посох изрыгнул сноп синих искр, зашипело, запахло озоном. Дверь крикнула и пропала, растаяла как дым. Монах отступил в сторону. Взору присутствующих открылось внутреннее пространство кабины лифта, стены которой представляли собой густой ковер металлических иголок.

— Заходим, — шагнул в лифт Сундаков.

Северцев вырвал посох у монаха:

— Что делать с ними? С собой возьмем?

— Не стоит, — качнул головой Мальцев. — Придется отвлекаться на присмотр, потеряем свободу маневра.

— Они же сбегут.

— Черт с ними. Что важнее?

Сундаков и Северцев обменялись взглядами.

— И то верно.

Олег повернулся к парню в кожаной куртке и монаху:

— Проваливайте, чтоб и духу вашего близко не было! Спутники Евхаристия попятились, с недоверием глядя на путешественников, потом бросились к выходу из гаража, исчезли за дверью.

— Я здесь одна не останусь! — с дрожью в голосе проговорила Катя. — Пойду с вами!

Мужчины переглянулись.

— Я против, — сказал Мальцев коротко.

— Там ее муж, — с колебанием и сочувствием сказал Северцев.

— Пусть идет, — решил Сундаков.

— Это не лучшее решение.

— Ничего, она девушка смелая, — сказал Северцев, — недаром в археологи пошла. Да и зарекомендовала себя хорошо, Дима рассказывал. С оружием обращаться умеет.

Сундаков подобрал с пола пистолет, принадлежащий кожаному молодчику, подал Кате:

— Осторожнее, он заряжен. Вот предохранитель...

— Я знаю.

— Время, — напомнил капитан, не став спорить. — Если дверь закроется, мы так тут и останемся.

Один за другим они вошли в кабину странного лифта.

— Как он включается?

Северцев вспомнил манипуляции капитана Коряцкого, встал лицом к дверному проему, бросил одно слово:

— Поехали!

Дверь закрылась. Выглядело это так, будто сгустился воздух, превращаясь в плотную перегородку со щетиной колючек. Ни один звук не донесся в кабину снаружи, но у пассажиров лифта возникло ощущение движения.

Мальцев вопросительно посмотрел на Олега:

— Такое впечатление, что мы опускаемся. Как глубоко проложена шахта?

— Не поверите, — усмехнулся Северцев. — Хранилище, или Обитель мечей, находится не под Москвой и вообще не под Евразийским материком, а подо льдами Арктики.

Капитан недоверчиво пошевелил бровями, оглянувшись на Сундакова:

— Шутите?

— Вряд ли мы когда-нибудь сможем проверить это утверждение, — отозвался тот спокойно. — Лично я склонен полагать, что наша земля полна нераскрытых тайн, скрывающих более глубокий уровень объективной реальности. Если предположить, что люди, обладающие магическими способностями, все-таки существуют, а я встречал таких немало, то в остальное поверить гораздо легче.

— Я прагматик...

— Разве ты не стал свидетелем необычных событий? Разве не видел посох как магическое оружие посвященных в действии? Разве не едешь в лифте, называемом моим давним собеседником прямоступом?

— Ну-у... может быть, это гипноз...

— Вполне допускаю. Но разве гипноз такой силы не относится к явлению, граничащему с чудесами магии?

Капитан призадумался.

Лифт понесся быстрее, начал падать. Катя тихо вскрикнула, вцепившись в локоть Северцева: на короткое время в кабине наступила невесомость.

Наконец движение — каким бы ни был его принцип — замедлилось. Лифт остановился. Дверь бесшумно растаяла.

Путешественники вышли в каменный коридор, заполненный глухой тишиной, запахами сырости и сгоревшего пороха, освещенный рассеянным светом запятанных в щели светильников.

— Они были здесь! — стиснул зубы Сундаков.

— Похоже, здесь недавно стреляли, — подтвердил капитан. — Причем применяли не только стрелковое оружие, но и гранаты.

— Дверь... — прошептала Катя, показывая на проход в тупике коридора, края которого были выщерблены и сочились прозрачно-сизым дымком.

— Там Обитель! — сказал Северцев, чувствуя поднявшееся в душе волнение.

— Пошли, — двинулся вперед Мальцев, но Сундаков остановил его:

— Первым пойду я. — Он посмотрел на Катю: — Вы пойдете последней. Игорь, присмотри за ней.

Капитан бросил на девушку косой взгляд, но возражать не стал. Как человек военный и профессионал он привык подчиняться старшему по званию или командиру группы, которым в данном случае являлся Виталий.

— Вперед!

Отряд нырнул в проход, соединявший тамбур лифта с залами Обители мечей.

ЕТЬ

Удар по затылку и нежный сладкий поцелуй — только с двумя этими ощущениями можно было сравнить то, что пережил Дмитрий, потрясенный волной энергии, влившейся в него через рукоять меча.

Да, он знал, чем может закончиться контакт с черным мечом крестителя Чернаги. Еще на территории городища Костъра старый волхв, Хранитель Родового Искона, предупреждал его об опасности долгого владения мечом, загубившим множество человеческих жизней, пропитавшимся болью, гневом и ненавистью, эманациями страха и смерти. Да и перед глазами был пример Северцева, не сразу сумевшего освободиться от власти меча, подчиняющего себе — и той программе убийства, что была заложена в нем, — души слабых людей.

Но одно дело — знать об этом понаслышке, другое — испытать самому. Поэтому сопротивлялся Дмитрий темному внушению только первые мгновения, пока еще воля и желание воздать должное мерзавцам — похитителям Кати не были задавлены черной энергией меча. С криком «Умри!» он развернулся и нанес удар Евхаристию, стоящему в трех шагах от орта.

Едва ли кто из людей, даже хорошо обученных, смог бы отреагировать на этот мгновенный удар. Но монах успел!

Словно две прозрачно-стеклянные молнии столкнулись в воздухе — меч Дмитрия и Иезек, меч Евхаристия. Раздался поющий звон, посыпались искры.

Дмитрий повернул меч, сделал уклон, ударил еще раз. Звон, сноп искр!

Евхаристий действовал так же быстро и умело, показывая прекрасную выучку и знание приемов кэндо. Впрочем, еще во время первого боя на территории городища он демонстрировал великолепное владение мечом, и если бы Дмитрий в свое время не занимался фехтованием серьезно, нынешняя встреча вообще не состоялась бы.

Удар, звон, снопы искр!

Отскок, уклон, удар, звон...

Что-то обожгло плечо.

Дмитрий отпрыгнул назад, вдруг осознавая, что по нему выстрелили: плечо процарапала пуля!

— Стоп! — выдохнул Евхаристий, поднимая свой меч. — Достаточно. Я знаю, ты хороший боец, но от пули увернуться не сможешь. А тем более — от гранаты. Прислушайся к себе, и ты услышишь великую жажду высоты. Иди в мою команду, мне нужны люди с такой выучкой. Со мной ты добьешься всего, чего только может пожелать человек. Хочешь — мы будем править миром вместе? Прадед был великим человеком, но он не смог добиться цели, не смог подчинить эту землю, мы же завершим процесс, распнем на кресте всю Россию!

— Это моя родина, — глухо проговорил Дмитрий; сознание качалось и пропадало, затуманенное текущей через руку, шею и голову струей прозрачного огня — энергии меча; думать не хотелось, хотелось послушаться и действовать во имя того, кто имел право карать и милловать, кем бы он ни был.

— Твоей родиной станет весь мир! Ты будешь жить там, где захочешь!

— Это лозунг безродных... — Спорить становилось все трудней, меч в руке звал к действию.

— Чушь! Я родился во Львове, жил в Киеве, Праге, Иерусалиме, Багдаде, Гонконге, в Малайзии, на Ближнем

Востоке и везде чувствовал себя отлично! Но лишь Россия не легла под крест, не подчинилась нам... — Евхаристий осекся, но Дмитрий не заметил его оговорки.

— Крещение — тупик человечества...

— Ты не знаешь всей правды, мой милый! Иди с нами, и Он сам поведаст тебе истину!

— Кто?

— Мой бог!

— Какой?

— Какая тебе разница? Он станет и твоим богом. Ты же язычник, а значит — безбожник.

— Я не язычник... мои боги древнее твоего...

— Могу поспорить, что нет. Но не будь идиотом! — Глаза монаха сверкнули. — Твои боги бросили тебя! Навсегда! Если бы это было не так, Россия не зашла бы в тупик. Мой же бог всегда со мной! Хочешь познакомиться с ним?

— Нет...

— Тогда кончай базар и ступай за мной! Пора выбираться отсюда.

— Я все равно... не буду... твоим... слугой...

— Посмотрим. Совежливые люди в моей команде не нужны. Но я выбью эту дурь из твоей головы!

Волна гнева захлестнула сознание.

— Пошел ты! Сам лягу, но и вас отсюда живыми не выпущу!

Мечи снова взлетели над головами, встретились, порождая дивные переливы звона и снопы искр.

Евхаристий отскочил, кривя губы:

— Отличная мысль, герой. Откуда это у вас, у русских, в крови? Погибну, но не сдамся... заплачу любую цену, но не уступаю... А о девчонке ты подумал? Или тебе все равно, что с ней будет?

Вспышка ярости прошла.

— Ты... мерзавец!..

Монах ухмыльнулся:

— Еще какой! Итак, идешь? Или останешься здесь?

Дмитрий помедлил. Туманная струя пси-воздействия меча продолжала течь через голову, растворяя в себе мя-

тушуюся душу, мешая думать. Выхода не было. Судьба Кати зависела от его решения.

— Иду...

— Отлично!

Евхаристий поманил пальцем монаха-напарника:

— Возьми меч.

— Который?

Евхаристий пробежался глазами по залу, подошел к богато украшенному драгоценными камнями эфесу:

— Бери, это Котравей, меч Дурги. Он будет славным помощником нашим мечам.

Монах опасливо дотронулся посохом до столба-орта и, когда тот со стоном задымился, выдернул из него меч. Из груди его вырвался шипящий вопль:

— Ейшуу!..

Стены пещеры ответили рыдающим эхом.

ЖИВЕТЕ

Входя в зал, они заметили на полу следы крови.

— Здесь и в самом деле был бой, — нахмурился капитан Мальцев, нагибаясь и пробуя пальцем подсохшие бурые пятна. — Совсем недавно, буквально полчаса назад.

— Дима!.. — прошептала Катя, зажимая рот рукой. — Они его...

— Вовсе не обязательно, — возразил Северцев. — Это может быть кровь охранников Обители. Или самих похитителей.

— Приготовились! — сухо скомандовал Сундаков. — Пошли!

Они ворвались в зал, освещенный десятками синевато-белых сталактитов, свисающих с потолка, и остановились, пораженные открывшейся панорамой пещеры.

Она была заполнена разной величины столбиками, из которых торчали рукояти сотен мечей! Здесь было жарко. По залу бродили странные запахи, знакомые и незнакомые, и все его пространство было заполнено неслышимыми прозрачными голосами. Это «разговаривали» мечи,

лезвия которых прятались в каменных столбах, недоступные взору гостей.

— Мама родная! — вполголоса заметил капитан Мальцев, озираясь; впрочем, ошеломленным он не выглядел. — Не увидел бы своими собственными глазами — не поверил бы!

— Их здесь нет, — прошептал Северцев. — Скорее всего они в соседнем зале!

— Странно... — так же тихо отозвался Сундаков.

— Что?

— Такие объекты должны очень хорошо охраняться.

— Может, банда Евхаристия уничтожила охрану?

— Плохо верится. Что-то тут не так.

— В принципе я тоже чувствую некий подвох. Что будем делать?

— То, ради чего прибыли.

— Тихо! — приложил палец к губам капитан. — Я слышу голоса...

Все замерли, прислушиваясь к текучей тишине пещеры. Изредка откуда-то в зал долетали тихие потрескивания, шелесты и необычные дребезжащие стоны, будто стены пещеры отражали «мысли» мечей, а не человеческие голоса.

— Они в другом зале, — почти беззвучно произнес Олег. — В зале Мечей Зла и Порока. Чернобой спрятан там.

— А второй меч? Боривой?

— Здесь. — Северцев сделал несколько шагов, разглядывая рукояти мечей, ткнул пальцем в рукоять. — Предлагаю вооружиться. Если воры возьмут Чернобой, справиться с ними можно будет, только взяв в руки меч того же уровня.

— Сможешь вытащить?

— Попробую.

Северцев взялся за рукоять меча, вздрогнул. Руку свело, как от электрического разряда. Но в следующее мгновение он почувствовал такой прилив сил и бодрости, что

едва не закричал, рванул меч вверх и поднял бликующее лезвие над собой.

— Есть!

— Тише! — прижал палец к губам Сундаков. — Не стоит терять преимущество неожиданности. Здесь есть другой выход?

— Не знаю. Мы возвращались обратно этим же путем.

— Тогда нам лучше всего устроить засаду.

— Возьми меч. Вдруг они захотят взять с собой еще пару символов?

Сундаков хотел отказаться, но подумал и согласился:

— Уравновесим шансы. Какой посоветуешь?

— Да любой, какой на тебя посмотрит. Тут хранятся мечи героев, послужившие благому делу.

— Я бы взял вот тот, — Виталий со смешком указал на огромную рукоять, обмотанную простым ремешком, которая вполне могла уместить не одну или две, а целый десяток ладоней. — Но он чуток великоват.

— Это Расей, меч Святогора, по словам Хранителя. Возьми лучше Калибурн, меч Артура.

— Мне по душе русские мечи.

— В таком случае возьми меч Руслана. — Северцев показал на красивую резную рукоять, напоминающую восьмиконечный крест, украшенный рубинами. — У него изумительное имя — Сияющий.

Сундаков подошел к столбу, взялся за рукоять, напрыгнул. По жилам протек жидкий пламень возбуждения и жизнерадостного нетерпения. Меч практически мгновенно признал нового хозяина, легко прочитав его мысли и движения души. Виталий медленно, без рывка, вытащил его из камня, оглядел, вздохнул с восхищением:

— Красавец!

— Как дети, право слово, — буркнул капитан Мальцев, поджав губы. — Давайте займемся делом, они вот-вот появятся.

— Не хочешь обзавестись ножиком?

— Я не спец по фехтованию. Мой удел — стрелковое оружие.

— Как знаешь. Кажется, они уже идут! Прячемся! Катя, бегом отсюда! Ждите нас у лифта!

— Но я хочу помочь...

— Хотите помочь — слушайтесь!

Девушка шире открыла глаза, изучая лицо путешественника, ставшее жестким и чужим, затем молча повернулась и пошла к выходу из зала, ссутулив плечи. Мужчины проводили ее глазами, переглянулись. Все понимали, что она сейчас чувствует.

— Прячемся, — повторил Сундаков. — Идут!

Послышались приближающиеся голоса, и в пещеру через дальний проход, соединявший залы Обитатели, проникли шестеро людей: трое парней в кожаных куртках, два монаха с мечами в руках и Дмитрий Храбров, тоже с мечом.

ЗЕЛО

Он не помнил, с чего все началось. В таких случаях говорят: затмение нашло.

Сознание почти полностью перешло в подчинение воле меча, и лишь подсознание, опиравшееся на жизненно важные принципы — совесть, честь и справедливость, изредка вмешивалось в деятельность сознания, и тогда Дмитрий на короткие мгновения спохватывался, начинал думать, искать выход из создавшегося положения. Но потом снова «нырял» в бесплотное облако неуловимых и нереальных движений души, поддавшейся гипнозу черной силы.

Они вышли в зал с мечами, принадлежащими героям былин и мифов, где было значительно прохладнее, и в этот момент в проходе между стеной зала и скоплением столбов-ортов появился высокий небритый человек, в котором Дмитрий не сразу узнал Виталия Сундакова.

Команда Евхаристия остановилась.

Несколько секунд все молча смотрели на неожиданно возникшее препятствие.

Монах растолкал своих помощников, вышел вперед, растянул губы в хищной усмешке:

— Вот так сюрприз! Сам господин Сундаков нас встречает! Я чувствовал изменение пси-потенциалов, но считал, что это старик-волхв бродит поблизости, пытаюсь помешать. Вас я никак не рассчитывал увидеть, герр Сундаков.

— Положите мечи на место, — негромко, но тяжело, будто камни ворочал, сказал путешественник, держа руки за спиной.

— Здрасьте, я ваша тетя! — сделал шутовской реверанс Евхаристий. — Сейчас испугаюсь и брошусь выполнять приказ. Не лучше ли будет вам, господин экстремал, убраться с дороги подобру-поздорову? Обещаю, мы вас не тронем.

— Верните мечи на место! — тем же тоном повторил Сундаков и посмотрел на Дмитрия: — Дима, образумь его.

Храбров хотел ответить, что он бы рад, но снова сквозь голову пронесся сквознячок чужой воли, и Дмитрий проговорил не своим голосом:

— Уйди с дороги, учитель! Один ты ничего не делаешь.

— Вот! — поднял палец Евхаристий с одобрением. — Правильный совет. Воспользуйтесь им, пока не поздно.

Из-за толстого столба в двадцати шагах вышел еще один человек, Олег Северцев, также держа руки за спиной.

— О! — с легким удивлением проговорил Евхаристий, переставая улыбаться. — Еще один искатель приключений объявился. Вы мастера на сюрпризы, господа экстремалы. Однако у меня нет времени на светские беседы. Прочь с дороги, иначе мы пройдем через ваши трупы!

— Попробуйте, — спокойно усмехнулся Сундаков, вынося из-за спины сверкнувший меч.

Северцев сделал то же самое.

Наступила короткая звонкая тишина.

Глаза Евхаристия сверкнули, губы снова растянулись в пренебрежительной и зловещей одновременно улыбке:

— Великолепно! Само провидение дает нам возможность протестировать мечи. Что ж, господа, вы сами

этого захотели. Дмитрий, Кифа, уберите этих дураков с дороги! Вперед!

Дмитрий хотел возразить, бросить меч, но вместо этого поднял лезвие меча над головой, крикнул «Ура!» и бросился на Северцева. Глаза застлала красная пелена ярости...

Реальный бой на мечах — когда сражаются мастера фехтования — далек от зрелищности киношного и спортивного. Профессионалы не делают лишних движений, выпадов и хакающих ударов, способных развалить соперника надвое. Схватка мастеров больше напоминает странный танец намерений, в котором мечи если и встречаются, то редко, хотя при этом реально угрожают противнику каждым поворотом клинка и острия. Слегка такой бой напоминает поединок шпажистов: обманные движения, уклоны, шажок вперед, шажок назад, влево-вправо, и укол! Но лишь слегка. Меч тяжелее, не изгибается, как шпага, и гораздо опаснее. Поэтому реальная схватка на мечах менее зрелищна, хотя не менее смертельна. И длится недолго, не больше минуты, а то и укладывается в несколько секунд.

Монах, помощник Евхаристия, был неплохо обучен фехтованию на мечах, но профессионалом все же не был. Поэтому, наскочив на Сундакова, он не смог выстоять и десяти секунд. Сияющий — меч Руслана-витязя — лишь однажды коснулся плеча монаха, а когда тот вскрикнул и опустил руку, Виталий одним ударом выбил у него меч. Сверкнув драгоценным эфесом, Котравей, меч супруги индийского бога Шивы, улетел к центру зала.

— Отлично! — цокнул языком Евхаристий. — Вы прекрасный фехтовальщик, Сундаков! Тем приятнее будет вас убить! Попробуйте-ка справиться с Иезеком!

Он медленно приблизился к Виталию и вытянул вперед вдруг удлинившееся на полметра лезвие меча...

Дмитрий в это время сражался с Северцевым.

Силы обоих и знание приемов боя были примерно равны, поэтому все решала сила мечей. Но и здесь сложилось некое зыбкое равновесие. Чернобой, меч Чернаги-крестителя, не мог победить Боривой, меч Боривоя-витязя, и

бой друзей затянулся. Клинки встречались нечасто, высекая искры, и при каждом столкновении мечи покрывались сеточкой молний: Чернобой — фиолетово-голубых, Сияющий — серебристых — и становились почти прозрачными.

Наконец Дмитрий, не принадлежащий себе, подпитываемый энергией черного меча, стал теснить Северцева. Острие меча вспороло куртку Олега на боку, затем оцарапало бедро. Еще два замаха, удар и...

— Дима! — взлетел под купол зала девичий крик. — Остановись!

Дмитрий замер, оглядываясь.

В проходе появилась Катя, бледная, с огромными потемневшими глазами, с пистолетом в опущенной руке.

— Прекрати!

Северцев, упавший на колено, оперся на меч, переводя дух.

— Убейте их! — взревел Евхаристий, отпрыгивая назад: он с трудом парировал удар, который вполне мог снести ему голову.

Не принимавшие участия в схватке парни в кожаных опомнились, открыли заполошный огонь из пистолетов, промахиваясь при каждом выстреле. И в это время сбоку от них возник капитан Мальцев. Он не сказал ни слова, он просто выстрелил трижды.

Стрельба прекратилась. Все трое кожаных подельников монаха получили по девятимиллиметровой пуле — кто в голову, кто в шею — и, выронив оружие, легли на пол пещеры, чтобы уже не встать. Капитан знал свое дело и стрелял наверняка.

В зале стало непривычно тихо, все действующие лица замерли.

Затем Евхаристий опомнился, посмотрел на Храброва, вытянул вперед меч, лезвие которого то удлинялось на полметра-метр, то укорачивалось, напоминая язык прозрачно-льדיстого пламени.

— Убей врага!

Дмитрий вздрогнул, поднял меч.

— Нет! — вскрикнула Катя, судорожно надавила на курок и выстрелила.

Пуля попала в лезвие меча Храброва, с жужжанием срикошетировала. Девушка отбросила пистолет, шагнула вперед, закрывая Северцева телом.

Дмитрий на мгновение прозрел. Весь мир ему заслонили глаза невесты, в которых плавилась боль и гнев, вера и надежда.

Меч в руке зашипел, требуя жертвы.

— Нет! — выдохнул Дмитрий, отшвыривая меч, и упал на колени, словно из него вынули некий стержень, поддерживающий физические силы организма.

Евхаристий зарычал, бросился на Сундакова.

Несколько секунд они кружили вокруг столба-орта, делая ложные выпады. Клинки скрестились — раз, другой, третий...

Северцев с трудом встал, глубоко вздохнул, пытаясь войти в боевой режим. Волоча ноги, направился к поединщикам.

Евхаристий оглянулся, скалясь, отскочил:

— Двое на одного? Это не по правилам!

— Брось меч! — хрипло выговорил Олег. — Мы тебя отпустим, обещаю.

— К черту ваши обещания!

Монах стремительно атаковал Виталия, заставив его отступить, и... метнулся в конец пещеры, нырнул в проход, ведущий в зал с Мечами Зла и Порока.

— Мы еще встретимся, скоты! — донесся его удаляющийся голос. Что-то звякнуло, и наступила тишина.

Друзья переглянулись.

— Надо его обезоружить, — сказал Северцев.

— Я схожу, посмотрю, — предложил капитан Мальцев, быстро направился к проходу и исчез.

Катя опустилась на колени рядом с Дмитрием, обняла его, заплакала:

— Прости, я чуть тебя не убила...

Он зашевелился, обнял девушку одной рукой, притянул к себе:

— Ты спасла меня...

Появился капитан, держа в руке Иезек — не за рукоять, а за лезвие. Проговорил с удовлетворением:

— Он его бросил.

— А сам где?

— Не знаю, но там его нет.

Сундаков опустил свой сверкающий меч, посмотрел на Северцева:

— Значит, второй выход все-таки существует.

Олег пожал плечами, но ответить не успел. В зале появился человек, высокий седой старик в белых одеждах, кое-где в дырах и прорехах от осколков гранат.

— Хранитель...

— Здрaвы будьте, витязи, — произнес старик глубоким баритоном, поманил пальцем капитана: — Верни Пожиратель Душ и остальные символы на место.

Мальцев поклонился, ни капли не удивившись гостю, нашел Котравей, подобрал Боривой и унес мечи в соседний зал. Оттуда прилетел гулкий треск, затем еще два стука потише, стены пещеры содрогнулись. Через полминуты капитан вышел обратно, отряхивая руки, снова поклонился старому волхву. Тот кивнул. Мальцев повернулся к путешественникам лицом, дернул щекой. И лицо его вдруг изменилось.

— Капитан Коряцкий?! — пробормотал Северцев. — Не может быть!

Сундаков тоже смотрел на приятеля с удивлением, но ошеломленным не выглядел. Он уже начал понимать, в чем дело.

— Вот, значит, как. Я еще в конторе почувствовал... ты выходил... а вернулся каким-то странным...

— Пришлось готовиться в спешном порядке, — ухмыльнулся капитан, пряча пистолет. — Натягивать на себя личину Мальцева, превращаться в лицедея. Мы предполагали, что готовится нападение на Обитель, но не знали, кто и как нанесет удар.

— А Игорь Мальцев...

— Ваш приятель работает в обычном режиме и ни о чем не догадывается.

— Значит, вы...

— Вершитель Службы контроля ведической истории к вашим услугам. — Капитан щелкнул каблуками.

— Понятно. И тех бедолаг снаружи — монаха и мордоворота в коже — вы не отпускали на самом деле...

— Естественно, их ждали мои люди.

— А Евхаристий? Неужели он ушел?

— Он искусник, — проговорил старик-волхв. — Если бы сражение — песнь мечей — произошло на открытом воздухе, вне стен Обители, вы скорее всего погибли бы. Потомок Чернаги знает боевое слово. Поэтому мы и позволили ему проникнуть в Обитель, где его сила почти не действует. Победить его можно, но вам придется долго этому учиться. Если захотите.

— Почему он оставил меч?

— Потому что мечи связаны с Обителью особым наговором. Чтобы этот наговор снять, нужно его знать. С Иезеком Евхаристий не смог бы выйти за пределы Обители.

— Значит, мы зря беспокоились, зря затеяли эту драку?

— Нет, не зря.

— И все же нас... использовали? — тихо сказал Дмитрий, с трудом поднимаясь с колен.

Все оглянулись на него.

— Это было Испытание, — сказал Хранитель мягко. — Но не мы его готовили. Враги нанесли упреждающий удар — захватили девушку и заставили вас на какое-то время служить им. Вы оказались на острие их замысла. Но благодарение богам — вы справились. — Он поклонился.

Дмитрий покраснел:

— Я... не справился... меч был... сильнее меня...

— И все же ты почти одолел его. Если бы он подчинил твою душу, ты не пощадил бы никого. Так что не казись. Тебе досталась самая тяжелая ноша, однако ты преодолел

себя. Долгой тебе жизни, витязь. — Хранитель поклонился еще раз, прищурился: — На свадьбу позовешь?

Дмитрий растерянно посмотрел на Катю, на волхва:

— Да, конечно...

— Тогда еще встретимся.

Хранитель мечей кивнул и исчез.

Мужчины посмотрели друг на друга, перевели взгляды на капитана Коряцкого.

— И все же ваше Испытание... — начал Северцев хмуро.

Сундаков остановил его жестом:

— У нас был выбор?

— Разумеется, — кивнул капитан спокойно. — Вы могли бы и не рисковать, попытаться найти меня, предупредить и ждать, что выйдет.

— И все же вам надо было сразу все объяснить...

Капитан Коряцкий поиграл бровью, разглядывая смурные лица путешественников.

— Мы и так открылись вам слишком рано. Вы еще не научились решать проблемы до их возникновения. Надеюсь, научитесь. Пойдемте, я провожу вас.

— Мечи... — спохватился Сундаков.

— Замкните их.

Северцев посмотрел на лезвие своего меча, провел по нему пальцем, заметил взгляд капитана и подошел к столбику. Примерился, одним движением вогнал меч в середину столба. Столбик-орт окутался сеточкой молний, вверх поднялась струйка дыма.

— Задатки у вас есть, — усмехнулся Коряцкий. — Не каждому дано вставлять мечи в замковые орты, ведь это не простые камни, какими они кажутся, а заговоренные.

Сундаков молча нашел пустой столб, одним ударом вонзил меч Руслана по самую рукоять. Вспыхнули и погасли красивые змейки молний. Виталий задумчиво постоял у столба, посмотрел на Северцева:

— Не предполагал, что мне когда-нибудь понадобятся навыки мечебоя.

— Я тоже, — криво усмехнулся Олег. — Как там говорится у классика? Не уверен — не бери в руки меч?

— Нечто вроде: не вытаскивай меч из ножен всуе.

— Идемте, экстремалы, — поторопил их капитан Коряцкий.

Они зашагали к выходу, делая вид, что не замечают Дмитрия, но вдруг остановились, ударили ладонь о ладонь и вернулись к стоявшей без движения паре. Обняли Дмитрия и Катю за плечи. Молча. И так стояли несколько мгновений, объединив мысли и чувства, желания и души, веря в себя и в то, что жизнь имеет смысл.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5

ПОЛОСА ПРЕПЯТСТВИЙ

<i>Вагим Панов. АТТРАКЦИОН БЕЗНАДЕГА</i>	9
<i>Леонид Кудрявцев. ОДИН ДЕНЬ ФАРМЕРА</i>	96
<i>Андрей Балабуха. СПАСТИ СПАСИТЕЛЯ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИЗМАИЛА</i>	141
<i>Игорь Вереснев. ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ</i>	165
<i>Виктор Точинов. МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ</i>	191
<i>Сергей Лукьяненко. КОНТАКТ</i>	223
<i>Юрий Иванович. МЫ — ВОИНЫ</i>	238
<i>Геннадий Прашкевич. ТАЙНА ЛЕДНИКА БИРУН</i>	244
<i>Олег Дивов. КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ</i> ...	261
<i>Борис Долинго. ПОКА Я ПОМНЮ</i>	302
<i>Анатолий Шалин. ЭФФЕКТ ВАСИЛИСКА, ИЛИ ДИКТАТУРА СОВЕСТИ</i>	359

КЛАССИКА ЖАНРА

<i>Артур Порджес. ПОГОНЯ</i>	417
<i>Вячеслав Назаров. ИГРА ДЛЯ СМЕРТНЫХ</i>	433

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Василий Головачев. НЕ БЕРИТЕ В РУКИ МЕЧ</i>	619

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Ответственный редактор *И. Минаков*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *М. Маврина*
Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.07.2015. Формат 84х108¹/₃₂.
Гарнитура «Baltica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 4000 экз. Заказ 1133.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-699-80939-4

9 785699 809394 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ВСЁ самое
интересное
О ФАНТАСТИКЕ
И МИСТИКЕ
в группе:

http://vk.com/m_y_f

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Время Света изуродовало Землю, превратило цветущие поля в Зандр, города в вулканы, а горы – в моря. Дороги исчезли... Все дороги: и асфальтовые, и грунтовые, и железные, и магнитные, и даже многие тропы... Несколько месяцев люди, предоставленные сами себе, выживали как могли, но потом появились первые торговые караваны, которые вскоре стали называть броневыми. Ведь они были защищены от любых неприятностей, плохих дорог, злых людей и не менее злых животных. И караваны дали надежду...

В мезозойскую эру Землю посетил корабль инопланетян, которые случайно оставили в труднодоступном районе Скалистых гор робота. Согласно программе робот нацелен на сбор образцов весом от ста сорока пяти до ста семидесяти пяти фунтов... Молодой и амбициозный британский математик устраивается в заштатный американский институт, имеющий сомнительную репутацию среди ученых. Цель англичанина — стать правой рукой директора института Кларка, которого он считает новым Эйнштейном...

Сергей Лукьяненко, Вадим Панов, Олег Дивов, Василий Головачёв и другие суперзвезды отечественной и зарубежной фантастики в сборнике остросюжетных повестей и рассказов!

ISBN 978-5-699-80939-4

9 785699 809394 >

КРАСНАЯ МАШИНА, ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО • ВАДИМ ПАНОВ • ОЛЕГ
ДИВОВ • ЮРИЙ ИВАНОВИЧ • ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ • АНДРЕЙ БАЛАБУХА
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ